

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЙ

О. В. Сидоренко

**Историография IX-нач. XX вв.
Отечественной истории
(учебное пособие)**

© Издательство Дальневосточного университета 2004

ВЛАДИВОСТОК
2004 г.

Содержание

Предисловие	3
Модуль 1. Формирование и развитие исторических знаний в IX-XVII вв.	4
Лекция 1	4
1.1. Предмет, задачи, основные принципы историографии	4
1.2. Этапы становления и развития древнерусской историографии, исторические знания периода образования централизованного государства (IX-XV вв.)	10
Лекция 2	27
1.3. Русская историография XVI-XVII вв., особенности её развития	27
Модуль 2. Становление и развитие профессиональной исторической науки в России (XVIII в.)	41
Лекция 1	41
2.1. Петровские реформы, их влияние на формирование исторической науки	41
2.2. Первые исторические работы начала XVIII в.	43
2.3. Исторические труды В.Н. Татищева	50
Лекция 2	58
2.4. Историография второй четверти и середины XVIII в. (немецкие ученые, историки на русской службе). М.В. Ломоносов	58
2.5. Просветительская историография во второй половине XVIII века	72
Лекция 3	89
2.6. Н.М. Карамзин «История государства Российского», место и значение работы Н.М. Карамзина в исторической науке	89
Модуль 3. Историческая наука в 20-90 годы XIX века	103
Лекция 1	103
3.1. Критическое направление в отечественной историографии 20-40 гг. XIX века	103
3.2. Исторические взгляды М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова	119
3.3. Исторические взгляды славянофилов	130
Лекция 2	142
3.4. Становление и развитие государственной школы	142
3.5. С.М. Соловьёв, «История России с древнейших времен»	156
Лекция 3	169
3.6. Исторические взгляды А.И. Герцина, Н.Г. Чернышевского, А.П. Щапова	169
3.7. Народническая историография	191
Лекция 4	207
3.8. В.О. Ключевский	207
3.9. Исторические взгляды П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова	224
Модуль 4. Особенности развития исторической науки в к. XIX — нач. XX вв.	252
Лекция 1	252
4.1. Марксистская концепция истории России	252
4.2. Основные тенденции в развитии историографии 1860-1910 г.	265
Лекция 2	273
4.3. Исторические взгляды Н.П. Павлова-Сильванского	273
4.4. А.С. Лаппо-Данилевский «Методология истории»	278
4.5. Историческая концепция М.Н. Покровского. Н.А. Рожков	287
Литература	290
Глоссарий	291

Предисловие

Дорогие друзья! Перед Вами учебное пособие по историографии отечественной истории. В широком смысле слова — это история исторической науки с момента её зарождения до революционных потрясений 1917 года.

Как возникла историческая наука, какие факторы влияли на её формирование, каким образом шла эволюция методологии истории, анализ творчества выдающихся российских историков — вот тот круг основных проблем, который мы затрагиваем в данной работе с целью оказать вам помощь при подготовке к экзаменам, формировании вас как высококвалифицированных специалистов — историков.

В предлагаемом учебном пособии содержатся основные тенденции развития российской исторической науки, особенности формирования теоретико-методологических взглядов крупнейших исследователей прошлого, анализ содержания их работ.

Компьютерное учебное пособие построено в соответствии с принципами исторической науки, с учетом основных работ исследовательского, учебно-методологического характера по исторической науке.

Структура пособия состоит из четырех модулей, содержащих текстовое изложение материала. В работу включен обширный справочный материал, позволяющий студентам расширить свои познания.

Для понимания теоретико-методологических проблем исторической науки, получения более полных подходов ученых — историков к событиям прошлого в учебном пособии существует глоссарий, содержащий термины и понятия, относящиеся к историографии России.

Каждый из четырех модулей содержит тестер — тренажер. Все они направлены на закрепление материала, активизацию самостоятельной работы с текстом пособия, справочным материалом и оценку знаний.

При подготовке учебного пособия автор использовал работы современных российских ученых по истории исторической науки, справочную литературу.

Представленное учебное пособие, по понятным причинам (ограничение объема, огромное количество материала), не претендует на полное исчерпывающее освещение проблем становления и развития исторической науки, поэтому в дальнейшем возможны изменения в содержательной части и структуре работы.

Модуль 1. Формирование и развитие исторических знаний в IX-XVII вв.

Лекция 1

1.1. Предмет, задачи, основные принципы историографии

Слово «историография» происходит от древнегреческого — «история» — исследование прошлого и «графо» — пишу. Понятие «историография» не однозначно. Таким термином часто называют историческую литературу по какому-либо вопросу, проблеме, периоду (например, историография Великой отечественной войны, историография дворцовых переворотов XVIII в. и т.д.), имея в виду библиографию и анализ, критический разбор литературы.

Иногда слово «историография» рассматривается как синоним исторической литературы. Исходя из подобного понимания авторов исторических работ в прошлом называли историографами. В Российской империи было звание придворного историографа, которое получали ученые, занимающиеся написанием официальной истории страны. Русскими историографами были Г.Ф. Миллер (1748 г.), в 1767 г. — М.М. Щербатов, в 1803 г. Н.М. Карамзин. Придворные историографы получали жалование и имели доступ в архивы. До начала XX века под историографией понимался сам процесс составления исторических работ.

Понятие «история исторической науки» утверждается только в начале XX века. С момента зарождения исторической науки слово «историография» служило её синонимом. Российская историческая наука возникла в XVIII в., до этого времени идет сложный длительный процесс накопления исторических знаний, благодаря появлению письменности и возможности фиксации событий в рамках летописной традиции (простое воспроизводство фактов). Летописцы не понимали движущих сил общественного развития, объясняя факты с позиций провиденциализма (воля бога — главный двигатель истории). С течением времени события пытаются объяснить психологией людей, участников событий, как правило облеченных властью (князя, царя, императора).

Под влиянием европейских революций XVI-XVII вв. история рассматривается как рациональный, прагматический процесс, обусловленный разумом и целями человека. Появление подобных представлений в России наиболее ярко проявляются в царствование Петра I, где кроме того, время петровских реформ порождает и первые опыты объяснения исторических событий первой четверти XVIII в. В работах А.И. Манкиева («Ядро Российской истории»), П.П. Шафирова («Северная война»), Ф. Прокоповича («История императора Петра Великого ...») и др.

По мере становления и развития профессиональной исторической науки происходит сужение термина «историография». Возникает необходимость обобщения опыта, составления научной библиографии, жизнеописания историков. Первый курс по историографии, как предмету, изучающему историческую мысль, читался в России в 40-е годы XIX в. в Казанском университете (профессор Иванов). Вслед за ним профессор Лошняков читал курс «Очерки русской историографии» в Киевском университете в 40-50 гг. XIX в., уделяя особое внимание русской летописной традиции, отмечая особую роль немецких ученых — историков в становлении профессиональной исторической науки в России.

Определенные сложности вызвало определение предмета истории исторической науки. Одно время она понималась как сумма биографий отдельных историков с перечнем их трудов. Подобный подход нашел отражение в названиях первых историографических исследований. Работа выдающегося историка С.М. Соловьева называлась «Писатели русской истории XVIII в.». Сборник статей о русских историках известного специалиста XIX в. по

русскому летописанию К.Н. Бестужева-Рюмина — «Биографии и характеристики». Однако постепенно меняется взгляд на предмет исторической науки. Уже в работе М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884 г.), написанной с позиции славянофильства, историография рассматривается как процесс развития исторической мысли, как часть самосознания народа, выразившаяся в «научной обработке сознания прошлого». М.О. Коялович считал основателем русской истории В.Н. Татищева, критиковал К.Н. Бестужева-Рюмина за подмену анализа исторической мысли простым перечислением фамилий историков и их трудов. Коялович же требовал от истории науки обнаружения преемственности и связи явлений. Поиски же объективной истины в историографии бессмысленны, так как историки субъективны и пристрастны в своих построениях.

Позиции Бестужева-Рюмина поддерживал В.С. Иконников. В своей работе «Опыт русской историографии» он изложил историю, открытия и введения в научный оборот различных источников, уделил много места описанию архивов, становлению археографии, работе университетов, отказавшись от выявления направлений в исторической науке и анализа закономерности её развития. Критическое изучение источников и литературы в их постепенном развитии — вот основная задача историографии по Иконникову, т.е. он смешивал в понятии «историография» и вопросы источниковедения, и проблемы теории исторической науки, археографии.

В поддержку М.О. Кояловича выступили П.Н. Милюков, В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский. Главным для истории исторической науки они считали изучение смены исторических концепций. Так П.Н. Милюков в своей известной работе «Главные течения русской исторической мысли» (1913 г.) выступает против включения в предмет историографии процесс расширения фактической базы исторических исследований, организационных форм науки.

А.С. Лаппо-Данилевский в своих работах подменял историографию методологией (теорией исторической науки), фактически историей философских идей. В целом, в дореволюционной исторической науке не было единого подхода к пониманию предмета историографии.

В первые года становления развития советской исторической науки многое из дореволюционного наследия было утрачено. Школа М.Н. Покровского, с основным тезисом «история — политика, опрокинутая в прошлое», подменила исследование науки классовой полемикой. Процесс развития исторической науки — цель антагонизмов. Важным этапом в определении предмета историографии стал учебник Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941 г.), где автор утверждает, что историография — это история исторической науки, её задача показать историю развития исторической науки в связи с общим развитием общественной и научной мысли, но подобные взгляда не получили тогда поддержки.

В 1955 г. выходят академические «Очерки истории исторической науки в СССР», где отмечалось что историография — это наука, изучающая историю накопления знаний о развитии человеческого общества, историю совершенствования методов исторического исследования, историю борьбы различных течений в области истолкования общественных явлений. Это сближало историографию с историей общественной мысли. Анализ научных концепций подменялся в «Очерках» анализом общественно-исторических взглядов исследователей. Основное внимание авторы «Очерков» уделили изучению исторических взглядов представителей революционного движения. В учебнике «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (вышло два издания: в 1961 г. и 1971 г.) под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева под предметом историографии понималось установление классовой сущности исторических теорий. Борьба исторических направлений (дворянского, буржуазного, марксистского и др.) преподносилась как история победы марксистско-ленинской науки над буржуазной. Особый акцент в учебнике делали на изучение революционного направления. Фактически

исключены из предмета исторической науки оказался анализ процесса накопления исторических фактов.

В начале 60-х годов на страницах журнала «История СССР» развернулась дискуссия о периодизации советской исторической науки, предмете историографии. В ходе обсуждения ряд ученых выступили за расширение предмета историографии: А.Л. Шапиро выступил за включение в предмет истории исторической науки процесса внедрения исторических знаний в жизнь. Его поддержал С.О. Шмидт, предложивший понимать под историографией не только историю изучения исторического процесса, но и историю проникновения знаний о развитии человечества и общества, интерес общества к историческим знаниям, степень их распространения для оценки уровня развития исторической науки.

В 1962-1963 г. была проведена дискуссия, организованная журналом «Вопросы истории», в ходе которой ряд историков выдвигают свои идеи понимания предмета историографии. А.М. Сахаров определил предмет истории исторической науки, как объективный процесс развития знаний о прошлом, обусловленный всем общественно-экономическим развитием. Его поддержала академик М.В. Нечкина, предложившая включить в предмет историографии изучение не только историю изучения собственной страны, но и всемирной истории, а также историю специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Поддерживавший А.М. Сахарова и М.В. Нечкину, Е.Н. Городецкий включил в предмет историографии изучение организационных форм функционирования исторической науки на различных этапах её развития, эволюцию системы научных учреждений и исторической периодики, состояние и изменение в пропаганде исторических знаний, а также политику государства и различных общественных сил в области исторической науки.

Таким образом, в 50-60-е г. XX в. Оформилось несколько подходов к определению предмета историографии.

1. Историография — это история исторической мысли, сближая это определение предмета истории исторической науки с историей философии, социологии, общественной мысли.
2. Расширение понятия предмета историографии (А.Л. Шапиро, С.О. Шмидт, Л.В. Черепнин) вплоть до распространения исторических знаний в обществе и отражения прошлого в произведениях литературы и искусства, т.е. историография — история исторических знаний.
3. Историография — история исторической науки (А.М. Сахаров, М.В. Нечкина, Е.Н. Городецкий и др.).

Гносеологической основой такого разброса в определении предмета историографии является многообразие форм познания прошлого. Как подчеркивает А.В. Клименко, оно может происходить:

1. в форме философских теорий, социологических схем;
2. путем создания художественных образов в литературе, искусстве, формах устного предания, воспоминаниях, публицистических выступлениях (основа — исторические факты);
3. с помощью научных исследований, основанных на критическом подходе к историческим источникам.

Большинство современных исследователей в вопросе об определении предмета историографии разделяют точку зрения А.М. Сахарова. Под историей исторической науки они понимают процесс развития исторической науки и всех её подсистем, а под историографией — науку, изучающую этот процесс. Таким образом, в широком смысле историографией называют специальную историческую дисциплину, которая изучает сложный, многогранный и противоречивый процесс развития исторической науки и его закономерности.

Необходимо учитывать многозначность употребления термина «историография». Академик И.Д. Ковальченко в монографии «Методы исторического исследования» отметил основные варианты использования этого понятия:

1. историография как совокупность научных трудов о какой либо проблеме или периоде, общественно-исторического развития (историография народничества и т.д.). В этом случае под историографией понимается вся историческая литература, созданная по данному вопросу на протяжении времени его научного изучения;
2. историография как совокупность исторических трудов, созданных в ту или иную эпоху, на том или ином этапе исторической науки безотносительно к их тематическому содержанию (историографии советского общества);
3. историография как работы по истории исторической науки.

К спорным вопросам в определении предмета историографии относится проблема включения в него исторических взглядов деятелей культуры, философов, социологов, общественных деятелей.

Время и причины возникновения историографии

Историография как специальная историческая дисциплина выделилась из исторической науки относительно недавно. Большинство историков разделяют концепцию Н.Л. Рубинштейна и Р.А. Киреевой, что историческое мышление развивалось постепенно и в древности, средние века просто воспроизводило факты. Не было ни критики источников, ни системы методов исследования.

Начало разработки историографических проблем в России относится к 20-30-м годам XIX в. (скептическая школа М.Т. Каченовского) и связано с критическим осмыслением труда Н.М. Карамзина («История государства Российского»).

Однако самостоятельной дисциплиной историография становится лишь в середине XIX в., когда государственная школа стала применять историографическое знание для борьбы с консервативно — дворянским течением. Историки либерального направления нуждались в критическом пересмотре прежних концепций. Первые шаги историография как особая историческая дисциплина сделала в качестве учебного курса: все историографические исследования выростали из лекционных курсов.

Существует гипотеза И.И. Колесник. Критериями определения времени выделения историографии как самостоятельной научной дисциплины, по мнению исследователя, являются:

1. достижения в области теории и методологии исторических исследований;
2. формирование центров по разработке историко-научных проблем;
3. появление кадров историков, профессионально занимающихся изучением прошлого своей науки;
4. создание научных исследований по истории исторической науки;
5. формирование особой научной лексики.

По мнению И.И. Колесник, зарождение историографических идей происходит одновременно с появлением исторических знаний и представляет собой внутреннюю рефлексию авторов исторических сочинений, но научные воззрения начинаются с Н.М. Карамзина, а в 20-30-е годы XIX в. историографические знания начинают приобретать научную форму (школа М.Т. Каченовского). Однако до революции 1917 г. историография не стала специальной исторической дисциплиной, а осталась лишь отдельной областью изучения.

Задачи историографии как специальной исторической науки

1. изучение закономерности смены и утверждения исторических концепций и их анализ;
2. анализ теоретико-методологических принципов различных направлений в исторической науке и выяснение закономерностей их смены и борьбы;
3. исследование процесса накопления фактических знаний о человеческом обществе, введения в научный оборот источников;
4. изучение процесса изменения и совершенствования методов и приемов источниковедческого анализа;

5. анализ закономерностей изменения проблематики исторических исследований;
6. изучение исторических научных учреждений, системы подготовки кадров историков;
7. распространение исторических знаний, состояние научной и научно-популярной периодической печати;
8. исследование международных связей отечественной исторической науки, воздействие философии, истории Запада на российских ученых;
9. изучение объективных условий развития исторической науки (особенно политики правительства).

Решение этих задач, по мнению ведущих российских историков, приблизит нас к адекватным представлениям об уровне, направленности и особенностях развития исторической науки.

Принципы и методы историографии

В основе историографического познания лежат мировоззренческие принципы, объединяющие историографию с другими историческими науками. Важнейшим принципом для историка исторической науки является принцип историзма, суть которого заключается в том, что любое историографическое явление (концепция ученого, позиция направления, школы) должно рассматриваться в развитии в связи с обусловившими его факторами. Впервые принцип историзма в российской исторической науке успешно применил крупнейший историк XIX в. С.М. Соловьев.

При анализе историко-научного факта необходимо прежде всего учитывать достигнутый уровень развития исторической науки, объективные возможности для научного творчества, состояние исследований в смежных областях знаний и др.

Современные российские историки выдвигают принцип целостности, который ориентирует исследователя не на необходимость подходить к изучению каждого периода или направления в истории исторической науки как в системе взаимосвязанных элементов исторического знания и причин, определяющих их изменения. Так изучение исторических взглядов любого ученого предполагает анализ концепций исследователя, проблематики его трудов, состояние источниковой базы, методов и приёмов источниковедческой критики т.д. Все эти компоненты связывает воедино методология исторического познания. Именно она выступает в качестве ведущего элемента исторических взглядов ученого.

Историки исторической науки руководствуются принципом целостного подхода, особо выделяя те идеи положения и явления в прошлом, которые имеют значение для современных исследователей.

Долгое время ведущим принципом историографии (как и всех гуманитарных наук) был принцип партийности, предполагавших выяснение классовой позиции историка и под этим углом рассматривать его концепцию, научных взглядов. До недавнего времени лишь марксистско-ленинская партийность отождествлялась с научностью. В то же время необходимо отметить, что забвение этого принципа не оправданно, так как на историческое творчество влияют общественно-политические взгляды ученого (например, работы П.Н. Милюкова). Важно не воспринимать эти требования механически, не пытаться свести взгляды исследователя к классовым позициям, его социальному происхождению.

Методы историографического познания

В современной историографической науке под методами понимается совокупность мыслительных приемов или способов изучения прошлого исторической науки. Выделяют следующие методы историографического познания:

1. сравнительно-исторический метод, позволяющий проводить необходимые сравнения различных исторических концепций с целью выявления их общих черт, особенностей, самобытности и степени заимствования;

2. хронологический метод, направляющий на анализ движения научной мысли, смену концепций, взглядов и идей в хронологической последовательности, что позволяет вскрыть закономерности накопления и углубления историографических знаний;
3. проблемно-хронологический метод, позволяющий расчленив широкие темы на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Некоторые ученые (например, А.И. Зевелев) считают хронологический и проблемно-хронологический методы приемами изложения материала, а не исследования прошлого;
4. метод периодизации, направленный на выделение отдельных этапов в развитии исторической науки с целью обнаружения ведущих направлений научной мысли, выявления новых элементов в её структуре;
5. метод ретроспективного (возвратного) анализа, позволяющий изучить процесс движения мысли историков от современности к прошлому с целью выявления элементов старого, сохранившего знания, проверить выводы прежних исследователей данными сегодняшнего дня;
6. метод перспективного анализа, определяющий перспективные направления, темы, проблемы будущего науки на основе достижения современной историографии.

Историографический факт, историографический источник

В основе современных представлений об историографическом факте, историографическом источнике лежат взгляды известного российского историка А.М. Сахарова, суть которых в следующем.

Главным историографическим фактом А.М. Сахаров считал концепцию ученого, которая может быть выражена не в одной, а в нескольких работах. Содержание концепции и её воплощение не всегда совпадают (влияние политики, настроения научного общества и т.д.). Историографическим источником А.М. Сахаров считал труды историков в особой форме (монографии, статьи, заметки, выступления, тезисы, черновики и т.д.). Кроме того, к историографическим источникам относят документацию научно-исследовательских организаций (протоколы съездов, конференций, круглых столов историков стенограммы дискуссии т.д.).

Особый вид историографических источников представляют рецензии на исторические исследования, которые не только не отражают процесс утверждения концепции в науке, но и отражают гипотезы и позитивные решения.

Таким образом, историография является важной частью исторического знания для формирования и развития профессионального историка, позволяющей дополнить знания по истории общественно-политической мысли, расширить представления о закономерностях научного познания, систематизирует знания обо всем историческом процессе, позволяет понять его во всем многообразии.

Важной стороной прикладного значения историографии является использование полученных при её изучении знаний для написания исследовательских работ, в которых должен быть самостоятельный историографический образ. Задачами такого образа являются:

1. подведение итогов предшествующего изучения объекта исследования (выделение этапов, направлений в изучении данной темы, раскрытие методологических подходов, анализ источниковой базы предыдущих исследователей, оценка их труда);
2. выявление на этой основе тех аспектов исторической реальности, которые либо совсем не изучены, либо недостаточно;
3. определение исследовательских задач.

Литература

- Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии: (До конца XIX в.). Харьков 1965.
Барг М.А. Категории и методы историографической науки М., 1984.
Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. М., 1997.

- Городецкий Е.Н.* Историография как специальная отрасль исторической науки. //История СССР. 1974 г. №4.
- Дьяков В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.
- Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987.
- Иванов В.В.* Методология исторической науки. М., 1985.
- Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции: Учебник /Под ред. *В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева.* М., 1971.
- Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 М., 1983.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Колесник И.И.* Развитие историографической мысли в России в XVIII- первой половине XIX в. Днепропетровск, 1990.
- Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.
- Методическая разработка к курсу «Историография российской истории» / Сост. *А.Е. Шикло.* М., 1993.
- Милуков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Спб., 1913.
- Мирзоев В.Г.* Историография и её роль в прогрессе исторической науки // Вопросы историографии и культуры и общественных движений. Ростов — на — Дону, 1979.
- Мозильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.
- Нечкина Н.В.* История истории // История и историки. М., 1965.
- Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955 Т.1.
- Покровский Н.Н.* Классовая борьба и русская историческая литература. М., 1923
- Покровский Н.Н.* Историческая наука и борьба классов: (Историографические очерки, критические статьи и заметки).М., Л., 1993
- Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941
- Самарина Н.Г.* Условия развития русской исторической науки в XVIII- начале XX вв. М., 1994
- Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. Учеб. Пособие. М., 1978
- Сахаров А.М.* Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторических исследований. М., 1977
- Сахаров А.М.* О некоторых вопросах историографических исследований. //Методология истории и историография. М., 1981.
- Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX в.: курс лекций. М., 1957.
- Шапиро А.Л.* Русская историография с древних времен до 1917. Учебн. Пособие. М., 1993.

1.2. Этапы становления и развития древнерусской историографии, исторические знания периода образования централизованного государства (IX-XV вв.)

Русские летописи — уникальное явление в мировой культуре. Восемь столетий они являлись идеологическим стержнем, соединяющим прошлое и настоящее, поддерживающим идею единства народа и государственности — от легендарных Кия, Щека и Хорива и полулегендарных Рюрика с братьями до Московского царства XVI-XVII вв. Древо летописания ветвилось по городам и землям; честолюбие и тщеславие отдельных правителей силой врывалось на пергаменные листы, вытесняя суетным и проходящим нечто вечное, ценное для всего народа. Летописцы и переписчики на свой вкус переписывали историю, устраняя одни белые пятна и создавая другие. Многие существенные выпали в результате тенденциозного редактирования, целые ветви исчезли в результате внешних набегов и завоеваний и внутренних усобиц. Но и ныне мы являемся обладателями огромного богатства, в полной мере далеко пока не учтенного. Только в московских рукописных хранилищах выявлена не одна тысяча рукописей, так или иначе связанных с летописными традициями. Представить все это в единой системе — задача более чем сложная.

Летописи чаще всего привлекаются как исторический источник или явление литературы. И исследовательские задачи неотвратимо накладывали отпечаток на подход к летописному материалу. Со времен А. Шлецера (конец XVIII -начало XIX в.) летописание рассматривалось как некое единое древо, продолжаемое или редактируемое летописцами иных эпох. В XIX в. неоднократно указывалось на необоснованность такого подхода: интересы разных слоев общества в любые времена неизбежно различны, и от летописцев нельзя ожидать какой-то «усредненной», всех устраивающей интерпретации событий. Поэтому одна из задач, встающая перед исследователем, — определение условий и цели создания того или иного летописного сборника. Даже выдающийся знаток летописных памятников А.А. Шахматов (1864-1920) много лет надеялся реконструировать древнейшие летописные памятники — оригинал «Повести временных лет», а также, по его мнению, «Начальный свод», ей предшествующий. И, лишь подводя итоги огромной работы, ученый должен был признать, что восстановить их невозможно. И правильнее было бы сказать, что каждый дошедший до нас памятник лишь один, случайно уцелевший.

Следует постоянно иметь в виду, что в большинстве своем летописи — это именно сборники, своды разнообразного материала, некогда существовавшего в виде особых сочинений или в составе других компиляций. Для современного историка особый интерес представляют компиляции, созданные из чисто познавательного интереса. В таких сводах часто объединяются противоположные версии и суждения, и не потому, что сводчик не замечал противоречий, а потому, что воспроизведение их являлось одной из возможных целей компилятора.

Можно обратить внимание и на еще одну характерную особенность работы сводчиков и компиляторов. Как правило, летописцы XIII-XV вв. свою заинтересованность проявляли при описании современных им событий. Тексты же более ранних летописных произведений передавались с точностью, едва ли не благоговейной, что и позволяет реконструировать эти, недошедшие в оригиналах, сочинения. Позднее, в XVII в., переделкам будут подвергаться как раз то, что считалось ранее незыблемым: начало славян, начало Руси, истоки народа и его культуры.

«Повесть временных лет»

В большинстве летописных сводов XV-XVI вв. в основании лежит «Повесть временных лет». Именно этот факт побуждал воспринимать «Повесть...» как первоначальное сочинение, принадлежавшее одному автору. Чаще всего назывались имена Нестора или Сильвестра. Нестора упоминали южнорусские летописные сборники XV-XVI вв., Сильвестра — летописи Северо-восточной Руси. А. Шлецер свой основной труд так и назвал: «Нестор». Он пытался реконструировать предполагаемый первый исторический труд, датированный вторым десятилетием XII в., по аналогии с восстановлением оригинала библейских текстов путем сличения всех сохранившихся и выявленных списков. При таком подходе противоречия внутри «канонического» текста просто устранялись, а с их устранением существенно обеднялась идеологическая жизнь первых веков истории Руси.

«Повесть временных лет» замышлялась как труд именно исторический. В заголовке сочинения обозначены три вопроса: «Откуда есть пошла Русская земля», «Кто в ней начал पहले княжить», «Откуда Русская земля стала есть». А ответы оказываются существенно разными. В «Повести...» воспроизводятся две версии начала Руси: миграция славян и руси с верховьев Дуная из Норика по традиционному Дунайско-Днепровскому пути, и миграция славян, варягов и руси по Волго-Балтийскому пути. При этом само понятие «варяги» осмысливается тройко: как все население от Дании до Волжской Болгарии («предел Симов»), как одно племя наряду с другими прибалтийскими, как совокупность прибалтийских племен.

Различно решается и вопрос о происхождении династии. Киевский летописец полемизировал с теми, кто не признавал княжеского достоинства Кия, в Новгороде княжескую династию вели либо от Игоря, либо от Рюрика, причем впервые это имя носил (княжеские имена обычно повторялись в следующих поколениях) правнук Ярослава

Мудрого Рюрик Ростиславич (вторая половина XI в.). А «Слово о полку Игореве» вообще не знало легенды о Рюрике и вело русских князей от Трояна, также легендарного.

Внутренне противоречив рассказ о крещении Владимира. Летописец, обрабатывавший разные материалы, знал более трех версий (три он обозначил, но предупредил, что имеются и иные). Наличие разных версий по столь важному для XI столетия вопросу предполагает сосуществование различных общин, каждая из которых, очевидно, боролась за самоутверждение, и следы этой борьбы можно уловить и в летописях, и во внелетописных сочинениях.

В летописях сохранилось несколько версий о возрасте и даже происхождении Ярослава Мудрого. В ходе борьбы с полоцкими князьями сыновьям Ярослава важно было опереться на «старшинство» своего отца среди потомков Владимира Святославича. И возраст его в статье о «завещании»- детям значительно завышен. Ярослав старшим в роде не был. Это подтверждается и данными других летописных статей и материалом антропологического исследования. (По разным летописям в 1016 г. возраст Ярослава определялся в 18, 28 и 38 лет.)

Выявлению источников сохранившихся летописных сводов помогают наблюдения над хронологическими нестыковками и противоречиями. Уже в «Повести временных лет», помимо Константинопольской космической эры (5508 лет от Сотворения мира до Рождества Христова), имеется эра, расходящаяся с Константинопольской на четыре года (соответственно 5504 года), а также «Антиохийская эра» (5500 лет). Ряд известий записаны по специфической «болгарской эре», в основе которой лежал тюркский лунный календарь. Кроме того, из-за перевода дат византийского сентябрьского рода на славянский мартовский возможны ошибки на один год («мартовский» и «ультрамартовский» стили.)

В литературе начала XX в. велось обсуждение вопроса о соотношении летописных и внелетописных текстов, говорящих об одних и тех же событиях. А.А. Шахматову представлялось, что внелетописные тексты XI столетия являлись извлечениями из летописи. Н.К. Никольский (1863-1935) доказывал обратное. В ряде случаев его аргументы можно считать бесспорными. Так, летописная статья 1015 г., рассказывающая о гибели Бориса и Глеба, является чересполосным соединением текстов «Сказания о Борисе и Глебе» монаха Иакова и «Слова о том, како крестися Владимир возмья Корсунь». Вывод Н.К. Никольского имеет принципиальное значение, поскольку значительно поднимается роль внелетописных текстов, и работа самого летописца предстает как именно соединение разных источников, включение в летописные своды самостоятельных памятников или извлечений из них. В итоге сама ранняя историография предстает и большим числом авторов, и большим количеством обсуждаемых проблем и идей.

Традиционно три летописи признаются за основные при обращении к событиям IX-XIII вв.: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская Первая. Именно их обычно привлекали и привлекают для восстановления ранних этапов летописания, выявления первоначальных редакций «Повести временных лет» и предшествовавших ей летописных памятников. Списки этих летописей в большинстве случаев и являются древнейшими, что само по себе служит аргументом в пользу первичности их содержания. Однако это далеко не всегда так. Реконструкция раннего новгородского летописания по старшим спискам новгородских летописей привела некоторых авторов к выводу, что новгородского летописания XI в. вообще не было. В Новгородской Первой летописи даже новгородские известия даны в киевской редакции, т.е. в редакции «Повести временных лет», доведенной до 1115 г. А собственно новгородская редакция этих известий сохранена лишь сводами второй половины XV столетия.

Списки сводов, содержащих текст «Повести временных лет», как правило, сохранились в центрах княжеств, где сидели сыновья Владимира Мономаха. Польские хронисты в ряде случаев использовали иные летописные традиции, в частности традиции Галицко-Волынской Руси. Богатым и своеобразным было ростовское летописание, представленное в Киево-Печерском патерике («Летописец старый Ростовский»), а также в

«Истории...» Татищева. Какую-то неизвестную в наши дни «Ростовскую летопись» Татищев подарил Английскому королевскому собранию. Ростовские материалы сохраняются и в позднейших рукописях, до сих пор практически не исследованных.

А.А. Шахматов, как сказано выше, долгое время пытался реконструировать текст «Повести временных лет» и предшествующих ей летописных сводов. Он полагал, что в Лаврентьевской летописи отражена вторая редакция «Повести временных лет», составленная около 1116 г. (запись под этим годом Сильвестра). В Ипатьевской летописи он видел третью редакцию, составленную в 1118 г. Для реконструкции недошедшего оригинала он пытался привлечь и «Летописец старый Ростовский». Но в конечном счете от реконструкции текста «Повести временных лет» он отказался, справедливо признав эту задачу невыполнимой. А такой вывод подрывал и выдвинутые им гипотезы о летописных сводах, предшествующих «Повести временных лет», так называемый печерский «Начальный свод 1095 г.» и «Древнейший свод 1039 г.», дошедший в печерской редакции 70-х гг. XI в. По Шахматову получалось, что почти все летописание велось в Киево-Печерском монастыре, но в летописях и во внелетописных памятниках сама история этого монастыря представлена со значительными разночтениями.

При изучении летописей путь снятия пластов, продвижение вглубь всей доступной системы сводов обязательны, и в этом обычно усматривается «шахматовский» метод. Но Шахматов его абсолютизировал и потому пренебрегал огромным внелетописным материалом, в том числе чисто историческим пониманием конкретных эпох, отражаемых в летописях. Иными словами, «самодвижение текстов» исключало вопросы о том, какие жизненные реалии эти тексты отражали.

Во всем летописном древе особое место принадлежит Лаврентьевской летописи, поскольку именно ее текст кладется обычно в основу любого издания «Повести временных лет». И в большинстве случаев ее текст содержит наиболее ранние чтения по сравнению с другими летописями. Само название «Лаврентьевская» дается по списку, сделанному в 1377 г. группой писцов под наблюдением монаха Лаврентия. Переписывали они летопись с какой-то ветхой рукописи, доведенной до 1305 г. и, видимо, созданной около этого года. Из записи монаха Лаврентия в конце рукописи следует, что список составлялся для тестя Дмитрия Донского князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича. В позднейшем летописании список никак не отразился: ни одна летопись, кроме Лаврентьевской, не знает «Поучения» Владимира Мономаха, которое не пропустил бы никто из позднейших переписчиков. Протограф, оригинал, с которого переписывалась рукопись, тоже стоял особняком в летописной традиции. В рукописи, как сообщает Лаврентий, были труднодоступные места, а параллельных текстов у переписчиков, по всей вероятности, не было.

Окончание протографа Лаврентьевского списка на 1305 г. побуждало Шахматова и некоторых его последователей искать следы летописного свода, составленного в это время. Были предположения о зависимости от «полихрона начала XIV в.» всего летописания XIV-XV св. Но наличие «Поучения» Владимира Мономаха в этом протографе свидетельствует о его уникальности: ни одна из летописей, возводимых к предполагаемому полихрону», не содержит и намека на существование сочинений Мономаха. В то же время обилие пропусков и неисправностей в изложении «Поучения» говорят о том, что взято оно именно из ветхого протографа.

Из-за утраты ряда листов в Лаврентьевском списке трудно оценивать характер летописания конца XIII в., отраженного в летописи. Но можно указать на одного приметного летописца, чей почерк просматривается в описании событий с 20-х до начала 60-х гг. XIII в. Этот летописец был близок ростовскому епископу Кириллу, умершему в 1262 г. После разорения Владимира в 1238 г. Ростов на какое-то время стал центром притяжения и сохранения письменной традиции. В Ростове, по всей вероятности, и работал летописец, неоднократно проявивший себя в комментариях.

Владимирское летописание середины и второй половины XIII в. лучше сохранилось в летописных сводах XV столетия. Однако ранние его этапы с наибольшей полнотой переданы именно Лаврентьевской летописью. Близкая ей Радзивилловская летопись, сохранившаяся в списке (с миниатюрами) XV в., обрывается на 1206 г. Это уже само по себе указывает на время составления оригинала. К тому же и в Лаврентьевском списке именно этим годом завершается какой-то владимирский свод. Ценность Радзивилловской летописи и сохранившегося ее списка в том и заключается, что содержащиеся в ней чтения не выходят за границы начала XIII в. Но Лаврентьевский список имеет самостоятельную ценность в данном случае и потому, что в нем сохраняется более ранний владимирский свод, не затронутый редакцией начала XIII в. В летописных списках этой традиции заметно присутствие автора, обрабатывавшего материал в конце 80-х — начале 90-х гг. XII столетия. С наибольшей полнотой Лаврентьевский и Радзивилловский списки совпадают до 1193 г. Около этого времени во Владимире, видимо, составлялся свод, использовавший южнорусское летописание. После этой даты материалов, совпадающих в главных летописях обеих традиций, уже не будет.

В предшествующий период пересечение традиций осуществлялось неоднократно. В Суздальской Руси прослеживаются материалы южнорусского летописания, на юге же, в рамках традиции Ипатьевской летописи, около того же 1193 г. привлекалось владимирское летописание. Своеобразным же связующим центром оказывается Переяславль Русский. По «завещанию» Ярослава Мудрого Суздальская Русь относилась к Переяславскому уделу, и связи эти остались в XII в. устойчивыми не только на княжеском уровне. В 1152 г. «по образцу» Переяславля Русского будет заложен Переяславль Залесский, и сюда будет перенесено и название южной реки Трубуж.

Переяславское летописание строилось в основном на киевском материале, обычно так или иначе его сокращая. Сокращения часто нарушают логику изложения, а потому для прояснения содержания необходимо постоянно обращаться к Ипатьевской летописи. Собственно же владимирское летописание просматривается лишь после переезда в 1155 г. на северо-восток Андрея Боголюбского.

1156 г. как важный рубеж в истории летописания был выделен еще Татищевым. И важен он именно для Северо-Восточной Руси, поскольку сам переезд сюда Андрея Юрьевича был актом серьезной политической борьбы, в ходе которой с политической арены отодвигались одни силы и центры и поднимались другие. Это проявилось прежде всего в оттеснении Ростова как ведущего идеологического и литературного центра и выдвижение на первый план возникшего всего за полвека до этого Владимира. Именно в это время князь добивается устранения ростовского епископа Нестора и начинает борьбу за создание особой владимирской митрополии. Нестор вынужден был отъехать «в Русь». И хотя позднее он вернется на ростовскую кафедру, он уже не будет иметь ни той власти, ни того влияния, что имел при Юрии Долгоруком.

Лаврентьевская летопись ничего не говорит о деятельности Нестора Ростовского. Но отраженный в ней позднейший ростовский летописец под 1231 г. вспоминает о нем как об одном из самых достойных ростовских святителей. Имеются внелетописные сведения о том, что в 40-е гг. XII в. Нестор почитался и иерархами Новгорода. И весьма вероятно, что именно с ним связано создание «Летописца старого Ростовского», к которому постоянно обращался в начале XIII в. владимирский епископ Симон в послании печерскому монаху Поликарпу. Во Владимире же в 50-е гг. XII столетия ростовское летописание, по всей вероятности, не привлекалось вовсе, а может быть и уничтожалось, как несоответствующее интересам нового политического центра.

В Переяславле Русском со второго десятилетия XII в. велись и собственные летописные записи. Но здесь летописцы не претендовали на особое положение, поскольку земля не претендовала на политическое лидерство. Практически это означает, что и «Повесть временных лет» здесь передали примерно в том объеме, в каком получили в одном из киевских монастырей (Печерском или Выдубецком), а некоторые сокращения по

сравнению с редакцией Ипатьевской летописи могут объясняться небрежностью летописцев или переписчиков. Но в изменениях текста за второе и третье десятилетия XII в. может усматриваться и определенная тенденция.

«Повесть временных лет» — фундамент почти всего летописного древа и в большинстве случаев главная цель исследовательского поиска. Именно в этом произведении поставлены основные вопросы, связанные с началом народности, государства, христианства; здесь спрессованы те идеологические и политические факты, которые многие столетия питали этническое и политическое сознание Руси. И хотя и на ранних этапах существования государства противоборствовали разные историко-политические традиции, «Повесть временных лет» остается главным трудом о первых веках русской истории.

В редакции Лаврентьевской летописи изложение завершается рассказом 1110 г. о «знамении» над Печерским монастырем, после чего следует итоговая запись Выдубицкого игумена Сильвестра, прямо утверждающего, что эта летопись написана им. Сама запись о «знамении» подтверждает его слова: «...явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в 1 час ночи (т.е. в 7 часов вечера), и весь мир видел это. Этот столп сначала стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, передвинулся на церковь и стал над гробом Феодосиевым, и потом ступил на верх церкви, как бы к востоку лицом, и потом стал невидим».

Летописец объяснил появление «столпа» как явление ангела, который в следующем году возглавит победоносный поход русской рати на половцев. Но в данном случае важнее другое. Наблюдать такую картину (а это могло быть либо радугой, либо северным сиянием, в феврале хотя и редко, но случается и то и другое) можно было только со стороны, и удобная позиция — именно Выдубицкий монастырь, расположенный в 3 километрах к югу от Печерского. Благоговейность же Сильвестра в данном случае проявляет в нем постриженника Печерского монастыря, ученика Феодосия, как летописец сам называет себя в текстах, связанных с основанием Печерского монастыря и подвигами Феодосия.

В самой записи Сильвестра присутствует и некоторая отдаленность от указанной) в ней времени составления летописи. Весьма вероятно, что сделана она уже в годы пребывания его на епископской кафедре Переяславля в 1118-1123 гг. Тогда понятней становится и рассказ об ослеплении Василька: его автор Василий был как-то связан с Выдубицким монастырем (в нем он останавливался вместе с Васильком во время пребывания в Киеве). Понятней и связь Лаврентьевской летописи именно с переяславской летописной традицией. Да и сама запись Сильвестра, возможно, носила характер напоминания, что именно им написана летопись, а напоминание могло предполагать и каких-то конкурентов — редакторов или переписчиков.

Вопрос в данном случае возникает в связи с пропуском в Лаврентьевской летописи записей о годах между 1110 и 1116-м, тем более что о связи «столпа-знамения» со следующим затем походом у Сильвестра сказано. В Ипатьевской летописи текст статьи 1110 г. продолжается вполне логично, а под 1114 г. летописец проявляет себя, и эта статья перекликается со статьей 1096 г., которая есть в обеих летописях (это извлечение из сочинения Мефодия Патарского, где говорится об ангелах, имеющих и у язычников). Статья же 1114 г. в Ипатьевской летописи, где летописец говорит о своем пребывании в Новгороде и Ладоге при Мстиславе, ведет ко времени после 1117 г., когда Мстислав был переведен отцом Владимиром Мономахом из Новгорода в Белгород под Киевом. А под 1115 г. в этой летописи игумен Сильвестр упомянут как бы со стороны в числе участников перенесения останков Бориса и Глеба в новый храм.

Нестора в качестве автора «Повести временных лет» называет Хлебниковский список Ипатьевской летописи, относящийся к XVI в. Поскольку в расчете лет при введении хронологической сетки конечной датой названа кончина Святополка, обычно предполагается, что в 1113 г. и составлялась «Повесть временных лет», причем чаще всего автором называют печерского монаха Нестора, а Сильвестру отводится роль либо переписчика, либо редактора. Но и в Ипатьевской летописи нащупать древнейшую,

«Нестерову» основу не удастся: А.А. Шахматов не случайно говорил о «третьей редакции», относя ее к 1118 г. Поскольку в обеих редакциях под 1097 г. в рассказе об ослеплении Василька автор называет себя по имени (Василий), с ним обычно и связывают «третью редакцию». Но этот рассказ содержит и оценку княжению Владимира Мономаха, т.е. составлен он или, по крайней мере, редактировался после 1125 г. Комментарий этот имеется в обеих редакциях, и это заставляет предполагать, что и в Лаврентьевской летописи отразились тексты, восходящие ко времени после кончины Мономаха, т.е. внесенные в летопись после того, как Сильвестр оставил свою запись в Лаврентьевской редакции «Повести временных лет». И следы летописной работы в ближайшие после кончины Владимира Мономаха годы просматриваются в обеих редакциях, а также в каком-то своде в Галицкой Руси, связанном с сыновьями Ростислава Владимировича, отравленного в 1066 г. в Корсуне греками. Этот свод отразился в польских хрониках, в частности у хрониста XV в. Яна Длугоша, одного из самых начитанных в русских летописях.

Как было сказано, в Новгородской Первой летописи отразилась редакция киевской летописи, доведенная до 1115 г. Но эта летопись еще не знала договоров Руси с греками. Весьма вероятно, что они появились в летописи в 20-е гг. XII в. и связано это было поначалу с резким обострением, а затем с прекращением при Владимире Мономахе и его сыне борьбы Руси с Византией за нижнедунайские города. Эти сюжеты могли привлекать внимание и галицких князей. В конце XI в. на эти города претендовал княживший в Терембле сын Ростислава Василько (ум. 1124), а Ярослав Осмомысл — один из героев «Слова о полку Игореве», «суды рядил до Дуная». Для понимания же хронологической путаницы в летописи надо иметь в виду, что в Галицкой Руси еще и в XIII в. употреблялась хронология, отличавшаяся на четыре года от константинопольской. Это может объяснить смешение двух хронологий в описании событий X в., в том числе в датировке договоров (907 и 911 гг.).

Одно из главных отличий Новгородской летописи от «Повести временных лет» — полное отсутствие дунайских сюжетов. Именно на этом основании Шахматов считал, что этнографическое введение «Повести временных лет» с лежащим в его основе сказанием о славянской грамоте — творчество составителя летописи, предположительно Нестора. Получалось, что сказание это позднее и потому недостоверное. Последователь А.А. Шахматова М.Д. Приселков предлагал даже вовсе отказаться от использования данных русских летописей за X в., ограничиваясь данными византийских хроник. Между тем в самом сказании достаточно ясно просматриваются черты, позволяющие относить время обработки русским летописцем западнославянского источника ко времени Владимира и даже первой половины его княжения, т.е. к концу X в. А значит, это либо то, что новгородский летописец последовательно опускал дунайские сюжеты, поскольку держался варяжской версии происхождения Руси, либо источник времен Владимира был вновь привлечен в 20-е гг. XII столетия.

Поляно-славянская версия начала Руси «Повести временных лет» в настоящее время находит убедительное разъяснение в археологическом материале. Археологов с XIX столетия интересовали труположения в могильниках Киева и прилегающих поселениях. Они обычно сопровождались оружием, иногда конем и рабыней. Норманистам было соблазнительно увидеть в них скандинавов-варягов времен князей Олега и Игоря. Но как показала на антропологическом материале Т.И. Алексеева, облик их отличался от германцев больше, нежели любая группа славян. С.С. Ширинский указал и археологические параллели: так хоронили умерших на христианских кладбищах Моравии. И в Киеве многих умерших сопровождали крестики, а вытянутые вдоль тела руки указывали на западный обряд погребения. Эти параллели объяснили появление в Киеве во второй четверти X в. христианской общины, составлявшей значительную часть княжеской дружины и имевшей свой храм Св. Ильи. Эти параллели объясняют и записанное божемскими хрониками предание о князе Олеге — сыне Олега Вещего, изгнанного двоюродным братом Игорем из Киева, бежавшим в Моравию, отличившимся там в борьбе с венграми и ставшим королем.

Но после поражения он, уже после смерти Игоря, с которым помирился, вернулся на Русь, где и умер в 60-е гг. X в.

В этих сообщениях есть и объяснение появлению имени «Олег» в чешских документах (С. Гедеонов видел в этом аргумент против норманнского происхождения Олега Вещего), и объяснение появления версии прихода на Днепр славян и руси из Норика — области, примыкающей к Дунаю с юга и являвшейся в религиозном отношении спорной территорией между Моравией и Баварией. А Норик X в. — это Ругиланд, называвшийся, как и всюду, где расселялись руги, также «Руссией», «Рутенией» и другими проходящими по источникам вариантами этого этнонима. Археология и летопись в данном случае дополняют и помогают понять друг друга: летописец еще непосредственно общался с этими переселенцами.

Частью поляно-славянской концепции начала Руси является рассказ об обычаях племен, в которых поляне заметно отличаются от славян и формой семьи, и формой брака, и обрядом погребения (поляне не знали обычного славянского трупосожжения). «Полянскому» брачному обряду, по которому «не хожуху жених по невесту, а привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче» (здесь имеется в виду совершенно несвойственный исконным славянам покупной брак), ближайшие параллели можно найти в баварском и готском праве, включая характерное германское «моргенгабе» — утренний дар после первой брачной ночи. Судя по данным летописца X в., переселенцы из Норика-Ругиланда говорили в это время на славянском языке, но сохраняли давние традиции ругов-руссов на протяжении ряда веков и в Прибалтике, и в Причерноморье, и на Дунае, соприкасавшихся с готами и противостоявшими им.

Христианская община Киева середины X в. может разрешить и еще одну загадку: арианский символ веры в рассказе о крещении Владимира. Готы и подунайские руги были арианами с IV в. и в большинстве оставались таковыми вплоть до XII столетия. Сама община в Киеве, не имевшая никакого внешнего подчинения, указывает именно на арианскую традицию, в рамках которой епископы избирались членами общины.

Хотя в X в. постоянно функционировал путь «из Варяг в Греки», киевский летописец, выведивший славян и русь из Норика, довольно слабо представлял себе север. В его представлении варяги — это основное население Волго-Балтийского пути от «земли Агнянской», т.е. от южной части Ютландии, до «предела Симова», т.е. Волжской Болгарии. Легенды о «признании варягов», отождествлявшихся с ярусами», он не знал, а варяги, пришедшие в Киев с Владимиром, явно были славяноязычными, и изображения божеств в созданном им пантеоне до деталей повторяли соответственные изваяния в святилищах балтийских славян. Лишь со времен Ярослава в числе «варягов» окажутся и шведы, поскольку на дочери шведского конунга (по матери, однако, тоже из балтийских славян) Ингигерд женился в 1019 г. Ярослав. Около 1030 г. и в Константинополе в «варяжском корпусе» появятся первые норманны. Само же сказание о «призвании варягов» будет занесено из Новгорода и включено в киевскую летопись значительно позднее, видимо, уже при Мстиславе, княжившим в Новгороде с 1096 по 1117 г. При этом сами новгородские летописи настаивают на том, что «суть люди новгородстии от рода Варяжска», т.е. ветвь балтийских славян, мигрировавших по Волга-Балтийскому пути, а не славян, заселявших Восточную Европу из Подунавья.

В Новгороде была привлечена киевская летопись, доведенная до 1115 г. и именно в редакции Лаврентьевской летописи. Но в части до 945 г. материал был заменен отчасти собственно новгородским, отчасти галицким. В этой версии (отраженной и Длугошем) Олег Вещий представлен не князем, а воеводой Игоря. Сама хронология событий перенесена с конца IX — начала X в. на 20-е гг. X в., когда, судя по богемским источникам, шла борьба Игоря с Олегом — сыном Олега Вещего.

Представление о привлечении в Новгороде Киевской летописи конца XI в. строилось Шахматовым главным образом на основе предисловия, содержащегося в младшей редакции Новгородской Первой летописи. Но он и сам позднее признавал, что предисловие (которое

он считал киевским) привлечено в Новгороде в начале XIII в. Между тем новгородское его происхождение видно и из подчеркивания приоритета Новгорода, и из связи с кругом хронографических памятников XIII в., создававшихся или переписывавшихся в Новгороде.

Предисловие было навеяно трагическим событием — падением Константинополя в 1204 г. Но это не значит, что написано оно по следам события. Константинополь оставался под властью крестоносцев до 1261 г., что и определяет хронологические рамки его написания. Не исключено, что автор предисловия и пономарь Тимофей, упомянутые летописью в первом лице под 1230 г., — одно лицо. Он был близок к архиепископу Антонию (ум. 1232), который в начале XIII в., еще со светским именем Добрыни Ядрейковича побывал в Царьграде, а с 1220 по 1225 г. был епископом в Перемышле. Именно с ним могли попасть в Новгород летописные тексты или идеи летописания галицких князей, потомков новгородского князя Ростислава Владимировича.

Неоднозначность новгородского летописания вытекала из долговременного сосуществования различно ориентированных политических институтов: княжеской власти, архиепископской кафедры, владык, так или иначе посторонних по отношению к Новгороду, и собственно городской, связанной с институтом посадничества. Различались по направленности и новгородские монастыри — древние библиотеки и литературные центры. И киевский текст здесь привлекался, видимо, в окружении одного из присланных из Киева князей (при Мстиславе или его сыне Всеволоде), но он мог попасть сюда и через Галицкую Русь. Позднее герой битвы на Калке Мстислав Удалой будет постоянно «разрываться», между Новгородом и Галичем. А интересовало летописца, привлекавшего киевскую летопись, прежде всего начало династии киевских князей, которая связывалась с пришедшим из Новгорода Игорем.

Проблема Нестора

С XVIII в. и до сих пор держится представление, что автором «Повести временных лет» является Нестор, постриженник Печерского монастыря. По крайней мере, два постриженника. Печерского монастыря, два Нестора имели отношение к историографии. О ростовском епископе Несторе выше сказано: он мог иметь отношение к «Летописцу старому Ростовскому», весьма чтимому выходцами из этого монастыря в начале XIII в. Но создание «Повести временных лет» приписывается другому Нестору — автору двух бесспорно ему принадлежавших сочинений: «Чтения о Борисе и Глебе» и «Житии Феодосия» игумена Печерского.

Само стремление приписать одному лицу чуть ли не всю литературу двух столетий, представление о летописании как едином древе заведомо неверно и просто невозможно в условиях племенной и феодальной раздробленности, когда даже счет годам велся различно в разных городах и даже разных монастырях одного города. Задача должна быть сформулирована иначе: что написали Нестор, Сильвестр, Василий и другие, не названные по именам летописцы и авторы иных исторических произведений. Определить это трудно потому, что большинство таких произведений были безымянными. Нескромным почиталось указывать свое имя в качестве составителя того или иного произведения (если оно не предполагало прославления какого-то другого деятеля — церковного или светского) и тем более настаивать на своем авторстве, как это проявилось у Сильвестра.

В сочинениях Нестора-агиографа можно найти некоторые сведения об авторе, составить представление о его мировоззрении и «круге чтения», о языке и стиле. И, уже отправляясь, от этих объективных данных, искать в летописи следы его воззрений и знаний. В огромной литературе о Несторе найдется немало работ, в которых задача так и ставилась, и вывод всегда был определенным: если летопись писал Нестор, то это был не тот Нестор, что писал агиографические произведения. Но в популярных очерках летопись приписывалась именно Нестору-агиографу. На практике это приводило к отказу от выявления особенностей мировидения разных авторов киевской поры, к игнорированию идеологических различий и даже противостояний, свойственных любой исторической эпохе.

В результате примитизировалось само мышление писателей и вообще людей того времени, им отказывали даже в способности логически мыслить.

Если бы требовались доказательства несостоятельности такого самообольщения, то достаточно было бы указать на «Слово о Законе и Благодати» митрополита киевского Илариона: немного и в современной литературе найдется «слов» столь безупречно логически выстроенных. И если Нестору приписывают явные противоречия привлечением летописных текстов, то в этом не его вина.

Поскольку «проблема Нестора» — это понимание самого характера древнерусской письменности и идеологии, понимание истоков культуры и традиций, необходимо задержать внимание на тех сочинениях, где имя Нестора упоминается. Как было сказано, имя это есть в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи. В самом Ипатьевском списке летопись приписывается анонимному черноризцу Печерского монастыря. Татищев знал еще два списка, в которых упоминалось имя Нестора, в одном из них сохранялась и запись Сильвестра. Нестора-летописца называет также Патерик Печерского монастыря, причем особое внимание имени уделяется в редакциях середины XV в., когда в Северо-восточной Руси напоминали об идеологическом сподвижнике Владимира Мономаха Сильвестре. Но Патерик имел в виду другую летопись и другого Нестора, что в середине XV в., видимо, уже не осознавалось.

Нестор-агиограф называет себя в обоих сочинениях, причем в «Житии Феодосия» и в начале, и в конце. В «Повести временных лет» есть сюжеты этих произведений, и в ряде случаев летописец называет себя «учеником Феодосия». Именно данные тексты обычно увязываются с именем Нестора. Однако биографические сведения из жития противоречат такому допущению. «Ученик Феодосия» пришел в Печерский монастырь 17 лет от роду, был пострижен Феодосием, знал многих современников игумена лично. Нестор же «о блаженемь и велицемь отци нашемь Феодосии оспытовая слышах от древньих... отець, бывших в то время». Принят же он был в монастырь игуменом Стефаном, «и яко же от того острижен быв и мьнишьскыя одежа съподоблен, паки же и на дияконьскый сан от него изведен сый».

Очевидно, Нестор был моложе «ученика Феодосия», которому в «Повести временных лет» принадлежит ряд больших текстов за вторую половину XI и начала XII в., в частности тексты, связанные с начальной историей Печерского монастыря (притязания Сильвестра в данном случае были бы вполне оправданы). Нестор же писал свои жития явно позднее. Много уже стерлось в памяти, и потому изложение как бы расплывается в пространстве и времени. У Нестора почти нет имен и дат, он не употреблял «индиктов», не пользовался для определения времени понятием «час». Он называет всего двух свидетелей времени Феодосия по именам: бывшего келаря Федора и монаха Илариона, и оба упомянуты в прошедшем времени. И писал он, судя по всему, не только много лет спустя после событий, но и за пределами Киева: в стольном граде наверняка нашлись бы свидетели и полвека спустя после кончины (в 1074 г.) Феодосия.

Видимо, не был знаком Нестор и с текстом «Повести временных лет». Оба сюжета его сочинений обстоятельно изложены и в «Повести временных лет». И различия касаются не только стиля и языка, но и основного содержания. Сами эти различия представляют чисто историографический интерес: как одни и те же события воспринимались в разных местах и разными авторами.

Сопоставление текстов житий и летописи показывает, что Нестор-агиограф не только не был автором или редактором «Повести временных лет», но и не был знаком с этой летописью. В самом Печерском монастыре он находился, видимо, недолго. Похоже, что он ушел оттуда во Владимир Волынский либо вместе со Стефаном, либо вслед за ним. Лишь у Нестора, в частности, упоминается монастырь под Владимиром, называвшийся не без претензий «Святой горой» («Святой горой» называли монастыри на Афоне).

Следы разных центров летописания в «Повести временных лет»

Политическое противостояние и идеологическое противоборство всегда вызывали к жизни и литературные средства борьбы, в разряд которых входили и летописные своды, и более локальные исторические сочинения. Киев, Переяславль, Галицкая земля, Ростов, Новгород — это центры, участие которых в идейной борьбе просматривается по источникам. Другим, в частности Смоленску, Полоцку, Чернигову, повезло меньше, и их точку зрения мы в большинстве случаев не знаем. А расхождения касались самых кардинальных вопросов. Достаточно сопоставить представления о начале Руси в летописях и в «Слове о полку Игореве», чтобы понять, насколько древнерусское общество было далеко от осуществления принципа «единой веры и единой меры». И потому особенно ценны своды-компиляции, в которых ставилась цель не провести какую-то идею, а просто переписать из разных книг нечто примечательное.

Название «Повесть временных лет» уводит к самым начальным этапам летописания. Это не летопись, а именно «повесть» о давнем прошлом, как оно воспринималось в устной традиции и как ее можно было соотнести с доступными раннехристианскими сочинениями. Такими памятниками потомки должны были интересоваться. Но и интерес сам по себе не гарантирует точного воспроизведения изначального текста. Из текстов что-то устранялось, что-то добавлялось, нарушая первоначальную логику. Так под тем же названием «Повесть» появился летописный свод, в котором на четко обозначенные вопросы появились взаимоисключающие ответы. В результате уже объем работы Сильвестра трудно определить. Что ему принадлежит кроме трех статей, связанных с историей Печерского монастыря? В какой редакции была использована им первоначальная «повесть» (что-то в хронологических пределах отредактированной им летописи явно было включено позднее)? Как он относился к обработкам предшественников?

Выше было отмечено, что летописцу, рассказывавшему о крещении Владимира, было известно более трех версий этого знаменательного события. Версии эти, по всей вероятности, были представлены и литературными памятниками. Но он их не называет, настаивая на корсунском варианте.

Главным христианским центром при Владимире являлась Десятинная церковь Богородицы, которой Владимир на западный манер дал «десятину» во всех доходах. (Сам термин «десятина» был известен у западных славян, в частности в смежной с Нориком области — Хорватии.) В самом архитектурном исполнении первого храма, созданного после крещения, заметны западные черты, отмеченные Г.К. Вагнером.

Естественно, что с Десятинной церковью связывались и литературные произведения, и определенные культы. После выдвижения на первый план при Ярославе Софийского собора — митрополичьей кафедры константинопольского подчинения, будет вестись борьба не только за политическую роль, но и за саму трактовку принимаемой веры. Почти все тексты XI столетия, возвышавшие Владимира, как «равноапостольного» или равного Константину, утверждавшего в IV в. христианство в качестве государственной религии Византии, выходили из круга авторов, близких клиру Десятинной церкви.

Корсунская версия крещения Владимира имеет определенные основания в том, что клир Десятинной церкви поначалу состоял из корсунских служителей, а корсунское христианство никогда не сводилось к византийскому. Здесь почитались некоторые святые, которых не признавал Константинополь, а к созданию культа Климента (римского папы, казненного здесь в начале II в.) имел непосредственное отношение Константин-Кирилл (по его указаниям были обретыены мощи мученика). Культ Климента получит распространение на Западе, особенно в славянских землях, а на Руси в XI в. он будет почитаться как «заступник земли Русской». Хранившаяся в Десятинном храме голова святого будет в середине XII в. одним из аргументов в пользу избрания своего митрополита (Климента Смолятича) без санкции Константинополя.

Именно Десятинная церковь будет хранителем и традиции кирилло-мефодиевского христианского просветительства, и некоторые следы этого влияния просматриваются в

летописных текстах, посвященных крещению Руси и распространению христианства. Политическая направленность храма определяется и кругом близких ему жертвователей. Здесь был похоронен самый прозападный русский князь Изяслав Ярославич, храму давал пожалования его сын Ярополк. И теплые строки об этих князьях в летописи принадлежат летописцу, прославлявшему Владимира и использовавшему литературные памятники Десятинного храма. Этот летописец писал, видимо, в 80-е гг. XI столетия (похвала погибшему в 1086 г. от руки убийцы Ярополку — последняя). Он выделяется на общем фоне литературным талантом, гармонией языка. Это ему принадлежит знаменитая похвала «книжной мудрости» («книги суть реки, напоющие вселенную» и т.п.). И ему, по всей вероятности, принадлежит запальчивая фраза, будто Владимир, дав храму «десятину», «написав клятву в церкви сей, рек: аще кто сего посудит, да будет проклят». (Этой фразы нет в использованном в данном случае «Слове о том, како крестися Владимир, возмья Корсунь».) И Анастасу, бывшему в усобице 1015-1019 гг. на стороне Святополка, он не ставит в вину то, что настоятель ушел вместе с Болеславом (прихватив казну) в Польшу. В целом же для летописца Десятинной церкви характерно бережное отношение к предшествующим, использованным -дм текстам. Он сохранил нелюбимую характеристику в летописи князя Владимира (в этой части летописи с большей теплотой говорится о Ярополке), но по своему объяснил пороки князя пороками язычества.

Летописание второй половины XIII-XVI вв.

В целом переписчики XIII-XV вв., благоговейно переписывавшие древние рукописи, на самом деле сохраняли уже неосознаваемые эпизоды труднейшей, нередко кровавой борьбы, и политической, и религиозной, столкновения Земли и Власти, и борьбу за Власть и Собственность внутри господствующих слоев.

О монголо-татарском нашествии и разорении Руси в 1237-1240 гг. остались отрывочные современные записи, в которых не всегда осознавались причины и последствия страшных разорений и опустошений. Естественно, трагедия воспринималась как наказание Божье за грехи. Но немногие, подобно владимирскому епископу Серапиону, могли разъяснить, в чем же эти грехи заключались: не смогли собраться и объединиться для достойной встречи врага, который пришел убивать и грабить. В позднейших сказаниях, вроде «Повести о разорении Рязани Батыем», появятся герои сопротивления. Но это будет уже в то время, когда призыв к борьбе мог быть услышан.

Пока же связь земель была практически разорвана, а во многих случаях разорвана и связь времен. Это касается прежде всего Киева, где, по сообщению проезжавшего через остатки города в Орду и далекий монгольский Каракорум римского посла монаха Карпини, в 1246 г. насчитывалось не более двухсот домов, а по всей округе оставались неубранные останки погибших людей. Сам Киев надолго выпадал из поля зрения летописцев Северо-Восточной Руси. Упадок, естественно, коснулся всей письменности, и не случайно в 1377 г. у Лаврентия не нашлось списка летописи, по которой он мог бы восстановить истлевшие строки и страницы оригинала 1305 г.

В XIV в. летописание продолжается в Новгороде, зарождается в Твери и Москве. Но древнейший текст Тверской летописи — Рогожский летописец, сохранившийся в списке середины XV в., оставляет впечатление подготовительных материалов для составления свода. Обстоятельные записи отдельных лет и событий перемежаются многолетними перерывами или же обрывками фраз, которые нелегко осмыслить и датировать.

О том, что в Москве в XIV в. велось летописание, сомнений у специалистов нет. Но был 1382 г., нашествие Тохтамыша, когда Москва была разрушена и сожжена, а население ее перебито или уведено в полон. Через два десятилетия составитель Троицкой летописи запишет с болью: «Книг же толико множество снесено со всего города и из загорожья и из сел и в зборных церквах до тропа наметано, сохранения ради спроважено, то все без вести створиша». Какие-то записи, конечно, велись и в других местах, и отдельные сюжеты восстанавливаются с начала столетия со времен Даниила Александровича и Юрия

Даниловича. Но даже первоначальной записи о Куликовской битве мы не имеем. Из-за обрывочности сведений позднейших летописей с трудом можно восстановить суть сложной борьбы, развернувшейся в канун нашествия Тохтамыша, и только изгнание Дмитрием по возвращению на пепелище митрополита Киприана и духовника Владимира Андреевича Серпуховского Афанасия (ученика Сергия Радонежского) вскрывает глубину раскола на Руси в это время.

Куликовская битва на протяжении столетий будет знаменем для сторонников решительного противостояния Орде и Литве. Но к Литве склонялся не только Киприан. В эту сторону смотрели оба Василия, сын и внук Дмитрия Донского, поскольку Софья Витовтовна оказалась весьма политически активной женщиной. «Сказание о Мамаевом побоище» станет на целое столетие своеобразным тестом: отношение к Дмитрию, татарскому игу и Литве. Поскольку первичный текст не уцелел, его заменяли воспоминания и переделки, и Киприан, конечно, не упустил возможности принизить — если не сказать более — своего антагониста.

Специалисты спорят: когда возникло внелетописное «Сказание»? Называются даты от 10-х гг. до конца XV в. И, видимо, все спорящие по-своему правы. Такова судьба наиболее значимых в политическом отношении документов эпохи: противоборствующие стороны исправляют их в нужном им направлении. И в окончательной редакции — это сочинение конца XV в., когда даже татарский вопрос уже не был актуальным. Но оставался актуальным литовский вопрос, а также слава и честь набравшего силу государства.

Летописание XV-XVI вв.

Большинство сохранившихся списков летописей относятся к XV-XVI вв. Это по-своему закономерно. В середине XV в., как верно отметил А.А. Зимин. Русь (еще не Россия) стояла как «витязь на распутье». И всплеск летописания приходится на 40-е гг. XV в., когда «витязю» приходилось выбирать, каким именно путем идти. Это касалось и межкняжеских отношений, и отношений внутри церкви. После Флорентийского собора 1439 г., активное участие в котором принял митрополит Исидор (последний грек на русской митрополии), на Руси резко возросло стремление к автокефалии, причем особенно настаивали на этом последователи Юрия Галицкого, занимавшего московский стол в 1433-1434 гг. И не случайно, что именно сын его Дмитрий Шемяка, на короткое время в 1446 г. овладевший Москвой, пригласил в качестве местоблюстителя митрополичей кафедры рязанского епископа Иону. И хотя Шемяка московский стол не удержал, Иона в 1448г. был избран митрополитом советом епископов без утверждения Константинополем, который теперь представлялся как бы утратившим православную чистоту.

Одним из наиболее спорных вопросов в историографии является история создания Никоновской летописи, являющейся как бы митрополичей, списки которой широко распространялись еще в XVII в. Дело в том, что ее древнейший список относится (по филиграням бумаги) ко времени около 1520 г. (но запись текста будет продолжена до конца 50-х гг. XVI в), основные источники за вторую половину XV в. относятся к концу XV столетия, а специфические и по объему привлеченных источников, и по содержанию, и по стилю многие ее статьи можно отнести ко времени появления в Москве Ионы. Оригинальным сводом Никоновская летопись является именно в пределах до середины XV в. Уникальные сведения о послах из Рима, начиная с X в., вполне объяснимы в свете острого обсуждения поездки большой русской делегации на Флорентийский собор: об этой поездке сохранилось несколько записей современников. Привлечение фольклорных материалов - в этом летопись уникальна — может быть как-то связано с падением авторитета княжеской власти. Внимание к генеалогии увязывается с идеей равенства «великих» княжений. А подобная идея «равенства» вполне естественна для времени противостояния. После же того, как в 70-е гг. XV в. окончательно определится приоритет Москвы, о «равенстве» можно было говорить только в форме оппозиции притязаниям московских князей. Такое допустимо до конца XV — начала XVI в., когда шла усобица между двумя претендентами, неосторожно

противопоставленными самим Иваном III (Дмитрий — внук и Василий), и уже совершенно невероятно для более позднего времени.

К 40-м гг. XV в. ведет большой и тонкий сюжет летописи, в котором осуждается Василий Дмитриевич за его отход от линии Дмитрия Донского и митрополита Алексия. Речь идет о пролитовской ориентации зятя Витовта и соответственно и определенном влиянии католицизма. Свое же право на критику летописец аргументирует отсылками к Сильвестру, которому Владимир Мономах позволял говорить правду. И, наконец, значительный комплекс рязанских известий, отсутствующий в других летописях, вполне объясняется прибытием Ионы в Москву из Рязани.

Редакция летописи начала XVI в. также существовала: из 8 епископов, обозначенных в начале списков (в списках XV-XVI вв. обычно перечислялись имена епископов разных земель), 5 занимали епархии именно в начале столетия. Киноварные заметки на полях Симеоновской летописи (конец XV в.), касавшиеся преимущественно Рязани, указывают опять-таки на связь с Рязанью. Также вероятна и редакция летописи в канцелярии митрополита Даниила, занимавшего митрополичью кафедру в 1522-1539 гг. Но хотя Даниил тоже был «резанцем», рязанские записи начала XVI в., сохранившиеся в рязанских рукописях, в летопись не попали. В целом после 40-х гг. XVI в. это уже обычный летописный стиль (с Иоасафовской летописью совпадающий до 1520 г.).

«Победителей не судят». Проигравшая сторона — сыновья, может быть, лучшего полководца и государственно мыслившего деятеля этого времени Юрия Галицкого подвергнуты анафеме. На самом же деле шла серьезная борьба о путях направленности дальнейшей политики, и многие идеи оппонентов линии двух Василиев были восприняты поистине великим князем Иваном III.

Московское летописание заметно поднимается в 70-е гг. XV в. в условиях завершения объединения земель вокруг Москвы, в особенности в связи с присоединением Новгорода. Теперь сам Иван III определяет для себя титул «государь» (хотя он, похоже, был подсказан еще Ионой), и этот титул должны были употреблять послы новгородские, псковские и иных земель. В то же время князь отказался от предложения Рима (сделанного через посла императора) принять титул короля. Этот титул в тех условиях означал бы зависимость от Империи, тогда как «государь» предполагал полную независимость от кого бы то ни было. Именно этот титул бросал вызов хану Золотой Орды Ахмату и предполагал доведение борьбы с Ордой до конца, что и произошло с минимальными для Руси потерями.

Выражая идею единой державы, Иван III согласно Московскому своду конца 70-х гг. XV в. (в ряде случаев представляющим почти поденную запись сложных переговоров с новгородцами) дал примечательную историческую справку (он в таких случаях возил с собой знатока летописей): «И от того Рюрика даже и до сего дня знали есте один род тех великих князей, прежде Киевских, до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода (Дмитрий было христианским именем Всеволода Большое гнездо) Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отвселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрите начнете». Последняя фраза позднее будет абсолютизирована Иваном Грозным, где «право» как бы уже не обременяется обязанностями.

Идея единства княжеского рода от Киева через Владимир к Москве будет активно эксплуатироваться в публицистике конца XV — начала XVI в. И она теперь будет как бы расщепляться. С одной стороны, начнутся поиски далеких легендарных предков Рюрика, с другой — все Киевское княжество будет восприниматься как законное наследство, временно захваченное литовскими князьями и польскими королями. При этом многие варианты идей, воплощенных в памятниках, близких «Сказанию о князьях Владимирских», возникали в русских областях Великого княжества Литовского, Спор велся и о происхождении Гедимины — родоначальника литовских князей. И все три главные версии (потомок Палемона, племянника Нерона, потомок конюха смоленского дворянина, потомок Владимира Святого) оказывались русскими. Литовской знати приходилось поднимать роль Гедимины в

соперничестве с поляками и ливонцами, которые не признавали за литовскими князьями права на королевский титул, а опору приходилось искать в русских преданиях.

Нужно сказать, что легенды о римском императоре Августе или Юлии держались на южном берегу Балтики с раннего средневековья. Их знал, в частности, немецкий хронист XII в. Гельмольд, и они могли опираться на факты действительных контактов римлян с населением «Янтарного берега» еще в I в. н.э. Но оживились эти предания в XV столетии, причем и в вариантах, связанных с генеалогией Гедимины, и в вариантах, удрежняющих родословную Рюрика. Многие из этих преданий пересказывал в дошедших и недошедших сочинениях Спиридон-Савва, который, видимо, не зря имел прозвище «Сатапа». По собственной инициативе он в 1476 г. отправился из Твери в Константинополь, «за мзду» был поставлен митрополитом в Литву, а непринятый Казимиром, снова бежал на Русь. Здесь он был заточен в Ферапонтовом монастыре, где и занимался литературной деятельностью.

В главном сочинении Спиридона-Саввы — «Послании» — просматривается знание определенных римских источников. Но подводит он именно к Августу, который начинает «ряд покладати на вселенную». В числе «братьев» он называет Пруса, который получает побережье Балтики от Вислы до Немана с городами Марборок, Торун, Хвоиница «и пресловы Гданеск». Новгородский воевода Гостомысл перед смертью советует новгородцам послать в Прусскую землю посольство, призвать князя «царя Августа рода». Таковым и оказался Рюрик с братьями и племянником Олегом. Уже в летописных сводах конца XV в. эти сюжеты в той или иной мере отражаются. Естественно, будут они отражаться и в летописании XVI в., причем составители сводов часто давали обе версии, лишняя раз указывая на характер работы определенной категории летописцев-компиляторов.

Другой сюжет в этом сочинении — получение Владимиром Мономахом от Константина Мономаха царских регалий, унаследованных от римских цесарей. Но этот сюжет, видимо, предполагает уже время Василия III Ивановича, который и упоминается как «волный самодержец и царь Великия Росия». Легенда, однако, тоже, видимо, имела предысторию: «чин венчания» Дмитрия-внука вполне сопоставим с торжествами посвящения византийских императоров.

Династию литовских князей Спиридон-Савва вел даже и не от дворянина смоленского князя, бежавшего в Жемайтию от Батыева нашествия и там «вселися... у некоего бортника». Княжич Витенец женился на дочери бортника, но оставался бездетным в течение 30 лет. Затем он был убит громом, «и поят жену его раб его именем Гегеминик». Именно эту или подобную легенду обычно припоминали польские соперники литовских князей, стремясь отодвинуть их на вторые роли. И как реакция на унижения появилась легенда о происхождении династии от родственника римского императора Нерона — Палемона.

Вполне вероятно, что это племя реально жило в Прибалтике: это греческое имя («борец», «борющийся») носил вождь венетов во время Троянской войны, и культ Палемона был распространен у венетов адриатических. В Юго-Восточной Прибалтике венеты также появляются во время Троянской войны (после падения Трои союзникам троянцев венетам пришлось искать места поселений в разных областях Европы). Но легендарный литовский Палемон, приплыв к устью Немана, вскоре обосновался в «Черной Руси» — в верховьях Немана. И у Спиридона-Саввы, и в преданиях о Палемоне более или менее достоверная хронология начинается лишь с IX-X вв. (в литовских преданиях еще позднее), а все предшествующее от римской истории время укладывается в несколько поколений.

Еще одна линия отхода от традиционного мировидения связана с падением Константинополя. Уже согласие Византии на унию в 1439 г. по существу освободило массовое сознание на Руси от привычки смотреть на Константинополь с долей покорности. Конечно, приверженцы византийского благочестия останутся и много позднее, а поставление Ионы митрополитом без оглядки на Константинополь осуждали некоторые провизантийски настроенные церковные служители (в частности, Пафнутий, наставник видного церковного деятеля конца XV - начала XVI в. Иосифа Волоцкого). Но умерший в 1461 г. Иона уже в 1472

г. стал восприниматься в качестве святого (состоялось «обретение мощей»), а канонизация 1547 г. являлась лишь как бы подтверждением свершившегося факта.

Падение Константинополя само по себе создавало новую обстановку. Вместе с тем столь неординарное событие наводило на размышления: почему это произошло и кто в этом виноват? Появились посвященные крушению Византии повести, в ряду которых особое место занимает «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера. Нестор оказался очевидцем событий, поскольку в юности попал в плен к туркам и участвовал в различных «ратных хождениях». Участвовал он и во взятии Константинополя турками. Автор, по его собственным словам, уклоняясь под тем или иным предлогом от обязанностей, «писах в каждый день творимая деяния». Факт сам по себе тоже примечательный: автор оценил значение происходящего для грядущих поколений. И, как обычно, впоследствии повесть будет многократно переписываться и переделываться. Здесь появится пророчество о будущем торжестве над «измаилтянами» русского рода, который овладеет седьмохолмным Царьградом.

В рамках повестей о падении Константинополя складывалась неоднозначно воспринимаемая (в светском или только церковном варианте) концепция «Москва- Третий Рим» (о ней также см. лекцию 3). Складывалась она в условиях мистического всплеска конца XV в., связанного с ожиданием «конца света» в 7000 (1492г.). Естественны были поэтому обращения к древнейшим пророчествам, в особенности к пророчествам библейского Даниила, в отдельных христианских переложениях известных еще летописцам конца XI — начала XII в. Первый перевод на славянский язык Библии на Руси был сделан новгородским архиепископом Геннадием в 1499 г., может быть в связи с противостоянием «ереси жидовствующих». Но греческие тексты, конечно, были, да и еретики привносили проблемы ссылками на Ветхий Завет. Но сама по себе идея «сменяющихся царств» жила и вне Библии, и углубление в нее не было обязательным при рассмотрении Москвы как преемника павших царств. Другое дело, что оптимистическое восприятие будущего беспрепятственно могло развиваться лишь после 1492 г., когда предсказание «конца света», по крайней мере, для Москвы, не сбылось. Тогда и началось активное создание (и явно разными авторами) теории «Москва — Третий Рим». Наиболее известны послания игумена псковского монастыря Филофея, относящиеся ко времени княжения Василия III, по и принадлежности ему этих посланий также оспаривается. Практически же это означает, что сама теория получила широкое распространение, и, с одной стороны, в ней пропагандировалась «чистота» русского православия по сравнению с предшественниками, а с другой — как бы внушалась мысль, что князю надо быть более внимательным к проблемам церкви. Иван III в этом отношении был явно не слишком послушным. Он пользовался поддержкой бывшего архимандрита Чудова монастыря, а затем новгородского архиепископа Геннадия в противостоянии с митрополитом Геронтием. Но стяжательские устремления архиепископа заметно подорвали этот союз: «государю» явно ближе были близкие к заветам строителей общежитийных монастырей XIV в. «нестяжатели».

Горячие идеологические споры по самому широкому кругу вопросов в конце XV — начале XVI в., при постоянном перемещении религиозных и политических проблем — тема в основном конкретно-историческая и публицистическая. Но и в борьбе тех же нестяжателей и иосифлян обязательно присутствовали исторические аргументы. Это касалось и прочтения Нового Завета, и прав и обязанностей церкви, монастырского землевладения (отношения к реформам митрополита Алексия), и собственно политического устройства государства. На новом уровне споры эти оживут уже в середине XVI столетия.

Литература

Азбелев С.Н. Светская обработка Жития Александра Невского // Т. ОДРЛ. М.;Л., 1958. Т. XIV.

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1959. Ч. 1.

- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975.
- Будовниц И. У.* Общественно политическая мысль Древней Руси. М., 1960.
- Вагнер Г.К.* Историческая проблематика в русском искусстве X—XIII веков // Вопросы истории. 1972. № 10.
- Воронин Н.Н.* «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // Т. ОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957.
- Воронин Н.Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор // История СССР. 1983. № 3.
- Воронин Н.Н.* К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1985.
- Воронин Н.Н., Кузьмин А.Г.* Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. 1972. № 9.
- Греков Б.Д.* Первый труд по истории России // Исторический журнал. 1943. № 11-12.
- Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
- Дмитриева Р.П.* Библиография русского летописания. М.; Л., 1962.
- Еремин И.П.* Литература Древней Руси. М.; Л., 1966.
- Жданов Р.В.* Крещение Руси и Начальная летопись // Исторические записки. М., 1939. Т. 5.
- Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.
- Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
- Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.
- Кузьмин А.Г.* Две концепции начала Руси в «Повести временных лет» // История СССР. 1969. № 6.
- Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Кузьмин А.Г.* Начало новгородского летописания // Вопросы истории. 1977. № 1.
- Кузьмин А.Г.* Введение // «Се повести временных лет». (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993.
- Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
- Кучкин В.А.* Тверской источник Владимирского полихрона // Летописи и хроники. М., 1976.
- Кучкин В.А.* Русские княжества и земли под Куликовской битвой. «Куликовская битва». М., 1980.
- Кучкин В.А.* Сергей Радонежский и борьба за митрополицию кафедру Всея Руси в 70-80-е годы XIV в. // Культура славян и Русь. М., 1998. 1911.
- Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
- Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачев Д.С.* «Софийский временнике и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25.
- Лихачев Д.С.* Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1—2. Текст, перевод, комментарий совместно с Б.А. Романовым.
- Лихачев Д.С.* Текстология. М.; Л., 1962.
- Лурье Я.С.* Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
- Львов АС.* Исследование Речи философа // Памятники древнерусской письменности. М., 1968.
- Мильков В.В.* Канонический, апокрифический и традиционный подходы к осмыслению истории в Древней Руси // Древняя Русь; пересечение традиций. М-, 1997.
- Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983.
- Муравьева Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV — начала XV в. М., 1991.
- Насонов А.Н.* Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18.
- Насонов АН.* История Русского летописания XI — начало XVIII века. М., 1969-

- Орлов А.С. Древняя русская литература X—XVII вв. М.; Л., 1945.
- Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
- Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Пауто В. Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. №2.
- Пауто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
- Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т.1.
- Приселков М.Д. История Русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
- Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- Тихомиров М.Н. Развитие исторических знаний... (X—XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1.
- Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. №5.
- Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.
- Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
- Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1948. Т. 25.
- Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1.
- Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

Лекция 2

1.3. Русская историография XVI-XVII вв., особенности её развития

В великом культурном наследии нашей Родины особое и неповторимое место занимает время, когда к концу XV в. завершается русское возрождение и начинается диалог культур России и Запада. Плоды этого взаимообмена поражают воображение. Однако основным фактом этого времени, конечно, остается образование централизованного государства. Это рубеж между Древней Русью и Россией. И он прошел через все сферы жизни — политическую, экономическую, социальную, церковную и духовную, включая семейно-бытовой уклад жизни людей. Мучительно, через феодальные войны, в которых участвовали союзники и враги Запада и Востока, страна включалась в систему европейских держав. Вместе с общим ростом Русского государства происходил культурный рост страны. Осваиваются пришедшие, благодаря браку Ивана III с Софьей Палеолог, культурные богатства и создаются собственные. Собственно накопление исторических знаний и изучение отечественной истории должно было включиться в систему всемирной истории. К этому же времени относится распространение на Руси сочинений в области физики, астрономии, астрологии, космографии и всемирной истории. Среди многочисленных иностранцев, приехавших в Россию, — дипломаты, купцы и эмигранты-греки. В XVI-XVII вв. образ России за рубежом необычайно популярен. Интерес к русским проявлялся во всех сферах духовной жизни Запада. О загадочной, полной чудес стране писали Рабле и Шекспир, говорили театральные герои и кричали шуты на ярмарках. Появился даже особый вид литературы, посвященный Московии и получивший в дальнейшем название «Россика».

Однако интерес россиян к Западу был не столь активным. Достаточно большое количество собственных неосвоенных земель и духовное неприятие «еллинских учений» сосредоточивали внимание русского мыслителя на собственном самосознании. Первичной ячейкой, в которой формировалась и реализовалась духовная культура народа, был церковный приход. И хотя прихожане в большинстве были христианами, их взгляды не всегда соответствовали церковно-каноническим и догматическим уставам и правилам. В

свою очередь центрами книжности, распространения идеологии и развития исторических знаний оставались монастыри. Иосифлянская группировка церковников в течение всего XVI в. принимала активное участие в церковной и политической жизни Русского государства. Роль иосифлянских публицистов в разработке и пропагандировании официальной идеологии постоянно возрастала.

Идея богоизбранности Руси получила развитие в теории «Москва— Третий Рим», которая была сформулирована монахом Псково-Печерского монастыря Филофеем около 1524 г. Она отражала враждебные католицизму («латинству») настроения русских церковников. Филофей говорил, что «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Под двумя павшими Римами, помимо собственно Рима, подразумевался Константинополь, погибший в результате отхода от истинного православия (Флорентийская уния 1439 г.). Главой православного христианства после взятия Константинополя турками стала Москва. Теория «Москва — Третий Рим» служила укреплению авторитета Русской православной церкви. В то же время Московское правительство использовало теорию Спиридона-Саввы, декларированную в «Послании о Мономаховом венце» (1510-1520 гг.) и «Сказание о князьях Владимирских», связывающую русскую государственность с мировыми державами прошлого. Одновременно получают развитие богословские споры, выступают с критикой официальной церкви боярин Федор Карпов и Матвей Башкин, Артемий и Феодосий Косой; распространяет свои писания кружок Максима Грека; в защиту официальной церкви произносит свои проповеди митрополит Даниил.

Политическая борьба переносится в публицистические сочинения Андрея Курбского и Ивана Грозного, Ивана Пересветова и Ермолая. Получили развитие исторические повести, посвященные отдельным событиям и даже отдельным лицам: автобиографическое «Житие» протопопа Аввакума Петрова, «История о вере» Саввы Романова, «История о невинном заточении... боярина Артемона Сергеевича Матвеева» и др. Вот в общих чертах мир, окружавший и занимавший историка XVI-XVII вв. Мы видим, насколько усложнились проблемы, но в то же время расширился кругозор и увеличились возможности тех, кто пытался осмыслить происходящее. Какую же историческую литературу породила описанная нами среда?

Летописи и хроники XVI в.

Новизна официальной историографии конца XV-XVI вв. заключалась в более отчетливой и определенной, чем раньше, идее самодержавия и ликвидации всех самостоятельных и полусамостоятельных княжеств. Кроме того, значительно усилился интерес к всеобщей истории. В конце XV— начале XVI в. у московского книжника появилась потребность включить историю Русского государства во всемирную, связать между собой эти два исторических процесса, до сих пор рассматривавшихся независимо друг от друга. Последнее вполне понятно в связи со стремлением показать величие и всемирно историческую роль Москвы и московских государей как блюстителей истинной веры, носителей лучших мировых традиций. В хронографе XVI в., условно называемом хронографом первой редакции 1516-1522 гг., составители использовали периодизацию всемирной истории по четырем монархиям: Вавилон, Персия, Греко-Македонское царство и Римская империя. Известная идея «длящегося Рима» была продолжена до «Российской земли», которая «растет, и младает, и возвышается».

В XV в. и особенно в XVI в. летопись все более начинает испытывать на себе влияние литературной манеры и стиля. В то же время в историческом повествовании исключительную важность для этого периода имеет русский хронограф. В отличие от летописей главную тему изложения в хронографе составляла личная человеческая судьба. Составителя интересовал не исторический, а назидательный смысл событий. По мере того как исторические функции отдавались государством в приказы, архивы, разрядные книги, хронограф начинает вытеснять летопись. В свою очередь, в летописи усиливается

повествование, появляется вымысел, назидательные тирады, и она в какой-то степени сближается с хронографом.

Следует отметить, что в XVI в. историческая литература идет по пути создания произведений грандиозных масштабов и пышных форм. Яркий пример — это знаменитые Воскресенская и Никоновская летописи. Список Воскресенской летописи хранился в Воскресенском монастыре на Истре, а список Никоновской принадлежал самому патриарху. Сохранившийся до наших дней текст Воскресенской летописи был составлен в первой половине 40-х гг. XVI в. Это официальная летопись Русского государства, но тем не менее ее создатели помимо великокняжеского летописания конца XV -начала XVI в. пользовались ростовским сводом 80-х гг. XV в. Кроме того, в нее было включено «Сказание о князьях владимирских». В первоначальных несохранившихся редакциях ее содержание доходило до 30-х гг. XVI в. Позднейшие редакции были доведены сначала до 1541 г., а затем до 1560 г.

Никоновская летопись была составлена в конце 20-х гг. XVI в. в Москве, при дворе митрополита всея Руси Даниила Рязанца (1522-1539) и доведена до 1558г. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г., на котором осуждались взгляды нестяжателей на церковное землевладение. Важно отметить, что в состав Никоновской летописи вошел целый ряд литературных произведений: переводы Максима Грека, сборник слов и поучений митрополита Даниила, копия книга московской митрополичьей кафедры, несколько «Слов» и «Сказаний». Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории и является одним из важнейших источников по истории русского Средневековья.

Во второй половине XV в. в Москве усиленно развиваются государственные архивы, свозятся документы вновь приобретенных областей, фиксируются все переговоры с иностранными государствами. В период княжения Ивана III происходит колоссальный сдвиг в ведении документации, особенно посольской, и появляются первые посольские книги. Летопись проникается стилем и содержанием деловых бумаг московских приказов. С 70-х гг. XVI в. она отражает в первую очередь внешние сношения Русского государства — деятельность Посольского приказа. Постепенно она все больше становится сводом государственных документов: разрядов, статейных списков, реестров с элементами исторического повествования. Последнее большое летописное произведение, совместившее приказную документацию и хронографы, — «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», составленный до 1555 г. Это не только летопись, но и панегирик взятию Казани, Ивану Грозному и митрополиту Макарию. Он отличается очень большими размерами, значительную часть занимают в нем посольские дела, выписки из разрядных книг, личность Ивана Васильевича, тексты царских речей, построение Свияжска и взятие Казани. Каждый из этих способов выражения исторического материала со временем обособляется.

Во второй половине XVI в. официальная московская летопись напоминает подсобное для государственного архива предприятие. Можно сказать, что это уже не рассказ, а своеобразная опись важнейших документов, поступающих на хранение в государственный архив. Таковы Лебедевская летопись и Александро-Невская летопись. На смену московскому летописанию приходят исторические произведения нового характера (исторические повести о Смуте начала XVII в.). Факты в них не только излагаются авторами, но и тут же обсуждаются, оцениваются, взвешиваются и связываются в общую историческую картину. Но традиции летописания не прерывались и продолжали жить по областям, а также в произведениях нового типа — «Степенной книге царского родословия». Это литературно-историческое произведение более всего свидетельствует о разложении летописного жанра.

В начале 60-х гг. XVI в. духовник Ивана IV Андрей, ставший впоследствии митрополитом (под именем Афанасий), составил Степенную книгу, названную так потому, что события в ней располагались не по годам, как в летописях, а по степеням — граням, каждая из которых соответствовала правлению сменявших друг друга скипетродержателей.

Степени начинались правлением Владимира I Святославича и доводились до I Ивана IV. Всего 17 степеней (ступеней). Степенная книга объединила летописные и агиографические тексты и дополнила их устными преданиями. Составитель книги попытался представить русскую историю как деяния святых московских го-1 сударей и их предков. Форма и содержание степенной книги оказали большое влияние на последующие исторические и публицистические произведения.

Самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой России, можно сказать «исторической энциклопедией XVI в.», стал так называемый «Лицевой свод Ивана Грозного», который состоит из 10 томов. Почти каждая страница этой «энциклопедии»- украшена миниатюрами, общее число которых 16 тысяч. Три первых тома посвящены всемирной истории, а остальные семь — русской. Почти целых десять лет с 1568 по 1576 г. трудились над ним мастера царской книгописной мастерской при соборном храме Покрова Богородицы в Александровской слободе. Примечательной особенностью свода являются скорописные редакторские записи, которые сделаны на полях последних двух томов — Синодальной летописи и Царственной книге. Содержание томов описывает одни и те же события, связанные с началом царствования Ивана Грозного. Последнее позволило историку Д.Н. Альшицу предложить гипотезу о принадлежности записей самому царю. Вероятно, когда наиболее злостная часть работы была завершена, то некоторые ее части вызвали неудовольствие «грозного» заказчика. Свои пометы царь вносил, явно пользуясь дополнительными источниками, указывая как описывать те или иные события и предлагая при этом новые дополнительные тексты. Не только сам свод, но и приписки особенно являются для нас важнейшим источником по истории политической борьбы XVI в.

Новые формы исторических сочинений и летописи XVII в.

В XVII в. характер государственного летописания видоизменяется, и оно по преимуществу становится частным делом отдельных авторов. В некоторой степени летописание сохранилось в Новгороде, Пскове, по монастырям, отдельным церквям, в архиепископиях.

Летопись в Москве уже не удовлетворяла запросов жизни. Потребность в исторических справках, особенно у дипломатов, а также у патриархии, в архивах, отдельных приказах диктовала новые формы исторических произведений. Создаются обзоры русской истории воспитательного и ученого характера. Никоновский свод был уникальным, но очень громоздким произведением и неудобным для пользования.

В XVII в. утверждаются исторические повести, хронографы и степенные книги, создаются сложные компиляции («Латухинская степенная книга», «Новый летописец»).

События Смуты вызвали подъем исторической мысли и появилось громадное количество исторических произведений, повестей. В них сохранился летописный способ изложения. Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике» дал своего рода методическое обоснование этого: «предняя последи писать, последняя же напреди, ниже подробну». Самая ранняя из исторических повестей о Смуте — повесть 1606 г. в составе «Иного сказания» полностью сохранила летописную точность и хронологическую последовательность изложения. Летописи — общенародная память об исторических событиях — органически вошли в состав повестей XVII в. («Извет старца Варлаама», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича», повесть «О рождении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», «Сказание Авраамия Палицына», «История о первом Иове, патриархе московском» и многие другие).

Во второй четверти XVII в. интерес к летописанию вновь возрастает. Многие из произведений исторического характера дополняются заметками летописного характера. Возникают такие произведения, как, например, «Новый Летописец», своего рода рассказ, составленный за один прием.

Утратив свой официальный характер, летописание сохраняется по областям, монастырям и все больше переходит в частные руки. Местная летописная литература даже

переживает своего рода подъем, особенно в Новгороде Великом, Пскове и Тобольске. Перестав быть официальными, областные летописи возвращаются к старым, традиционным формам и в то же время в них проникает простой разговорный язык, фольклор, рассказы очевидцев. Новгородские и Псковские летописи этого времени стоят на стороне мелкого люда против «властителей». Среди прочих особенно выделяются Уваровская, Забелинская и Погодинская летописи. Развитие городского летописания сопровождалось появлением новых летописных скрипториев (мастерских) как в Москве, так и в Астрахани, Архангельске, Устюге Великом, Вологде, Холмогорах, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде, Тамбове. Летописанием занимались дворяне, монахи, приказные подьячие и церковные дьячки, горожане, стрельцы, казаки и даже крестьяне.

Исследования последних десятилетий позволили опровергнуть мнение об «угасании» русского летописания к концу XVI столетия. В трудах академиков М.Н. Тихомирова и Л.В. Черепнина, крупных ученых А.Н. Насонова, А.А. Зимина, В.И. Корецкого, В.И. Буганова, С.Н. Азбелева, К.Н. Сербиной, А.П. Богданова и многих других убедительно доказывается, что летописная деятельность в конце XVI и XVII вв. значительно расширяется, в последней четверти XVII в. происходит эволюция русского летописания, продолжающаяся и в XVIII в. Летописные центры официального характера объединяли творческие силы окружения российских патриархов и служащих Печатного двора. Помимо Свода 1652 г., исторических компиляций и сводов 70-90-х гг. XVII в., здесь были созданы оригинальные летописи, посвященные древним и современным событиям — Мазуринский летописец, Летописец 1686 г.

Сибирское летописание

В XVII в. возникает особая литература о Сибири (Есиповская и Строгановская летописи), которые содержат исторические и географические описания Сибири. Однако следует отметить, что одно из первых русских описаний Сибирской земли было составлено в конце XV столетия. Это — «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране» — первое полуреальное описание сибирских народов, которые собирательно называются в нем «самоедь». В действительности речь идет о ненцах, хантах и манси. Всего перечислено девять видов «самоеди», и каждый раз сообщается об их образе жизни, промыслах и товарах, которыми они располагают. Сказание сохранилось в четырнадцати русских рукописях конца XV— первой половине XVIII столетия, а также в переводе англичанина Ричарда Джонсона (около 1560 г.). В настоящее время учеными обсуждаются две кандидатуры на индивидуальное авторство вестей «О незнаемых человецех»: слуга пермского епископа Филофея Леваш и холмогорский купец Федор Товтыгин. Несомненно одно, что книжник, оставивший нам описание Восточной страны, уже довольно много знал о далеких народах за Камнем и, вероятно, имел собеседников — «самовидцев», этой страны.

К 1672 г. относится чертежное описание — «Список с чертежа Сибирския земли», в 1663 г. составлено «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства». В описания также проникал фольклор, местная легенда, предания и т.д. В 1621 г была организована Сибирская архиепископия, где архиепископ Киприан Старорусенков составляет синодик, в основе которого были «казачьи» написания и татарские записки.

Первые сибирские летописи отличаются большой пышностью слога, риторическими оборотами, вымышленными диалогами и содержат описание Сибири, торжественное введение и заключительную часть о торжестве христианства в Сибири, которая была раньше местом «вогнеждения» зверей и «водворения» сиринов, а стала прибежищем христианства. Особое место в Сибирских летописях занимает прославление Ермака и его казаков.

Основная цель Строгановской летописи — доказать участие Строгановых в покорении Сибири. Казацкое происхождение Сибирских летописей способствовало постепенному обрастанию их фольклорными темами. Строгановская и Есиповская летописи получили широкое распространение, многократно переписывались и постепенно утрачивали свой официальный характер.

Выдающаяся роль в распространении знаний о Сибири принадлежит Семену Ремизову. В конце XVII в. он составляет чертеж всей Сибири, в 1701 г. — Атлас Сибири, рисует портреты «российских державцев», составляет этнографическую карту Сибири и «Историю сибирскую». Последняя представляет собой ряд небольших статей, каждая из которых надписана над определенной иллюстрацией, выполненной самим Ремизовым. В качестве канвы была использована Емловская летопись, дополненная многочисленными устными татарскими и русскими преданиями, песнями и плачами. Позднее в Ремизовскую «Историю» была вплетена Кунгурская летопись, которая была найдена С. Ремизовым в 1703 г. в Кунгурском уезде. Это почти единственный памятник казачьего летописания. Составлена летопись сжатым, простым, точным и отчасти приказным языком.

К концу XVII в. относится историческая повесть о завоевании Сибири Ермаком, включенная в «Описание Новые земли Сибирского государства», составленная, вероятно, в Москве, в Сибирском приказе. Повесть включает в себя различные народные рассказы о сибирском походе Ермака.

Исторические, географические и этнографические сочинения о Сибири явились одним из самых популярных чтений русского читателя.

Посольский приказ

В XVII столетии расширился не только круг авторов, но и круг учреждений, занимавшихся рукописным делом. Помимо монастырей, одним из таких учреждений, в стенах которого составлялись исторические книги, был Посольский приказ. Среди лиц, возглавлявших его, выделяются такие известные и высокообразованные деятели, как Иван Тарасьевич Грамотин, Петр Алексеевич Третьяков, Алмаз Иванов, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, Артамон Сергеевич Матвеев, Василий Васильевич Голицын, Емельян Игнатьевич Украинцев. Это о них подъячий Посольского приказа Г.К. Котошихин писал в XVII в.: «...хотя породю бывает меньше, но по приказу и по делам выше всех». Посольский приказ был не только учреждением, осуществлявшим внешнюю политику Российского государства. Постепенно он превратился в своего рода культурный центр страны. В нем работала большая группа переводчиков, толмачей, сюда стекались многочисленные сведения о событиях за рубежом. Здесь находился архив и большая библиотека с печатными и рукописными книгами, географическими картами, хранилось немало различных художественных произведений иностранных живописцев и золотописцев. В стенах приказа зародилась мысль о необходимости составления трудов по истории страны, которые отражали бы величие России и утверждали ее международный авторитет. Во второй половине XVII в. здесь составлялись исторические и переводились иностранные сочинения, содержавшие сведения по русской истории, внешним связям, а также книги об избрании на царство и родословные московских государей. Особую известность получил «Титулярник».

С 20-х гг. XVII в. при Посольском приказе регулярно переводились и распространялись так называемые летучие листки (или вестовые письма) — донесения о важных международных делах. На их основе появилась первая газета для царя и Боярской думы — «Куранты». В ней содержались сведения о военных и политических событиях в других странах, о международных переговорах, рассказывалось о необычных происшествиях (пожары, стихийные бедствия), помещались различного рода притчи. Материалы для газеты поставляли приезжавшие из-за границы русские и иноземные дипломаты, купцы, монахи-паломники и др. Глава Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин впервые в России наладил почтовое сообщение (по линии Москва — Рига).

Наиболее примечательный след в составлении книг по истории оставил Артамон Сергеевич Матвеев. Начальник Посольского приказа, талантливый дипломат, книжник, писатель, историк, основатель русского придворного театра, человек бурной и драматической судьбы. Сын посольского дьяка, выросший во дворце, Артамон Сергеевич отличался приверженностью к западно-европейским обычаям, как дипломат был в Литве и Польше, активно выступал за сближение со Швецией, выступал за присоединение Украины к

России. В 1672 г. Матвеев добился соглашения с польскими послами, по которому Киев окончательно оставался в составе Русского государства. Он участвовал в следствии по делу патриарха Никона (1667 г.), подавлении Московского восстания (1662 г.) и разгроме разинского бунта (1667-1671 гг.).

Артамон Сергеевич не был автором книг, но, став во главе Посольского приказа, он развернул невероятно бурную деятельность по составлению трудов по истории России. Конечно, работал целый коллектив, в котором Матвеев выступал как организатор, составитель и редактор. Самым знаменитым и роскошным произведением книгописной мастерской Посольского приказа этого времени стал так называемый «Титулярник». В этой книге впервые воспроизведена иконография московских государей и патриархов с конца XVI в., а также портреты и титулы тех монархов Европы и Востока, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения. Текст написали дипломат и писатель, выходец из Молдавии Николай Гаврилович Милеску-Спафарий и подьячий Посольского приказа Петр Долгово. В создании миниатюр «Титулярника», которые подчас имели и портретное сходство, принимали участие ученики знаменитого Симона Ушакова, такие, как И. Максимов, Д. Львов, Г. Благошин и др. Учитывая официально-прикладной характер «Титулярника» в нем были воспроизведены государственный герб России, гербы отдельных княжеств, а также гербы западных и восточных государств. Тематика и идейное содержание «Титулярника» направлено на доказательность законности и преемственности династии Романовых от Рюриковичей, а также ее богоизбранность. Иначе говоря, перед нами откровенная проповедь идей формирующегося абсолютизма. Среди других тем произведения — церковная власть в России, патриархи и патриаршество, посольские дела. Богатый архив Посольского приказа стал источниковой основой для описания отношений России с государствами и народами как Запада, так и Востока. Особое внимание составители обратили на Крымское и Ногайское ханства, их состояние и политику ханов в отношении России. В целом дипломатическая история России прослеживается, начиная от правления последнего Рюриковича Федора Ивановича и до Михаила Федоровича Романова, но минуя царствование Бориса Годунова и Смуту. Тем самым еще раз подчеркивалась связь царствующего дома с предшествующей династией, растущее всемирно-историческое значение России. Можно сказать, что «Титулярник» — это не только справочно-информативное издание, но к тому же и первая книга по истории внешней политики России.

Какие же источники использовали авторы «Титулярника»? Для второй половине XVII в. набор был достаточно традиционным: «Степенная книга», «Тверденная грамота 1613 г. об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», «Новый летописец», «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета», акты земских соборов, сказания и повести о Смутном времени и князьях Владимирских, статейные списки (отчеты) русских послов и различные летописцы. После гибели Матвеева в 1682 г. текст «Титулярника» пытались продолжить, с ним знакомили наследников престола, на него ссылались, копировали и издавали в XVIII в.

Под руководством Матвеева была составлена еще одна книга, названная «История о невинном заточении ближнего боярина А.С. Матвеева». Цель преследовалась та же — обосновать законность династии Романовых и связать ее с предшествующим царствованием Ивана IV. Соответственно в книге отрицательно оценивались правление Бориса Годунова, В. Шуйского и правительства «семибоярщины». Зато особое внимание уделялось борьбе с польской интервенцией, венчанию на царство Михаила Федоровича, возвращению из «плена» Филарета Романова. Источниками труда послужили две редакции «Книги об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича», ее первоисточник «Утвержденная грамота об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова», другие грамоты и акты.

Записной приказ

Однако не только отдельные исторические произведения имели место во второй половине XVII в. Правительство Алексея Михайловича попыталось создать специальное учреждение - Записной приказ, предназначенный для сбора источников и создания трудов по истории России. Приказ был организован по указу царя от 3 ноября 1657 г. и просуществовал два года до смерти его начальника Г. Кунакова. Перед служащими была поставлена задача: «записывать степени и грани царственные». Особое внимание обращалось на сбор источников, в связи с чем предписывалось брать книги из приказов и «где сведает» начальник.

Продолжить деятельность Записного приказа было суждено дяку московских приказов Федору Грибоедову. Подьячий, а затем дяк приказа Казанского дворца, участник законотворческой комиссии по составлению Соборного уложения 1649 г., активный деятель Переяславской рады и дипломат Грибоедов стал первым летописцем династии Романовых. Труд Ф. Грибоедова «История о царях и великих князьях земля Русской» стал продолжением «Степенной книги» от конца XVI в. до времени правления царя Алексея Михайловича. Автор использовал различные повествовательные (нарративные) источники: «Степенную книгу», редакцию 1617г. «Русского хронографа», «Сказание, иже что содеяся во гражданстве» Авраамия Палицына, «Грамоту об избрании на престол царя Михаила Федоровича» и «Соборное уложение патриарха Феофана», а также различные приказные записи. По характеру использования источников «История...» Грибоедова представляет собой компиляцию больших отрывков и отдельных фраз упомянутых выше произведений. В основе труда Грибоедова присутствуют две идеи: царская родословная, начиная от Августа — кесаря Римского, его «присного брата, именем Пруса», а также предыстория воцарения династии Романовых, включая события Смутного времени. В «Истории...» нет политических событий, ратных подвигов и дипломатических трактатов, не упоминаются борьба с татарами, воссоединение Украины с Россией и т.д. Виновником всех бед объявлен Борис Годунов, а самое большое внимание уделено восшествию на российский престол Михаила Федоровича. Интересно отметить, что труд Ф.А. Грибоедова долго редактировался, известно десять его списков и несколько редакций. Работа над «Историей...» была закончена в 1669 г., за что автор был награжден жалованьем.

Относительно предназначения «Истории...» интересное предположение сделал С.Ф. Платонов. По его мнению, работа Грибоедова была составлена для первоначального руководства и воспитания царских детей, чтобы они знакомились с историей своей Родины, семейными традициями и «судьбами великого княжения Московского». А как мы помним, детей у царя Алексея Михайловича было 12 и он очень серьезно относился к их воспитанию и просвещению. Впоследствии книга Ф.А. Грибоедова была дополнена перечислением всех царских детей до времени правления Федора Алексеевича, множеством боярских фамилий, имела широкое хождение в придворной среде и служила общеобразовательным, учебным целям.

Сочинения о разинском восстании

Следующим циклом памятников исторической мысли конца XVII столетия стали повести, написанные вскоре после окончания крестьянской войны (1667-1671) под предводительством Степана Разина. Известны четыре повести: «Астраханское сказание Петра Золотарева», «Известие о бунте и злодействах донского казака Стеньки Разина», «Сказание о явлении и чудесах пресвятыя владычицы нашея, нарицаемая Тихвинская, о избавлении града Цивильска от нахождения казаков Стеньки Разина с товарищи» и «Сказание о нашествии на обитель преподобного отца нашего Макария Желтоводского, бывшего от воров и изменников воровских казаков». В какой-то степени к ним примыкают обнаруженные недавно «Чудеса Боголепа Черноярского», а также новые списки рассказа о восстании С. Разина в «Гистории о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и наследниках его (1613-1700)» в летописном своде 1652 г.

Наиболее примечательно произведение служилого человека, сына боярского Петра Алексея Золотарева. Краткий вариант золотаревского «Астраханского сказания...» был составлен через год после гибели митрополита Иосифа, казни С, Разина и его сподвижников. Повествование носит форму распросных речей соборных попов Кирилла Елисеева и Петра Иванова. Однако в стране оставалась достаточно тревожная обстановка, волновались казаки, продолжалось восстание в Соловецком монастыре, волнения на Дону и в Поволжье. Чтобы воздействовать на народ, Золотареву было предложено составить пространный вариант «Сказания...» в «память предыдущим родам» и в напоминание о мучениках, «которые за православную веру и российского самодержца пострадали от воров и изменников». Среди источников «Сказания...»: дневниковые записи самого Золотарева, материалы приказной палаты, архиерейского дома, житийная литература и устные свидетельства очевидцев. Отличительная сторона «Сказания...» в том, что оно уже никак не напоминает летопись. В содержании мы видим смешение различных стилей, «чудеса» и «знамения» перемеживаются с реальным, последовательным изображением астраханских событий и военных действий обеих сторон. Автор подробно описывает грабежи, расправы над служилыми людьми, сражения, перечисляет множество имен. Следует также отметить еще одно новое явление — сам Золотарев — лицо светское, поэтому и произведение его отличается попыткой выявить не только реальные связи в описываемых событиях, но и дать им свое толкование.

Другие вышеупомянутые повести и сказания, хотя и написаны с позиций провиденциализма (т.е. предначертаний воли Божьей), тем не менее их авторы также обращают внимание на реальные причины исторических событий, конкретные действия людей, логику их поведения и жизненные обстоятельства. В результате мы можем заключить, что к концу XVII в. исторические труды становятся более целенаправленными и социально злободневными.

«Синописис»

Во второй половине XVII в. центром науки и просвещения Восточной Европы стала Киево-Могилянская Академия. Уникальное учебное заведение славилось своими демократическими и вольнолюбивыми традициями. Бесплатное обучение, выборность ректора, профессоров и всеобщность учащихся способствовали ее популярности в международных масштабах. Из стен Академии вышли такие знаменитые проповедники, как И. Борецкий, Л. Баранович, И. Гизель. Неудивительно, что именно здесь была написана первая и самая популярная в конце XVII-XVIII вв. учебная книга по русской истории «Синописис». Слово «синопсис» означает «общий взгляд», т.е. «краткий обзор», в данном случае «Обозрение Российской истории». Действительно автор излагает русскую историю на 200 маленьких страницах печатного текста, притом в легкой литературной форме. Эти качества обеспечили «Синописису» невероятную популярность у тогдашнего читателя. С 1672 по 1836 г. вышло 30 изданий «Синописиса». Читателями были государственные деятели, дипломаты, ученые, крестьяне и особенно мещане. По «Синописису» изучал русскую историю М.В. Ломоносов. Кто же был автором этого уникального труда?

Традиционно авторство приписывается архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю. Однако следует отметить, что в средневековой Руси среди духовных лиц был распространен обычай творить анонимно «по благословиению и во славу Божью». Именно поэтому авторы большинства произведений того времени, иконописи, зодчества, литературы и истории нам неизвестны. По мнению исследователей «Синописиса» (А.С. Лаппо-Данилевского, И.А. Шляпкина, И. Максимовича и др.), И. Гизель был скорее цензором, редактором и публикатором изданий в типографии Киево-Печерской лавры. Протестант, крестившийся в православие и принявший в Киеве постриг, крупный политический деятель И. Гизель был духовным писателем философско-схоластического направления, читал курс философии, написал труды: «Мир человека с Богом», «О истинной вере» и др. Следует отметить, что Иннокентий Гизель был представителем украинской церковно-феодалной верхушки, что не могло не повлиять на его отношение к ряду событий

прошлого, на трактовку отношения украинской истории к московской, отношения истории Киева к истории Москвы. Кроме того, Гизелю необходимо было поддерживать нормальные отношения с Москвой и сохранять отношения с духовенством Правобережной Украины. В «Синописе» он обошел все те вопросы, которые неизбежно вели к вскрытию противоречий в украинской и московской позициях. Накануне заключения «Вечного мира» (1686 г.) он сформулировал идею об общности славянских народов, на примере Киева показал переплетение их исторических судеб, подчеркнул предопределенность воссоединения и призвал к совместным действиям России и других славянских стран в борьбе с османскими завоевателями. Более того, автор специально ввел в содержание описание Чигиринских походов, чтобы показать, как можно реализовать идею общности и предотвратить дальнейшие захваты турками славянских территорий.

Отдельного упоминания заслуживает отношение автора к историческим источникам. В основе методики работы И. Гизеля лежала компилятивность. В самом заглавии указано: «Синопис, или Краткое собрание из разных летописцев». Историки считают «Синопис» сокращением «Хроники» Феодосия Сафоновича, компиляцией из «Хроники» М. Стрыйковского, автор ссылается на труд «Преподобного Нестора» — создателя «Повести временных лет», в содержание полностью вошла третья редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и значительная часть Густынской летописи, привлечены данные античных и средневековых авторов: Меховского, Длугуша, Вельского, Ботера, Кромера, Гваньини, использованы греческие хронографы, немецкие летописцы и церковная всемирная история Барония и др. На полях издания автор систематически дает указания на источники сообщений об излагаемых фактах и событиях. В ряде случаев в «Синописе» отмечены противоречия и разноречия в использованных источниках, беллетризуются описания военных батальей. Отсюда был уже один шаг к следующему этапу в отечественной историографии — к сопоставлению и проверке источников.

«Скифская история» Л.И. Лызлова

Проблема необходимости единения всех славянских народов против татаро-турецкой угрозы была одной из самых актуальных в конце XVII-XVIII вв. Она была высказана в трудах Ю. Крижанича и в «Скифской истории» Л.И. Лызлова. Легендарная личность и произведения Андрея Ивановича Лызлова оказали значительное влияние на становление отечественной исторической науки и заслуживают особого внимания. Родился Андрей Иванович в 1655 г. в Москве, происходил из рода служилых дворян. Отец А.И. Лызлова, Иван Федорович Лызлов, в 1662 г. служил на крымских «засаках» полковым воеводой и получил чин стряпчего, был воеводой в Юрьеве-Польском. В 1673-1675 гг. он занимался межеванием земель Троицке-Сергиевского монастыря в Серпейском уезде. В 1680 г. — судья в Казанском и Поместном приказе, а в 1683 г. получает чин думского дворянина и назначается патриаршим боярином. Близость к Патриаршему разрядному приказу и Чудовской библиотеке позволила Ивану Федоровичу дать хорошее образование сыну. Известно, что он, Андрей Иванович, был начитан по русской истории, знал польский и латинский языки, был знаком со строительным делом. Благодаря исключительным способностям и влиянию отца в 1675 г. Андрей Иванович получил чин стряпчего, а через два года *был* переведен в стольники. Об авторитете отца свидетельствует тот факт, что 17 августа 1684г. сам патриарх Иоаким отпел его в церкви Введения в Хлынове.

В 70-е гг. XVII в. Россия совместно с Речью Посполитой готовилась отразить новую волну османской агрессии в Европе. Вся тяжесть борьбы с султаном и крымским ханом и их пособниками па Украине легла на Российское государство. Лызлов участвовал в Чигиринских походах 1677-1678 гг. Когда турецко-крымская армия начала генеральное наступление на Украину, А.И. Лызлов в специальной челобитной попросил командование перевести его в полк князя В.В. Голицына, Служба под началом одного из самых образованных людей своего времени побудила его к занятиям историей. Для Андрея Ивановича были доступны материалы патриаршей ризницы, где служил его отец, библиотека

В.В. Голицына, монастырские книгохранилища. Он знакомится и делает выписки из сочинений А. М. Курбского, посланий Ивана Грозного, «Хроника Мацея Стрыйковского и Александра Гваньини, знакомится с книгой польского ксендза, писателя и историка Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого». В условиях обострения борьбы «в верхах» и народного недовольства накануне Московского восстания 1682 г. начинающего историка не могли не волновать и внутривосточные проблемы своей страны.

В результате Лызлов приступает к созданию главного труда своей жизни «Скифской истории». Работа неоднократно прерывалась. Так, почти три года автор находился в Крымских походах 1687-1688 гг. в полку В.В. Голицына, служил «ротмистром у стряпчих», ездил в Киев вручать воеводе И.В. Бутурлину жалованье, был послан с четырьмя наказами к гетману И.С. Мазепе и, конечно, постоянно выполнял полковую службу. Тем не менее в 1692 г. он завершает свой труд. «Скифская история» раскрыла историческое значение борьбы Руси, славян, народов Восточной, Южной и Центральной Европы с кочевниками. Огромный исторический материал призывал к решительной схватке с Портой, уничтожению очагов войны на Украине и освобождению европейских народов от османского ига.

Фундаментальный труд, объемом почти 800 страниц, был основан на изучении многих русских и иностранных источников. Из отечественных сочинений Лызлов использовал такие труды, как «Степенная книга», «Хронограф 1512г.», «Казанский летописец», «Историю...» Андрея Курбского, летописец Затопа Засекина, печатный «Синописис», жития, и разрядные книги. Среди иностранных источников автор обратил внимание на наиболее популярные и авторитетные труды по истории борьбы славянских народов против ордынской и османской агрессии. Помимо упомянутых «Хроник» А. Гваньини и М. Стрыйковского, Лызлов использовал «Универсальные реляции» итальянского писателя-гуманиста Джованни Ботеро, «Церковные хроники» итальянского историка Цезаря Барония, часть материалов нашел в «Хронике всего света» Мартина Вельского и «Польской хронике в 30-ти книгах». Мартина Кромера.

На основе этих сочинений «Скифская история» познакомила русского читателя с сочинениями Гомера и Геродота, Квинта Курция Руфа и Марка Юния Юстина, Птолемея и Плиния Старшего, Диодора Сицилийского и Вергилия, Яна Длугоша и Мацея Меховского. В труде Лызлова был помещен один из лучших переводов избранных мест из «Скорбных элегий» и «Писем с Понта» Публия Овидия Назона. Сочинение Лызлова познакомило читателя с историей огромного региона Европы и Азии с глубокой древности до конца XVI в. В центре внимания автора вековое противостояние оседлых народов Европы натиску кочевых племен и народов. По существу, это исследование истории борьбы греков, персов и римлян с кочевниками в Северном Причерноморье и на Балканах, обороны Руси от хазар, печенегов, половцев, история гуннов и волжских булгар, образование венгерского и болгарского государств.

Отдельно в своей книге Лызлов рассматривает историю Монгольской империи, историю взаимоотношений Руси, великого княжества Литовского, Польши, Молдавии и Валахии с монголо-татарскими ордами. Упоминается множество государств и народов Центральной и Южной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Средней Азии, Приуралья и Сибири. Скрупулезно разбирает Лызлов историю Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств, их географию, природные богатства и древнюю историю, перемежая данные исторических источников с современными наблюдениями. Значительное место уделяется анализу истории осман, приводятся подробные сведения об источниках происхождения и особенностях исповедывания ислама. Важные сведения касаются организации вооружения, комплектования и тактики ведения войны в османской армии. По мнению Лызлова, причины неудач и поражений христиан в борьбе с османами кроются в несогласии и разобщенности, а не в недостатке мужества русских воинов. В «Скифской истории» упомянуто около 300 имен государственных и военных деятелей, из них около ста русских.

Помимо прочего, книга впервые в отечественной историографии обладала всеми признаками научной монографии: реконструкция событий, сопоставление материалов, система ссылок с точными указаниями томов и страниц использованных источников. Историк подчеркнул значение источников, указав их в заглавии и перечислив в начале книги. Основная идея книги — не уничтожение «неверных», а обуздание агрессора. При этом, по мнению автора, не только оружие, но и мирный договор могут служить залогом добрососедских отношений.

Историкам известно около 30 списков «Скифской истории», большинство которых относится к концу XVII и первой половине XVIII в. На рубеже веков книга Лызлова стала одним из самых популярных исторических сочинений. Рукописи «Скифской историй» были в библиотеках государственных деятелей, дворян, духовенства, купцов и промышленников. Распространялась книга очень широко не только в Москве и Петербурге, ее списки сохранились в Твери и Ярославле, Новгороде и Самаре, Вильнюсе и Париже.

Благодаря стараниям А.И. Лызлова в России появилось произведение, которое знаменовало собой переход от исторического повествования к историческому исследованию. Следует отметить еще одну особенность, отличающую произведение Лызлова от работ историков-гуманистов Западной Европы. Последние отражали идеологию нарождающейся буржуазии и в этом была причина их воинствующего атеизма, идеализации античности и республиканских идей. В России выразителями новой, рационалистической мысли были дворяне, осуждавшие принцип выборности (султанов), в отличие от европейских коллег они восхваляли монархию и призывали к укреплению военного могущества своего государства.

Зарождение критики источников

Расширение круга источников и их скрупулезное изучение привело к тому, что в последней четверти XVII в. получает распространение настоящая критика источника. Интересно, что начало этому новому явлению было положено в церковной среде, а побудительным фактором стало исправление церковных книг и раскол церкви. Исключительным образцом такой критики стало определение Собора 1673 г. о мощах Анны Кашинской, После открытия мощей в 1650г. в Кашине, которое происходило в присутствии самого царя Алексея Михайловича, духовенство объявило ее святой. Однако вскоре произошло изменение церковно-политической обстановки. На иконографии святой оказалось двуперстное сложение, осужденное соборным постановлением против раскола. Патриарх направил в Кашин следственную комиссию, а за этим последовало соборное определение 1673 г. Комиссия дала образец совершенно четкого применения критики текста. Был составлен акт из 13 пунктов. В первых восьми были установлены расхождения жития с Троицкой летописью; затем в пяти пунктах было проведено сличение свидетельств жития с актом Непосредственного «досмотра» мощей. Из двойного ряда противоречий был сделан вывод о подложности жития и самих мощей, В данном случае мы видим, как практические цели побуждали к следующему этапу развития исторического самопознания. Историки, достигшие нового Уровня исторического понимания, не могли уже довольствоваться летописями, хронографами, «Степенной книгой» или историей дьяка Грибоедова.

Подведем некоторые итоги. Летопись возникла на Руси вместе с письменностью и принятием христианства. Зародилась летописная традиция в недрах церковно-учительной литературы. Отношения Руси и Византии в первые века христианства определяли характер политического звучания летописания, Первое историческое произведение «Сказание о первых русских христианах» охватывало историю более чем столетия и доказывало право Руси на церковную и политическую самостоятельность. Русская летопись и русская жизнь были связаны самым прочным образом, что отразилось в простом и доступном летописном языке.

В первое время большое влияние на содержание и язык летописей оказал фольклор, а затем — воинские и вечевые речи, посольские переговоры. В дальнейшем форма летописей,

их стиль, состав, характер работы авторов менялись в зависимости от областей, заказчиков и целей.

С конца XI — начала XII вв. летопись носит официальный характер. Первою летописью Киевского княжеского дома стала «Повесть временных лет», соединившая в себе документы, отрывки византийских хроник и литературных произведений. Летописец впервые осмыслил русскую историю с точки зрения единства земли и княжеского рода и вывел Русь на мировую историческую арену. Это — первая полная, народная история Руси. На ней воспитывались многие поколения русских людей.

В XII-XIII вв. все летописание зависит от местных традиций и тенденций политического дробления Руси. Вся культура интенсивно развивается по областям. В Чернигове, Галиче, Новгороде, Владимире появляются свои формы летописания. Князья, городские собрания (вече), монастыри и отдельные церкви ведут собственные летописи. Появляются семейные, родовые и личные летописцы.

В Новгороде летописание демократизируется и отражает узкоместные интересы, приобретает антикняжеский характер. В то же время создаются произведения, посвященные только одному событию — причине раздоров князей. Исторические повести специально включаются в летопись для оправдания одной стороны и осуждения другой.

Однако чувство единства Русской земли не покидало летописцев. В XII-XIII вв. владимирско-суздальское летописание неуклонно стремится стать общерусским.

Ордынское нашествие в определенной степени стимулировало собирание Русской земли. Идейно в летописании это произошло раньше, чем в политической жизни. Москва в конце XIV-XV вв. соединяет в своем летописании новгородские, тверские, ростовские, владимирские летописи, возрождает традиции киевского летописания. На основании московских сводов в Новгороде, Твери, Пскове, Ростове создаются общерусские своды. Идея единства побеждает раньше самого политического единения.

В XV-XVI вв. летопись является выразителем строго официальной точки зрения, но утрачивает значение государственного документа. Государственный архив и архив Посольского приказа становятся конкурентом летописи. Последняя превращается в чисто литературное произведение и приобретает воспитательный характер. Приказное делопроизводство и повествовательная литература вытесняют летопись, как таковую, выделяя из нее новое историческое повествование типа «Степенной книги», исторических повестей и сказаний.

В то же время летопись становится сводом, описью исторического материала. Она уже не могла удовлетворить усложнившихся политических потребностей. Непосредственно документ и историческая беллетристика заменяют официальное летописание. Сказание о Смуте, «Новый летописец», «Летопись о многих мятежах» уже по существу летописями не являются.

Благодаря Смуте усиливается летописание на местах (Новгород, Псков), но это неофициальные летописи. В них в большей степени оказывается частная инициатива и демократические тенденции, а также стихия фольклора. На протяжении семи веков существования летопись постоянно была связана с жизнью, отражала все общественно-политические сдвиги. В этом причина ее живучести и огромного влияния на русскую действительность.

В XVII в. появляется немало новых форм исторического повествования. Помимо новых летописных сводов, летописей и летописцев тиражируются сотнями списков «Русский хронограф» и «Степенная книга». Люди самого разного происхождения и социального положения делают свои повременные записи летописного характера, вносят дополнения, исправления и продолжения в исторические тексты. Можно сказать, что в это время зарождается мемуарная литература. Далек не все авторы известны, но мы знаем произведения дьяка Благовещенского погоста на реке Ваге Аверкия, московских площадных подьячих Шантуровых, знатного дворянина, государственного Деятеля и дипломата И.А. Желябужского. Более того, в конце XVII в. получили развитие исторические и

автобиографические повести, посвященные отдельным событиям и лицам, такие, как «Житие» протопопа Аввакума Петрова, «История о вере» Саввы Романова, «История о невинном заточении... боярина Артамона Сергеевича Матвеева» и др. Самыми крупными произведениями, в которых тщательно продуманный замысел сочетался с внимательным отбором источников и сопоставлением сведений, стали «Созерцание краткое» — и «Известие истинное» Сильвестра Медведева, «История...» Федора Грибоедова, три редакции Латухинской «Степенной книги» Тихона Макарьевского, «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова и «Скифская история» А.И. Лызлова. Эти и ряд подобных произведений знаменовали начало нового этапа в развитии русской историографии, связанного с переходом от накопления к ученому осмыслению исторических знаний. Последние противоречат распространенному мнению о возникновении научного подхода к истории в России только во второй четверти XVIII в. во времена В.Н. Татищева.

Литература

- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVIII вв. М., 1973.
- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XVII — первая четверть XVIII века. М., 1976.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
- Лызлов А.И.* Скифская история / Отв. ред. Е.В. Чистякова; сост. А.П. Богданов. М., 1990.
- Оно всей великой России/Отв. ред. Е.В. Чистякова; сост. Н.М. Рогожин. М., 1989.
- Пешич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961.
- Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982.
- Чистякова Е. В., Богданов А. П.* Да будет потомкам явлено. М., 1988.

Модуль 2. Становление и развитие профессиональной исторической науки в России (XVIII в.)

Лекция 1

2.1. Петровские реформы, их влияние на формирование исторической науки

Первая четверть XVIII в. была временем больших и серьезных преобразований, которые коснулись практически всех сторон жизни России (социально-экономической, политической, культурной и религиозной). Реформы Петра I содействовали образованию абсолютистской монархии, предпосылки для которой зародились значительно ранее. В это время был создан административный бюрократический аппарат. Значительные успехи были достигнуты и в области внешней политики. Взятие Азова открыло доступ к южным морям, выход к Балтийскому морю вернул стране древнерусские земли и поднял международный авторитет России.

И наконец, именно в первой четверти XVIII в. были учреждены специальные учебные заведения и Академия наук (1725 г.). Стала издаваться газета, посылались экспедиции для обследования страны. Правда, в средних учебных заведениях, появившихся при Петре Великом, история как особый предмет не преподавалась. Такого предмета не было в программах цифирных школ и Школы навигационных наук, только в частной школе Феофана Прокоповича предусматривалось преподавание истории. Появление светских учебных заведений, введение более легкого для восприятия гражданского алфавита, распространение печатных светских книг, появление газеты предопределили скорое появление исторической литературы. Правительство было заинтересовано и в том, чтобы запечатлеть события исторической важности, и в том, чтобы сделать их доступными широкому кругу населения. Издатели первой русской печатной газеты «Ведомости» подчеркивали ее историческую направленность. На заглавном листе комплектов газеты за 1704 и 1705 гг. было написано: «Ведомости о военных и иных делах достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во всех иных окрестных странах».

Развитие исторического самосознания в начале XVIII в. самым непосредственным образом связано с широким распространением деловой письменности. Приказное делопроизводство в это время переживало апогей своего развития. В многочисленных приказах постоянно составлялись служебные записи дипломатического, военного, гражданского и церковного характера. В архивах отложилось колоссальное количество хроник текущих дипломатических, военных, поместных событий. Дворцовые и частные разряды, статейные списки (отчеты) дипломатов, различного рода журналы или поденные записи походов, путешествий, хождений по святым местам стали бесценными источниками для истории исторической науки. В значительной степени они вошли в боярские, посольские, разрядные, писцовые, родословные, вкладные и прочие книги. В общей сложности вся деловая документация представляет собой особый вид исторических произведений с хронологической и календарной последовательностью и определенным самобытным содержанием. Нельзя не заметить преемственность хроникальной манеры повествования этого рода исторических произведений с летописанием. И не только по форме, но и по содержанию. Летописи и деловая письменность, сохраняя хронологическую последовательность, оставляют взаимосвязь событий и их исторический анализ без заранее намеченного изучения. Иначе говоря, их авторы не обусловлены социальным или политическим заказом. Ярким примером могут служить статейные списки (отчеты) русских дипломатов, которые составлялись на протяжении XVI-XVII вв. К концу XVII столетия полнота и красочность их содержания достигли высокого совершенства. Это исторические источники не только по истории дипломатии, исторической географии, лингвистике, этнографии, но и памятники, свидетельствующие о высоком уровне исторической

подготовленности русских дипломатов, их осведомленности в вопросах всемирной и отечественной истории.

Служащие Посольского приказа постоянно обращались к истории дипломатических отношений России с иностранными государствами. Наиболее яркий пример являет большая подготовительная работа перед отправлением Великого посольства Петра I. В конце 1699 г. в Посольском приказе была затребована справка о сношениях России с иностранными государствами с 1580г. Служащим было приказано снять копии со статейных списков посольств в те страны, куда намеривались отправиться члены Великого посольства. Наводились многочисленные исторические справки по вопросам титулования государей и правителей. В конце XVII -начале XVIII в. были составлены такие справки, как «Краткое описание жития, владения и смерти государствующих королей шведских от Рождества Христова даже до сего времени...», «Описание Рима и двора папского», «Пресветлейший свет, или Краткое приятное генеалогическое и политическое описание почитай всех нынешних живых пресветлых высоких персон и пр.».

Не меньшее значение имеют повседневные записи о жизни русских царей — «дворцовые разряды» — своеобразный придворный журнал XVII в. Здесь регистрировались дипломатические приемы, различные церемонии, процессии, церковные службы, которые также в известной степени могут быть отнесены к историческим произведениям. Благодаря разрядным записям с 90-х гг. XVII в. появляются исторические произведения об отдельных военных походах. Они во многом напоминают старые разрядные записи военных событий, но отличаются от них тем, что представляют собой отдельные законченные исторические повествования. В этом отношении заслуживают внимания описание «потешных» маневров 1691 г. и Кожуховских маневров в сентябре-октябре 1694 г. К источникам, близким по происхождению к разрядным записям, относятся журнальные записи, которые велись в бомбардирской роте, всегда сопровождавшей Петра I. Петровские «Юрнали» систематически составлялись со времени первого Азовского похода в 1695 г. и закончились в 1724 г. Это официальные исторические документы, которые велись специально назначенными или выделенными лицами. Подобные же журналы боевых действий составлялись при командующих. Например, журнал вице-адмирала Крюйса о походе на Азовское море в 1699 г., морские журналы Н.А. Сенявина за 1705-1712 гг., Ф.И. Соймонова о походе в Персию и многие другие. Важно отметить, что оригиналы походных журналов, Морских компаний и копии с них стали основным источником при написании «Истории Свейской войны». Со временем походные журналы эволюционировали в самостоятельные исторические произведения первой четверти XVIII в. Несомненно, что деловая письменность XVI-XVII вв. — это хроникальная основа, которая представляла основной фактический материал и питала историческое самосознание начинающих историографов XVIII в.

Петр I и история

Надо отметить, что и сам Петр I очень интересовался отечественной историей и немало способствовал ее разработке. Современники оставили свидетельства о том, что учитель будущего императора Н.М. Зотов уже «сказывал своему воспитаннику о царе Алексее Михайловиче, Иване Грозном, Дмитрие Донском, Александре Невском и Владимире». Для наглядного обучения использовались лицевые летописи — «Царственная книга», Никоновская летопись и др. Мать Петра царица Наталья Кирилловна повелела отдать для обучения сына «все исторические книги с диковинами, и всяя России книги с рисунками градов, и многих знатных во вселенной городов». Распоряжение 1682 г. предписывало прислать Петру Алексеичу в Троице-Сергеевский монастырь «книгу Царственную, откуда произыде корень великих государей». В 1683 г. из библиотеки царя Федора Алексеича для Петра были взяты «Библия в лицах с летописцем» и «Хроника» Матвея Стрыйковского.

Не случайно в своих записных книжках Петр ссылался на исторические примеры гибели греческой монархии, падение Карфагена и Константинополя. В 1709 г. он потребовал

разыскать в монастырях жалованные грамоты великих князей до времени правления Ивана IV и уточнить, какие имеются у тех грамот печати. Петр собирал старинные монеты, медали, необыкновенные предметы, мечтал написать текст первой русской истории и составлял новый алфавит. Специальным указом 1720 г. он предписал губернаторам городов пересмотреть все, что у них хранится в монастырях, соборах и башнях, составить описи и прислать в Сенат. Тогда же Петр писал Б.И. Куракину: «Ежели еще какие наши старинные пушки, а наипаче мартыры, которые литы в Руси во сто лет и старее, чтоб их купить, не допусая до переливки». В 1722г. был издан новый указ с требованием «гражданские летописцы, степенные хронографы и прочие им подобные прислать в Синод для снятия копий с них». Интересно, что довольно часто эти указы не исполнялись из-за нежелания передавать в руки правительства те документы, которые ценились в антипетровских кругах.

2.2. Первые исторические работы начала XVIII в.

В первой половине XVIII в. под исторические факты подводится определенная философская основа и вырабатывается критическое отношение к источникам. Тематика определялась самой действительностью: вопрос о значении государства и роли самодержавного монарха в жизни страны и задачи внешней политики. Сопратники Петра I понимали необходимость увековечения славных побед России. С этого же времени гораздо в большей степени устанавливается тесная связь с западноевропейской историографией, переводится сравнительно большое количество иностранных работ по всеобщей истории. Среди переводов отметим «Введение в историю Европейскую» Самуила Пуффсидорфа, сторонника теории «естественного права», т.е. права на основе человеческого разума. Были опубликованы также переводы католического писателя, папского кардинала, библиотекаря Ватикана цесаря Барония «Анналы», книги протестантского епископа Вильгельма Стратемана, сочинения Юлия Цезаря, Иосифа Флавия, Квинта Курция «О делах, содеянных Александром Великим...», Шхонебека «История о орденах или чинах воинских» и др. Особенное внимание переводчиков привлекали сочинения на политические и военные темы.

Философское осмысление человеческой истории в XVIII в. связано, прежде всего, с учением о естественном праве и общественном договоре. Выдающимися приверженцами этого учения были голландский юрист Гуго Гроций (1583-1645) и английский философ Томас Гоббс (1588-1679). Важнейшим сочинением Гроция стал труд «О праве войны и мира», опубликованный в 1625 г. и переведенный на русский язык около 1710г., наиболее известная работа Гоббса «Левиафан» вышла в свет в 1651 г. Гроций и Гоббс близко сходились в объяснении происхождения государства в результате добровольного общественного договора. Расхождения начинаются, когда заходит речь о вытекающих из общественного договора нравах и обязанностях государства и подданных. Благодаря успехам естествознания, позволившим научно объяснить многое из того, что еще недавно являлось сферой теологии, ученые начала XVIII в. надеялись распространить действие законов математики и естествознания на историю. В России, как и в Германии, теория естественного права использовалась не только для апологии абсолютизма, но и для обоснования дворянских привилегий.

Ф. Прокопович

Представителем теории естественного права был один из виднейших публицистов и церковно-политических деятелей петровского времени Феофан Прокопович (1681-1736). Он написал ряд похвальных слов, сочинений по риторике и педагогике, стихи, драму и специальные исторические труды. Одним из первых ввел в русскую драматургию сюжеты из отечественной истории. «Трагедокомедия» из эпохи крещения Руси «Владимир», написанная им в 1705 г., стала одним из первых национально-исторических произведений. В 1706 г. при встрече Петра I в Киеве Феофан Прокопович в приветственной речи говорил о событиях отечественной истории, связанных с Киевом, деятельностью Владимира и Ярослава Мудрого. После 1706 г. Феофан Прокопович составил историографический трактат,

вошедший составной частью в его учебник «Риторика», Отмечая возможные случаи использования риторики для исторических сочинений, он говорил: «Не просит ли помощи у красноречия наше отечество, когда столько славных деяний его совершенно забыты?» В историографическом сочинении Феофан Прокопович преследовал две цели: во-первых, показать приемы и правила, необходимые для историка, и, во-вторых, подвергнуть критике вымыслы против православия писателей-католиков. История, по Прокоповичу, должна излагать факты прошедшего и представлять возможность учиться делать полезное и избегать вредное.

Народы, еще не знающие государственных законов, «естественно законная творят», говорил Ф. Прокопович. «Таковы законы суть в сердце каждого человека». К числу присущих природе человека законов или свойств относятся: стремление к сохранению, продолжению жизни и своего рода, почитание родителей и требование «не творити другому, аще себе не хощеши». Первейший же закон сердца каждого человека «любити и бояться Бога». Согласно Ф. Прокоповичу власть и слава царская обосновывались как Священным Писанием, так и естественным правом. При этом подчинение царской власти и вообще всем властям предержавшим признавалось главным естественным законом («се всех законов главизна»).

Ф. Прокопович соглашался с «политическими учителями», утверждавшими, что форма правления зависит от «природы народов» и ее особенностей. Однако все же считал, что демократия и аристократия порождают многие бедствия, как и выборная монархия по польскому образцу. Как доказательство в «Слове похвальном», посвященном рождению царевича Петра Петровича, он приводил многие примеры из древней и новой истории, из истории Европы, Азии и Африки, Киевской Руси и Смуты начала XVII в.

Феофану Прокоповичу принадлежит также труд «История императора Петра Великого от рождения ега до Полтавской баталии и до взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно». «История...» делится на четыре книги: в первой книге излагаются события от рождения Петра Алексеевича до начала Северной войны; в книге второй описываются первые годы войны (до основания в 1703 г. Санкт-Петербурга); третья книга доводит изложение материала до 1708 года; книга четвертая посвящена действиям войск Карла XII на Украине и заканчивается победой русских войск под Полтавой и Переволочной. Так видит Феофан Прокопович решающие этапы Северной войны. Построение Петербурга, согласно концепции автора, — это результат побед России, приведших к возвращению берегов Невы. Выступая апологетом абсолютизма, Феофан Прокопович поднимает вопрос о взаимоотношении государства, монарха и народа, одновременно усложняя идеологическую трактовку основ абсолютизма. Появляется теория ответственности монарха за порученное ему государство и за народ; кроме того, была сформулирована идея «государственной пользы», к которой должны быть направлены труды монарха. Подчеркивается мысль о том, что государь должен являться примером своим подданным. Особое значение приобретают понятия «ревности Отечества», «славы России» и т.д.

В «Истории...» Феофана Прокоповича использованы «Рассуждение...» П.П. Шафирова, материалы «Журнала или поденной записки Петра I» и другие источники, о которых будет сказано ниже. В целом все изложение отличается документальностью. Имеются характеристики отдельных исторических лиц (положительные и отрицательные), например гетмана Мазепы.

Ф. Поликарпов

В начале XVIII в. в России все еще делаются попытки осмыслить историю и определить ее задачи с точки зрения правящего класса, что было необходимо для дальнейшей практической деятельности. История становится самостоятельной отраслью знания, исторические произведения начинают отделяться по своему содержанию, характеру и целям от произведений литературы, публицистики и т.д.

В 1708г. Петр I поручил справщику московской типографии, дьяку Ф. Поликарпову написать историю России. Задачи были четко определены: «Понеже его царское величество желает ведать российского государства историю, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано... И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно. О сем имей старание, да имаши получить немалую милость; от гнева же сохрани тебя Боже!»

Предметом рассмотрения Поликарпова, по мысли Петра, должна быть история Русского государства с XVI в., т.е. со времени, когда закончился период политической раздробленности, и началась политическая централизация России. Иными словами, нужно было идеологическое обоснование политики абсолютизма. Уже в самой постановке социального заказа есть указание источниковедческого порядка (выборка материала из летописей и его сличение, критическая проверка разноречивых свидетельств). Однако опыт не удался, и автору передали мнение царя: «История твоя российская не очень благоугодна была». Поликарпов не угодил своим трудом Петру и его окружению, прежде всего потому, что о современных событиях, особенно связанных с ходом Северной войны, он писал кратко и без достаточного источниковедческого обоснования. Стоит добавить и то, что Поликарпов был воспитан в духе старой образованности XVII-в. и критически относился к преобразованиям, которые проводил Петр и его сподвижники.

«Ядро российской истории» А.И. Манкиева

В 1716г. секретарь русского посольства в Швеции А.И. Манкиев закончил большой труд «Ядро российской истории». По словам автора, он «имел на сей труд повеление, а особливо, чтоб описать славные его царского величества дела». Манкиев использовал, кроме летописей, акты и вещественные источники. Это произведение уже далеко отошло от сочинений типа летописцев и отличается по своему построению от «Степенной книги» и «Синописа». Оно делилось на семь книг, каждая из которых разбивалась на главы. Деление на книги соответствовало наиболее характерным и крупным периодам русской истории.

В первой книге автор стремился решить вопросы происхождения русского народа и Русского государства. Он считал, что история Руси начинается с Рюрика, положившего начало самодержавной власти. Тем самым династия русских царей в целях ее возвеличивания через Рюрика генеалогически связывалась с династией римских императоров.

Далее в первой книге ставился вопрос о происхождении названий «славяне», «росы». Автор применил метод анализа и сопоставления корней, общих для ряда близких по значению слов. Имя «россианы» производится от потомка Мосоха — князя Руса, термин «славяне» — от той великой страны, которую они себе заслужили своей храбростью и мужеством. Он впервые критически разбирает утверждения историописателей других стран, которые, сопоставляя корни русских слов с латинскими, отождествляли эти слова и по смыслу («славяне» и «sclavus» — невольник, раб). Манкиев осмысливал имена славянских вождей — Святослав, Венцеслав, Мстислав, Болеслав — и подчеркивал, что «почти все от славы имена имели, а не от невольничества, как некоторым приснилось». Второй довод сводился к признанию большой древности славянского языка по сравнению с «испорченным римским». Как ни субъективна такая аргументация, она была шагом вперед в русской историографии по пути развития приемов изучения источников.

Несовершенство демократического строя согласно концепции Манкиева привело к раздорам, «несоюзству» среди новгородских «граждан» и заставило их обратиться к варяжским князьям с призывом взять на себя правление на Руси. Политический смысл концепции Манкиева заключался в утверждении давности абсолютизма в России и того, что самодержавие — наиболее совершенная форма государственного устройства.

Последующее изложение посвящено истории этой самодержавной власти, которая обеспечивает, по мнению автора, твердый порядок и проходит в своем развитии следующие этапы:

- от Рюрика до Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо;
- от нашествия татаро-монголов до ликвидации их власти при Иване III;
- от Ивана III до смерти Федора Ивановича;
- от Бориса Годунова до Михаила Романова;
- от Михаила Романова до царствования Петра I (по 1712 г.)

Так обосновывалась великодержавная схема исторического развития России.

Что касается народных движений, то Манкиев дает отрицательную характеристику городским восстаниям в Москве в 1648 и 1662 гг.: «бунты черни». Бунтовщиком называет он С. Разина: «даже по самую Рязань и к Москве идти был намерен». Стрелецкое восстание 1682 г. Манкиев называет «великим смятением» и расценивает его как акт, подготовленный царевной Софьей и направленный против ее противников из числа бояр.

Политическая история в «Ядре российской истории» занимает основное место, но встречаются известия, касающиеся и экономических вопросов. Например, о торговле с Англией в XVI в. На всем протяжении книги Манкиева замечается интерес к вопросам всемирной истории. Так, говоря о происхождении русского народа, автор приводит предания, касающиеся происхождения египтян, греков, римлян, англичан, французов, венгров. Дает представление о византийском законодательстве и особенно о законах Юстиниана. Рассказывает автор и об открытии Америки, о Кромвеле и английской революции.

Наряду с русскими источниками автор использует и материалы иностранные, ссылается на античных авторов (Геродота, Ксенофонта, Птолемея, Плиния), польских хронистов (Длугоша, Стрыйковского, Кромера, Бельского и др.). Свидетельства С. Герберштейна он сопоставляет с данными русских летописцев. Про посланника шведского короля Карла IX Петрея-де-Ерлезунда пишет: «во всех своих книгах народ русский без чистой совести и срама ругает».

К сожалению, работа Манкиева была напечатана только в 1770г., что, несомненно, снизило ее значение в развитии исторической науки. Однако появление ее показывает, что уже в первой четверти XVIII в. наметились очень серьезные сдвиги в русской историографии: «Ядро российской истории» — это памятник историографии, в котором, с одной стороны, отразились старые представления, свойственные средневековым историческим трудам, с другой — появились новые приемы в подходе к источникам и объяснению исторических явлений.

Исторические труды о царствовании Петра I. П.П. Шафиров

Помимо трудов общего исторического характера, в первой четверти XVIII в. появился ряд книг, посвященных специально царствованию Петра I.

Важнейшей задачей историографии, выдвинутой в ходе Северной войны, было обоснование исторических прав России на побережье Балтийского моря. Эта задача была поставлена в «Истории Северной войны», «Журнале или поденной записке блаженной и вечнодостоинной памяти императора Петра Великого с 1698 года, также до заключения Нейштадского мира». Последнее название работе дал М. Щербатов, подготовивший «Журнал...» к печати в 1770 г. Издатель указывал, что первая часть работы (до 1715 г.) была отредактирована Петром I, вторая же часть осталась им непросмотренной.

Это не был журнал военных действий. Его задачи были гораздо шире: показать развитие внешней политики России накануне и во время Северной войны; охарактеризовать вооруженные силы страны; осветить ход Северной войны на всех театрах военных действий. Таким образом, «Журнал...» положил начало систематическому освещению войн России.

Труд «Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр I к начатию войны против короля Карла XII, Шведского 1700 году имел ...» вице-канцлера П.П. Шафирова напечатан в 1717 г. и представляет собой, с одной стороны, трактат по международным отношениям, с другой — произведение исторического характера. Поскольку «Рассуждение...» появилось накануне переговоров России со Швецией об

условиях мирного договора и содержало программу международных отношений и обоснование норм международного права, которых, как стремился показать автор, придерживалось русское правительство. Переведенная на немецкий язык книга Шафирова получила известность в Европе.

В «Рассуждении...» поставлены три вопроса, которые четко сформулированы в заглавии: 1) О причинах Северной войны; 2) О виновниках длительного ведения войны; 3) О том, в какой мере соблюдаются обоими противниками правила войны. Рассмотрению этих трех поставленных в заголовке вопросов автор посвящает соответствующие разделы своей книги.

Книга начинается с апологии Петру I, далее Шафиров говорит об успехах, достигнутых Россией при Петре I. Таким образом, оценка значения царствования Петра I, данная Шафировым, свидетельствует, что в его понимании исторического развития России определяющая роль отводится царю-преобразователю. Прославление абсолютизма сочеталось у Шафирова с идеализацией монарха, т.е. Петра I. Это, конечно, был шаг вперед на пути постепенного отказа от объяснений исторических явлений с позиций провиденциализма. Вопрос о причинах Северной войны решался в том смысле, что она вызвана неприязненными действиями Швеции и вследствие этого является законным актом со стороны России.

Второй вопрос: на кого падает ответственность за длительный характер военных действий? В «Рассуждении...» доказывалось, что виновником является Карл XII, отвергавший предлагаемые ему русским правительством «обширные пропозиции». В третьем разделе книги собраны доказательства того, что Россия вела войну по обычаю и правилам всех христианских народов, а Швеция допускала правонарушения и жестокости. Изложенная в «Рассуждении...» Шафирова внешнеполитическая программа, отвечавшая интересам дворянского государства, имела, конечно, объективно прогрессивное значение, так как овладение Балтийским побережьем было необходимо для экономического и культурного развития России. Однако в «Рассуждении...» имеется и явная идеализация внешней политики России и культ самого государя. Сам тип «Рассуждения...» как явление исторической мысли с историческим обоснованием и документацией выдвигаемых вопросов, конечно, был новым явлением в области русской исторической, правовой и политической мысли.

Хотя зарождение археографии в России относится к середине XVIII в., однако, уже в «Рассуждении...» Шафиров начал публикацию дипломатических документов о русско-шведских отношениях с середины XVI в. по 1700 г. Он один из первых, кто начал разрабатывать приемы передачи текста документов.

Б.И. Куракин

Царствование Петра I послужило темой ряда исторических работ, принадлежащих перу его ближайших сотрудников: один из них — представитель потомственной аристократии, женатый на сестре первой супруги Петра I А.Ф. Лопухиной, Борис Иванович Куракин (1676-1727). Участник многих военных походов, начиная с Азовских и вплоть до Полтавы, с конца 1709 г. Б.И. Куракин был назначен полномочным послом в Англию, затем в Ганновер, Нидерланды и Францию. Он был не только дипломатом, мемуаристом, автором большого эпистолярного наследия, но и историком. В своих политических взглядах Куракин симпатизировал потомственной аристократии, которую он считал несправедливо обиженной Петром. Исторические познания Куракина были непосредственно связаны с его дипломатической деятельностью. Ему как дипломату надо было знать историю того или иного города или страны. Нередко приходилось составлять для себя своего рода исторические справки. Его перу принадлежат: «Дневник и путевые заметки» за время с 1705 по 1708г., «Жизнь князя Бориса Куракина», «Записки о русско-шведской войне до 1710 г.», «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (1682-1694) и «Введение о главах в Гистории».

«Дневник и путевые заметки» Куракин вел во время своего пребывания за границей. Это произведение, конечно, еще нельзя назвать историческим. Автор побывал в Вильно, Ковно, Кенигсберге, Кольберге, Берлине, Карлсбаде, Лейпциге, Амстердаме и других городах. Свое описание он снабдил небольшими историческими справками. Однако, сравнивая «Дневник...» со статейными списками российских дипломатов XVII в., мы видим, насколько ушли вперед путевые записки петровских дипломатов.

Другое произведение Куракина «Жизнь князя Бориса Куракина» охватывает время с 1676 по 1709 г. и по своему содержанию выходит далеко за пределы автобиографии. Автор помимо перечисления преобразовательных мероприятий петровского правительства подробно рассказывает о прибылях государства, расчетах государственных доходов и т. д.

«Записки...» о русско-шведской войне доведены Куракиным до 1710 г. Источниковедческой основой этого произведения стали личные воспоминания, современные газеты и реляции. В «Записках...» содержится много дипломатических и военных подробностей. Однако Куракин писал только о тех сражениях, в которых принимал личное участие. Сохраняя общеисторический фон, он также описал деятельность Петра и его военачальников.

Наиболее заслуживающим историографического изучения представляется сочинение Куракина «Гистория о царе Петре Алексеевиче». Это часть большого, но незавершенного труда по «Гистории Славянороссийской империи». Сохранился план, в основу которого должны были лечь как письменные источники, так и личные воспоминания автора. Куракин предполагал вкратце остановиться на происхождении славянороссийского народа и рассказать о начале князей по киевской линии. Конечно, аристократическое происхождение Куракина сказалось на восприятии им исторической действительности. Так он намеривался изложить не только историю всех ветвей рюриковского рода, но и «фамилии выезжих», т. е. рода Куракиных, поскольку последние вели свое родословие от полоцкого князя Изяслава. Затем рассказывается о перенесении столицы из Киева во Владимир и оттуда в Москву, специальные главы посвящены Новгородской и Псковской республикам. Из глав книги до середины XV столетия читатель узнает о крещении Руси, обычаях, княжеском правлении и времени, когда Русь становится суверенной страной. Описание конкретных исторических личностей начинается с Ивана III, значительное место отведено Ивану Грозному. Смутное время Куракин называет революционным. Рассказывая о периоде от Михаила Романова до воцарения Петра I, Куракин отдельно выделяет главы о Разине, бунтах на Украине и в Москве, расколе и Никоне.

Описывая время правления Петра I, он выделяет три основные темы: вопросы внутривластной жизни, война со Швецией и дипломатическая деятельность России. Фигура Петра I занимает не столь большое место. Автор, симпатизируя Софье, основное внимание обращает на борьбу различных придворных группировок за власть в 1682-1694 гг. Говоря о государственных деятелях, он пишет, что Софья — «принцесса доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и не искусная в делах и ума легкого». Имеются очень язвительные характеристики ряда представителей боярства и дворянства: Л.Н. Нарышкин — «человек гораздо посреднего ума и невоздержанный к питию, также человек гордый, хотя и не злодей». Т.Н. Стрешнев — «лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего... интриган дворовый». Б.А. Голицын — «ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежный, понеже любил забавы, а особливо склонен к питию». Про Лопухиных — родственников первой жены Петра I — говорится: «были люди злые, скупые, ябедники, умов самых низких и незнающих нимало во обхождении двором, ниже политики — в оной знали». Про князя Ф.Ю. Ромодановского Куракин пишет: «Сей князь был характеру партикулярного; собою видом как монстра, нравом злой тиран; превеликий нежелатель добра никому; пьян по вся дни; но его величеству верный так был, что никто другой». Лефорт «был человек забавный и роскошный или назвать его дебошаи французской». Интерес к человеческим характерам пронизывает всю «Гисторию...» Куракина. «Характеры» исторических лиц во многом определяют, по мнению автора,

происходящие события. Ход истории определяется влиянием и взаимодействием таких факторов, как «интрига» и «счастье».

Мы видим, что центр внимания в объяснении истории переходит с Божьего повеления на действия, «интриги» отдельных людей и их групп, связанных между собой общими целями. История — это поле борьбы отдельных характеров, причем успех часто зависит от счастья, случая, «фавора». История становится самостоятельной отраслью знания, и исторические произведения начинают отделяться по своему содержанию, характеру и целям от произведений литературы и публицистики.

Авторы первой половины XVIII столетия приходят к выводу о том, что исторический процесс дает примеры непрочности, как отдельных человеческих судеб, так и судеб целых царств, зависящих от воли провидения. История учит властителей тому, как надо держать в подчинении своих подданных, как укротить мятежников, смирить крамольников и искоренить непокорных. Мы видим, как все больше утверждается идея о том, что история должна быть не просто собранием занимательных рассказов и небылиц, а надо изучать события, характеризующие историю государства или общества. Причем изучение истории следует доводить до современности. Интересно также критическое отношение переводчиков к публикуемым трудам.

Поиски, публикация, критика источников

Отдельно следует сказать о том, что в историографии XVII — XVIII вв. существовали историки-эрудиты, посвятившие себя делу собирания, публикации и критики исторических источников. Как правило, это были люди, непосредственно связанные с религией и церковью. Начало исходило от западноевропейских эрудированных монахов-историков, которые занимались оправданием Римско-католической церкви и видели свою задачу в том, чтобы привести в известность как можно больше документов, способных противостоять против критики и разоблачений идейных противников. Монахи-эрудиты открывали неизвестные материалы и хроники, проводили скрупулезный и тонкий источниковедческий анализ в защиту и во имя славы Господней. Порой именно благодаря тщательности поиска, тонкости анализа и трудолюбию, они даже вопреки своим убеждениям входили в противоречия с интересами и постулатами церкви.

Среди прочих для нас особо следует отметить труды библиотекаря Сен-Жерменского монастыря Мабильона (1632-1707), который справедливо считается основоположником вспомогательной исторической дисциплины — дипломатики. А началось все с изучения актов и дипломов, полученных церковью и монастырями на пожалованные земли и доходы. Мабильон и его соратники значительно продвинули вперед разработку других вспомогательных исторических дисциплин, таких, как палеография и хронология. Ученый монах-бенедиктинец Б. Монфокон (1655-1741) на рубеже XVII и XVIII вв. развернул огромную публикационную и комментаторскую деятельность с теоретическим обоснованием, положив тем самым начало палеографической науке. Подобные достижения соответственно отражались на формальной критике источников, определении их состава и подлинности. Будущий фактический создатель научной критики письменных источников в России А.Л. Шлецер вышел немецкой школы профессора Геттингенского университета И.Д. Михаэлиса.

Схожие случаи можно встретить и в России. Это конечно, деятельность патриарха Никона, связанная с исправлением богослужебных книг после сравнения их с более древними подлинными первоисточниками. Позднее в борьбе с расколом Петр I прибегал к прямому документальному подлогу. С санкции императора были опубликованы и вышли тремя изданиями «Деяния соборные на еретика арменина Мартина», документ, якобы относящийся к 1157г., и «Феогностов требник», который будто бы был составлен в 1329 г. по повелению Ивана Калиты. Оба памятника содержали резкую критику того, что раскольники считали присущим древнему благочестию. В ответ раскольник Андрей Денисов провел тщательное источниковедческое исследование как «Деяний...», так и «Феоностава

требника» и доказал, что «вид письма», «речения и пословицы», содержащиеся в документах, «не древнего времени, но нынешнего». Кроме палеографических и филологических методов критики источников, Денисов обратился к хронологии и установил, что упомянутый в «Деяниях соборных... в качестве правившего киевского князя Ростислав Мстиславович в действительности не княжил в это время». Раскольники доказывали, подложность «Деяний...» и «Требника...» тем, что в безусловно подлинных древних памятниках письменности они ни разу не были упомянуты. Кроме того, такой известный церковный деятель, как Иосиф Волоцкий (Санин), указывал, что со времен крещения при Владимире и до новгородской ереси «жидовствующих» на Руси каких-либо ересей не существовало. Следовательно, не было и никакого еретика Мартина в XII в.

Подводя итоги, можно сказать, что развитие историографии в XVII — начале XVIII в. происходило в двух направлениях. Первое — это историография, воодушевленная и наполненная идеями естественного права и общественного договора. Иными словами, социальный заказ развивающегося абсолютизма. Второе — в это время начинают специально собирать и издавать письменные исторические источники.

Следующий этап в развитии исторической мысли и критики связан с именем Василия Никитича Татищева.

Литература

Пештич С.Л. Русская историография XVIII века- Л., 1961 Ч. 1.

Шатицко А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 г. М. 1993 г.

2.3. Исторические труды В.Н. Татищева

В XVIII в. в европейской науке произошли заметные сдвиги в развитии философии и истории. В работах европейских ученых Д. Локка, Л. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа и других широкое распространение получили теории «естественного права» и «общественного договора». Постепенно они начинают проникать в Россию. В первой половине XVIII столетия в российской исторической науке наметился отход от провиденциализма. Очевидным стало стремление объяснять произошедшие события, анализируя их причинность. Рационалистический подход к истории становится основным. Исторические факты и события начинают рассматриваться через призму человеческой деятельности, да и сам ход истории истолковывается с точки зрения человеческого разума. Это не всегда удавалось, но желание первых русских исследователей объективно оцепить ситуацию очевидно. К историческим знаниям и исторической науке формируется устойчивый интерес. Качественно новый этап превращения исторических знаний в науку связывают с именем Василия Никитича Татищева.

В.Н. Татищев был многогранен в своей жизнедеятельности. Он не был профессиональным историком, но ему были близки этнографические и археологические сюжеты. Татищев обладал глубокими познаниями в географии и горном деле. Его называли математиком, естествоиспытателем, лингвистом, юристом. Просвещенный деятель и талантливый администратор, свой главный след в отечественной культуре он оставил, однако, благодаря историческим и публицистическим трудам. Татищев происходил из захудалого рода смоленских дворян, но он получил хорошее домашнее образование и в 1704 г. поступил на военную службу. Развивая умения и таланты, в ходе своей деятельности Татищев был замечен Я. Брюсом, генерал-фельдмаршалом, а в дальнейшем президентом Берг и Мануфактур коллегий. Татищев участвовал в сражениях во время Северной войны, был ранен под Полтавой. Сам Петр I поздравил его «быть раненым за Отечество». В ходе военной кампании, по поручению Брюса, Татищев совершил ряд поездок за границу, где не только выполнял приказы царя, но и повышал свое образование.

В 1720-1721 гг. и 1734-1737 гг. Татищев возглавлял горнозаводскую промышленность Урала. В регионе он развернул свою деятельность по строительству школ и библиотек, которые после его смерти просуществовали без коренных изменений 158 лет.

После смерти Петра I Татищев оставался сторонником самодержавной власти, с которой связывал силу и могущество России. В 1730г. он принял активное участие в отражении попыток «верховников» (членов Верховного тайного совета) ограничить власть новой императрицы Анны Ивановны. Несколько лет Татищев был губернатором Астрахани, где занимался решением экономических и национальных вопросов, после чего переехал в свое родовое имение Болдино под Москвой. Здесь он продолжил свои научные изыскания и провел последние годы жизни.

Основы мировоззренческой концепции

Исторические воззрения Татищева проникнуты идеями рационализма и практицизма. Он стремился убедить как представителей власти, так и отдельных лиц в необходимости и пользе исторических знаний. Сам он объяснял понятие «история» как «слово греческое, то самое значит, что у нас деи или деяния». При этом он впервые делает попытку объяснить причины происходивших событий, подчеркивая, что «ничто само собою без причины и внешнего действия приключиться не может», тем самым указывая на существующие закономерности в развитии народов. В «Предъизвещении» (предисловии) к «Истории Российской» Татищев упоминал имя Х. Вольфа как человека, на идеи которого он опирался при написании своего труда. В «Истории Российской» он писал о необходимости знания истории представителями различных профессий. Она нужна богослову, юристу, медику, политику, военачальнику и др., так как всем им необходимо «древнее знание» по своим специальностям. Нравственная роль истории заключается в том, что она свидетельствует «как добродетель постоянно вознаграждалась, порок наказывался». Этим утверждением Татищев указывал, что знание истории нужно, прежде всего, для понимания и осознания будущего.

История человечества есть ни что иное, как развитие человеческого разума — «всемирного умопросвещения». Исходя из этого, Татищев выделил три ступени в развитии человечества. В 1733г. свои взгляды Татищев обстоятельно изложил в философском произведении «Разговор двух приятелей о пользе наук и учили», где обосновал свое видение истории человечества и становление процесса научного знания. Татищев сравнивал развитие человечества с развитием человека: «како разделяете состояние всего мира на станы младенческий, юношеский и протчее». В разных формах такое представление будет распространено в науке вплоть до XX в. У Татищева же оно имеет определенное своеобразие, навеянное духом Просвещения. Более краткую характеристику каждого этапа Татищев привел в «Предъизвещении» к «Истории Российской».

Первый шаг к «всемирному умопросвещению» — это есть «обретение букв, благодаря которым человек смог сохранить в своей памяти произошедшие события. Данный этап Татищев определяет как младенчество. Эпоха младенчества — это время до письменное, когда люди жили по естественному закону. В этот период истории они как «...младенец без речения другим и ближним себе своего мнения и желания изобразить и... разуметь, ниже... в памяти для предбудущей пользы сохранить может...». Тогда все держалось одной только памятью. Но она не у всех была одинаково «твердая и со временем мало кто мог сохранить в ней правила и законы, которые остались от предков. Татищев считал, что младенчество начиналось в условиях непосредственного общения с Богом. И хотя Бог заботился о тех, кто живет на земле, сам человек не становился от этого лучше, так как не было письменности, и из-за ее отсутствия «...мало им такое наставление помогало и большая часть ослепяся буйством, в невежество суеверия впади, сквернодейства и свирепости, яко же протчие самим вредительные обстоятельства и поступки за благополучие и пользу почитали».

Юность, второй этап в развитии человечества, связывалась у Татищева с пришествием Христа. Дохристианский мир погряз в «мерзости» языческого кумиропоклонения. Учение же Христа принесло с собой не только душевное спасение, но и прежде всего благодаря этому «все науки стали возрастать и умножаться, идолопоклонничество и суеверие исчезать». Но

на этом этапе развития можно увидеть препятствие в распространении знаний, причиной которого становится церковь, устраивавшая гонения на науку, мешая в распространении знаний посредством сжигания рукописных книг.

«Мужеский стан» является третьей ступенью развития. Свое начало она берет с «обретения теснения книг», так как книгопечатание открыло миру свет на многие вещи и принесло человечеству огромную пользу. Ученый, рассматривая этот этап, стремился в дальнейших своих изысканиях уделить должное внимание положению дел в России. И в связи с этим отмечал, что сейчас из-за отсутствия в России вольного книгопечатания и вольного «книгопродавства» «...наукам нужным распространяться не возможно, и из древних, полезных нам письменные книги распродадут, что оных впредь знать не будут».

У Татищева сложился «прямолинейный» вариант концепции поступательного «восходящего» хода истории. Сам прогресс он связывал с развитием научных знаний и представлений, а не с развитием социально-экономических отношений. Решающим критерием в данной периодизации служило идейное развитие общества, истории и его культуры.

В предложенной Татищевым классификации наук история была отнесена к «полезным» вместе с письмом, грамотой, красноречием, греческой риторикой, иностранными языками, математикой, геометрией, механикой, оптикой.

Развивая идеи о «естественном праве» и «общественном договоре», Татищев строит свое учение о государстве и политическом устройстве общества. Основой общественного строя является естественный закон, заложенный самой природой человека. Сам человек «недостаточен», поэтому ему необходимо «сообщество». Таким сообществом первоначально будет семья. По мере развития отношений семья перерастает сначала в род, затем в род с усложненной структурой, город-государство и монархическое государство. Татищев предложил классификацию форм правления, существовавших в мировой истории. Он выделил монархию — правление «...единовластное, как то Россия, Франция, Дания, Гишпания и прочие... единым государем правится». Другая форма правления — это «аристократия, или избранными неколиками персонами, как видим веницианское правление». Следующая форма — «демократия, или общенародное, когда общества... от себя выбирая, определяют, как то Галандия, Швейцария и многие малые республики». Выбор формы правления, по мнению Татищева, определяется географическими факторами. В основе лежит территория, естественная ее защита (например, островное положение государства, защита в виде гор), соседи. «Великие же и от соседей небезопасные государства, без самовластного государя быть и в целости сохраниться не могут» — так Татищев обосновывал изначальное становление монархии в России. Он прослеживал формирование и развитие единодержавия на различных исторических примерах, следуя хронологии событий. Исследователь констатирует, что как только «сделалась аристократия», то «государство ... в такое бессилие» пришло. При сильном же правителе (например, Владимире I) Русь «в славе, чести и богатстве непрестанно процветала и в силе умножилась». Для большей убедительности своих доводов Татищев приводил примеры из мировой истории. Ассирия, Египет, Персия, Рим и другие государства были прочны до тех пор, пока сильной являлась власть монарха. В России, по мнению Татищева, наиболее приемлемой формой правления являлась монархия, так как в родном отечестве он «видит и низкий уровень просвещения, и сепаратизм отдельных областей, преодолеть который в состоянии только сильная центральная власть», видевшаяся ему «в форме единовластия». Сам Татищев принимал активное участие в событиях 1730 г., где выступил в стане «мятежников», но позднее под давлением «монархистов» принял их сторону. При Елизавете Петровне им была написана повествующая о недавних событиях записка «Произвольное и согласное рассуждение... о правлении государственном», в которой Татищев, подчеркивая преимущества единодержавия, выдвигал предложения конституционного характера. Он предусматривал создание «Внешнего правления», состоящего из 21 человека, и «другого

правительства», включавшего 100 человек, как прообраз парламента для занятий «делами внутренней экономики».

Татищев понимал необходимость использования и опоры на опыт и произведения предшественников. В своей работе он активно использовал материалы и дела «российских древних государей и народов касающиеся», находившиеся в российских архивах и библиотеках других государств. Из произведений иностранных авторов Татищев широко использовал материалы «Кромерова о Польше, Гельмольднева и Арнольдовна о славянах, Плиниева География, Кирхеровы примечания о татарской хронологии» и др.

Хотя первое место Татищев отводит изучению отечественной истории, он отмечал, что знание иностранной истории необходимо. Во-первых, потому, что иначе «своя не будет ясна и достаточна». Во-вторых, знания «о других государствах, в каком состоянии находятся, с кем в какую перемену пришло и в каком состоянии находятся, с кем когда прение или войну о чем имели, какие договора о чем поставлено и утверждено» важны как для правителя, так и каждого образованного человека.

Исторические источники

Татищев подробно описал различные исторические источники, которые он собирал во время своих поездок за границей и по России. Он не только констатировал факт существования того или иного манускрипта, но и описывал местонахождение списка, время и место приобретения и хранения. Исследователь также разграничивал найденные и используемые в работе исторические источники по их профилю и назначению, выделял внешние; признаки материала: стиль и язык написания, что помогло ему датировать время появления источника.

Ученый переписывал, систематизировал материал, который тщательно собирал во время всех своих поездок и выполнения служебных поручений. Все исторические источники Татищев распределил на 4 категории «по верности сказанного», т.е. по степени их достоверности: 1) автор — участник, описываемых событий; 2) автор — современник происходившего; 3) автор — писал позже, но на основе документов; 4) автор — соотечественник, хорошо знающий язык, а не иностранец.

Работая над «Историей Российской»; Татищев столкнулся с трудностями, одной из которых был сбор исторических источников. Он неоднократно выступал с предложением в АН (Академии Наук) приступить к собиранию рукописных источников и сообщал по этому поводу библиотекарю-Академии наук И.Д. Шумахеру: «мое предложение о собирании манускриптов не бесполезно, быть может, и чем ранее оно начнется, тем более собрать можно», так как «за продолжением времени многое нечаянно гниет, которого после сыскать не можно». Татищев также высказывал мысль о том, что успешное исследование истории России невозможно без широкого издания исторических источников. Татищев подготовил проект публикации некоторых исторических памятников, о котором он сообщил И.Д. Шумахеру в письме от 14 января 1740г.: «В собирании русских древностей сообщать ... русских еше не печатано и для того можно сие за первую часть почестъ ... II часть может духовные великих князей зделать, в III некоторые старинные грамоты, в IV соборы, бывшие в Руси».

Татищеву постоянно требовались новые источники для написания своих произведений. В этом же письме Татищев указывает на необходимость прислать ему старый киевский летописец «имянуемого Феодосиева», описания шведских авторов, «яко Руфбека и Шифера», финские «гистории на латинском и шведских языках». Упомянув о бунте 1682 г., ученый отмечал, что в его распоряжении находятся два произведения об этом событии — графа Матвеева и старца Медведева. При этом ученый подчеркивает информационную значимость работы последнего, так как в «оной все надлежащие документы собраны».

Татищев собирал и хранил у себя рукописи, необходимые ему для работы. Это и «История Курбского о Казанском походе...; Попова, архимандрита Троицкого монастыря, от царствования царя Иоанна II до царя Алексея Михайловича; О Пожарском и Минине, о

польских временах...; Сибирская история...; Истории, написанные по-татарски» и др. Многие источники имелись у ученого не в единственном экземпляре и варианте (в частности, история о казанском походе наличествовала у Татищева не только под авторством А. Курбского, но и как произведение неизвестного автора). Татищев не копировал и переписывал древние источники, а стремился к их критическому осмыслению. Многие документы, используемые Татищевым в работе над «Историей Российской», не дошли до последующих поколений ученых и, скорее всего, навсегда утеряны для науки. Уже в XIX в. возникает дискуссия по поводу так называемых «татищевских известий». Ставилось под сомнение определение Татищева как историка на том основании, что он использовал источники, до нас недошедшие. Его работа в этом случае признавалась очередным летописным сводом, автор которого приукрашивал текст, изменял смысл, включал недостоверные сведения. Отсутствие сведений и материалов, подтверждающих правоту и достоверность сведений автора «Истории Российской», расценивается исследователями как преднамеренная компиляция.

Начиная с А. Шлецера историки, среди которых был и Н.М. Карамзин, обвиняли Татищева в недобросовестности. Многие авторы забывали о том, что добросовестность и достоверность его сведений не одно и то же. В настоящее время дискуссия по поводу «татищевских известий» продолжается, но при любой точке зрения «Историю Российскую» необходимо рассматривать как важный исторический труд, не забывая о критическом подходе к нему, как, впрочем, и к любому другому историческому произведению.

В своем исследовании Татищев производил тщательный критический отбор материала, в том числе и летописного. Поэтому мы связываем с его именем важный опыт критического анализа источников. Татищев обратил особое внимание на русское летописание, сам занимался поиском и перепиской летописей. В 1735 г. И.Д. Шумахер получил от него Новгородскую летопись, которую обещал напечатать. Летопись представляла для Татищева большой научный интерес, так как позволила ему заполнить «многие места в истории», «родословия князей» и «хронологии», высказать предположение, что в Древней Руси не существовало единой системы при составлении летописных известий. Каждый князь отдельной земли, каждый монастырь вел свой собственный летописный свод, с наиболее выгодной для себя позиции. Татищев использовал недошедшие до нас летописные материалы, например Раскольничий летописец, а также летописец Южной Руси — Галицкий манускрипт. Тем самым ученый указывал на существование не только центрального, но и местного летописания. Татищев черпал сведения в архивах Казани, Астрахани, Сибири. Многие документы находились в библиотеках частных лиц, и доступ к ним для Татищева не всегда был открыт. Сам Василий Никитич в «Предъизвещении» сетовал на то, что не может сослаться в своей работе на источники, «кроме находящихся в постоянном государственном книгохранилище и монастырях». Ученый использовал гораздо более широкий круг источников, чем его предшественники.

Отдельные главы его произведения повествуют об Иоакимовской летописи — «О истории Иоакима епископа Новгородского» (глава 4), «Несторе и его летописях». Так Татищев не только сохранил описание Иоакимовской летописи, но и дал ей критическую оценку, в частности отмечал «сходство ее с польскими авторам».

Татищев обработал произведения иностранных авторов, содержащих сведения по русской истории: «Для изъяснения русской истории ... потребно паче всех польские и древние шведские гистории». Изучая произведения зарубежных авторов, Татищев неоднократно сталкивался с проблемой переводов. Сам он сетует в письме, направленном в АН (Академию Наук) от 22 ноября 1736 г., что интересующие и необходимые ему иностранные истории «на таких языках писаны, которых не всяк руской разумеет». Для этого Татищеву требуются переводчики, которых «...при Академии... на то способнейших ... не оскудевает».

В иностранных источниках много «недоразумений» по российской истории. Об этом он писал К.Г. Разумовскому в 1747 г.: «Ноне я, получа из Немецкой земли новоизданные

книги исторические, в которых много касается России, желая из оных нечто к сочиняемой мной истории почерпнуть, но, читая с великою досадою, великие неточности нахожу, а паче клеветы бесстыдные горечь наносят». Ученый выявил «многие лжи и злобные поношения и клеветы» и «коликo возможно оные неправности обличить и темности изъяснить». «Европейские историки о многих древностях правильно знают», но «сказать бес чтения наших не могут», — в этом Татищев был убежден. К созданию «Истории Российской» его подтолкнуло не только «написание географии», но и иностранное «невежество» и «незнание».

Татищев обратил внимание на такие исторические источники, как «древние церковные истории». Интерес к церковной литературе объясняется тем, что, находясь на Урале в качестве начальника горнозаводской промышленности региона, он наблюдал распространение учения «старо или паче пустоверцев». Для этого как раз и необходимо издание «древних церковных гисторий», которых «большой части на русском языке нет, а некоторые переведены, да или не совсем исправно, или темно и невразумительно».

М.Н. Тихомиров в своей классификации исторических источников, используемых Татищевым в работе, выделял летописи, древние сказания, сочинения различных исторических деятелей, биографии, а также «браки и коронования».

«История Российская»

В 1719 г. Петр I специальным объявлением в Сенате «определил» Татищева к «землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ланд картами». Приступив к изучению географической науки, Василий Никитич пришел к выводу, что «нельзя написать географию России без знания ее истории». Работа по написанию труда по родной истории с начала 1720-х гг. становится главным делом жизни. Итогом явилась «История Российская».

В послании к К.Г. Разумовскому (президенту Академии наук в 1746-1765 гг.) от 24 августа 1746 г. ученый писал: «...я чрез 25 лет трудяся о собрании весьма всем нужной и полезной обстоятельной русской истории», В более раннем письме к И.И. Неплюеву от 31 декабря 1743 г. Татищев отмечал, что «...о сочинении обстоятельной древней истории и географии чрез 23 года... тружуся».

Взявшись за написание труда, Татищев ставит перед собой несколько задач. Во-первых, выявить, собрать и систематизировать материал и изложить в соответствии с летописным текстом. Во-вторых, объяснить смысл собранного материала и установить причинную связь событий, сопоставить русскую историю с западной, византийской и восточной.

Работа Татищева по написанию «Истории Российской» шла довольно медленно. Приступив к изучению и сбору материалов в 1721 г., ученый в ноябре 1739г. представил в АН «Предъизвесчение гисторий руской», написанное на древнем наречии.

Прибыв в 1739 г. в Санкт-Петербург, Татищев многим показывал свою «Историю Российскую», «требуя к тому помосчи и разсуждения, дабы мог что пополнить, а невнятное изъяснить». Работа Татищева не встретила одобрения. Спротивление оказали духовенство и иностранные ученые. Концепция ученого и для тех и для других была неприемлемой. И, как он с горечью отмечал в своем «Предъизвесчении», «явились некоторые с тяжким порицанием, якобы я в оной православную веру и закон ... опровергал». «Порицания» в адрес ученого вызывало толкование сюжетов из истории церкви. Его обвиняли в вольнодумстве. Тогда Татищев отправил свою «Историю Российскую» новгородскому архиепископу Амвросию, прося его «о прочтании и поправлении». Архиепископ не нашел в работе Татищева «ничего истине противнаго», однако просил его сократить спорные моменты: «... о апостоле Андрее, о владимирском образе Пресвятыя Богородицы, делах и суде Константина митрополита, о монастырях и училищах, о новгородском чуде от образа Богородицы знамениа». Обескураженный нападками со стороны церкви и не чувствуя поддержки со стороны АН, Татищев не решился протестовать открыто. Не только поднятые им вопросы

церковной истории послужили поводом для отторжения труда, но и главенство в АН иностранных ученых, преимущественно немцев по происхождению.

«Предъизвещение» Татищева является не только предисловием к его «Истории Российской», но и изложением важнейших мировоззренческих основ. Он предложил свою периодизацию истории Отечества. Первый период охватывает события с 862 по 1238 г. и посвящен описанию деятельности русских князей. Время с 1238 по 1462 г. является вторым периодом. Следующий описываемый этап в истории — это 1462-1577 гг. так и остался незаключенным в изложении Татищева.

«История Российская» Татищева состоит из 5 книг, которые включают в себя 4 части.

Первая книга Татищевым разделена на две части. Первая часть целиком посвящена характеристике и истории различных народов, населявших Восточно-Европейскую равнину в древности. В отдельных главах он говорит о «сорматах, скифах, гетах, готах, болгарях, торках, половцах, печенегах, уграх, обрах, роксоланах» и др. В этой части содержится информация о становлении представлений у разных народов. Разные представления о течении времени, продолжительности и начале года вызывали расхождения, по мнению Татищева, в русских «манускриптах», когда «одно дело в разных годах положено». Он учитывал возможность серьезных разногласий в датировке событий.

Вторая часть книги посвящена древней истории Руси. Ее рамки охватывают 860-1238 гг. Особое внимание в ней уделено вопросу о роли варяжского влияния на развитие и становление древнерусского государства. В 17 главе «Из книг северных писателей, сочиненное Сигфридом Беером» дан пересказ статьи Г.З. Байера, напечатанный в научном сборнике «Комментарии Санкт-Петербургской Академии наук», издававшемся АН. Вопрос о варягах явился одним из наиболее спорных у Татищева. Норманистские взгляды Байера находились в противоречии с татищевской точкой зрения. По мнению Байера, государство славянам было принесено Рюриком и его товарищами, которые его и создали. Вследствие этого уровень развития славян был гораздо ниже, чем у варягов, выходцев из Пруссии. Сам Татищев в главе 31 «Варяги, какой народ и где был» (первой части) рассматривал возможное происхождение имени варягов. При этом автор отмечает, что о сем народе русские древние историки нередко упоминают». Татищев подчеркивал факт долгого правления варяжской династии «от 862 года по 1607 год». Он не подвергает сомнению существование Рюрика и считает его родоначальником русских князей. Сомнение у ученого вызывали известия, указывающие на место обитания этого народа. Сравнивая различные летописные сведения, а также апеллируя к мнениям иностранных исследователей, Татищев приходит к выводу о том, что «пришествие их является из Финляндии», а значит, начало они свое берут «от королей или князей финляндских».

Отмечал Татищев и то, что в русских хрониках и летописях отсутствуют указания на происхождение рода Рюриков «от прусов и царей римских». Известия о происхождении русских князей «от цесаря Августа произшествие» он почитал за «скаску», так как у Августа после смерти не осталось ни одного наследника, так же как и у его брата. Приводимые Татищевым факты в защиту финского происхождения Рюрика сводятся к следующему: во-первых, у финнов, как и руссов, «видный цвет волос их... рыжих». Во-вторых, при древнем финском городе Або (вероятно Татищев имеет ввиду город Або). есть место под названием «Русская гора, где... издавна жили руссы». В качестве аргумента финского происхождения варягов Татищев рассматривает этимологию их имени. Сами шведы трактовали название варяг как «варг», т.е. «волк». В то время именно так называли разбойников, которые пиратствовали на море. Это наименование было «не существенное Швеции», но могло принадлежать и финнам, так как «разбойников волками едва не всюду» звали. Хотя Татищев уделял внимание «варяжскому вопросу», но их роль в становлении древнерусского государства считал незначительной, отводя им около 40 страниц. Татищев критически отнесся к различным версиям о происхождении Рюрика и высказывал свою точку зрения. Стоит отметить и то, что Татищев пытался объяснить ошибки Байера тем, что ему «русского языка, следственно русской истории, недоставало», а также тем, что он использовал при

написании статьи «неисправной» «Степенной книги» (литературный исторический источник второй половины XVI в.), которую «переводивший ему не умел порядочно изъяснить». Татищев подчеркивал «пристрастность» Байера, который выводил начало рода Рюрика из Пруссии.

Татищева интересовала проблема происхождения славян и их имени. В 33 главе первой части «Славяне от чего, где и когда названы» он приводит различные точки зрения из Степенной новгородской книги, сведения иностранных «писателей», «польских авторов». Суть представленных мнений сводилась к выведению происхождения славян от различных библейских персонажей, таких, как Афет, Скиф, Мосох. Но Татищев очень осторожно подходил к вопросу выведения названий народов подобным образом, так как это не всегда согласовывалось с дальнейшими дошедшими до него источниками. Словесное толкование названия привело Татищева к выводу, что предками славян являлись греческие амазонки. Он полагал, что имя славян имеет греческое происхождение и звучит как «алазоны» и в переводе означает «блестящие» или «славные». Но постепенно их название изменилось на «амазонки».

Во второй, третьей и четвертой частях «Истории Российской» Татищев ведет свое повествование в хронологическом порядке. Наиболее законченный вид имеет вторая часть произведения. Дело в том, что Татищев не только написал ее на древнем наречии, но и переложил на современный ему язык. Это, к сожалению, не было сделано с последующим материалом. Данная часть знаменательна еще и тем, что в дополнении I к ней Татищев составил примечания, где дает комментарии к тексту, которые составляют приблизительно пятую часть написанного. Татищев так и не довел четвертую часть своего произведения до запланированных временных рамок (1613 г.), закончив повествование 1577 г. Хотя в личном архиве Татищева были обнаружены материалы о более поздних событиях, например о царствовании Федора Иоановича, Василия Иоановича Шуйского, Алексея Михайловича и др.

Работая над «Историей Российской» Татищев понимал, что «неудобно в древней истории все одному исследовать». Поэтому он обратился за помощью к П.И. Рычкову, видному историку, географу, экономисту того времени. Ученый послал ему «из первой части... истории главу 18» и просил «оную разсмотря погрешности исправить, недостатки дополнить и колико заблагоразсудите, яснейшею и полнейшую зделав, ко мне прислать...». Глава «о татарах» была отправлена Рычкову не случайно, так как в это время он являлся ассессором оренбургской канцелярии и, так же как и Татищев, собирал материал о живущих на территории края народах. Ко всему прочему, Татищев полагал, что Рычкову «большему о том известно». Рычков отнесся с большим интересом к работе Василия Никитича.

Уединившись в своем имении Болдино после многочисленных скитаний и ссылок, Татищев продолжает целеустремленно работать над написанием «Истории Российской». К концу 1740-х гг. относится решение Татищева начать переговоры с АН об издании своего произведения. Большинство членов Петербургской АН было настроено благожелательно. Это объясняется изменением общей ситуации в стране. К власти пришла Елизавета Петровна. Национальная наука в ее лице обрела государственную поддержку.

Историческое значение работ Татищева

В «Истории Российской» Татищев делает упор на политическую историю государства, а социально-экономические и культурные факторы остаются за рамками исследования. Развитие истории у Татищева связано с деятельностью конкретных исторических личностей (князей, царей). В описываемый период времени подобный подход был характерен не только для русских исследователей, но и для европейской науки в целом. Хотя Татищев и стремился установить причинно-следственную связь событий, но она сводилась к описанию тех или иных исторических личностей, а, следовательно, к их воле. Это делает произведение одним из наиболее значимых в становлении исторической науки в России в первой половине XVIII столетия. Мы наблюдаем прагматический подход в

изложении материала. С точки зрения рационалиста и прагматиста Татищев являлся родоначальником исторической науки в России. «Историю Российскую» Татищева использовали как основу для своих произведений М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, И.Н. Болтин и др.

Благодаря Татищеву до нас дошли такие исторические источники, как «Русская Правда», Судебник 1550г., «Степенная книга». Они были опубликованы после смерти Татищева благодаря усилиям Миллера.

Своими изысканиями Татищев положил начало становлению исторической географии, этнографии, картографии и ряда других вспомогательных исторических дисциплин. В ходе научной и практической деятельности Татищев все глубже осознавал необходимость исторических знаний для развития России и стремился убедить в этом «власть имущих». По мнению Н.Л. Рубинштейна, «История Российская» В.Н. Татищева «подвела итог предшествующему периоду русской историографии... на целое столетие вперед».

Литература

- Алпатов М.А.* В.Н. Татищев и западноевропейская история // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.
- Кузьмин А.Г.* Татищев // Великие деятели России. М., 1996.
- Кузьмин А.Г.* Татищев. М., 1987.
- Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
- Татищев В.Н.* Записки. Письма. 1717-1750 гг. М., 1990.
- Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963.

Лекция 2

2.4. Историография второй четверти и середины XVIII в. (немецкие ученые, историки на русской службе). М.В. Ломоносов

Со второй четверти XVIII в. развитие научной мысли в России возглавляет основанная Петром I в 1725 г. Академия наук. Положение об учреждении Академии наук было послано за границу русским дипломатическим миссиям для опубликования за рубежом и набора подходящих кадров. Помощь иностранных академиков принималась и оплачивалась, но каждому из них предписывалось обязательно привезти одного-двух учеников и желательно «которые из словенского народа, дабы могли удобнее русских учить...». Следует объяснить причину преобладания в Академии наук в XVIII в. ученых немецкой национальности, в том числе и историков. Дело в том, что «Священная Римская империя германской нации», как тогда называлась эта страна, не была единым политическим целым. Она состояла более чем из 300 суверенных государств и 1800 таможенных границ. Ученые, писатели, музыканты и художники, можно сказать вся интеллигенция, были вынуждены поступать на службу к маленьким деспотам и находились в полной от них зависимости. Тирания меценатствующих князьков, сословная замкнутость, душная атмосфера карликовых резиденций и имперских городов — все это заставляло многих выдающихся деятелей немецкого Просвещения бежать из Германии в поисках лучшей доли, в том числе и в Россию.

По проекту устава Академии в ее «третьем классе» должен был состоять один академик по «гистории древнейшей и Нынешней». На этой должности сначала состоял И. Коль, который занимался рукописями Московской синодальной библиотеки. Специалист по церковной истории, он в Академии занимался изучением древних славянских народностей. Однако, слабо зная русский язык, не смог внести существенного вклада в изучение этой проблемы.

В 1729 г. профессор «нравоучительной философии» Х.-Ф. Гросс составил на основе «Степенной книги» краткие хронологические таблицы. Следует сказать, что среди ученых-историков того времени только древнейшая история считалась достойной внимания. Первым, кто оставил наиболее значительный след в отечественной историографии того времени, был бывший кенигсбергский профессор Готлиб Зигфрид Байер.

Г.З. Байер

Г.З. Байер (1694-1738) был приглашен в академию наук в 1730 г. Он сразу пришелся ко двору Анны Иоанновны и Бирона. До приезда в Россию в Кенигсбергском университете он изучал семитические и китайский языки, говорил свободно по-латыни и писал диссертацию «О словах Христа». Очень усидчивый молодой человек к двадцати годам накопил большой запас знаний по Востоку, свободно объяснялся по-китайски, обладал солидными сведениями по маньчжурской и монгольской литературе, мастерски владел приемами филологической критики. Ко времени приезда в Россию Байер изучил византийское рукописное наследие, средневековых писателей и, таким образом, подготовил себя к разработке древнейшего периода, русской истории. Однако ему не хватало еще одного условия, и, надо сказать, он и не старался его выполнить — Байер не знал русского языка. Русская летопись была известна Байеру в латинском переводе. Среди тщательных исследований Байера следует выделить постановку варяго-русского вопроса на основе непосредственного изучения скандинавских материалов, а также первые разработки исторической географии Киевской Руси.

Трактат Байера о варягах послужил краеугольным камнем целой норманнской теории. Свое внимание он сосредоточил на одном факте — призвании князей из варягов. Байер так начинает свой рассказ: «Истари русами владели варяги; потом их прогнали. Гостомысл начал править государством. Но вследствие неурядиц он дал совет призвать тех же варягов, и был призван Рюрик с братьями». Байер опровергает данные летописных сводов XVI в. о призвании варягов из Пруссии. Далее автор не соглашается с мнением С. Герберштейна о происхождении варягов от вагров — славянского племени из Голштинии. По мнению Байера, варяги были из Скандинавии и Дании, т.е. скандинавами, и представляли собой наемную гвардию. Выводы Байера легли в основу норманнской теории.

Деятельность Байера в нашей историографии получила различную оценку. Н.Л. Рубинштейн отмечал прекрасное знание Байером византийских и скандинавских источников. По мнению М.Н. Тихомирова, он был «бездарным, малоразвитым и воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам». В.К. Яцунский подчеркивал беспочвенность его утверждений в области норманнского вопроса, но в то же время признавал, что историко-географические исследования «сыграли полезную роль в истории нашей науки» и что ими пользовался В.Н. Татищев.

Действительно, Байер был крупным ученым-ориенталистом (арабистом) и филологом. Им опубликованы труды по языкознанию, литературе, нумизматике, эпиграфике Древнего мира, восточного и частично западного Средневековья. Работы Байера, относящиеся к истории России, основаны преимущественно на данных античных и средневековых греческих и латинских писателей, а также и на скандинавских источниках. Они имели довольно узкий историко-географический уклон и были посвящены древнейшим векам. Это этюды по истории Скифии и скифов, Греко-Бактрийского царства, киммерийцев, гипербореев (народы, упоминаемые Геродотом); изыскания в области русско-византийских отношений. Ими действительно пользовался В.Н. Татищев, с некоторыми наблюдениями Байера соглашался и М.В. Ломоносов.

Отдельно надо выделить специальные статьи Байера, посвященные обоснованию норманнской теории возникновения Русского государства: «О варягах», «О происхождении Руси», «География Руси и соседних, областей по данным северных писателей». В них доказывается скандинавское происхождение Руси. И здесь, по мнению Л.В. Черепнина, аргументация автора весьма натянутая и неубедительная. Например, ряд славянских имен

выводится из корней слов скандинавского языка. Еще Татищев подчеркивал, что убедительность работ Байера в значительной мере подрывалась вследствие незнания им русского языка. Но тем не менее, он перевел главные работы Байера по древней русской истории и поместил их в 1-м томе своих сочинений.

Г.Ф. Миллер

Из немецких историков, более всех, почти 60 лет, в Академии наук работал Герард Фридрих Миллер (1705-1783). Своей необычайно активной деятельностью он оставил значительный след в разработке научной русской истории, архивном деле и просвещении. Миллер приехал в Россию в 1725 г., когда ему было всего 20 лет, после учебы в Рингельнском, а затем в Лейпцигском университетах, где получил степень бакалавра. Он был приглашен в Россию президентом Академии Л.Л. Блюментростом и зачислен адъюнктом. Благодаря покровительству секретаря Академии И.Д. Шумахера получил должность преподавателя латинского языка, истории и географии при академической гимназии.

В начале своей деятельности в России Миллер имел в виду не столько науку, сколько службу. Вскоре он получает должность библиотекаря при Академии наук и становится довольно близко к влиятельным академическим сферам. В первые годы, вспоминая впоследствии Миллера, он «более прилежал к сведениям, требуемым от библиотекаря, рассчитывая сделаться зятем Шумахера и наследником его должности».

В то время Шумахер, занимая должность секретаря АН, был фактическим вершителем ее дел. В 1728 г., в связи с отъездом в Москву конференц-секретаря Академии, Миллеру «препоручено было... при Академии вице-секретарство». В том же году он становится редактором академической газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В качестве приложения к газете он издает «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». Миллер окончательно переселился в Россию, но его «семейная» карьера не удалась, а отношения с администрацией АН были очень натянутыми. Он пишет, что «счел нужным проложить другой ученый путь». Это была русская история. Подкреплял его на этом пути Байер, ставший его единственным руководителем. Миллер приступил к созданию первого в России исторического журнала («Собрание российской истории»), который выходил на немецком языке начиная с 1732 г. В журнале печатались источники и статьи по русской истории, как отечественные, так и иностранные. После отъезда Миллера в Сибирь издание остановилось (1737) и было возобновлено им же лишь в 1758 г. Именно в этом журнале началась публикация Начальной русской летописи.

Новый этап в биографии Миллера связан с участием в Сибирской экспедиции В. Беринга. Он продолжался с 1733 по 1743г. и был завершением той практической ююколы, в которой Миллер окончательно сложился как историк и ученый. Десять лет Миллер провел вместе с натуралистом И.Г. Гмелиным в Сибири. Он знакомился с географией Сибири, этническим составом ее населения, собирал архивные материалы, составлял карты. До того времени центром исторического изучения были летописи. Миллер натолкнулся на акты, и перед ним впервые открылось безбрежное море архивных источников по русской истории. С этим открытием центр тяжести в изучении русской истории должен был переместиться из глубокой древности в XV-XVII вв. Два года ушло на обследование архивов Западной Сибири — Тобольска, Тюмени, Туринска, Омска, крепостей по Иртышу. С 1735 г. началось обследование Восточной Сибири, с 1738 г. — Западной Сибири и Приуралья. Помимо письменных источников, Миллер приступил к разработке археологических памятников, изучал быт и фольклор. В процессе этой работы самое собиранье материала начинало приобретать научные формы и научную организацию. Надо сказать, что к чести Миллера он не боялся быть чернорабочим в истории. Уже, будучи академиком, он готов был ехать в деревню к В.Н. Татищеву, чтобы снять копии и сохранить для истории огромный материал, собранный первым историком России для своих трудов.

Результатом десятилетней работы в Сибири стали 38 фолиантов копий актового материала, так называемые «портфели Миллера», представляющие богатейший фонд для изучения Сибири и не утратившие своей научной значимости до наших дней. Тем более что многие подлинные документы с тех пор навсегда утрачены вследствие плохого хранения и многочисленных пожаров. Материалы Миллера далеко выходят за рамки местной сибирской истории и примыкают к общей истории России XVI-XVII столетий. Среди них акты периода Смуты (грамоты Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Романова и др.), что положило начало его «Опыту новой истории России», опубликованному в 1760 г.

В Петербург Миллер вернулся с развернутой программой научно-исторической работы. В 1744 г. он подал свой известный проект учреждения «Исторического департамента для сочинения истории и географии Российской империи»: Его план наметил следующий круг изучения и публикации источников: 1. Степенные книги, летописи и хронографы. 2. Рукописи татарские, персидские, турецкие. 3. Архивные дела из столичных и местных архивов. 4. Жития святых. 5. Рукописные известия о построении церквей и монастырей. 6. Надгробные и другие надписи в церквях и монастырях. 7. Родословные книги. 8. Разные русские древности. 9. Устные предания. 10. Иностранные сочинения о России, других государствах и подлинные документы о международных отношениях.

В этой связи им была предложена программа организации специальных экспедиций для сбора источников на местах. Однако план Миллера был отклонен. В 1748 г. он вновь повторил его в представлении президенту Академии графу К.Г. Разумовскому, но результат был тот же. Миллеру было предложено заняться окончанием истории Сибири. Первый том его «Описания Сибирского царства и всех, происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его русской державой по сии времена» увидел свет в 1750 г. В «Ежемесячных сочинениях...» была опубликована основная часть второго тома. Целиком этот труд впервые был издан в 1761-1763 гг. на немецком языке под названием «История Сибири».

В 1747 г. Миллер окончательно перешел в русское подданство. К.Г. Разумовский заключил с ним контракт. Ученому присвоили звание историографа и утвердили в должности ректора университета. Исторический департамент был учрежден в 1748 г., но на других основаниях.

В 1749 г. ученый занялся разбором архива А.Д. Меншикова, привел его в систему и описал. Одновременно Миллер интенсивно работал над «Историей Сибири», которую писал по-немецки, а затем его работа переводилась в АН на русский язык. Полностью этот труд Миллера так и не был издан. В том же году Миллеру было поручено составить речь для произнесения 6 сентября на торжественном заседании Академии — на другой день после тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны. В приглашении Академии наук, говорилось, что Миллер «читать будет диссертацию о начале российского народа и отчего оный так называется». Торжественное заседание было перенесено на день вступления Елизаветы на престол — 25 ноября, а обсуждение речи продолжалось с 23 октября 1749 по 8 марта 1750 г. и заняло 29 заседаний Чрезвычайного собрания академиков. На основании письменных мнений академиков Канцелярия Академии наук отправила Профессорскому собранию указ об уничтожении диссертации Миллера, «так как она предосудительная России».

Основные тезисы труда Миллера четко сформулировал В.О. Ключевский: 1) приход славян с Дуная на Днепр, в соответствии с рассказом Начальной летописи, Миллер относит к христианским временам, не раньше Юстиниана; 2) варягов он отождествляет со скандинавами; 3) «принимает тождество варягов и Руси и утверждает, что скандинавы дали Руси государей». Эта точка зрения была развитием «норманнской теории», основоположником которой был Г.З. Байер.

Заседания Чрезвычайного собрания академиков проходили в довольно резкой форме. Свою речь Миллер произнес вскоре после правления Анны Иоанновны, когда немецкая партия была удалена от двора. Национальное царствование Елизаветы Петровны началось во время войны со Швецией, которая закончилась миром в Або в 1743 г. Было крайне

неосмотрительно в это время сказать, что шведы дали России имя и государей. Основным оппонентом Миллера стал М.В. Ломоносов, которого поддержали астроном Н.И. Попов, а также С.П. Крашенинников, А.П. Сумароков, И.Э. Фишер, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт и даже всеильный Шумахер. Нельзя не признать того, что в источниковедческом отношении позиции Миллера были достаточно серьезно обеспечены. Однако норманнская схема часто приводила его к ошибочным выводам в вопросах конкретной истории и заведомо обедняла историю Древней Руси. Оппоненты не могли согласиться с тем, что начало Руси сводится к влиянию извне. Тем более что это не соответствовало национальной патриотической идеи о самостоятельном развитии славянства. И все же заслуги Миллера в изучении истории Сибири, в собирании и анализе исторических источников полностью перекрывают его норманистские заблуждения.

В 1754-1755 гг. Миллер возвращается к издательско-журнальной работе, которой занимался до 1764 г. В это время в «Ежемесячных сочинениях» выходят его работы по истории Сибири, «Опыт новейшей русской истории», очерки истории Новгорода и Пскова. Вся предыдущая деятельность, достаточно сложные отношения в АН приводят его к мысли о необходимости сосредоточить свои усилия на специальной археографической работе. В 1766 г. он был назначен начальником в Московский архив Иностранной коллегии. В это время ученому исполнилось 60 лет, он переезжает в Москву, одержимый желанием, с одной стороны, «давать наставления молодым людям для продолжения исследований после его смерти», а с другой — «устраивать архив, приводить его в порядок и сделать полезным для политики и истории». Судьба подарила ему еще целых 17 лет. Миллер предпринимает первую экспедицию для розыска архивных материалов по городам и монастырям Московской губернии. Таким образом, за 50 лет до начала археографических экспедиций, он сформировал и воспитал кадры русских архивных и археографических работников, среди которых были Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский и др. Он пишет историю российского дворянства, очерк истории Преображенского и Потешного полков, историю АН, морских плаваний. Мы обязаны Миллеру изданием «Истории Российской» Татищева, он же впервые издал Судебник 1550 г., «Ядро российской империи» Манкиева, «Степенную книгу», «Географический лексикон», Письма Петра I к Шереметеву, «Описание земли Камчатки» Крашенинникова. Огромная работа, сделанная Миллером, превратила его в исключительного знатока истории России и поставила в центр всей исторической науки второй половины XVIII в. М.М. Щербатов в своей «Истории России» пишет о нем: «Миллер не токмо вложил мне охоту к познанию отечества моего; но, увидя мое прилежание, и побудил меня к сочинению оной». Также с благодарной памятью пишут о нем Новиков и Голиков. Основная часть миллеровских «портфелей» ждет опубликования до настоящего времени.

Итак, практическая работа Миллера развила метод собирания материала, принципы его фиксации и воспроизведения. От первичного собирания материала он перешел к организованному систематическому его подбору, и этот принцип определяет всю его работу в любой специальной области исторического изучения. Принцип точной документировки и воспроизведения памятника стал также основным для археографического изучения, который он распространял на этнографический и фольклорный материал. Миллер впервые потребовал точного воспроизведения исторического документа в неизменном виде с сохранением всех особенностей печатаемого списка, его орфографии и грамматических особенностей. Он указывал, что язык памятника служит свидетельством места и времени его возникновения. В результате была создана реальная основа для научного изучения текста, для критики источника, которая должна была стать основой исторического изыскания. Миллер также ввел еще один порядок научного обоснования изложения истории — обзор источников, которым начинаются его очерки. Когда свидетельства разных источников расходятся, он воспроизводит параллельно и другие взгляды и факты, чтобы была возможность для сопоставления и проверки высказанного суждения.

Во главу научного исследования Миллером был поставлен принцип «истинности». Если до него критика факта сводилась к критике «здорового смысла», как единственного «разумного» критерия, то Миллер отстаивает общий принцип рационализма, задача которого — борьба с баснословием. Для ориентировки в сложных княжеских счетах русских летописей Миллер приступил к разработке «генеалогии» как специальной практической дисциплины. Однако он оставался представителем своего времени в вопросах исторического синтеза, в деле осмысления исторического процесса. Не имея целостного научного мировоззрения, он шел путем прагматического изложения, установления внешней последовательности, частной связи исторического повествования. Основой обобщения для Миллера оставалась политическая идея российского самодержавия. Но он впервые показал значение источника во всей широте и объеме, впервые сделал попытку анализа этого источника и положил начало его научной критике. После Миллера М.М. Щербатов — уже на новой основе — смог возобновить попытку В.Н. Татищева создать общий труд по истории России.

А.Л. Шлецер

Младший коллега Миллера Август Людвиг Шлецер (1735-1809) родился в городе Ягштадте, в графстве Гогенлоэ. Сын пастора он в пять лет потерял отца. Чтобы продолжить обучение он с 10-летнего возраста давал частные уроки. В 16 лет Шлецер поступил на богословский факультет Виттенбергского университета, где получил хорошую богословскую и филологическую подготовку. В 1754-1755 гг. Шлецер слушал лекции в Геттингенском университете. Его учителями были филолог-классик А. Гесснер и крупнейший исследователь-библиист И.Д. Михаэлис. Последний настоятельно рекомендовал Шлецеру осуществить научную поездку на Ближний Восток для изучения исторических и лингвистических древностей.

С 1755 по 1758 г. Шлецер работал в Стокгольме домашним учителем, конторским служащим, корреспондентом гамбургской газеты и одновременно изучал скандинавские языки. Продолжая научные изыскания, он издает на шведском языке «Опыт всеобщей истории торговли и мореплавания в древнейшие времена», а на немецком языке написал «Новейшую историю учености в Швеции». К 25 годам, по его собственным словам, он знал «грамматически до пятнадцати языков», а также естественные науки и медицину. В 1761 г. Михаэлис в ответ на просьбу жившего в Петербурге Г.Ф. Миллера рекомендовал ему Шлецера в качестве домашнего учителя и помощника в обработке собранных материалов по русской истории. В Петербург Шлецер приехал в конце 1762 г. и некоторое время был на частной службе у Миллера. В 1762 г. он получил официальную должность адъюнкта по русской истории при Академии наук. К этому времени он был уже сложившимся ученым с широким кругозором и большой эрудицией.

Представленный Шлецером в Академию наук план занятий одновременно стал и проектом разработки источников русской истории. А именно: 1. Изучение отечественных памятников. 2. Изучение памятников иностранных. 3. Использование и тех и других источников для составления свода русской истории. Под отечественными памятниками Шлецер понимал прежде всего летописи, которые, по его мнению, необходимо обрабатывать в следующих направлениях: 1. Подбор списков, их сличение и выявление «чистого и верного текста». 2. Грамматическое изучение, т.е. прочтение текста и выяснение его смысла. 3. Сопоставление разных летописей с целью проверки разнородных сведений, в них содержащихся. Кроме специальных источниковедческих работ, Шлецер считал необходимым написать очерк русской истории от основания государства до пресечения династии Рюриков. И последним этапом своего плана Шлецер считал задачу, связанную с созданием популярных книг по истории, географии и статистике.

В 1767-1768 гг. вместе с переводчиком Академии С. Башиловым Шлецер издал «Русскую Правду», Судебник царя Иоанна, две первые части Никоновой летописи. В 1769г. он напечатал на французском языке очерк русской истории и на немецком — «Русскую

историю до основания города Москвы (1147)». Оба эти руководства были переведены на русский язык и долго служили для школьного образования. Покинув Россию в 1769 г., Шлецер преподавал в Геттингене всеобщую историю и статистику и не переставал заниматься русской Начальной летописью. В 1800 г. он приступил к печатанию своего критического исследования о Начальной летописи и посвятил его императору Александру I, который в благодарность прислал ему бриллиантовый перстень, а позже пожаловал орден Владимира и герб с изображением Нестора.

Надо признать, что история России поражала и влекла Шлецера своими масштабами, но он не был достаточно подготовлен к ее научному изучению. Историк признавался, что не способен написать сколь-нибудь хорошую историю России для серьезных читателей. Однако Шлецер имел превосходную подготовку к историко-критической работе. В этом направлении и сосредоточилось все его внимание. Изучение источника и его критика — тема «Нестор» — стали основными в его научной работе. В «Несторе» Шлецер сформулировал общие принципы и описал технические приемы проведенной им критики текста. Он различает три вида критики, три этапа критического изучения:

1. Что Нестор писал действительно?
2. Что он под сим разумел?
3. Правильна ли его мысль?

Третья «высшая критика» была уже переходом от критики текста к интерпретации исторического факта, т.е. самого исторического процесса. Сам Шлецер остановился на пороге третьего этапа. Дело Шлецера — критика текста. Применительно к этой задаче он дает чрезвычайно четкое и ясное описание технических приемов критики. Сличение и систематизация списков по их названиям, установление их взаимосвязи, генеалогии, что дает основу для их сличения и внутренней критики, поскольку для древней летописи мы имеем не подлинник, а позднейшие списки. Шлецер подробно характеризует сложный комплекс дальнейших признаков: бумага и внешнее оформление, письмо и приемы написания, иллюстрации, язык. Из этого комплекса данных может быть выведено место и время возникновения не только изучаемого списка, но и того утраченного текста (протографа), от которого данный список происходит. В результате Шлецер вывел главный принцип: древность списка не тождественна древности его редакции и сама по себе не решает вопроса о степени достоверности даваемого им чтения.

На основе этих принципов Шлецер и подошел к изучению русского летописания. В его распоряжении было 20 текстов русских летописей, из которых лишь 13 допускали научное изучение и критическую проверку. Шлецер дал близкую к действительности историю летописных сводов, в частности установил позднее происхождение Никоновского и Воскресенского сводов, и «Степенной книги» и подверг их критической оценке. К слову, составление «Степенной книги» Татищев, Миллер и Щербатов относили к XIV в. Шлецер доказал, что это — памятник XVI в. с искаженным первоначальным текстом. Разбор русской летописи был доведен Шлецером до 980 г. и привел к научному пересмотру основных вопросов, занимавших современную Шлецеру историческую науку:

1. историческая этнография и происхождение современных народов;
2. говоря о норманнской теории происхождения Руси, он указал, что через 200 лет не осталось ни одного скандинавского термина в русском языке;
3. исследуя общественный строй славян IX-X вв., доказывал примитивность политического строя и отсутствие государственности.

Эти выводы Шлецера встретили резко отрицательную оценку современников — русских историков. Шлецера обвинили в немецком национализме, в стремлении доказать, что именно немцы принесли в Россию и культуру, и государственный строй, а внешняя политика России, начиная с образования Московского государства, носила исключительно завоевательный характер. С этого времени в историографической литературе довольно широкое распространение получило мнение, что Шлецер презирал Россию и русский народ. Но вопрос этот не так прост, как кажется на первый взгляд. Когда Шлецер принял за

изучение церковно-славянского языка, он, не скрывая своего изумления, восхищался его богатством и говорил: «Вот на какой язык лучше всего перевести Гомера». Ученый прекрасно видел, что пребывание в России прямо связано с его научным ростом, расширяет кругозор, не говоря о жизненном опыте. Будучи достаточно тщеславным человеком, он понимал, что из русских летописей можно сделать настоящее ученое открытие для европейской науки. Видел и не ошибся в том, что перед ним — область, которая даст 1 ему и деньги, и ученую славу в Западной Европе. Действительно, судя по его работам, мы можем говорить, что Шлецер недооценивал глубину и творческие возможности русской культуры. Он подчеркивал превосходство иностранцев и особенно немцев, которые, по его мнению, облагородили Россию и распространили в ней просвещение.

Однако основное значение Шлецера заключается в том научном методе, которым он вооружил русского историка, В 1809 г. ученый был избран почетным членом Общества истории и древностей российских. В 1813 г. Н.П. Румянцев внес 25 тыс. рублей в Академию наук как фонд издания русских летописей и в своем обращении в АН сослался на Шлецера как основателя научного издания летописей. «Шестор» после этого сразу получил широкое признание в науке, был тотчас переведен и издан на русском языке.

Сочинение Шлецера «Нестор» имело большое влияние на развитие нашей историографии. Начиная с Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, М.П. Погодина все русские историографы, включая А.А. Шахматова, смотрели на Шлецера как на первоучителя, родоначальника своей науки и руководствовались его приемами. Позже А.А. Шахматов доказал, что сама летопись Нестора была лишь одним из промежуточных звеньев в общей истории летописания. Но этот вывод Шахматова стал возможен только на основе развития исторической науки XVIII в., которое было подготовлено, в том числе и трудами А.Л. Шлецера.

М.В. Ломоносов

Выдающийся русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765) не был профессиональным историком, но его работы в области изучения прошлого России и других стран явились новым словом в науке. Для Ломоносова занятия историей были делом, связанным с выработкой национального самосознания, с борьбой за экономическую, политическую и культурную независимость России. В то же время он должен был сделать русскую историю достойной внимания высшего общества, украсить ее новыми приемами изложения и одеть в соответствующий времени классический костюм. Представитель народа, он органически воспринял и пронес через всю жизнь чувство высокого патриотизма, которым пронизаны и его исторические труды.

Жизненный путь ученого хорошо известен, и мы остановимся лишь на тех обстоятельствах, которые наложили свой отпечаток на идеологию Ломоносова и оказали влияние на те практические предложения, с которыми он выступал. Выходец из государственных крестьян, он считал, что экономическое развитие России возможно лишь при проведении ряда мероприятий по улучшению положения крестьянства. В то же время он оставался сторонником просвещенного абсолютизма и обосновывал руководящую роль абсолютной монархии в жизни страны. Дойдя до материализма в области понимания явлений природы, Ломоносов в объяснении общественного развития был идеалистом. В своеобразных условиях крепостнической России в его работах проявляются демократические тенденции.

Связь исторических взглядов В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова видна из того, что в 1749 г. последний по просьбе Татищева написал посвящение (великому князю Петру Федоровичу) к первой части его «Истории Российской». В этом посвящении Ломоносов излагает мысль о том, что занятие историей является патриотическим делом. К нему побуждает «искренняя любовь и горячее усердие к отечеству». В то же время в соответствии со взглядами Татищева на первый план выдвигается задача изучения «дел бывших в России владетелей, а особливо самодержавных...», т.е. абсолютистских монархов. История народа

тесно сливается с историей правителей делам которых народ обязан своей славой. Ломоносов отмечает, что из-за отсутствия «достоверного описания деяний российских», «похвала государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древнего русского народа славное имя затмевается, и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии». Таким образом, о «похвале государей» говорится в первую очередь, о «славном имени русского народа» — во вторую, потому что, с точки зрения Ломоносова, причиной могущества народа являются заслуги просвещенных монархов.

В том же году Ломоносов выступил с замечаниями на диссертацию Миллера «Происхождение имени и народа русского», предназначенную для оглашения в качестве речи на публичном собрании Академии наук. Миллер доказывал норманнское происхождение Руси. В решительных возражениях Ломоносова против этой концепции представляет интерес прежде всего его разбор источниковедческих основ диссертации Миллера. Ломоносов считает неправильным сам принцип отбора источников, игнорирование показаний русских авторов и преимущественное внимание к иностранным. Он высказывает свои соображения о задачах критического анализа древних памятников письменности: «Надо уметь отделить в них правду от баснословия». Далее отмечает субъективный подход Миллера к иностранным источникам, использование лишь того материала, который отвечает его предвзятой точке зрения. Подвергает Ломоносов сомнению и выводы Миллера (идущего вслед за Байером), основанные на созвучии корней ряда слов, например производство имен древнерусских князей от скандинавских (Ольга — Аллогия, Владимир — Валдмар, Всеволод — Визвальдур и т.д.). Ученый называет подобные сопоставления «перевертками», происходящими от «неразумения русского языка». Возражая Миллеру по существу, Ломоносов считает неправильными его утверждения о позднем появлении славян в местах их последующего пребывания, о том, что Русь — это новое название, наконец, противопоставление руси славянам. Он доказывает, что название «россияне» происходит от «роксалан» (славян) и что роксаланы вместе с готами (тоже, по Ломоносову, славянами) перешли с берегов Черного моря к побережью моря Балтийского, получив там название «варяги». Таким образом, варяги-русь, по Ломоносову, говорили на славянском языке.

Интересна система доказательств, приводимых Ломоносовым. Привлекая топонимические данные, он доказывает наличие славянских названий деревень, городов, рек, целых земель там, где (как он считает) когда-то жили варяги-русь. Далее Ломоносов утверждает, что еще в его время курляндцы, обитающие на территории, занятой ранее варягами-русью, и являющиеся их потомками, говорят «языком, от славянского происходящим». Указание Нестора-летописца также свидетельствует, что «славянский и русский язык едино есть». Если бы варяги-русь отличались по языку от славян и были скандинавами, очевидно, в русский язык должны были бы проникнуть какие-то шведские слова, чего в действительности не случилось. В то же время, например, татарский язык оказал влияние на русский, хотя татары и не жили в русских городах, а лишь посылали туда баскаков. Принимая предпосылку о скандинавском происхождении варягов-руси, следует ожидать, пишет Ломоносов, что в России должны сохраниться деревни и даже города, население которых говорило бы на одном из скандинавских языков. Отсутствие подобных населенных пунктов опровергает, по Ломоносову, вывод о скандинавском происхождении варягов-руси.

Полемика Ломоносова с Миллером свидетельствует о хорошем знании Ломоносовым источников (древних и средневековых, русских и иностранных), а также о своеобразном и в ряде случаев вполне критическом подходе к ним. По существу вопроса Ломоносов стоял на правильных позициях, доказывая значительную давность появления славян на территории Восточной Европы и зарождения у них государственности независимо от варягов.

В полемике Ломоносова с Миллером чувствуется большая любовь первого к родине и ее прошлому, забота о славе и чести Отечества. Он не может примириться с утверждениями Миллера, ибо, по выражению Ломоносова, почти на каждой странице миллеровской

диссертации «русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют...» и т.д.

Ломоносов считает, что для «славено-русского народа» будет «предосудительно», «ежели его происхождение и имя положить столь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут». В то же время иногда Ломоносов выступает с церковно-охранительных позиций. Он упрекает Байера, что тот не столько заботится об «исследовании правды», сколько о том, «дабы показать, что он знает многое языков и читал много книг». Ломоносов изображает его в виде «идольского жреца, который, окутив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением, закрутив свою голову дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы». Больше всего он возмущается критикой Байером летописной легенды о пребывании на Руси апостола Андрея. В своем «исступлении и палоумстве» Байер, по мнению Ломоносова, подрывает основание, на котором Петр Великий учредил орден Андрея Первозванного.

С начала 50-х гг. XVIII в. Ломоносов начал работать над обобщающим трудом по русской истории. Сохранились два первоначальных наброска плана этого труда, содержащих периодизацию исторического процесса. В первом наброске выделяются 5 периодов: 1. От Рюрика до смерти киевского князя Владимира Святославича (начало XI в.). 2. От смерти князя Владимира Святославича до нашествия Батыя. 3. От нашествия Батыя до царствования Ивана Васильевича Грозного. 4. От времени Грозного до времени Петра Великого. 5. От Петра Великого до Елизаветы Петровны. В целом эпоха до Рюрика осторожно характеризуется как «прежде сомнительные времена».

Во втором наброске Ломоносов продвигает периодизацию в глубь русской истории. «Прежде сомнительные времена» превращаются в первый период — «век древний до Рюрика». Зато ближайшее к Ломоносову время из плана исключается, и набросок заканчивается смертью царя Федора Алексеевича.

В дальнейшем, работая над историей России, Ломоносов, I как видно из некоторых материалов, продолжал уточнять периодизацию, в результате чего снова передвинул некоторые рубежи. В конце концов, он пришел (в пределах до XVI в.) к установлению следующих периодов: 1. Время до Рюрика. 2. От вокняжения Рюрика до смерти князя Ярослава Мудрого. 3. От смерти князя Ярослава до «Батыева нашествия». 4. Время татаро-монгольского владычества до вокняжения Ивана III. Эта схема близка к периодизации истории России, разработанной В.Н. Татищевым и в ее основу положено развитие абсолютизма.

Основным произведением исторического характера, принадлежащим М.В. Ломоносову, является «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года». Работать над этим трудом Ломоносов начал в 1751 г., написал его в 1754-1758 гг. Напечатана «Древняя Российская история» была уже после смерти ученого, в 1766 г. Текст «Истории» начинается со «Вступления», в нем излагаются те руководящие идеи, которым следовал Ломоносов в работе по изучению исторического прошлого своей родины. Автор говорит, что российский народ «много видел в счастья своем перемены», страдал от внешних врагов и от внутренних междоусобиц, и тем не менее не только не утратил своей национальной независимости, «не токмо не расточился», «но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул».

Историческая концепция Ломоносова

В связи с этим Ломоносов высказывает некоторые общие соображения об историческом развитии как смене периодов упадка и расцвета. «Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление...» Представление о том, что исторический процесс совершается путем конфликтов внутреннего и внешнего характера было передовой для того времени идеей. Автор образно представляет себе этот процесс как течение «великия реки», которая «от источников своих по широким

нолям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление», но затем снова «соединяясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает», и чем дальше, тем в большей мере вбирая в себя другие реки, «обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы». Это — мысль о поступательном движении истории, преодолевающей на своем пути многочисленные препятствия, отступающей и снова идущей вперед, -мысль для того времени достаточно прогрессивная.

Для Ломоносова характерно также стремление понять прошлое своего народа в рамках всемирно-исторического процесса, представляющего собой последовательную смену ряда народов, проходящих циклы своего развития от расцвета до заката. «Начинаются народы, когда другие рассыпаются; одного разрушение даст происхождение другому». Это высказывание, конечно, далеко ушло от фаталистической концепции средневековых хронографов, видевших в истории поучительный пример тщетности и суетности как личных человеческих судеб, так и судеб целых обществ и государств. Изучение истории Ломоносова, напротив, убеждает в том, что дела «смертных», преходящие «труды» отдельных лиц сообщают бессмертие народу. Всемирно-исторический процесс, по его мнению, свидетельствует о прогрессивном движении человечества, во время которого оставляют свой след в прошлом люди разных поколений и пароды разных времен. И историческая наука должна по этим следам воссоздать путь развития от прошлого к настоящему. История — это движение, она не знает ограниченных рамок времени и пространства, она дает беспредельные возможности дальнейшего роста.

Ученый поднимает вопрос о том, как из действий людей ряда поколений слагается история человечества. Если люди разных времен выступают отдельно, то история объединяет их деяния в общем всемирно-историческом процессе. Эта трактовка представляет значительный шаг по сравнению с развитым Татищевым пониманием истории как науки, изучающей цепь человеческих «деяний» и «приключений», к мысли об их преемственности и непрерывности.

Ломоносов выдвигает задачу выяснения общих начал и черт своеобразия в развитии отдельных народов. При этом он исходит из идеи повторяемости явлений у народов, одновременно выступающих на всемирно-исторической арене. Ломоносов сравнивает политическую историю России с историей Древнего Рима. Если римская история началась с единовластия «королей», то история России — с единовластия князей. Период, когда в Риме установилась республика, напоминает Ломоносову время феодальной раздробленности на Руси. Наконец, Римская империя, на его взгляд, аналогична по своему характеру «самодержавству государей московских». Таковы черты сходства истории русской и римской.

Но Ломоносов не только сопоставляет, но и противопоставляет историческое развитие России и античного Рима. Это противопоставление производится с целью доказать, что абсолютизм содействовал росту могущества России. Таким образом, «в единоначальном владении залог... блаженства» России. И в данном случае, выявляя параллели в истории отдельных народов и указывая особенности их исторической жизни, Ломоносов, выступая с позиций просвещенного абсолютизма, ушел значительно вперед от схемы Татищева с его выделением в развитии народов четырех «станов», подобных возрастам отдельных людей. Сама идея «бессмертия» народа получила яркое звучание лишь в трудах Ломоносова с их демократической направленностью.

Как и Татищев, Ломоносов поднимает вопрос о пользе истории. Он видит ее в правдивости изображения прошлого, которая является условием морального воздействия (силой примера) на людей. Представление о значении славных подвигов исторических деятелей прошлого как примера для последующих поколений свидетельствует о большом патриотизме Ломоносова. В то же время на исторических фактах он обосновывает роль просвещенного абсолютизма в развитии человечества. История «дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым

— старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное». Здесь ученый в свете рационалистического мировоззрения рисует и сущность государства, и характер исторического процесса, подчеркивая также моменты, помогающие их пониманию, как «разум», «польза», «правосудие», «твердость», «мужество» и т.д.

По Ломоносову, «Древняя Российская история» делится на две части: 1) «О России прежде Рюрика»; 2) «От начала княжения Рюрика до кончины Ярослава первого». Первый вопрос, который ставит Ломоносов, — это вопрос о древнем населении России и о происхождении русского народа. Автор указывает, что по летописным данным «старобытными» жителями России являются славяне и чужь. В этом нет ничего унижительного для русских, так как «ни в едином языке утвердить невозможно, чтобы он сначала стоял сам собою без всякого применения». И далее Ломоносов выдвигает интересную мысль о том, что народы как этнические категории формируются в процессе «переселений» и «странствований», «в таком между собою сплетении», что часто нельзя сказать, какому народу отдать преимущество в смысле древности. Словом, не бывает «чистых» народов.

Затем исследователь подробно рассматривает данные древних и средневековых писателей (Плиния, Тацита, Птолея, Прокопия Кесарийского, Иорнанда и др.) о славянах и их роли во всемирной истории. Он стремится доказать древность «словенского племени». Автор отмечает, что славяне, «ненавидя римского ига и любя свою вольность», сыграли свою роль в падении Римской империи. В этих утверждениях, подкрепляемых ссылками на источники, было много верного, несмотря на ряд наивных суждений, вроде того, что венеды переселились из Трои. Ломоносов проявил и известный критицизм в отношении легендарного материала, подвергнув, например, сомнению наличие грамоты Александра Македонского «славенскому народу», отметив вымышленный характер имен славянских князей Славена и Руса.

Специальные главы «Древней Российской истории» посвящены чуди и варягам. В данном случае высказывается (вслед за Байером) неверное соображение о том, что чужь (финны, ливы, эсты) — это скифы. Варягами, по мнению Ломоносова, именовались вообще северные народы. Варягов-россов Ломоносов отождествляет с пруссами, говорившими на языке, близком к литовскому, который являлся «отраслью» языка славянского. Говоря о быте восточных славян до вокняжения Рюрика, Ломоносов указывает, что они жили семьями «рассеянно», редко имели «общих государей» и города. Киевские славяне (поляне) давали дань хазарам, новгородские — варягам. Тем не менее и те и другие «без монархии почитали себя вольными». У полян «самодержавство» началось с вокняжения Аскольда и Дира, укрепилось при князе Олеге. У новгородских славян сначала правил старейшина Гостомысл, затем, после смерти последнего, они призвали на княжение Рюрика с братьями. «Самодержавства российского основатель» Рюрик рассматривается Ломоносовым как «герой», отличающийся «разумом и мужеством». Утверждение «самодержавства», по Ломоносову вызывало сопротивление сторонников «общенародного прежнего владения». Это — интересная мысль, указывающая на понимание автором того, что возникновение государственности происходило в борьбе, участниками которой выступали родовые и племенные старейшины. Факт создания государства у восточных славян Ломоносов расценивает как исторический прогресс.

Вторая часть книги Ломоносова разбита на главы, посвященные отдельным княжениям (Рюрика, Олега, Ольги, Святослава, Ярополка, Владимира, Святополка, Ярослава). Изложение построено на данных летописи, а также некоторых византийских источников (например, при описании походов Святослава в Болгарию). История Киевской Руси изложена хорошим языком, просто и доступно, в некоторых случаях имеет характер литературного произведения. Летописные тексты даны в пересказе на современном Ломоносову русском языке.

При рассмотрении внутренней истории Древней Руси проводится мысль о том, что киевские князья вели борьбу за единое государство, добиваясь включения ряда славянских и неславянских племен в российское подданство. Эта борьба расценивается как выражение заботы об этих племенах. В такой концепции, несомненно, сказалось присущее Ломоносову стремление подчеркнуть роль просвещенных государственных правителей. До нас, к сожалению, не дошли комментарии (цитаты, тексты документов и т.д.), которые Ломоносов предполагал приложить к своему труду.

В 1759 г. ученым был написан (а в 1760 г. издан) «Краткий Российский летописец» с родословием, посвященный царевичу Павлу Петровичу. Этот летописец состоит из трех частей. В первой части дан краткий очерк (на основе «Древней Российской истории»), посвященный древнему населению на территории России и истории славян до вокняжения Рюрика. Изложение пронизано идеей величия славянского народа. Во второй части помещены сжатые сведения о русских князьях и царях, кончая Петром Великим. Эта часть написана А. Богдановым и отредактирована Ломоносовым. Последняя часть содержит материал, касающийся брачных связей и генеалогии русских князей и царей вплоть до Петра I и его потомства.

Для понимания исторических взглядов Ломоносова представляет интерес его рукопись «Идеи для живописных картин из российской истории». Это — сюжеты исторических картин. Они могут быть разбиты на несколько групп: 1. Темы из истории государства (единодержавия — абсолютизма) в России. 2. Темы национально-освободительной борьбы. 3. Темы, касающиеся международного значения России. Самая идея создания живописных картин на исторические сюжеты показывает, что Ломоносов придавал большое воспитательное значение истории.

Среди исторических тем, интересовавших Ломоносова, важное место принадлежит сюжетам, относящимся ко времени Петра I. В 1757 г. ученый написал примечания на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом», составленной по предложению русского правительства Вольтером. Кроме внесения в текст Вольтера ряда поправок фактического характера, Ломоносов исправляет также его неверные утверждения, касающиеся уровня экономического, политического и культурного развития России. Поправки Ломоносова отличаются заботой об историческом достоинстве русского народа. Так, Вольтер указывает, что земля около города Архангельска стала известна в Западной Европе лишь в XVI в. Ломоносов же поправляет этот текст и утверждает, что датчане и другие северные народы торговали по Двине еще в XII в. Характеристику Вольтером Москвы как «нарочитого города» Ломоносов отказывается признать достаточной и с чувством законной гордости пишет: «Москва великий город, первого рангу во всей Европе». Ломоносову кажется оскорбительным («бесчестным и поносительным») для русского народа, что Вольтер, описывая Лапландию, самоедов и т.д., обходит молчанием такие «многолюдные, плодоносные и наполненные городами... провинции», как Ярославская, Тверская, не упоминает Нижний Новгород, Владимир и «великое множество городов около Оки и других рек великих».

Примечания Ломоносова исполнены заботой и о военной славе России. На утверждение Вольтера, что в первое восемнадцатилетие XVIII в. единственным героем на севере был шведский король Карл XII, Ломоносов возражает, что «геройские дела», «великие предприятия и труды славны» Петра I стали известны еще до сражения при Лесной и Полтавской победы, а Карл XII своим бегством после Полтавской битвы показал задолго до 1718 г. «больше себя героя в Петре Великом...». Совершенно неудовлетворительным разделом труда Вольтера признал Ломоносов текст, касающийся «стрелецких бунтов», и предложил исправить его на основе составленного им самим описанием этих событий.

«Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», принадлежащее Ломоносову, сохранилось во французском переводе не дошедшего до нас оригинала. Это рассказ о политической борьбе конца XVII в., облеченный в художественную форму, с пересказом речей действующих лиц и психологическими мотивировками их поступков, с

известной драматизацией всего происходившего. Рассказ написан живо и интересно. В целом выступления стрельцов характеризуются Ломоносовым как действия «солдатчины, всегда готовой к бунту». Говоря о стрелецких казнях, организованных Петром I, Ломоносов выступает с позиций просвещенного абсолютизма и пишет, что царь «заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару...».

Характеристика Петра I и его царствования Ломоносовым в «Слове похвальном блаженным и вечнодостоянным памяти государю императору Петру Великому», написанном в связи с празднованием дня коронации Елизаветы Петровны в 1755 г. Это — настоящий панегирик (в торжественной форме художественной прозы) Петру. Ломоносов говорит о распространении в России при Петре просвещения, развитии промышленности, торговли, создании регулярной армии и флота. В своих похвалах Петру Ломоносов выступает борцом за самостоятельное экономическое и культурное развитие России, все время проявляет интерес к производительным силам страны, заботится об условиях для их роста, о преодолении отсталости. Раньше, указывает Ломоносов, соседи России с основанием говорили, что это великое сильное государство не может организовать металлургическую промышленность, производство собственного вооружения, «не имея в недрах своих не только драгих металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приготовлению оружия...». Благодаря деятельности Петра «исчезло сие нареkanie... отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы... Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор российских, российскими руками».

Конечно, Ломоносов понимал, какое значение для экономического и культурного подъема России, для усиления сношений с окружающими странами, а также для защиты имеет использование окружающих страну морей. Поэтому он считает особым достижением Петра I строительство флота; указывает на роль флота и в распространении торговых связей, и для географических открытий.

Демократические тенденции в трудах Ломоносова проявляются в его характеристике Петра I. Он стремится подчеркнуть, что Петр не только управлял как государь, но и трудился как рядовой подданный.

Для мировоззрения самого Ломоносова важно, что, возвеличивая Петра, он искал в нем такие черты, которые, по мысли автора, должны были приблизить его к людям труда. Петр «собственным примером побуждал к трудам подданных!».

Несмотря на демократические тенденции в творчестве Ломоносова, его неумеренная идеализация абсолютизма Петра объективно означает и признание крепостничества. Так, введение подушной подати рассматривается как шаг к уравниванию в повинностях трудолюбивых людей и лентяев, к уничтожению бродяжничества, праздности и нищеты. Говоря о препятствиях, мешавших «Герою» (т.е. Петру I) в совершении его подвигов, Ломоносов отмечает, что царь со всех сторон был окружен «неприятелями». «Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порты; изнутри стрельцы, раскольники, козаки, разбойники».

Ломоносов и деятельность Академии наук в области изучения истории

До конца своей жизни ученый интересовался и занимался историей и заботился о судьбах исторической науки. В проект нового регламента Академии наук (1764) им внесен специальный параграф о должности историографа, обязанного собирать исторические сведения о России и издавать труды по русской истории. Этому историографу должны быть доступны государственные архивы, но надо заботиться, чтобы он был человеком «надежным и верным», русским по национальности, не склонным в своих исторических сочинениях «ко шпынству и посмеянию».

Ломоносов выступал против назначения Г.Ф. Миллера академиком. Он не доверял Шлецеру и глубоко переживал, что в руках последнего окажутся судьбы русской исторической науки. Известен его отрицательный отзыв о составленной Шлецером русской

грамматике, где русские слова искусственно сопоставлялись с немецкими («дева» и «Dieb» — вор; «князь» и «Knecht» — холоп и т.д.). В поведении Шлецера он видел неуважение к русскому народу и использовал это как аргумент в пользу и необходимость создания национальных научных кадров, в том числе и историографов.

Итак, мы видим, что норманнисты способствовали движению вперед народившейся русской исторической науки. В тоже время основной проблемой историографии XVIII столетия стал варяжский вопрос, который вышел из бироновских кругов как антирусское явление. В чем же состояли сильные и слабые стороны исторической концепции академиком-немцев — Байера, Миллера и Шлецера — и противостоявшей им концепции Ломоносова?

Академики-немцы продолжили и довели до конца критику легендарных исторических теорий о происхождении русских царей от императора Августа; подвергли критике представление о мирном, добровольном и всенародном призвании варяжских князей; утверждали, что приход варяжских князей знаменовал собой начало Русского государства; считали себя основоположниками русской исторической науки.

У антинорманнистов, возглавляемых Ломоносовым, тоже были сильные и слабые стороны. Заслуга знаменитого ученого заключалась в том, что он первым подошел к коренному вопросу всей проблемы — вопросу об уровне развития восточнославянского общества и о создании Русского государства. В противоположность норманнистам для Ломоносова история была прежде всего историей народа, который прошел длинный и сложный путь развития задолго до появления у него государства. Произведения античных писателей от Геродота до Прокопия Кесарийского, а также средневековых западных авторов от Гельмольда до Муратори стали для него основными свидетельствами по истории славян. Ученый доказал, что славяне прошли стадию родового строя, далеко продвинулись в своем общественном развитии и у них не было той «тьмы невежества» о которой твердили норманнисты.

Подводя итог «вечной» и жгучей «норманнской проблеме», или «варяжскому вопросу», следует отметить, что историография этой темы весьма значительна и результат очевиден. Исследования Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина и особенно Б.А. Рыбакова показали, что для исторической науки гораздо более важным и актуальным является вопрос, не кто создавал, а как создавалось Русское государство.

Литература

Джаксон Т.Н. Герард Фридрих Миллер//Историки России XVIII—XX вв. Вып. 1. Архивно-информационный бюллетене № 9. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995.

Джаксон Т.Н. Август Людвиг Шлецер // Там же.

Некрасова М.Б. Михаил Васильевич Ломоносов // Там же. Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 1998.

Черепнин Л.В. А.Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки (из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX в.) // Международные связи России XVII—XVIII в. М., 1966.

2.5. Просветительская историография во второй половине XVIII века

Для Европы XVII в. был по преимуществу веком «английским», поскольку передовая европейская мысль в основном концентрировалась вокруг проблем Английской буржуазной революции. Век XVIII стал веком «французским» потому, что французское Просвещение стало тем эталоном, по которому определялся характер Просвещения в других странах. Великая французская революция наложила свой отпечаток не только на XVIII, но и на следующие два столетия.

То, что историческая инициатива перешла к французам, стало очевидно уже в первой половине XVIII в. после атеистического выступления французского философа П. Бейля (1647-1706). Затем последовало «Завещание» глашатая крестьянской революции, также

французского философа-материалиста Ж. Мелье (1664-1729), в котором отразился протест народных масс против феодальных порядков. Ожидание революции во Франции нашло свое отражение и в историографии. Уже в 20-е гг. XVIII столетия развернулась полемика вокруг вопроса об истоках французской истории. Идеолог дворянства граф Буленвилье в работе «История древнего правительства Франции» поднял вопрос о том, что Франция вышла из германского завоевания Галии в V в. Следовательно, французский народ имеет все права свергнуть своих узурпаторов. Так родилась германо-романская проблема, сыгравшая впоследствии крупную роль в историографии Франции, Германии и России XVIII-XIX вв.

Таким образом, постановкой вопроса о революции с насильственным свержением феодального строя началась идеологическая подготовка буржуазного переворота во Франции. Задолго до самого переворота идейным обоснованием Французской революции стала апелляция к истории.

Просвещение XVIII в. стало развитием исторических идей гуманистов XVI и рационалистов XVII в. Как и их предшественники, просветители XVIII в. боролись за человека, который находился в центре всех их исторических построений. Просветители стремились вырвать человека из тисков феодальных корпораций (цех, гильдия, сословие) и рассматривали его как индивида, равного всякому другому. Христианская идея всеобщего равенства перед Богом была опущена с неба на землю и использована для того, чтобы сломать сословные перегородки. XVIII в. был периодом возрождения античного духа в противовес христианскому мировоззрению. Французы стали представителями античного принципа внутри христианства. Человеческая личность противопоставлялась феодальному корпоративизму как форма буржуазного мировоззрения. Для того чтобы подкрепить данную историческую концепцию, дополнительно использовались идея примата человеческого разума, которая доказывала, что исторический процесс не нуждается в Божьем руководстве, а церковь лишь тормоз в развитии истории; идея естественного права, согласно которой равенство людей по рождению представлялось естественным основанием равенства политического; теория общественного договора: равные люди могут основать общество и государство только путем взаимной договоренности.

Однако народ, с точки зрения просветителей, — это невежественная, инертная масса, неспособная к самостоятельному развитию. Все благодеяния, которые может дать народу исторический прогресс, должны последовать сверху, и чем могущественнее правитель, тем он имеет больше возможностей излить на своих подданных поток благодеяний и свет разума. Идея «просвещенного абсолютизма» выросла именно на этой почве. Просвещенный монарх, окруженный философами, — идеал, естественно выраставший из идеологии Просвещения.

Свою задачу просветительство видело в распространении взглядов, согласных с требованиями всемогущего разума. По мнению поборников просветительства, прогресс состоял в усвоении этих взглядов как можно большим числом людей. Однако надо иметь в виду, что просвещение отбрасывало все многообразие исторического процесса и обедняло его, подходя к нему с единственным мериллом — разумом. Если в области естествознания передовое место в XVIII в. занял материализм, то в области общественных наук оно остается за рационализмом. Самыми крупными деятелями и идеологами революционного французского просвещения были Вольтер (1694-1778), Ш.-Л. Монтескье (1689-1755), Г.Б. Мабли (1709-1785), Ж.Ж. Руссо (1712-1778) и Ж.А. Кондорсе (1743-1794).

В отличие от боевого накала французских просветителей их английские соратники исповедовали исключительно концепцию разума и научного знания. Среди последних наиболее яркими фигурами были Д. Юм (1711-1763), У. Робертсон (1721-1793) и Э. Гиббон (1737-1794). Не осталась в стороне от волны просвещения и Германия. Целью немецких просветителей было достижение национального единства и политическая свобода буржуазии, которая в конечном итоге оказалась неспособной подняться на борьбу с феодализмом и раздробленностью своей родины. Однако просветительский порыв молодых поэтов и мыслителей нашел свое выражение в удивительно плодотворном соединении

литературного таланта с ученостью. Позиции немецкого просвещения провозгласили и отстаивали Г.-Э. Лессинг (1729-1781), Ф. Шиллер (1759-1805), И.-Г. Гердер (1744-1803).

В результате общей деятельности французских, английских и немецких просветителей их идеи и труды стали общеевропейским явлением, захватившим и Россию.

Россия XVIII в., и в особенности его вторая половина, — это время формирования русской исторической науки, начало которому положили В.Н. Татищев и деятельность Академии наук. Ее подъем был связан и с интересом к истории императрицы Екатерины II, что способствовало выдвиганию профессиональных историков.

Российское просветительство в значительной степени находилось под влиянием западноевропейской просветительской литературы, произведений Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, Мабли, Руссо и др. Начало распространения просветительской идеологии было положено русскими правящими кругами во главе с Екатериной II. Обедневшее дворянство, разночинная интеллигенция и даже некоторые крепостные увлекаются переводческой деятельностью, часто превращая ее в профессию и источник дохода. Во второй половине XVIII в. было переведено колоссальное количество не только французских литераторов, но и исторических произведений. Русский читатель впервые мог познакомиться не только со всеобщей историей, но и с историей славянских народов, а также Англии, Америки, Японии, Египта, Швеции, Турции, Китая и др.

В России XVIII в. историческая литература довольно широко была представлена переводами произведений античных писателей. В 60-е гг. XVIII в. в связи с общим подъемом культуры и науки в России, в том числе исторической, появляются переводы классических исторических источников, без которых невозможно было изучение древнейшего периода отечественной истории. В 1763-1764 гг. вышел перевод «Истории» Геродота, сделанный А.А. Нартовым. Крупным событием в научной жизни России явилось издание И.Г. Штриттером своего рода хрестоматии из византийских авторов, писавших о древних народах на территории России. Известный историк, впоследствии автор учебника по русской истории, данное издание сделал по примеру парижского «Согрос» византийских историков. В связи с этим событием в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях», выходявших под редакцией Н.И. Новикова, была помещена развернутая рецензия с очерком историографии античных свидетельств о России.

Характерным явлением для большинства стран Европы того времени было издание энциклопедий. Во второй половине XVIII в. в России также выходит сравнительно большое количество энциклопедий, словарей, лексиконов по самым различным отраслям знаний и большое количество словарей или лексиконов иностранных языков, в том числе и языков народов, России. Появилось несколько географических и исторических словарей. Лучшими из них были «Географический лексикон Российского государства», выпущенный Ф.А. Полуниным и Г.Ф. Миллером (1773 и 1788-1789), и незавершенное произведение В.Н. Татищева «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский» (1793). Новиковский «Опыт исторического словаря о Российских писателях» (1772) впервые представил биографии лиц из различных слоев общества и положил начало демократизации исторических персонажей в русской историографической литературе. Во второй половине XVIII в. в России исторические знания становятся более близкими к запросам практической жизни, с одной стороны, и к науке — с другой.

В 60-е — первой половине 70-х гг. литературой и историей стали заниматься представители самых различных общественных слоев — от крепостных крестьян и разночинцев до вельмож и императрицы. 60-е гг. XVIII в. являются тем историографическим рубежом, который определил принципиально важные изменения в развитии и распространении исторических знаний в России. Происходит расширение круга историков в социальном отношении. Наряду с историками из дворян появляются историки из купеческого сословия или среды разночинцев. В это время столкнулись исторические концепции, выражавшие взгляды различных социальных групп, зарождается буржуазная историография и в некоторых трудах появляется критика крепостного строя. В свою очередь,

дворянские историки пытаются осмыслить происходящее и укрепить позиции своего сословия, обращаясь к историческому опыту.

А.И. Мусин-Пушкин

Определенный подъем был связан с пробуждением так называемого «любительского интереса», который понимался исключительно как любовь к родной истории. «Любителями истории», знавшими и понимавшими ее вкус, были И.Н. Болтин, И.П. Елагин, Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, А.Н. Оленин. К этой когорте принадлежал и А.И. Мусин-Пушкин. Видный сановник, владелец одной из самых знаменитых в России библиотек и древнерусских рукописных собраний, крупный знаток российских древностей и языка, издатель ряда исторических памятников и автор исторических исследований, он особенно трепетно относился к историческому источнику. Это выразилось в собирании, коллекционировании письменных и материальных памятников, их критическом использовании и осмыслении.

Алексей Иванович Мусин-Пушкин родился 16 марта 1744 г. в доме капитана гвардии, а скончался в 1818 г. Его имя навсегда вошло в русскую литературу и историографию как Имя человека, открывшего бесценное «Слово о полку Игореве». В ореоле этого события как бы в тени остались другие стороны жизни и деятельности Мусина-Пушкина. Он занимал руководящие посты в учреждениях, которые определяли правительственную политику в области просвещения и науки. Управляющий корпусом чужестранных единоверцев (создан в 1775 г. для обучения детей, репатриированных после русско-турецкой войны 1768-1774 гг.), обер-прокурор Синода, президент Академии художеств — эти должности предоставляли ему широкие возможности для формирования источниковой базы отечественной истории.

В.О. Ключевский, анализируя подъем национального интереса к отечественной истории в екатерининскую эпоху, очень точно определил, что основы самобытного взгляда на русскую историю лежали в изучении источников. Цель деятельности Мусина-Пушкина была не просто научная, а нравственно-патриотическая — собирательство древнерусских памятников, их изучение и издание как противопоставление иностранным влияниям в общественно-научной жизни.

В обществе второй половины XVIII в. утверждается следующий взгляд на русскую историю; если у нас были темные стороны, то они были и у других. Довольно мы гнулись под чужую мерку, пора нам жить самобытно и выработать свой характер. Да он уже и есть, но закрыт привозной маской. Чтобы его открыть, нужно начать изучение русской истории. При таких взглядах и настроениях особое значение получили памятники русской истории: «свитки и рукописи хранят черт русского национального характера».

Мусин-Пушкин, обладая немалыми средствами, принялся за собирание памятников старины с того, что приобрел все книги и бумаги Петра Крекшипа — автора записок о Петре I. Среди прочего там оказался древнейший из известных списков летописи — Лаврентьевский. Многие, зная его страсть, дарили ему рукописи, в том числе и Екатерина II. Будучи обер-прокурором Синода, он издал указ об извлечении из монастырских архивов старинных документов и среди прочего нашел там список «Русской Правды». Когда Алексей Иванович обнаружил «Слово о полку Игореве», он сразу понял его значение и тут же издал знаменитый памятник. И, видно, не зря, ибо громадную коллекцию Мусина-Пушкина постигла печальная судьба. Весь дом его с библиотекой сгорел в Москве в 1812 г.

Мусин-Пушкин издал также «Русскую Правду», «Поучение Владимира Мономаха». В примечаниях к этим изданиям, прежде всего, порицалось увлечение иностранным. Подобное отношение к источнику было характерно для всех издателей того времени — М.М. Щербатова, Н.И. Новикова, И.Н. Болтина. Они даже не ставили своих имен на публикации, дабы ничем не заслонять сам памятник. В 1767 г. вышел первый том «Библиотеки русской истории». В нем был помещен Кенигсбергский, или, как его еще называют, Радзивилловский список летописи; биография Нестора и инструкция для издания памятников. Тогда же были изданы Никоновский список летописи, Царственная книга и летопись по Воскресенскому

списку. Помимо Мусина-Пушкина, в кружок любителей русской истории при дворе Екатерины II входили граф Н.П. Румянцев — один из организаторов археографической работы в России, граф А.Р. Воронцов и др.

М.М. Щербатов

Носителем идей аристократической части дворянства в области исторической мысли был князь Михаил Михайлович Щербатов (1733-1790) — общественный деятель, историк, публицист. Щербатов происходил из древнего и богатого рода князей Оболенских и вел свою династическую линию от Михаила Черниговского. Его отец М.Ю. Щербатов (1678-1738), архангельский губернатор, генерал-майор, участвовал в Северной войне и был сподвижником Петра I. В раннем детстве М.М. Щербатов был записан в Семеновский полк, получил прекрасное образование, владел несколькими иностранными языками. После него осталась библиотека в 50 тысяч томов, множество древних рукописей и собственных сочинений.

Воспользовавшись Манифестом о вольности дворянской, Щербатов в 1762 г. вышел в отставку в чине капитана. В 60-х гг. он написал ряд статей, в которых наметилась его социально-политическая доктрина: отрицание равенства людей, требование сильной государственной власти, критика правительства с позиций дворянской аристократии.

В 1767 г. в качестве депутата от дворян Ярославской губернии Щербатов участвует в Комиссии по составлению нового Уложения, выступая с историческим и политическим обоснованием привилегий дворянства против притязаний купечества и крестьян. В это же время Щербатовым была проведена большая работа в деле научной публикации исторических источников. Среди них такие значительные издания как «Царственная книга», «История Свейской войны», «Летопись о многих мятежах», «Царственный летописец» и др.

В 1768г. Щербатов работал в Комиссии о коммерции, в 1771 г. был назначен герольдмейстером; в 1773г. получил придворный чин действительного камергера, в 1775 г. заведовал секретным делопроизводством по военным делам, в 1778 г. получил чин тайного советника и был назначен президентом Камер-коллегии, а в 1779 г. стал сенатором.

В 1778 г, Щербатов ушел с гражданской службы и до конца своих дней занимался публицистикой и литературной работой. Его многочисленные сочинения посвящены законодательству, экономике, статистике, просвещению и всякого рода «рассуждениям» и «размышлениями». В конце 80-х гг. он завершил мемуарный памфлет «О повреждении нравов в России» и издал утопический роман «Путешествие в землю Офирскую», в котором иносказательно воспевал старые порядки Руси. Свои взгляды на историю Щербатов выразил и обосновал в «Истории Российской от древнейших времен» Этот труд особенно ценен тем, что насыщен большим количеством разнообразных источников. С 1770 г. было напечатано 18 книг «Истории...», за которые автор получил звание историографа и почетного члена Петербургской Академии наук (1776).

Щербатов занялся изучением истории не без участия Екатерины II, которая назначила его историографом, открыла доступ в архивы и библиотеки и поручила разобрать архив Петра Великого. В «Истории Российской»... Щербатов довел повествование до избрания Михаила Романова. К работе приступил он без достаточной учено-технической подготовки и поэтому допустил немало ошибок, например, не различал двух Переяславлей — Южного и Залесского и т.д. За это ему немало досталось от современников. Важно другое: Щербатов не просто излагает события, он их обсуждает и сопоставляет с событиями западноевропейской истории, которую, кстати, знал лучше русской. Сравнением он старался подметить особенности русской жизни. Щербатов первым в историографии попытался изобразить внутреннюю жизнь общества. Как образно выразился В.О. Ключевский, «Щербатов удачнее угадывал вопросы, чем их разрешал, и в этом его главная заслуга». Несмотря на то, что его «История...» написана тяжелым языком, она имела определенный успех в обществе.

В своих сочинениях, прежде всего Щербатов был защитником крепостного права и дворянских привилегий. Историческими ссылками и своими рассуждениями он обосновывал

необходимость сохранения в России крепостного права: «Земли, па которых живут крестьяне, принадлежат дворянам... которые их приобрели, жертвуя своею жизнью и здоровьем». Самодержавие нуждается в содействии со стороны дворянства. Примером государя, уважающего привилегии дворянства и охранявшего их права на участие в государственной жизни, Щербатов считал Петра I. Голос дворянства проявляется через Сенат, который служит хранилищем законов. Монархия, опирающаяся на старинное родовитое дворянство, — вот политический идеал Щербатова.

Вопрос о происхождении государства Щербатов решал исходя из рационалистических предпосылок. Человеку присущ дар разума, который должен его вести по прямому пути и стезе добродетели. Никакое общество, даже самое малочисленное, не может существовать без правил и законов, которые определяют поведение людей. Необходимость государства объясняется потребностями человеческой природы и велениями разума. Существуют четыре формы правления: деспотическое или самовластное, монархическое, аристократическое и демократическое. Последние два возникают в результате недовольства вельмож и народа действиями деспотов. В монархических государствах люди честолюбивы, в аристократических — горды и тверды, в демократических — смутнолюбивы и увертливы, а в деспотических — подлы и низки. Активное участие в управлении аристократии проявляется, прежде всего, в сфере законодательной. Главной положительной чертой государственного строя Щербатов считал обеспечение возможности вельможам сдерживать власть царскую и дерзость народа.

Щербатову принадлежит также интересный опыт изучения современной ему России (географическое положение, экономика, административное устройство, состав населения), который он осуществил в труде «Статистика в рассуждении России» (1775-1777). Работа содержит целый ряд исторических сведений относительно прошлого городов и губерний, происхождения тех или иных учреждений.

Рационалист XVIII в., воспитанный на французской просветительной философии, усматривающий в историческом процессе показатель успехов человеческого разума и развития просвещения, Щербатов всегда видел перед своими глазами призрак крестьянского бунта. Он восклицал: «Не так легко и не так полезно просветиться народу, как думают, ибо малое просвещение ведет к заблуждению и к духу не подданства. Подлый народ не должен рассуждать, ибо это опасно для дворянского государства. И если подлый народ просветится, ^и будет сравнивать тягости своих налогов с пышностью государя и вельмож, не зная нужды государства и пользы пышности, тогда он будет» роптать на налоги и произведет бунт».

В своем сочинении «О повреждении нравов в России» Щербатов писал о падении в его время моральных устоев и принципов (почтения к родителям, любви между супругами, патриотизма, твердости духа). Истребление благих нравов грозит падением государству. Причина всех указанных явлений в развитии сластолюбия. После Петра I история России — это история правления пороков, излишеств в пище и одежде, которые воспитали стремление к роскоши, корыстолюбию и лести.

Автор дает беспощадные характеристики правителей послепетровского периода: Анна Иоанновна «от природы нраву грубого, который не был смягчен ни воспитанием, ни обычаями века». Бирон — это «человек, одаренный здравым рассудком, но без малейшего просвещения, горд, зол, кровожаден и непримиримый злодей своим неприятелям». Елизавета Петровна — «женщина отменной красоты, набожная, добрая, одаренная от природы разумом, но без образования. Веселая нравом, всегда искала веселий, чувствуя свою красоту, всегда старалась ее умножить. Была ленива, роскошна и любострастна». Петр III — «человек с добрым сердцем, но без разума и нравов». Екатерина II «великодушна, сострадательна и трудолюбива ко славолюбию. Даже когда ее голову покрыли седины, не уменьшилось ее любострастие».

Говоря о методе исторического исследования, Щербатов выдвигает два понятия: «приключение» и «причину». Историк обязан уловить эту взаимосвязь. Выяснение причин событий — это установление между ними чисто прагматической связи в виде внешнего

воздействия одного на другое Исторический процесс представляет собой последовательно сменяющиеся события, которые происходят под воздействием людей, «тайные пружины» поступков которых историк обязан выяснить.

В области источниковедения Щербатов развивал идеи Байера и Миллера, демонстрируя критический подход к источникам. Он выдвинул определенные критерии выбора наиболее достоверных летописных списков и правила их палеографического анализа, обосновал некоторые приемы изучения актового материала (духовных и договорных грамот), необходимость знания хронологии. В основе периодизации, которой придерживался Щербатов, лежит развитие самодержавия и изменение его взаимоотношений с аристократией. Например, недоверчивость Ивана Грозного к знатым боярам «отнимала у них возможность отечеству услуги показать».

Статья Щербатова «О древних чинах, бывших в России и о должности каждого из них» посвящена рассмотрению придворных чинов и преследовала цель — исторически обосновать права «благородного сословия». В целом труды М.М. Щербатова — важный этап в русской историографии. Его творчество оказало заметное воздействие на исследования И.Н. Болтина, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева.

И.Н. Болтин

Первый из них, Иван Никитич Болтин (1735-1792) стал оппонентом и критиком Щербатова. Будучи почти сверстником Щербатова, он прошел служебную карьеру, довольно далекую от его трудов, Болтин родился в старинной дворянской семье, получил домашнее воспитание и поступил в Конногвардейский полк. В полку стал близким товарищем Г.А. Потемкина, который впоследствии всегда помогал Болтину. После военной службы (18 лет) он поступил на таможенную службу, затем был прокурором Военной коллегии и, наконец, ее советником вплоть до самой смерти.

Потемкин очень дорожил умом и обширными практическими сведениями Болтина. При заселении Новороссии он вызвал Болтина в Крым для советов. Иван Никитич был одним из самых образованных и начитанных людей своего времени. В духе XVIII столетия он оставался умеренным вольтерянцем, хорошо знал французских историков и публицистов XVI в. (Бадена, Беллярмина, Потчицера), но любимыми его писателями и философами были Бейль, Мерсье, Вольтер. Опираясь на их воззрения, Болтин считал, что история движется климатом, религией и образом правления.

Во время своей служебной деятельности Болтин много путешествовал по России, поэтому оценивал современный ему государственный строй не в качестве наблюдателя со стороны, а как непосредственный участник административной машины.

С таким запасом знаний и наблюдений Болтин приступил к занятиям по русской истории. Как историк, в противоположность Щербатову, Болтин не выступал с обобщающим трудом по русской истории. След в историографии он оставил двумя произведениями, посвященными критике работ своих современников: француз Леклерка, врача по профессии, написавшего книгу «История естественная, нравственная, гражданская и политическая древняя и нынешняя России», и М.М. Щербатова, Построение критики у Болтина своеобразно. Оно дано в виде последовательно расположенных выписок из трудов Леклерка и Щербатова и примечаний к ним, представляющих развернутые ответы Болтина. Отсюда заглавия работ Болтина: «Примечания на «Историю древняя и нынешняя России» г. Леклерка, сочиненные генерал-майором И. Болтиным» (1788); «Критические примечания генерал-майора Болтина на (первый и второй) том «Истории» князя Щербатова» (1793-1794).

Довольно легкомысленный и склонный к авантюризму француз Леклерк (1726-1798) приезжал в Россию в 1759 и 1769 гг. Он был врачом при Кирилле Разумовском, лейб-медиком при цесаревиче и занимал определенное положение при дворе. Всего прожил в России около 10 лет. В то время в Европе читали екатерининский Наказ и, соответственно, все, что касалось России, и особенно ее история, пользовалось большим спросом. Этими обстоятельствами решил воспользоваться Леклерк. Собрав наскоро материалы, в 1775 г. он

вернулся во Францию, где с 1783 г. стал издавать большой труд под названием «Естественная, политическая и гражданская история России» в 6 томах. Это были своего рода путевые заметки, которые можно назвать образцом среди «иностранных историй» о России. Недобросовестное отношение к фактам и источникам, враждебность сочинителя к России вызвали ответную реакцию русских читателей. Потемкин подсказал Болтину идею: выступить против Леклерка в печати. Таким образом и появились «Примечания Болтина» в двух больших томах — более 500 страниц. По общему определению Болтина, книга Леклерка «вовсе не история, а сельская лавочка, в которой можно найти и бархат, и помаду, и микроскоп, и медное кольцо».

Комментарии Болтина к «Истории Российской...» Щербатова во многом были преувеличенной цитированной критикой, однако автор обнаружил в «Истории...» довольно много ошибок и небрежностей, неправильное понимание всей древней истории, незнание исторических приемов и неумение разбираться в фактах по степени их важности. Комментарии имели важное научное значение, поскольку способствовали развитию углубленного анализа источников и становлению вспомогательных исторических дисциплин.

Задача «Критических примечаний...» — прежде всего, восстановить правильность исторического факта, затем наметить пути установления этого факта и, наконец, дать характеристику и оценку отдельных сторон исторического процесса. Замечания Болтина остры и язвительны по форме и серьезны по существу. Леклерка он считает (с достаточным основанием) невеждой, не знающим источников, излагающим историю по чужим трудам, дающим извращенное представление об историческом прошлом русского народа. Отрицательно оценивает Болтин (не всегда в одинаковой мере убедительно) ряд выводов и наблюдений Щербатова, считая, что они являются плодом авторского произвола в обращении с источниками, а не их научного анализа.

Болтин излагал свои взгляды на задачи исторической науки, подчеркивая, что достоинство историка составляет «избрание приличных веществ» (т.е. нужных и доброкачественных источников), «точность, безпристрастность в повествованиях, дельность и важность в разсуждениях, ясность и чистота в слоге и проч».

Автор указывал на трудность написания истории, требующего больших профессиональных навыков: «Всякую Историю вновь зделать, а особливо зделать хорошо, очень трудно, и едва ли возможно одному человеку, сколь бы век его ни был долог, достичь до исполнения намерения такового, при всех дарованиях и способностях, к тому потребных».

Основным требованием к историку является, по мнению Болтина, правдивость в изображении фактов прошлого, отказ от таких стимулов в освещении исторического процесса, как стремление показать в благоприятном свете родину, забота о репутации друзей, родственников и т.д. «Сказанное правило, что историк не должен иметь ни родственников, ни друзей, имеет смысл такой, что историк не должен закрывать или превращать истину бытия по пристрастию к своему отечеству, к сродникам, к друзьям своим; но всегда и про всех говорить правду, без всякаго лицепрятия». Сам Болтин, конечно, далеко не всегда соблюдал это правило, не был свободен от «пристрастий» характера классового, национального, фамильного, однако девиз, им выдвинутый, несомненно, заслуживает внимания как показатель тех требований, до которых доросла историография второй половины XVIII в.

Точность воспроизведения исторического факта, по Болтину, зависит от уровня источниковедческой методики, а последний определяется не только числом привлеченных памятников, но и умением их использовать в целях исторического построения. «Весьма те ошибаются, — пишет Болтин, — кои думают, что всякий тот, кто по случаю мог достать несколько древних летописей и собрать довольно количество исторических припасов, мажет сделаться историком; многого еще ему неостанет, если кроме сих ничего больше не имеет. Припасы необходимы, но необходимо также и умение располагать оными, которое вкупе с ними не приобретается».

Собственно говоря, здесь Болтин повторяет мысль Татищева, который служит для него образцом историка, критически изучающего источники. Очень высоко ставит Болтин в качестве источниковеда и Миллера, который «имел к тому способность, чтоб из великих кучь дрязгу избирать драгоценнейшие зарытые в них перла».

Наконец, следуя Шлецеру, Болтин говорит о трех этапах в работе источниковеда, предшествующей историческому построению: 1. Следует произвести сличение летописных текстов и устранить погрешности, вкравшиеся при многократной их переписке («рассмотреть летописи, сличить их между собою, исправить погрешности, учиненные переписчиками, и привести их в тот вид, в каком они от сочинителей их были изданы»). 2. Уяснить смысл текста, освобожденного от вкравшихся при переписке ошибок («второй труд — в объяснении исправленных уже летописей, сиречь в истолковании слов, вышедших из употребления, дабы можно было понимать точный смысл ими сказуемого»). 3. Исторические сведения и наблюдения пополнять данными географического характера («Третий труд — в собрании известий, относительных до Географии; ибо История с Географиею столь тесно связаны, что не зная одной, писать о другой никак не может»).

Помимо использования русских памятников («домашнего источника»), Болтин в целях всесторонней проверки фактов считает необходимым привлечение «известий из чужестранных историков и летописцев, не только соседних нам государств, но и самых отдаленных».

Таким образом, Болтин пытается поставить на должную высоту проблемы источниковедения, считая, что «приуготовление к Истории не меньше есть важно и трудно, сколь и самое ее сочинение».

Разбирая различные неверные или сомнительные утверждения Леклерка или Щербатова, Болтин неоднократно подчеркивает необходимость отбора источников, умения отличить правду от вымысла. «Не всему без разбора, что путешественники рассказывают, должно верить, но тому только, что похоже на правду и что вероятно достойно». Требуется «великой труд и внимание» исследователя, «чтоб в толикую запутанность приведенное разобрать и привести в надлежащий порядок». В то же время, толкуя «темные места летописей», историк должен опасаться уклониться «от подлинного их смысла» и не имеет права писать «чего ни есть с обстоятельствами времени или местоположения несогласного». Болтин в своих «Примечаниях на книгу Леклерка» много места уделяет переводу статей договоров России с Византией X в., «Русской Правды», «Судебника» 1550 г., «Соборного Уложения» 1649 г.

При отборе фактов для исторического труда, говорит Болтин, надо помнить, что история как наука — это не летопись, «не имеет она нужды в таких мелочах, кои в летописях были помещены...». Историк должен останавливаться лишь на самом главном.

При изучении исторических явлений Болтин исходил из предпосылки о том, что общность человеческих нравов определяет близость общественного развития различных народов. «Писавшему историю какого ни есть народа надобно ежечасно помнить, что он человек и описывает деяния подобных себе человек». «Пороки и добродетели суть общи всем земнородным. Во всяком обществе есть люди добродетельные и порочные, благие и злые». Мысль об одинаковом «свойстве человеческого естества», как определяющем факторе исторического процесса, не новая. Она типична для дворянской историографии XVIII в. Интересно другое: это представление широко используется Болтиным для исторических аналогий, к выявлению которых он был подготовлен вследствие хорошего знания всеобщей истории.

Но в поисках факторов общественного процесса Болтин уже не ограничивается наблюдениями над сущностью человеческой природы, в общих чертах везде одинаковой. Он останавливается на роли в общественной жизни таких условий, как климат, воспитание, форма правления и т.д. Он выдвигает мысль о том, что «главное влияние» на людей и общество имеет климат, остальные же причины «суть второстепенные или побочные: они токмо содействуют или, приличнее, препятствуют действиям оногo». Идея о значении среды,

географических условий в общественной жизни получила большое распространение в последующей историографии.

В связи со своим представлением о роли климата в истории отдельных человеческих обществ Болтин выдвигает понятие «национальный характер», который, по его мнению, зависит во многом от климата. Перенос внимания с человеческих нравов на естественную среду, на них воздействующую, при всей механистичности понимания этого воздействия был шагом вперед в попытке осмыслить исторический процесс.

Стремление определить общие линии исторического развития ряда народов сочеталось у Болтина с идеей своеобразия их исторической жизни. Так, он писал, что судить о России, «применяясь к другим государствам европейским, есть то же что шить на рослого человека платье, по мерке снятой с карлы. Государства европейские, во многих чертах довольно сходны между собою; зная о половине Европы, можно судить о другой, применяясь к первой, и ошибки во всеобщих чертах будет не много; но о России судить, таким образом, невозможно, понеже она ни в чем на них не похожа...»

Наряду с поисками в историческом прошлом народов факторов, определяющих черты как сходства, так и своеобразия их общественной жизни, Болтин подчеркивал значение в истории счастья, фортуны — понятий, которые в конечном итоге ассоциируются с представлением о божественном промысле. Так причудливо в мирозерцании дворянского историка сочетались идеи человеческого «естества», естественной географической среды и божественного промысла как причин, влияющих на ход исторических событий.

Представление о близости прошлого России к прошлому других стран и одновременно о его своеобразии Болтин использует для обоснования своей концепции исторического развития России. Эта концепция характеризуется патриотической направленностью. Автор стремился опровергнуть утверждение Леклерка, изображающего русский народ примитивным, долгое время лишенным оседлости, разбойничьим. В то же время Болтин защищал историческую схему, отвечающую интересам дворянства, обосновывающую целесообразность крепостничества и самодержавия.

Крепостной строй для Болтина — это порядок, который можно обосновать, исходя из «естественного разумения о вещах». Если «вольный человек» не может быть «без собственности», то крестьянин не может быть без помещика. Болтин проводит мысль о том, что вольность приносит пользу далеко не каждому народу. Для того чтобы ею пользоваться, необходимы особые личные качества, исторический опыт и другие условия. «Не всякому народу вольность может быть полезна; не всякий умеет ее снести и ею наслаждаться; потребно к сему расположение умов и нравов особенное, которое приобретается веками и пособием многих обстоятельств».

По Болтину, «умоначертания о свободе» — это свойство «народов диких, живущих в совершенной и полной независимости от всякого народа, власти, закона обычая». Европейцам «свойственнее ... ограниченная вольность», а не «их [диких народов] безпредельная»: «...мы [европейцы] их [дикарей] свободы не снесем», а «они нашею довольны не будут».

Защищая крепостнический строй России, Болтин подчеркивал также, что он в большей мере отвечает интересам русского народа, чем современные ему порядки, господствовавшие в других странах. «Земледельцы наши прусской вольности не снесут, германская не сделает состояния их лучшим, с французскою помрут они с голода, а английская низвергнет их в бездну погибели». «Рабство народа в России», по мнению Болтина, менее тягостно, чем положение крестьян в других странах. «Земледелец в России меньше гораздо несет тягости, нежели во Франции, Англии, Германии, Голландии и других государствах».

Оправдывал он и такие явления, как рекрутчина. В данном случае он исходил из аналогии между человеческим организмом и политическим строем. «В теле политическом, яко и в теле человеческом, имеются некоторые проходы, чрез которые низвергаются непотребные влажности... Надобно, чтоб в каждом обществе гражданском был такой ров,

коим бы стекали пороки». Рекрутские наборы Болтин расценивает как «вертеп, в которой из политического тела низводятся излишний и вредоносные мокроты», т.е. крестьяне, сдаваемые помещиками в рекруты, «понеже в сии редко отдают людей, обществу нужных и полезных, разве по необходимой нужде...».

Излагая общественно-политическую историю России, Волгин исходил из предпосылки о том, что славяне «издревле жили под правлением монархическим», но первоначально власть князей была ограничена: «вельможи и народ великую имели силу в определениях о вещах важных». В «общенародных собраниях всякой гражданин имел право подавать свой голос...».

В период политической раздробленности Руси усилилась власть удельных князей и боярской аристократии. «Самосудная власть вельмож начало свое возымела от уделов княжих; их примеру следуя, бояры и прочие владельцы равномерную власть во владениях своих себе присвоили».

Важным выводом Болтина было признание наличия в России феодальных порядков. Русское поместье он сопоставляет с французским феодем. Как «вид платы или награждения за службу, тоже самое, что нате поместье, поместной оклад: сии поместья зделались по времени все наследными вотчинами. Очень ценно определение «феодального права» как «права помещика в деревне своей над его подданными».

Рассматривая феодализм как явление права, относя его господство ко времени политической раздробленности и наличия на Руси удельной системы, Болтин связывал конец феодализма с реформами Ивана IV. В личности и деятельности последнего он находит много общего с Людовиком XI французским.

Политическим идеалом Болтина является крепкая самодержавная власть. Поэтому он в противоположность Щербатову — стороннику участия в правительстве аристократии — сочувствовал политике Ивана Грозного. По мнению «дворянства русского, — указывает Болтин, — власть единого несравненно есть лучшая, выгоднейшая и полезнейшая как для общества, так и для каждого особенно, нежели власть многих».

Касаюсь вопроса о происхождении крепостного права, Болтин рисует крестьян до конца XVI в. вольными людьми. «Земля была собственностию владельческой; а плоды труда и промыслов — собственности» крестьянской. Собственность того и другого была охраняема законом». Вольные крестьяне «имели владельцев и имели собственность, не имев земли; а помещики владели крестьянами, не имев власти учинить их невольниками; получали с них оброки, не могучи их грабить». «Запрещением крестьянам перехода от одного помещика ко другому, — писал Болтин, — положено начало их рабства».

Болтин поднимал важный для России вопрос о завоеваниях территории. Его концепция сводилась к оправданию внешней политики России. Сопоставляя ее с политикой Римской империи, он выдвигал следующий тезис: там было завоевание, Россия производит мирную ассимиляцию народов присоединяемых территорий.

Следует сказать несколько слов об отношении Болтина к религии, церкви и духовенству. Он проводит мысль о том, что «для народа просвещенного духовенство просвещенное полезно; для народа же непросвещенного духовенство просвещенное бедственно и губительно». Власть просвещенного духовенства приводит к тирании (подобной господству папства в Средние века), а «легче суеверие истребить, нежели из-под тиранического ига власти духовны» свободиться». Он резко критиковал католическую церковь и противопоставлял ей церковь православную.

Таковы исторические взгляды Болтина. В них много нового, оригинального. Болтин — человек образованный, начитанный, мыслящий. Это — один из наиболее крупных представителей дворянской историографии второй половины XVIII столетия.

Новые направления в историографии

Проникновение представителей третьего сословия во все области культуры и общественной жизни также стало довольно распространенным явлением второй половины

XVIII в. Выдающийся сатирик Денис Фонвизин писал: «Третий сей чин есть убежище наук и освященное место человеческого познания. Нет такого рода заслуг и добродетели, которых бы не производил третий чин». В связи с расширением круга историков расширяется также круг исторических персонажей, т.е. круг лиц, деятельность которых представлена в исторических произведениях. Наряду с классическим репертуаром феодальной историографии на страницах исторических произведений появились, как и в художественной литературе, деятели третьего сословия (по западноевропейской терминологии). Так, В.В. Крестинин пишет историю крестьянско-промышленного рода Вахониных-Негодяевых.

Разработка отечественной истории осуществлялась не только в Петербурге или в Москве, но и во многих провинциальных центрах. Но самым характерным для развития исторической мысли явилось расширение тематики исторического исследования в экономическом направлении. Наиболее видными представителями этого течения были В.В. Крестинин, М.Д. Чулков, И.И. Голиков и др. Все они были выходцами из того нового класса, который со второй половины XVIII в. играл все большую и большую роль в экономической жизни России. Тяготение буржуазии к истории закономерно, так как оппозиционность купечества находила в известной степени выход в истории. Историки из купцов или разночинцев, разумеется, не столько интересовались штатными сюжетами феодальной историографии, сколько историей коммерции, которую они понимали как историю торговли, финансов, фабрик и заводов.

Оппозиционность идеологов купечества сказывалась также и в идеализации Петра I. Этого великого государственного деятеля они считали образцом, давая понять, что современные правительства не могут действовать иначе, чем поступал Петр по отношению к купечеству в первую очередь. Если дворянская историография второй половины XVIII в. в отличие от первой половины отрицательно относилась ко многим преобразованиям начала XVIII в., то нарождающаяся буржуазная историография отстаивала их, добиваясь продолжения.

В 60-х гг. XVIII в. впервые были изданы произведения, ставшие основой русской историографии и сыгравшие значительную роль в развитии исторической науки. Были опубликованы не только труды, написанные современниками, но и историками первой половины XVIII столетия. Через год после смерти М.В. Ломоносова вышла в свет его «Древняя Российская история» (1766), в 1767 г. появился первый том «Истории Российской» Ф. Эмина и, наконец, еще через год — первая часть первой книги «Истории Российской» В.Н. Татищева; в 1770г. М.М. Щербатов выпустил первый том своего фундаментального труда «История Российская от древнейших времен». Тогда же впервые были напечатаны основные источники русской истории — летописи и законодательные памятники: в 1767 г. — Кенигсбергская и Никоновская летописи, «Русская Правда» в 1768 г. — «Судебник» Ивана IV; с 1773 г. начала выходить «Древняя Российская Вивлиофика». Постепенно русская национальная литература и историография приходит на смену увлечению классицизмом и античной тематикой в изобразительном искусстве, исторической драматургии и истории.

Н.И. Новиков

Развитие России в капиталистическом направлении, американская революция, напряженная обстановка во Франции перед 1789 г. — все это заставляло екатерининское правительство проводить такие мероприятия, которые объективно способствовали созданию условий для развития русской исторической мысли. В этом отношении характерен указ об открытии «вольных типографий». Еще 24 января 1773г. был издан указ об учреждении типографий при губернских правлениях, сыгравших, правда, минимальную роль в истории русской культуры. 15 января 1783 г. вышел указ о заведении вольных типографий. Интересно отметить, что в нем было сказано: «... типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий».

Николай Иванович Новиков (1744-1818) за дело издания памятников принялся в 70-х гг. и самым важным его начинанием стало издание 10 книг «Древней Российской

Вивлиофики». Это был первый русский ежемесячный архивный журнал. Он состоял исключительно из архивных публикаций и памятников древней письменности. Здесь публиковались; посольские книги, русские грамоты, описания свадебных обрядов, исторические и географические достопримечательности, сочинения древних российских стихотворцев и т.д. Русская история должна была служить, по представлению: Новикова, целям просвещения и борьбы с невежеством.

Происходил Н.И. Новиков из небогатых дворян Бронницкого уезда Московской губернии, обучался в Московской университетской гимназии, в 1762 г. поступил на службу в лейб-гвардии Измайловский полк в Петербурге, где активно занимался самообразованием. В день воцарения Екатерины II как часовой у подъемного моста Измайловских казарм был произведен в унтер-офицеры. Еще до время службы он обнаружил вкус к словесности и книжному делу. В 1767 г. Новиков был назначен одним из протоколистов Комиссии депутатов по составлению нового Уложения. Здесь, изучая материалы наказов, Николай Иванович гораздо ближе познакомился с реальной русской действительностью и стал лично известен Екатерине II. В 1766 г. он вышел в отставку и стал издавать еженедельный журнал «Трутень». Свое издание Новиков противопоставил господствовавшей в русском обществе французской просветительской философии, которая усвоила лишь вольтеровский смех, превратив его в безразборчивое зубоскальство. Журналы Новикова сатирически изображали львов и львиц тогдашнего большого света, проводили мысль о несправедливости крепостного права, выступали против произвола помещиков, взяточничества, «неправосудия» и придворных интриг. Между новиковским «Трутнем» и екатерининской «Всякой всячиной» возникла полемика о содержании сатиры. В итоге «Трутень» сначала умерил тон, отказался от обсуждения крестьянского вопроса, а затем и вовсе прекратил свое существование, конечно, не по своей воле.

Новый журнал Новикова «Живописец» (с 1772 г.) стал лучшим изданием второй половины XVIII в. и особенно пришелся по вкусу мещанам. Однако и в этом издании Николай Иванович горячо ратовал против крепостного права, и в 1773 г. журнал был закрыт. С 1774 г. стал выходить журнал «Кошелек», выступавший против нравов светского общества. Придворные сделали все, чтобы он был вскоре закрыт.

Противовес модному французскому воспитанию Новиков пытался найти в добродетелях предков, в нравственной высоте, в силе старых русских начал. Вот почему Николай Иванович одновременно с сатирическими журналами стал выпускать исторические издания, чтобы содействовать укреплению национального самосознания, дать «начертание нравов и обычаев предков», дабы народ познал «великость духа своего, украшенного простотой». Материалы поступали из древлехранилищ и церковных собраний. Екатерина II сама разрешила Н.И. Новикову доступ в государственные архивы. Много документов предоставили ему Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, Н.Н. Бантыш-Каменский, а субсидировала издание Вивлиофики и — достаточно щедро — императрица,

Новиков считал, что «введение наук в России и художеств безвозвратно погубили нравы», но вместе с тем он был ревностным приверженцем просвещения, почитателем Петра I и писательского таланта. С 1772 г. он составлял «Опыт исторического словаря о российских писателях». С середины 70-х гг. Новиков становится приверженцем масонства.

С 1777 г. он издавал «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Это был журнал ученой и литературной критики, поставивший себе целью сблизить русскую литературу и науку с ученым миром Запада, но в то же время выставлял заслуги отечественных писателей, особенно исторических. Нравоучительные идеи Новиков проводил и в следующем ежемесячном журнале «Утренний свет» (1777-1779), который издавался в Москве и Петербурге, и публиковал произведения Юнга, Паскаля, переводы немецких писателей. Все доходы с изданий шли на устройство и содержание народных училищ.

В 1779 г. М.М. Херасков, куратор Московского университета, также масон, предложил Новикову взять в аренду университетскую типографию и издание «Московских ведомостей». В Москве начинается самый блестящий период деятельности Новикова. Он

работает в окружении московских масонов, которые были преданы идее нравственного воспитания и самопознания (В.И. Лопухин, С.И. Гамалея, И.Е. Шварц, князя Трубецкие и Черкасские, И.П. Тургенев, профессора Московского университета, княгиня В.А. Трубецкая). За три года деятельности в университетской типографии Новиков опубликовал в ней больше книг, чем вышло до него за 24 года ее существования. Из 448 названий книг, изданных Новиковым, 290 книг светского содержания, остальные — духовное чтение, в основном касающееся масонства. Продажа книг десятками тысяч проводилась не только в Москве, но и в провинциальных городах и даже деревнях. Открываются первые публичные библиотеки. Благодаря деятельности переводчиков, сочинителей, владельцев типографий и книжных лавок, в России создавалось общественное мнение. В голодный 1787г. Новиков в больших размерах оказывает помощь голодающим. Проникнутые масонскими идеями, состоятельные люди отдавали свои средства Новикову для целей благотворительности и просвещения.

С 1773 по 1775г. Николай Иванович издал 10 частей «Древней Российской Вивлиофики». Позднее, в 1788-1791 гг., Новиков расширил издание до 20 частей. Успех первого издания «Вивлиофики» был настолько велик, что аналогичное собрание источников стала выпускать и Академия наук под названием «Продолжение Российской Вивлиофики» (1786-1801; 11 частей). Новиков также напечатал «Книгу Большого чертежа», вышедшую в первом издании под названием «Древняя Российская гидрография» (СПб., 1773; второе издание (1792) уже носило общепринятое название). В 1776 г. Новиков начал готовить к изданию сборник исторических материалов — «Сокровища древностей Российских», но книга в свет не вышла. Можно предположить, что он заменил ее другим изданием — «Повествователь древностей Российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии Российской». Опубликованная им «История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева» рассматривалась общественностью как смелое оппозиционное выступление против Екатерины II, отстранившей в результате дворцовых интриг от дел полководца П.А. Румянцева. В 1783-1784 гг. Новиков выпускал «Прибавления» к «Московским ведомостям», в которых имелись различные статьи по истории. Так, в 1784 г. была опубликована «История ордена иезуитов», продолжение которой было запрещено, а напечатанные экземпляры конфискованы. В 1788 г. Новиков без указания типографии выпустил «Историю о страдальцах соловецких», издание которой послужило одним из оснований для официальной мотивировки его ареста в 1792 г.

Деятельность Новикова была в полном расцвете, когда над ним собиралась уже гроза. В мае 1792 г. уже серьезно больной Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет.

Четыре с половиной года Новиков провел в крепости, был освобожден Павлом I в первый же день его царствования. На свободу вышел дряхлый, старый и согбенный человек. Он отказался от всякой общественной деятельности и до самой смерти (31 июля 1818г.) прожил безвыездно в своем имении Авдотьино, заботясь лишь о нуждах и просвещении своих крестьян.

Несомненно, что именно благодаря Н.И. Новикову в 80-х гг. XVIII в. произошел определенный перелом не только в развитии отечественной литературы и общественной мысли, но и в распространении и развитии исторических знаний. Еще В.О. Ключевский назвал 1779-1789 гг. «новиковским десятилетием». Если до Новикова в Москве имелось всего две книжных лавки, то к исходу столетия их насчитывалось два десятка, а их оборот достигал огромной для того времени суммы 200 000 рублей. Николай Иванович установил книготорговые связи Москвы со Смоленском, Тамбовом, Глуховом, Вологдой, Коломной, Полтавой, Псковом, а несколько позже с Ярославлем, Казанью, Тулой, Богородицком, Киевом, Симбирском, Тверью, Рязанью, Ригой, а также Архангельском. В результате деятельности вольных русских типографий число ежегодно издаваемых книг с 1786 по 1790 г. увеличилось почти в три с половиной раза в сравнении с началом 60-х гг. Но это было не столько следствием работы вольных типографий вообще, сколько новиковской

«типографической компании», организованной в Москве в 1784 г. Однако историческая литература в издательской деятельности Н.И. Новикова занимала далеко не первое по объему и значению место. Тем не менее, просветительская деятельность Новикова не только отражала успехи в разработке русской истории, но и активно содействовала ей. Из его типографий вышли произведения и материалы видных историков XVIII в., в том числе В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Феофана Прокоповича, М.Д. Чулкова, И.И. Голикова, «Размышление о греческой истории» Мабли в переводе и с Примечаниями А.Н. Радищева, Н.Н. Бантыш-Каменского, Книга А.А. Засецкого и многие другие.

Рост интереса общества к истории

Исторические знания в России XVIII в. были ярким показателем культурного развития страны. Историки культуры справедливо считали, что самостоятельное развитие русской мысли в XVIII в. с особенной силой сказалось и проявилось именно в истории.

Серьезное значение истории в общественной жизни сказалось и на одном из широко распространенных литературных жанров того времени — так называемых «Словах». Они посвящались разнообразной тематике — «Слова» к дням рождения, бракосочетаниям, восшествию на престол или коронации, кончине или погребению, заключению мира по случаю победы, открытию того или иного учреждения, освящению церковью и т.п. По численности же первое место занимали похвальные «Слова» царям. Несмотря на заведомую тенденциозность, дух панегирика и церковности, они могут служить интересным и ценным историческим и историографическим источником для освещения многих событий и характеристики политических и исторических взглядов их авторов. Рядом с церковными проповедями встречаются «Слова», защищающие науку. Например, М.В. Ломоносов произнес ряд публичных речей («Слов»), пропагандирующих научные знания: «О пользе химии» «О явлениях воздушных», «О происхождении света», «О рождении металлов». Многие просветителя в произведениях данного рода высказывали свои идеи и историографические соображения. С этой точки зрения особенно интересны «Слова», которые построены на историческом материале, «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (М., 1768), «Словооримском правлении и о разных онога переменах» (М., 1769), «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государства» И.А. Третьякова (М., 1773), «Слово о свойствах познания человеческого» Д.С. Аничкова (М., 1770), известны подобные произведения С.Е. Десницкого и многих других.

История русского законодательства была представлена Ф.Г. Штрубеде Пирмонтом, который, используя выводы В.Н. Татищева, не упоминая о нем, произнес речь под названием «Слово о начале и переменах Российских законов» (СПб., 1756). Обращают внимание «Слова», посвященные Ломоносову, Пожарскому и Минину, Ж.-Ж. Руссо, Вольтеру и другим деятелям России и мира.

Значение исторических знаний в общественно-политической жизни России в какой-то степени подтверждается тягой к созданию книжных хранилищ. Приобретение библиотек видных деятелей науки и культуры стало своего рода модой в России. Екатерина II купила библиотеки Дидро и Вольтера (первая была приобретена в 1765 г., вторая — в 1778 г.; библиотека Дидро была привезена в Петербург только в 1775 г., а Вольтера—в 1779г.). Пример императрицы нашел подражателя в лице Г.А. Потемкина, который пытался «торговать», как писал М.М. Щербатов, библиотеку известного историка и архивиста Г.Ф. Миллера. В библиотеке, кроме книг, находилось около 500 связок рукописей, списанных «с великой точностью», известных теперь как «портфели» Миллера. Последний ответил отказом на том основании, что нельзя отделять его рукописное собрание от книг, и потому он не будет продавать свою библиотеку никому, кроме «короны и государственной архивы». Библиотека была приобретена Екатериной II, которая оставила ее в пользовании Миллера до конца его жизни.

Интересно, что несколько месяцев спустя после воцарения Екатерины II в одном из ее указов необходимость изучения истории формулировалась с определенным сословным акцентом: «Знание истории и географии политической нужно всякому, а необходимо дворянину». В правительственных документах этого времени часто можно найти обычные ссылки на примеры из русской истории. В указе от 22 сентября 1762 г. сказано: «Знающим древнюю историю нашего Отечества довольно известно...» — и далее шло рассуждение о природной храбрости и мужестве русского войска. Однако правительство Екатерины II направляло развитие историографии в определенную, необходимую для него сторону. Когда, например, Фонвизин собирался перевести и издать Тацита, то Екатерина II, которой он об этом предварительно написал, не позволила ему ознакомить русских читателей с античным писателем, так как считала его тираноборцем. Большинство государственных деятелей понимали практическую ценность исторических знаний только для дипломатии, военного дела, законодательства и т.д. Ярким примером отношения к истории являются знаменитые «Записки» тульского помещика А.Т. Болотова. Андрей Тимофеевич не раз принимался за составление самых разных исторических произведений. Он занимался «Историей нашей Шведской войны» (1788-1790), собирал сведения «о разных происшествиях и любопытных анекдотах, случившихся при осаде Очаковской», трудился над сочинениями и переводами «без отдыха»; наконец, Болотов много работал над составлением атласов, карт и планов Тульской губернии.

Не оставались без внимания и острые исторические темы, в частности изучение истории раскола. В 1770г. М.Д. Чулков впервые упомянул о знаменитом произведении старообрядческой литературы — «Житии Аввакума». Он, как и все просветители XVIII столетия, резко отрицательно относился к расколу, считая его яростным врагом всякого просвещения и прогресса. Позднее, в 1791 г., Чулков выпустил особую книжку, направленную против первого расколоучителя. В 1786 г. было напечатано небольшое сочинение, приписываемое П.И. Богдановичу, под названием «О российских староверцах» и переизданное как «Историческое известие о раскольниках» в Петербурге в 1787 и 1791 гг. Попытку изучения истории стригольников предпринял А.И. Журавлев (1751-1813), опубликовавший в 90-х гг. три издания «Полного исторического известия о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях».

Следует помнить и о деятельности таких обществ, которые, казалось бы, не имели прямого отношения к истории. Так, например, Вольное экономическое общество, организованное в 1765 г. по инициативе видных деятелей, отражавших интересы помещиков, было создано «ко исправлению земледелия и домостроительства». Интерес к истории «домостроительства», возникший из потребностей общественной и хозяйственной практики, стимулировался в какой-то степени и «Трудами» Вольного экономического общества и непосредственно сказался в произведениях архангельского историка В.В. Крестинина, в наблюдениях и материалах участников академических экспедиций 60-70-х гг. и т.д.

По уставу Академии наук 1747 г. история не включалась ни в один из научных циклов. Но уже в 1748 г. для разработки истории были созданы Исторический департамент и Историческое собрание. Департамент должен был обрабатывать материалы Камчатской экспедиции. Собрание имело контрольные функции. Оно просматривало и обсуждало все, что переводилось и писалось в Историческом департаменте. Наиболее активно деятельность Исторического собрания проявилась во время обсуждения работ Г.Ф. Миллера, в особенности его диссертации в 1749-1750 гг. Однако в целом деятельность Исторического собрания, продолжавшаяся до 1760 г., не оставила сколько-нибудь заметных следов в развитии исторических и других общественных наук.

С середины 60-х гг. после смерти М.В. Ломоносова и перевода в Москву Г.Ф. Миллера деятельность Академии сосредоточивается на издании источников русской истории, без которых дальнейшее развитие науки было уже невозможно. В середине 80-х гг. Н.Я. Озерецковский, предпринявший издание десяти томного «Собрания сочинений, выбранных из «Месяцесловов», оживил в какой-то степени интерес к истории в Академии

наук. «Новые ежемесячные сочинения» и сравнительно многочисленные книги по истории (например, В.В. Крестинина), выпускаемые Академией в 80-х — начале 90-х гг., также свидетельствовали о том, что в Академии не была забыта история.

Однако просветительское направление в русской историографии развивалось фактически самостоятельно. Нужно учесть, что культурный и научный центр, в особенности в области гуманитарных наук, с середины 60-х гг. перемещается в Московский университет, продолжавший и развивавший ломоносовские традиции, в том числе и в теории исторических знаний (работы юристов по философскому обобщению истории). Правительство в лице Екатерины II непосредственно берет в свои руки разработку истории. Так, создание Российской Академии, причастность к истории которой известна, высвобождала Академию наук от необходимости заниматься историей. Тем более что в Академии после смерти Г.Ф. Миллера (1783) фактически не осталось историков.

Успехи в развитии русской исторической мысли, а в еще большей степени практические потребности в дальнейшем совершенствовании и углублении различных наук привели к необходимости создания истории науки, точнее истории ее различных отраслей. Уже в середине XVIII в. были предприняты попытки осветить историю различных наук с исторической или математической точки зрения. Например, С.П. Крашенинников в речи 1750 г. «О пользе науки и художеств» исходил из признания принципа историзма, когда говорил о происхождении «мастерства и художества» от самого простого: корабля отлодок, архитектуры от шалашей и т.д. С.К. Котельников в 1761 г., обращаясь к истории математических наук, доказывал преимущество математического познания перед философским и историческим. В конечном итоге ученые XVIII в. (М.В. Ломоносов, С.К. Котельников, С.Я. Румовский и др.) придерживались распространенной в то время классификации ступеней познания: историческое, философское и математическое. В 1779 г. при Академии наук начал выходить новый журнал «Академические известия», и в нем предполагалось самым широким образом освещать историю наук. Ценные и интересные мысли по истории наук высказывали ученые Московского университета. Речи И.А. Третьякова о происхождении университетов в Европе (1768), П.И. Страхова о влиянии наук на человека и общество (1788), А.А. Прокоповича-Антонского о начале и успехах наук (1791) и многие другие ставили глобальные вопросы, например, о темпах прогресса, о влиянии естественных наук и техники на умственное развитие и т.д.

Основные направления отечественной исторической мысли были представлены дворянской и просветительской историографией, которая развивалась на русской почве, но подвергалась большому и плодотворному влиянию западноевропейской историографии.

Историки расширяли историческую тематику и обращались к поиску новых фактов и документов. Опубликование многих исторических трудов и источников отечественной истории с середины 60-х до середины 70-х гг. XVIII в. обеспечило небывалое быстрое распространение и развитие исторических знаний в России. Все возрастающее развитие и распространение исторических знаний в различных кругах русского общества способствовало использованию исторических сведений в законодательстве, дипломатии, общественно-политической жизни, науке, литературе, искусстве.

Особо видную роль из всех журналов, в том числе и академических, сыграли «Ежемесячные сочинения», которые на протяжении десяти лет (1755-1764) были фактически единственным печатным органом, не только отразившим современное развитие исторических знаний, но и формировавшим их. Показателем и средством распространения, развития исторических знаний в России со второй половины XVIII в. становится художественная литература и изобразительное искусство. Правительственная политика в области школьного образования была направлена на установление строго регламентированного преподавания истории (ставшей обязательным предметом с середины 80-х гг. XVIII в.) в духе «Записок касательно Российской истории» Екатерины II. Прогресс в отечественной историографии, связанный с влиянием просветительской концепции исторической мысли, выразился в формулировке общих представлений об истории: ее целях

и задачах, общественно-политическом значении, в использовании источников и методе исторического изучения. В это время расширяется круг историков и исторических персонажей, но особым вниманием пользуется экономическая история России. При изучении истории все чаще применяется историко-сравнительный метод, благодаря которому устанавливается общность исторического развития России и Запада. Западноевропейское просветительство и развитие естествознания содействовали превращению в России исторических знаний в науку, необходимую для «всех сынов Отечества».

Литература

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

Пешич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. I; Л., 1965. Ч. II; Л., 1971. Ч. III

Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. Курс лекции. М., 1957.

Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965.

Лекция 3

2.6. Н.М. Карамзин «История государства Российского», место и значение работы Н.М. Карамзина в исторической науке

Николай Михайлович Карамзин по годам своей жизни (1766-1826) принадлежит двум столетиям. Вторая половина XVIII и весь XIX в. буквально пронизаны интересом к отечественной истории. В первую очередь этому способствовали деятельность Академии наук, а также активная университетская жизнь. В XIX столетии в Российской империи интенсивно и плодотворно работали созданные ранее университеты: в Вильно (дата основания — 1578), Юрьеве (Дерпте; 1632); Москве (1755); открывались новые: в Казани (1804), Харькове (1805), Варшаве (1816), Санкт-Петербурге (1819), Киеве (1834), Одессе (Новороссийский; 1856), Томске (1878). В каждом из них был представлен историко-филологический факультет. С XVIII в. прошлое не заслоняется настоящим, более того, оно начинает активно ему служить. Исторические сочинения В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, просветительская деятельность Н.И. Новикова и его многотомная «Древняя Российская Вифлиофика» (включавшая публикации древних документов), организация нескольких исторических архивов, рукописных отделов и музеев к концу XVIII в. создали фундаментальную источниковую основу. В свою очередь, интеллектуальная среда воспитывала в обществе сознание своей самобытности, глубоких корней и исторических традиций. Просвещенная публика желала знать историю своего Отечества и нуждалась в общении. Как следствие, появляются многочисленные исторические общества, в частности Московское общество истории и древностей российских (1804). Его членами были такие выдающиеся авторитеты исторической науки, как Н.Н. Бантыш-Каменский, К.Ф. Калайдович, Н.М. Карамзин, А.Ф. Малиновский, А.И. Мусин-Пушкин, П.М. Строев, А.Л. Шлецер и др. Общество периодически издавало «Чтения» и «Ученые записки». В 1805 г. открылось Казанское общество любителей отечественной словесности, в 1817 г. — Харьковское общество наук, а в 1839 г. — Одесское общество истории и древностей.

Место Н.М. Карамзина в русской культуре. Становление историка

Между началом и концом XVIII столетия в исторической науке России — колоссальная разница. В первой четверти века мы видим практический утилитарно-националистический взгляд на задачи истории, смешение источника с исследованием, определение начала истории в современной терминологии, произвольную этнографическую классификацию и некритическую передачу разных летописных вариантов в одном сводном

изложении. Но через все столетие проходит одна идея, общее стремление к реальному пониманию прошлого, к объяснению его из настоящего, и наоборот. Не слава и не польза, а знание истины становится задачей историка. Вместо изложения источника все большее место занимает основанное на нем исследование. Постепенно уходят патристические преувеличения и модернизации. Специальное изучение летописей, лингвистических, археологических и этнографических памятников повышает научные требования. Вырабатывается научная классификация и критические приемы изучения источников. И наконец, ученый кругозор значительно расширяется введением в изучение истории нового актового материала. Внимание историков все больше привлекает внутренняя история России.

В то же время ломоносовское — риторическое — направление с литературным взглядом на задачи историка продолжало существовать, вероятно, в связи с глубочайшими фольклорными традициями. Исторические корни оказывали свое воздействие на развитие литературы и поэзии. Может быть, именно поэтому литературный взгляд на историю не только пережил XVIII в., но и был увековечен в сочинениях Карамзина, который соединил в своей «Истории...» крупный литературный талант с самостоятельной переработкой новых исторических источников. «С Карамзиным мы переходим из летописного мира русской историографии, где все мало кому известно и понятно, в другую область, где все знакомо, где живет устная традиция сказов и былин, где литература стоит вровень с использованием источников». Вот почему появилась эта знаменитая фраза А.С. Пушкина: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Друг историка, поэт П.А. Вяземский писал: «Карамзин — наш Кутузов 12-го года — он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас есть отечество». Об этом же говорил и В.А. Жуковский: «Историю Карамзина можно назвать воскрешением прошедших веков нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями. Теперь все они оживают, поднимаются и получают величественный, привлекательный образ».

Однако, что очень примечательно, рядом с восхвалением громко раздавались и критические отзывы. Эти отзывы исходят от специалистов-историков, младших современников Карамзина, представителей новой исторической науки буржуазного направления XIX в., которые шли по линии углубления и расширения критики источников. М.И. Каченовский прямо говорил об отсталости методологических позиций Карамзина, о том, что его «История...» содержит даже не историю государства, а историю государей, в которой «деяния государей» заменили «ход происшествий государственных». Н.А. Полевой писал: «Карамзин есть писатель не нашего времени...». И даже наиболее близкий к Николаю Михайловичу по направлению политического консерватизма М.П. Погодин считал, что «Карамзин велик как художник, живописец, но как критик он только мог воспользоваться тем, что до него было сделано, а как философ он имеет меньшее достоинство, и ни на один философский вопрос не ответят мне его истории».

По мнению П.Н. Милюкова: «Карамзин писал не для ученых, а для большой публики, как критик он только воспользовался тем, что было сделано до него; образцами для Карамзина остались историки XVIII в., с которыми он разделял все их недостатки, не успев сравниться с достоинствами; прочитайте его 12 томов и вы убедитесь как было чуждо Карамзину понятие об истинной истории. Карамзин не начал собою нового периода, а закончил старый, и роль его в истории науки не активная, а пассивная».

Мы видим, что в творении Карамзина — «История государства Российского» — слились воедино две главные традиции русской историографии: методы источниковедческой критики от Шлецера до Татищева и рационалистическая философия времен Манкиева, Шафирова, Ломоносова, Щербатова и др. О личных достоинствах Карамзина-литератора лишней раз не приходится говорить, ибо язык его произведений и сегодня доставляет живейшее наслаждение. В этом отношении он продолжил традицию, начатую Ломоносовым, — художественного изложения истории — и стал непревзойденным ее мастером во всей

русской историографии. Можно сказать, что как ученый он точен, как философ — оригинален, а как литератор — неповторим».

Уже в наши дни выдающийся исследователь и знаток русской культуры Ю.М. Лотман мудро заметил: «Критики... напрасно упрекали Карамзина в том, что он не видел в движении событий глубокой идеи. Карамзин был проникнут мыслью, что история имеет смысл. Но смысл этот — замысел Провидения — скрыт от людей и не может быть предметом исторического описания. Историк описывает деяния человеческие, те поступки людей, за которые они несут моральную ответственность».

Время не властно над именем Карамзина. Причина этого необычайного общественно-культурного феномена заключается в огромной силе духовного воздействия на людей его научного и художественного таланта. Его труд — это работа живой души. Ключ же к пониманию личности ученого в природных наклонностях и талантах, в обстоятельствах его жизни, в том, как формировался его характер, в семейных и общественных отношениях.

Николай Михайлович Карамзин родился в Симбирской провинции в деревне Карамзиновке. Волжское название деревни и фамилия будущего историографа имеют явный оттенок восточного происхождения (кара...). Отец, Михаил Егорович — отставной капитан, мать писателя умерла рано, мачехой стала тетка Ивана Ивановича Дмитриева. Таким образом, породнились две будущие знаменитости. Николай сначала учился дома, затем — в Московском пансионе; с 15 лет — в Петербурге в гвардейском Преображенском полку, в 17 лет выходит в отставку поручиком и живет в Москве. В 23 года отправляется в заграничное странствие и возвращается оттуда с «Письмами русского путешественника», пишет сентиментальные повести, поэтические сборники.

Заметим, что меланхолия была свойственна Карамзину с детства и, видимо, перешла к нему от рано умершей, склонной к ней матери. Отсюда, вероятно, и резкие перемены жизненного пути и интересов. В 18 лет он — любитель света и развлечений, но, сблизившись с Н.И. Новиковым, вступает в масонскую ложу (Юнга), включается в просветительскую деятельность, занимается переводами, пишет стихи, редактирует журнал «Детское чтение». В это время ему еще присуща жизнерадостность с долей некоторого лукавства и самолюбия. По его мнению, назначение искусства в том, «чтобы распространять приятные впечатления в области чувствительного». В Москву из-за границы приезжает веселый развязный молодой человек с шиньоном, гребнем и лентами в башмаках. К 30 годам Карамзин — совсем другой человек. В это время он пишет: «В самом грустном расположении, в котором цветы разума не веселят нас, человек может еще с каким-то меланхолическим удовольствием заниматься историей. Там все говорит о том, что было и чего уже нет». Приступая к своему знаменитому труду, он прежде всего ищет утешение своей душе, не зная еще, что входит в бессмертие.

Отношение Карамзина к масонству сложное. Собственно говоря, он никогда не разделял масонских взглядов. Идеология Карамзина была проникнута рационализмом XVIII в. и решительно отвергала мистику масонства. Но в то же время нельзя не заметить, что морализующая и филантропическая тенденции масонства внутренне соответствовали «чувствительности» его натуры, на которую неоднократно указывал он сам впоследствии. Чувствительность натуры и морализующая тенденция у Карамзина могли создать своеобразную связь между его первоначальной близостью к масонскому кружку Новикова и последующим влиянием на него западноевропейского сентиментализма. Но и отношение Карамзина к сентиментализму, в свою очередь, двойственно. Сентиментализм на Западе имел определенную социальную направленность, он отражал начало буржуазного направления в литературе, вводя в литературу на место героизации и идеализации привилегированной общественной верхушки личную жизнь и душевные переживания обыкновенного среднего человека. Карамзин как представитель русского сентиментализма взял и от этого направления только морализующее чувствительное начало, но извратил его социальную значимость; сентиментальная повесть у него превратилась в идиллическую картину крепостного быта.

Страсть к «сочинительству» особенно проявилась у Карамзина после сближения с московскими литераторами сподвижниками Новикова. В его мироощущении с этого времени преобладают просветительские принципы с их культом независимой и неповторимой человеческой личности. Не случайно он навсегда остался интеллектуалом-одиночкой. Путешествие за границу отразилось в блестящем литературном памятнике эпохи — «Письмах русского путешественника». Первое их полное издание вышло в свет в 1801 г. Последнее письмо содержит такие строки: «Берег! Отечество! Благословляю вас. Я в России... Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей... Трудно найти город хуже Кронштадта, но мне он мил. Здешний трактир можно назвать гостиницей нищих, но мне в нем весело». Таков результат его восприятия остального, отличного от России, мира в сопоставлении с российской действительностью.

Во время своего путешествия он посетил страны, где формировалась просветительская философия, литература, эстетика, политэкономия, история. Он чувствовал пульс гуманистической мысли, беседовал с И. Кантом, стоял у дома и видел Гете, входил в келью Лютера, был гостем философа Лафатера и поклонился праху Вольтера. Карамзин посещал библиотеки, музеи, театры, государственные учреждения, слушал лекции в Лейпцигском университете, многие часы провел в Дрезденской галерее. В Национальном собрании революционной Франции слушал Мирабо, бывал в якобинском клубе, во время литургии видел Людовика XVI и Марию-Антуанетту. В Англии в Вестминстерском аббатстве слушал «Мессу» Генделя и изучал работу парламента. Будущий историк сделал вывод: «Все гражданские учреждения должны быть сообразны с характером народа». Революции не способствуют прогрессу человечества. По существу, в «Письмах русского путешественника» Карамзин уже наметил программу развития России: живительный патриотизм, критическое восприятие отечественной истории и сопоставление ее с историей других стран. По возвращении он полон литературных и издательских планов, готовит к публикации «Письма...», выпускает «Московский журнал», где публикуется «Бедная Лиза», имевшая шумный успех во всех слоях общества.

1793 год стал поворотным в его жизни. Ужас якобинской диктатуры, сомнения в идеалах Просвещения, которые предвосхитили наступление этой революции, пессимизм овладевают молодым литератором. Смерть нежно любимой им супруги Елизаветы Протасьевой окончательно повергла его в меланхолию.

Восшествие в 1801 г. на престол либерала Александра I вызвало энтузиазм просвещенного русского общества, воспрянул духом и Карамзин. В это время он уже признанный российский писатель и мыслитель. Николай Михайлович периодически выступает с публицистическими очерками по проблемам русской истории в созданном им в 1801 г. журнале «Вестник Европы». С ним сотрудничают Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский. В это время он пишет: «Я по уши влез в русскую историю, сплю и вижу Никона с Нестором...»

Создание «Истории государства Российского»

31 октября 1803 г. 37-летний Карамзин Высочайшим указом получает должность историографа с пенсией (3 тыс. рублей), равной профессорскому жалованью. Перед ним открываются все архивохранилища и библиотеки, он удаляется в Остафьево, имение отца своей новой жены Екатерины Андреевны Вяземской. В скромно обставленном кабинете на втором этаже барского дома он начинает свой подвиг ученого-историка: «Пишет тихо, не вдруг и работает прилежно».

В советской историографии Карамзин характеризовался как идеолог «дворянско-аристократических кругов», крепостник и монархист. Ключ к пониманию личности ученого, как впрочем, и любой другой, — в природной, генетической натуре, в обстоятельствах его жизни, в том, как формировался его характер, в семейных и общественных отношениях. «Благородную дворянскую гордость», любовь к Отечеству историка питали просвещенный

отец, круг думающих и образованных друзей дома, трогательная и скромная российская природа. Но кроме этого из детства Карамзин вынес и впечатления об ужасной «пугачевщине», а в годы своего путешествия за границу увидел гибельность насилия, народную стихию, авантюризм вождей Французской революции. «Ужасы французской революции навсегда излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства»; «Народ в кипении страстей может быть скорее палачом, нежели судиею».

В своем труде исследователь не только поставил проблему художественного воплощения истории, повременного литературного описания событий, но их «свойство и связь». Его принципы: 1) любовь к Отечеству как части человечества; 2) следование правде истории: «История — не роман и не сад, где все должно быть приятно, — она изображает действительный мир»; 3) современный взгляд на события прошлого: «что есть или было, а не что быть могло»; 4) комплексный подход к истории, т.е. создание истории общества в целом: «успех разума, искусства, обычаи, законы, промышленность и т.д.» Движущая сила исторического процесса — это власть, государство. Весь русский исторический процесс является борьбой самодержавия с народоправством, олигархией, аристократам и уделами. Единовластие представляет собой стержень, на который нанизывается вся общественная жизнь России. Разрушение единовластия всегда приводит к гибели, возрождение — к спасению. Самодержавие олицетворяет собой порядок, безопасность и благоденствие. На примерах коварства Юрия Долгорукого, жестокости Ивана III и Ивана Грозного, злодейств Бориса Годунова и Василия Шуйского Карамзин показывает, каким не должен быть монарх. Противоречиво оценивает ученый и Петра I: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России». В то же время не случайно его «История...» называется российской, а не русской. Относительно простого народа историк все же не выступал за «прелести кнута», а видел его полноправным гражданином наряду с дворянами и купцами при одном условии: «народ должен работать». В его истории нет идеи избранности русского народа и национального нигилизма. Он сумел удержаться на объективном уровне подхода ко всем народам России и Европы.

Незадолго до своей смерти, на собрании Академии наук Николай Михайлович сказал: «Мы желали бы из самого гроба действовать на людей, подобно невидимым добрым гениям, и по смерти своей еще иметь друзей на земле». Этой чести Карамзин удостоился в полной мере.

Работа над «Историей государства Российского» шла очень интенсивно и в отношении подбора источников, и в части писания самого текста. Уже к 1811 г. было написано около 8 томов, но события 1812-1813 гг. временно оборвали работу. Лишь в 1816 г. он смог поехать в Петербург, имея уже 9 томов, и приступил к изданию первых 8 томов как законченной цельной части своей «Истории...».

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровения и правил; завет предков к потомству... — так начинает Карамзин свою «Историю...». — Правители, законодатели действуют по указаниям истории... Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление... Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей... утешает в государственных бедствиях... она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества. Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума».

Итак, на первом месте поставлена политико-назидательная задача; история для Карамзина служит нравовучению, политическому наставлению, а не научному познанию. Это — утверждение сильной монархической власти и борьба с революционным движением.

Живописность, искусство — таков второй элемент, характеризующий исторические взгляды Карамзина. История России богата героическими яркими образами, она — благодатный материал для художника. Показать ее в красочном, живописном стиле —

основная задача историка. Исторический процесс Карамзин понимал через прагматизм Юма, ставившего во главу угла историческую личность как двигатель исторического развития, выводившего это развитие из воззрений отдельного человека и его действий. Все основные элементы в понимании истории взяты Карамзиным из XVIII столетия и отражают предшествующий этап в развитии истории. Но историческая наука прошла уже значительный путь, и, конечно, нельзя было вовсе обойти две основные проблемы исторической науки, к разрешению которых через наследие прошлого настойчиво пробивалась историческая мысль, — проблему источника и проблему исторического синтеза. Но здесь наступало противоречие между требованием научной документации и литературно-художественным направлением. Карамзин нашел этому противоречию своеобразное разрешение, разделив свою историю на две самостоятельные части. Основной текст — литературное повествование — сопровождался в приложениях самостоятельным текстом документальных примечаний.

Источники «Истории государства Российского»

С именем Карамзина и его «Историей...» связаны публикация, введение в научный оборот значительного числа исторических памятников. Следуя духу времени, ученый использует свои личные связи, сносится с московским и другими архивами, обращается к крупным библиотечным фондам, прежде всего в Синодальную библиотеку, прибегает и к частным хранилищам, например к фондам Мусина-Пушкина, и выписывает, точнее, извлекает оттуда те новые документы, о которых впервые читатель узнавал от Карамзина. Среди этих документов и новые летописные списки, например Ипатьевский свод (по терминологии Карамзина — Киевская и Волынская летописи), впервые использованный Карамзиным; многочисленные юридические памятники — «Кормчая книга» и церковные уставы, Новгородская Судная грамота, Судебник Ивана III (Татищев и Миллер знали только Судебник 1550 г.) «Стоглав»; используются литературные памятники — на первом месте «Слово о полку Игореве», «Вопросы Кирика» и др. Расширяя вслед за М.М. Щербатовым использование записок иностранцев, Карамзин и в этой области привлек впервые много новых текстов, начиная с Плано Карпини, Рубрука, Барбаро, Контарини, Герберштейна и кончая записками иностранцев о Смутном времени. Результатом этой работы и явились те обширные примечания, которыми Карамзин снабдил свою «Историю...». Они особенно обширны в первых томах, где по объему превышают сам текст «Истории...». 1-й том содержит 172 страницы, а примечания к нему — 125 страниц петита, во 2-м томе на 189 страниц текста приходится 160 страниц примечаний, также петитом, и т.д.

Эти примечания составляют главным образом выдержки из источников, изображающих те события, о которых рассказывает Карамзин в своей «Истории...». Обычно даются параллельные тексты из нескольких источников, главным образом — разные списки летописей. Это огромное количество документального материала сохранило свою свежесть в ряде случаев до конца XIX в., тем более что некоторые списки и памятники, которыми пользовался Карамзин, погибли во время московского пожара 1812 г. или от других стихийных бедствий. К примечаниям Карамзина долго продолжали обращаться историки, уже перестав читать его «Историю...»; ценность этих примечаний совершенно бесспорна.

Надо оговорить, что в самой работе по розыску и обработке документов значительную роль сыграли выдающиеся деятели русской археографии начала XIX в. Им и принадлежит значительная доля указанной заслуги «Истории...» Карамзина. Из переписки Карамзина с К.Ф. Калайдовичем, директором Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновским, с П.М. Строевым видно, что новооткрытые памятники, использованные в карамзинской «Истории...», в значительной части — их находки. Они не только высылают ему дела, представляющие ценность и важность для этого периода, но и сами, по его поручению, делают подбор документов, выборку и систематизацию черногового подготовительного материала к заданной теме или вопросу.

Но Карамзин не ограничивается в своих примечаниях одним формальным воспроизведением источника. Примечания Карамзина свидетельствуют о том, что его длительная и углубленная работа над документальным материалом, его обширные исторические познания поставили его в известной мере в уровень с требованиями критического метода, принесенного Шлецером в русскую историческую науку. Историк летописания М.Д. Приселков отметил тонкое критическое чутье Карамзина в отборе использованных им текстов Ипатьевской, Лаврентьевской и Троицкой летописей. Его примечания о составе «Русской Правды», о церковных уставах Владимира и Всеволода, частое сопоставление разных исторических источников для разрешения отдельных научных контрверз сообщают примечаниям Карамзина не только археографическое, но и историческое значение. Не случайно к мнению Карамзина прислушивались в спорных вопросах специалисты-археографы. И все же в общей системе исторических взглядов Карамзина, в общем построении его «Истории...» весь этот источниковедческий, критический аппарат сохраняет чисто формальный, отсылочный характер.

Исследователь в примечаниях дает выписки из источников, изображающих те события, которые он описывает в своей истории. Но при этом тот самый критический материал, который содержится в примечаниях, остается неотраженным в самой «Истории...», оказывается как бы за рамками повествования. В плане последнего Карамзину важны не критика источников и раскрытие внутреннего содержания явлений. Он берет из источника только факт, явление само по себе. Этот разрыв между примечаниями и текстом переходит иногда и в прямое противоречие, так как эти две части работы Карамзина подчинены двум разным принципам, или требованиям. Так, в самом начале своей «Истории...», обойдя этногенетические вопросы в кратком очерке, как это сделал уже М.М. Щербатов, он подошел к объяснению имени славян: «...под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы» — таково положение Карамзина. А в примечании 42-м к этому тексту дается научная контрверза и фактическое опровержение этого толкования. Но, опровергнутое критикой, оно утверждается повествованием, как согласное с художественным образом создаваемым писателем. Так же дан и вопрос о призвании варягов. Если в примечании намечена критика легенды о Гостомысле, то художественные задачи повествования вводят его в текст, как «достойного бессмертия и славы в нашей истории». Критика текста вообще не переходит у Карамзина в критику легенды; легенда, напротив, — самый благодатный материал для художественного украшения 1 рассказа и для психологических рассуждений.

Трактовка исторического факта

Исторический факт — это элемент прагматического повествования. И если примечания имеют целью в известной мере научное установление факта, то историческое повествование занято только его психологическим объяснением. В духе прагматизма XVIII в. Карамзин заменяет размышление над внутренней природой явлений, к которому подошел уже И.Н. Болтин, «плодовитостью в изъяснении причин». Событие служит ему лишь отправной точкой, внешним поводом, идя от которого он развивает свои психологические характеристики и морализирующие и сентиментальные рассуждения; люди и события — тема для литературного поучения.

Так, изложив в современной литературно-риторической передаче летописный рассказ об убийстве Аскольда и Дира Олегом, автор снабжает его в тексте своим политико-морализирующим комментарием: «Простота, свойственная нравам IX века, позволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом владельцев Киевских, но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного».

Психологизм для Карамзина не только средство объяснения фактов, но и самостоятельная литературная тема, характер литературного стиля. Исторический факт превращается в психологический сюжет для литературного творчества, уже несколько не связанного документальным обоснованием. Для примера можно привести рассказ о смерти

Всеволода: «Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников, которые, желая господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали уделов, с завистью вспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием удельного князя и спокойный сердцем». Описание превращается в сентиментальную повесть, в мечты о личном счастье и скромной доле. Психологическая характеристика становится чисто механическим литературным приемом, так что иногда сама вступает в противоречие с основной психологической темой. Так, Святополк Изяславич, подготавливающий предательское ослепление Василька, называется «ласковым» Святополком. В то же время психологизм исторической науки XVIII в., как указано, связан с рационализмом, с ее основной концепцией, которая делает историческую личность ведущей действующей силой истории. При этом в самой деятельности исторической личности Карамзин видит осуществление своего политического идеала.

Психологическое повествование определяет основную связь между событиями, политическая схема определяет общее содержание исторического процесса. Как у Татищева или потом у Щербатова, его содержание дано не развитием самих исторических событий, а внешним раскрытием политической идеи самого автора.

Общая концепция русской истории

Политическая концепция самого Карамзина в своем законченном виде формулируется им уже как политический итог двадцати лет бурных событий европейской истории, отмеченных на Западе Французской революцией и наполеоновскими войнами, а в России — демократической проповедью А.Н. Радищева, павловским режимом, наконец, политикой Тильзита и реформами М.М. Сперанского. Это было двадцать лет борьбы между старым, феодальным, и новым, буржуазным, порядком. Отражая идеалы старой, дворянской, России, Карамзин защищает традицию XVIII в., идущую от В.Н. Татищева и М.М. Щербатова.

Свою историко-политическую программу Карамзин изложил во всей полноте в «Записке о древней и новой России», поданной в 1811 г. Александру I в качестве дворянской программы и направленной против реформ Сперанского. Эта программа вместе с тем подводила в какой-то мере итог и его историческим занятиям, в которых ученый дошел уже до конца XV в.

Российское единодержавие — таков первый элемент историко-политической концепции Карамзина. «Самодержавие основало и воскресило Россию». «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием». Это — татищевская схема «совершенного единовластительства» от Рюрика до Мстислава, которое сменяет «аристократия или паче расчлененное тело», и, наконец, восстановление «совершенной монархии» при Иване III. Эту идею Карамзин развил и в своей «Истории...», подводя итог истории Древней Руси перед княжением Ивана III. «Было время, когда она (Россия. — Н.Р), рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам». Но за этим последовало «разделение нашего отечества и междоусобные войны». «Нашествие Батыево ниспровергло Россию». Наконец, Иван III восстановил единовластие: «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие».

Но на протяжении столетия эта монархическая система осложнилась новым элементом. За это время согласие между монархией и дворянством временами нарушалось. Пошатнулись и социальные позиции дворянства, напряженно отстаивавшего свои привилегии. Историческое обоснование монархии дополняется историческим обоснованием дворянских прав и привилегий, притом именно родовой знати, аристократии. Это превращение татищевской схемы начато уже Щербатовым. В этом переработанном виде принял и развил ее Карамзин в условиях обострения кризиса, обозначившегося Французской революцией на Западе, реформами Сперанского и назреванием движения декабристов в России. «Самодержавствие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья;

из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел право унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия». И Карамзин ссылается на положение Монтескье: «Без монарха — нет дворянства, без дворянства — нет монарха». «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание; Российской монархии» — таков итог политической программы Карамзина. Рядом с политическим правом дворянства как участника власти монарха стоит неотъемлемость его земельных прав (земля «есть собственность дворянская») и его крепостнические права. Монархия Щербатова и Карамзина — это дворянская монархия. Дворянство и крепостничество — опора самодержавия: «безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу».

Отсюда исторический национализм, идеал консервативной традиции, противопоставляемый и Щербатовым, и Карамзиным буржуазной революционности Западной Европы; это было противопоставлением российского самодержавия «ужасной французской революции», которая «погребена», и современной конституционной монархии, представляющей, по Карамзину, «право без власти», тем самым обращенное в «ничто». «Все народное ничто перед человеческим», — писал Карамзин в 1790 г. Теперь он боится уже этого европейского влияния. Петр I, насаждая просвещение, «захотел сделать Россию — Голландию». Эта схема в целом являлась утверждением консерватизма, отрицанием всякой реформы, всего нового, т.е. самого принципа исторического развития, теории прогресса, утверждаемой передовой, исторической мыслью уже с конца XVIII в.

Эта осложненная дворянской идеей монархическая концепция приводит к пересмотру ряда конкретных моментов новейшей истории России и их оценки. Переоценке прежде всего подвергся Петр I. Петр I искажил ход русской истории, изменил национальному началу, подорвал моральное влияние русского духовенства. Идеолог дворянства начала XIX в. полностью сошелся со своим предшественником Щербатовым, начавшим с Петра I историю «повреждения нравов в России». Одинаково для обоих это противоречие старого и нового воплотилось в противопоставлении Москвы, представляющей национальную традицию, и Петербурга, носителя насильственной европеизации. Это гениальное дело Петра для Карамзина лишь «блестящая ошибка», обреченная на неудачу — «человек не одолеет природы». И здесь Карамзин непосредственно примыкает к «Путешествию в землю Офирскую» Щербатова.

Вслед за дворянским публицистом Екатерининского царствования Карамзин подвергает критике и Екатерину II, хотя и более сдержанно, имея за собой определенную историческую перспективу. Но основная тема та же: фаворитизм, нарушивший право дворянства на соучастие во власти. «Нравы более развратились», — полагает Карамзин, как и Щербатов. Поэтому он говорит, что в государственных учреждениях Екатерины мы видим «более блеска, нежели основательности», а хваля ее достоинства, «неволью вспоминаем ее слабости и краснеем за человечество».

Наконец, перенося этот дворянско-монархический принцип на события более отдаленного прошлого, Карамзин в свете конфликта царя с дворянством рассматривает царствование Ивана Грозного, повторяя Щербатова в своей отрицательной оценке его деятельности.

Периодизация истории России

Развивая в общей историко-политической концепции дворянскую концепцию М.М. Щербатова, Карамзин следует за ним в основном и в конкретном развитии общей исторической схемы своей «Истории государства Российского». В своем «Введении» к «Истории...» Карамзин начал с критики шлецеровской периодизации, предложив взамен свою, более обобщенную. Он предлагает разделить историю России на три периода: древний — от Рюрика до Ивана III, средний — до Петра I и новый — послепетровский. Это деление как будто звучит более современно, как перенесение на нашу историю периодизации всеобщей истории. Но эта связь со всемирной историей только кажущаяся. Достаточно

вспомнить, что древний период — это период от Рюрика до Ивана III, т.е. так называемый удельный период, чтобы понять, что с древним периодом всеобщей истории он ничего общего не имеет. Это деление Карамзина — сугубо условное, и идет оно, как все периодизации XVIII в., от истории русского единогодержавия. Периодизация Карамзина начинается с Рюрика, т.е. с образования государства, как предлагал и Шлецер. В истории государства — это, по Карамзину, удельный период, так как разделение на уделы началось уже с Рюрика, когда русская земля разделилась между тремя братьями — Рюриком, Синеусом и Трувором; так же раздавались земли и города боярам и князьям «под Ольгом сущим». С Ивана III для Карамзина, как и для других историков XVIII в., начинается история единогодержавия в России. Наконец, с Петра начинается новейший период — история «преображенной России».

Новым и несколько неожиданным в этой периодизации является определение первого периода, в котором слиты два периода первоначальной схемы, вернее, выпал ее первый период, обозначавшийся как начальный период единогодержавия в Киевской Руси. Это была одна из проблем, вызвавших оживленную полемику уже в исторической литературе XVIII в. Щербатов, Шлецер, за ними, уже в XIX в., Эверс давали картину последовательного развития Древней Руси, история которой начинается варварским периодом и лишь в XV в. осуществляет их политический идеал в Московском государстве Ивана III. К этой схеме примкнула и указанная характеристика Карамзина. Но, примкнув к ней, ученый далеко не остался последовательным в ее проведении. Да, говорит он, мы застаем нашу страну в состоянии младенчества «и не должны его стыдиться», но «отечество наше, слабое, разделенное на малые области... обязано величием своим счастливому введению монархической власти». «Основанная, возвеличенная единовластием», «Русь Владимира и Ярослава «шагнула», так сказать, в один век от колыбели своей до величия». Таким образом, Карамзин преодолел основную принципиальную трудность, порожденную совмещением двух исторических концепций. Как и у Щербатова, главы отвечают великим княжениям; взятое из «Степенной книги», это деление перешло целиком к Карамзину и впоследствии сохранило значительную устойчивость в исторической литературе.

Показательнее в своем совпадении с Щербатовым деление по томам. В 1-м томе Карамзин, после краткой характеристики источников и беглого очерка древнейшего периода (как и у Щербатова), историю начал с образования государства, т.е. с Рюрика, и закончил расцветом Киевской Руси при Владимире Святославиче — крещением Руси, т.е. тем же княжением Владимира, которое составляло грань I и II томов «Истории...» Щербатова.

Разгромом Киева в 1169 г. и перенесением столицы во Владимир закончил Карамзин свой 2-й том, этой же датой закончил Щербатов 5-ю книгу II тома. Новой столицей обозначается и новый период русской истории. Только промежуточная дата удельного раздробления после Ярослава, хотя и отмеченная в тексте 4-й главы II тома, так и осталась затерянной в общем рассказе и не введенной в основное деление материала.

Как и Щербатов, даже больше, чем он, подчеркнул Карамзин роль татар в истории России; это сказалось на дальнейшей периодизации у обоих. Завоевание Батыея — третья определяющая дата русской истории: 1238 г. кончается 3-й том «Истории...» Карамзина и II том у Щербатова. 1362 г. кончается 4-й том и великим княжением Дмитрия Донского начинается 5-й том «Истории...» Карамзина; княжением Дмитрия Донского начинается и IV том Щербатова.

Схемы отчасти разошлись на Иване III. Щербатов передвинул грань к Ивану IV; Ивана IV выделяла «Степенная книга», с ним русский князь получил титул царя и утвердил свое международное значение. Карамзин вернулся здесь к схеме Татищева и Ломоносова и, связав восстановление единогодержавия со свержением татарского ига, отнес его к Ивану III. Торжественным хвалебным словом Ивану III начинается 6-й том «Истории...» Карамзина. Близкий по времени к «Записке», он уже противопоставляет Ивана III Петру I, восхваляя национальный характер политики первого.

Впрочем, дальше, на Иване IV, схемы Карамзина и Щербатова опять сошлись: их объединила дворянская симпатия к боярской оппозиции самовластию Ивана Грозного. Основное положение Щербатова — правление Ивана IV было благотворным, пока он слушался боярского совета; его ненормальная жестокость и беспочвенная подозрительность привели к устранению добрых советников и к губительным для России последствиям опричнины. Это положение полностью принято Карамзиным: как и у Щербатова, история царствования Ивана IV разделена у Карамзина на две половины 1558 г., две части V тома Щербатова превратились у Карамзина даже в два самостоятельных тома (8 и 9); у обоих царствование Федора и конец династии определяют рамки следующего тома. Последние два тома должны были составить историю Смуты.

Новым является при этом то, что Карамзин не довольствуется простым воспроизведением схемы, заимствованной у Татищева, а ищет объяснения устанавливаемой смены политических форм, пытается установить те исторические силы, те конкретные условия, которые определяли эти изменения. Но при этом самый характер принятой схемы закрывает путь к решению поставленной задачи. Внутренняя связь берется из самой схемы, характеристика исторического процесса превращается в его объяснение, история народа с предельной последовательностью превращается в историю государства. «Мы хотим обозреть весь путь государства российского от начала до нынешней степени оногo» — такова тема русской истории по Карамзину. Отсюда смена политических форм превращалась в разрыв внутренней связи между историческими явлениями, а самый разрыв заполнялся внешними явлениями и фактами, которые превращались в объяснение явлений.

Так, факт призвания варягов превратился, по сути дела, в идею варяжского происхождения Киевского государства, несмотря на противоречие этой идеи всему националистическому направлению «Истории...» Карамзина.

Таким же образом татарское завоевание превратилось в источник возрождения русского единодержавия, в спасительную силу русской истории. «Нашествие Батыево ниспровергло Россию... Дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости». Внутреннее развитие страны вело ее к политической гибели: «Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключались бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества... Москва же обязана своим величием ханам».

Как в вопросах источниковедения, так и в трактовке исторических явлений ученый не мог, однако, полностью уйти от новых явлений в исторической науке наступившего века, сказывающихся в последовательном обращении от внешней схемы к попыткам раскрытия реальной внутренней связи исторических событий.

Отражение идей XIX в. в исторической схеме Карамзина

Отражение нового понимания истории исследователи пытались увидеть иногда в высказываниях Карамзина о феодализме, в его сопоставлении феодального и помещичьего строя. Но и в этих случайных упоминаниях не было даже того содержания, которое вложил в это сопоставление еще Болтин. Карамзин и здесь пошел не за Болтиным, предварявшим уже в известной мере научную мысль XIX в., а за Щербатовым. И если можно говорить в какой-то мере о сопоставлении исторического развития России и Западной Европы, то оно превращалось скорее в противопоставление, притом такое же внешнее, как и вся историческая схема Карамзина.

Реальным отражением нового направления в общем строе карамзинской истории остается выделение специальных глав, посвященных «состоянию России» за каждый отдельный период ее истории. В этих главах читатель выходил за рамки чисто политической истории и знакомился с внутренним строем, экономикой, культурой и бытом. С начала XIX в. выделение таких глав становится обязательным в общих работах по истории России.

Карамзинская «История...», безусловно, сыграла свою роль в развитии русской историографии. Николай Михайлович не только подвел итог исторической работе XVIII столетия, но и донес ее до читателя.

Издание «Русской Правды» Ярослава Мудрого, «Поучения» Владимира Мономаха, наконец, открытие «Слова о полку Игореве» пробудили интерес к прошлому Отечества, стимулировали развитие жанров исторической прозы. Увлеченные национальным колоритом и древностями, российские литераторы пишут исторические повести, «отрывки», публицистические статьи, посвященные русской старине. При этом история выступает в виде поучительных рассказов, преследующих воспитательные цели.

Взгляд на историю сквозь призму живописи, искусства — особенность исторического видения Карамзина. Он считал, что история России, богатая героическими образами, — благодатный материал для художника. Показать ее красочно, живописно — задача историка. В «Письмах русского путешественника» Карамзин пишет: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, т.е. писанной с философским умом, с критикой, с благородным красноречием. Говорят, что наша история менее других замечательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, как из Нестора, Никона и других могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев».

Современники Николая Михайловича сразу же обратили внимание на то, что в его «Истории...» наука идет рука об руку с искусством. Не случайно среди его почитателей было много художников. Примечательно, что на «Портрете А.И. Иванова» кисти Бугаевского-Благодарного рядом с фигурой художника, мастера исторической композиции, мы видим книгу Карамзина.

Что же значит в понимании Карамзина «выбрать, одушевить, раскрасить»? В 1802 г. в журнале «Вестник Европы» он опубликовал статью «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». Это был своего рода манифест о необходимости органического слияния исторической правдивости с образностью. Продолжая и развивая традицию, выраженную в патриотической работе М.В. Ломоносова «Идеи для живописных картин по русской истории», Карамзин отстаивал идею внесловной ценности человека применительно к русской истории, взятой как материал искусства. Историк требовал отражения в искусстве и литературе национальных особенностей русского характера, подсказывал живописцам темы и образы, которые они могут почерпнуть из древней отечественной литературы. Советы Николая Михайловича охотно использовали не только художники, но и многие писатели, поэты и драматурги. Особенно актуально его призывы прозвучали в период Отечественной войны 1812 г.

Поводом для статьи Карамзина явилось решение президента Академии художеств графа А.С. Строганова о том, чтобы слушатели Академии избирали темами своих работ сюжеты из отечественной истории для увековечения памяти и славы великих людей, «заслуживших благодарность Отечества». Следствием выступлений Строганова и Карамзина явилось то, что в 1803 г. начались работы над созданием известного памятника «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Модель его была завершена скульптором И.П. Мартосом в 1815 г., а торжественное открытие состоялось в 1818 г. в Москве на Красной площади.

В своей статье Карамзин не только призывает, но и полемизирует. Он спорит с теми, кто не видит нужды в эстетическом освещении русской истории, а в деле воспитания патриотизма и национального самосознания полагается только на силу голого исторического факта. «А те холодные люди, — писал он, — которые не верят сильному влиянию изящного на образование душ и смеются (как они говорят) над романтическим патриотизмом, достойны ли ответа?» Создайте национально-патриотическую тему в искусстве, утверждал ученый, и тогда не только русский, но и «чужестранец захотел бы читать наши летописи...».

По мнению Карамзина, искусство только выявляет и заостряет эстетические возможности истории, но не создает их. «В наше время историкам уже не позволено быть романтиками и выдумывать древнее происхождение для городов, чтобы вызвать их славу». Это многозначительное заявление, сделанное Карамзиным в 1802 г., прямо перекликается с

авторской установкой «история не роман, и мир не сад...», сформулированной в «Истории государства Российского».

«Таланту русскому всего ближе и любезнее прославлять русское, — заявляет Карамзин. — Должно приучить россиян к уважению собственного, должно показать, что оно может быть предметом вдохновения артиста и сильных действий искусства на сердце. Не только историк и поэт, но и живописец, и ваятель бывают органами патриотизма».

В отличие от Ломоносова, Карамзин интересуется не столько героическими эпизодами Древней Руси, показывающими личное мужество отдельных исторических деятелей, сколько сюжетами, которые дают возможность раскрыть психологические состояния персонажей, такими, например, как свадебный сговор Ольги с Игорем; прощание Ярослава Мудрого с дочерью Анной, просватанной за французского короля, и т.п. По мнению историка, художник должен вдохновляться «чувственностью, ибо тень меланхолии» не может испортить «действия картины».

Влияние «Истории государства Российского»

Выход в свет весной 1818 г. первых восьми томов карамзинской «Истории...» совершил переворот в сознании россиян. Уже во второй половине XIX в. воспитанники всех учебных заведений были знакомы с этим трудом. Даже тогда, когда появились новые имена историков — С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского, — труд Николая Михайловича оставался обязательным чтением в гимназиях и университетах. На Карамзине выросли и с благодарностью вспоминают о нем в своих произведениях писатели Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, С.И. Аксаков, А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский; публицисты-демократы Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский; великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин; мемуарист-географ П.П. Семенов-Тяньшанский; историки К.Н. Бестужев-Рюмин и С.М. Соловьев. Известный мыслитель Н.Н. Страхов, близкий к Достоевскому и Толстому, писал: «Я воспитан на Карамзине... Мой ум и вкус развивались на его сочинениях. Ему обязан пробуждением своей Души, первым и высоким умственным наслаждением». В свою очередь Ф.М. Достоевский, отвечая на вопрос о детском чтении, советовал «не обойти Карамзина», полагая, что «исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение, верите и давайте лишь то, что производит прекрасные впечатления и родит высокие мысли».

Практически все издания прошлого столетия, рассчитанные на юношеское восприятие, включали отрывки или пересказы «Истории...» Карамзина. В популярных хрестоматиях сочинения Карамзина определялись как веха в истории российской словесности: «От Петра I до Карамзина», «От Карамзина до Пушкина». Отрывки из «Истории государства Российского» помещены в книге знаменитого педагога К.Д. Ушинского «Детский мир и Хрестоматия» (для чтения на уроках родного языка в младших классах). К 1916 г. эта книга выдержала 41 издание. Известный педагог и литературовед А.Д. Галахов подготовил хрестоматию с фрагментами из «Истории...», которая к 1918 г. переиздавалась 40 раз. В своих статьях он рассматривал такие проблемы, как «Карамзин и нравственность», «Карамзин как оптимист». В известной Поливановской гимназии в Москве на Пречистинке, где училось немало будущих знаменитостей (В.Я. Брюсов, Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) и др.), как правило, писали исторические сочинения «из Карамзина». Историк Москвы П.В. Сытин в 15 лет прочитал все 12 томов «Истории государства Российского» и сделал из них обширные выписки.

В послеоктябрьский период общественно-политические воззрения Карамзина (как, впрочем, практически всех дореволюционных историков — С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова и многих других) были признаны консервативными, националистическими и монархическими, и его труды надолго исчезли из педагогической литературы.

Нельзя не упомянуть и о влиянии труда Карамзина на историческое краеведение. Этот, по определению Д.С. Лихачева, «самый массовый вид науки» получил свое

становление в России также под воздействием «Истории...» Карамзина. Патриоты своего края пользовались трудами Николая Михайловича как основой для отбора фактов о родном городе и знаменитых земляках. Так, благодаря Н.М. Карамзину происходило воспитание историей. Видный этнограф И.П. Смирнов (1807-1863) вспоминал годы учения в Тульской духовной семинарии: «Среди чтения «Истории...» Карамзина являлась всегда одна мысль: что такое Тула и как жили наши отцы».

Интерес к местной истории пробуждал в обществе внимание к частному быту, каждодневной жизни. Историк русского быта, археолог И.Е. Забелин с детских лет зачитывался «Историей...» Карамзина и навсегда определил для себя, какое важное значение в познании бытовой истории имеют вещественные источники. Опережая время, Николай Михайлович намного расширил источниковую базу исторической науки. Он был один из первых историков, кто ввел в научный оборот такие источники, как древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы; обратил внимание на старинные слова, обычаи россиян, их жилища, одежду и захоронения; впервые в русской науке заговорил о влиянии природных условий на исторический процесс, на физический и духовный облик различных наций. И сегодня исследователи, начиная изучать быт Древней Руси, прошлое отдельных ее областей, изобразительные и архитектурные памятники, в первую очередь обращаются к «Истории...» Н.М. Карамзина.

Благодаря влиянию труда Николая Михайловича значительно расширилось представление о социальном составе лиц, действовавших в истории России. Поэтому обвинения, предъявляемые ему как историку князей и княжений, а не народа, со временем оказались несостоятельными. Напротив, его труд способствовал демократизации представлений о содержании истории и ее участниках, расширял круг самих исследователей и в конечном счете, воспитывал в обществе уважение к науке и труду ученого.

Литература

- Козлов В.П.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценке современников. М., 1989.
- Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1985.
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.
- Сохаров А.Н.* Николай Михайлович Карамзин (1766-1826)//Историки России XVIII-XX веков. Вып. I. Архивно-информационный бюллетень № 9 — Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1995.
- Соколов АН.* Бессмертный историограф. Николай Михайлович Карамзин// Историки России XVIII — начало XX века М., 1996.
- Шмидт С.О.* Н.М. Карамзин и его «История государства Российского// Н.М. Карамзин об истории государства Российского. М., 1990.
- Эйдельман Н.* Последний летописец. М., 1983.

Модуль 3. Историческая наука в 20-90 годы XIX века

Лекция 1

3.1. Критическое направление в отечественной историографии 20-40 гг. XIX века

XIX в. — это начало нового этапа в развитии отечественной историографии, время критического осмысления своего настоящего состояния и определения нового отношения к историческому знанию. Изменения в исторической мысли были вызваны внутренними потребностями российского общества, сдвигами, которые происходили в общественном, в том числе и историческом, сознании людей, традициями развития самой исторической мысли. Значительно расширилась источниковая база исторических исследований; крупнейшими центрами изучения истории стали университеты, научные общества, расширились возможности для распространения исторических знаний (публикации в журналах «Вестник Европы», «Северный архив», «Сын Отечества» и др.).

Новое направление в исторической науке этого времени проявилось в полемике вокруг «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Этот труд Карамзина был оценен как высшее достижение отечественной историографии XVIII начала XIX в., пробудивший интерес к прошлому и поставивший перед общественностью и ученым миром России проблемы, имеющие непреходящее значение. В ходе полемики подверглись критике мировоззренческие основы его концепции, понимание задач и предмета исторических исследований, отношение к источнику, трактовке отдельных явлений русской истории. С учеными, выступившими с критическими замечаниями в адрес «Истории государства Российского» и предложившими новые идеи в осмыслении прошлого связывают «критическое направление» в историографии того времени. Наиболее ярко новое направление проявилось в творчестве Г. Эверса, сделавшего попытку осмыслить историю российского государства с точки зрения его органического развития, Н.А. Полевого, обобщившего в единой системе основные положения новой теоретико-методологической концепции изучения истории, М.Т. Каченовского, который выразил потребность более глубокого изучения эмпирического материала.

Кроме того, критикой исторической концепции Карамзина и определением новой системы «прагматической истории» в 30-40-х гг. выступил Н.Г. Устрялов. М.П. Погодин отмечал отсутствие в концепции Карамзина «философского подхода», а затем уже в полемике с Каченовским доказывал плодотворность позитивного критического подхода к источнику. Научное творчество и Устрялова, и Погодина, отразившее общие тенденции развития исторической науки 20-40-х гг., следует рассматривать в рамках критического направления, а не охранительного, что было характерно для советской историографии.

В трудах ученых критического направления утверждалось в качестве предмета исследования изучение истории общества, его внутренней структуры, истории народа как носителя специфики национальной истории, истории России в контексте мировой истории. Изменения происходили в определении целей исследования. Из науки, имевшей своей целью назидание, наставление современных правителей опытом истории, она превращалась в науку, изучающую настоящее как естественный и необходимый результат прошлого.

В своих определениях новых научных подходов историки обращались к идеям романтизма, привлекавшим внимание к истории жизни народов (народного духа), его обычаям, быту и т.п. Широкое распространение в отечественной историографии получили также идеи философской системы немецкого ученого Шеллинга, поставившего проблему соотношения общих законов мирового исторического процесса со спецификой жизни отдельных народов, и философии истории Гегеля, представлявшего историю и духовный мир в виде процесса, т.е. непрерывного движения, поступательно-прогрессивных изменений в обществе, сформулировавшего диалектические положения о связях явлений и

процессов, единстве и борьбе противоположностей как источника изменений общественной жизни.

Все это определило основные направления дальнейшей работы историков и в частности тех, творчество которых рассматривается в рамках критического направления.

И.-Ф.-Г. Эверс (1781-1830)

Все научное творчество профессора Дерптского университета Иоганна-Филиппа-Густава Эверса было определено стремлением «посвятить всего себя изучению русской истории».

Окончив Геттингенский университет, Эверс в 1803 г. приехал в Лифляндию и начал работу по выполнению своего замысла. Уже первый его труд «О происхождении русского государства», вышедший на немецком языке в 1808 г., получил научное признание. В 1809 г. Эверс при поддержке Н.М. Карамзина был избран членом Московского общества истории и древностей российских и затем членом Петербургской Академии наук. В следующем году он становится профессором Дерптского университета, возглавляет кафедру географии, истории и статистики, читает лекции по русской истории и истории права. В 1818 г. Эверс был назначен ректором университета.

Эверс как ученый сформировался под влиянием немецкой школы, в том числе А. Геерена, К. Савиньи, К. Эйхгорна. Он воспринял их научные идеи, направление исследования, стиль мышления. С глубоким уважением относился он к своему учителю А. Шлецеру, который пробудил в нем интерес к русской истории. Эверс был последователем исторической критики источников, разработанных Шлецером, его отношения к задачам исторического исследования. Он не только использовал опыт, накопленный предшественниками, но и критически переосмыслил его, сделал ряд новых выводов о русской истории и создал оригинальную концепцию происхождения русского государства.

Научные интересы Эверса были сосредоточены на изучении древнейшего периода русской истории. Каждая его работа — это этап в осмыслении главной для него проблемы: образования государства на Руси и его правовых институтов. Сначала это были отдельные мысли, замечания, сомнения в правомерности некоторых положений, уже утвердившихся в исторической науке, постановка новых задач, наброски общего плана осмысления интересующих его проблем и, наконец, формулирование новой концепции.

В работах «О происхождении Русского государства» и «Предварительные критические исследования для Российской истории» (русский перевод 1825 г.) Эверс определил свое понимание происхождения Русского государства как результата внутренней жизни восточных славян, которые еще в доваряжский период имели самостоятельные политические объединения, верховных властителей (князей), использовавших для укрепления своего господства наемных викингов. Потребность объединения княжеств для решения внутренних и внешних проблем и невозможность осуществить ее в силу раздоров между ними в борьбе за главенство, привело к решению передать управление чужеземцу, «от коего наименее можно было ожидать пристрастия». Был призван Рюрик. «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». Поэтому, делал вывод ученый, «рюриково единодержавие было неважно и не заслуживает того, чтобы начинать с оног Русскую Историю». Этот его вывод разрушал традиционное для русской историографии представление о том, что история России начинается единодержавием Рюрика.

Эверс также подверг сомнению господствующее в историографии утверждение о скандинавском происхождении варягов-русов. Исследование этногенеза народов, населявших территорию России и ее окружавших, фактов, почерпнутых из арабских источников, у северных и восточных авторов, привели его к выводу о черноморском (хазарском) происхождении русов. Он выдвинул даже гипотезу о том, что полуостров Тмутаракань является «родовым наследием рюриковой династии». Это положение Эверса

обострило споры об этнической принадлежности русов и образовании древнерусского государства. Его рассуждения о хазарской Руси почти не встретили тогда поддержки среди ученых. С резкой критикой выступили Карамзин, Полевой. Погодин не только в рецензии на книгу Эверса заявил об отсутствии у ее автора «строгих доказательств» и «цицероновской хитрости» в их поиске, но и написал в ответ диссертацию о норманнском происхождении Руси, посвятив ее Карамзину. Впоследствии Эверс отказался от своей гипотезы. «Не может быть и речи, — писал он, — о принадлежности русов к древнейшим обитателям между Черным и Варяжским морями».

В 1816 г. в работе «История русов» Эверс изложил свою версию русской истории, хотя во многом и повторявшую уже имеющиеся в науке, но корректирующую некоторые положения. Подобно Шлецеру, он выделял в русской истории пять периодов. Начало ее он относил к 552 г., первому известию о славянах. Окончание первого периода связывалось им с разделом Владимиром Святославичем своего княжества между сыновьями (1015 г.). Второй период продолжался до монгольского завоевания (битва при Кальке 1224 г.). Третий заканчивался началом княжения Ивана Грозного. Правление Петра I — рубеж четвертого и пятого периодов. Изложение он строил по княжениям и довел до 1689 г. В этой периодизации обращает на себя внимание определение Эверсом начала русской истории — с первого известия о славянах. В характеристиках периодов он отказался от подробного описания политической жизни князей, ограничившись кратким изложением фактов. Однако это не касалось главной для него темы исследования — внутреннего состояния жизни народов. В специальных главах Эверс характеризовал систему государственного управления, правовых норм, состояние торговли и ремесел, науки, искусства и т.п. По объему и содержанию их освещения он значительно превосходил своих предшественников, в том числе и Карамзина.

Родовая теория и происхождение государства

В законченном виде концепция Эверса представлена в монографическом исследовании «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии», изданном на немецком языке в 1826 г. (русский перевод 1835 г.). Именно здесь он сформулировал на основе родовой теории органическую концепцию русской истории и провел первое в отечественной историографии исследование правовых институтов Древней Руси. Эверс, по его собственному определению, поставил перед собой задачу «собрать и изложить... сказания истории о состоянии права в древнейшем быту Российского государства» для раскрытия древнейшего права вообще. Идея единства исторического процесса представлена Эверсом в тезисе: «Все в истории проистекает из естественного развития рода человеческого». Естественный ход в представлении ученого — это эволюционный, постепенный переход из одного состояния в другое, где каждая последующая форма сложнее, чем предыдущая. Это положение определило исторический подход к исследованию истории права, истории государства. Эверс представил право результатом внутренней жизни общества, его органического развития, связанного, с одной стороны, с прошлым, а с другой — являющего собой новые определения. Каждой эпохе соответствуют те или иные отношения, представления людей. Изменения возникают под влиянием действия внутренних процессов, поэтому Эверс подчеркивал важный для него принцип исследования событий в связи с другими историческими явлениями. Он стремился «везде в голых, бессвязных факторах открывать мысль, которая в нем выражается, или связь прагматическую». Иногда, не имея возможности провести последовательно этот принцип, он прибегал к «остроумным догадкам» и логическим рассуждениям вместо выяснения действительных связей и закономерностей, конкретных условий перехода к той или иной форме общественной организации.

Эверс первый из историков России попытался объяснить древнейшее русское право, вообще древнейший быт, исходя из господствовавших у первобытных народов отношений, так называемого патриархального состояния гражданского общества. В «грубом

естественном состоянии» первым общественным образованием, по мнению ученого, являлась патриархальная семья с сильной властью отца. Он хозяин дома и «начальник» своего потомства. Естественная нужда в защите от внешних врагов привела к необходимости объединения семей и образованию родов «под главенством общего родоначальника». Власть главы рода была ограничена, семьи имели определенную независимость, обусловленную имевшимися в их руках средствами, в том числе землей и наличием своего главы семьи. Глава рода был тот, кто стоял ближе к общему родоначальнику, следовательно, «старший сын первого родоначальника». Из родов образовались племена, главою его становился старший сын от старшего сына основателя племени. Он становится со временем могущественным князем. «Но первоначальное семейное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу».

Таковы, определял Эверс, первые шаги в постепенном образовании общества, через которые проходят все народы. Семья, род, племя — эти три ступени составляют патриархальное общество. Развитие происходит от более узкого союза, семьи к более широкому, роду и племени. Последнее является переходным звеном к государственному образованию. «Государства, которые потом начинают развиваться, — писал Эверс (второй шаг в постепенном образовании человеческого рода) — суть не что иное, как соединение отдельных родов... под властью одного общественного главы». Глава государства, Эверс называл его «верховным патриархом», управлял государством как своей семьей, основываясь на здравом смысле и на понятиях освященных древним обычаем. Таким образом, Эверс выделял две ступени в развитии общества, присущие всем народам и обусловленные «природой человека»: патриархальное состояние общества и государство. Государство являлось результатом органического «естественного хода развития рода человеческого», высшей формой общественного образования. Такое понимание образования государства было новым для отечественной историографии. И хотя отдельные элементы схемы Эверса имели место в трудах Татищева, Ломоносова, Карамзина, она ломала привычные представления, связывавшие образование государства с внешним фактором, призванием варягов. Эверс пытался показать, что процесс образования государства на Руси не являлся спецификой ее истории, а соответствовал общему направлению развития мировой истории. «Страна, в которую призван Рюрик на княжение, — писал он, — была до прибытия его в Новгород, населяема многочисленными отдельными народами, жившими независимо друг от друга. Каждый народ слагался из многих племен, племена из родов и семейств, или, иначе сказать, из больших общественных союзов, которые сами собою, мало-помалу образуются из многочисленных, вместе живущих, потомков, одного какого-либо племени».

История русского права

Исторический подход Эверс применил и к изучению истории права, которое, по его мнению, являлось отражением общественных отношений и его развитие составляло собственно историю самого государства. Исходя из принципа объяснения древнейшего права «на основе понятий и отношений», соответствовавших определенному времени, Эверс считал невозможным подходить к историческим явлениям с современными мерками, не уяснив «себе предварительно, посредством общих исторических сведений характера известного народа на той ступени образования, какое он имеет в данное время», исторические явления живут только в контексте своего времени, своей эпохи. Нельзя, например, предупреждал он, судить о Святославе и его времени по понятиям настоящего века. «Не его вина, что первый пример разделения, о коем упоминает история, случайно падает на его княжение: не заслуга других, что не встретилось при них подобного примеру... Нельзя порицать и век, не поставляя в укоризну человеку того, что проистекает из естественного хода развития общества. Ибо сеето развитие и произвело разделы». Раздача земель князьями соответствовала, писал он, уровню культуры, общественного развития, данной политической организации. Так, князь в политической системе того времени, прежде всего глава рода, а в родовых представлениях все имущество есть не частная, а родовая

собственность, она принадлежит всем членам рода. Поэтому Владимир, Святослав могли поступить только так, как поступили, а не иначе. Тоже относится и к характеристике Эверсом Святополка Окаянного, который расправился со своими обидчиками согласно понятиям своего времени о кровной мести. Для того времени все это было естественным. Когда изменились условия, был ликвидирован и этот порядок.

Определив теоретическое направление своего, исследования, Эверс обратился к конкретному изложению истории русского права. Для Эверса право, законы — понятия исторические. При родовом строе не существовало еще формальных законов, т.е. письменно изложенных постановлений и правил. В основе их лежат обычаи, т.е. «всеми принятые правила, кои необходимо возникают из совокупной жизни в одном целом» и некоторые первоначальные постановления, которые были сделаны при первом основании государства, или с общего согласия, или по воле первых властителей. Законы письменные — продукт государственной деятельности. Таковыми он считает договоры Олега и Игоря, «Русскую Правду». Эверс последовательно прослеживал изменения, происходящие в правовых отношениях от времен Рюрика и до утверждения Ярослава на Киевском престоле. Каждое княжение рассматривалось как рубеж в практическом решении правовых норм — Рюрик, Олег, Ольга и т.д. Он проследил изменения основных атрибутов права: правила наследования, уголовное право, имущественное владение, государственное управление, финансовая система.

Исходя из родовой теории Эверс исследует и систему управления. В основе ее лежал, пришел он к выводу, единственный образец, который был известен людям, вступавшим в новое общество, — «правление великим семейством». Государь действовал «подобно частному человеку, пекущемуся о своем хозяйстве», т.е. как родоначальник в своей семье. Различия были только в величине союза. Традиция передачи власти была нарушена приходом варяжского князя, который образовал «чужую державу, отдельную от первоначальных жителей». Но это не смогло, по мнению Эверса, изменить естественного хода развития права и системы управления, а только ускорило ее формирование. Он определял две возможные формы правления на Руси. Первая — личное управление князем своими владениями, при которой все прочие земли разделялись между приверженцами князя или ближайшими родственниками, управлявшими выделенными им волостями и городами, как «сам князь управлял своими». Вторая — князь доверял управление всеми владениями наместнику. Первая форма правления, по мнению Эверса, вела к разрушению наследственного владения, содействовала созданию небольших, практически самостоятельных княжеств. Вторая — поддерживала единовластие. Рюрик следовал первому образу правления, самому древнему, в основании которого лежали родовые отношения, когда престол рассматривался как всякое родовое имущество, и, следовательно, члены рода могли требовать своей доли. Олег сделал попытку установить власть единой державной. Но при нем первая форма, освященная родовыми отношениями, побеждала. Постепенно с развитием понятия «государство», т.е. с исчезновением родовых связей, на него перестают смотреть как на обыкновенное наследство. И, когда люди поняли это, заключал Эверс, «разделы исчезли и явилось наследие престола, основанное на первородстве». У Эверса родовые и государственные начала находятся в гармонии. Между ними нет никакой борьбы. По мере естественного развития, родовые отношения исчезают и на их месте устанавливаются государственные. Эверс не всегда объяснял содержание тех или иных понятий, но можно утверждать, что, определяя власть Рюрика понятием «единовластие», он не имел в виду «самодержавия». Монархия — древнейшая форма правления, ведущая свое начало от патриархальной семьи. Самодержавие — это уже определенная качественная характеристика монархии, историческая форма, утвердившаяся окончательно в период татаро-монгольского ига. Именно оно как институт власти способно было создать условия для развития общественной жизни и благосостояния государства.

Одним из древнейших институтов государства Эверс считал податную и финансовую системы. В первоначальном образовании члены семейств исправляют для домоначальника

личную службу и получают за это от него «продовольствие». Князь содержит себя за счет собственного имущества. Но с образованием государства князю его собственный доход становится недостаточным, и он вводит специальные подати в свою пользу. Введение их в России, отмечал Эверс, произошло весьма рано, в правление князя Олега. Он объясняет это обстоятельство следствием призвания варягов, поставивших туземное население в некоторую зависимость. Олег обложил данью славян, кривичей, мерю. Игорь — древлян. Ольга обложила дополнительной данью древлян, установила уроки, ввела разделение податей между великим князем и другими землевладельцами. Отношением к податной системе Эверс определял социальную структуру общества. Говоря, о трех различных по экономическому, политическому и юридическому положению сословий, Эверс обращал внимание на привилегии «высшего сословия» — освобождение его от налогов и повинностей; основными налогоплательщиками являлись крестьяне.

Исследование правовых отношений в России в сравнении с подобными явлениями у других народов, стоявших на той же ступени образования, привели Эверса к выводу о том, что «у всех древнейших народов в первый период развития их гражданского состояния, право совершенно сходно в главных чертах».

Особенности исследовательской работы

Эверс тщательно проанализировал памятники русской истории и дал научную трактовку фактов, ими сообщаемых. На основании этого он пришел к выводу, что «данные летописей, хотя и переданные спустя двести лет, не могут быть подвергнуты ни малейшему сомнению, они согласуются с другими повествованиями из древнейшей истории народов». Эверс сделал ряд интересных замечаний, касающихся «Русской Правды», в частности относительно происхождения «Пространной Правды», принадлежности «Краткой Правды» Ярославу, связав ее с новгородскими событиями 1015-1016 гг. Эверс широко использовал иностранные источники, особенно византийские, впервые заинтересовался арабскими. Много фактов он почерпнул из работ иностранных авторов.

Эверс отказался от морализующего, нравоучительного тона. Явления истории происходили в определенной обстановке, подчеркивал он, и поэтому они не должны служить назиданием настоящему.

Начало занятий Эверса русской историей по времени совпало с началом научного творчества Карамзина, знакомство с которым оказало на ученого большое влияние. Делясь своими впечатлениями по поводу встречи с российским историографом, Эверс в письме к Шлецеру писал: «С Карамзиным подружился я еще больше. Он, кажется, почти приобрел личную симпатию ко мне, что меня вдвойне радует, ибо я редко могу похвастаться таким счастьем... Мы говорим во время наших встреч о всевозможных вещах, которые относятся не только к истории, и в большинстве случаев мы единодушны. Всегда учусь у него нашей профессии, ни один человек не знает так много из русской истории, как он, и ни один не станет охотнее учить меня». Однако, по сути своей, история России в трудах Эверса имела значительные отличия от истории государства Российского в представлениях Карамзина.

Место Эверса в историографии

Труды Эверса не произвели на современников того впечатления, какое произвела «История государства Российского». Известность его не вышла за рамки сугубо научных кругов. Одной из причин этого был стиль и форма изложения материала: сдержанность, стремление к научной доказательности, строгая приверженность источнику. В его работах не встречается художественных отступлений, нравственных оценок, ярких картин исторических событий, пространных описаний характеров князей и их походов, пересказ событий многочисленных междоусобиц. В предисловии к одной из своих работ он так определял свое отношение к этому: «Иные историки весьма пространно описывают государей и их походы. Я не хотел бы им подражать». Безусловно, распространение трудов Эверса затруднялось тем, что они были написаны на немецком языке и переводы их запаздывали. Кроме того,

дискуссионный характер его суждений, новизна идей требовали серьезных размышлений и времени для усвоения.

Современники ставили в заслугу Эверсу глубокое исследование юридического быта Древней Руси, отмечали плодотворность его работы по изучению древнейших памятников русской истории и поиск им новых идей для объяснения прошлого России. «Эверс пишет умно, приятно, — писал Карамзин, — читаем его с истинным удовольствием и хвалим искренне. У него много удовлетворительных объяснений и счастливых мыслей». Но лишь спустя десятилетия «счастливые мысли» ученого были оценены по достоинству и нашли своих исследователей. «Основателем, отцом историко-юридической школы» называл его один из крупнейших исследователей «Русской Правды» Н.В. Калачов. Труды Эверса, писал он, «по части русской истории останутся навсегда незабвенными: он первый из юристов бросил критический взгляд на древнейший быт нашего отечества, первый старался объяснить его с естественной точки зрения, приняв для этого в основание общий ход развития у всех народов государственного быта из патриархальных, родовых отношений; первый, наконец, показал самый способ, как приняться с этой точки зрения за разработку наших древнейших памятников».

Н.А. Полевой (1796-1846)

Николай Алексеевич Полевой вошел в историческую науку как историк, выдвинувший и утвердивший в ней ряд новых понятий и проблем. Он являлся автором 6-томной «Истории русского народа», 4-томной «Истории Петра Великого», «Русской истории для первоначального чтения», «Обозрения русской истории до единодержавия Петра Великого», многочисленных статей и рецензий. Полевой был широко известен и как талантливый публицист, литературный критик, редактор и издатель ряда журналов.

Полевой происходил из небогатой, но просвещенной семьи иркутского купца, был человеком одаренным, обладающим энциклопедическими знаниями, чрезвычайно трудолюбивым. Его знания являлись результатом самообразования. Он много читал, изучал иностранные языки, во время нечастых наездов в Москву посещал лекции профессора Московского университета А.Ф. Мерзлякова, П.И. Страхова, М.Т. Каченовского. Его внимание привлекли сочинения В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина.

Жизненным кредо историка было служение просвещению России, «споспешествование» ее экономическому, культурному развитию. Наиболее ярко эти взгляды были выражены в издаваемом им журнале «Московский телеграф» (1825-1834) — первом энциклопедическом журнале России, названном В.Г. Белинским «лучшим журналом России от начала журналистики». На страницах его он последовательно выступал защитником и идеологом «третьего сословия», считая его производителем «благополучия государственного, кормильцем и обогатителем миллионов своих собратьев», которое достойно проявило себя в прошлом и является залогом будущих успехов России.

Его политическая программа сводилась к некоторой демократизации общества в плане расширения прав и влияния «третьего сословия», критики отживших форм крепостнического строя, сословно-классовых привилегий дворянства, старых предрассудков. Реформирование общества, по его мнению, должно проводиться правительством с «уважением спокойствия каждого подданного».

Оппозиционные выступления Полевого привели к закрытию «Московского телеграфа» и запрещению заниматься издательской деятельностью. Но он продолжал это направление своей работы, став негласным редактором и сотрудником «Живописного обозрения», «Библиотеки для чтения» и других изданий.

Как историк Полевой заявил о себе в 1819 г. статьей об одном из древнейших русских памятников — «Слове о полку Игореве». Его исторические работы публиковались в «Отечественных записках», «Северном архиве», «Вестнике Европы». Они заслужили одобрения К.Ф. Калайдовича, М.Т. Каченовского, П.С. Строева. По их представлению он был принят в члены Московского общества истории и древностей российских.

Теоретические основы исторических построений Полевого

Мировоззрение Полевого формировалось под влиянием теоретических поисков русской общественной и научной мысли, передовых западноевропейских мыслителей XVIII — начала XIX в., немецкой философии Ф. Шеллинга, французских историков Ф. Гизо, О. Тьерри. По достоинству оценив труды своих предшественников по изучению русской истории, Полевой сделал попытку переосмыслить прошлое и дать новое направление познанию его основных аспектов.

Впервые свое понимание истории как науки Полевой изложил во вступительной речи, прочитанной в Обществе истории и древностей российских в 1825 г.: история — одно «из важнейших понятий человеческих... проверка всех догадок и предложений ума, философия опыта». Он отказался от признания истории как поучения, наставления человеку или удовлетворения любопытства. Задача науки — «соображать ход человечества, общественность, нравы, понятия каждого века и народа, выводить цепь причин, производивших и производящих события». Такое определение задач исторической науки поднимало ее общественное значение, представляло ее как науку, позволяющую увидеть «тайну бытия в настоящем, цель будущей судьбы своей». Следование истине, беспристрастие, соблюдение исторической перспективы, отказ от изложения событий из «своего века, своего народа, самого себя» — так определял основные принципы работы историка Полевой.

Полевой высоко ценил труды историков, занимавшихся собиранием и систематизацией исторических материалов. В этом плане он отмечал «незабвенные» заслуги Н.М. Карамзина, В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, особенно А.-Л. Шлецера. «Эпоху в истории наших древностей», по его мнению, составили труды Н.П. Румянцева, К.Ф. Калайдовича, П.М. Строева и др. Он сам представил опыты анализа источников, сделал попытку классификации их и высказал некоторые интересные наблюдения над текстами летописей; вмешался в спор о «Русской Правде».

В 1829 г. Полевой опубликовал критическую статью на «Историю государства российского» Н.М. Карамзина, где как бы подвел итог всей предшествующей историографии. Отдавая должное заслугам ученого, он, однако, сделал вывод о том, что труд Карамзина «в отношении истории, которой требует его время» является произведением «неудовлетворительным». В ней нет «одного общего начала, из которых истекали бы все события русской истории», не показана связь ее с историей человечества, и жизнь России «остаётся для читателя неизвестною». Он принципиально разошелся с Карамзиным в понимании предмета исследования и критиковал его за отсутствие изображения «духа народного», попытался противопоставить истории государей — историю народа. Отсюда его идея написать «Историю русского народа». Первый том вышел в 1829 г. Однако осуществить свой замысел полностью он не смог, подготовил и издал шесть томов, где изложение довел до середины царствования Ивана III. В 30-40-х гг. XIX в. в печати появились отрывки из истории России в царствование Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Анны Иоанновны, несколько работ о Петре.

Основой изучения истории Полевой полагал «философский метод», т.е. «научное познание»: объективное воспроизведение начала, хода и причин исторических явлений, показ «места тех или иных событий в великой книге судеб». В осмыслении прошлого исходным положением для Полевого было представление о единстве исторического процесса. Идея не новая, но получившая у него более глубокое обоснование и конкретное содержание. Все народы и государства являются лишь частями «великого всемирного семейства — человечества». Они живут в непосредственном взаимодействии друг с другом и подчиняются «условиям общей жизни товарищей бытия его». Поэтому, пришел к выводу Полевой, понять истинную историю народов можно только «обнимая весь мир», рассматривая «каждое общество, каждого человека, каждое деяние его в связи с жизнью всего человечества». При этом он признавал многообразие исторического процесса. История

каждого народа имеет свои особенности, и каждый народ заслуживает внимания. Исходя из этого Полевой сформулировал свою основную методологическую посылку: «Все, что бы не представлялось нам, мы созерцаем в частном и общем: но в самом деле, ни частное, ни общее отдельно не существует: частное есть общее, одно и то же, двойко познаваемое».

Рассматривая историю народов как проявление одинаковых явлений, повторение общих для всех народов элементов развития, Полевой подчеркивал, что в основе их лежат «одинаковые законы», которые проявляются в определенных формах в зависимости от времени и места действия. Разнообразное проявление их составляют частные истории.

Общий закон Полевой видит в единстве цели исторического развития, начертанной Провидением. Она определяет направление исторической жизни. Наличие общих причин, производящих «одинаковые следствия», — другое определение закона. Отсюда следующий его принцип исследования: рассмотрение соотношения явления с его началом и будущим, выяснение, почему «именно такое происшествие случилось именно в такое-то время, такой-то народ поступил так, а не иначе, шел туда, а не сюда».

В конкретном выражении идея единства представлена Полевым в решении одной из важнейших проблем исторической науки XIX в. — соотношении исторической жизни России и стран Западной Европы. Россия и Запад для него части мировой истории и, следовательно, подчинены общим законам развития. «Россия прошла школу веков подобно Западу и жизнь ее совершалась в тождественных с западною историей явлениях, представляя только исполинские размеры событий в началах, которые потом развиваются в изумительных подробностях последней». По мнению Полевого, история феодализма на Западе и история русских уделов, Новгорода и средневековых городских общин, междоусобия князей и феодальные войны — явления однопорядковые. Россия прошла через общие для всех народов фазы и повторила основные элементы общественной жизни. Но они отличались по форме, времени и месту.

Законом исторической жизни Полевой считал непрерывное, поступательно-прогрессивное движение человечества. «Род человеческий, — писал он, — совершает свое бытие спиралью, бесконечным винтом, бытие каждого народа образует полное кольцо, из чего составляется цепь всемирной истории, но тождество, каждый раз в новом виде, есть великий закон нашей природы». Каждый винтик — новая ступень развития. Она выше, совершеннее предыдущей, место действия обширнее, сущность более «объемлюща». Принимая установившееся в исторической науке деление на древнюю, среднюю и новую историю, Полевой каждую эпоху представлял как более высокую ступень в развитии основных элементов общества: философии, религии, политики, образования. Доисторический период — время становления первых обществ и возникновения первых наук, знаний, законов, торговли и т.п.

Древняя история — дальнейшее развитие этих элементов. В религии — освобождение духа и познание «истин откровения»; в философии — свобода мышления; в политике — борьба республики с единовластием. В Средние века — усиление влияния религии; в политике — «недоступная теократия». Новая история отразила в себе все, о чем «мечтали древние и Средние века, что заключалось в идеях самых смелых мыслителей». Все эпохи смыкаются между собой, образуя неразрывную цепь изменений, одно вытекает из другого, каждая эпоха подготавливается предыдущей. Закон прогрессивного развития имеет всеобщий и обязательный характер для любого народа. Движение остановить невозможно, всякие попытки этого ведут к упадку и гибели народа. Примеры этого Полевой видел в истории Швеции, Польши, Турции и др.

Но он отмечал и сложность, противоречивость движения. Оно включает в себя моменты упадка, возврата назад. Такой взгляд на исторический процесс дал возможность Полевому признать правомерность всех эпох в истории человечества, в том числе Средних веков, периода уделов в России, и обосновать неизбежность и необходимость перемен в современной ему России.

Общими закономерностями являются для Полевого и источники развития, главным из которых он считал «нескончаемую борьбу» противоположных начал, где окончание одной борьбы есть начало новой. Одно из них, по его мнению, заключается в «беспрерывном, ненасытном желании удовлетворить свои потребности, в первую очередь в пище, одежде, жилье и т.п., и теми препятствиями, которые встают на этом пути».

Полевой обратил внимание на три фактора, определяющие жизнь человечества: природно-географический, дух мысли и характер народа, события в странах окружающих. Качественное разнообразие их определяет своеобразие исторического процесса каждого народа, проявление общих закономерностей, темпов и форм жизни.

Разницей в природных условиях Полевой объяснял различия в развитии Азии и Европы. Азия огромна, могуча физическими силами. Человек в ней подавлен громадностью природы. Европа уступала Азии обширностью и разнообразием, она бедна физическими силами. Следствием этого явилось преобладание в ней духа. Азия, бывшая в свое время колыбелью «общественного и умственного образования», в силу природных условий «окаменела в своем развитии». В ней сохранилась «пастушеская, полудикая, воинская жизнь». Религия — «тяжкое, подавляющее чувство величия сил природы»; философия — религиозный мистицизм; политика — неограниченный деспотизм; искусство — «исполиньские истуканы, мрачные подземные храмы». В Европе — оседлая городская жизнь; религия — «возвышение духа»; философия — смелая, свободная, ведущая к разгадкам тайн природы; политика — развитие свободной воли человека; искусство — произведение изящного; человек — сознающий свое достоинство. Таким образом, делал вывод Полевой, Азия олицетворяет вещественность (природу), Европа — духовность (человека). Единство вещественности и духовности, т.е. Азия и Европа, составляют жизнь человечества. Определяющим Полевой считал духовность. Отсюда его интерес к Западу и ориентация на него.

Однако Полевой видел и другую сторону этого единства — вечную борьбу стихий вещественности и духовности. История человечества представлялась ему как борьба Азии и Европы. Борьба заключалась в попеременном вторжении Азии в Европу и затем «в движении ее Европой обратно». Этапами движения он определял границы периодов исторического развития. История человечества началась на Востоке. Мир древний был стерт с лица земли бурным потоком, хлынувшим из Азии. Затем Европа двинулась в Азию (крестовые походы). Ответное движение турецких орд в Европу — завоевание Царьграда, конец истории Средних веков. Одним из последних движений Запада на Восток Полевой считал вторжение Наполеона. Это начало новейшего периода в истории человечества. Восток устоял, и приходит его очередь двинуться в Европу. Это движение «не будет так воинственно и разрушительно, как было в начале Средних веков, не будет так воинственно и религиозно, как было в конце их. Оно заключает в себе власть духа и вещества». Это движение «великого народа, соединившего в себе Восток и Запад, Азию и Европу... народа... родного Европе и родного Азии... Сей народ — Русский народ, сие живительное начало — Россия».

Концепция всемирной истории Полевого — это столкновение Востока и Запада. В основе — различия природно-географические и вытекающая из этого специфика развития того и другого. Разрешение противоречия Полевой видел в достижении Востоком уровня развития Европы, установлении равновесия.

Географическими условиями, положением России между двумя стихиями, объяснял Полевой особенности ее исторического развития. Он обращал внимание на существование различия в природных условиях северной и южной России и отсюда определял специфику направленности их общественной жизни. Географический фактор, по мнению Полевого, не создает и не упраздняет общих закономерностей. Он влияет на темпы, формы, характер развития, на дух и характер народа, который, в свою очередь, является одним из основных факторов развития общества. В частности, характер русского народа, сформировавшийся в условиях местоположения его между Азией и Европой, определил своеобразие русской истории. Русский народ соединил в себе, писал Полевой, «воображение Востока с умом

Запада, с твердостью северного характера», что определило его потенциальные возможности. А вера россиян является залогом силы и единства государства в прошлом и настоящем.

Третий фактор Полевой определял как взаимодействие народов друг с другом. Рассматривая Русь IX—XI вв., он обращал внимание на связи ее с Грецией. Нашествию татар он придавал решающее значение при объяснении условий образования Московского государства. Определяя роль указанных факторов в истории России Полевой пришел к выводу: «Состояние общественности, дух времени, образ мыслей и понятий, географические подробности, современные события в странах, окружавших Русь, должны были произвести то, что было на Руси».

Общее настроение эпохи, романтизм как составная часть мировоззрения Полевого определили его интерес к проблеме народа, его места в истории и русском государстве. Государство является высшей формой выражения народного духа, считал Полевой. Но прочность и благосостояние его зависят от поддержки народа. Однако последний не подготовлен к самостоятельной деятельности, он не просвещен. Поэтому «двигают грубый материал» правители, самодержцы. Самодержавие «великой династии Романовых» обеспечило могущество русского государства в прошлом, оно является залогом процветания России и в будущем. Оно должно служить образованию и просвещению народа. В конечном итоге история народа в концепции Полевого остается все той же историей государства, историей самодержавия.

Одним из первых в отечественной историографии Полевой обратил внимание на обусловленность действия личности историческими условиями. Человек, писал он, не может действовать по своему произволу, «не может даже ускорить ход судеб и перепрыгнуть через ступеньки лестницы их, ибо он сам только ступенька в сей лестнице».

Великие люди — продукт деятельности человечества, их действия определены условиями и потребностями эпохи. Они являлись тогда, когда «время вызывало их на подвиг». Так появились в России Иван III, Петр Великий и др. Оценить значение личности, полагал Полевой, возможно только при рассмотрении «всех деяний» ее, с учетом предшествующей и последующей истории. Так, рассмотрение событий XVII в. убедили Полевого в необходимости реформ Петра. В деятельности Ивана III он так же видел отражение жизни народа и века.

Происхождение государства

Изучая русскую историю, Полевой сосредоточил внимание на проблеме происхождения государства. Он исходил из понимания того, что государство создается постепенно, исторически. Поэтому, полагал он, в словах «русское государство» в отношении к первому периоду русской истории содержится ошибка. Древняя история России может быть только «историей русского народа», а не историей русского государства. Это положение определило его схему русской истории. Первый период — время истории русского народа. Второй — история русского царства. Третий — российская империя. Границы этих периодов: вторжение варягов, затем монголов и вступление России в европейскую систему при Петре. Полевой отверг два принципиальных положения предшествующей историографии — установление государства на Руси с приходом варягов и факт добровольного их призвания. Он категорически заявил, что известие «о призвании варягов оказывается недостоверно и несообразно». Как и другие народы Европы, славяне были покорены выходцами из германских и скандинавских земель, которые «на мечях» положили начало общественным образованиям.

Феодализм на Руси

Полевой предложил своеобразную концепцию феодализма на Руси. Начало ее он связывал с норманнским вторжением, что имело место и в других странах. Завоеватели строили городки-крепости, владетели их назывались князьями и повиновались власти

главного князя-варяга, который имел значение «повелителя в действии». Каждый князь имел полную власть в местах своего княжения. Полевой называл такое состояние общества «феодализмом норманнским». С XI в. он констатирует изменение характера отношений. Малочисленность варягов, противоречия между ними, распространение гражданских прав между славянами способствовали слиянию обоих народов в одно «политическое тело». Установился новый образ правления. На смену норманнской феодальной системе приходит «система уделов, обладаемых членами одного семейства» под властью старшего в роде — «феодализм семейный». Все княжества составляли общий союз, глава его — киевский князь. Другие князья были полными властителями в своем уделе. Отношения между князьями определялись степенью родства. Со времени Андрея Боголюбского начинается борьба между ними. Ослабляется власть великого князя, единство распадается, уделы начинают жить «своим отдельным бытием».

Таким образом, различия двух этапов феодализма Полевой видит в формах междукняжеских отношений. Если в первую эпоху отношения между князьями были обусловлены первенством в захвате земель и силой того или иного князя, то во вторую — степенью родства. Считая, как и другие историки, феодализм «гибельным и страшным для русских государей и подданных», Полевой вместе с тем отмечал, что он был необходим для развития «жизненных сил по всем землям русским».

Особое место в творчестве Полевого занимала эпоха Петра I. Характеристику ее он предварил описанием внутреннего состояния России в XVII в. Петр продолжил начатые в это время реформы. Они касались всех сторон жизни государства. Петр, подчеркивал Полевой, «спаял» окончательно Россию единой державой, используя опыт Западной Европы, «обогастил» ее торговлей, промышленностью, ввел новые обычаи и нравы. Смысл реформ Полевой видел в решительном повороте России к Западу. Главное, что сделал Петр, считал он, — собрал все средства государства и «непостижимой силой воли и нечеловеческими трудами, исполнил в краткий век человека дела столетий — догнал Европу, ушедшую далеко вперед». При этом для Полевого было важно, что Петр остался верен русскому духу, русской вере, русскому характеру.

Таким образом, Полевой на основе новых идей познания и осмысления прошлого, распространенных в 20—40-х гг. XIX в. в отечественной исторической науке, сделал попытку сформулировать целостную теоретико-методологическую концепцию исторического развития. Ее основные моменты включали положение о единстве и многообразии истории человечества, о закономерном, поступательно-прогрессивном характере ее развития, обусловленности объективными факторами развития. Он попытался на этой основе построить схему всемирной истории и переосмыслить историческое прошлое России. Концепция Полевого открывала возможности для широко сравнительно-исторического изучения исторического процесса и осмысления исторического опыта в контексте не только европейской, но и восточной истории. Удалось ему далеко не все. Главное, он не смог написать историю русского народа, не пошел дальше общих фраз о «духе народа», ограничившись некоторыми новыми оценками тех или иных событий. Но главная задача, писал К.Н. Бестужев-Рюмин о Полевом, не в перечислении ошибок ученого. Как человек, прокладывающий новый путь, он мог ошибаться в своих выводах, мог делать неудачные попытки, но главное то, что «им были требования выделены: последующим историкам предстояло их наполнить по мере сил и накопления материалов».

М.Т. Каченовский (1775-1842)

В отечественной историографии широко распространено понятие «скептическая школа». Ее появление относят к 30-м гг. XIX в. и связывают с именем профессора Московского университета Михаила Тимофеевича Каченовского.

О скептической школе много писали и в XIX и в XX в. Мнения различны — от признания заслуг в формировании нового критического направления в историографии, до резкой критики и отрицания сколько-нибудь положительной роли в познании прошлого.

Каченовский — выходец из мещанской среды, сын торговца вином, грека Качони. «Умный, трудолюбивый, любознательный, от природы склонный к сомнению и недоверчивости», как характеризовал его М.П. Погодин, он являл собой пример, весьма типичный для своего времени — ученого-самоучки. Каченовский свободно владел несколькими иностранными языками, интересовался русской историей, славянской литературой. Его педагогическая и научная деятельность связана с Московским университетом. В 1805 г. Каченовский получил звание магистра философии, в 1806 г. — доктора философии. С 1810 г. он экстраординарный, а затем ординарный профессор. С 1821 г. заведовал кафедрой истории, статистики и географии Российского государства, в 1834-1836 гг. занимал должность декана отделения словесности, с 1837 г. — ректора Московского университета. Каченовский преподавал риторику и археологию, русскую и всеобщую историю, статистику, географию и этнографию, читал историю славянских наречий. Он издавал один из популярнейших журналов начала XIX в. «Вестник Европы» (1804-1830). В 1841 г. был избран действительным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

Среди учеников Каченовского были К.С. Аксаков, С.М. Соловьев, И.А. Гончаров и др. Аксаков вспоминал о годах учебы: «любили и ценили, и боялись при том, чуть ли не больше всех, Каченовского». «Это был тонкий, аналитический ум, «скептик» в вопросах науки: отчасти, кажется, скептик во всем», — отмечал другой его ученик.

В области изучения истории интересы Каченовского были сосредоточены на древнейшем периоде русской истории, и в первую очередь на источниках этого времени. Названия его работ говорят сами за себя: «Параллельные места в русской летописи», «Об источниках по русской истории», «Нестор. Летописец на древнеславянском языке» и т.п.

Предпосылки появления скептического направления

Традиции глубокого интереса к источникам были заложены во второй половине XVIII — начале XIX в. широкой публикацией исторических материалов, с одной стороны, и выработкой принципов критического анализа их с другой. В своем отношении к источникам Каченовский опирался на критику текстов летописи А.Л. Шлецера. Его «Нестор», по определению ученого, был «превосходнейшим руководством к познанию начал русской истории». Отмечал Каченовский и заслуги в области исторической критики Г.-З. Байера, Г.Ф. Миллера, Я.Э. Тунманна, И.Г. Стриттера, Н.М. Карамзина. В рецензии на 12-й том «Истории государства Российского» Карамзина он писал: «Не изучая Карамзина, иной записной историк, не узнал бы драгоценных указаний, не постиг бы другого, может быть лучшего, более удовлетворительного способа к изучению происшествий первых веков нашей истории, не отметил бы необходимости в ней избавиться от излишней достоверности, от сомнительного, ясного, от конкретного в густоте мрака». Но Каченовский сетовал на то, что историки предшествующего поколения, в том числе и Карамзин, безотчетно доверяли древним и «домашним» памятникам, небрежно сличали их с другими, слабо изучали историю славян вообще и в сравнении со всеобщей. Шлёцер, отмечал Каченовский, дав очищенного Нестора, заложил фундамент здания, которое должно было воздвигнуть с помощью высшей критики, но оставил в летописи много «сомнительных происшествий». Это касалось призвания варягов, истории Олега и Игоря, договоров с греками и др. После его исследований, заключал Каченовский, ученые начали «сомневаться, осматривать предмет со всех сторон», новые разыскания «сделались очевидны».

Первые работы Каченовского

В первых своих работах Каченовский не выходил за рамки существующей традиции выяснения истинности сообщаемых источником фактов, очищения текста от позднейших вставок и переделок, выяснения авторства памятников. Вслед за В.Н. Татищевым он связывал первый этап в русском летописании с именами Нестора и Сильвестра. Второй

начинал с 1203 г. и третий — с появления «Степенной книги». Прекращение летописания, подобно Карамзину, он датировал царствованием Алексея Михайловича.

Утверждал, что у всех народов «первые времена бытия их или скрываются во тьме неизвестного, или порождены вымыслом», Каченовский, однако, не высказывал еще сомнения в древности летописей и «Русской Правды», могуществе России в IX в. «Юное государство, — писал он, — войною и покорением земель привело в трепет соседей и даже самых императоров византийских», народ его достиг «высшей степени в образованности и превосходил почти всех современников своих, обитателей северной и южной Европы».

Теоретические основы концепции Каченовского

Решение главной задачи исторической науки, состоявшей, по его мнению, в предоставлении сведений о том, что «было и каким образом было», описании «истинных» происшествий и представлений «невывымышленных характеров», Каченовский связывал с проведением тщательного анализа исторических памятников. Его уже не устраивала так называемая «малая критика» Шлецера. Под влиянием историко-критического метода немецкого историка Б.-Г. Нибура Каченовский поставил вопрос о необходимости «высшей», или исторической, критики. В работах конца 20-30-х гг. «Два рассуждения: о кожаных деньгах и «Русской Правде», «О баснословном времени в российской истории», «Мой взгляд на «Русскую Правду» и др. он сформулировал требования критики древних русских памятников, основываясь на своем представлении об историческом процессе.

Исторический процесс Каченовский представлял как «цепь великих происшествий», каждое из которых связано с предыдущим и последующим, каждое имеет свою причину и свои следствия. Это направляло его внимание на анализ содержания древнейших памятников с точки зрения соотношения их с реальными условиями создания памятника, степенью развития общественных институтов, культуры и т.п. Источник должен был рассматриваться как продукт определенной эпохи.

Представление Каченовского об историческом процессе как едином, взаимосвязанном, подчиненном общим закономерностям развития всемирной истории обусловило обращение его к сравнительно-историческому методу: сравнение «всеобщего хода политического и гражданского образования» западноевропейских народов с конкретным ходом русской истории, соответствия исторических памятников тех и других.

Таковы две основные методологические посылки Каченовского в изучении древних русских памятников: рассмотрение их содержания в соотношении с фактами русской истории в момент их создания и в контексте западноевропейского исторического процесса. Кроме этого, Каченовский считал необходимым учитывать, что каждый народ имеет свой «баснословный период», когда знания о прошлом сохраняются в устных рассказах, мифах, когда народ любит освещать свое «младенчество сверхъестественными происшествиями, божественными предначертаниями или даже одними темными воспоминаниями о доблести и славе, которые как бы возвеличивают судьбу отечества». Это требует от историка умения отделить вымысел от действительно происшедших событий.

Взгляды Каченовского на древнейшую историю Руси

Каченовский подверг критическому анализу летописи и древнейшие законодательные памятники. Особое внимание он уделял разбору текста, сравнению его известий со свидетельствами других источников, в том числе иностранных, выявлял содержание понятий, происхождение слов, соответствие их уровню развития общественных отношений и культуры времени их происхождения. В результате он обнаружил, что в летописях одни и те же события описаны по-разному. Употреблено много слов и понятий чуждых веку (гость, вира, немец и др.), дано неверное летоисчисление. Вывод Каченовского был категоричен: «из всех известных списков, даже древние, не старше четырнадцатого века», переписчики подновляли текст, изменяли его, «руководствуясь понятием своего века, собственным «образом мысли».

Исследуя денежную систему Древней Руси, в частности, рассматривая вопрос о замене кожаных денег как расчетной единицы на металлические, Каченовский пришел к выводу, что это произошло позднее, под влиянием Ганзы. Уровень развития Руси не позволял этого сделать самостоятельно. Каченовский подверг сомнению и факт составления Ярославом Мудрым «Русской Правды». Проведя сравнительный анализ гражданского устройства Новгорода и германских городов, он пришел к выводу, что Новгород во времена княжения Ярослава еще не достиг столь высокой степени общественного и культурного развития, которые необходимы для того, чтобы иметь письменное законодательство. Весь север, считал он, знал лишь «бродячие орды пастухов и семейства рыболовов и звероловов» в отличие от западноевропейских народов, у которых уже установился гражданский порядок. Но даже в Европе общие условия и уровень образования не позволяли иметь такие памятники, как «Русская Правда» и летописи. Они «в таком виде, — писал он, — как мы оные имеем, делают исключение из всеобщего хода образованности народов — явление беспримерное в истории и особливо нашего севера». Каченовский этим подтверждает предыдущий тезис что «Русская Правда» возникла под балтийско-немецким влиянием и не ранее XIII в., поскольку только к этому времени сложилось городское самоуправление в европейских странах и, следовательно, ранее не могло оно быть в Новгороде.

Таким образом, ученый пришел к заключению, что датировать древнейшие русские памятники можно лишь XIII-XIV вв., а отсутствие их в IX-XII вв. делают всю историю этого времени недостоверной и баснословной. Каченовский полагал, что тем самым он освобождал древнюю историю от «страшных вымыслов», «баснословия о начале государства», приписывания «предкам нашим небывалых триумфов», «договоров несбыточных», т.е. составления «ложных понятий о древнем могуществе, богатстве и славе любезного нашего отечества». Это дает возможность соблюсти историческую перспективу, в конечном итоге найти истину.

Влияние взглядов Каченовского на его учеников

Свои взгляды на древние русские памятники и содержание русской истории Каченовский излагал в лекциях, читаемых им в Московском университете. Плодом этих чтений было несколько исторических сочинений, написанных его слушателями. В 1830 г. в «Вестнике Европы» появилась первая статья из этой серии работ. Она была написана молодым ученым В. Виноградовым. Само название статьи — «О скудности и сомнительности происшествий первого века нашей древней истории от основания государства до смерти Игоря, т.е. до 945 г.» — отражало суть рассматриваемой проблемы. Исходным положением статьи было утверждение, что «каждое царство и каждый народ до развития сил гражданских, имеет свой век баснословный».

В начале 30-х гг. последовали публикации в «Ученых записках» Московского университета с подзаголовком «От профессора Каченовского». В них его ученики — С. Строев, В. Шеншин, Н. Сазонов, Н. Стрекалов — выражали мнение о том, что на место «слепого доверия» летописям придет новый взгляд на русскую историю, откроется «истинное представление о минувших судьбах нашего отечества». Недоверие к летописям высказывали и другие ученые, например О.М. Бодянский, в будущем один из основателей отечественного славяноведения; один из крупнейших археографов первой половины XIX в., старший брат С. Строева — П.М. Строев; Я.И. Бередников, впоследствии редактор «Полного собрания русских летописей». «Молодость охотно верит, но и сомневается охотно, охотно любит новое, самобытное мнение, — замечал К.С. Аксаков, — и исторический скептицизм Каченовского нашел сильное сочувствие во всех нас. Строев, Бодянский с жаром развивали его мысль. Станкевич, хотя не занимался русской историей, но так же думал. Я тоже был увлечен». Однако из учеников Каченовского только С. Строев продолжал писать в том же духе еще некоторое время. Остальные ограничились студенческой статьей. Но журналисты направление их деятельности, писал Погодин, «признали скептическим, и пошли гулять по свету скептики».

Вслед за своим учителем скептики приняли идею «философского» подхода к истории. Целью изучения прошлого ставили поиск общих законов и открытие в них «истин бытия», истины, «полезной для государства». Средство познания «минувшей судьбы отечества» они видели в очищении источников в «горниле критики». Главным для них было раскрытие внутреннего содержания древних русских памятников в отношении к реальным условиям развития общественного строя Руси и стран Западной Европы. Однако в своем практическом выражении такой подход не дал положительных результатов, поскольку изначальные представления скептиков об уровне развития Древней Руси не имели под собой оснований. Они считали славян дикими племенами, с примитивным общественным строем, отсутствием общественных институтов и письменности. Древняя история, как она представлена в летописи, утверждали они, «совершенно не в духе IX-X столетия», поскольку показывает, что в это время существовало на Руси государство, находящееся в цветущем состоянии, имевшее богатые города, гражданские законы и т.п. Признание первоначальной летописи и «Русской Правды» памятниками XI в., считали они, заставило бы утверждать превосходство Руси над современными ей западноевропейскими народами. О недостоверности сообщаемых в летописи известий говорили также разночтения, имевшие место в описании событий в летописи и иностранных источниках («бескорыстных» писателей). Подтверждало это и «сухость» изложения событий до смерти Игоря, отсутствие годовых описаний княжений Игоря и Ольги, различия в датировке и др. Отсутствие иностранных свидетельств о происхождении Рюрика и славян, походах Олега и Игоря послужило скептикам основанием для выводов о невозможности существования договоров русских князей с Византией. Они не были убеждены и в авторстве Нестора.

Таким образом, и Каченовский и его ученики пришли к выводу, что летописи «не только не соответствуют первому веку нашего младенческого государства, но и всеобщему духу европейских государств того времени», следовательно, они составлены в более позднюю эпоху, не ранее XIII-XIV вв. В конечном итоге недоверие к древнейшим памятникам привело их к утверждению, что «история наша не может быть подведена под строгую историческую истину».

Критика скептической школы

С опровержением выводов скептиков выступил Погодин. Обращаясь к работам Каченовского первого периода его творчества, он отмечал многие верные замечания относительно древнейших русских памятников. Но в 1829 г. Погодин уже находил, что «скептицизм Каченовского далеко распространился». После появления студенческих работ он выступил со статьей «О достоверности русской истории», где с возмущением писал: «Каким образом, по какому закону мысли, по какому закону критики могла возникнуть такая недоверчивость к главным происшествиям нашей древней истории. Это для меня задача психологическая, и только с этой стороны можно объяснить ее». В заключительной лекции о Несторе студентам Московского университета в 1837 г. он подчеркивал, что недоверие к летописи «предосудительно для нашего народного чувства» и призывал студентов учиться любви к отечеству у Нестора. Основная полемика разгорелась по вопросам о времени написания летописи, авторстве Нестора, доверия к сообщаемым им известиям, об обосновании древней истории.

В 1840 г. вышла книга историка П.Г. Буткова «Оборона летописей русских от «навета» скептиков». Автор поставил перед собой задачу защитить «достоинство древнего нашего летописания». Основанием для ее решения Буткову служили данные Древних писателей, в том числе византийских, свидетельства широкого круга иностранных авторов и современные ему данные исторической науки. Он высказал сожаление по поводу разрушения всех прежних представлений и опасался угрозы «отнять у нас целых четыре века истории». О том, что скептицизм «калечит русскую историю», писали и другие ученые.

Вместе с тем многие современники Каченовского считали скептицизм «естественным», современным взглядом на прошлое. Своей постановкой вопроса о

необходимости критического рассмотрения древних русских памятников Каченовский заставил не только современников, но и последующие поколения историков думать над ними, «терпеть беспокойство, сомневаться, рыться в иностранных и отечественных летописях и архивах». Предложенные им принципы анализа источников в целом были правильными, но заключения относительно древнейших русских памятников и состояния русской истории в IX-XIV в. были несостоятельны и отвергались как их современниками, так и последующими поколениями историков. Скептицизм сыграл свою роль как разрушитель старого, отжившего в науке и стимулировал развитие исторического знания на базе нового отношения к источнику.

Литература

- Зеленов М.В.* Иоганн Филипп Густав Эверс // *Историки России XVIII—XX веков.* М., 1995. Вып. 1.
- Киреева Р.А.* Скептическая школа в русской историографической литературе дооктябрьского периода // *Проблемы истории русского общественного движения и исторической мысли.* М., 1981.
- Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.
- Шевцов В.И.* Прогрессивное направление в русской историографии первой половины XIX в. Днепропетровск, 1980.
- Шевцов В.И.* Развитие прогрессивного направления в русской историографии первой половины XIX в. Днепропетровск, 1980.
- Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981.

3.2. Исторические взгляды М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова

М.П. Погодин (1800-1875)

Имя Михаила Петрович Погодина — ученого-историка и педагога, собирателя старины, создавшего знаменитое «Древохранилище», публициста и драматурга, издателя «Московского вестника» (1828-1830) и «Московитянина» (1841-1856) было широко известно в научных, литературных и общественных кругах России XIX в.

Погодин был сыном крепостного крестьянина графа И.П. Салтыкова, получившего вольную в 1806 г. Он выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1821). После защиты магистерской диссертации в 1825 г. начал читать лекции по русской и всеобщей истории на нравственно-политическом отделении университета. С 1828 г. Погодин — адъютант по кафедре всеобщей истории. В 1833 г. он избирается ординарным профессором, а с 1835 г. — заведующим кафедрой российской истории, созданной по университетскому уставу 1835 г. В 1844 г. из-за конфликта с попечителем Московского университета С.Г. Строгановым Погодин ушел в отставку и сосредоточил свое внимание на публицистической и издательской деятельности, продолжая свои научные исследования по истории России. Много работал в Обществе истории и древностей российских и в Обществе любителей российской словесности. В 1841 г. его избрали ординарным академиком Императорской Академии наук.

Отношение к Погодину современников и потомков

У своих современников Погодин пользовался уважением и авторитетом. Среди его друзей были А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, Д.В. Веневитинов и Ф.В. Одоевский, А.С. Хомяков и КС. Аксаков, С.П. Шевырев и др. Его имя часто упоминается в воспоминаниях современников. О его научном и педагогическом творчестве писали И.Д. Кавелин, Д.А. Корсаков, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Г.В. Плеханов и др. Н.П. Барсуков составил беспрецедентную по своим масштабам 22-томную биографическую хронику «Жизнь и труды М.П. Погодина» Однако оценки его как ученого, педагога и человека неоднозначны. Многие отмечали «тонкость его критики источника», трудолюбие в собирании материалов, но в то

же время, отсутствие «широкого общего взгляда», в силу чего результаты его деятельности были «ограниченными, имеющими только частное значение».

Его политические убеждения укладывались в понятия «самодержавие, православие, народность» и имели, по определению П.Н. Милюкова, «охранительный характер». Однако другой исследователь общественно-политической деятельности Погодина Д.А. Корсаков не считал возможным четко определить ее направление: «Погодин не был ни консерватором, ни легитимистом, ни националистом — он был сторонником русского политического согласия, как сложилось оно жизнью, историей».

Советская историография, исходя из оценки творчества ученых с классовых позиций, однозначно относила Погодина к «апологетам самодержавия», называла его «уваровским холопом», консерватором, не оказавшим сколько-нибудь глубокого влияния на общий ход научно-исторического знания. В последнее десятилетие историографы стремятся дать непредвзятую оценку его научной и педагогической деятельности, показать сложность и многогранность его личности.

Диапазон научных, культурных, общественных интересов Погодина был широким. Но главным предметом его творчества была русская история, история древней и средневековой Руси. Его перу принадлежит ряд крупных исследований: «Происхождение варягов и Руси», «Исторические афоризмы», «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей», «Исследования, замечания и лекции по русской истории» (т. 1-7), «Древняя русская история до монгольского ига» и др.

Теоретические основы концепции Погодина

«Время, в которое мы живем, — писал Погодин, — научило нас многому и предложило вопросы, прежде неслыханные», ответы на которые должна дать история. Найдено много новых источников, в общих понятиях и в самой исторической науке произошли «существенные изменения». «Столбовую дорогу» в отыскании истины в событиях прошлого проложил Карамзин. У него Погодин учился «и добру, и языку истории», «любви к отечеству, уважению к народным традициям». Духом критики, по определению Погодина, он «напитывался» у А. Шлецера. Уточнял свои исторические позиции в полемике с М.Т. Каченовским, Н.А. Полевым, Г. Эверсом, С.М. Соловьевым.

Погодин был в курсе новейших европейских исторических и философских идей. Как многие его современники он увлекался философией Шеллинга и идеями романтизма. Ученый пытался осмыслить национальные идеалы и традиции, место русского народа в общечеловеческой истории, определить собственное представление о смысле и содержании истории. «Российская история, — писал он, — это мы сами, наша плоть и кровь, зародыш наших собственных мыслей и чувств... Изучая историю, мы изучаем самих себя, достигаем до своего самопознания, высшей точки народного и личного образования. Это книга бытия нашего». Следовательно, определял предмет исследования Погодин, вместо политической истории надо изучать «дух народа», «историю ума и сердца человеческого», т.е. явления, прежде всего личные, бытовые, религиозные, художественные: «выставить наружу» работников и архитекторов, построивших Россию. Действия «духа человеческого» он представлял в виде цепи событий, где каждое кольцо «необходимо держится всеми предыдущими и держит в свою очередь все последующие». Эта гармония подчиняется определенным условиям, законам. Провидеть ее — задача историка. Для этого Погодин считал важным исследовать все, даже самые незначительные происшествия, их причины, «ловить звуки», тогда можно прочесть историю так, как «глухой Бетховен читал партитуру». Исходя из этого Погодин определял один из основных своих принципов изучения прошлого: «собрание, очищение, распределение событий».

«Связь и ход происшествий», продолжал он, есть понятие об управлении Божиим, «поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной благим Провидением». Но тайна Провидения «едва ли доступна человеку». Все, что свершается, Должно было свершиться. Каждое явление в цепи событий чудо. При

этом Погодин утверждал, что «мы не слепые орудия Высших сил, мы действуем как хотим, и свободная воля есть первое условие человеческого бытия, наше отличительное свойство». Но так же как человеку недоступно проникнуть в тайну Провидения, невозможно и проследить «намерения и действия человека по законам свободы». Историк не может ответить на вопрос, почему все пошло так, а не иначе. Он может только почувствовать «замысел Божий», причем, замечал Погодин, «не в университете, не в библиотеке» а «во глубине души своей», интуитивно приблизиться к нему. В соединении «религиозного чутья» и научного поиска он видит возможность приблизиться к истине. «Ум, озаренный верою, науками подкрепится» — таков для него путь познания прошлого.

Погодин, убежденный в тождестве законов естественного и духовного мира, одним из первых в русской исторической науке пришел к выводу о том, что поиск истины в истории может быть таким же, как и в других науках, т.е. историческая наука может использовать приемы изучения, применяемые в других науках. Образ историка он связывал с образом натуралиста, который исследует все классы и виды, существующие в природе. Также и историк, имея дело со сложнейшими категориями — человек, народ, государство, развитие которых связано с целым комплексом свойств, — должен в деталях изучить все события, выявить условия и корни их появления, постепенность, органичность их развития. Именно это и делает, заключал Погодин, историческую науку действительно наукой.

Свой метод исследования Погодин называл математическим. Впервые он изложил его содержание в магистерской диссертации «О происхождении Руси. Математическое заключение, как он его себе представлял, есть единственный путь ведущий к цели, а прочие «увлекают в сторону, назад, или, по крайней мере, замедляют успехи». Именно таким методом исследуя русские летописи, он доказал достоверность сообщаемых ими сведений, подтвердил древность их происхождения, и на этой основе представил древнейший период русской истории.

Погодин сравнивал работу историка с работой коллекционера, например нумизмата, разбирающего монеты по месту, времени чеканки, по материалу, из которого они изготовлены, и, подобно В.Н. Татищеву, с работой архитектора. «Если мы хотим построить здание, — писал Погодин, — прежде всего, должны приготовить материалы — обжечь кирпичи, обтесать камни». Именно за эту «черную» работу он взялся сам, представив в своих исследованиях «план, фасад строения» и для себя и для будущих времен. Только после возведения такого «фундамента истории» можно было, по мнению Погодина, перейти к анализу и выводам, т.е. ко второму виду исторических работ — «повествованию». Пока в науке, констатировал он, еще недостаточно сделано в области исследования для того, чтобы перейти к изложению собственно истории. Существующие теории не отражают существа фактов: «Никакая теория, — писал ученый, — даже самая блистательная, никакая система, даже самая остроумная, не прочны, повторяю в сотый раз, прежде нежели соберутся, очистятся, проверятся, утвердятся быти, деи» (факты реальные). Именно это составляло основное содержание работ Погодина. Свои «Исследования, замечания и лекции по русской истории» он называл книгою «с тысячью справок и подлинных слов из разных сведений», «расчисткой поля» истории, чтобы другие получили возможность делать какие угодно соображения и идти дальше. Исследователи с высшими взглядами нашли бы в этих сочинениях «нужное знание для систем и теорий».

Написание общей истории России Погодин считал необходимым предворить изучением отдельных ее периодов, например норманнского, монгольского, московского, и сам дал образцы такого изучения. Важным он считал и детальное исследование отдельных групп населения: бояр, купцов, служилых людей, смердов, отношений между князьями и т.п.

Начало русской истории

«Россия — огромный мир», — писал Погодин. Она обладает неизмеримыми пространствами и богатствами «вещественных и духовных сил». Выяснить, как сложился этот «колосс», как «сосредоточились, как сохраняются в одной руке все сии силы» —

главная задача исторической науки. Для ее решения ученый предлагает обратиться к изучению начала истории, т.е. истоков образования государства, ибо «начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень» истории. Следует также показать отличительные свойства и судьбу российского государства в сравнении с историей других государств и народов. Отсюда две основные проблемы в изучении истории России Погодиным: происхождение государства на Руси и соотношение основных моментов его развития с явлениями и процессами, имевшими место в странах Западной Европы.

Начинает свои исторические исследования Погодин с выяснения, кто были варяго-русы, т.е. племена, которые являлись основателями Русского государства. Он тщательно изучил источники, в первую очередь летопись, известия византийские и западные, свидетельства арабских авторов, провел анализ языка, обратился к религии, обычаям, действиям первых русских князей и пришел к выводу о скандинавском происхождении варягов-русов. Изучение славянских племен привело его к заключению, что славяне как особый народ были известны более чем за тысячу лет до Рюрика. Они жили общинами, как племя, управлялись родоначальниками и старейшинами. Это объясняет, почему пришлые варяги подчинились туземцам и через два-три века потерялись в славянском населении, оставив следы только в гражданском устройстве.

Обращаясь непосредственно к проблеме образования государства, Погодин исходил из того, что, как все существующее в мире, оно начинается «неприметной точкой». Задача историка «уловить ее в человеческом хаосе, проследить ее постепенное увеличение, все моменты, все эпохи развития, пока эта точка через много лет забудется жизнью, установится на своем месте, примет лицо, оденется плотью, укрепится костями и начнет действовать». Такой точкой для России явилось, по его мнению, призвание Рюрика новгородцами. Но это еще нельзя безусловно назвать началом Русского государства, предупреждал Погодин. Главный результат призвания Рюрика — начало династии. Для Погодина именно этот факт являлся наиболее важным: «началось преемство, стало за кем следить». Роду Рюрика было предназначено основать впоследствии величайшее государство в мире.

Судьба династии определяла последующее развитие русской истории, а ее сохранение стало основным делом русской истории. Направляемая Божественным промыслом она «чудесно» охранялась от прекращения. Одни князья сменяли других. Младенец Игорь «тонкой нитью» связывал начало истории с последующими событиями. Он убит, но есть Ольга, Святославу не удалось остаться в Болгарии, хотя он хотел. Погодин находил связь между смертью в Угличе царевича Дмитрия и Петром I, заявляя, что «не прекратись род Московских князей — не было бы Романовых, не было бы Петра». В этих утверждениях ученого ясно проявляется его мистическое представление об историческом процессе.

Этапы русской истории

Призвание Рюрика, который положил начало русской истории, Погодин рассматривал как первый ее этап и называл его норманским. Норманны раскинули план будущего государства, наметили его пределы. Но о государстве как целом, хотя, как определял Погодин, и «сметанным на живую нитку», можно говорить лишь с Ярослава: «все племена и города находились в подданстве у одного князя (а после одного рода), были одного происхождения, говорили одним языком... исповедывали одну веру».

Временем от кончины Ярослава до нашествия монголов Погодин датировал удельный период. Тогда на первом плане был вопрос о праве наследования великокняжеского престола, т.е. вопрос династический. Господствовало право старшего в роде. Власть великого князя определялась его личными качествами и обстоятельствами. Земли Руси находились в общинном владении княжеского рода. Все князья были равны между собой. Однако каждый князь стремился обособиться в своем уделе и в тоже время вел борьбу за великокняжеский престол.

Следующий период в определении Погодина — монгольский (до образования и становления Московского государства). Затем наступает новая эпоха — европейско-русская,

или западно-восточная, и, наконец, период национально-самобытный. Ему и принадлежит будущее. Пожалуй, более определенно общие представления об истории России отражены Погодиным не в ее периодизации, а в перечислении им основных происшествий, составляющих, по его определению, существо русской истории. Среди них основание государства, принятие христианской веры, столица Москва, Донское побоище, освобождение России от поляков, Полтавская битва, сожжение Москвы в 1812 г. и «самое к нам близкое, самое радостное, животрепещущее — освобождение двадцати пяти миллионов крепостного народа».

Характеристики деятелей русской истории

Основное внимание Погодина было сконцентрировано на древнейшей и средневековой истории. Но он обращался к событиям и более позднего времени: высказал собственный взгляд на историю Московского государства XVI в.; пытался дать оценку событиям XVII в., личности Ивана Грозного, Петра I и др. Погодин часто вступал в полемику по этим проблемам со своими предшественниками и современниками.

Личность и эпоху Ивана Грозного ученый характеризовал негативно. Он видел в нем слабого человека, ничтожного политика, у которого отсутствовал государственный взгляд. Усиление власти при Иване VI Погодин рассматривал как естественное положение хода государственного строительства, начавшееся задолго до него, где каждый последующий князь был сильнее предыдущего. Он считал аномалией видеть «прогресс» в чудовищном, «слепом» произволе, творимом царем. Погодин отказался от деления жизни и деятельности Грозного на две половины, как это делали его предшественники. События, происходившие в обществе, опричнину, террор он объяснял не изменениями в характере самого Ивана IV, а изменениями в его окружении.

С уважением писал Погодин о Борисе Годунове. Он отвергал утверждение о его причастности к убийству царевича Дмитрия, сожалел о трагической судьбе Бориса, поплатившегося «за удовольствие» узнать о смерти Дмитрия «гибелью супруги и любимого сына, громким проклятием двух веков».

Одним из государей, восхищавших Погодина, был Петр I. Он подчеркивал, что реформаторская деятельность Петра, его нововведения имели глубокие корни на русской почве. Благодаря реформам Россия, воспользовавшись достижениями западной цивилизации, «заняла почетное место в политической системе европейских государств», приобрела основания для последующего развития.

Россия и Западная Европа

Вопрос о соотношении исторического развития России и стран Западной Европы являлся одним из важнейших в отечественной историографии и общественно-политической мысли XIX в. В рассмотрении его Погодин исходил из двух посылок. Первая — история России есть составная часть истории человечества, т.е. истории европейской. В них имели место одинаковые события, обусловленные «общим (родовым) ее подобием» и «единством цели». Поэтому историк не может изучать историю России вне контекста истории Европы. Вторая — «всякий народ развивает своей жизнью особую мысль» и содействует тем самым в той или иной степени, прямо или косвенно, исполнению предначертаний Провидения. Факты отечественной истории существенно отличаются по своему содержанию от подобных фактов истории европейских народов. Россия всегда шла своим путем, и обязанность историка отыскать этот путь, показать его своеобразие.

Все европейские великие происшествия, средства для развития которых «мы по Вере, языку и другим причинам» не имели, были заменены у нас на другие, писал Погодин. Они были у нас под другой формой, решали те же задачи, только другим путем. Ключ к пониманию использования им сравнительного метода находится в заглавии работы: «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала».

В России не было западного среднего века, но был восточный русский; развивалась удельная система, которая существенно отличалась от феодальной, хотя и составляла вид того же рода; следствие крестовых походов — это ослабление феодализма и усиление монархической власти, а в России усиление монархической власти явилось результатом монгольского ига; на Западе была реформация — в России — реформы Петра I — такие параллельные события находит Погодин в истории русской и западноевропейской. Это два процесса, идущие рядом друг с другом, но не пересекающиеся. Их течение абсолютно самостоятельно и независимо друг от друга. Они могут пройти через похожие стадии развития, но это не будет означать, что они обязательны для их эволюции. В конечном итоге Погодин пришел к выводу, что «вся история России до малейших подробностей представляет совершенно иное зрелище».

Корень различий ученый видел в «изначальной точке», «зародыше», т.е. обращался к уже известному тезису о том, что история народа начинается с истории государства, а источник различий заключен в особенностях его происхождения. Государство на Руси началось вследствие призвания, «полюбовной сделки». На Западе оно обязано своим происхождением завоеванию. Идея для российской историографии не новая, но у Погодина она становится доминирующей, определяющей судьбу и особенности развития русской жизни во всех ее аспектах, в том числе в институтах власти, социальном строе, экономических отношениях.

На Западе пришельцы побеждают туземцев, отнимают у них землю, обращают в рабство. Победители и побежденные образуют два класса, между которыми возникает непримиримая борьба. В городах образуется третье сословие. Оно тоже борется с аристократией. Борьба их оканчивается революцией. На Западе король был ненавистен туземцам.

В России государь был «званным... мирным гостем, желанным защитником». Он не имел никаких обязанностей по отношению к боярам. С народом имел дело «лицом к лицу, как его защитник и судья». Земля была в общем владении, сподвижники князя получали ее на время как род жалованья. Народ оставался свободным. Все жители различались только по роду занятий, а в политическом и гражданском отношении были равны между собой и перед князем. Высшие сословия приобрели свои привилегии «службой отечеству, России». Русскому простолыдину был открыт доступ к высшим государственным должностям, «университетское образование заменяло, привилегии и грамоты». У нас, заключал Погодин, «нет ни разделения, ни феодализма, убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы». Все преобразования, все нововведения шли сверху, от государства, а не снизу, как в Европе. Таким образом, разница в первичной точке решила судьбу России.

Кроме исторических причин, разделивших судьбы России и народов Западной Европы, Погодин обратил внимание на физические (пространство, почва, климат, система рек) и нравственные (народный дух, религия, образование).

Россия занимала огромные пространства, объединяла многочисленные народы, причем «не механически, силою оружия», а всем историческим ходом своего развития. Это, по мнению Погодина, определило такие особенности, как отношение к земле, которая долго не имела цены и в силу этого из-за нее не враждовали; непрерывное движение, имевшее место на протяжении 100 лет от смерти Ярослава до нашествия монголов, чему способствовало и правило наследования княжеского престола. Князья переходили, за ними следовали дружина, воины, бояре, иногда в движении принимали участие и поселяне. Переносились и главные центры (столицы). В этом движении Погодин видел одно из главнейших отличительных черт русской истории. При этом, подчеркивал он, Россия никогда не переставала быть единым целым.

Некоторые особенности политического развития России Погодин связывал с суровым климатом, который заставлял «жить по домам, около очагов, среди семейств и не заботиться о делах общественных, делах площади». Князю было предоставлено право самостоятельного

решения всех вопросов. А это устраняло почву для всяких «раздоров». Географическая изолированность, связанная с системой рек, текущих внутрь земли, отдаленность от морей мешали общению с другими народами, что также способствовало тому, что Россия шла «своей дорогой».

При определении духовных различий Погодин подчеркивал особенности характера народа — терпеливость, покорность, равнодушие, в противоположность западной раздражительности. Принятие христианской веры из Византии смягчило нравы, способствовало сохранению доброго согласия в обществе. Духовенство в России подчинялось государям. Единство языка, единство веры, следовательно, один образ мыслей народа, делал вывод Погодин, составляли силу российского государства,

В определении особенности исторического пути России и условий, способствовавших обособлению ее от западноевропейского мира, Погодин исходил из традиций отечественной историографии.

Он развил и уточнил ее некоторые положения, например, о влиянии географического фактора на постоянное движение населения и трудности сношений с другими народами, о влиянии православия на духовную и политическую жизнь русского общества. «Сколько же различий положено, — восклицал он, — в основание русского государства сравнительно с западным! Не знаем которое сильнее: историческое, физическое и нравственное». Их совместное действие и привело к тому, что история России предстала «совершенною противоположностью с историей западных государств». Постановка и решение проблемы «Россия-Запад» в трудах Погодина при всей уязвимости его рассуждений и выводов обращает на себя внимание попыткой целостного подхода к ее рассмотрению.

Уроки истории

Наблюдения за древней и средневековой историей России определили Погодиным основные постулаты жизни российского общества. Подчеркивая исторически сложившееся согласие в обществе, основанное на доверии правительству, царю, он сделал вывод, что в этом отношении «российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия самою верною и надежною». Залогом этого всегда было и есть самодержавие, заботящееся о благе народа, способствующее сохранению исторических традиций и русской государственности. Россию всегда спасало и спасет, утверждал Погодин, самодержавие, сильное государство, народ, носящий «во глубине своего сердца сознание объединенной Русской земли, объединенной Святой Руси»; вера православная, готовая на всякие жертвы; «язык живой», земля просторная, плодоносная. На них «Святая Русь удержалась, удерживается и удержится!». Так он приходит к известной формуле — «самодержавие, православие, народность».

Погодин считал обязанностью историка и любого человека уважать, беречь и трудиться во благо России. Обращаясь к своим соотечественникам он писал: «Мы имеем собственную историю, удивительный богатый язык, собственное национальное право, собственные национальные обычаи, свою поэзию, свою музыку, свою живопись, свою архитектуру». Отказаться от этого, значит утверждать, что у «русских нет истории, нет предков... Руси нет». Он предупреждал об осторожности при попытках мерить Россию по масштабам западноевропейским, искать в них плодов, для которых нет семян. Это, однако, не означало отрицательного отношения его к Западной Европе в целом, ее культуре, науке. Только пересадка «чужих растений» не всегда возможна и полезна. Она всегда требует «глубокого размышления, великого благоразумия и осторожности».

Историческая наука как самопознание народа, был убежден Погодин, должна проникать в его национальный характер, помочь понять себя, чем были и, тем самым, чем стали. Он придавал истории значение «учителя жизни». Погодин отдавал себе отчет о том, что каждый век имеет свои требования и свой взгляд на прошлое, и картина его меняется в соответствии с состоянием науки. И в содержании научного творчества Погодина нашли

отражение настроения общества, его потребности в историческом знании и самой исторической науке.

Давая оценку творчества Погодина Ю.Ф. Самарин ставил в заслугу историку то, что он пытался разъяснить «явления русской истории из нее самой». Погодин отстаивал первенствующее значение национальной идеи, национального сознания как главного условия жизни русского общества. Эти идеи получили признание и развитие в трудах других ученых, в частности, они были созвучны настроению славянофилов.

Главной национальной идеей он признавал образование и развитие государства, в связи с этим высказывал ряд положений в духе государственной школы. Погодин отмечал особую роль государства и самодержавия на Руси, представлял их как общенародных заступников и радетелей за благо народное.

Погодин одним из первых обратил внимание на возможность использования в исторических исследованиях методов естественных наук. Заслуживает внимания его отношение к историческим источникам, работа по их собиранию и публикации. Его полемика с М.Т. Каченовским о древнейших русских памятниках имела положительное значение, Погодин выдвинул программу развития вспомогательных исторических дисциплин, начал работу по составлению древнерусской географии, хронологии летописания.

Погодин относился к историкам, олицетворявшим переходное время в исторической науке, как писал К.Д. Кавелин, он «всеми своими сторонами принадлежал к прошедшему... но не чужд некоторых новых требований, взглядов, ученых приемов, которых мы не встречаем у его предшественников».

Н.Г. Устрялов (1801-1870)

Николай Герасимович Устрялов происходил из семьи крепостного, управляющего именем князя И.В. Куракина. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1824 г. Затем семь лет работал в канцелярии Министерства финансов. В 1830 г. начал читать лекции по русской и всеобщей истории в университете «без жалованья». В 1836 г. Устрялов защитил диссертацию на звание доктора философии «О системе прагматической русской истории». Был избран профессором и почти четверть века возглавлял кафедру русской истории в Петербургском университете.

Свою научную деятельность Устрялов начал с подготовки к изданию «Сказаний современников о Дмитрие самозванце» и «Сказаний князя Курбского». За их подготовку он был удостоен двух «бриллиантовых перстней» и ордена св. Анны 3-й степени. Интерес к источнику Устрялов старался передать своим ученикам, по воспоминанию одного из них, он, «начиная свой курс подробным перечислением и оценкою источников», открывал им «совершенно незнакомый мир».

Особенно плодотворный период его деятельности относится к 30-40-м гг. В 1837 г. публикуется его диссертация, вышли в свет двухтомная «Русская история»; в 1839-1840 гг. «Начертание русской истории для учебных заведений»; «Руководство по русской истории» и др. Устрялов получил статус официального историографа и в 1837 г. был избран адъюнктом Академии наук.

Теоретические основы концепции Устрялова

«История Российского государства, в смысле науки, как основательное знание минувшей судьбы нашего отечества, должна объяснить постепенное развитие гражданской жизни нашей, от первого начала ее до позднейшего времени» — так начинал Устрялов свое первое научное сочинение по русской истории — «О системе прагматической русской истории». Этим он определял и главный предмет исторической науки — события, в которых проявляет себя собственно жизнь государства: «достопамятные действия людей», управляющих внутренней и внешней политикой России; успехи законодательства, промышленности, науки и художеств; религия, нравы и обычаи. Задача историка — «не

собираение биографий», а представление картины «постепенного развития жизни общественной», «изображение переходов гражданского общества из одного состояния в другое, раскрытие причин и условий изменений». История должна обнимать все, был убежден Устрялов, что имело влияние на судьбу государства. Она должна указать место России в системе других государств.

Для решения этих задач историк выдвигал два условия: первое — «самое подробное, верное и отчетливое знание фактов» и второе — приведение их в систему. Опираясь на традицию критики исторических источников, идущую от А. Шлецера и продолженную историками начала XIX в., он высказал собственное представление о классификации источников и принципах их критики. Устрялов разделил все источники на две группы — письменные и неписьменные. К первым он относил сказания современников (они являются основой исторических знаний); акты государственные, произведения наук и изящной словесности, которые отражают степень образованности народа и дух своего времени. К источникам «неписанным» Устрялов относил памятники материальной культуры — предметы художественного и домашнего обихода.

Он высказал ряд положений о конкретной работе с ними. Нельзя «безотчетно доверять фактам», писал он, только критическое отношение к тексту может дать истинное представление о прошлом. Прежде всего надо определить степень достоверности сообщаемой источником информации. Для этого следовало установить, например, был ли автор современником описываемых событий, так ли он «передал потомству, как знал». Наибольшую полноту и точность историческим исследованиям придает актовый материал. Он дает возможность выяснить механизм государственного устройства, внутренней и внешней политики, развитие экономики, культурный уровень страны в ту или иную эпоху. В «изустных преданиях» Устрялов находил элементы «явно баснословные», поэтому требовал тщательной проверки соответствия их «общему ходу событий, духу времени».

Интерес к источникам проявился в его работе в Археографической комиссии, участии в подготовке проекта издания Полного собрания русских летописей. Особо следует отметить работу Уварова по собиранию документов и книг, относящихся к царствованию Петра I. Он получил специальное разрешение на проведение исследований в государственных архивах и в течение десяти лет вел целенаправленный поиск материалов в архивах морского и военного министерств, Сената и Синода, Министерства иностранных дел, Императорской Академии наук, а также в архивохранилищах Вены и Парижа.

Но даже и «самое подробное знание фактов не принесет существенной пользы, если они не будут приведены в стройную систему», был убежден Устрялов. Он сформулировал широко известную в свое время «систему прагматической истории», которая предусматривала «объяснение влияния одного события на другое», рассмотрение каждого явления как «следствие предыдущего и причину последующего». Такое понимание исторического процесса дает возможность выявить «нить», связывающую все явления «неразрывной цепью», образуемую самим «ходом событий, влиянием века, гением народа». Историк должен вникнуть в общий смысл истории и соответственно ему определить точки, где общий ход событий получает иной характер, распределить все явления по мере важности, каждому «найти свое место». Развитие исторического процесса Устрялов рассматривал как следствие «преимущественно... действия людей, коим судьба вверяет кормило правления». Впрочем не всегда, замечает он тут же: «вокруг них обрисовывается в приличной перспективе все, что выражает век, что окружает исполнителей велений судьбы и, так сказать, составляет их сферу, от коей они не могут отделиться и сообразно коей действуют».

Значение науки, знания истории Устрялов видит в том, что история «верная повесть всего родного», «завет предков потомству». Она, показывая истинные свойства народа и потребности государства, «послужит лучшим пособием к применению всякого рода уставов: ибо все умножается опытом», а она и есть «самый обильный запас разнообразных опытов».

Представления ученого о предмете, задачах и значении исторического знания отражали интерес общества 20-30-х гг. XIX в. к гражданской истории, истории государства, истории народа.

Свое изложение прагматической русской истории Устрялов предварял рассуждениями своих предшественников в деле «бытописания». Все, сделанное в XVIII в., было, по его мнению, только «младенческим лепетом», подход к истории был ненаучным. Отдавая должное Карамзину, который «оказал величайшую услугу отечественной истории тем, что привел в известность почти все ее источники, выбрал из них факты с редкой отчетливостью и добросовестностью, не упустив ни одной черты, ни одного замечательного слова, представил события в строгом хронологическом порядке и приготовил материал для, прагматического бытописателя», Устрялов не соглашался с ним по ряду общих вопросов. Для него было неприемлемо то, что Карамзин изображал не общие явления, «что-нибудь целое», а биографии великих князей и царей. Не видел Устрялов у Карамзина и исторической «нити» событий. После «строгих суждений о лучших наших бытописателях», как сам историк определял свое отношение к предшественникам, он дал изложение русской истории с прагматической точки зрения.

Периодизация русской истории

Для того чтобы узнать, что такое Русь, что с ней было, как развивалась главная идея (складывалось государство), проследить переход ее из одного состояния в другое, чтобы вникнуть в «общий дух истории», надо начинать изложение с «колыбели» русской жизни, с первых веков, считал Устрялов. Важно показать главные моменты, происходившие изменения, внутренние и внешние условия, дающие направление «судьбе государства».

Устрялов делил историю России на две главные части: древнюю и новую. Каждая из них подразделялась на периоды в соответствии с изменениями, происходящими в гражданском быте. Древняя история, от начала Руси до Петра Великого (862-1689 гг.) и Новая история, от Петра до смерти Александра I (1689-1825 гг.). Последняя отличается изменением древнего образа жизни, быстрым развитием умственных и промышленных сил, деятельным участием России в делах европейских.

Возникновение у славян гражданского общества Устрялов связывал с установлением верховной власти норманнского князя. Тогда же сложилась и территория государства — от берегов Ильменя до днепровских порогов, от истоков Вислы до берегов Волги. Принятие христианской веры способствовало слиянию разноплеменных областей русской земли в одно государство. Оно стало «непременным условием бытия народного, элементом русской жизни», явилось основанием «особенного, самобытного направления и образовало из него мир отдельный, отличный от мира западного в главных условиях государственных... в всех учреждениях внутренних». Окончательное устройство государства произошло при Ярославе Мудром. Он закрепил его законодательством, которое определило главные условия гражданской жизни, т.е. был введен новый порядок престолонаследия, установлены отношения между князьями удельными и великим князем, определены права и обязанности духовенства, урегулированы отношения с соседями. С половины XI в. началась борьба между потомками Рюрика, семейные споры за верховную власть. Произошло разделение на уделы, которое явилось следствием понятия о праве на удел каждого члена семьи. Однако, обращал внимание Устрялов, это не привело к уничтожению Руси, а, наоборот, еще больше «скрепило узы общественные», способствовало распространению одного языка, веры, одних гражданских уставов. Сохранилась мысль о единой державии.

Покорение русской земли монголами, борьба ее с иноплеменными народами на западе привели к разделению ее на восточную и западную. Монгольское иго, считал Устрялов, не оказало влияния на внутреннее устройство восточной Руси. В неприкосновенности остались главные элементы государства — вера, язык, гражданский быт. В начале XIV в. совершился «великий переворот» и определилась судьба России — началось постепенное соединение удельных княжеств восточной Руси в Московское государство. Оно поднялось на борьбу с

монголами и свергло иго; избавилось от удельной системы и образовало «державу сильную, самостоятельную — Русское царство». Главою его был государь самодержавный. В это же время произошло соединение западных земель в Великое княжество Литовское.

После «потрясений русского царства самозванцами» Устрялов видел цель русских царей в благоустройстве государства, в духе древнейших уставов и самодержавия, получившее окончательное образование при Алексее Михайловиче и его сыне Федоре.

Новую историю Устрялов начинал с Петра Великого, который решил «все, о чем заботились, к чему стремились русские Цари». Он совершил «исполинский, беспримерный в истории подвиг, преобразовал и себя и свой народ, создав войско, флот, промышленность, торговлю, науки, художества, новую лучшую жизнь». Петр усвоил плоды европейской цивилизации, поставил «свое государство на такую ступень, что оно явилось внезапно исполином в кругу своих соседей». Российское царство было преобразовано в Российскую империю. Древний мир исчез «с большей частью своих уставов, законов, форм, нравов и обычаев». Но при всех изменениях, подчеркивал Устрялов, Россия сохранила два главных элемента — религию и самодержавие. Преемники продолжили дело Петра, завершила его Екатерина II. Она соединила почти все русские земли России, получила «перевес над соседними народами». «Одушевляемая отличительными свойствами народного характера, беспредельной преданностью Вере и Престолу» Россия выстояла среди всеобщего потрясения западных государств Французской революцией и избавила Европу от Наполеона.

Современный ему период Устрялов начинал с восшествия на престол императора Николая I. «Сейчас живее, чем когда-либо, — оценивал он свое время, — пробудилась мысль о необходимости органического устройства державы, особенно на началах народности и образования».

Таким образом, Устрялов с позиций «системы прагматической истории» представил русскую историю с древнейших времен до современного ему состояния и определил основные этапы развития государственности в России. Его периодизация отвергала широко распространенное в историографии деление истории на древнюю, среднюю и новую. Для него было главным проследить воплощение в конкретной жизни России идеи объединения русских земель в одно государство. В схеме Устрялова нет места средневековой истории. Он не считал это время переходным периодом, так как не видел ни в правлении Ивана III, ни его преемников появления никаких новых элементов, которые получили бы развитие в последующее время. С самого начала, подчеркивал он, русская история имела одно направление, один элемент в своем основании, одну идею — объединение русских земель в одно государство. Процесс этот един, неразделен вплоть до Петра Великого, который, изменив нравы, обычаи, уклад жизни, начертал новое будущее. Неприкосновенными остались только религия и самодержавие.

Петр I

Устрялов рассматривал, таким образом, Петровскую эпоху как переходную, а именно такие эпохи в его системе прагматической истории имели особое значение. Они определяли дальнейшее направление исторического процесса. Поэтому в своих исторических исследованиях ученый много внимания уделял личности Петра. Царь-преобразователь, «орудие перемен государственных», обладающий сильным характером, умом, «страстью», угадав потребности века, работал для России «с топором в руках», наперекор всему. Он «сражался со всеми сословиями, со всеми понятиями, предрассудками... боролся со всеми соседями, боролся с природой, с семейством, женою, сестрой, сыном, наконец, с самим собой». Петр преобразовал «полуазиатскую» жизнь россиян в европейскую. Для Устрялова важно было то, что Петр преодолел презрительное отношение ко всему иностранному, ненависть ко всему новому и при этом не нанес «вреда... основным началам народности». В этом утверждении он противостоял взглядам Карамзина на Петровские реформы.

Петр, как его понимал Устрялов, «смягчил нравы», хранил и усиливал «светлые» стороны предшествующей эпохи. Главными среди них были: государственно-политическое

устройство российской жизни, «согласное с духом народа» самодержавное правление, которое с уважением относилось к законам, «заботилось о благосостоянии каждого сословия». Русское самодержавие он представлял как идеальную форму правления. Другой «светлой» стороной старой русской жизни он считал церковь, хранившую веру («тихо и спокойно», «без фанатизма и людских расчетов»), и «самобытные начала русского общества». Петр I для Устрялова главный герой, «определитель будущего». «Мы пожинаем плоды: сеял Петр». Вникнуть в дела его, в мысли, понять состояние государства до и после него — в этом видел ученый задачу своих современников.

Значение трудов Устрялова

В «системе прагматической истории» Устрялова нашли отражение некоторые характерные для отечественной историографии 20-40-х гг. XIX в. идеи, в том числе: определение предмета исторической науки — история российского государства и гражданского быта; представление о ходе истории как непрерывном, поступательном процессе, обусловленном внутренними причинами; глубокое изучение источников. Устрялов предложил свою схему русской истории, привлек внимание к некоторым малоисследованным проблемам, дал новые определения отдельным явлениям и процессам. Впервые в отечественной историографии он рассмотрел вопрос о разделении Руси на восточную и западную, обратил внимание на историю Литовского княжества. Под новым углом зрения он представил удельную систему. Она, по его мнению, несмотря на Междоусобия, сохранила целостность государства, способствовала развитию торговли и промышленности и т.п. Устрялов представил историческое обозрение царствования Николая I.

Об Устрялове писали немного в XIX в., еще меньше в XX в. Советская историография рассматривала его историческую концепцию как историческое обоснование «теории официальной народности». Действительно основы российской истории он видел в самодержавии, православии, народности, и его работы могли быть использованы с политической целью. Однако это не умаляет научного значения его трудов. Историческая концепция Устрялова является результатом глубокого исследования истории России на основе таких принципов познания, которые в его время определяли направление развития исторической науки. Его исторические труды вписываются в контекст развития исторических знаний 20-40-х гг. XIX в. Они способствовали формированию у его современников представлений об истории России.

Литература

- Дурновцев В.И., Бачинин А.Н.* Прагматический бытописатель: Николай Герасимович Устрялов // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.
- Дурновцев В.И., Бачинин А.Н.* Разъяснить явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.
- Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин: Человек. История. Публицист. М., 1999.

3.3. Исторические взгляды славянофилов

Большое влияние на русскую историографию оказал славянофильский кружок 30-50-х гг. XIX в. Идеи, высказанные его представителями в журнальных статьях и салонных дискуссиях, воздействовали на самые различные направления русской исторической мысли — от консервативно-монархического до народнического.

Нередко говорят об «умозрительном» отношении славянофилов к истории, недостаточном якобы знании ее фактической стороны, поверхностности. Эти обвинения являются результатом недопонимания тех методологических принципов, которые лежали в основе их историко-социологических построений. Действительно, восприятие некоторыми представителями «московского направления» исторического процесса коренным образом отличалось от его трактовки позитивистской историографией. Цель славянофилов состояла

не в том, чтобы обработать максимально возможное количество фактов и выявить связи между ними (подобный подход к истории они считали слишком поверхностным), а в том, чтобы понять внутренний смысл исторического процесса. Весьма характерна в этом отношении мысль А.С. Хомякова, высказанная им в «Записках о всемирной истории»: «Все настоящее имеет свои корни в старине; даже самое неожиданное и странное явление, будучи хорошо исследовано, приводит нас или к своему зародышу, который есть не что иное, как плод прошедшего времени, или к своей прививке, или к явлению древнейшему, которое в нем поглотилось». Для Хомякова было характерно стремление выявить «корни», «зародыши», скрывающиеся в глубине истории, которые в славянофильской публицистике обычно обозначались термином «начала». Поиск «начал» того или иного явления был характерен не только для главы «московского направления», но и для других его ведущих идеологов: И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина.

Следует отметить, что далеко не всем славянофилам был присущ столь широкий философский подход к историческому материалу. Например, Д.А. Валуев и П.В. Киреевский получили широкую известность как собиратели русских древностей и фольклора, а И.Д. Беляев оставил после себя целый ряд крупных монографических работ, посвященных отдельным локальным проблемам русской истории. И все же именно «старшим славянофилам» принадлежит заслуга разработки оригинальной историософской концепции, в рамках которой развивались взгляды других представителей «московского кружка».

Исторические взгляды А.С. Хомякова

Алексей Степанович Хомяков (1804-1860) являлся общепризнанным главой «московского направления». Именно его взгляды на исторический процесс во многом определяли точку зрения других славянофилов. К сожалению, Хомяков не успел изложить свои воззрения на историю в развернутом виде. Его фундаментальный труд «Записки о всемирной истории» так и остался незавершенным. Что же касается журнальных статей, то в них лишь отдельные высказывания, посвященные мировой и отечественной истории. Тем не менее, даже по этим достаточно разрозненным отрывкам можно оценить оригинальность и самобытность системы взглядов славянофильского мыслителя.

Вещественный мир представлялся А.С. Хомякову лишь внешним выражением свободно творящего духа (Бога, абсолюта), а материальные факторы общественного развития — его внешними проявлениями. История воспринималась им как процесс постепенного проявления полноты духа в общественной жизни человечества. Развитие каждого народа выражало собой проявление той или иной стороны абсолюта. Соответственно, история народа представляла собой процесс проявления в его общественной жизни некой изначально присущей ему первичной идеи. Каждый народ, таким образом, обладал своей особой субстанцией, «началом» по славянофильской терминологии, которое постепенно проявлялось в ходе его исторического развития. «...Каждый народ, — писал Хомяков, — представляет такое же живое лицо, как и каждый человек, и... внутренняя его жизнь есть не что иное, как развитие какого-нибудь нравственного или умственного начала, осуществляемого обществом, такого начала, которое определяет судьбу государств, возвышая и укрепляя их присущею в нем истиною или убивая присущею в нем ложью». Как видим, в основе философии истории Хомякова лежал провиденциализм. Историческое развитие каждого народа предопределялось абсолютом. Однако предопределение это не носит фаталистического характера. В своем развитии народ в силу тех или иных причин может отклониться от него и не выполнить возложенной на него «миссии».

Понимание славянофилами, и в том числе Хомяковым, процесса исторического развития того или иного народа как постепенного проявления его «начала», субстанции имело два неоспоримых преимущества. Во-первых, подобный подход подразумевал стремление понять смысл истории народа. Во-вторых, заставлял обратить особое внимание на специфику народной жизни, ибо лишь через нее становилось познаваемым «начало», субстанция народа. То, что именно славянофилы первыми обратили серьезное внимание на

такое фундаментальное явление русской социальной действительности, как сельская община, безусловно, является результатом их специфического понимания процесса исторического развития как постепенного проявления народного «начала».

Всемирная история, по мысли Хомякова, являла собой арену борьбы двух основных «начал» бытия — свободы и необходимости. Воплощением «начала» свободы в древности являлись иранские, а необходимости — кушитские (эфиопские) племена. В истории других народов «иранское» и «кушитское» «начала» проявлялись в смешанном виде. Русский народ, по мысли Хомякова, развивался под влиянием «иранизма». Это и предопределило его стремление к духовным, нравственным Ценностям и пренебрежение к материальным интересам и формальной политической свободе.

Европейская цивилизация, в основе своей «иранская», по мысли Хомякова, постепенно выродилась под влиянием «кушитства» и в XVIII-XIX вв. вступила в полосу жесточайшего внутреннего кризиса. Проявления его славянофильский мыслитель видел в ничем не сдерживаемом «эгоизме личностей», поклонении «золотому тельцу», разрыве с традицией и безудержной революционности, угрожающей самим основам бытия западных обществ. Несмотря на то, что русская образованная элита, впитавшая со времен Петра I идеи европейского просвещения, была заражена тем же духовным недугом, что и весь западный мир, Хомяков надеялся, что России удастся избежать судьбы Европы. Славянофильский мыслитель стремился привлечь внимание общества к «народным началам», призванным стать основой развития России по самобытному, исконному пути.

«Началом народного бытия» Хомяков считал общинность. В отечественной и отчасти зарубежной исторической литературе уже давно утвердилась точка зрения, согласно которой приверженность славянофилов общинному началу считается признаком их консерватизма. По мнению исследователей, придерживающихся этой точки зрения, для представителей «московского направления» община имела значение в первую очередь как институт, играющий стабилизирующую, охранительную роль в общественной жизни России. Эта позиция представляется верной лишь отчасти. Историко-философская концепция Хомякова отводит общине гораздо большую роль в истории России, нежели простому охранительному институту, выполняющему функцию стабилизирующего социального фактора. Община воспринималась славянофильским мыслителем как социальное выражение сущности русского народного духа. То, что именно она привлекла к себе внимание Хомякова, естественным образом вытекало из его понимания исторического процесса. Его историософская концепция требовала для своего обоснования отыскания особой субстанции русского народа. И первое, что при этом неизбежно должно было бросаться в глаза, — это наличие в России крестьянского мира, явления социальной действительности, не имевшего аналогов в Западной Европе.

Что же, какое реальное смысловое содержание вкладывал славянофильский мыслитель в понятие «общинность»? Прежде всего, этическое. В своих работах он неоднократно отмечает, что община есть «...создание нравственной свободы русского народа», что «...единство, которое лежало искони в понятии славянской общины... заключается в понятии естественного и нравственного братства и внутренней правды». Вполне корректно, на наш взгляд, будет характеризовать содержание, которое Хомяков вкладывал в понятие «общинность» как «этический коллективизм».

Другой существенной чертой исторического развития России Хомяков считал отсутствие в ее истории завоевания. Эта особенность накладывала существенный отпечаток на историческое развитие России в сравнении с государствами Западной Европы. Там общество основывалось на насилии победителей над побежденными и было пронизано скрытой враждой между ними. Эта внутренняя вражда смягчалась временными договорами и из них постепенно возникла жизнь, основанная на условии, на контракте, возникло искусственное государство, жесткая иерархическая структура, на вершине которой находились завоеватели, а внизу завоеванные. В России государство развивалось естественным путем, его начало не было омрачено насилием и, следовательно, по мысли

Хомякова, в нем отсутствовал тот изначальный внутренний антагонизм, который был характерен для Запада.

Вот на такую социальную почву и легло православие, воспринятое Русью из Византии. Хомяков рассматривал явление христианства как откровение абсолюта, как окончательную истину и абсолютный идеал, воплощение которого на практике означало бы достижение человечеством высшей точки своего развития. Но «абсолютную истину» славянофильский мыслитель видел лишь в «первоначальном христианстве», учении, не искаженном человеческими страстями и пороками. Православие рассматривалось Хомяковым как единственное, восходящее к апостольской традиции каноническое учение. Католицизм и протестантство он считал ересями, возникшими в результате искажения «первоначального христианства» влиянием древнеримской цивилизации. Поскольку русский народ был единственным великим народом, оставшимся верным принципам «первоначального христианства», именно ему, по мысли Хомякова, предстояло воплотить в своей истории и общественной жизни христианский идеал. В противоположность Гегелю, который считал, что высшим Достижением всемирно-исторического развития является германское государство и, соответственно, народом, идущим во главе прогресса, является немецкий народ, Хомяков, выдвигал мысль о том, что вершиной прогресса человечества является не идеальное государство, а христианское общество, основанное на высших этических ценностях. Таким образом, носителем наиболее прогрессивной идеи исторического развития выступал, по мысли Хомякова, русский народ, а страной, призванной воплотить ее в жизнь, — Россия.

Ведущего славянофильского идеолога волновал вопрос о том, почему, несмотря на долгую историю, Россия так и не смогла достичь predeterminedенного ей абсолютом идеала христианского общества, почему «этический коллективизм», будучи началом народной и духовной жизни России, так и не стал основой ее общественного устройства. Этот вопрос являлся центральной темой спора между ним и И.В. Киреевским в 1852 г. В своей статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», опубликованной в первом номере «Московского сборника», Киреевский рисовал допетровскую Русь в радужных красках, как внутренне непротиворечивую, солидарную социальную общность, связанную лишь единством убеждений ее народа. Автор в своих рассуждениях, по сути дела, подменял реальную историческую Русь своим собственным идеалом. Термин «ретроспективный утопизм», не совсем справедливо данный П.Я. Чаадаевым славянофильству в целом, весьма верно характеризовал точку зрения И.В. Киреевского, Хомяков открыто выступал против чрезмерной идеализации Руси в своей работе «По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы...», которая должна была выйти во втором номере «Московского сборника». Сборник однако не состоялся по причине цензурных гонений, и статья Хомякова впервые увидела свет гораздо позже.

В восприятии Древней Руси Хомяковым мы находим гораздо больше реализма, чем у его соратника по славянофильскому кружку. Хомяков считал, что в ее общественной жизни еще до Петровских реформ существовало глубокое внутреннее противоречие. По мнению славянофильского мыслителя, с самого начала истории Руси в ней шла непрерывная борьба двух стремлений: стремления к государственному единству, чьим выразителем был князь, княжеская дружина и духовенство, и стремления к обособлению, выражаемое «областной земщиной», опирающейся на общину. Считая стремление к государственному единству более высоким по своему существу, Хомяков тем не менее питал явную симпатию к земскому началу, ибо дружина — главная сила, стремящаяся к единству страны, была оторвана от земской жизни и в значительной степени складывалась из инородных элементов.

После долгой и кровавой борьбы идея государственного единства восторжествовала, но внутреннее противоречие между дружиной и земщиной продолжало существовать уже в едином государстве. Хотя это противоречие не было, по мнению Хомякова, столь глубоким, как антагонизм завоевателей и завоеванных на Западе, славянофильский мыслитель признавал, что единство Древней Руси было единством насильственным. Противоречие

между двумя слоями общества усугублялось еще и тем, что влияние, оказываемое на них православием, было различно. В дружине оно развивало личные добродетели, в земщине — общежительные. Но ни земщиной, ни дружиной, по мнению Хомякова, православие не было понято по-настоящему.

Земщина первоначально приняла более его обрядовую, чем внутреннюю сущность. Дружина же находилась под влиянием Византии и для нее, по словам Хомякова, «...оставались доступными почти исключительно только те стороны всеобъемлющего просветительного начала, которые уже получили и проявление, и сознание в просветившей нас Византии».

Таким образом, делал вывод славянофильский мыслитель, «вследствие внутреннего разъединения общественного и отсутствия истинного познания о вере в большинстве народа, разум не мог уяснить, и Древняя Русь не могла осуществить своего высокого призвания и дать видимый образ мысли и чувству, положенным в основу ее духовной жизни», т.е. достичь социального идеала, предназначенного ей абсолютом.

Надежд на это Хомяков, однако, не терял и возлагал свои упования на развитие православием общежительных добродетелей в общине. Это развитие он считал «...прекрасной и новой стороной проявления жизни христианской в человечестве». Хомяков смотрел на общину как на маленькую и несовершенную модель соборного общества и достижение социального идеала связывал с усилением общинного начала в жизни страны.

И.В. Киреевский

Исторические воззрения Ивана Васильевича Киреевского (1806-1856) существенно отличались от аналогичных построений Хомякова. Киреевский не стремился к осмыслению процесса исторического развития во всемирном масштабе. Его видение русской истории вполне укладывалось в Рамки проблемы «Россия — Запад», которая интересовала его больше всего и являлась стержневой в его наиболее значимых работах. По мнению Киреевского, в основе западной цивилизации лежали три фактора: античная традиция, «мир древних варваров», разрушивших Римскую империю, и христианство. В жизнь России античное наследие вошло через посредство Византии, следствием чего и явились специфические особенности русской цивилизации.

Понимая процесс исторического развития через призму немецкой классической философии и в первую очередь шеллингианства, и Хомяков, и Киреевский в своих работах стремились к выявлению и обоснованию наличия «начала» русского народа. Киреевский, однако, определял его иначе, нежели его; соратник по славянофильскому кружку. По мнению Киреевского, «начало» народа было явлением, относящимся исключительно к его духовной сфере. Хомяков в оценке исторического развития русского народа исходил из идеи дуализма его субстанциальных начал: «начала народной жизни» (социальная традиция) и «начала духовной жизни» (духовная традиция), представленные, соответственно, общиной и православной церковью. Киреевский в отличие от Хомякова, практически не учитывал влияние социальных факторов на процесс исторического развития России, рассматривая их лишь в качестве производных развития русского просвещения, широко понимаемого им, как всей духовной сферы жизни народа. Особенности социальной организации России Киреевский считал следствием влияния православия. «...Только возникая из веры, и ей подчиняясь, и ею одушевляясь, может государство развиваться стройно и сильно...», — отмечал он в одном из своих писем.

Первое, что бросается в глаза при внимательном рассмотрении историко-социологических построений Киреевского, — это отсутствие у него четко сформулированного социального идеала, рассчитанного на реализацию в будущем. Его концепция носит ретроспективно-утопический характер. Хомяков своим идеалом видел общество, в котором социальные связи были бы всецело подчинены нравственным, христианским. Это должно было быть общество социального равенства. Собор, огромная община, в основе которой лежало множество маленьких общин. Мыслитель считал, что

достижение этой социально-христианской идиллии возможно лишь в далеком будущем. Киреевский же, наоборот, помещал ее в прошлом. По его мнению, христианское общество, в коем социальные связи были подчинены нравственным, уже существовало в Древней Руси. «Что касается до моего личного мнения, — пишет он в своей статье «О характере просвещения Европы...», что я думаю, что особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое Христианское учение получило в ней, во всем объеме ее общественного и частного быта».

Древнерусское общество виделось Киреевскому солидарной социальной общностью, согласием, лишенным внутренних противоречий. Что же, по его мнению, лежало в основе этого согласия? Он выделял два фактора: церковь и бытовое предание. При этом первому из них придавалось гораздо большее значение, нежели второму. Киреевский считал «русский быт», результатом христианского влияния, а общину рассматривал лишь как пассивный объект этого влияния, что вполне соответствовало его отношению к «просвещению» как единственному фактору, определяющему жизнь народа. Киреевский конечно знал, что крестьянский мир, малая община существовали на Руси задолго до введения христианства, но единение малых общин в «огромное согласие» Древней Руси он целиком относил на счет христианского влияния. Даже обычное право, являвшееся юридическим основанием общественного устройства Древней Руси, он считал результатом христианского влияния. «Бесчисленное множество маленьких миров, — отмечает он, — составлявших Россию, было все покрыто сетью церковей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение в обычай, который заменял закон, устраивая, по всему пространству земель подвластных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни».

Каким же образом христианство обеспечивало существование непротиворечивого социального организма Древней Руси? По мнению Киреевского, через формирование особого, цельного типа личности. Цельность сознания человека обуславливала его моральность. Моральная личность всегда была готова к жертвам во имя общего интереса. Подобная жертвенность была, по мысли Киреевского, свойственна всем членам древнерусского общества, что собственно и было причиной его крепости. В отличие от Хомякова, конструировавшего перспективный социальный идеал, концепция Киреевского являлась ретроспективной утопией, далекой от реальной действительности.

Хомяков достаточно решительно выступал против крайностей «ретроспективного утопизма» Киреевского, упрекая последнего в чрезмерной идеализации Древней Руси. Критикуя, в частности, тезис о воплощении в ее общественной жизни христианских начал во всей их «полноте и чистоте» Хомяков отмечал, что «...не было ни одного народа, ни одной земли, ни одного государства в мире, которому такую похвалу можно было бы приписать приблизительно... Нет, и как ни дорога мне родная Русь в ее славе современной и прошедшей, сказать его о ней я не могу и не смею».

Свои надежды на будущее возвращение России на свой самобытный путь Киреевский возлагал не на развитие общинного начала в жизни страны, а на духовное просвещение образованного слоя русского общества.

Теория «Земли и Государства» К.С. Аксакова

Константин Сергеевич Аксаков (1817-1860) был одним из «младших» членов славянофильского кружка. В его историко-социологической концепции оказались причудливо смешаны элементы взглядов старших славянофилов. У Хомякова он заимствовал трепетное отношение к крестьянской общине, у Киреевского — ретроспективный утопизм построений. В результате же К.С. Аксаковым была создана во многом совершенно оригинальная концепция русской истории, ставшая в конце концов своего рода «визитной карточкой» исторических воззрений славянофилов.

Особенности историко-социологической схемы Аксакова явственно выступают в сравнении со взглядами Хомякова. Алексей Степанович воспринимал историческое развитие России как процесс постепенного проявления «начала» народной жизни, заключающегося в сельской общине. Процесс проявления «народного начала» славянофильский мыслитель напрямую связывал с влиянием православия. В концепции Хомякова исторический процесс рассматривается как результат взаимодействия двух факторов: церкви как воплощения духовного начала и общины как воплощения начала народного. Содержание духовного и народного начал были одинаковы, но они различались по сферам и степени проявления. Церковь выступала одновременно как факт духовной жизни русского народа и как идеал, к воплощению которого в своей общественной жизни он стремится.

Аксаков в своих построениях не учитывал фактор церковного влияния. Если Хомяков рассматривал процесс исторического развития в двух плоскостях: духовной и социальной, «народной», то его единомышленник ограничивал свои построения только социальной сферой. Смешение Аксаковым в своей концепции социального и духовного (чего никогда не допускал Хомяков) обуславливало идеализацию им процесса исторического развития России. Христианская сущность русского народа проявлялась, по мнению славянофильского мыслителя, в особенностях его социальной организации. Отсюда идеализация традиционных социальных институтов допетровской Руси. В мировоззрении К.С. Аксакова община подменяет собой церковь.

Несмотря на свою «вторичность», концепция Аксакова имела достаточно большое влияние на развитие славянофильства. Он сумел взглянуть на проблематику, традиционно интересовавшую членов «московского направления», несколько под иным углом зрения, нежели его старшие единомышленники. Антитезу Россия — Запад, являющуюся стержневой в учении славянофилов, Аксаков поместил в плоскость общественных отношений. Конечно, приоритет и здесь принадлежал Хомякову и Киреевскому, гораздо раньше него заговорившим об «условности» западного общества. Однако Аксакову принадлежит заслуга оформления этих разрозненных высказываний в целостную концепцию. Каково же было ее содержание?

Аксаков противопоставлял друг другу внутреннюю правду — совесть, нравственное чувство человека и внешнюю правду — закон, юридическую норму. По мнению славянофильского мыслителя, именно совесть, нравственность являются основой общественных связей. Именно они — сила, обуславливающая само существование социума. Но он же отмечает, что этот идеал в реальной жизни не достижим и можно лишь стремиться к нему, бесконечно совершенствуя при этом общественные отношения. Для того чтобы сохранить единство, общество вынужденно прибегает к другой силе — к силе «внешнего закона». «Закон, — пишет Аксаков, — не требует искренности, не требует, чтобы поступок человека был согласен с его совестью; он требует, чтобы поступок был таков, а не другой, — и только; до внутренней правды, до души закону нет дела... Его цель — устроить такой совершенный порядок вещей, чтоб душа оказалась не нужна человеку, чтоб и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди, Дело бы делалось как следует, и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства. ... Внешний закон, внешняя правда в обширном и вместе определенном смысле, есть государственное устройство, государство одним словом».

Противопоставление Аксаковым «внутренней» и «внешней» правды приводит его к противопоставлению государственного устройства и общины, основанной на нравственных связях. Важно иметь в виду, что противопоставление «внутренней» и «внешней» правды носит абстрактный характер. «Внутренняя» и «внешняя» правда, имеют значение «принципов», «начал» общественного устройства. Аксаков нигде не говорит об их проявлении в «чистом виде». При анализе сущности конкретных социальных явлений он говорит лишь о возможности преобладания в них того или иного из этих «начал», о пути «внутренней», и о пути «внешней» правды. Второй путь выглядит более удобным и простым — «...внутренний строй переносится вовне, и духовная свобода донимается только как

устройство, порядок (наряд); основы, начала жизни понимаются как правила и предписания. Все формулируется». Вместе с тем он имеет «неисчислимы невыгоды», и главная из них состоит в том, что внешний, принудительный закон избавляет человека от необходимости внутренней нравственной деятельности. Перу Аксакова принадлежит замечательный афоризм, выражающий эту его мысль в концентрированной форме: «Цель Государства — сделать ненужною совесть». Именно по пути «внешней» правды, по пути государства двинулось «западное человечество». Издержки его не замедлили сказаться. Стремление к идеалу порядка, внешней стройности способствовали оскудению нравственного начала в западном человеке. «...Вера в Государство, во внешнюю правду, — отмечает Аксаков, — сильна повсюду на Западе, и повсюду там обеднел человек внутренний, человек свободный, человек собственно».

Совершенно иные начала лежали в основе исторического развития России. Русский народ, по мнению Аксакова, выбрал путь «внутренней» правды. Вот почему его социальная организация коренным образом отличалась от западноевропейской. «Под влиянием веры в нравственный подвиг, — отмечает славянофильский мыслитель, — возведенный на степень исторической задачи целого общества, образуется своеобразный быт, мирный и кроткий характер; и, конечно, если можем найти у кого-нибудь такой нравственный строй жизни (хотя бы и с набегающими диссонансами), то это у племен бытовых, по преимуществу у племен Славянских». Древнерусское общество было основано на более высоких нравственных началах, нежели общества европейские, и, следовательно, с точки зрения Аксакова, находилось на более высоком уровне общественного развития. Такое общественное устройство он называл «Землей».

Однако его «христианский анархизм» абсолютно не вязался с реальными фактами истории, свидетельствовавшими о большом значении, которое традиционно играло государство в России. И вот Аксаков выдвигает концепцию «союза Земли и государства в допетровской Руси». Путь «внутренней» правды, отмечал он, для русской «Земли» был труден. «Первая и главная помеха — бранные, неугомные соседи, которые налетали на славянские земли и покоряли их, возмущая, весь их быт... Земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, решается призвать на защиту Государство. Но надо заметить, Славяне не образуют из себя Государство, они призывают его; они не из себя избирают князя, а ищут его за морем; таким образом, они не смешивают Земли с Государством, прибегая к последнему как к необходимости для сохранения первой. Государство, политическое устройство — не сделалось целью их стремления, — ибо они отделяли себя, или Земскую жизнь, от Государства и для сохранения первой призвали последнее... Призвание было добровольное. Земля и Государство не смешались, а раздельно стали в союз друг с другом. В призвании добровольном означились уже отношения земли и государства — взаимная доверенность с обеих сторон. Не брань, не вражда, как это было у других народов, вследствие завоевания, а мир, вследствие добровольного призвания». Таким образом, в основании всей русской истории, по мнению Аксакова, лежали две силы: «Земля» и «Государство». Эти силы находились в дружественных, союзных отношениях. «Государство» охраняло «Землю» от внешних врагов, «Земля» же признавала «Государство» и, не смешиваясь с ним, жила своей жизнью, в основе которой лежала «внутренняя» правда.

Необходимо отметить, что, несмотря на признание Аксаковым значительной роли государства в истории России, его оценки этого института оставались весьма и весьма сдержанными. Признавая государство в допетровской России как объективный исторический факт, он субъективно явно с трудом примирял с ним свои утопические построения. Он, например, отмечал: Призывая государство как необходимое зло, смотря на него лишь как на постороннее средство, а не цель, не идеал своего народного бытия, славяне (в России) не обратили сами себя в государство, не из себя выстроили его устройство, а призвали государство из-за моря, со стороны, из чужбины, как явление чуждое». В статье «Несколько слов о русской истории, возбужденных историей г. Соловьева», также читаем: «Государство создано было славянами как необходимая крайность — и они признали его, не

смешивая его с общиной...» Это признание государства «необходимым злом», «необходимой крайностью» весьма наглядно характеризует его восприятие Аксаковым в контексте русской истории и лишней раз оттеняет систему приоритетов его историко-социологической концепции.

Антитеза «внутренней» и «внешней» правды, как «пути России» и «пути Запада» в общественной жизни, появилась также в контексте «отталкивания» мыслителя от гегельянства. Сама идея о том, что Запад избрал в своем развитии путь «Государства», что на Западе государство — «принцип», цель, безусловно, является результатом влияния на Аксакова гегелевского понимания исторического процесса как процесса развития государственных форм. Естественно, что в качестве сугубо рационального, лишённого нравственного основания института (а именно так понимал его Гегель), государство воспринималось им, как безусловное зло. Общество, основанное на «внутренней» правде, Аксаков мыслил именно в качестве противовеса этому злу.

Естественным образом возникает вопрос: на что опирался в своих построениях Аксаков? Лежали ли в основе его концепции какие-либо факты, или она являлась лишь плодом его воображения? Безусловно, доктрина Аксакова строилась не на пустом месте. Она опиралась и на осмысление социальных реалий России XIX в., и на исторические изыскания славянофильского мыслителя. Аксаков первым из славянофилов взглянул на социальную организацию Древней Руси с позиций историка-исследователя. И Киреевский, и Хомяков раньше него обратили внимание на общину как на традиционный социальный институт, игравший большую роль в общественной жизни Древней Руси, но именно Аксаков подтвердил своими историческими изысканиями правомерность оценок своих старших единомышленников. Поводом для их обнародования послужила полемика славянофилов с С.М. Соловьевым по вопросу о «родовом быте» Древней Руси. В своей работе «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», опубликованной в «Московском сборнике» (1852), и последующих статьях Аксаков, опираясь на целый ряд исторических источников, убедительно опроверг «родовую теорию» Соловьева. «Мы привели достаточно примеров, — писал он в своем исследовании «О древнем быте у славян...», — доказывающих, что в Древней Руси было общественное, именно общинное устройство — общинный быт. Здесь нет и места родовому быту». «Из исследований наших выводим заключение — русская земля есть изначально наименее патриархальная, наиболее семейная и наиболее общественная (именно общинная) земля». Исторические исследования Аксакова, таким образом ясно показывают ту огромную роль, которую в Древней Руси играло общинно-вечевое устройство, и тем самым доказывают правомерность рассмотрения проблемы «земли», как одной из важнейших составляющих русского исторического процесса.

Необходимо отметить, что исторические изыскания Аксакова получили высокую оценку многих видных представителей русской интеллигенции середины XIX в. Даже некоторые западники, несмотря на свои «партийные» пристрастия, положительно отозвались о его статье «О древнем быте у славян...». Т.Н. Грановский, например, признавал ее «чрезвычайно дельною» и говорил, что в ее свете «...ошибки Соловьева и Кавелина очевидны». И.С. Тургенев, прочитав вышеупомянутую статью Аксакова, писал ему 16 января 1853 г.: «Насколько я могу судить в этих вещах, согласен с вами на счет родового быта. Мне всегда казался этот родовой быт — так как его представляет Соловьев и Кавелин, — чем-то искусственным, систематическим, чем-то напоминавшим мне наши давно прошедшие гимнастические упражнения на поприще философии... Я русскую историю знаю, как только может знать ее человек, не изучавший источников; суждение мое о ней вытекает более из сочувствия к тому, что теперь делается в русской жизни; стоит хорошенько присмотреться к современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность Соловьевского родового быта».

Правомерность выводов Аксакова признали во второй половине XIX в. и многие русские ученые-историки, среди них Костомаров, Беляев, Щапов и ряд других. В настоящее

время точка зрения славянофильского идеолога на роль общины и вече в Древней Руси принята исторической наукой. Современные исследователи раннего периода русской истории вполне определенно утверждают, что в основе социальной организации славянских племен лежала территориальная община, значительно отличавшаяся, в первую очередь отсутствием иерархии, от кровнородственной (патриархальной) общины, господствовавшей в то время на Западе Европы. Городское и сельское общинно-вечевое самоуправление имело большое значение и в эпоху Киевской Руси. Его не смогло уничтожить и татаро-монгольское иго. Оно время от времени выступает как значимый политический фактор и в период «Московской Руси». Таким образом, данные современной исторической науки вполне подтверждают многие выводы, сделанные Аксаковым.

Историко-социологическая концепция Ю.Ф. Самарина

Ю.Ф. Самарин (1819-1876), так же как и Аксаков, принадлежал к числу «младших» славянофилов. Тем не менее, его авторитет в философских и исторических вопросах признавался всеми, в том числе и «старшими» членами кружка. Исторические взгляды Самарина, развивавшиеся в целом в русле славянофильских построений, носили на себе печать оригинальности и самобытности.

Историю Западной Европы славянофильский мыслитель рассматривает через призму гегелевской диалектики, как непрерывную борьбу субстанциальных «начал» двух племен: римского и германского. Эти национальные «начала», сначала выражавшиеся непосредственно в их жизни, затем прошедшие через сознание, наконец возвысились до общих начал, принципов. Таким образом, существовавшая первоначально борьба наций сменилась борьбой принципов. Идеей германского племени изначально была идея личности. Римская субстанция, по мнению Самарина, выразилась в начале отвлеченно-общего. Средневековая Европа возникла как результат наложения субстанции германского племени на римскую «почву». Первоначально именно влияние римского наследия определяло развитие европейской жизни. Его влияние, по мысли Самарина, сказалось прежде всего, на западном христианстве, принявшем форму католичества, т.е. жесткой иерархической структуры, объединенной внешней связью папского авторитета. Римская и германская субстанции, механически наложившись друг на друга, так и не смогли составить органического единства. Вечные противоречия породили борьбу «начал». «Они беспрестанно притягивались и беспрестанно сталкивались, — отмечает Самарин. — Тайна органической жизни, полноты и примирения элемента общего и элемента личного, единства во множестве и множества в единстве была им недоступна, была над ними». В Средние века господствовало римское начало. Однако в новейшую эпоху все более активно начал проявлять себя германский элемент. Всю Новейшую историю Запада Самарин определял как «реакцию начала личности против начала отвлеченно-общего». «Отрицание объективной религии и объективного государства, реформация и французская революция, вот две великие катастрофы, к которым примыкают все явления новейшей истории», — писал он.

Между тем Европа, по мысли Самарина, стремится к органическому синтезу своих основных начал. Данный тезис вполне естественно вытекал из гегельянства, служившего его методологическим основанием. Как известно, основой панлогической системы Гегеля являлась диалектическая цепочка: тезис, антитезис, синтез. Любое явление при таком подходе представлялось в виде противоречия, стремящегося к внутреннему примирению, синтезу. Говоря о борьбе германского и римского начал в истории Европы и о стремлении к их примирению, Самарин строго следовал логике гегелевской системы. О том, что Европа стремится к синтезу, к примирению своих начал, свидетельствовало появление социалистических учений, конечной целью которых было снятие противоречия между общим и индивидуальным интересами. Самарин весьма скептически относился к этим учениям, отмечая, что в пронизанной антагонизмом общественной жизни Запада отсутствуют условия для реализации на практике заложенных в них идей. Воплощение же идеи органического синтеза в общественной жизни Самарин находил в России. По его

мнению, идеалом, к которому стремились западные народы, зачастую неясно это, осознавая, были православное христианство и крестьянская община.

Христианство, по мысли Самарина, — «религия братства». «Личность разъединяет людей, общее совокупляет, — писал он. — Потому в церкви и перед церковью все равны. Равенство, на языке церкви, братство, должно быть отношением членов церкви между собою. Понятая таким образом, церковь является живым, органическим целым». Славянофильский идеолог выражает убеждение в том, что христианские принципы будут со временем воплощены в социальной сфере. «До сих пор, — отмечал он, — влияние христианства ограничивается непосредственным действием на частные лица и социальное влияние христианства впереди. Мы еще не видим общества, основанного на христианских началах. Между тем оно возможно и необходимо. Его требует современность.

Стоит понять, что все то, что проповедует Христианская религия как нравственные обязанности, общество может перевести в права. Она проповедует богатому уделять от своего имущества бедному, притом не ради случайного, личного расположения к бедному, потому что такого расположения могло бы и не быть, а имени Божьего ради; следовательно, потому что так быть должно; но то, что составляет обязанности богатого, есть право бедного. Всякий человек должен иметь собственность. Это его право. Следовательно, собственность должна быть общей. И много других вопросов социальных разрешается тем же образом».

Основой нового общества, построенного на юридическом воплощении в жизни христианских начал, должна была стать, по мнению Самарина, русская сельская община. «В быту общинном, — писал он, — развитом на идее любви, равенства и братства, частные лица совокупаются в целое вследствие живого сознания их родового человеческого единства».

В социализме и коммунизме — учениях пролетариата — Европа выразила потребность в новой, органической жизни. Потребность осознана, но кто может удовлетворить ее? «Какое племя удостоится осуществить грядущее, кому выпадет завидный жребий ввести человечество в давно обетованную землю? Запад не знает России и имеет право не знать ее. Но мы, воспитанные Западом, мы, так дорого заплатившие за наше приобщение к его образованности, мы знаем Запад, мы признаем его прошедшее и вместе с тем мы чувствуем в нашей России полноту нетронутых свежих сил... Мы ждем призыва, мы верим, что будущность огромная, блистательная нам суждена, и никто в свете не отнимет у нас этой веры».

Россия как воплощение славянского племени даст ответ на осознанную Западом потребность, на поставленную цель. Сама субстанция нового племени есть ответ на вопрос, поставленный старыми племенами Европы. «Сохрани нас Бог, — подчеркивал Самарин, — пророчить ему (западному миру) разложение и смерть. Нет, новое откровение будет для всех... Конечно, это только вера. Но всякая деятельность, всякий труд в настоящем уславливается только мыслью о будущем, а будущее доступно одной вере».

Период определенных иллюзий в отношении западного социализма продолжался у Самарина недолго. Конец ему был положен европейскими революциями 1848-1849 гг. Социальный взрыв, к которому славянофилы отнеслись однозначно негативно, был в значительной мере спровоцирован организациями социалистического толка. Эта «революционная агрессивность» западных социалистов подействовала отталкивающе и на Самарина. С этого времени меняется его оценка социалистических учений. Уже в своем письме А.С. Хомякову, отправленном в августе 1849 г., он отмечал: «...Между гегелевской философией и коммунизмом Франции существует самая тесная, самая законная связь, но доселе не определенная. Немцы, признававшие ее, видели в коммунизме вывод самой философии, ее требование, тогда как он есть вывод жизни, требование человеческой природы, перевоспитанной или, может, изуродованной Гегелем. Все разумное — действительно; разумным же признается не то бытие, в котором человек убеждается внутренним или внешним инстинктом или в котором разум не находит противоречия, а только то признается разумным, что самую мысль выведено из нее самой, что ею создано. Итак, знание мысли о себе самой есть верховное проявление истины, упраздняющее все

предшествовавшее». Как видим, на оценку Самариним социализма оказал влияние и его критицизм в отношении к гегелевской философии, который все более и более возрастал на протяжении второй половины 40-х гг. XIX в. И тем не менее, несмотря на изменение отношения Самарина к Гегелю и к социализму, его социальной доктрине, в основе которой лежала мысль о том, что вопросы, поставленные на Западе, будут решены в России, продолжала сохраняться.

Подводя итог рассмотрению историко-социологических воззрений Самарина необходимо отметить следующее. Его взгляды складывались под непосредственным влиянием идей западноевропейского утопического социализма. Для Самарина было характерно их критическое осмысление, которое приводило его к выводу о наличии в России предпосылок для решения в будущем социального вопроса, поставленного Западом и об отсутствии таковых предпосылок в жизни самого Запада. Свои надежды мыслитель возлагал на православие и крестьянскую общину. В отличие от Аксакова, видевшего в крестьянской общине идеал общественного устройства, Самарин скорее склонялся к точке зрения Хомякова, считавшего «мир» лишь носителем идеальных «начал», но никак не результатом их проявления.

Сравнивая взгляды Аксакова и Самарина с построениями «старших» членов славянофильского кружка 40-50-х гг. XIX в., невозможно не отметить ряд существенных различий между ними. «Младшие» соратники Хомякова и Киреевского уделяли большее внимание собственно социальной проблематике, нежели их наставники. Это внимание и интерес явственно прослеживаются в их теоретических разработках и в сугубо конкретных предложениях, которые делались ими в период подготовки крестьянской реформы в России. Явно большее влияние на воззрения Аксакова и Самарина оказали западноевропейские социальные учения. Характеристика их как социальных мыслителей славянофильства, закрепившаяся в историографии, в целом представляется правильной. При этом необходимо отметить, что историко-социологические построения Аксакова и Самарина опирались на «фундамент», заложенный Хомяковым и Киреевским. Подход к процессу исторического развития с позиций этики и вытекающее из него признание примата социального целого, неприятие индивидуализма и эгоизма, — все эти положения, лежащие в основе социальной философии славянофильства, были выработаны его «отцами-основателями». Необходимо отметить при этом, что мировоззрение Аксакова и Самарина развивалось в русле построений Хомякова. Во всяком случае, принцип «этического коллективизма» являлся стержневым в их социально-философских построениях.

Историки славянофилы

Славянофилы не только теоретизировали в вопросах истории. Широкие историко-философские построения Хомякова, Аксакова и других ведущих теоретиков славянофильского кружка опирались на обширный фактический материал, кропотливо собранный их единомышленниками по «московскому направлению». Некоторые из них весьма деятельно занимались поиском российских древностей и собиранием фольклорных памятников.

Собрание памятников русского народного творчества Петра Васильевича Киреевского (1808-1856) — собирателя русских народных песен и сказаний до сих пор остается ценнейшим источником по истории культуры и быта русского народа.

Ценнейший «Сборник исторических и статистических сведений о России» выпустил в 1845 г. молодой славянофил Д.А. Валуев (1820-1845). Преждевременная смерть этого талантливого и трудолюбивого человека нанесла сильнейший удар по планам исторических изысканий, намеченным славянофилами.

Самым крупным профессиональным историком в славянофильском кружке был И.Д. Беляев (1810-1873). Вместе с К.С. Аксаковым он принял участие в споре о сельской общине со сторонниками «теории родового быта» и помог отстоять точку зрения славянофилов в этом вопросе. И.Д. Беляев был автором первой в российской историографии книги по

истории крестьянства. В 1860 г. он опубликовал капитальный труд, «Крестьяне на Руси». Историк отмечал, что еще в XVI в. крестьяне были свободными людьми, полноправными членами русского общества. Государство прикрепило крестьян к земле, стремясь изыскать дополнительные материальные средства. Это решение Беляев считал неудачным. В XVII в. крестьяне еще сохраняли некоторые личные права и права собственности. Правда, уже в это время землевладельцы начинают продавать крестьян без земли и переводить их в дворовые, и в результате крестьяне оказались недалеко «от того, чтобы сравняться с рабами». Но целиком порабощение крестьян, слияние их с холопами осуществил Петр I. Положив холопов в подушный оклад, Петр, по мнению Беляева, хотел поднять их до уровня крестьян. На деле же крестьяне опустились до уровня холопов. Историк с осуждением относился к крепостному праву и был решительным сторонником его отмены.

Подводя итоги рассмотрению исторических концепций славянофилов, необходимо отметить значительные расхождения взглядов внутри кружка. Вместе с тем основные положения славянофильской доктрины: скептическое отношение к историческим перспективам европейской цивилизации, неприятие индивидуализма и культа стяжательства, вера в великую будущность русского народа и приверженность православию как единственно истинному направлению христианства — разделялись всеми представителями «московского направления».

Влияние славянофильства на русскую историографию было значительным и разносторонним. Их идеи органично вписались в концепции целого ряда крупных дореволюционных ученых, таких, как А.П. Щапов, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Н. Лешков и др. Более того, отголоски славянофильских идей мы можем обнаружить и в работах современных отечественных историков. Вот почему обзор российской историографической традиции будет неполон без учета особенностей исторических концепций славянофилов.

Литература

Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995.

Бенедиктов Н.А., Пушкин С.М., Шапошников Л.Е., Шаталин Е.Н. Философия истории в России. XIX век. Нижний Новгород, 1994.

Благова Т.И. Родоначальники славянофильства: Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995.

Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998.

Назарова Т.А. Общественно-политические взгляды Ю.Ф. Самарина. М., 1998.

Самарин Ю. Ф. Избр. произв. М., 1996.

Хомяков А.С. Соч. М., 1994. Т. 1-2.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986.

Лекция 2

3.4. Становление и развитие государственной школы

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевский характеризовал середину 40-х гг. XIX в. как время, когда «мы встречаем строго ученый взгляд новой исторической школы, главными представителями которой были гг. Соловьев и Кавелин: тут в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни».

В 1844 г. К.Д. Кавелин защитил диссертацию «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от Уложения до Учреждения в губерниях». В 1846 г. С.М. Соловьев сформулировал основные положения своей концепции истории России в докторской диссертации «История отношений между князьями Рюрикова дома», а в 1851 г. вышел первый том его «Истории России с древнейших времен». В 1853 г. завершил работу над диссертацией «Областные учреждения в России в XVII веке» Б.Н.

Чичерин. Именно с этими именами связывают новое направление в нашей исторической науке, за которым утвердилось название «государственная школа».

При всех особенностях восприятия и осмысления каждым из них исторического процесса их объединяла система взглядов на отечественную историю. Они проявляли интерес к философии истории Гегеля, его диалектическому методу, их привлекали в той или иной степени идеи позитивизма. В трудах ученых получила обоснование необходимость теоретического осмысления прошлого, и они сделали попытку соединить историческую теорию с конкретно-историческим материалом, сформулировали концепцию исторического развития российской государственности, ее институтов и правовых норм. Государство рассматривалось ими как субъект и двигатель исторического прогресса. Признание ведущей роли государства нашло отражение в теории «закрепощения и раскрепощения сословий», характеристике государства как органа внесословного и внеклассового. Гражданская история стала основным предметом русской историографии. Ученые государственной школы рассматривали историю как науку самопознания. Они были солидарны в утверждении способности русского народа к развитию и принадлежности его «к семье народов европейских». Русский исторический процесс при всех его особенностях — исторических, физических и нравственных — следовал общим с Западной Европой законам и «началам жизни».

И Кавелин, и Чичерин, и Соловьев критически относились к николаевскому режиму, признавали необходимость реформ и были единодушны в методах их проведения.

Индивидуальность каждого ученого проявлялась как в восприятии и трансформации идей эпохи, использовании тех или иных методов исследования, так и в определении содержания и хронологических рамок отдельных периодов русской истории, отношении к отдельным событиям и явлениям.

Кавелин пытался представить историю России как «живое целое», проникнутое одним духом, одними началами. Заслуга Соловьева в использовании богатейшего фактического материала и создании цельной, органической концепции русской истории, истории формирования и развития государства. Чичерин посвятил свое научное творчество изучению правовых норм и юридических учреждений.

Ко второму поколению представителей государственной школы современная историография относит В.И. Сергеевича, автора работ о роли земских соборов, удельно-вечевой Руси XIV в. и др. Основные подходы к изучению русской истории Чичерина разделял А.Д. Градовский, известный своими работами в области истории и теории права Древней Руси и европейских стран. Отмечают близость к государственной школе Ф.И. Леонтовича, изучавшего законодательство о крестьянах XV-XVI вв., историков русского государственного права И.Е. Андреевского, А.В. Романовича-Славятинского и др. Главным предметом исследования этих ученых были правовые и юридические институты, законодательство российского государства. Они, в отличие от своих предшественников, практически не касались истории России в целом. Их труды рассматривают в рамках эволюции государственной школы.

Некоторые аспекты концепции истории России, сформулированные учеными государственной школы, получили свое развитие и в трудах многих историков конца XIX — начала XX в. Сегодня наши современники снова обращаются к ним.

К.Д. Кавелин (1818-1885)

В отечественной историографии имя Константина Дмитриевича Кавелина историка-юриста, общественного деятеля, педагога связывают со становлением государственной школы.

Он происходил из старинного, но не богатого дворянского рода. Получил домашнее воспитание. Для подготовки к поступлению в Московский университет к нему был приглашен в качестве учителя В.Г. Белинский, который, как писал Кавелин в своих воспоминаниях, учил плохо, но «благотворно действовал на меня возбуждением умственной

деятельности, умственных интересов, уважения и любви к знанию и нравственным принципам». Впоследствии Кавелин был участником кружка Белинского, и дружба их не прерывалась до смерти последнего.

Время учения Кавелина в университете (1835-1839 гг.) совпало с активным участием университета в общественной и культурной жизни страны. Он окончил юридический факультет первым кандидатом права. В 1844 г. Кавелин защитил магистерскую диссертацию «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях» и был оставлен в должности адъюнкта на кафедре истории русского законодательства. В 1848 г. он оставил университет из-за конфликта с профессором римского права Н.И. Крыловым.

Почти десять лет Кавелин служил в Министерстве внутренних дел и канцелярии Комитета министров. В 1857 г. он возвратился к преподавательской деятельности в качестве профессора гражданского права в Петербургском университете, но через несколько лет вынужден был уйти в отставку вместе с другими профессорами в связи со студенческими волнениями. Позднее он некоторое время преподавал в Новороссийском университете (Одесса), в Военно-юридической академии.

Кавелин — ученик профессора философии П. Г. Редькина, Н.И. Крылова, историка М.П. Погодина, друг А.И. Герцена и Т.Н. Грановского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. Как и многие его современники, он увлекался философией Гегеля, в последние десятилетия своей жизни отдавал предпочтение научному позитивному знанию. Он оказался в центре споров славянофилов и западников о путях развития России. Себя Кавелин определял как сторонника европеизации России, отстаивал необходимость ее реформирования, стал одним из лидеров русского либерализма. Убежденный в необходимости сильной самодержавной власти, он тем не менее поддерживал борьбу с деспотизмом николаевской эпохи, требование отмены крепостного права. Он много работал над проектами крестьянской реформы и перестройки государственных учреждений. Кавелин глубоко верил в высокую нравственность русского народа и величие его судьбы.

Теория исторического процесса

В статьях о русской истории «Взгляд на юридический быт древней России», «Краткий взгляд на русскую историю», «Мысли и заметки о русской истории» и др. Кавелин неоднократно обращался к историческому знанию предшествующих эпох. Он выделял несколько этапов в развитии этого знания, определяемых формой «народного самосознания». Первоначально история привлекала как «любопытная сказка о старине», затем история стала «поучением» и «справкой», превратилась в «архив старых политических и государственных дел». Наконец, наступает время «глубоких раздумий». Но, приходил к выводу Кавелин, до сих пор «наше народное самосознание еще не установилось». Взгляд на русскую историю, оценки исторических событий оказываются «детским лепетом незрелой и нетвердой мысли». Время диктует необходимость понять «смысл и значение нашего исторического существования», сделать историческую науку «источником и зеркалом народного самосознания».

Решить эту задачу Кавелин считает возможным лишь при условии выработки теории, которая бы представила историю как «живое целое», как развивающийся организм, проникнутый «одним духом, одним началом». Теоретическое осмысление прошлого, неоднократно обращал внимание ученый, должно основываться на анализе источников. Они создают фундамент исследования и позволяют подойти к изучаемому предмету не абстрактно, а исторически. Однако даже изучение всех исторических фактов в их хронологической последовательности ничего не прибавит к имеющемуся знанию. Основываясь на фактах, историческая наука должна выступить в форме теории.

Работы Кавелина, как правило, имеют теоретический характер, но, вспоминая слушавший его лекции Б.Н. Чичерин, в основание своего курса он «полагал изучение источников, не внося в них никакой предвзятой мысли. Он брал факты, как они

представлялись его живому и впечатлительному уму, и излагал их в непрерывной последовательности... не ограничиваясь общими очерками, а постепенно следя за памятниками, указывая на них и уча студентов ими пользоваться».

История для Кавелина — это открытие «народного духа», характера и наклонностей, достоинств и недостатков человека, представление его в определенном бытии. В этом высшем значении история воспитывает, развивает и укрепляет «народный дух», оказывает нравственное действие, является не только повестью о прошлом, но и дает понимание настоящего, предвидение будущего.

Основные положения своей теории исторического процесса Кавелин определил в следующих положениях: целостность и единство исторического процесса, постепенное изменение вследствие внутренних причин, взаимосвязь всех явлений и процессов. На основе этого он попытался создать теорию истории общества и русского народа, проникнутую одним духом, одними началами. Явления истории понимались как различные выражения этих начал, «необходимо связанных между собой, необходимо вытекающих одно из другого».

Содержание исторической жизни народов имеет два основных элемента — формирование общественного организма и развитие личности. Развитие их имеет определенные черты и направление, заложенные в них от рождения. Они изменяются, но не сразу, а постепенно под влиянием внутренних и внешних обстоятельств и случайностей. Следовательно, делал вывод Кавелин, ключ к пониманию русской истории «в нас самих, в нашем внутреннем быте», в начальных формах образования.

История России, писал он, являет с половины IX до XVIII в. изменение форм государственного быта, суть которых в постепенном упадке родственных отношений и развитии государственных, а также развитии личности. Особое значение он придает становлению государственных отношений как основы всей жизни русского народа. «Вся русская история, как древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, в особенном, нам одним свойственном значении этого слова». В государстве сосредоточились все силы и соки народной жизни.

Показу развития российской государственности, ее юридического и гражданского быта России подчинено все творчество Кавелина.

Становление государства в России

Основы государственности — сформулировал он свое основное положение в статье «Взгляд на юридический быт древней Руси» — лежат в первоначальном быту и обстоятельствах, в которых он развивался, т.е. в кровном, родственном быте «русских славян». В этом быту лежали и зачатки его будущего разложения. Увеличение количества семей, усиление их самостоятельности, сосредоточение на собственных интересах ослабляли родовые отношения, власть старшего в роде, вели к междоусобиям. Призванные для прекращения раздоров варяги не нарушили в целом ход русской истории. Их попытки, длившиеся около двух веков, внедрить гражданские начала не увенчались успехами. Ярослав — «князь чисто русский», как называл его Кавелин, первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить политическое единство на родовом начале. Оно вступает в противоречие с семейными интересами. Последние торжествуют, и князь превращается в вотчинника. Русь распадается на несколько независимых территорий. Наступает период уделов.

Московское княжество, продолжал Кавелин, — переходная эпоха в русской политической жизни. Оно являлось важным шагом в развитии внутреннего быта. Московские князья начали упрочивать свою власть как великих князей, поставили себя выше семьи, отказались от кровного союза во имя идеи государства. Удельная система была разрушена, появилось понятие государства, начала формироваться новая политическая система, законодательство, судопроизводство, появилось понятие государственной службы.

Представляя эволюцию вотчинных отношений в государственные, Кавелин первостепенное внимание обращает на внутренние процессы — постепенное, естественное распадение родовых отношений, вступление «на сцену действия» личности. «Смешно утверждать», писал он, что Московское государство было создано татарами. Стремление к объединению появилось гораздо раньше и проявлялось постоянно под различными формами. Однако татаро-монголы выдвинули на первый план в своих отношениях с русскими князьями личные качества последних, а не родственные связи и тем способствовали («не подозревая об этом») разрушению родовых отношений и воссозданию политического единства, проявлению личности. Этим и воспользовались «даровитые, умные, смышленные князья Московские».

Московское государство, по представлениям Кавелина, подготовило почву для новой жизни. Начало ее — правление Ивана IV, окончание — Петр Великий. Он видел сходство в стремлении и направлении их деятельности. Оба, считал Кавелин, осознавали идею государства и были «благороднейшими ее представителями». Естественно, что время и условия наложили отпечаток на их деятельность.

В реформах Ивана IV для Кавелина было главным то, что они укрепляли государство, уничтожая власть областных правителей. Тем же задачам отвечало введение опричнины, создание служилого дворянства, принятие Судебника. На место кровного начала царь поставил в государственном управлении начало «личного достоинства». Таким образом обозначился второй главный элемент общественной жизни — личность. Но Кавелин считал, что реформы «не удались», так как в самом обществе не хватало еще «элементов лучшего порядка вещей». Однако главное, идея государства, уже глубоко проникла в жизнь. Об этом, по мнению ученого, говорили события Смутного времени: «Россия сама встала на свою защиту во имя Веры и Москвы, тогдашнего государственного нашего отечества». Новая династия продолжила на время прерванную борьбу царя с отжившими остатками догосударственной России. Завершила процесс образования государства во всех его проявлениях эпоха Петра I.

Такова теория русской истории, предложенная Кавелиным. Суть ее состояла в смене родовых отношений вотчинными и последних государственными, т.е. переход от естественных природных объединений к сознательному — государству. Процесс перехода есть отражение и претворение в жизнь идеи государства, изначально присущей русским.

Факт образования государства для Кавелина является наиважнейшим моментом русской истории. Это результат, с одной стороны, естественного, закономерного хода развития общества, с другой — воплощения основной идеи исторической жизни русского народа, проявления его духовной силы. Он неоднократно подчеркивал, что только великорусский элемент, единственный между славянскими племенами сумел основать прочное государство.

Внутренний строй российского общества к XVII в. (вплоть до Петра I) был определен, считал Кавелин, первоначальными отношениями, сложившимися в великорусском племени — дом, двор, состоящий из главы семьи и домочадцев. Появившийся затем княжеский двор повторял прежнюю структуру отношений: князь — глава семьи, члены которой и дружина являются его слугами. То же и в основании политической власти Московского государства. Только пределы больше и развитие выше. Царь — безусловный господин и наследственный владделец земли. Масса народа — его холопы и сироты. Он защитник народа. Это его долг и обязанность. В свою очередь каждый член общества также обязан нести службу в пользу государства. С XVII в. устанавливается всеобщее крепостное право, где отправлять определенную повинность должен был каждый «до смерти и наследственно». Отсюда Кавелин делал вывод о надклассовости государства.

Крепостное право

Таким образом, Кавелин пришел к выводу, что в основе общественного построения лежал древний, великорусский быт, в том числе и крепостное право возникло из домашней

власти и развивалось по ее образцу. Оно не было ни строго юридическим, ни экономическим явлением. В народных нравах и убеждениях крепостное право поддерживалось не насилием, а сознанием. Крепостные не считали себя рабами, «ни предметом промышленной эксплуатации, а несовершеннолетними, неразумными, темными людьми, которых надо учить, наставлять». В Древней Руси крепостное право было властью, иногда жесткой и суровой, вследствие грубости тогдашних нравов, но не правом собственности на человека. К XIX в. оно начало выражаться в возмутительной эксплуатации. Людей стали обращать в рабов, и это поставило вопрос о его отмене.

Кавелин не считал закрепощение крестьян единичным актом, он видел в его установлении общую политику. Закрепошались не только крестьяне, а постепенно все группы населения. К земле, ведомству, учреждению были приписаны дворяне, купцы, мастеровые и т.д. Крепостное право, Кавелин неоднократно возвращался к этому вопросу, было основанием всей общественной жизни и прямо, по его мнению, вытекало из внутреннего быта великорусского дома и двора.

С середины XVIII в. началась постепенная отмена крепостных начал и дарование гражданских прав русскому народу. Совершался этот процесс, как и все движение в России, сверху вниз, от высших слоев общества к низшим. Получили гражданские права дворянство, духовенство и купечество, потом разнородные слои среднего общества, затем казенные крестьяне и, наконец, помещики. По мере распространения гражданских прав на все состояния и звания создавалась сословная организация, появилось общинное земское устройство. Таким образом формировался новый общественный быт, совершался переход «от несовершеннолетия к возмужалости».

Самодержавие

Суть политической системы России — это сильная централизованная власть, самодержавие. В основе его лежал тот же патриархальный быт — полная власть родоначальника в своем роде. Андрея Боголюбского Кавелин считал таким же самодержцем, как и Всеволода Большое Гнездо, как московских князей и царей. При Петре Великом царская власть приобрела новое значение, но именно Петр выразил начала старинной власти гораздо резче, определеннее и сознательнее, чем его предшественники (исключая Ивана IV). Петр был не только царь, он был двигателем и орудием преобразования российского общества. Своей личной жизнью он придал самодержавию новый характер и в этом смысле, определил весь последующий ход нашей истории, внес навеки в наш государственный устав мысль о том, что прежде всего власть «есть труд, подвиг, служба России». Он укрепил царскую власть, поднял ее и придал ей высокое нравственное и «народное значение». В этом Кавелин видел величайшую заслугу Петра.

Личность

Вместе с развитием внутреннего быта и государства Кавелин рассматривал и другой, по его мнению, важнейший элемент жизни народа — личностное начало. «Я беру личность, — писал он, — в самом простом, обиходном смысле, как ясное сознание своего общественного положения и призвания, своих внешних прав и внешних обязанностей, как разумное постановление ближайших практических целей и такое же разумное и настойчивое их преследование». Если быт определяет содержание общественного развития, то «двигает» его личность. Уровень ее развития соответствующим образом сказывается на самом обществе. Он с сожалением констатировал, что русская история началась с совершенного отсутствия личностного начала. Но, утверждал Кавелин, «если мы народ европейский и способны к развитию, то у нас должно было обнаружиться стремление к индивидуальности, высвободиться из-под давящего его гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немислим человеческий быт».

Переход от естественного союза людей к сознательному их образованию делал неизбежным развитие личности. Первое проявление мысли о достоинстве человека и

человеческой личности Кавелин связывал с принятием христианства, которое признало нравственное и умственное развитие человека целью жизни всех народов. Следовательно, истоки появления личности на Руси надо относить ко времени крещения. Однако ни родственный быт, ни вотчинные отношения не позволяли личности проявить себя. Первые зачатки ее проявления относятся только ко времени Московского государства. Но быт его, в частности всеобщее закрепощение, делал невозможным какие-либо действия индивидуальности. Поэтому пробуждение личного начала к нравственному и духовному развитию, полагал Кавелин, началось только в начале XVIII в. под влиянием внешних обстоятельств и только в высших слоях.

Петр — «первая свободная великорусская личность со всеми характеристическими чертами: практичность, смелость, широта... и со всеми недостатками». Частная жизнь его, государственная деятельность есть «первая фаза осуществления личности в истории». В его лице она отрешалась от «непосредственно природных, исключительно национальных определений», победила их и подчинила себе. Отсюда и оценка Кавелиным Петровской эпохи в целом и самого преобразователя, который, действуя во всех отношениях в связи с потребностями и возможностями своего времени, поставил развитие начала личной свободы как требование, которое должно быть осуществлено в действительности. Эту задачу русское общество решало в XVIII и первой половине XIX в. Таким образом, Кавелин представляет Петра как великого государя, творца новой России, ее политического могущества и «устроителя внутреннего быта».

Россия и Западная Европа

Уяснив для себя смысл русской истории, Кавелин определил и свой взгляд на отношение России к мировой истории, в его понимании истории Западной Европы. В основе решения вопроса лежит представление ученого о единстве исторического процесса, однако «предполагающее различия в качественной своей основе». Свое воплощение оно находит в единстве цели всех народов, определенной христианством. Цель эта состоит в утверждении достоинства человека и всестороннем его развитии, в первую очередь духовном. Но пути достижения этих целей различны, как разнообразна сама природа и исторические условия жизни народов. Пути определяются конкретными обстоятельствами: их внутренним первоначальным бытом, географическими условиями, культурным влиянием других народов и т.п. Кавелин не ведет речь о сравнении. Оно затруднено и иногда даже невозможно, так как история каждого народа имеет свои качественные характеристики и находится на разных ступенях развития. Сравнение событий и процессов, происходящих в Европе и на Руси, может показать только их «совершенную противоположность». Поэтому Кавелин сосредоточил внимание на качественных характеристиках тех факторов, под влиянием которых происходило развитие русского народа. В первую очередь, как говорилось выше, речь шла о внутреннем быте. Кавелин, подобно другим ученым, указывал на такую особенность россиян, как принятие христианской веры восточного вероисповедания. Православие не только способствовало выработке национального самосознания, но и стало «выражением нашего государственного единства». Вера и церковь на Руси получили характер государственного и политического учреждения.

Другую особенность Кавелин видел в постоянном расселении великороссов, колонизации ими северных земель, начало которой он относил к XI-XII вв. За 700 лет были освоены огромные пространства и создано государство.

Кроме этого, отличительной чертой русской истории было то, что Россия не подверглась влиянию завоевателей. Она также не имела в своем распоряжении наследия культурных, просвещенных народов. «Мы осуждены были жить своим умом», — делал вывод Кавелин.

Однако все это не способствовало быстрому достижению общей цели — развитию личности, выработке норм гражданской жизни. Чрезвычайная замедленность этого процесса являлась особенностью русской истории, и в конечном итоге перед россиянами и народами

Западной Европы встали разные задачи. Вторым предстояло развивать личность, а первым — создать. Этот вывод раскрывал содержание положения Кавелина «о совершенной противоположности истории России истории западных государств». В то же время утверждение личностного начала в эпоху Петра I позволило ему сделать вывод о том, что Россия, «исчерпав все свои исключительно национальные элементы, вошла в жизнь общечеловеческую». Подтверждая свой тезис, что ключ к русской истории находится в ней самой, Кавелин предостерегал от необдуманного перенесения каких-либо западноевропейских образцов жизни на русскую почву. «Принимая из Европы, без критической проверки выводы, сделанные ею для себя из своей жизни, наблюдений и опытов, мы воображаем, будто имеем перед собой чистую, беспримесную научную истину, всеобщую, объективную и неизменную, и тем парализуем собственную деятельность в самом корне, прежде чем она успела начаться. Еще недавно мы точно также относились к европейским учреждениям и нравам, пока, наконец, опытом не убедились, что обычаи и учреждения всегда и везде носят на себе отпечаток страны, где они образовались, и живые следы ее истории».

С этих позиций рассматривая реформы Петра, Кавелин отверг обвинения в его адрес о якобы насильственном разрыве истории России на две несхожие половины. Петр решал вопросы, поставленные в Древней Руси, и потому реформы его, считал ученый, не отделили старую Русь от новой «беспроходимую бездною». Он также опровергал упреки в адрес Петра о приверженности его Западу, о нарушении нравов и обычаев русских людей, лишения их «народности». В народность связывается народ, разъяснял Кавелин, находящийся в «природном состоянии», внешними физическими формами его существования. Поэтому перемена этих форм для него означает утрату «народности», под другой внешностью он себя не узнает. Когда народ начинает жить духовной жизнью, то народность (национальность) проявляется в «особой народной физиономии, как нечто неуловимое, неопределенное, чисто духовное». В первом смысле «народность» начала изменяться особенно в высших классах, еще до Петра, в Московском государстве. Во втором — «мы никогда не теряли своей народности, не переставали быть русскими и славянами». «Мы всегда будем мы, и никогда они, кто-нибудь другие». Ни Петр, ни Екатерина II, писал он, даже в самый разгар вторжения иностранных элементов в Россию не жертвовали русскими интересами и вполне самостоятельно представляли русское государство. При этом Кавелин не отрицал, что петровские преобразования происходили под влиянием европейским. Но, еще раз подчеркивал он, «мы оевропеились, оставаясь русскими по-прежнему, ибо, когда человек и народ что, то берет, заимствует у другого, он не перестает быть тем, чем был прежде». Все начала, заимствованные у иностранцев и пересаженные на русскую почву, изменили свой характер.

Итог развития России Кавелин видит в создании гражданского общества, выработке почвы для нравственного развития свободной личности. Внимание и интересы государства должны быть сосредоточены на умственных и общественных силах. Россия — явление «новое в истории», государство с самобытным путем развития, но в рамках всемирной цивилизации. Начинается новый период, что он принесет России, и что она внесет в сокровищницу всемирной истории, покажет будущее, заключал он.

Теория исторического процесса, сформулированная Кавелиным, представляет стройную картину развития русской общественной жизни, проникнутую единым началом. В основании ее лежала идея саморазвития и определяющего влияния на судьбу народа его внутреннего быта и личности. Содержание русской истории Кавелин представлял как переход от родовых отношений к вотчинным (семейным) и государственным (личностным). Таким образом, государство являлось результатом исторического развития, высшей формой общественного образования, при которой создаются условия для духовного и нравственного развития всего общества.

В построении своей теории Кавелин опирался на достижения современной ему западноевропейской философии истории и традиции отечественной исторической мысли. В

основе ее лежали идеи о развитии как необходимом последовательном переходе от одной стадии развития к другой, более высокой, об обусловленности исторического процесса в первую очередь внутренними источниками. Он утверждал мысль органичности, плавности развития, постепенном возрастании нового в старом и отрицании последних первыми.

Кавелин утвердил в отечественной историографии представление об исторической науке как науке самопознания, как необходимом условии духовного развития общества. Первейшей ее задачей он поставил изучение истории государства, его правовых норм и институтов. Впервые он попытался решить вопрос о роли личности, индивидууме как субъекте, основе развития общества, обратился к определению понятий «народность», «национальность».

Кавелин выступал как сторонник более тесной связи с Западной Европой, однако заявлял, что «каждый мыслящий человек, принимающий к сердцу интересы своей Родины, не может не чувствовать себя наполовину славянофилом, наполовину западником».

Эти и другие положения, в том числе характеристики отдельных явлений и событий русской истории, положили основания новому направлению в отечественной историографии — государственной школе.

Б.Н. Чичерин (1828-1904)

Борис Николаевич Чичерин — теоретик государственной школы, известный общественный деятель, публицист. Он происходил из старинного дворянского рода, получил хорошее домашнее образование. В 1849 г. окончил юридический факультет Московского университета. Большое влияние на становление его мировоззрения и исторические взгляды оказали Т.Н. Грановский, И.Д. Кавелин. В студенческие годы он познакомился с А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым, много читал по истории: Ф. Шлессера, Б.Г. Нибура, Г. Эверса, С.М. Соловьева. Он основательно изучил гегелевскую философию и увлекся «новым мирозерцанием», раскрывшим ему «в удивительной гармонии верховные начала бытия». Знакомство с памятниками старины приучило «рыться в источниках и видеть в них первое основание серьезного изучения науки», писал в своих воспоминаниях Чичерин.

В 1853 г. Чичерин представил к защите магистерскую диссертацию «Областные учреждения в России в XVII веке». Несмотря на высокую оценку коллег, в том числе Грановского, она не была принята к защите на юридическом факультете Московского университета. Декан факультета отклонил ее, заявив, что в ней «древняя администрация России представлена в слишком непривлекательном виде». Защита состоялась только в 1857 г.

В 1858 г. Чичерин уехал за границу. Там он познакомился с социально-экономическими и политическими идеями западноевропейской общественной мысли и науки. В 1861 г. он был избран профессором Московского университета и приступил к чтению лекций на кафедре государственного права. Чичерин увлекся политикой и стал лидером либерального движения в России. «Либерализм! — писал он в 1855 г. — Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России». Его программа выдвигала требования свободы совести, общественного мнения, свободы книгопечатания, преподавания, публичности всех правительственных действий, гласности судопроизводства. Одним из величайших зол, которым страдала Россия, он полагал крепостное право. Несмотря на увлечение либеральными идеями, Чичерин связывал возможность их достижения с «отдаленным будущим» и предпочитал «честное самодержавие несостоятельному представительству».

В 1866 г. Чичерин ушел из университета в знак протеста против нарушения принятого в 1863 г. университетского устава, самого либерального в истории России, и в связи с «неблаговидной» деятельностью Ученого совета. С этого момента он сосредоточил свое внимание на научной работе. В конце 70-х гг. Чичерин возвратился к политической деятельности, в начале 80-х гг. был избран Московским городским головою. Однако его либеральные настроения вызвали недовольство правительства, и он вынужден был подать в

отставку. Чичерин продолжил свою научную работу, сделав ее главным занятием жизни. В 1893 г. его избрали почетным членом Петербургской Академии наук. Сочетание научной и общественно-политической деятельности было характерной чертой жизни и творчества Чичерина. Современность и история шли у него рядом. «Только изучение прошедшего, — писал он, — дает нам ключ к уразумению настоящего, а вместе и возможность прозревать будущее».

Круг научных интересов Чичерина широк. Главное место в его творчестве занимали труды по отечественной истории. Особое внимание он уделял вопросам происхождения и развития государства, истории правовых и общественных институтов, взаимоотношениям государства и общества, власти и закона. Они получили освещение в его диссертации, в работах «Обзор исторического развития сельской общины в России», «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», «Холопы и крестьяне в России до XVI в.», «О народном представительстве» и др. Чичерин был одним из первых ученых России, обратившимся к теоретическим проблемам социологии и политики, что нашло отражение в его работах 80-90-х гг.: «Собственность и государство», «Курс государственной науки», «Философия права».

Методология истории

В осмыслении исторического процесса ученый опирался на идеи философии истории Гегеля. История человечества есть для него история развития «духа», реализуемого в частных стремлениях отдельного человека и в общих нормах общественной жизни. Реальный исторический процесс Чичерин представлял как смену общественных союзов, постепенно возводящих человеческое общество к установлению «нравственно-юридически целого», примиряющего все области духа, — государству. Формы общественных союзов отражали соотношение на том или ином этапе общего начала и личностного. Он выделял три ступени в развитии общества. Первая — патриархальный быт. В основе его кровное родство. Люди связаны общим происхождением. При развитии личности кровные связи постепенно теряют свое значение, и общественное образование разрушается.

Вторая ступень — гражданское общество (Средние века). Оно основывается на началах свободы личности и частного права. С этой точки зрения люди смотрели на все общественные явления. Общественные связи опирались на вотчинное право землевладельца, либо свободный договор, либо личное порабощение одного лица другим. Но «личность во всей ее случайности, свободе, во всей ее необузданности» привела «к господству силы, неравенству, междоусобиям, анархии, которая подрывала самое существование союза». Это сделало необходимым установление нового порядка — высшей формы общественного союза — государства. Оно «сводит к единству, стремящиеся врозь элементы, укрощает борьбу, ставит каждого на свое место... и таким образом водворяет внутренний мир и порядок». «Только в государстве может развиваться и разумная свобода, и нравственная личность». Такова, делал вывод Чичерин, диалектика развития общественных элементов.

Эти представления о развитии человеческого общества являлись для Чичерина основой рассмотрения и истории России как одного из проявлений общей истории. Ей присущи все основные элементы, из которых складывается общество, она проходит те же стадии развития. Однако в России они имеют свои особенности, являющиеся следствием условий, в которых совершается ее история.

Во-первых, Чичерин обратил внимание на специфику природно-географических условий: безграничные степные пространства, отсутствие естественных преград, однообразие природы, малочисленность населения, рассеянность его по равнине. Под влиянием этих условий сформировался характер народа. Достаточно благоприятные условия жизни не вызывали «деятельность и напряжение умственных и физических сил», не способствовали развитию «различных сторон человеческого духа», «начал науки, промышленности, изящных нравов». Расплываясь в пространстве, русский народ был лишен

«внутреннего средоточия», не имел своего центра, что лишало его возможности на собственной основе достичь государственного единства».

Во-вторых, восточные славяне не имели такого источника развития правовых и гражданских институтов, как Западная Европа в лице Рима. Они были оторваны от древнего образованного общества. Однако русский народ, при всех своих особенностях, принадлежит, утверждал Чичерин, к семье народов европейских. Он способен к развитию, и при всей «скудности ее содержания он развивался параллельно с ним, по одним и тем же началам жизни». Различия в истории западных народов и России проявлялись в путях и формах перехода с одной ступени на другую.

Патриархальный быт был поколеблен в результате нашествия внешних сил, призвания варягов. Варяжская дружина разрушила кровные связи и постепенно установила новый порядок. Пассивный характер восточных славян и слабое развитие личного начала не могли способствовать соединению племен в союз, основанный на собственных силах и собственной деятельности. Они не могли выработать из себя «богатого исторического содержания», значительных связей и, вырвавшись из под влияния естественных сил, «предались безграничному разгулу», началось «бессмысленное брожение» народных элементов. Ослабление родовых связей выдвинуло на первый план имущественный интерес. Каждый князь стремился к умножению своей власти и богатств. Это привело к распадению Руси на мелкие княжества. Установилась удельная система.

Государство

Государства и на Западе, и в России появились одновременно, при переходе от Средних веков к Новому времени. Но в России, отмечал ученый, этот процесс имел свои особенности, вызванные остротой противоречий, присущих гражданскому обществу, кочевым характером быта народа, раздробленностью всех элементов. Большую роль в образовании государства Чичерин отводил внешнему фактору, татаро-монгольскому игу, которое приучило народ к покорности и тем «способствовало установлению единой, централизованной власти». В результате государство образовалось «сверху, действиями правительства, а не самостоятельными усилиями граждан».

Чичерин выделял три процесса в образовании государства на Руси: приведение в статическое состояние народа, собрание земли и сосредоточение власти в руках князя. Эти процессы он прослеживал по договорным и духовным грамотам великих и удельных князей. Первыми осели князья и их дружины, затем они покорили и другие кочующие элементы. Много усилий приложили к этому московские князья. Иван IV должен был «вооружиться всею яростью грозного венценосца, Борис Годунов должен был употребить весь разум хитрого политика, чтоб обуздать разгул кочевой жизни». Смута явилась последним проявлением вольницы бояр, казаков, холопов, крестьян». Но «нашествие иноплемеников» вызвало негодование народа. Он «выгнал поляков и выбрал себе царя», предоставив ему свою дальнейшую судьбу.

Длительным был процесс собирания земель и изменения отношений между князьями, приведший в конечном итоге к образованию единовластия и государственного порядка. Чичерин неоднократно подчеркивал, что нигде и никогда новый порядок не является в жизни целиком, он постепенно пробивается сквозь старые нормы жизни. В Древней Руси наследование киевского престола происходило по старшинству — брат после брата. Со временем понятие старшинства разрушалось, то же происходило и с понятием об общей родовой собственности. Преобладающее значение получала собственность каждого члена рода. Земля как собственность князя делилась на основании частного права. Каждый князь стремился к увеличению своих владений за счет земель других князей. Отсюда столкновения между ними. Затем пришло понятие, что сохранить могущество можно, лишь усилив одного наследника за счет другого. Получивший силу стал покорять слабейших. Этим путем начали собираться раздробленные земли и создаваться «единое тело», с единым главою, сделавшимся единодержавцем. Так, при Василии Васильевиче старший сын получил больше

владений. Это явилось практическим воплощением стремления перевести территориальное значение великокняжеских достоинств в значение личное, династическое.

При Иване III эти стремления усилились. Он впервые отдал Москву во владение старшему сыну. Но пока, отмечал Чичерин, наследование Московского княжества оставалось личной волей завещателя, т.е. наследование происходило по праву завещания, а не по закону. Отношения между князьями устанавливались на основании договора между частными лицами, т.е. оставались гражданскими. Окончательное торжество государственных отношений определено было в духовной Ивана IV. Он благословил старшего сына своим царством, прекратил раздел земель, записал обязанности князей и, наконец, заявил о совершенном уничтожении всякой самостоятельности удельных князей. Они стали подданными царя. Царство русское стало единой неразделенной землей, в которой частный порядок наследования уже не имел места.

Государственная власть в лице государя, олицетворявшая общественное начало, взяла на себя дело соединения разрозненных сил общества, объединило разобщенные общественные элементы в сословия и местные союзы, подчинила их государственному порядку. Сделано это было не путем определения их прав, а путем наложения на них обязанностей, государственного тягла. «Все равно должны были всю жизнь служить государству... Каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди — посадские и крестьяне — отправлением разных служб, податей и повинностей, крестьяне служили своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству». Это было «не укрепление одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности, это было государственное тягло, положенное на всякого, что бы он ни был». Такие отношения окончательно оформились при Петре I. Поэтому ни одно сословие не составляло «единого государственного тела».

По мере укрепления государственной власти появилась возможность освободить сословия от наложенного на них гнета. Этот процесс начался, по мнению Чичерина, во второй половине XVIII в. В его время пришла очередь освободить крестьян. Эти выводы ученого получили название «теории закрепощения и раскрепощения сословия».

Община

Государственная власть, полагал он, не только являлась создателем сословий в России и их корпоративных организаций, но и современной ему сельской общины. В статьях «Обзор исторического развития сельской общины», «Еще раз о сельской общине (ответ г. Беляеву)» Чичерин обращал внимание на то, что сельская община «развивалась по тем же началам, по каким развивался и весь общественный и государственный быт России». Поэтому для выяснения состояния страны в современную ему эпоху Чичерин считал необходимым вникнуть в основы гражданского быта, исследовать ее происхождение и коренные начала, т.е. изучить ее исторически. На первоначальном этапе общественного устройства у восточных славян, так же как и у других народов, существовала община патриархальная или родовая. Под влиянием развития гражданского общества родовая община разрушилась. Вторжение владельческих элементов и общая подвижность народонаселения привела к установлению общины владельческой — «союз людей свободно селившихся на землях владельцев и соединенных временно общими к нему обязанностями». Община имела значение чисто финансовое, административное. Она ограничивалась сбором податей и отправлением повинностей в пользу земледельца.

Появление государственных начал в XV в. в корне изменило общину. Был создан «союз людей, связанных общими постоянными обязанностями государству», — община государственная. Устройство ее вытекало из «сословных обязанностей, наложенных на землевладельца... и преимущественно из укрепления их к местам жительства, из разложения податей на душу». Таким образом, заключал Чичерин, современная община — плод государственной деятельности, когда «государственные начала проникают до самых низких слоев общественной жизни». Свой современный вид община получила в конце XVIII в.

Из потребностей государства в России возникло и земское представительство. Оно наложено было действиями сверху, механически, а не выросло органически, как плод внутреннего развития общества. Чичерин одним из первых в отечественной историографии рассмотрел развитие земского представительства в связи с общим ходом исторического движения России. Его работы высоко ценил и продолжил изучение проблемы В.О. Ключевский. Обращаясь к современному состоянию этих органов, Чичерин считал, что земские соборы исчезли, причем «не вследствие сословной розни и опасения монархов, а просто вследствие внутреннего ничтожества».

Роль государства в русской истории

Соединяя население в прочные союзы, заставляя его служить общественным интересам, государство, полагал Чичерин, тем самым формировало и сам «народ». Только в государстве «неопределенная народность, которая выражается преимущественно в языке, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом». При этом и народ, и государство имеют каждый свое назначение, свою «надлежащую самостоятельность». Народ «живет и действует, рождая из себя разнообразные стремления, потребности, интересы». Он составляет основу государства. Оно же, в свою очередь, «устанавливает в обществе... согласие, побуждает народ к тому, что необходимо для блага совокупного целого». Государство есть «глава и распорядитель». Оно оценивает заслуги, оказанные личностью обществу, возвышает внутреннее достоинство человека. В нем человек становится деятельным общественным фактором и может достигнуть полного развития своих интересов. Личность имеет возможность проявить себя. Государственная власть соединяет общие воли и частные устремления, в нем достигаются условия для развития разумной свободы, нравственной личности.

Все это и определило в концепции Чичерина особую роль государства в русской жизни. Образование его — есть «поворотная точка в русской истории. Отсюда она неудержимым потоком, в стройном развитии является до нашего времени». На вершине его — сильная самодержавная власть, гарантия государственного единства. Оно направляет общественные силы, ведет «народ за руку и народ слепо повиновался своему путеводителю». Нет такого народа, считал Чичерин, у которого «правительство было бы сильнее, чем у нас».

Этапы развития государства

В развитии государства он выделял два эта. Первый — централизация всей общественной жизни, сосредоточение всей власти в руках государя. Народный элемент более и более отходит на задний план. Правительственная деятельность в наше время, писал Чичерин, достигает «нетерпимой крайности», «управление пустило свои ветви по всем областям, а централизация увенчала все здание и сделала его покорным орудием единой воли... Правительство сделалось всеобъемлющим, господствующим всюду, а народ все более бледнел и исчезал перед ним». Следствием этого стало всеобщее «растление государственного организма»: развитие чиновничества, бюрократии, удаление способных людей, «умножение письменности, которая стала на место настоящего дела», распространение официальной лжи, взяточничества. Россия достигла критического момента в исторической жизни. Наступает время перелома, возникла необходимость освободить из-под государственной опеки все общественные элементы и прежде всего, освободить и допустить к самостоятельной деятельности «народный элемент». Это положит начало второму этапу — либерализации, вплоть до достижения «всеобщего единения» всех общественных и государственных сил. «Нам нужна свобода!» — писал Чичерин, выражая свою политическую позицию.

Таким образом, в построении исторической концепции Чичерин исходил из понимания исторического процесса как единого, как истории всемирной, в основании которой лежат единые цели и общие законы. Отсюда следовало признание им принципиального единства русской и западноевропейской истории. «Россия страна

европейская, — утверждал он, — которая не вырабатывает невиданных миру начал, а развивается, как и другие, под влиянием сил, владычествующих в новом человечестве». В соответствии с основными социологическими законами она прошла путь от родового строя, к свободе личности в гражданском обществе и к государству.

Он так же признавал, что «если у каждого европейского народа при общих жизненных условиях есть свои особенности, то тем более имеет их Россия». Один народ может развивать преимущественно одну форму быта, другой — другую. Один может иметь более богатое содержание, другой бедное. Один прошел несколько ступеней, другой остановился на одной и не был в силах достигнуть высшего развития.

Выявляя законы развития, Чичерин полагал одним из них постепенность происходящих в истории процессов, в частности складывание государства. Проследивая постепенный характер образования государственности, он исходил из того, что каждая новая ступень является следствием предыдущего развития. С появлением гражданского общества кровные связи не исчезают полностью, а входят в него как один из составляющих элементов. Государство, в свою очередь, не уничтожает все элементы гражданского общества. Люди остаются со своими частными интересами, со своими нравами и отношениями родственными, имущественными, договорными, наследственными.

Чичерин подчеркивал сложность исторического процесса. Направления более или менее изменяются, встречаются отклонения в сторону, но «характер движения один», и основу его составляют личные и общественные интересы. Противоречия, возникающие между ними, являются побудительной причиной изменений в общественном организме.

В целом, придерживаясь в своих подходах к изучению и осмыслению прошлого идей гегелевской философии истории, Чичерин вместе с тем отмечал и некоторые уязвимые ее черты. Эта философия, писал он, достигла высших пределов умознания, охватывая весь мир и все явления. Она подвела их под свою точку зрения, нанизывая факты на «нить ложных выводов», определенных человеческим разумом. Общую схему налагают на факты, насильно подводя их под логические формулы. Порочность этого пути выявляется при углублении в действительность, при соприкосновении с реальным миром. Историческая же наука должна основываться на добросовестном изучении фактов. «Чтобы показать значение и место известного явления, нужно изучить его вполне путем опыта, анализировать отдельно каждую сторону его, показать связь явлений». Таким образом, для Чичерина наиважнейшим принципом исследования является наблюдение и опыт, всестороннее изучение фактов. «Основательно изучать факты и выводить из них точные заключения — такова была историческая метода» в определении Чичерина. Постепенный переход от частного к общему, от явления к законам и началам им присущим, именно это, считал он, придает науке точность и достоверность. Научное знание — знание разума. Оно ничего не принимает на веру, все подвергает строгой критике разума. Цель его — выработка непреложных начал истины. Такое понимание задач исследования и отношение к изучаемому сближает принципы его познания с позитивистским пониманием содержания науки.

История есть изображение духа, «излагающего свои определения по присущим ему законам разума». Все разнообразие событий «слагается в живую картину, в которой каждая особенность становится органическим членом совокупного целого». Наука должна стоять на твердой почве. Но, признавал Чичерин, постоянные колебания общественной мысли приводят к тому, что меняются и научные точки зрения.

Итак, основные положения исторической концепции Чичерина включают: признание государства высшей формой общественного развития и его определяющей роли в русской истории. Особенностью исторического развития России является образование государства сверху, его крайняя централизация, решающая роль правительства в организации общественной жизни, что нашло свое отражение в закреплении сословий, создании сельской общины, формировании русского народа. Определив в качестве основного предмета исторической науки изучение правовых и общественных институтов, он впервые в отечественной историографии попытался раскрыть содержание «гражданской истории» и

представил собственные результаты ее исследования. Как и некоторые его современники и предшественники, Чичерин обратил внимание на развитие личного начала в русской истории, соотношение личного и общественного, их противоречия, которые особенно в догосударственный период являлись двигателями исторического процесса.

Таким образом, вслед за Кавелиным, Чичерин дал теоретическое обоснование и представил конкретную разработку ряда проблем, составляющих содержание исторической концепции государственной школы.

Литература

Искра Л.М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж, 1995.

Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуре. М., 1989.

Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М., 1997.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.

Цамутали А.Н. Вся русская история есть по преимуществу государственная: Константин Дмитриевич Кавелин, Борис Николаевич Чичерин // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.

3.5. С.М. Соловьёв, «История России с древнейших времен»

Сергей Михайлович Соловьёв — признанный классик. Его имя хорошо знают не только историки. Из всего многообразного, многожанрового наследия, оставленного потомкам, наибольшей известностью пользуется 29-томная «История России с древнейших времен». Ее написание стало смыслом жизни и творческим подвигом историка. Начиная с 1851 г. и вплоть до конца жизни Соловьёв ежегодно публиковал очередной том своего понимания исторического развития Отечества. Выход в свет первого тома стал научным и общественным событием, вызвал массу откликов, не всегда благожелательных. Проблемы, поднятые в спорах вокруг труда Соловьёва, оставались предметом изучения и обсуждения на протяжении десятилетий и тем содействовали разработке основополагающих явлений отечественной государственности. Хорошо знавший Соловьёва В.И. Герье писал: «С.М. Соловьёв вообще не любил борьбы, полемики с ложными тенденциями в науке и общественной жизни. Poleмика нарушала правильное течение его научных занятий, которое сделалось для него нравственной потребностью». Однако на первые концептуально неприемлемые отзывы оппонентов Соловьёв ответил. В дальнейшем он действительно отказался от участия в полемике. Его ответом были выходящие в свет очередные тома «Истории России...».

Соловьёв заявил о себе во всеуслышание в середине XIX в. Принципиальное свидетельство о положении в исторической науке тех лет оставил К.Н. Бестужев-Рюмин: «...никем не замененный Карамзин утратил, быть может, слишком рано все свое воспитательное значение». С.М. Соловьёв, высоко оценивая значение Карамзина в историографии, был убежден, что свою роль в науке тот уже сыграл.

В этой связи принципиальным является ответ на вопрос: чем являлся для молодого историка основной труд предшественника «История государства Российского»? Сам С.М. Соловьёв описал отношение к Карамзину таким образом: «Первый писатель эпохи, творец нового литературного языка Карамзин посвятил свою деятельность отечественной истории, и все, что мог сделать сильный талант для внешней живописи событий, все было сделано Карамзиным; мечта Ломоносова сбылась: русская история нашла своего Ливия. Что касается до основного взгляда историографа, то Карамзин был представителем екатерининского века, в который окончательно сложились его воззрения: недовольство эпохой преобразования, недовольство внешним заимствованием форм западноевропейской гражданственности, требование внутреннего нравственного совершенствования, перерождения, требование души, чувства, чувствительности...». Соловьёв называл «Историю государства Российского»

«величайшей поэмой», воспевающей славянское государство. Он подчеркивал, что у Карамзина вполне отразилось сознание того, что «из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не только не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира».

Однако Соловьев литературной составляющей труда Карамзина предпочел собственное научное смысловое наполнение русской истории и объяснение смысла событий и закономерностей в развитии русской государственности. Поэтическому настроению Карамзина Соловьев противопоставил прозу истории. Если у Карамзина, по мнению Соловьева, на первом месте была живопись, а на втором источник, то Соловьев поменял их местами сознательно. Соловьев считал, что литературной истории государства российского пришло время уступить место истории научной. Таким образом, он сознательно и с полной ответственностью взял на себя ношу написания новой «Истории России», которая с его точки зрения отвечала бы требованиям современной науки. И здесь столкнулся с непониманием. В первую очередь его не удовлетворяло отсутствие широкого философского взгляда на историю. Соловьев считал, что концепция, объясняющая ход истории лишь замыслом или капризом отдельной личности, мало что объясняет: «Произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из своей колеи».

К этому времени философско-исторические воззрения Соловьева качественно отличались от взглядов Карамзина. Подходя к анализу конкретно-исторического материала с иных позиций, Соловьев сформулировал антропологический принцип изучения и понимания истории народа: «Наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты как отдельные люди, как все живое, все органическое...». Впитав богатство современных идей, в том числе «Философии истории» Г.Гегеля, Соловьев пришел к пониманию органической взаимосвязи исторических явлений.

Отношение к Г. Гегелю

В студенческие годы (1838-1842) в сознании С.М. Соловьева шел активный процесс узнавания, изучения, осмысления философии Гегеля. Он размышлял о ее применимости к русской истории. Гегель был тогда кумиром московского студенчества. «Кружил все головы, хотя очень немногие читали самого Гегеля, а пользовались им только из лекций молодых профессоров; занимавшиеся студенты не иначе выражались как гегелевскими терминами...», — вспоминал об этом времени С.М. Соловьев. Молодые лекторы античник Д.Л. Крюков, экономист А.И. Чивилев, правоведы П.Г. Редкий и Н.И. Крылов, историк и юрист К.Д. Кавелин, историк-медиевист Т.Н. Грановский прошли стажировку за границей. Они выделялись среди московских профессоров, особенно так называемой «уваровской партии» (к ней принадлежали историк М.П. Погодин, словесники С.П. Шевырев и И.И. Давыдов), тем, что все были горячими поклонниками гегелевской философии и знатоками европейской историографии. Соловьев слушал лекции представителей обеих сторон, причем сила воздействия на студенческое сознание отдельных лекторов не была одинаковой. Соловьев отдавал должное профессору Д.Л. Крюкову, хотя в 1843-1844 гг. имел к нему претензии. «Крюков, можно сказать, бросился на нас, гимназистов, с огромною массою новых идей, с совершенно новою для нас наукою, изложил ее блестящим образом и, разумеется, ошеломил нас, ...посеял хорошими семенами...», — вспоминал Соловьев. Лекции Крюкова начинались с обзора основных трудов по истории философии и анализа научных схем Фихте, Шеллинга, Гердера, но предпочтение все же отдавалось Гегелю. Лектор демонстрировал плоды собственного применения историко-философского подхода к истории при изложении конкретных проблем (образования Римского государства на основе разложения институтов родового строя или характеристики родоплеменной структуры древнеримского общества). Он рассказал студентам о влиянии географической среды на эволюцию общественных отношений. Благодаря историографическим обзорам Крюкова Соловьев, возможно, обратил внимание на труды Г. Эверса.

Как же повлияло изучение Гегеля на творческий рост Соловьева? На этот вопрос отчасти ответил сам историк: «Из гегелевских сочинений я прочел только «Философию истории»; она произвела на меня сильное впечатление; на несколько месяцев я сделался протестантом, но дальше дело не пошло, религиозное чувство коренилось слишком глубоко в моей душе, и вот явилась во мне мысль — заниматься философией, чтобы воспользоваться ее средствами для утверждения религии, христианства, но отвлеченности были не по мне; я родился историком». Так был сделан профессиональный выбор: не философия, а наука, не философия истории, а наука истории. Это противопоставление в глазах Соловьева имело методологический смысл.

Соловьев достаточно быстро перерос состояние увлеченности Гегелем и его детищем «Философией истории», благодаря исключительной работоспособности и любознательности: «В изучении историческом я бросался в разные стороны, читал Гиббона, Вико, Сисмонди; не помню, когда именно попало мне в руки Эверсово «Древнейшее право русов», эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин ударял только на мои чувства. Эверс ударил на мысль, он заставил думать над русской историей».

Размышляя о прочитанном, Соловьев пришел к выводу, что западные мыслители пренебрегли русской историей; более того, русский народ не был у них (прежде всего, у Гегеля) включен в число «всемирно-исторических» народов. Соловьев прекрасно осознавал задачу, которая в то время стояла перед национальной русской мыслью — построение философии русской истории и тем самым «включение» в ее состав философии истории вообще. И он вносит весомый вклад в ее решение.

Если славянофилы старались приложить философско-исторические мысли Шеллинга к построениям и истолкованиям русской истории, то Соловьев поставил вопрос в другой плоскости. Он счел недостаточным «подключение» русского народа к числу всемирно-исторических только для выявления значения и специфики русского народа в истории по сравнению с западноевропейскими народами. Более важной представлялась историку другая задача, а именно: разъяснение неполноты и незавершенности философско-исторического взгляда на всемирную историю при условии игнорирования судеб русского и славянских народов. В этом он видел непереносимое условие успешного познания назначения истории русского народа и сравнения его с народами западноевропейскими. Как видим, определенное видоизменение содержания и структуры прежней философии истории (в данном случае — системы Гегеля) для Соловьева было неизбежно уже потому, что он вводил в философию истории новый элемент: русский народ.

В 1841 г. в семинаре С.П. Шевырева Соловьев подготовил работу «Феософический взгляд на историю России» (опубликованную в 1996 г.). В этой ранней работе были заложены важнейшие методологические основания исторической концепции ученого. Ряд высказанных тогда мыслей прозвучит в программных работах зрелого С.М. Соловьева («Публичных чтениях о Петре Великом» (1872) и «Наблюдениях над исторической жизнью народов» (1868-1876)).

Постановка вопроса об особом качестве русского народа и I специфике его исторической жизни среди других всемирно-исторических народов в «Феософическом взгляде» дана Соловьевым в рамках его представления о двух «возрастах» народной жизни. «У всякого народа бывает свой религиозный период — детский»; для него характерны невысокая степень образованности, бессознательное следование «религиозным внушениям» и слепое повиновение «духовным водителям». Второй возраст — «возмужалость народа» — в исторической жизни народа начинается, когда место религии занимает философия (наука). Рождается «философия истории», или «сознание народа о собственных судьбах». С переходом от веры к разуму, по Соловьеву, «исчезает и спасительное влияние религии на человека и народ», сеются семена неверия и разрушения. Отличие (или исключение из общего правила) русского народа историк видел в том, что первый период его исторической жизни, соответствующий «детскому» возрасту (с конца IX до начала XVII в.), прошел, как и

езде, под знаком глубокого религиозного чувства; но, вступив во второй период «возраст возмужания», и, выйдя, благодаря реформам Петра на поприще всемирно-исторической деятельности, русский народ не расстался с религией как основанием духовной сферы жизни народа. И в этом состоит его коренное отличие.

Таким образом, формула «правило — исключение» не чужда Соловьеву: «В одном только русском народе религиозное влияние будет продолжаться вечно, но вместе с тем разумно и сознательно». Это мнение Соловьева близко славянофильскому и показывает, что он испытывал разносторонние влияния. Много лет спустя, историк, сохранив общую структурную типологию общественного развития, т.е., не отказавшись от деления истории народной жизни на два возраста, изменил названия самих категорий, определив их как «возраст чувства» и «возраст мысли». Соловьев напишет в «Публичных чтениях о Петре Великом»: «Если народ способен к развитию, способен вступить во второй период или второй возраст своей жизни, то движение обыкновенно начинается знакомством с чужим; мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество в жизни народов чужих, опередивших в развитии находящихся уже во втором периоде». В состоянии исторического движения русский народ, по Соловьеву, привел Петр Великий.

Во время заграничной поездки 1842-1844 гг. у Соловьева усиливается его критическое восприятие Гегеля. В это время историк получил возможность глубоко ознакомиться с достижениями западноевропейской исторической науки. Тогда же он в основном определился в методологическом отношении. И первоначальное интуитивное чувство «неприятия» гегелевской философии истории, созрев, превращается у него в осознанную методологическую позицию, важнейшим признаком которой становится антигегелевская направленность.

Нельзя не согласиться, что точки зрения, отличной от Гегеля, Соловьев придерживался в целом ряде вопросов, прежде всего в отношении роли русского народа во всемирно-историческом процессе. Для обоснования своей позиции Соловьев провел сопоставление России и Западной Европы по трем линиям, которые приобрели характер антитез. Первая антитеза «природа-мать» (для Западной Европы) — «природа-мачеха» (для России) подчеркивала различия по степени благоприятности природных условий. В свою очередь, специфика природных условий объясняла различие способов и результатов этногенеза. В отличие от европейских народов, закрытых «наплыву» новых азиатских варварских народов и поэтому имевших возможность развития национальности, народы Восточной Европы такой возможностью не располагали. В этническом отношении «народ пограничный, особенно живущий на распутиях других народов, необходимо должен быть смесью из разных народов»; «славяне суть племя смешанное, народ, образовавшийся от наращения, а не нация, образовавшаяся порядком естественного происхождения целого рода от другого». И наконец, специфика генезиса государственности России вытекала из первых двух особенностей. На Западе монархические государства были результатом завоевания и насильственного покорения туземного населения дружинниками германских племен. А насилие, в соответствии с законом диалектики, порождает свою противоположность — борьбу за свободу и, как следствие, — революцию. У славян же, по Соловьеву, ни деспотическая форма правления (в силу смешанного характера населения), ни республика (в силу обширности территории), ни монархическая власть, основанная на завоевании (такого завоевания здесь не было), утвердиться не могли. Славяне сами дошли до мысли о необходимости власти, и данное обстоятельство Соловьев им ставил в заслугу. А сама эта идея родилась из состояния первоначального безвластия. Собственно русская история, как считал Соловьев, начинается с началом русской государственности. Он связывал ее с утверждением Рюрика князем среди северных племен славянских и финских.

Таким образом, отказавшись от гегелевской триады, или трехэлементной структуры исторического бытия Восток-Античность-Христианство и выдвинув свою, четырехэлементную Восток-Античность-Западная Европа-Россия, Соловьев тем самым

отказался от диалектики в ее гегелевской форме, предложив собственную философско-историческую конструкцию.

Еще более очевидна разница между Соловьевым и Гегелем при сравнении их позиций в вопросе о роли народов в движении мировой истории. Для Гегеля отдельные народы — орудия, средства «мирового духа», а их принципы — «моменты» идеи свободы, реализующейся в идеальном государстве. Для Соловьева же народы имеют самостоятельное значение, хотя и разное. Он видел в специфике исторической жизни народов, их религии и форм государственности продукт реальных географических, этнографических и исторических условий жизни.

Но всем этим размышлениям Соловьев все-таки обязан Гегелю. Очевидно, что Гегель оставил глубокий след в методологическом становлении Соловьева и его творчестве. Отметим лишь некоторые моменты: восприятие диалектических принципов развития, анализ «восточной мощи природы» как влиятельного исторического фактора; идею переселения и исторического движения; отношение к азиатским государствам, как стоящим вне связи с ходом всемирной истории; признание соединяющей роли рек и разъединяющей роли гор; роли государства как формы полной реализации духа в наличном бытии, выраженной Соловьевым таким образом, что только через государство или правительство народ проявляет свое историческое бытие, идею самосознания...

Исключительная ценность государства во взглядах Соловьева — это тоже от Гегеля. Дух русского народа (а в истории русской исторической науки Соловьев впервые определил научные параметры этого явления — природа страны, природа племени и ход внешних событий) проявился в особом отношении к государству. Государство — это ценностно-значимое явление русской истории вне зависимости от симпатий и антипатий. Соловьев считал, что ценностные ориентации народа не подлежат нравственному осуждению. Задача историка их понять, не допуская модернизации.

И в то же время идеи Гегеля Соловьев сознательно использовал против гегелевской философии истории. Среди таких идей — понятие об арийских (или исторических) народах. Соловьев подчеркнуто называет русский народ арийским народом и относит его к их числу, поскольку Гегель в этом ему отказал. Сравнивая славян с германцами, Соловьев пишет о них как о племенах-братьях одного индоевропейского народа. Он определяет их положение в Европе в христианские времена, как господствующее, которое они «удержали за собой навсегда». Соловьев считает неприемлемой постановку вопроса о племенном превосходстве кого-либо из них. Он видит причину происшедших различий в результате разного направления движения племен. Если немцы в свое время двинулись с северо-востока на юго-запад в области Римской империи, где уже был заложен фундамент европейской цивилизации, то славяне, наоборот, с юго-запада начали свое историческое движение на северо-восток в девственные леса, т.е. пространство, не затронутое цивилизацией. Поэтому суждение Гегеля о природно-климатических основаниях исключения стран и народов, находящихся в холодном или жарком климате, из всемирно-исторического движения для Соловьева было неприемлемо.

Обращая внимание на истоки различий России и стран Западной Европы, историк указывал, что целый ряд факторов, в том числе территории, уже освоенные древней цивилизацией, камень и горы, — содействовали быстрому утверждению на Западе феодального права, земельной собственности, быстрому оседанию, разнообразию народностей. Россия же, вследствие отсутствия этих условий, но при наличии беспредельного пространства, наоборот, была отмечена другими признаками: подвижностью князей, движимым имуществом, неустойчивостью, разбросанностью средств, небывалым по величине государством, дружиной, вечным движением. Соловьев писал, что в России брели с легкостью, везде «Русью пахло». «Мы говорили, — писал он в «Чтении третьем» о Петре Великом, — что Россия дурно защищена природою, открыта с востока, юга и запада, легко доступна вражьиим нападениям; но отсутствие резких физических границ заменено было для русского народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге,

вероисповедным на западе; в этих-то границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особенность и самостоятельность». Весь ход русской истории Соловьев связывал с началами христианства. Нравственные силы народу с его точки зрения давали христианство, созидательная роль государства и просвещение. Все названные Соловьевым признаки «особности» России никак не могли, по его мнению, исключить русский народ из числа исторических, или как вслед за Гегелем, он говорил «арийских».

Таким образом, в современной отечественной историографии сначала был поставлен под сомнение, а затем начал пересматриваться тезис о гегельянском характере философско-исторической концепции С.М. Соловьева, утвердившийся со времен вывода М.Н. Покровского о «гегелевской школе» в русской историографии. Осмысление творческой и методологической самостоятельности С.М. Соловьева привело исследователей сначала к наблюдению о некоем «выпадении» Соловьева из рамок государственной школы (например, у Н.Л. Рубинштейна, А.М. Сахарова, С.С. Дмитриева, В.М. Далина), а затем и к суждению о том, что историк разработал свою своеобразную методологию исторического познания. Мнение А.Н. Ерыгина во многом разделяет А.Н. Шаханов.

Единство работам, посвященным С.М. Соловьеву, придает то обстоятельство, что никто не оспаривает сам факт методологической революции, происшедшей в русской исторической науке в середине 1840-х гг., освоение русскими историками новых философско-методологических подходов.

Страницы жизни

В жизнеописаниях С.М. Соловьева (среди них: П.В. Безобразова (СПб., 1894. Сер. «Жизнь замечательных людей» Ф. Павленкова), оказавшее серьезное влияние на последующие работы этого жанра; И.А. Волковой (М., 1992. Сер. «Летописцы Отечества»), Н.И. Цимбаева (М., 1990. Сер. «Жизнь замечательных людей»), помимо воспоминаний С.М. Соловьева в разной степени привлекаются другие источники. Детальное изучение архива С.М. Соловьева, хранящегося в Российской государственной библиотеке А.Н. Шахановым, позволило осветить ранее малоизвестные стороны его жизни, прежде всего студенческих лет, участие в кружке Аполлона Григорьева, и высказать наблюдения об источниковой основе «Моих записок» великого историка.

Сергей Михайлович Соловьев родился 5 (17) мая 1820 г. в Москве в семье законоучителя (т.е. преподавателя Закона Божьего) и настоятеля Московского коммерческого училища. Отец был священником, позднее протоиереем из духовного сословия. Мать была человеком светским, дочерью чиновника, дослужившегося до дворян. Соловьев сначала получал домашнее образование. Московское духовное уездное училище, в которое потом определил Соловьева отец, вызвало у мальчика внутреннее неприятие вследствие грубости царивших там нравов. В 13 лет Соловьев поступил в 3-й класс Первой московской гимназии. Некоторые из ее учителей одновременно состояли преподавателями в университете. В 1838 г. Соловьев окончил 7-й класс гимназии.

Судьбоносное значение для историка имела встреча с попечителем московского учебного округа графом С.Г. Строгановым. Она состоялась еще в гимназии. Соловьев был тогда представлен попечителю в качестве первого ученика. Строганов был искренне удивлен живостью мысли и самостоятельностью суждений гимназиста. Рассказывая о последующей жизни С.М. Соловьева и шире — Московского университета начала 1840-х гг., фактор Строганова нельзя не учитывать.

Большая заслуга в том, что для Московского университета пришло блистательное время, превратившее его в центр умственной жизни Москвы и всей России, принадлежала именно графу С.Г. Строганову. Он собрал на Моховой лучшие научные и педагогические кадры страны, избавил университет от мелочной опеки, пресек практику сдачи студентов в солдаты за проступки. Завоевал уважение студентов и преподавателей, сам посещал лекции и внимательно слушал лекции ученых.

На I (историко-филологическое) отделение философского факультета Московского университета и поступил С.М. Соловьев. С Московским университетом была связана вся его последующая жизнь, которая не изобиловала внешними событиями. Она была подчинена научному служению. В Московском университете Соловьев был студентом, профессором, деканом и ректором. По мнению М.К. Любавского, именно Соловьев поставил на надлежащую высоту преподавание отечественной истории в Московском университете, дал направление научной деятельности В.О. Ключевского и многих других.

Жизненных периодов, наполненных динамичной сменой внешних впечатлений, у Соловьева было не так уж и много. Среди них особую роль сыграло его пребывание за границей 1842-1844 гг., оказавшее глубокое влияние на становление ученого. В течение двух лет Соловьев побывал в Париже, Брюсселе, Берлине, Страсбурге, Регенсбурге, Мюнхене, Дрездене, Гей-дельберге, Аахене, Веймаре, Праге, в некоторых городах он прожил достаточно долго. Историк посещал университеты Берлина, Гейдельберга, Сорбонну, Коллеж де Франс, работал в Королевской библиотеке в Париже и в Аахенской библиотеке. Такую возможность выпускник Московского университета получил, работая в качестве домашнего учителя в семействе брата С.Г. Строганова А.Г. Строганова.

В 27 лет Соловьев становится доктором исторических наук, политэкономии и статистики и утверждается сначала в должности экстраординарного, а с июля 1850 г. — ординарного профессора Московского университета. В неразрывности пути педагога-учителя и ученого-исследователя — весь Соловьев. Он преподавал помимо Московского университета на Высших женских курсах В.И. Герье, в Третьем военном (Александровском) училище, Николаевском сиротском институте. По рекомендации С.Г. Строганова Соловьев в 1859-1863 гг. учил истории цесаревича Николая Александровича, позднее и его младшего брата, будущего императора Александра III, в последний год жизни читал лекции великому князю Сергею Александровичу. Занятия с великими князьями в конце 1850-х — начале 1860-х гг. послужили поводом к написанию «Учебной книги русской истории», предназначенной для средних учебных заведений. В 1867 г. вышло ее 7-е издание, а в 1915 г. -14-е. В наши дни «Учебная книга русской истории» была вновь переиздана. Историки отметили соотносительность «Учебной книги...» с общим замыслом «Истории России с древнейших времен». Если в «Истории...» повествование Соловьев успел довести до последней трети XVIII в., то в «Учебной книге...» рассмотрены события Новейшей истории России, времена царствования Александра I и Николая I. По мнению Н.И. Цимбаева, это своеобразный просpekt дальнейших томов незаконченной «Истории России...».

30 мая 1872 г. Россия торжественно отмечала 200-летие со дня рождения Петра I. В подготовке и проведении празднования активно участвовал Соловьев. Накануне юбилея он выступил с циклом из 12 публичных лекций («чтений») о Петре и его времени. Чтения проходили по воскресеньям с февраля по май в Колонном зале Дворянского собрания, самом большом тогда зале Москвы, вмещавшем до трех тысяч человек. Вход был бесплатным, но публика собиралась самая изысканная и очень внимательно слушала Соловьева. Кроме того, его личным вкладом в празднование юбилея были серия статей «Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы» на страницах журнала «Беседа» и организация исторического отдела на Политехнической выставке, на базе которой в том же 1872 г. был создан Музей прикладных знаний (позднее Политехнический). Затем Соловьев участвовал в налаживании лектория при Политехническом музее.

Последние годы жизни Соловьев был председателем Общества истории и древностей российских. В 1871-1877гг. он был ректором Московского университета. Много сил у него отнимала борьба за сохранение академических свобод и университетского устава 1863 г., которая привела к столкновению с Министерством народного образования. В зените славы он ушел в отставку. В 1876 г. министр просвещения Д.А. Толстой отклонил прошение коллег Соловьева о праздновании 25-летия научной деятельности ученого. Тем не менее оно состоялось. 4 октября 1879 г. Соловьев скончался и был похоронен на Новодевичьем

кладбище... До намеченной цели — окончить «Историю России...» — ему осталось изложить последние 20 лет екатерининского царствования.

«История России с древнейших времен

Изложение событий внутренней жизни России в 29-м томе доведено до 1775 г., а в области дипломатических отношений — до 1780 г. М.О. Коялович следующим образом проанализировал порядок организации материалов С.М. Соловьевым: «В этом громадном историческом труде такой порядок. Сперва излагаются внешние события в хронологическом порядке за немногими исключениями. Так, время Иоанна III излагается не хронологически, а по группам событий: Новгород Великий, София Палеолог, Восток, Литва. Русские внешние дела освещаются при этом еще кратким обзором событий в славянском мире в древние времена и вообще западноевропейских государств. Эти последние обозрения особенно обширны и подробны в те времена, когда у нас устанавливались и усиливались дипломатические отношения, т.е. главным образом в новейшие времена, с Петра I.

Затем рассматриваются внутренние дела. Хронологическая группировка их неодинакова. В старые времена группы обнимают большое время, как, например, в 3-м томе от смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкого (т.е. Удалого, до 1228 г.) или в 4-м до смерти этого Мстислава и до Иоанна III. В другие времена обозрения эти располагаются чаще всего по княжениям, царствованиям, наконец, просто по группам нескольких годов, как, например, в царствование Елизаветы Петровны по семилетиям или в царствование Екатерины по группам событий за три, за два и даже за один год. Везде, однако, более или менее выдерживается один план в распределении событий внутреннего быта. Начинается этот отдел обозрением жизни князей или царей, затем идут обозрения состояния высших сословий и учреждений, далее — жизни городов, жизни жителей сел, торговли, законов, духовного и светского просвещения, литературы, нравов».

Самому Соловьеву было важно высказать принципиальные соображения, следование которым должно было обеспечить внутреннее единство многотомной «Истории России...». В «Предисловии» он «предупредил» читателей «об основной мысли труда»: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предполагаемого труда».

Связь главных явлений, «замечаемых» в ходе русской истории, в глазах Соловьева определяли отношения между родовым и государственным (правительственным) началом, прочность основ государственного быта, внутренние и внешние влияния (родовое и греко-римское), отношения с европейскими народами. Смена старого порядка новым определялась переходом «родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависели единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка». Начала нового порядка в северо-восточной Руси Соловьев обнаружил «прежде татар», при Андрее Боголюбском, Всеволоде III (Большое Гнездо). На этом основании историк дал оценку роли татаро-монгол в русской истории: «...монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным». Соловьев отрицает в русской истории самостоятельный «татарский период». По его мнению, «...историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений».

Задача историка состоит в том, чтобы анализировать «главное, основное явление — переход родовых отношений между князьями в государственные», которые окончательно

торжествуют в XVI в. Юное государство выдержало испытание Смутой начала XVII в. и пресечением династии Рюриковичей. «С новой династией, — пишет Соловьев, — начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав». Соловьев не считает возможным разделять XVII и XVIII вв., настолько они тесно связаны в русской истории. «Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительной целью материального благосостояния оказывается недостаточным. Является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить душу в приготовленное прежде тело... в наше время просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще привело к самопознанию».

Крепостное право

В концентрированном виде Соловьев сформулировал концепцию происхождения крепостного права в России во втором «Чтении» о Петре Великом: «Государство бедное, малонаселенное и должно содержать большое войско для защиты растянутых на длиннейшем протяжении и открытых границ... Бедное государство, но обязанное содержать большое войско, не имея денег вследствие промышленной и торговой неразвитости, раздаёт военным служилым людям земли. Но земля для землевладельца не имеет значения без земледельца, без работника, а его-то и недостает; рабочие руки дороги, за них идет борьба между землевладельцами: работников переманивают землевладельцы, которые побогаче... И вот единственным средством удовлетворения главной потребности страны найдено — прикрепление крестьян». И общий вывод: «Прикрепление крестьян — это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении». В «Истории России...» Соловьев отметил «новое движение юридических понятий» в Судебнике 1497 г. Им отмечен факт повторения в ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском выходе соответствующего постановления Судебника 1497 г. Соловьев отметил централизаторские устремления Судебника 1550 г. Соловьев разделял мнение предшественников (М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, Г. Эверса) о прикреплении крестьян к земле законом, изданным во время царствования Федора Иоанновича, но не поддержал ни одной из высказанных ими точек зрения о времени издания этого закона. Соловьев относил издание закона о прикреплении крестьян к «началу царствования Федора», так как более ранняя датировка противоречила бы вступительной части Соборного Уложения Василия Шуйского, где Борис Годунов обвинялся в лишении крестьян права перехода в царствование Федора Иоанновича. По наблюдению В.И. Корецкого и В.С. Шульгина, Соловьев склонялся к тому, чтобы отнести издание закона о всеобщем прикреплении крестьян к октябрю 1584 г. Связывая прикрепление крестьян к земле с усилением государственной централизации, Соловьев сделал шаг вперед в изучении проблемы возникновения крепостного права.

Объясняя устойчивость крепостного права, которое лишь усилилось в XVIII в., малолюдностью страны и тем, что в России продолжался процесс колонизации, Соловьев и в этом случае рассматривал крепостное право как следствие низкого роста народонаселения и средством для закрепления результатов колонизации.

Периодизация

I. От Рюрика до Андрея Боголюбского — период господства родовых отношений в политической жизни.

Первый шаг к государственным отношениям Соловьев увидел в том, что владимиро-суздальский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, заняв Киев, не сел в нем княжить, а посадил там своего подручника. «Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого начинается на Руси новый порядок вещей». Нашелся князь, «которому не полубилось Киевское княжение, который предпочел славному и богатому Киеву бедный, едва только начавший отстраиваться город на севере, Владимир Клязменский». У Владимиро-

Суздальской Руси для утверждения государственных начал были особые предпосылки, которые Соловьев видел в девственной почве, «на которой новый порядок вещей мог приняться гораздо легче», «не было укорененных старых преданий о единстве рода княжеского», князья не встречали препятствий своим намерениям со стороны горожан, веча, поскольку города «были построены и населены князьями» и потому «необходимо считали себя» княжеской собственностью. Соловьев полагал, что в Северо-Восточной Руси «впервые явились понятия об отдельной собственности княжеской, которую Боголюбский поспешил выделить из общей родовой собственности».

II. От Андрея Боголюбского до начала XVII в. — период борьбы родовых и государственных начал, завершившийся полным торжеством государственного начала. Этот длинный период имел внутренние стадии:

а) от Андрея Боголюбского до Ивана Калиты — начальное время борьбы родовых и государственных отношений;

б) от Ивана Калиты до Ивана III — время объединения Руси вокруг Москвы;

в) от Ивана III до начала XVII в. — период борьбы за полное торжество государственного начала.

XIII-XV вв. Соловьев считал закономерным этапом в поступательном развитии общества. Через такой этап прошли все «органически образованные государства». В это время при «видимом разделении» идет «долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления». По наблюдению В.Т. Пашуто, АМ. Сахарова, В.С. Шульгина проблема образования Московского государства превращается у Соловьева в проблему возникновения государственности на Руси вообще. Центр исторической жизни русского народа переместился в XIII-XV столетиях в Северо-Восточную Русь, где вокруг Москвы стало образовываться единое Российское государство. Соловьев подчеркивал, что благодаря этому обстоятельству Северо-Восточная Русь приобрела ведущее положение в русской истории и что от этого зависел и самый исход борьбы Юго-Западной Руси против Литвы и Польши. Со второй половины XIII в. заметно явное усиление роли церкви в политических событиях. Соловьев объяснял это сменой митрополитов-греков русскими митрополитами и движением от родовых отношений к государственным. Соловьев показал, что объединение русских земель под властью Ивана III явилось не столько результатом деятельности самого московского князя, сколько было подготовлено предшествующим ходом истории. Иван III лишь «счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков». Иван III «доканчивает старое и вместе с тем необходимо начинает новое». В действиях Ивана Грозного Соловьев одним из первых в русской исторической науке увидел исторически обусловленную закономерность. Опричнина в глазах Соловьева была последним решающим ударом по родовым отношениям, носителем которых выступало боярство. Впервые опричнина характеризовалась как акт сознательной и исторически оправданной политической деятельности. Однако жестокости Ивана IV историк не оправдывает. Оценивая события с точки зрения развития государственности, Соловьев применил к событиям начала XVII в. словосочетание «страшные смуты» — насильственный перерыв в органическом ходе русской истории, регресс.

III. С начала XVII в. до середины XVIII в. — период вступления России в систему европейских государств.

Первой причиной Смуты Соловьев считал «неудовлетворительное состояние народной нравственности в Московском государстве». Падение нравственности в России произошло во время опричнины Ивана Грозного, тогда «водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего». Другим благоприятствовавшим Смуте обстоятельством Соловьев считал казачество, которое придало Смуте такой размах, что государство оказалось на краю гибели. Историк подошел к определению Смуты как борьбы «между общественным и противообщественным элементом, борьбу земских людей, собственников, которым было выгодно поддерживать спокойствие, наряд государственный для своих мирных занятий, с так называемыми козаками, людьми безземельными,

бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами». Рост национального самосознания русского народа в ходе освободительной борьбы в начале XVII в. рассматривался Соловьевым как борьба за православную веру, восстановление монархии, против иноверных захватчиков — католиков и протестантов. Возведение на престол новой династии стало шагом на пути восстановления государственного единства. В общей концепции Соловьева XVII в. занимает особое место. Он подчеркивал его переломный переходный характер, поворот от «восьмивекового движения на Восток» к «движению на Запад». Направление реформ Петра Великого определилось в XVII в. «При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско... видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер»; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах частных лиц являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования... Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиною XVIII, разделять их нельзя». Преобразованиями Петра I открывался «новый» период истории России. В самих начинаниях царя-преобразователя заключалась программа развития страны на будущие времена. В освещении русской истории 1725-1740 гг. Соловьев исходил из признания необратимости перемен, происшедших в жизни страны в первой четверти XVIII в.

IV. С середины XVIII в. до реформ 60-х гг. XIX в. — новый период русской истории.

По замечанию В.Е. Иллерицкого, вся последующая история России рассматривалась Соловьевым под углом зрения выполнения петровских предначертаний. Соловьев обратил внимание на то, что дворцовые интриги, столкновения групповых интересов в правительстве отрицательно сказывались на состоянии государственных дел. При ближайшем рассмотрении действий Елизаветы Петровны Соловьев выявил ее следование не столько духу, сколько букве законодательства Петра I. Подражательная зависимость Елизаветы Петровны от установок отца лишала ее политику необходимого динамизма. Положительной тенденцией стало смягчение нравов, «к человеку начинают относиться с большим уважением и умственные интересы начинают находить более доступа в общество». Вследствие этого появляются «начатки литературы и попытки обработать, облагородить орудие выражения пробивающейся мысли — язык». Основным деянием дочери Петра Великого Соловьев считал избавление страны от установившегося во времена Бирона «ига с Запада, более тяжкого, чем прежнее иго с Востока». В результате «Россия пришла в себя. На высших местах управления снова явились русские люди». Время царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II было дорого Соловьеву как период «переворота в нравственных понятиях», смягчения нравов, развития наук, «известного торжества «духовного начала» над материальной силой».

О Петре I

Этому понятию — «Великий человек», Соловьев придал методологическое значение: «Думая о Петре, думая о том, за что называют его великим человеком, разумеется, русский человек должен был думать и о том, что такое великий человек вообще». Соловьев противопоставляет языческому представлению о великом человеке как сверхъестественном, полубожественном существе, понятие христианское. Он считал, что великий человек может проявить себя только в эпоху перехода от возраста юности к возрасту зрелости, когда народ вступает на дорогу исторического движения. «Человека, начавшего это движение, совершавшего его; человека, по имени которого знают его время потомки, такого человека называют великим». Ему присуще осознание потребности времени, необходимости перемен, «и силою своей воли, своей неутомимой деятельности» он увлекает тяжелое на подъем большинство на новое и трудное дело. Великий человек, поскольку он именно человек, не

может не ошибаться и «ошибки эти тем виднее, чем виднее эта деятельность». «Великий человек является сыном своего времени, своего народа... он высоко поднимается как представитель своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли...». Его деятельность должна выводить «народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни». Таким образом, понятие великого человека у Соловьева оптимистическое, оно органично связано с понятием развития, и ему предоставлено право на ошибку. Причем, «народ не отречется от своего великого человека, ибо такое отречение для народа есть самоотречение». «Век Петра был веком не света, а рассвета...»

«Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, от предшествовавшей работы, от соединения труда и способностей знаменитых деятелей с этим народным капиталом идет великое производство народной исторической жизни». По наблюдению С.М. Соловьева в XVII в. «необходимость движения на новый путь была осознана... народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился». В данном случае это о Петре и его месте в народной жизни.

Деяния Петра Великого разделили русскую общественную мысль на славянофилов и западников. Будучи западником, симпатизирующим славянофилам, С.М. Соловьев-ученый, по мнению А.Л. Юрганова, не вписался в эти споры. Он глубже, без догматизма, оценил великого царя, найдя в его судьбе драму всей русской истории. Во взгляде Соловьева на Петра Великого в полной мере проявился сравнительно-исторический анализ. Историк сравнивал преобразования царя с Французской революцией: «...во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления. В России один человек, одаренный небывалой силой, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства». Соловьев ставил Петра выше всех знаменитых монархов и выдающихся государственных деятелей XVIII в.

Историческая основа трудов Соловьева

«История России...» основана на широком привлечении и использовании практически всех известных в то время исторических материалов. Одним из первых среди историков Соловьев стал использовать в качестве источника акты, в основном духовные и договорные грамоты князей, и отдельные акты феодального иммунитета в качестве памятника деятельности княжеской власти. Изложение событий политической истории до XVI в. строилось Соловьевым на основании летописей. Он пользовался преимущественно материалами поздней (XVI в.) Никоновской летописи. Заслугой исследователя является привлечение к решению вопроса о закреплении крестьян в конце XVI в. приговора церковного собора 20 июля 1584 г. об отмене тарханов. В этом приговоре Соловьев увидел меру, подготавливавшую прикрепление крестьян в общегосударственном масштабе.

Критически сопоставляя версии «Нового летописца» и Угличского следственного дела об обстоятельствах смерти царевича Дмитрия в 1591 г., Соловьев обратил внимание на противоречия в следственном деле, изучив которое пришел к выводу о политическом характере убийства царевича по приказу Годунова и подтасовке в угоду Борису следственного дела.

Характеризуя И.И. Болотникова, Соловьев следует описанию, данному предводителю восставших Конрадом Буссовым, который видел в нем «доброе и верное рыцаря».

Архивные материалы (Московского архива Министерства иностранных дел, Московского архива Министерства юстиции, Московского отделения Архива Главного штаба, Государственного архива Российской империи, рукописных собраний Румянцевской библиотеки и библиотеки Эрмитажа) Соловьев привлек для изучения событий XVII и XVIII вв. Особенно широко он использовал документы из фонда Посольского приказа, характеризующие все основные стороны внешней политики России. В меньшей степени ученый обращался к источникам, освещающим внутреннюю историю России XVIII в. Он привлек документы личного кабинета Петра I и Екатерины I, фонды Сената, его

следственных комиссий, Преображенского приказа, тайной канцелярии, Синода и другие материалы.

В своем повествовании Соловьев использовал мемуары русских и иностранных государственных деятелей XVIII в. (Я.П. Шаховского, Б.К. Миниха, Х. Манштейна, Я. Штелина, Екатерины II, Фридриха II и др.), а также документы, опубликованные в «Сборниках Русского исторического общества», «Чтениях Общества истории и древностей Российских при Московском университете» и др.

Если в первых томах труда, написанных в значительной мере на основании материала летописей, имела место критика источников, то она практически отсутствует при описании событий XVII-XVIII вв. Соловьев, как правило, подробно пересказывал или цитировал содержание документов XVIII в. (часто целыми страницами). Наибольшего источниковедческого мастерства историк достиг при изучении источников, освещающих его излюбленные темы — перипетии внутривосточной, главным образом дворцовой, борьбы и тонкие хитросплетения дипломатических отношений.

- Диалектика позволила С.М. Соловьеву поднять исследование на новый уровень.
- Комплексное рассмотрение роли природно-географических, демографическо-этнических и внешнеполитических факторов в историческом развитии России принадлежит к числу несомненных заслуг С.М. Соловьева.
- Историк применил к области русской истории новейшие приемы исторической критики.
- С.М. Соловьев впервые в русской исторической науке выработал цивилизационный подход, с помощью которого он смог отличить русскую историю от западноевропейской и одновременно включить ее в мировой исторический процесс.

Культурное наследие С.М. Соловьева. Наставник многих поколений

Современник С.М. Соловьева историк славянофильского направления М.О. Коялович считал: «Над всем этим возвышается необыкновенное знание нашего прошедшего, необыкновенная добросовестность при фактическом изложении и крупная талантливость, способная делать большие завоевания, т.е. создавать последователей, школу». Ученики Соловьева научились от него уважать мнение предшественников и относиться с почтением к умственному труду. У него были ученики прямые — и самый известный — Ключевский, преемники — зять, известный историк Н.А. Попов, ученики его учеников, которым воззрения Соловьева казались более близкими, чем взгляды непосредственного учителя. Так, взятое у Соловьева суждение о возможности и уместности прямого заимствования позднее развил П.Н. Миллюков.

Воспитанные в атмосфере творчества дети С.М. Соловьева (их было 12) были талантливы. Старший сын — Всеволод — популярный в свое время писатель-романист. Одна из младших дочерей — Поликсена — поэтесса, публиковавшаяся под псевдонимом Аллегро, но наиболее известно имя другого сына, Владимира, религиозного мыслителя и философа. Мысли С.М. Соловьева органично вошли в национальную философию, труды И.А. Ильина, Н.А. Бердяева и др. Концепция царствования Петра Великого С.М. Соловьева легла в основу концептуального решения А.Н. Толстым при написании романа «Петр Первый». Соловьев, как никто другой из его предшественников, многое сделал для средней школы, к преподаванию истории в которой он относился крайне серьезно. «История есть единственная политическая наука в среднем образовании и поэтому ее преподавание — чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан», — считал Соловьев.

Литература

Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // С.М. Соловьев. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.

- Ерыгин А.Н.* Восток. Запад. Россия. (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях). Ростов-на-Дону, 1993.
- Иллерицкий В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.
- Коялович М.О.* С.М. Соловьев. Гл. XV // История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. Современники о С.М. Соловьеве (В.О. Ключевский, В.И. Герье, М.И. Семевский, Д.И. Иловайский, М.М. Стасюлевич, С.А. Муромцев, А.Н. Пыпин, П.В. Безобразов) // С.М. Соловьев. Соч. М., 2000. Кн. XXIII.
- Соловьев С.М.* Исторические поминки по историку. Речь 1 декабря 1866г. в Московском университете в день 100-летнего юбилея Карамзина // Соч. М., 2000. Кн. XXIII.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Предисловие // Соч. М., 1988. Кн. I; Россия перед эпохой преобразования // Соч. М., 1991. Кн. VII.
- Соловьев С.М.* Лекции по русской истории (1873/1874) // Соч. М., 1998. Кн. XXI.
- Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соч. М., 1995. Кн. XVIII.
- Соловьев С.М.* Письма из Европы / Публ. В.В. Кучурина // Отечественная культура и историческая наука XVIII-XX веков. Брянск, 1996.
- Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // Соч. М., 1995. Кн. XVIII.
- Цимбаев Н.И.* Сергей Соловьев. М., 1990.
- Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии. Л., 1977.
- Шаханов А.Н.* Архив С.М. Соловьева // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. М., 1986. Вып. 45.
- Шаханов А.Н.* Становление ученого // С.М. Соловьев. Первые научные труды. Письма. М., 1996.

Лекция 3

3.6. Исторические взгляды А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, А.П. Щапова

Герцен и Чернышевский — самобытные и яркие мыслители. Они оставили после себя долго действующие оригинальные концепции, актуальность отдельных сторон которых продолжает удивлять нас. К их числу следует отнести вопросы о соотношении исторического опыта России и Западной Европы, месте нашей страны в мире, наблюдения о русском историческом пути. Размышления обо всем этом служили для Герцена и Чернышевского источником суждений о настоящем России и являлись ориентиром для принятия политических решений, были своеобразным мостом в будущее. В первом письме о «Публичных чтениях г. Грановского» в 1843 г. А.И. Герцен писал: «В наше время история поглотила внимание всего человечества, и тем сильнее развивается жадное пытанье прошлого, чем яснее видят, что прошлое пророчествует, что, устремляя взгляд назад, мы как Янус смотрим вперед».

Жизненный опыт убедил А. И. Герцена в том, что, пройдя курс западной дрессировки и «подкованные ею», русские вполне могли бы стать «на свои ноги», вместо того чтобы «твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги». Пришло время подумать, нет ли в народном быту, в народном характере и мысли, «в искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного». Хорошие ученики, по мнению А.И. Герцена, часто переводятся через класс. Ему же принадлежит мысль о преимуществах стран, имеющих возможность учиться у других и благодаря этому, не повторять их ошибок: «История весьма несправедлива, поздно приходящим она дает не оглодки, а старшинство опытности». Имея в виду западноевропейские страны, Герцен писал: «Ваши усилия. Ваши страдания — для нас поучения».

Он поставил вопрос о пользе науки Запада для национального освободительного движения и о быстром ее усвоении в России. «Отсталые во всем, мы побывали у вас в выучке — и не отшатнулись от выводов, которые заставили вас свернуть со своего пути. Мы не скрываем того хорошего, что получили от вас. Мы позаимствовали ваш светильник, чтобы ясно увидеть ужас своего положения, чтобы отыскать открытую дверь и выйти через нее, — и мы нашли ее благодаря вам».

Органически присущий Герцену и Чернышевскому историзм («историческое чувство» и способность исторического анализа вопросов современности) позволял им намечать стратегические задачи развития страны. Не отвергая идей преемственности и возможности преобразования традиционного института (общины), а также признания определенных свойств, присущих национальному (крестьянскому) сознанию, они пришли (каждый своим путем) к оценке данного фактора как системообразующего в исторической концепции и не менее важного в прогнозировании будущего.

А.И. Герцен надеялся, что Россия «могла бы найти свой фарватер», но «сбилась с дороги за какими-то туманами, сама выдумала себе обязательное прошедшее, сама потопила старые корабли, набросала камня в свое море и боится ударить веслом». Постоянно размышлял о взаимодействии науки и жизни Н.Г. Чернышевский: «Мы говорим о национальном чувстве: почему не сказать о науке? Почему не заметить, что она, со своей стороны, говорит то же самое, что говорит национальное чувство, хотя оно и не знает о ней».

При всех различиях Герцена и Чернышевского, а они были в характере и конкретном историческом опыте, складе жизни и воспитании, умственных предпочтениях и вкусах, понимании путей и средств революционной борьбы, в творчестве каждого из них «последняя страница истории» неизбежно являлась, если пользоваться выражением Герцена, «нашей современной действительностью». По мнению Н.Г. Чернышевского, не только народ, но и вся Россия, в отличие от Запада, еще не жила исторической жизнью. Герцен, усиливая звучание этой мысли, даже назвал историю России историей «эмбрионального развития».

В годы первой русской революции М.О. Гершензон посвятил А.И. Герцену следующие слова: «Но он был больше, нежели публицист, и большая часть написанного им касается не злобы его времени, а великих исторических задач человечества. Живое значение для нас он имеет только, как историк-философ, как мудрый аналитик и провидец. А с этой стороны его знают меньше всего». Вполне приложима данная оценка и к Чернышевскому.

Интерес советской историографии к А.И. Герцену и Н.Г. Чернышевскому определялся главным образом задачами изучения истоков русской революции и истории отечественного освободительного движения. Анализируя мотивацию обращения к истории Герцена и Чернышевского, натур социально и политически активных, А.М. Сахаров подчеркивал, что оно «вытекало из их стремления вмешаться в процессы современного развития, заменить существующий строй и обеспечить лучшее будущее народам России». Но такая позиция, в свою очередь, требовала ответа на вопрос: «Какие силы управляют историей?», вызывала на размышления о роли в истории личности, идеи закономерности, законов исторического развития. Шел настойчивый поиск исторически традиционных опор в русской жизни, на которые бы, по мнению Герцена и Чернышевского, можно было бы опереться в преобразовании России. Исторические темы подсказывали сами противоречия русской жизни. История России интересовала Герцена, прежде всего с точки зрения созревания предпосылок революционно-освободительного движения. В его статьях данная тема обогатилась целым рядом аспектов, прежде всего рассмотрением и оценкой роли Отечественной войны 1812 г. в движении декабристов, анализом политики правительства. Свой отпечаток на их рассмотрение наложили концептуальные методологические и исторические корни социалистических идеалов, которые обрели в трудах Герцена и других революционеров-демократов блестящие формы теоретического выражения.

Борьба за «лучшее устройство» требовала понимания происхождения самодержавия и трактовки этого процесса. Поэтому, несмотря на то, что изучение истории и у Герцена, и у Чернышевского было подчинено практическим целям, все же неправильно говорить об

утилитарном отношении мыслителей к истории и использованию ими данных, почерпнутых в ней, в качестве весомых аргументов для политики. Методологические и философские подходы к истории оказывали Герцену и Чернышевскому помощь в поиске подтверждений их собственным представлениям о роли России в мире, о революции и социализме. Исторический подтекст творчества Герцена и Чернышевского делает также необходимым анализ их концепций.

Александр Иванович Герцен (1812-1879)

Незаконнорожденный сын богатого и родовитого московского барина Ивана Алексеевича Яковлева (его родней были Шереметевы и Колычевы) Александр Иванович не мог носить фамилию отца. Герцен — это русское переложение немецкого слова «сердце». Он с детства ненавидел «аристократию», его симпатии были на стороне матери Луизы Ивановны Гааг. Глубочайшие жизненные впечатления Герцена были связаны с важнейшими событиями отечественной истории XIX в. Его детство наполняли рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о героизме русского народа. Потрясением, импульсом нравственного пробуждения стало для юного Герцена восстание декабристов. Всю жизнь Герцен хранил культ «людей 14 декабря». В 1827 г. произошло его знакомство с Н.П. Огаревым, а через год Герцен под влиянием двоюродного брата стал студентом физико-математического отделения философского факультета Московского университета. В университете царил дух свободолюбивых настроений. Сама эпоха была их источником. «Славное было время, события неслись быстро. Едва худошавая фигура Карла X успела скрыться за туманами Голируда, Бельгия вспыхнула, трон короля-гражданина качался, какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе. Романы, драмы, поэмы — все снова сделалось пропагандой, борьбой» — так вспоминал о студенческих годах Герцен. Его отношения с властью определили аресты 1831 г. (как участника кружка Н.П. Сушурова) и 1834 г. с последующей ссылкой под надзор полиции.

В 1840-е гг. Герцен был одной из главных фигур мыслящей Москвы. Именно тогда в Москве сконцентрировалась «умственная инициатива», что, по мнению Герцена, объяснялось историческим значением и географическим положением второй столицы и отсутствием в ней царя.

В юности Герцен не избежал общего увлечения философией Г. Гегеля, и гегелевский взгляд отчетливо отразился в его статьях о дилетантизме в науке. Но воззрения Гегеля Герцен усваивал критически. Основное значение взглядов Гегеля Герцен увидел для себя в раскрытии того обстоятельства, «что природа, что жизнь развивается по законам логики». «Он фаза в фазу проследил этот параллелизм». На смену «шеллинговым общим замечаниям», «несвязанным», пришла «целая система, стройная, глубокомысленная, резанная на меди, где в каждом ударе отпечатлелась гигантская сила».

Восприятие гегелевских принципов укрепило Герцена во взгляде на историю как на закономерный процесс. Вместе с сенсимонистами он признавал целенаправленность исторического процесса. Ход истории открывался Герцену как движение от несовершенного к более совершенному.

Телеологическое, т.е. целесообразное, понимание истории исследователи находят у Герцена еще в 1830-е гг. Да и сам Герцен, вспоминая это время в «Былом и думах», писал, что в основу его лег именно сенсимонизм. Там же он упомянул о своем неизменном «в существенном» отношении к сенсимонизму. Но известно и другое: в конце 1840-х гг. Герцен пересматривает свое отношение к телеологическому пониманию истории и в дальнейшем отказывается от него. В 1850-е гг. в книге «С того берега» Герцен сформулировал воззрение, отрицающее в истории разумную цель и predetermined движение к ней. Телеология и фатализм в трактовке истории становятся постоянным предметом его критики. В эмиграции Герцена настойчиво посещают горькие мысли о силе «безумного» в человеческих понятиях и поступках, о его сопротивлении «разумному». Они будут его мучить до конца жизни.

Герцен ставит вопрос о необходимости заняться историей «как действительно объективной наукой», уяснить «собственную эмбриогению» истории.

Увлечение сенсимонизмом внесло изменения и в отношения Герцена с конкретными историками и общественными деятелями. Так, под влиянием сенсимонизма в 1833 г. еще до заключения Герцена под стражу испортились его отношения с Н.А. Полевым. Александр Иванович писал: «Для нас сенсимонизм был откровением, для него — безумием, пустой утопией, мешающей гражданскому развитию».

В 1843-1844 гг. Герцен внимательно следил за трудами и чтениями Т.Н. Грановского, не оставляя для себя без внимания, предлагавшиеся историком подходы к изучению истории. Во взглядах Грановского Герцен выделил для себя два обстоятельства. Во-первых, взгляд «на современное состояние жизни как на великий исторический момент, которого ни знать, ни миновать безнаказанно нельзя, как нельзя и оставаться в нем навеки, не окоченевши». И, во-вторых, отношение к истории как «правильно развивающемуся организму».

Воззрения на историю, сложившиеся у Герцена к началу 1840-х гг., в главных чертах резюмируются в его дневниковой записи 1843 г., где он определяет историю как «движение человечества к освобождению и себяпознанию, к сознательному деянию». З.В. Смирнова, автор монографии о социальной философии А.И. Герцена, увидела в этой «формуле» «признание единства истории, поступательного хода исторического процесса, его устремленности к разумной цели и его содержания как развития разума и пути к свободе». В отечественной литературе уже отмечалось, что постановка проблемы «деяния» сближает Герцена с рядом русских (В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, М.А. Бакунин) и западноевропейских (Э. Дембовский, М. Гесс) мыслителей, ставивших вопрос о необходимости перехода мысли в действие, о создании «философии действия».

Идеализация Запада в мировоззренческой позиции Герцена имела, прежде всего, протестный характер. Симпатизируя «самодержавию каждого лица», а не лицу русского самодержавия, он был противником самодержавия и крепостничества в России. Герцен отдавал должное Европе лишь до тех пор, пока знал Запад «книжно, теоретически».

В январе 1847 г. Герцен был вынужден проститься с Москвой и друзьями и уехать за границу, как потом оказалось — навсегда. Важнейшей вехой на пути развития концепции Герцена стал 1848 г. Наблюдая революцию во Франции, он сделал вывод о контрреволюционности буржуазии и неготовности пролетариата к борьбе. На рубеже 1840—1850-х гг. Герцен много писал о гибели буржуазной цивилизации; стал иначе смотреть на Россию, ее историю и перспективы развития.

Герценоведы подсчитали, что А.И. Герцен использовал около 60 тысяч исторических имен и событий в своих сочинениях. Столь широкая осведомленность поражала современников, необычна она и для нашего времени. О раннем увлечении Герцена историей писал А.М. Сахаров, обративший внимание на его неосуществленное намерение создать историко-философский журнал в Московском университете в 1834 г. Уже тогда у юного мыслителя сложилось представление о том, какой не должна быть история, а именно, плохо составленной всеобщей биографией великих людей. История для Герцена — «чистилище, в котором мало-помалу временное и случайное воскресает вечным и необходимым, тело смертное преобразуется в тело бессмертное». «Дух, — писал он в 1843 г. в связи с чтениями Т.Н. Грановского, — понимая свое достоинство, хочет оправдать свою биографию, осветить ее восходящим солнцем мысли, освободить от могильного плена бессмертную душу прошедшего, как то наследие, которое не точится молью... Сам Грановский сказал, что ни в чем так ярко не выражается характер народа, как в понимании истории; я совершенно согласен с ним».

Методологические подходы

Мосты, которые Герцен постоянно наводил между прошлым и современностью, оставляли ему надежду «вывести» или понять собственное положение из «биографии человечества». Вместе с тем он считал недопустимым в политических интересах

конъюнктурно использовать исторические факты в ущерб объективности. В 1844 г. во втором письме «О публичных чтениях г-на Грановского» Герцен писал: «История очень легко делается орудием партии. События былые немые и темные, люди настоящего освещают их, как хотят; прошедшее, чтоб получить гласность, переходит через гортань настоящего поколения, а оно часто хочет быть не просто органом чужой речи, а суфлером; оно заставляет прошедшее лжесвидетельствовать в пользу своих интересов. Такое вызывание прошедшего из могилы унижительно».

Подход к истории как «биографии человечества», в которой были некоторые дивные моменты, позволяло ему, эмоциональной и художественной натуре, писать о социальном творчестве, которое обязательно, с его точки зрения, должно опираться на историю, и ни при каких обстоятельствах не имело права быть беспочвенным. Так в концепции социального времени Герцена смыкалось прошлое и будущее.

История — богатство человека. Только он имеет историю. Свою мысль Герцен записал в статье 1866 г. «Порядок торжествует!»: «Человек отличается от животных *историей*: характер ее, в противоположность животному развитию, состоит в преобладании больше или меньше сознательных усилий для устройства своего быта, в наследственной, родовой усовершенности инстинкта, пониманья, разума при помощи памяти... ясно, что стадная жизнь составляет такое же необходимое условие исторического развития, как и самые лица.

Начало истории — непокорность лица поглощающей его семье, стремление стать на свои ноги и невозможность на них удержаться. Племенным безразличием замыкается животный мир. Мир человеческий в Библии начинается *грехопадением* и *убийством*, разрушающим семейную связь, т.е. постановлением своей воли *выше заповеди* и выше первого условия сожития».

В 1840-е гг. Герцен был склонен судить об истории по аналогии с природой. После 1848 г. эта тенденция проявилась еще отчетливее. Однако при изложении конкретного исторического материала Герцен не писал ни о природных факторах, ни о роли географической среды, если не считать упоминания о колонизации. В 1850—1860-е гг. он отказывается от традиционного «дуализма» истории и природы. Тогда же обозначается натуралистическая тенденция его философии истории.

В литературе можно встретить две точки зрения об эволюции методологических представлений Герцена в 1840-е гг. Ряд авторов, отмечая возрастающую неудовлетворенность Герцена взглядами Гегеля, сближают его воззрения этого времени с представлениями датского философа С. Кьеркегора (1813—1855), чьи основные произведения выходят в 1840-е гг. Кьеркегор подверг критике основополагающий принцип гегелевской философии о тождестве мышления и бытия, указав на его тавтологичность и противопоставив ему существование (*existenz*) как то, что как раз и разделяет мышление и бытие. В экзистенциальной диалектике «прыжок» как переход в новое качество, по мнению Кьеркегора, не объясним. Принципиально не согласна со сближением взглядов Герцена и Кьеркегора З.В. Смирнова. В 1840-х гг. Герцен был склонен выдвигать на первый план не особенности развития отдельных народов, а «великое единство развития рода человеческого», что являлось теоретической основой его спора со славянофилами. Но уже тогда у Герцена появляется мысль, к которой он будет постоянно обращаться в дальнейшем. Именно потому, что Россия в своем развитии обладала рядом особенностей по сравнению с Западной Европой и многое из жизни Европы она не переживала, русская мысль могла объективнее, трезвее и правильнее оценить западноевропейское развитие, нежели мысль самого Запада.

Рассматривая глубоко противоречивые принципы исторического развития западного мира, Герцен, обращаясь к его мыслящим представителям, писал: «Собственность — это блюдо чечевичной похлебки, за него вы продали великое будущее, которому ваши отцы широко распахнули ворота в 1789 году. Вы предпочитаете обеспеченное будущее удалившегося от дел рантье — отлично, но не говорите же, что делаете это ради счастья

человечества и спасения цивилизации. Вам всегда хочется прикрывать свой упрямый консерватизм революционными атрибутами; это оскорбляет, и вы унижаете другие народы, делая вид, будто все еще стоите во главе движения». В термин «мещанство», который Герцен применял по отношению к Западной Европе, он вкладывал социально-политическое содержание и называл его недугом, которым Россия, к счастью, еще не была заражена. Поскольку Западная Европа была «сбита с дороги мещанством», Герцен считал, что «нам нечего заимствовать у мещанской Европы». Западная Европа сама «снова берет у нас ею привитый деспотизм». В отличие от России Европа не обладает стойким национальным иммунитетом, ядро которого в России, по его мнению, составляла община. После 1848 г. Герцен стал считать общину — основным преимуществом нашей страны перед Европой. С этого времени он делал в отношении Европы пессимистические прогнозы, тогда как на Россию, наоборот, стал смотреть с большим оптимизмом.

Научный и пропагандистский подходы у Герцена особенно тесно взаимосвязаны при рассмотрении проблемы Западная Европа — Россия. Он не отделял латинско-германский мир от социального будущего человечества, не признавал исчерпанной для Запада тему революции. «С удесятенной силой пробудились социальные вопросы во всей Европе, не исключая, Англии» — такой вывод сделал Герцен.

История России

В свое время Герцена сильно задело утверждение французского историка Ж. Мишле (1798—1874) о России. Мишле заявил, что России «вообще нет». Она лишь «фантазмагория, мираж, империя иллюзий». Герцен дружил и переписывался с Мишле. Они познакомились в июне 1851 г., сочинения знаменитого историка были хорошо известны Герцену со студенческих лет, да и лекции Мишле ему довелось прослушать еще в 1847 г. Французский историк отказал русским людям в нравственных достоинствах, отрицал существование русской литературы и науки. Герцен сразу же отреагировал на «озлобленные», по его определению, слова французского историка «с глубоким прискорбием».

Мнение же самого Герцена о России и ее истории менялось в течение жизни. Эти изменения хорошо прослеживаются по его работам. «Преданная восточному созерцательному мистицизму, азиатская стоячесть овладевала Россией, к чему располагало и самое огромное растяжение ее по земле плоской, безгорной, удаленной от морей, покрытой лесами. В удельной системе (которая, может произведенная феодализмом, совсем не совпадала с ним) не было ни оппозиции общин, ни оппозиции владельцев государю, а был элемент чуждый, особой формы деспотизм, сплавленный из начал византийских, славянских и азиатских. Двухвековое иго татар способствовало России сплавить в одно целое, но снова не произвело оппозиции. Основывалось самодержавие — и оппозиции все не было...» — такой видел русскую историю Герцен в 1833 г.

В конце 1850-х гг. он писал, что «... в русской жизни бродила бездна сил неустоявшихся: с одной стороны — казачество, расколы, неоседлость крестьян, их бродяжничество, с другой — государственная пластичность, сильно обнаружившаяся в стремлениях раздаться, не теряя единства». Герцен обращал внимание уже на другие факторы отечественного исторического процесса, подчеркивал, что Россия выросла на иных, чем Европа, основаниях. В статье 1866 г. «Порядок торжествует» он их перечислил, особо выделив колонизацию, а также то обстоятельство, что наша страна «окрестилась без католицизма» и процесс формирования государства обошелся без римского права, и, главное, Россия сохраняла как «народную особость свое оригинальное понятие об отношении человека к земле». В концепции Герцена это понятие о земле играло столь важную роль, что автор посчитал нужным дать ему объяснение: «Оно состоит в том, что будто бы всякий работающий на этой земле имеет на нее право как орудие работы». «Это сразу ставит Россию на социальную почву, и притом на чрезвычайно новую». В этом же положении он увидел особенности русской революции: «О земле не поминала ни одна революция, домогавшаяся воли, по крайней мере, после крестьянских войн».

«У нас право на землю — не утопия, а реальность, бытовой факт, существующий в своей естественной непосредственности и который следует возвести в факт вполне осознанный. Все сельское население принимало спокон веку это *естественное право* свое, не рассуждая о нем. Его только не знали в высших слоях, образованных на западный лад.

Сельская община при тех обстоятельствах, при которых она развивалась, ценой *воли* продала землю общиннику. Личность, имеющая право на землю, сама становилась крепка земле, крепка общине. Вся задача наша теперь состоит в том, чтоб развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины». Так Герцен старался разглядеть в истории пути русского социализма. Его видение отечественной истории, несомненно, питали, идеалистические представления мыслителя. Художественная сторона натуры Герцена, склонного к образному видению, порой в ущерб конкретным обстоятельствам, оказывала влияние на его историческую концепцию.

Социализм

С начала 1830-х гг. социализм становится ведущей темой творчества Герцена. Всю последующую жизнь он искал пути его возможного осуществления. По наблюдению Н.М. Пирумовой, продолжая развивать свои идеи по поводу организации человеческого общества, Герцен утверждал, что форма и основа современных государств не отвечает более рациональным требованиям, «сформулированным наукой и сознанием деятельного и развитого меньшинства...». Разум должен либо отступить и признаться с чисто христианским смирением, что его идеал — «не от мира сего», либо решиться разбить эти формы и более не заботиться о судьбе «вечных основ». И одновременно А.И. Герцен писал: «Большое счастье, что наше право на землю так поздно приходит к сознанию. Оно прежде не выдержало бы одностороннего напора западных воззрений, теперь они сами являются в раздумье, с сомнением в груди. Социализм дал нам огромное подспорье». Он выделил прусского чиновника и экономиста А. Гакстгаузена, путешествовавшего по России в 1843 г., назвал его «первым пионером», пошедшим на открытие нашей страны, и поведавшем западному миру о русской общине накануне европейских революций 1848-1849 гг.

«Главным камнем» на дороге русского исторического развития, по Герцену, лежало «чудовищное крепостное право». Он писал: «Наше императорство и наше барство — без корней, и знают это». «Народ любит царя как представителя защиты, справедливости (факт общий всем неразвитым народам) и не любит императора. Царь для него идеал, император — антихрист. Императорская власть держится войском и бюрократией, т. е. машинами».

«Мы предвидим улыбку многих при слове русский социализм. Чему люди не смеялись прежде пониманья?... Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука». В историческом становлении русского социализма Герцен особо выделял петрашевцев и Н.Г. Чернышевского.

М.О. Гершензон, оценивая систему социалистических представлений Герцена, отмечал: «Герцен считал Россию призванной сыграть роль зачинщика и вождя в социальном перевороте; порукой в этом была ему необремененность русской психики, ее варварская свежесть — и глубоко коренящееся в русском народе сознание его права на землю, этот как бы врожденный социализм».

Петр I

Герцен обращался к характеристике роли Петра I в русской истории и в годы своей юности, и уже умудренный жизненным опытом. Статья 1833 г., посвященная «другу моему Диомиду» (Н.П. Огареву), была озаглавлена «Двадцать осьмое января». В этот день умер Петр I, всколыхнувший «мертвую тишину духа народного». До Петра «движений» в русской истории Герцен не видел.

Выделив под влиянием немецких идеалистов категорию «народного духа», Герцен писал, что «просвещение не западало в него, непрерывные войны не развивали его. И Россия, отставшая от Европы несколькими веками, продвигалась тихо, почти незаметно». Все это происходило, по мнению Герцена, потому что в стране не было «ни центра движения, ни ускоряющего толчка». То и другое создал Петр — «коронованный революционер»: «...Явился Петр! Стал в оппозицию с народом, выразил собою Европу, задал себе задачу перенести европеизм в Россию и на разрешение ее посвятил жизнь».

Появление Петра объяснялось как необходимое, но не вынужденное. В статье «Русские немцы и немецкие русские» 1859 г. Герцен писал: «Каким путем эта стихийная жизнь, равнодушная к развитию своих собственных сил и даже к сознанию их, должна была выйти к совершенствованию и измениться — это зависело от разных обстоятельств, но необходимость выхода вовсе не была случайностью». Мысль о роли необходимости в историческом процессе в концепции Герцена не претерпела изменений начиная с 1840-х гг. Он ее воспринимал из литературы: «...необходимость являлась какой-то сокровенной мыслью эпохи» — и одновременно признавал правомерность такой постановки в концепции Грановского.

Герцена интересовал не столько вопрос о правомерности внедрения Петром в Россию «европеизма» (этот вопрос для него совершенно ясен), сколько анализ и оценка того, что внесли петровские преобразования в жизнь страны и их последствия. В Петре I Герцен увидел революцию, т. е. явление, которое всегда исключительно, а следовательно, и односторонне. Революционностью Александр Иванович объяснял жестокости Петра. С Петра начинается «новый акт трагедии, его характер — открытое расторжение народа на две части: одну немую, другую постороннюю народу, бесхарактерную». Для Герцена период русской истории, начавшийся с Петра, стал периодом нового деспотизма. С тех пор вошла в ткань русской действительности «бездна зла»: «аристократия, инквизиционный процесс, военный деспотизм, разделение сословий, произвольные нововведения, составляющие иллогизмы».

Герцен отчетливо видел особенности Петра: «Ежели мы и примем необходимость Петра в России... то тем не менее обширна его самобытность», «...силою своего гения, — вопреки народу, он выдвинул отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями». Петра он сравнил с кометой, которая исчезла, «не совершив кругооборота», впрочем, сыграв отведенную ему роль «революционного фермента».

В 1857 г. в статье «Революция в России» Герцен обращал внимание на необходимость преодоления тяжелых для русской истории последствий деятельности Петра: «...соединить две России, между которыми прошла петровская бритва». И все же, даже в 1858 г., Герцен не пересмотрел коренной оценки в деятельности Петра, признав, что он был прав «в стремлении выйти из неловких, тяжелых, государственных форм Московского царства». «С того дня, как Петр увидел, что для России одно спасение — перестать быть русской, с того дня, как он решился двинуть нас во всемирную историю, необходимость Петербурга и ненужность Москвы определилась» — таково было качественное изменение, привнесенное в положение страны Петром.

Н.Г. Чернышевский (1829-1889)

Выдающийся социальный мыслитель Н.Г. Чернышевский был на 16 лет моложе «лондонского изгнанника» (так называли Герцена в 1850- 1860-х гг.). Он принадлежал к другому поколению, вырос в иной среде, отличным был и его жизненный опыт. Чернышевский родился 24 (12) июля в Саратове. Окна дома, где жили Чернышевские и Пыпины, выходили на Волгу. Отец в 1812-1816 гг. учительствовал в Пензенской семинарии. Он был священником, свободно читал по-гречески, латыни, по-французски, знал математику и историю. Под влиянием отца и любившей читать матери, Чернышевский, по его собственному признанию, очень рано «сделался библиофагом, пожирателем книг». С семи лет он «рылся» в библиотеке отца. В 1842 г. Чернышевский поступил в Саратовскую

духовную семинарию, там он удивлял преподавателей и товарищей своей начитанностью. Еще до семинарии он учил латинский, греческий, еврейский, французский, польский и немецкий языки. В семинарии освоил татарский и арабский. Многосторонними и обширными были его знания и по истории. История была любимым предметом семинариста Чернышевского. Из 63 семинарских сочинений 40 он посвятил историческим темам. Чернышевский определял истории место важнейшей составной в «науке о человеке». Говорил, что «не любить историю может только человек, совершенно не развитый умственно».

В Петербургском университете (1846—1850), где Н.Г. Чернышевский учился на историко-филологическом отделении, он был одним из любимых учеников И.И. Срезневского. В его семинаре Чернышевский прошел школу научной добросовестности, бескорыстного служения избранному делу, безграничного трудолюбия, самостоятельности в исследованиях, т. е. укрепил в себе те черты, которые стали определяющими во всей его жизни. По окончании Петербургского университета, уже работая учителем гимназии в Саратове, Чернышевский составил словарь к Ипатьевской летописи и в 1851 г. опубликовал «Опыт словаря из Ипатьевской летописи» в Известиях Отделения русского языка и словесности. По отзыву Срезневского, этот словарь был «первым после Словаря Востокова к Остромирову Евангелию основным трудом в данной области языкознания». Чернышевский думал над созданием так называемого «реального словаря русской истории и древностей... до конца XIII в.» и обсуждал его план в переписке с учителем, одновременно редактировал словарь В.И. Даля, изучал летописи.

Чернышевского хорошо знал Н.И. Костомаров. Осенью 1849 г. Чернышевский посещал в Петербурге кружок земляка И.И. Введенского, по духу близкого петрашевцам. Так, в беседах с Е.Г. Благодетелевым, А.А. Чумиковым, А.П. Милюковым, Д.И. Минаевым он расширил свои представления о творчестве Белинского и Герцена.

В 1850 г. Введенский помог Чернышевскому устроиться учителем во 2-й кадетский корпус в Петербурге, но по просьбе родителей весной следующего года тот возвращается в Саратов, где начинает работу учителем русской словесности в гимназии. Он высказывал на уроках свое мнение по запретным тогда для обсуждения темам: крепостного права, суда, воспитания, религии, политических наук. Об идеологической составляющей своих занятий Чернышевский отзывался следующим образом: «Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой, — я такие вещи говорю в классе».

В январе 1853 г. Чернышевский встретил Ольгу Сократовну Васильеву. В апреле состоялась свадьба, и вскоре молодые уехали в Петербург. Чернышевский собирался писать магистерскую диссертацию «Эстетическое отношение искусства к действительности». В 1855 г. она была защищена. В середине 1850-х гг. он становится руководителем журнала «Современник», на страницах которого публикует свои историко-литературные и социально-политические статьи, а на рубеже 1850—1860-х гг. — статьи по экономическим проблемам.

В 1862 г. Чернышевский был арестован, пережил семь лет каторги (1864—1871), затем ссылку в Вилуйске. В 1881 г. он получил право жить в Астрахани. Незадолго до смерти в 1889 г. вернулся в Саратов.

Обстановка, в которой жил и действовал Чернышевский, не могла не влиять на выработку его концепции и ее эволюцию. Да и сам Чернышевский утверждал, что для развития человека, его духовного мира очень важно, какова социальная действительность, насколько она человечна, может ли человек черпать в ней материал для воспитания в себе человека. «Отстраните, — писал он, — пагубные обстоятельства, и быстро просветлеет ум человека и облагородится его характер». В литературе можно встретить мнение (В.Л. Абушенко), согласно которому условия изоляции, в которые Чернышевский попал после ареста, «приостановили духовное развитие» и он пошел «по пути упрощения ряда своих ранних идей». «У позднего Чернышевского, — считает В.Л. Абушенко, — последовательная (до логического конца) проработка идей приводила зачастую к крайним формам материализма, атеизма и социологизма, редукционно упрощая и вульгаризируя ряд

плодотворных содержательных разработок более раннего периода». Это мнение выведено на страницы новейшего философского энциклопедического словаря.

Герцен и Чернышевский

Заочное знакомство Чернышевского с высказываемыми Герценом мыслями для печати, видимо, можно отнести к началу 1840-х гг. Известно, что тогда в семье Чернышевского читали статьи А.И. Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Чернышевский очень высоко ценил журнал «Отечественные записки» в годы сотрудничества в нем В.Г. Белинского и А. И. Герцена. Философские искания Белинского и Герцена во многом облегчили Чернышевскому процесс выработки собственного мировоззрения, помогли определиться в отношении к философии Гегеля. Прочтя Гегеля в подлиннике, Чернышевский с удивлением констатировал, что он «понравился ему гораздо меньше, нежели ожидал он по русским изложениям». Центральной фигурой, повлиявшей на духовное развитие Чернышевского, был другой немецкий философ, ученик Гегеля — Л. Фейербах (1804-1872), порвавший с учением учителя и критиковавший гегельянство с материалистических позиций.

Современные авторы подчеркивают, что демократ и социалист-утопист Чернышевский воспринял общинный идеал Герцена и в этом смысле, несомненно, являлся его последователем. Считая прогресс физической необходимостью, «законом нарастания» элементов нового с целью совершенствования старого, он полагал, что «прогресс основывается на умственном развитии», «успехах и развитии знаний», и видел тот же, что и Герцен, результат исторического процесса — социализм. Еще более страстно, чем Герцен, он отрицал насильственную отмену крепостного права, так как в восстании крестьян видел угрозу сохранения самой цивилизации и потому, как и Герцен, усиленно поддерживал готовившуюся реформу и старался придать ей действительно освободительный характер.

Личная встреча Герцена и Чернышевского состоялась в 1859 г. в Лондоне. Поводом к ней послужил конфликт, разразившийся между «Современником» Чернышевского и «Колоколом» Герцена. Теоретические расхождения между Герценом и Чернышевским по существу касались двух вопросов: отношения к дворянской интеллигенции (и через нее к наследству 40-х гг.) и обличительной литературе. Герцен был недоволен отношением нового поколения к своим предшественникам. Эта встреча, ставшая единственной, не привела к установлению дружеских отношений. По свежим следам своего визита Чернышевский написал Н.А. Добролюбову: «Разумеется, я ездил не понапрасну, но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него... Если хотите вперед знать мое впечатление... Кавелин в квадрате — вот Вам и все». Герцен о посещении Чернышевского не написал из конспиративных соображений. Впервые «Колокол» Герцена заговорил о Чернышевском в 1864 г. в связи с его гражданской казнью и отправкой в сибирскую каторгу. Уже после смерти Герцена Чернышевский писал А.Н. Пыпину в 1883 г.: «...давным-давно я примирился с этим человеком (в душе примирился, разумеется; видаться или переписываться с ним я не имел случая)...»

Философские основания концепции

Чернышевский еще в студенческие годы чувствовал в своей душе семена, которые, если разовьются, «могут несколько двинуть вперед человечество в деле воззрения на жизнь». Сознание своей особой роли в будущем определило его динамичное духовное развитие. Студенческие дневники Чернышевского за 1848—1851 гг. воспроизводят процесс становления и самоутверждения личности, раскрывают формирование его социально-политической позиции и философского мировоззрения, в них уже звучит революционно-романтическая нота.

В философских произведениях Чернышевского в основание концепции был положен антропологизм («Антропологический принцип в философии» (1860) — ответ на раннюю работу П.Л. Лаврова «Очерки вопросов практической философии»; «Письма без адреса»

(1862); «Характер человеческого знания» (1885) и др.) В системе представлений о бытии, природе, обществе, культуре, истине, добре, благе, долге, свободе понятие «человек» рассматривалось как базисная категория.

Личный природный эгоизм (как волевое начало) мог быть поставлен под контроль разумом, нигилистически относящимся к несовершенству окружающей социальной жизни и исходящему из идей общей пользы. Ради ее достижения Чернышевский допускал возможность революционного насилия над сопротивляющимися и противодействующими этой идее.

Нормирование через категорию должного порождает принципы так называемого разумного эгоизма. Следование последним накладывает очень сильные (в пределе — аскетические) ограничения на личность, требует подчинения им всей жизни (в том числе и частной), что доступно далеко не всем, а только «новым людям», посвящающим жизнь революционному переустройству мира.

Община выступает у Чернышевского как единый организм, обладающий духовным измерением. Индивид включен в социальной и индивидуальной жизни в цепь обусловленностей и причинных зависимостей, делающих невозможным феномен свободы воли. Человек суть единая сущность, соединяющая в себе материальную и духовную стороны жизни.

Тема общины — одна из сквозных в творчестве Чернышевского. Спор об общине между Б.Н. Чичериным, с одной стороны, и И.Д. Беляевым и А.И. Кошелевым — с другой, сразу стал предметом особого внимания Чернышевского. В 1856 г. в двух номерах «Современника» он подробно рассмотрел статью Чичерина и его книгу «Областные учреждения России в XVII в.». Чернышевский согласился с мнением оппонентов Чичерина о патриархальном происхождении русской общины. Он считал, что ни приход варягов, ни захват земель владельцами не изменил *принцип* общинного землевладения. «В какие бы руки ни переходила высшая власть над землею, которую населяют и непосредственно обрабатывают поселяне, они все-таки обрабатывали и делили ее между собою по старому обычаю», — считал Чернышевский. Община не разрушалась, как утверждал Чичерин, и не «учреждалась» государством заново, поэтому «опровергнуть понятие о пашей общине как остатке глубокой древности, а не создании XVII—XVIII столетия дело едва ли возможное» — так Чернышевский подвел итог первым высказываниям в отечественной историографии по теоретическим вопросам общины. Утверждения славянофилов о патриархальном, а не государственном происхождении общины, о порядке общинного землепользования, подведение читателя к мысли об исконном праве крестьян на землю представлялись Чернышевскому заслуживающими внимания. Исходя из них Чернышевский имел возможность развить собственные мысли, использовать совпадения для того, чтобы, сославшись на них, пойти дальше.

Вслед за Герценом он рассматривает общину как проявление и выражение «подлинного», «естественного» бытия человека. Община выступает у Чернышевского как носитель социалистического начала (русский мужик как стихийный «революционер» и «социалист»). Отсюда и его общая с Герценом идея «избегания» Россией стадий капиталистического развития и прямого перехода (через крестьянскую революцию у Чернышевского) к социализму. Основным отличием общинной теории Герцена от взглядов на общину Чернышевского было лучшее знание последним русских реалий. Чернышевский не идеализировал общину. Разрабатывая «экономическую теорию трудящихся», он мечтал о «сильных машинах для хлебопашества»: они произведут революцию в сельском производстве, потребуют организации хозяйств в огромных размерах, на сотни десятин. Сущность социализма в представлении Чернышевского заключалась не в новой комбинации уже имеющихся элементов жизни, не в перераспределении накопленных богатств по законам справедливости и добра, а в создании новых способов производственной деятельности и новых форм общественной и частной жизни. В самом таком обществе заключены возможности для бесконечного внутреннего совершенствования.

При этом признание позитивной необходимости трансформации русского общества на социалистических началах неизбежно приводило Чернышевского к идеализации роли сильной русской государственности в этом процессе. Данный круг идей лег в основу народничества как социально-философского направления русской мысли. Смысл наследия Чернышевского раскрывается в полной мере только в связи с будущим.

Историческая концепция

Конечно, Чернышевского больше интересовала современная история. И едва ли мы можем говорить о каком-то новом слове Чернышевского в исторической науке в отличие от основных сфер его занятий — эстетики, политэкономии, литературной критики, художественного творчества. Но, как отметил В.Ф. Антонов, будучи публицистом и одним из вождей освободительного движения, Чернышевский «логикой и потребностью борьбы чуть ли не ежедневно обращался к истории, привлекая ее для решения задач современности и прогнозирования будущего». В этих целях он отбирал для рецензирования и анализа исторические исследования. Давая читателю новый материал для размышлений, Чернышевский направлял его мысль в нужном направлении. Своим участием в полемике профессиональных историков, например М.П. Погодина и Н.И. Костомарова о происхождении Руси и другими дискуссионными выступлениями, он влиял на историографическую ситуацию, содействуя развитию науки.

Историческая концепция Чернышевского интересна еще и тем, что она имеет решающее значение в понимании его мировоззрения в целом. Н.К. Фигуровская подчеркнула отличие исторической концепции Чернышевского от исторических представлений Герцена.

В основу объяснения хода истории Чернышевский положил триаду развития Гегеля — Шеллинга: начало развития, ускорение развития и высший этап, который «по форме» совпадает с начальной ступенью, «существенно отличаясь от него содержанием». Н.К. Фигуровская отметила, что этот научный вывод Чернышевский оценивал чрезвычайно высоко: «Высший этап развития повторяет начальную форму развития, т. е. первобытно-общинный строй».

Соглашаясь с идеей английского историка-позитивиста Г.Т. Бокля, автора «Истории цивилизации в Англии», о том, что история движется «развитием знаний», Чернышевский увидел единство многообразия и богатства «надстройки» в обстоятельствах экономической жизни. В истории «развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования». Естественную основу исторического прогресса он видел во врожденной способности и охоте людей трудиться, во внутреннем стремлении массы к улучшению своего материального и нравственного быта. Таким образом, Чернышевский считал необходимым обогатить концепцию интеллектуального прогресса Г.Т. Бокля материалом экономической истории.

Н.К. Фигуровская подчеркнула еще одно обстоятельство: «Система производственных отношений интересовала Чернышевского лишь в аспекте того, как она влияет на заинтересованность каждого отдельного производителя в процессе труда, насколько она соответствует социальной справедливости, общественной пользе... В целом его методологический подход уходил корнями в слабое развитие капитализма в России, в мировоззрение социалистов-утопистов, в традиции русской общественной мысли с ее социальной направленностью и свойственной ей нравственно-этической оценкой социальных явлений».

По сравнению с предыдущими формациями, прежде всего феодализмом, Чернышевский признавал прогрессивность капитализма. Он констатировал вступление России на путь «мирового хозяйства». Но в целом Чернышевский оценивал негативно буржуазный строй и полемизировал с его сторонниками.

История России

Чернышевский размышлял о роли в истории русской государственности факторов национальности, природы и внешних сил. Он считал, что «времена дорюриковские не представляют нам в русских славянах почти ни одной своеобразной черты». Иное Дело история Руси X-XIV вв. и особенно XV-XVII вв.

Россия, по его мнению, представляла «одну местность, не имеющую никаких естественных перегородок, через которые трудно было бы перебраться государственному единству». Опасной для ее единства была обширность пространств с малочисленным и экономически неразвитым населением. В этих условиях судьбу страны может решить внешний фактор (опасность) и удельные устремления власти. Два последних обстоятельства сыграли для Руси злую роль, став причинами ее распада на уделы. Однако, по мнению Чернышевского, даже в условиях удельной разобщенности в народе живет идея о его одноплеменности, которая сохраняет жизненные силы, способные к восстановлению государственности при определенных обстоятельствах. «Натура» народа «влекла все части к соединению и привела их к единству, как только население размножилось настолько, что между разными частями уже не оставалось непроходимых пустынь и вымерли в европейском климате дикие силы азиатских орд, долго не дававших народу опомниться вечными тревогами своих вторжений».

Таким образом, в глазах Чернышевского фактор национальности является определяющим в сохранении единства русской государственности: «Народ проникнут сознанием единства», все заключается в этом народе, поэтому нечего искать других причин к возникновению этого единства. Политика централизации, которую проводили московские князья, только тормозила дело объединения, способствовала удержанию ига, «призывала татар на русскую землю; она по возможности старалась упрочить, расширить и продлить их тяготение над судьбой великорусского племени». Чернышевский считал, что централизации были выгодны все возраставшие нашествия татар на русскую землю; она по возможности старалась упрочить, расширить и продлить их тяготение над судьбой великорусского племени». Антинародный характер власти проявился в полной мере: централизация «задерживала, сколько могла, освобождение русской земли от татар». Политическому фактору Чернышевский противопоставил демографический. Он считал, что прекратить раздробление могло размножение народа. От этого исчезнут «слишком обширные пустыни между его частями. Силу естественных законов мыслитель считал неодолимой: «Люди размножались, потому что земледельческое население не может не размножаться, пока есть пустая земля». С каждым поколением русский народ становился сильнее и способнее останавливать набеги татар, а затем и перешел в наступление, отбивая у дикарей «одну полосу земли за другой». Татары, наоборот, «слабели, хирели, вымирали» от поколения к поколению, В.Ф. Антонов, рассмотрев систему представлений Чернышевского, пришел к выводу о том, что он нанес ощутимый удар по теории «татарского» происхождения русского государства.

Московское государство представлялось Чернышевскому оригинальным явлением, почвой, на которой построил свою империю Петр Великий. Он писал о том, что Московское государство «стоит в непосредственной связи с историей русской империи, созданной из него Петром Великим». Знание истории Московского государства Чернышевский считал непременным условием понимания нашей новейшей истории. Однако XVI в. интересовал Чернышевского в крайне малой степени. Он ассоциировался с Иваном Грозным, личностью однозначно отрицательной. Что же касается политической истории XVII в., то ее Чернышевский рассматривает как отжившее прошлое, полностью себя исчерпавшее «старое».

Начало великого дела просвещения России Чернышевский связывал с именем Петра: «Для нас идеал патриота — Петр Великий; высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека». Могуществом и богатством современная Россия, в

глазах Чернышевского, была обязана тому, что русские благодаря Петру Великому стали народом образованным. Если сначала идеализация дела и личности Петра I шла в большей мере от неприятия николаевской дореформенной действительности, то в начале нового царствования, особенно в 1856 г., восхищенные оценки Петра объясняются надеждами, которое тогда возлагало русское общество на Александра II в деле освобождения крестьян.

По мере того как у Чернышевского рассеивались иллюзии в отношении Александра II, нарастала и его критика действий Петра. Смысл и цель его деятельности открылись Чернышевскому в ином свете. Они сводились к созданию сильной военной державы. Не видит уже Чернышевский и коренного отличия Петра от его предшественников на троне: «У самого Петра Великого все важные для общественной жизни понятия и все принципы действия были совершенно русские понятия и принципы времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. От своих противников отличался не характером идей, а только тем, что он понимал надобность, а они не понимали надобности устроить войско по немецкому образцу... Но для чего нужно войско, как должно быть устроено государство, какими способами должно быть управляемо, каковы должны быть отношения власти к нации — обо всем этом он думал точно также, как и его противники. Он был истинно русским человеком, не изменившим ни одному из важных в общественной жизни понятий и привычек».

Чернышевский шел к пониманию исторической исчерпанности петровских преобразований и отстаивал необходимость изучения преобразований в преломлении народной жизни.

О «веке Екатерины» Чернышевский оставил лишь мимолетные замечания, не имеющие концептуального характера. Первая четверть XIX в. интересовала мыслителя не как время Александра I, а как период неудавшейся реформации сломанной жизнью М.М. Сперанского.

Чернышевский много писал о войнах. Он негативно оценивал войны, связанные с захватом чужих территорий, оправдывал освободительные войны начала XVII и XIX вв., считал их отвечающими интересам страны и народа.

Высокую оценку работам Чернышевского дал К. Маркс, считавший, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные — суть только компиляторы». Маркс говорил, что политическая смерть Чернышевского является потерей для ученого мира не только России, но и целой Европы. В.И.

Ленин считал Н.Г. Чернышевского единственным, действительно великим русским писателем, «который сумел с 50-х гг. вплоть до 1888-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников». Ленин высоко оценил «теорию трудящихся», в которой Чернышевский обосновывал необходимость передачи продуктов труда производителям материальных ценностей.

Историк общественной мысли Ю.М. Стеклов (Нахамкис) (1873—1941) утверждал, что Чернышевский самостоятельно открыл материалистическое понимание истории. Это не так. Чернышевский не создал материалистического понимания истории, но к экономическому детерминизму он действительно был близок. На этом основании Ю.И. Семенов называет Н.Г. Чернышевского предтечей историко-экономического направления в русской исторической науке.

А.П. Щапов (1821 — 1876)

Афанасий Прокопьевич Щапов известен как первый русский историк, который положил в основу объяснения исторического процесса нашей страны революционно-просветительские идеи. Он настойчиво ставил вопрос о месте и значении трудового народа в истории России. «Главный фактор в истории есть сам народ, дух народный, творящий историю... сущность и содержание истории — есть жизнь народная», — в этом Щапов был глубоко убежден. Оригинальный историк церкви и раскола, знаток народного быта — все

это тоже А.П. Шапов. Предметом его исследования была жизнь простого народа: быт, нравы, мирозерцание, заслуги перед историей, отношение к другим классам общества, борьба за улучшение своего положения.

В творчестве Шапова биографы и исследователи выделяли разные черты. Так, Н.Я. Аристов и другой биограф Шапова — Г.А. Лучинский видели в Шапове ученика славянофилов. Однако близкий к славянофилам М.О. Коялович не усматривал славянофильства в воззрениях Шапова, а писал о «крайностях» этого «писателя, вышедшего из духовной среды и задумавшего все объяснить в русской истории посредством естествознания, в котором он, однако, не был специалистом». Г.В. Плеханов отметил сильное влияние идей Шапова на умственное развитие отечественной «нарождающейся демократии» и считал его одним из родоначальников народничества. Он подчеркивал, что если труды Шапова и не легли в основу, то, по крайней мере, были «весьма значительным вкладом в историю народничества». И ту и другую точку зрения не приняла советский автор М.Е. Киреева.

М.Н. Покровский квалифицировал идеологию Шапова как «крестьянскую», а самого историка отнес к «типично крестьянским историкам», подчеркивая при этом, что до Шапова «ничего подобного во всей русской исторической литературе вы не встретите». Покровский в мировоззренческих основаниях концепции Шапова подчеркивал «не наш, не марксистский, не пролетарский, не рабочий, а чисто мужицкий материализм». В 1927 г. А.Л. Сидоров написал большую статью о Шапове для историографического сборника «Русская историческая литература в классовом освещении», уделив особое внимание исторической концепции, философским и политическим взглядам историка. Как и Плеханов, Сидоров считал историческую теорию Шапова народнической, но, следуя Покровскому, Сидоров объяснял «крестьянскую теорию» Шапова наличием в стране торгового капитала и слабым развитием капитала промышленного. Н.Л. Рубинштейн видел в Шапове наследника «шестидесятников-просветителей». С его точки зрения, именно к ним теоретические позиции историка были ближе всего.

А. П. Шапов родился 5 октября 1831 г. в селении Анга Иркутской губернии. По отцовской линии его род был из духовного сословия. Священником в одной из губерний Европейской России был его прадед, сосланный потом в Сибирь. Отец служил дьячком (по другой версии пономарем) в местной ангинской церкви. Мать же была неграмотной бурятской крестьянкой.

Отец научил Шапова читать и писать, после чего отдал в Иркутское духовное училище. Путь Шапова в науку не был оригинален. Он чем-то напоминает путь, позднее пройденный В.О. Ключевским. Как и у Ключевского, определение системы приоритетов — «всецелая, кровная симпатия и преданность к горемыке-пролетарию», любовь к «русскому мужичку» — у Шапова зарождается в «глубинке», в родной для историка народной среде. Им обоим, казалось, было уготовано сословное предназначение... Однако в процессе духовного образования рождалось истинное призвание.

Шапов сначала учился в Иркутском духовном училище, затем в Иркутской семинарии, а с 1852 г. в Казанской духовной академии. Историк Казанской духовной академии П. Знаменский, а также воспитанники академии оставили описания мрачной, унылой, давящей обстановки последних лет царствования Николая I: «Время нашего студенчества было до такой степени смиренно и скучно, что студенты последующих курсов с трудом могут составить себе об этом понятие. Суровый режим академии, наказания за проступки (курение и короткое платье), отсутствие корпоративных связей между студентами...».

Оживление начинается в годы Крымской войны. Наряду с преподавателями, которые считали «Историю цивилизации» Ф. Гизо «ужасной книгой» и утверждали, что «светская наука и литература — это обширнейшая пустота», были и преподаватели другого плана, привнесшие либеральную светскую струю в образование будущих служителей культа.

Проблема раскола и формирование концепции

В академии Щапов учился не только что открытом в 1854 г. противораскольническом отделении. Он жил обособленно и занимался науками. В 1854 г. для магистерской диссертации Щапов взял тему: «О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядчества во второй половине XVII и в первой половине XVIII века». В переработанном виде диссертация была опубликована в Казани в 1858 г. и называлась «Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола».

Суть обеих формулировок говорила о несомненном внимании автора к проблемам внутренней истории России, его стремлении рассмотреть раскол — крупнейшее явление русской жизни — не только как церковное явление, но и как выражение социальных противоречий эпохи. Тем самым Щапов показал, что для понимания хода русского исторического процесса во всем его многообразии историк должен выйти за рамки узкоцерковной тематики. Такой подход выделял Щапова. Он сознательно отказался от роли историка «богоотступничества». Не стал проповедовать истинности идей христианской религии и обличать «неверных», богом и церковью проклятых отступников. Причины раскола историк объяснял не столько приверженностью к букве и обряду или нравственным падением русского общества и духовенства, сколько социально-экономическими причинами, составлявшими основания государственного и общественного порядка.

А.Н. Цамутали высказал предположение о влиянии, оказанном на Щапова П.И. Мельниковым (А. Печерским), а именно содержательной стороной его «Отчета о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», который поступил в академию как раз в период написания диссертации Щаповым. Критика Мельникова (Печерского) сфокусировалась на косности чиновников и невежестве духовенства. «В еще большей мере, — пишет Цамутали, — по-видимому, сказалось воздействие на Щапова западных идей Т.Н. Грановского и революционных призывов А. И. Герцена».

Авторитетные влияния несколько не уменьшают заслуги Щапова. Для историографии тех лет нарисованная им картина лихоимства сборщиков податей и притеснений государственных чиновников; тяжелого положения закрепощенного крестьянства, которое искало спасения в лесах и раскольничьих скитах, — выглядела непривычно. От работ других историков церкви и раскола Щапова заметно отличало глубокое и истинное народолюбие. И это качество обрело концептуальный характер.

Щапов подошел к рассмотрению раскола как формы социального протеста народных масс против «податей и даней многих», против всего социально-политического строя России. В расколе он увидел знамя народных гражданских бунтов. Участие народа изменило характер раскола. Из явления церковной жизни, каким он был вначале, затем, по мнению Щапова «перешел в сферу гражданской, народной жизни» и кроме «духовно-демократического и мистико-фантастического» принял еще и «чисто гражданский характер», т.е. превратился в противоположительное демократическое движение.

Уже в диссертации проявился коренной принцип, которому ученый следовал неизменно — единство науки и жизни. С одной стороны, вопросы живой действительности врывались в схоластические и богословские труды, а с другой — история отвечала на вопросы современности. Тем более что в общественных отношениях позднейших времен сохраняются обычаи и институты, которые существовали искони, несмотря на воздействие новых влияний и преобразований. Щапов, которого отличало тонкое чутье современности, стремился выявить и проанализировать ее корневую систему, т.е. найти объяснение сегодняшним явлениям в историческом прошлом русского народа. Такой подход встречал поддержку редакции журнала «Современник»: «Г. Щапов не останавливается на одних предварительных изучениях и старается ввести читателя в самую среду этой исторической жизни народа в известную эпоху, объяснить ту связь, которая соединяет его старину с

настоящим, и от давнего исторического вопроса привести к вопросу современному и практическому. В этом мы видим существенное и высокое достоинство трудов г. Щапова, как бы ни были иногда неверны или преувеличены в некоторых частностях».

Основу диссертационного труда Щапова составляли материалы из собрания рукописей XI—XVIII вв. библиотеки Соловецкого монастыря. В 1854 г. его эвакуировали в Казанскую духовную академию в связи с опасностью английского флота в условиях начавшейся войны. Через 12 лет жития святых из сокровищницы библиотеки там же в Казани будет осваивать В.О. Ключевский.

Труд Щапова был положительно оценен С.М. Соловьевым и К.Н. Бестужевым-Рюминым и одновременно вызвал критику слева и справа. Рецензия М.А. Антоновича, подготовленная для «Современника», была одобрена Н. А. Добролюбовым. В академии же долго оставался открытым вопрос о том, чтобы оставить Щапова в академии в качестве профессора.

К сожалению, тексты лекций, прочитанные им в академии в 1856 — 1860 гг., не сохранились. Мы можем о них судить по нескольким названиям, опубликованным в академической печати, а также упомянутых Аристовым, и еще по отчету Щапова о содержании лекций 1859 г. Биографы историка сходятся во мнении об оригинальности курса: «Лекции его были не деланные, а самобытные, в которых он проводил свой личный взгляд и убеждения...» Сначала Щапов преподавал церковную историю, но уже в 1857 г. ему поручили курс гражданской истории. По наблюдению Цамутали тогда Щапов еще не имел собственной зрелой концепции: «В чем-то он сближался с идеями западников, в чем-то со взглядами славянофилов. В какой-то мере на его построениях оставался след догматов, свойственных взглядам, господствовавшим в сфере церковных историков того времени».

Профессор Нежинского историко-филологического института Н.Я. Аристов, написавший биографию Щапова, лично знал историка и считал, что лучший творческий период его жизни был связан с Казанской духовной академией (1852— 1860 гг.). Его переход в Казанский университет и последовавшее затем знаменитое выступление историка после панихиды . 16 апреля 1861 г. в Казани по погибшим 10 апреля 1861 г. в селе Бездна Пензенской губернии (там было подавлено восстание крестьян, выступивших в поддержку крестьянина Антона Петрова, утверждавшего, что помещики скрыли от народа царский манифест); а также свойства личности: общественный темперамент Щапова и его политическая позиция (провозглашение ценностей демократической конституции), — все это, несомненно, воздействовало и усиливало публицистическую струю в творчестве ученого. Воспринималась данная тенденция по-разному. Аристов, например, считал, что отданный Щаповым приоритет публицистике означал его гибель для науки.

В августе 1861 г. Щапова на год пригласили читать лекции по русской истории на историческом факультете Казанского университета вместо переведенного в Москву Нила Александровича Попова. Выбор преемником Щапова Попов обосновывал его научными заслугами. Его переходу в университет способствовали ректор университета А.П. Бутлеров и попечитель Казанского учебного округа кн. П.П. Вяземский. В университете Щапов оставался в духовном звании и в должности бакалавра русской истории.

Преподавательская деятельность Щапова была недолгой, но яркой. Его лекции имели успех: «Пока Щапов занимал у нас кафедру русской истории, он царил в университете, каждое его появление на кафедре было своего рода триумфом, долгое время в тот час, когда читал г. Щапов, все остальные профессора прекращали свои лекции; клиника и анатомический театр пустели... городская публика... стремилась послушать «знаменитость» на сцене... Одно время... только и речи было, что о Щапове, а о студентах... говорить нечего: ходили, ошалелые от восторга». В чем была причина его успеха? Что оказалось интересным слушателям?

Прежде всего то, что основу курса составила не история государства и государей, а история народа, образования сельской и городской общин, развития сельского и городского самоуправления, рассмотрение возникновения и развития сопротивления

государственным стремлениям к подчинению и закреплению свободно развивающихся народных организаций. Все это звучало злободневно.

Актуализация исторических проблем имела самые непосредственные последствия для Щапова. О содержании его речи 16 апреля 1861 г. после панихиды о погибших в селе Бездна I Александр II узнал из текста донесения Казанского генерал-губернатора Козлянинова. Император тотчас написал резолюцию: «Щапова необходимо арестовать». Он был доставлен в Петербург. Возвратиться в Казань историку не довелось.

Некоторые авторы оценивали петербургский период в жизни Щапова, ввиду увлеченности ученого журналистикой, как время траты сил в ущерб науке. С этим едва ли можно согласиться. Три петербургских года Щапова (1861—1864) отмечены демократической составляющей концепции, интересом к ученому научных и общественных кругов, активным участием в общественной жизни страны. Новые люди, новые идеи влияли и инициировали серьезную внутреннюю духовную работу и эволюцию. Именно тогда в Щапове назревает перелом, завершенное концептуальное оформление которого происходит в Сибири.

А внешне события выглядят следующим образом. После выхода из-под ареста Щапов познакомился с издателями нескольких передовых журналов, где опубликовал статьи: «Великорусские области в Смутное время», «Земство и раскол», «Земский собор 1648 — 1649 гг.» (в «Отечественных записках»), «Бегуны» (во «Времени»). Особенно близким было сотрудничество Щапова с Г.З. Елисеевым (тот вел «Внутреннее обозрение» в «Современнике») и В. С. Курочкиным (редактором сатирического журнала «Искра»). Щапов бывал у Н.И. Костомарова, В.И. Семевского, А.Н. Пыпина.

Публицистика позволяла Щапову популяризировать свои знания. Вместе с Елисеевым он создал артель литераторов и участвовал в организации газеты «Мирской толк», для которой написал очерки «К тысячелетию России», «О русских раскольниках», «О русском управлении XVIII в.». Газету не удалось открыть. Но он предполагал в последующих работах уже для других изданий исследовать нерв, найденный им в истории России — историю народа, называя народ — «самой почвой нашего саморазвития».

После диссертационного дебюта Щапова на научном поприще, в его мировоззрении и исторических трудах усиливаются демократические, а затем и революционные настроения. Он был особенно восприимчив к критике своей диссертации со стороны редакции «Современника». Симпатии Щапова к радикальному направлению общественной мысли России были неизменны. Он с большим уважением относился в Радищеву, Рылееву, видел в них великих граждан России; к идеям Герцена проявлял интерес со студенческих лет.

В 1862 г. вышла отдельным изданием работа Щапова «Земство и раскол». Поводом к ее опубликованию стала книга Г. Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия и история Выговской пустыни». Щапов не мог согласиться с его трактовкой раскольничьего движения, в котором подчеркивалась только одна сторона — религиозное заблуждение людей, приверженных старым обрядным формам. Однако причина была глубже. Во второй части работы Щапова, имевшей подзаголовок «Бегуны», автор учел критику «Современника». Он развил мысль о расколе как явлении, вызванном несогласием и борьбой народа с существующим общественно-политическим порядком. Щапов остановился на характеристике положения крестьянства, городских сословий и купечества в допетровскую эпоху и в XVIII в.

Проанализировав политику самодержавия, он показал, как тяжелое положение разных слоев населения, лишение их свободного развития и «самоустройства» порождало великое оппозиционное движение «земства» против «государства». Когда же народ лишили былого самоуправления, закрепили и наложили на него невыносимые государственные налоги и подати, тогда, по мнению Щапова, и начались бунты и восстания народные, а вместе с ними явился раскол. Историк писал: «Никто тогда не думал, что это будет могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского. Никто тогда не думал, что этот раскол возник для

объединения, для обобщения всех бывших дотоле и будущих разрозненных местнообластных народных движений в одно общее оппозиционное согласие недовольного земства, для обобщения всех неудовлетворенных, челобитных воплей, желаний, стремлений, недовольств, антипатий, протестаций и верований массы народной в одну оппозиционную общинно-согласную церковно- и гражданско-народную доктрину с подразделением только «а разные частные толки и согласия».

Сопоставив раскол с массовыми народными выступлениями, Щапов показал, что под религиозной оболочкой скрывался политический протест. По его мнению, раскол был самым близким к народу, наиболее жизнестойким и массовым протестным движением. Однако стремление Щапова доказать правоту концепции имело следствием идеализацию прошлого, догосударственного строя, недооценку им религиозной и I догматической стороны раскола.

Исторические корни тяжелого положения народа и пути его борьбы

«Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации», — в этом Щапов был убежден.

Народ для Щапова — это прежде всего производитель материальных благ и устроитель земли русской. Почти во всех статьях, посвященных движению славянских народов, статьях об образовании и функционировании народного управления, а также о формировании народного мирозерцания, историк исходил из того факта, что простому народу, главным образом крестьянину, принадлежит инициатива и труд по освоению новых земель. И крестьянство (в основном), а затем казачество и другие категории трудового люда являлись на протяжении всей истории страны основателями и зачинателями освоения новых земель. «А теперь? Может быть, когда кончилось колонизационное движение русского народа, труд простого человека не имеет уже такого большого значения?» — «Нет, — отвечает Щапов. — До сих пор простой рабочий народ остается основной производительной силой, по-прежнему его руками добываются несметные богатства, хотя сам он не имеет средств даже для пропитания».

Щапов выделял две формы общественной жизни русского народа: земско-областную (сложилась в процессе колонизации) и государственно-союзную (утвердилась в ходе объединения земель вокруг Москвы, а новую силу получила в период империи). Современная Щапову действительность как раз и являлась, по его мнению, новейшим этапом государственно-союзной формы правления. Предложенная периодизация органично вытекала из представлений Щапова о единстве истории и современности и его видения основной обязанности историка, которая заключалась в том, чтобы изучать корни явлений существующей действительности. В народе, в его современной организации, говорил Щапов, необходимо искать того свободного развития, которое так необходимо для народа теперь.

Он отдавал предпочтение земско-областной форме общественной жизни народа, поскольку при ней «князь не дает закона, воля народа — закон», т.е. существует «народоправление» в форме веч, содействующее развитию земского «народосоветия» и обеспечивающее преобладающее влияние народа на тенденции общественной жизни. И в то же время Петр I являлся двигателем реальных знаний. Он содействовал освобождению русского народа от византийского теогностического влияния преодолению отчужденности от знаний классического мира и тем самым ускорил его развитие.

Преувеличивая демократизм сельских общин, миров и сходов, областных советов и городских собраний, Щапов считал необходимым учитывать в современной жизни если не сами формы организации народного управления, то хотя бы их принципы.

Публицистическая деятельность Щапова и его возросшая известность в литературных кругах стали причиной высылки Щапова из Петербурга в 1864 г. с учреждением за ним секретного надзора и воспрещения последующего въезда в столицы. Первоначальное место

ссылки в родное село Анга было заменено, благодаря ходатайству сочувствовавших Щапову лиц, на Иркутск. М.О. Коялович писал о Щапове, как об историке, закончившем «свои дни в Сибири, откуда он и происходил родом». Он так и не получил разрешения уехать и в конце жизни под влиянием своего друга Г.А. Лопатина даже склонялся к побегу за границу вместе с ним. Но этому помешали его болезнь и смерть жены. Заболев чахоткой, в феврале 1876 г. Щапов умер. Правительство запретило печатать сообщения о его смерти, отказало в просьбе назвать одну из школ его именем, не разрешили даже поставить портрета в ней.

Щапов разделял увлечение сторонников демократического движения естествознанием и внедрением его в разные сферы деятельности. Он пытался положить в основу изучения общественных взаимоотношений законы и методы естественных наук. К этому времени относится его увлечение физиологией, анатомией, географией, этнографией, статистикой, зоологией.

До 1863 г. Щапов считал, что основным путем улучшения положения трудового народа является путь коренных преобразований в области организации общественных взаимоотношений в политической жизни страны, в просвещении и образовании. Поэтому он стремился *найти* такую теорию, которая безболезненно привела бы Россию к благополучию. Теперь он отказывается от каких бы то ни было теорий: «В литературе одна теория чередуется с другой. Каждая новая книжка журнала приносит в провинцию разнообразные и глубокие идеи, которые так и остаются идеями, без всякого приложения к жизни. Жизнь тащится сама по себе, а надежды и стремления мыслящих людей — сами по себе — и одновременно впитывает в себя новые идеи».

Показательной для происшедшего в сознании Щапова перелома стала статья «Естествознание и народная экономия». В ней Щапов, подвергнув критике «историко-юридическую» и «экономическую» теории, пересмотрел свои прежние взгляды: «...после болезненной работы и борьбы мыслей, я стал думать о взаимодействии и взаимоотношении сил и законов внешней, физической природы и сил и законов природы человеческой, о законах этого взаимодействия... о проявлениях их в истории, о значении их в будущем социальном строе и развитии народов». «Никакая социально-юридическая теория, — пишет Щапов, — не прочна, потому что она «ничто иное, как временный продукт изменяющейся... человеческой мысли, временная и условная, следовательно, произвольная форма склада и настроения наших метафизических и абстрактно-философских идей и понятий о человеке, о его физиологических и общественных функциях и отношениях, о его соотношении с внешним миром...» Или еще одна, характерная для Щапова цитата: «Необходимо сразу же и немедленно взяться за дело уяснения сил и законов природы, за дело подчинения природы человеку, ибо в незнании природы, в неумении брать из ее богатых кладовых все ее драгоценнейшие дары кроется причина бедности и богатства людей. Следовательно, знание природы есть первый, главный, существеннейший экономический фактор и могучая сила, которой одной предстоит преобразовывать социально-экономический мир».

Прогресс есть борьба мысли с неумолимыми законами физической природы и столь же неумолимыми антисоциальными инстинктами человечества. В этом прогрессе громадную роль играет личность с высоко развитой нервной системой. Ее сознание является искоркой общечеловеческого высокого и благородного сознания, из которого вырастет новое человечество и создаст путем постоянного совершенствования будущую великую общечеловеческую федерацию истинно-антропологических братских человеческих обществ, вполне соответствующих высокому достоинству человеческой природы, стремящихся к удовлетворению всех человеческих потребностей. Щапов употребляет словосочетание «история человеческого страдания». Он считает долгом историка передать потомству народный стон, народные страдания «от податей и налогов, от подушной переписи, от рекрутчины, от деспотического областного начальства, от крепостного права», политические движения и бунты, «наконец, демократические песни народа». Труд крестьян служит экономической основой существования всей крепостнической системы страны. На средства, собираемые с крестьян, содержится армия, флот, строятся укрепления, осуществляются все

государственные преобразования. Наконец, за счет труда простого народа живет вся «непроизводительная» верхушка общества. «23 миллиона под нашим крепостным ярмом обогащали нас, давали нам деньги на образование и на роскошь, а сами из-за нас оставались в невежестве и крайней бедности», — писал Щапов.

Путь к избавлению от страдания историк видел в совершенствовании человечества. В контексте общей перспективы он обращает внимание на неправильности хода умственного развития русского народа. Новые теоретические социолого-антропологические позиции Щапова-историка привели к смене приоритетов в выборе проблематики. Вопросы земства, земского саморазвития, земского самоуправления и самосуда отходят на второй план, тогда как просветительские тенденции в творчестве заметно усиливаются. Вопросы истории теперь для Щапова сводились к истории интеллектуального развития русского народа и к изучению препятствий на этом пути. Этим проблемам посвящены статьи: «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа»; «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа»; «Исторические условия интеллектуального развития в России» и др.

В них Щапов констатирует темноту, забитость, отсутствие способности масс мыслить абстрактно и ищет причины объяснения этого не столько в порочности организации общественных отношений, сколько в географических, климатических и других природных условиях развития русского народа. Борьба с природой уносила все физические и умственные силы народа, не оставляя ни сил, ни времени для «теоретической мыслительности». Если Ключевский рассматривал влияние географического фактора на особенности хозяйственной деятельности и психологии великоросса, то для Щапова особый интерес представляло воздействие данного фактора на народный интеллект и хозяйство. Спустя несколько месяцев жизни в ссылке Щапов написал статью «Естественные и умственные условия земледельческих поселений в России».

В 1870 г. вышла работа Щапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», в которой автор попытался применить к анализу русской жизни методы естествознания. Она стала своеобразным синтезом более ранних работ Щапова по истории интеллектуального развития русского народа. Вывод о нереальности улучшения положения народа путем кардинальных политических реформ заставлял все более внимательно относиться к вопросам просвещения.

Община

Процесс становления общины А. П. Щапов рассмотрел в работе «Мирозерцание, мысль, женщина в истории русского общества». Основной причиной появления общины он считал страх: «...фетишистский страх таинственных сил природы и грубой физической силы человеческой был первым естественно-психологическим мотивом к соединению первоначальных физиологических, родовых союзов в гражданское общество... Страх этот был одним из самых первых естественных мотивов к распространению общинной колонизации по северу-востоку Европы, колонизации так называемых «черных земель» и «черных диких лесов». Страх насилия сильных мужей-татей и разбойников... невольно заставлял искать убежища и жить в беспрестанном ожидании насилия, грабежа, разбоя, хищничества... При таких опасениях всем маломочным людям не оставалось никакого другого средства самосохранения и самообеспечения от насилия сильных мужей, как только уходить в лес и там объединяться в общины и совокупными, общими силами бороться с деспотической, поработанной, хищнической силой сильных мужей». Большую роль в вопросе образовании общины Щапов отводил нравственному фактору, считая его главной причиной, заставлявшей «...всех маломочных смердов заключать между собой согласие...».

Историк активно сотрудничал с восточносибирским отделом Русского географического общества, находившегося в Иркутске. На средства, предоставленные обществом, он побывал в нескольких экспедициях. В 1866 г. в Туруханской экспедиции изучал жизнь местных сибирских племен, живших по реке Енисей (рукопись сгорела в

городском пожаре 1879 г.). Результатом поездки в 1874 г. в Забайкалье стал труд «О Ленской общине», некоторые главы которого были опубликованы, в том числе «Бурятская улусно-родовая община», «Эгоистические инстинкты в ленской народной общине, бурятской улусной, оседло-инородческой и русско-крестьянской».

В ссылке были написаны работы «Естествознание и народная экономия», «Сибирское общество до Сперанского» (раскрывает процесс дифференциации сибирского крестьянства и показывает эксплуататорскую сущность сельской буржуазии). Отличительная черта их — актуальность, и можно говорить о политической злободневности.

Концептуальные итоги

В статье 1875 г. (за год до смерти) Щапов повторил идеи, высказанные им еще студентам Казанского университета в 1861 г.: «Прочитайте летописи, исторические акты до V века. Кто устроил, заселил, обработал русскую землю из-под лесов и болот? Кто как не селения общины?.. Акты исторические и юридические почти на каждой странице говорят о неутомимой, богатырской, страдальческой работе русского сельского народа, о движении его на все четыре стороны сквозь дремучие леса, болота, мхи непроходимые со своими заветными спутниками — топором, косой, сохой и бороной? То в актах, то в писцовых книгах отметились имена всех первых основателей, строителей нашей обширной сельской Руси, отметились в названии сел, деревень и починков. Раскройте любую писцовую книгу — она вся испещрена именами этих строителей починков и деревень...»

Попытка Щапова установить периодизацию русской истории в зависимости от состояния естественно-научных познаний русского народа; объяснение отсталости России слабостью и медленностью «возбуждения нервной восприимчивости русского народа»; показ Петра I как умственного гения; преувеличение влияния географического фактора на интеллектуальное развитие народа; внимание к колониционному движению народных масс и их «богатырскому» труду по освоению новых пространств; да и сам философский стержень исторических работ, заключавшийся в признании разума как главного и творящего фактора в области естествознания и в истории развития общества, — все это свидетельства причудливой эклектики, результат переработки Щаповым узнаваемых идей эпохи — от С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова до К. Маркса. Щапов считал Маркса великаном «антрополого-социального движения и прогресса».

Щапов оказал заметное влияние на умственную жизнь страны и отдельных мыслителей. Его концепцию общины за основу своих размышлений об историческом развитии России в домонгольский период взял Н.Ф. Даниельсон. Щапов предложил оригинальное решение проблем, которые ставила жизнь, и история являлась для него важным, питающим мысль источником. В 1860-е гг. Герцен и Щапов зачислялись современниками в категорию единомышленников. Так, И.С. Тургенев, выступая против теории русского социализма Герцена и критикуя «земство» Щапова, называл «земство, артель и общину» — «троицей», найденной Герценом и Щаповым. Щапов привлекал внимание Чернышевского. Известно не только участие Чернышевского в организации коллективного протеста против ссылки Щапова в монастырь, но и факт их личной беседы на квартире А.Н. Пыпина.

Источники

Герцен А.И. Америка и Россия. Т. XIX. С.139. М., 1960.

Герцен А.И. «Двадцать осмое января». Посвящается другу моему Диомиду.—Соч. 30 т. М., 1954. Т. I. С.29-33.

Герцен А.И. Исторические очерки о героях 1825 года и их предшественниках по их воспоминаниям. Т. XX. Кн.1. С.227—272; Кн.2. С. 646—647. М., 1960.

Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Т.VII. М., 1956.

Герцен А.И. Порядок торжествует. Там же. С.166—199.

- Герцен А.И.* Публичные чтения г. Грановского. Письма 1-е и 2-е. Т. 2. С. 112—113 и 126—127.
- Герцен А.И.* Русские немцы и немецкие русские. Т. XIV. С. 150—155. М., 1958.
- Чернышевский Н.Г.* Антропологический принцип в философии. Там же. Т. II.
- Чернышевский Н.Г.* Сочинения Т.Н. Грановского. Т. I. М., 1856//Соч. 2 т. М., 1986. Т. I.

Литература

- Антонов В.Ф.* Историческая концепция Н.Г. Чернышевского. М., 1983.
- Антонов В.Ф.* Н.Г. Чернышевский о русской истории. М., 1984.
- Аристов Н.Я.* Афанасий Прокофьевич Щапов. СПб., 1883.
- Баскаков Б.Г.* Мировоззрение Н.Г. Чернышевского. М., 1956.
- Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский: Научная биография. Саратов, 1978.
- Павлов А.Г.* От дворянской революционности к революционному демократизму (идейная эволюция А.И. Герцена). М., 1977.
- Пирумова Н.М.* Исторические взгляды Герцена. М., 1956.
- Пирумова Н.М.* Александр Герцен. Революционер, мыслитель, человек. М., 1989.
- Порох И.В.* А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Саратов, 1963.
- Романов И.М.* Мировоззрение Н.Г. Чернышевского в 1872—1883 гг. Якутск, 1958.
- Смирнова З.В.* Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973.
- Супоницкая П.Я., Ильина А.Я.* Н.Г. Чернышевский. Указатель литературы. 1960—1970. Саратов, 1976.
- Филатова Е.М.* Экономические взгляды А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1953.
- Фигуровская Н.К.* «Идеал общественного благосостояния» Н.Г. Чернышевского//Кооперация. Страницы истории. Т. I. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей. Кооператоров-практиков. Кн. 1. 30-40-е года XIX—XX века. Предыстория. М., 1998.
- Чесноков Д.И.* Мировоззрение А.И. Герцена. М., 1948.
- Цамутали А.Н.* Историк-демократ: Афанасий Прокофьевич Щапов // Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996. Литературу, посвященную А.П. Щапову см.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

3.7. Народническая историография

Народникам отдавали должное даже их постоянные оппоненты и идейные противники. В.И. Ленин понимал под народничеством «громадную полосу общественной мысли», «целое мирозерцание». Размышляя о ленинском подходе к народничеству, невольно обращаешь внимание на два обстоятельства. Во-первых, в отмеченной целостности было представлено разнообразие историософских позиций и конкретных подходов к истории. А во-вторых, стержень процесса идейного развития исторических представлений народников отличал эволюционный характер тенденции их ухода от революционности к либерализму. Народников объединяло представление о том, что философско-исторической мысли предстоит еще долгий путь познания законов истории. «Существуют, правда, законы, управляющие обществом без его ведома, но это законы естественные, свойственные социальному телу, как физические законы присущи материальным телам. Большая часть этих законов до сих пор не открыта, а между тем они управляли человеческим обществом с его рождения, независимо от мышления и воли составляющих его людей. Отсюда следует, что их не надо смешивать с политическими и юридическими законами, провозглашенными какой-либо законодательной властью, которые в разбираемой нами системе считаются логическими выводами из первого договора, сознательно заключенного людьми» — так, например, представлял себе проблему М.А. Бакунин. Эта мысль, высказанная им в работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» еще в 1867 г., затем неоднократно публиковалась, начиная с 1895 г., т. е. со времени издания первого собрания сочинений Бакунина.

Для идеологов народничества, мыслителей и историков этого направления характерны широкая образованность, знание русских и зарубежных концепций, творческий подход. Патриархи народничества — М.А. Бакунин (1814—1876), П.Л. Лавров (1823-1900), В.В. Берви-Флеровский (1829-1918) — были младшими современниками А.И. Герцена. Поколение, родившееся в 1840-х гг., представляли: П. А. Кропоткин (1842— 1921), Н.К. Михайловский (1842-1904), П.Н. Ткачев (1844-1885/86), Н.Ф. Даниельсон (1844-1918), В.П. Воронцов (1847-1918), В.И. Семевский (1848-1916), И.И. Каблиц (Юзов) (1848-1893), А.Я. Ефименко (Ставропольская) (1848-1918). Оно было самым многочисленным. В 1850-е гг. родились Я.В. Абрамов (1858-1906) и Л.Э. Шишко (1852-1910). В.А. Мякотин (1867—1937) принадлежал уже к другому поколению, родившемуся в конце 1860-х. Этими именами не исчерпывается богатое на индивидуальности народническое направление отечественной мысли. Однако упоминание о перечисленных легендарных символических фигурах народничества говорит о богатом наследии удивительного мира идей, оставленного нам каждым из них.

В 1880 — 1890-е гг. народничество находилось в состоянии серьезного идеологического кризиса. Народники сами тогда подвергли ревизии идеи апостольской проповеди интеллигенции. Исследователи видят корни этого кризиса во второй половине 1870-х гг. Именно тогда, во многом благодаря усилиям ведущего публициста журнала «Неделя» П.П. Червинского, возникает идея «культурничества»; подвергаются критике мнения о выдающейся роли интеллигенции в истории и об исключительной роли идей вообще. «Идеям», как якобы решающему фактору прогресса, противопоставляются «чувства», нравственные и социальные настроения масс, естественные законы жизни, «почва». В 1878—1879 гг. настойчиво высказывается мысль о том, что «незачем особенно заботиться о выработке идеалов будущего строя, потому что в исконных желаниях русского народа мы уже имеем очень солидный фундамент для постройки общественного порядка, неизмеримо высшего, чем ныне существующий». «Бросим иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее тою, которая ему свойственна, близка, родственна. Пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и одеть в народную сермягу». Все это публиковалось на страницах периодического издания «Земля и воля». Изучив источники, современные исследователи пришли к выводу, что, «видя бесполезность борьбы за улучшение государственных форм, «восьмидесятники» заявили о своем отказе от наследия 1860—70-х гг., о замене пропаганды социализма его агитацией на основе практических интересов и потребностей народа... «Культурники»... пытались «выжать из наследия великих русских демократов политическую тенденцию, интерпретировать его, прежде всего, как этическое наследство».

В новейшей литературе «культурничество» определяется как правое крыло реформаторского народничества. Само направление получило развернутое выражение в «теории малых дел». Ее отличали демократизм, глубокая вера в культуру и убеждение в том, что России нужна армия мирных работников, умеющая привить блага цивилизации в самых глухих ее уголках. Подобный подход открывал возможности для иной постановки вопроса о перспективах развития страны.

Наиболее полно разработал «теорию малых дел» Я.В. Абрамов, однако термин этой концепции дали его оппоненты. Затем пропаганду «теории малых дел» продолжил С.Н. Кривенко (1847—1906). По времени интерес к этой теории не случайно совпадал со «вторым хождением в народ», которым демократическая интеллигенция отреагировала на голод 1891—1892 гг. Кривенко подошел к действительности по принципу долженствования, с точки зрения рационально сконструированного идеала. Он сделал упор на нравственные мотивы человеческой деятельности, увидев в них критерий общественного прогресса. С.Н. Кривенко сумел переложить идеи В.В. Берви-Флеровского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского на язык практических формул, сделав их исходной точкой народнической программы общественных преобразований. В полемике с Владимиром Соловьевым в 1892 г. Кривенко отстаивал стремление народников к слиянию интеллигенции и народа. Он

выступал в защиту деятельности в деревне «культурных одиночек», которые, с его точки зрения, способствовали пробуждению гражданского самосознания русского общества. В споре с П.Б. Струве в 1893—1894 гг., не отрицая экономических преимуществ капиталистического способа производства, Кривенко выступал против «хищнического капитализма», ухудшавшего положение «непосредственного производителя». Резерв для смягчения этого тяжелого процесса он видел в изучении истории тех стран, которые к тому времени уже выработали механизм нейтрализации хищничества и законодательно урегулировали на государственном уровне отношения между рабочими и работодателями. Сравнительно-исторический метод в глазах Кривенко в этом случае приобретал особое значение.

Социологические основания «теории малых дел» проанализировал И.И. Каблиц (псевдоним Юзов) (1848—1893) в работе «Основы народничества» (1882). Опираясь на воззрения британского философа и социолога Г. Спенсера (1820—1903), он обосновал преимущества постепенной общественной трансформации, при которой совершенствование социально-политических форм идет в соответствии с меняющимися запросами личности, народными настроениями и понятиями. Однако Каблиц (Юзов) оценивал возможности интеллигенции в ее позитивной работе с народом достаточно скептически.

В отличие от И.И. Каблица и В.П. Воронцова Я.В. Абрамов считал интеллигенцию непосредственным, практическим помощником, «другом народа» в деревне. Отметим общее: при всех отличиях и с той и с другой стороны все громче звучали требования полного отстранения интеллигенции от «социальных опытов» над народными массами. Таким образом, направление мировоззренческой эволюции народничества 1870 — 1890-х гг. очевидно. При наличии постоянной составляющей террора на разных этапах народнического движения, тем не менее, общая тенденция выражалась в том, что в целом народническое направление общественного движения сначала шло от просвещения к террору, а затем после тяжелых потерь возвращалось к социокультурной деятельности, и возрастающий интерес к эволюционным представлениям в этом контексте понятен.

У отдельных представителей народничества отношение к террору было разным, причем некоторые мыслители в течение жизни меняли свое представление о роли террора в истории. Концептуальные результаты мировоззренческой эволюции являлись очевидным фактором, корректирующим концепцию.

Однако, обретая новое мировоззрение и во многих случаях эволюционируя «вправо», немногие покидали идейное русло народничества. Большинство находило себе место под сенью одного из его берегов. Среди тех, кто преодолел народнические убеждения и, открыто заявив о мировоззренческих причинах, порвал с народничеством, был Л.А. Тихомиров.

Народники относились к марксизму отрицательно, но они размышляли над целым рядом научных положений марксизма, и в этом смысле учение Маркса оказывало на них безусловное влияние. Несомненно, существовало также и взаимовлияние народничества и марксизма.

«Русскую версию» марксизма народники воспринимали как доктрину, полную жестокости и «направленную против всего мира». Причины устойчивого неприятия марксизма лежали в этическом императиве, который являлся основополагающим как при оценке фактов, исторических явлений, так и в анализе исторического процесса. Убежденные, что субъективизм — неизбежный спутник человеческого познания, П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский писали о теории классовой борьбы как вульгарно-социологической крайности. Против известного положения «Манифеста коммунистической партии» «об идиотизме деревенской жизни» высказывался Михайловский: «Горе тому поколению, которое воспитывается на презрительном отношении к «идиотизму деревенской жизни».

Имеем ли мы основания, не взирая на многосоставность и многообразие позиций внутри народничества, говорить о нем в целом? К числу причин, позволяющих утвердительно ответить на этот вопрос, можно отнести, прежде всего то единство, которое придавали народничеству целебные свойства, почерпнутые им из социально-этического

источника подвижнического отношения к вопросу о нравственном долге образованного общества перед людьми труда, в первую очередь крестьянами, и идеи ответственности за судьбу народа. Методологическое значение такого подхода видится в неизбежном привнесении в науку этического и психологического начал. То есть фактор, оказавший сильнейшее воздействие на направление идейных и теоретических поисков народничества, лежал в плоскости реальной действительности и ее восприятия определенным типом людей, людей, воспитанных в понятиях чести и вобравших в себя лучшие традиции дворянской культурной традиции; в том числе воспитанных и чтением в семейных библиотеках. Ощущение выдающихся представителей народничества в своей «призванности историей», в сочетании со «вселенской совестливостью» и «чувством вины» за страдания многомиллионного народа, являлись основным нервом мироощущения русской дореволюционной интеллигенции.

Большинство теоретиков и мыслителей народничества принадлежало к поколению, сначала испытывавшему надежды, рожденные атмосферой «Великих реформ», а затем — не менее сильное разочарование, вызванное действиями правительства. Итоговая реакция не могла быть никакой другой, как эмоциональной и протестной; и она проявилась в социально-политической заостренности концепций, выражая себя в теоретических трудах народников, формировала философию истории, направляла течение мысли.

Народники исповедовали своеобразную религию личности. Фундаментальной характеристикой мировоззрения большинства стал антропологизм. Подобно А.И. Герцену, ряд представителей народнического течения высоко ставил «борьбу за индивидуальность». В содержание этого термина вкладывалось общественное, а не эгоистическое содержание — борьба за целостную личность, и, наконец, борьба «за целостную правду». Жизнь ставила не только вопрос о взаимодействии героев-одиночек и крестьянской массы, но и предлагала варианты решений.

В советской и зарубежной литературе, в частности эмигрантской, по-разному характеризуется структурный состав народничества. В отличие от привычного для нас «учебного» деления народничества на просветительское, бунтарское и заговорщическое направления, которые у каждого ассоциируются соответственно с именами их лидеров: П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева, — религиозный философ В.В. Зеньковский, тоже выделяя в народничестве три направления, давал им иную персонификацию и содержательную характеристику. Так, наряду с Н.К. Михайловским, «связанным с социалистическим народничеством», он относил к народникам «почвенников» (в лице Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова), а также Л.Н. Толстого, «погружение в народ для которого стало источником нового мировоззрения — оживления руссоизма и религиозно-анархического отношения к современности». Тем самым место народничества в культурной и общественной жизни России виделось Зеньковскому в гораздо более широком контексте: «Социалистическое народничество в лице Михайловского примкнуло к разработке проблемы об отношении России и Европы и принесло сюда новый существенный материал. По существу, все это было уже у Герцена, для которого существовали после его перелома только два вопроса — русский и социальный, что сливалось для него в одно целое. Но социалистическое народничество позднейшей эпохи еще резче, еще сильнее бичевало тип буржуазной цивилизации, — и для него национальные проблемы отодвигались перед социальными».

Зеньковский отметил глубокое «духовное сродство» построений народников с религиозными представлениями других русских мыслителей. Для него «позитивизм Михайловского оказывается лишь полупозитивизмом, а иногда он более прямо приближается к религиозной постановке вопросов (понимая религию все же слишком моралистически и обнаруживая чрезвычайное непонимание ее мистической стороны)». Тем любопытнее в его глазах частичные совпадения Михайловского в оценке и характеристике Европы с мыслителями религиозного типа. Показательно в данном контексте мнение Н.А. Бердяева о Михайловском: «Наш противник, друг и отец», потеря которого в 1904 г. горько

отозвалась в сердцах многих, в том числе и русских религиозных мыслителей. Современные авторы отказались от прямолинейности при рассмотрении проблемы влияний народничества на русскую культурную и умственную жизнь рубежа XIX—XX вв. Так, английский автор А. Пайман проанализировала причины категорического неприятия Михайловским мироощущения символистов. Она разобрала ситуацию 1892 г., когда тот обрушился с критикой на увлечение И. Кантом своего бывшего ученика, поэта и эссеиста Д.С. Мережковского, уже заслужившего к этому времени известность среди народников. Мережковский писал, что избавить человека от социальной несправедливости — все равно что избавить чахоточного от зубной боли, что позволит с большей остротой ощутить муку смертности.

«Формула прогресса»

Философия истории народников представляет собой теорию прогресса. Виднейшие умы этого течения предлагали ее собственное понимание. М.А. Бакунин (1814—1876) в прогрессе видел тенденцию постоянного «приращения» свободы личности. Главным угнетателем человека он считал государство, созданное меньшинством для господства над меньшинством. Государство и гражданское общество — антиподы. Именно между личностью и государством, по Бакунину, и разворачивается в истории основная борьба.

«Формула прогресса» П.Л. Лаврова (1823—1900) обретала в течение его творческой жизни новые характеристики. Сначала она включала взаимодействующее «подталкивание» сознания (индивидуального и общественного) и солидарности. Лавров определял прогресс как рост общественного сознания и сознания индивидов, но такой рост происходил лишь до тех пор, пока сознание не начинало препятствовать развитию солидарности. В свою очередь и солидарность имеет тенденцию прогрессивного роста только до тех пор, пока ее рост не мешает развиваться сознанию (индивидуальному и общественному) и опирается на него. Лавров рассмотрел теоретическую возможность прогресса при условии гармоничного развития двух его составляющих — сознания (индивидуального и общественного) и солидарности. Последняя категория «солидарности» у мыслителя является цементирующим основанием сознания, возможностью рождения индивидуальным сознанием себе социально значимого места и взаимодействия с сознанием общественным.

История, по Лаврову, в конечном счете есть история мысли, посредством которой культура перерабатывается в цивилизацию. В глазах мыслителя смысл истории придает развитие нравственного идеала. Лавров подчинял ему принципы группировки исторического материала и периодизации исторического процесса. Он считал, что, «усвоив по степени своего нравственного развития, тот или другой нравственный идеал, расположив все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу», только и можно изложить историю. Вывод Лаврова о том, что «волей-неволей приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку», логически вытекает из его методологии. Таким образом, историческая эволюция выступает у Лаврова как смена (под влиянием критической мысли) форм солидарности, которая продолжается до достижения сознательной солидарности. Соответственно он выделял в истории этапы развития, как сознания, так и форм солидарности, считая высшим этапом развития ее высшую сознательную форму, с которой ассоциировал период социалистического преобразования России, т. е. мотивация солидарности, которая, по мысли Лаврова, менялась в ходе исторической эволюции, приобретала в его концепции значение важного фактора.

В знаменитых «Исторических письмах» (1868—1869), которые считали «Евангелием» радикальной молодежи 1870-х гг., Лавров поставил вопрос о тяжелой цене прогресса и о неоплатном долге интеллигенции перед народом. В 1881 г. он их дополнил еще одним 16-м письмом «Теория и практика прогресса». Новое издание отразило проделанную Лавровым эволюцию в 1870-е гг. Понятие прогресса было в нем расширено. К ранее названным факторам — развитию личности и идеала, росту сознания (индивидуального и

общественного), которые, по мнению Лаврова, должны вести к расширению общественной солидарности, был добавлен еще один — экономический фактор.

С критикой первого издания «Исторических писем» выступил П.Н. Ткачев (1844—1885). Находясь в заключении в Петропавловской крепости, в сентябре 1870 г. он написал статью «Что такое партия прогресса (по поводу «Исторических писем» П.Л. Миртова, 1870)». П.Н. Ткачев не принял позитивизма в отличие от большинства идеологов народничества, хотя внимательно следил за появлением русских изданий сочинений позитивистов и почти ни одно из них не оставил без отзыва. Он считал, что человечество изменяется как путем «постепенного развития» (эволюции), так и путем «исторических скачков». Он высказал мнение, что каждый мыслитель вкладывает собственное понимание в слово «прогресс». Ткачев подчеркивал, что трудно найти в истории другое слово, смысл которого бы извращался и искажался так сильно: «Здесь до сих пор еще считается позволительным навязывать историческому движению чуждые ему цели, цели самих исследователей и наблюдателей». В такой обостренной форме Ткачев отреагировал на субъективизм Лаврова.

Ткачев подчеркивал, что между природой и обществом существует принципиальная разница, которую он видел в том, что в обществе идет такая по силе борьба, которой в природе просто нет. В основе этой социальной борьбы он видел эгоистические устремления умов, определявшие, с его точки зрения, жизнь людей.

Личный эгоизм, по мнению Ткачева, определял детерминированность экономического фактора в истории и диалектику исторической закономерности. Личному эгоизму как фактору деструктивному, но одновременно вносящему динамизм в исторический процесс, Ткачев придавал в своей философии истории основополагающее значение. Он пытался применить для доказательства этой мысли экономический метод. Критерием общественного прогресса для Ткачева являлось материальное благосостояние масс. Но ему приходилось с сожалением констатировать, что пока человечество все еще стоит на месте. Признавая огромную роль личности в истории, решающим фактором Ткачев считал деятельность народных масс.

Заявляя об универсальности экономических законов, Ткачев объективно защищал тезис о своеобразном пути развития России. Он обращался к проблемам истории на протяжении всей своей жизни; рассматривал революционное движение как движение, отражающее российские проблемы, сосредоточив внимание на конспиративных централизованных организациях.

Одновременно с П.Л. Лавровым формулу исторического прогресса в работе 1869 г. «Что такое прогресс?» определил — Н.К. Михайловский (1842—1904). Он понимал под прогрессом движение человечества к духовному раскрепощению человека от «расщепленного» в связи с дифференцированием общественного труда человека к *человеку гармоничному*, выполняющему разнообразные функции. Человеческая личность, по Михайловскому, должна стремиться к многогранности выражения своего «я». Таким образом, в качестве основной линии прогрессивного исторического развития он выделил развитие личности, рост ее духовного потенциала и возможностей для реализации ее многогранных способностей.

Размышляя над крупнейшими социологическими системами XIX в. (Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маркса), Михайловский, как и Лавров, считал не разработанным вопрос о «цене прогресса» в капиталистическом обществе, о социальных гарантиях личности в условиях рыночной экономики. Выше других методов исторического познания Михайловский ставил «субъективный метод». Его представляли три взаимосвязанных компонента: этико-субъективная доктрина, «классовый подход» (в широком понимании) и психологический метод истолкования общественных явлений. Применение «субъективного метода» делало обязательным этическую оценку исторических явлений, подвергало их нравственному суду. По мнению Михайловского, это не препятствовало и не противоречило использованию в исторической науке объективных методов.

«Теория прогресса» Михайловского в среде народников не встретила общего понимания. Ее не приняли Каблиц (Юзов) и Абрамов. Их оттолкнула сама идея о возможном совмещении эволюции человека и общества, а также намерение выработать метод, позволяющий одновременно развивать человеческую индивидуальность и общественное устройство. Абрамов считал, что «...прогресс общества вовсе не обуславливает собою прогресса личности, и личность в прогрессирующем обществе отнюдь не прогрессирует... цель существования общества — общее благо». Противопоставляя «формуле прогресса» Михайловского «теорию малых дел», он писал: «Правда, дела эти «маленькие» — ни капитала, ни известности они доставить не могут. Но из этих маленьких дел слагается жизнь миллионов, от них сплошь и рядом зависит благосостояние и жизнь многих и многих людей».

В основе мировоззрения Абрамова лежала идея о потенциальной способности народа к самоорганизации на социалистических началах, без навязывания ему чуждых форм, и вера в практические меры помощи народу, которые приведут к постепенному изменению жизни людей и построению справедливого общества. В этом отношении Абрамов был ближе П.А. Кропоткину, также высоко ценившему «силу народного творчества» и «народной созидательной деятельности». Однако в отличие от Кропоткина, который рассматривал народ как активно и творчески действующий субъект, Абрамов писал о еще не разбуженной силе народной, пробуждение которой может состояться в будущем, но только благодаря кропотливой работе интеллигенции. «Народные массы, — писал Кропоткин, — вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной». Перед интеллигенцией стояла задача помочь народному творчеству опереться «на всю мощь современной науки и техники». Под этим всесторонним и органичным единством, кооперацией народа и интеллигенции Кропоткин понимал анархию. «Анархия, конечно, ведет свое происхождение не от какого-нибудь научного открытия и не от какой-нибудь системы философии... Как и социализм вообще и как всякое другое общественное движение, анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным», — в этом Кропоткин был убежден.

П.А. Кропоткин, не меняя принципиальной негативной оценки роли государства в русской истории как «абсолютного зла» и «полной темноты», неспособной к совершенствованию на собственной основе, все же в отличие от М.А. Бакунина — представителя разрушительного крыла традиции антиэтатизма (антигосударственного, анархистского направления) в русской общественной мысли — предлагал позитивную, созидательную программу деятельности. Особое внимание Кропоткин уделял кооперации, ее фундаментальному понятию «взаимопомощь».

Кропоткин перенес на общество сформулированный им «биосоциологический закон взаимной помощи». Социальная жизнь представлялась ему как ипостась жизни биологической. Отвергая диалектику, позитивист Кропоткин считал, что науки о природе и обществе должны пользоваться «индуктивно-эволюционным» естественно-научным методом.

Кропоткин испытывал потребность в создании историософии, которая по-новому интерпретировала бы истоки, смысл и цель истории. Он очень своеобразно пытался решить вопрос о закономерности и воле в истории. Занимаясь исследованием революций как закономерного, необходимого явления и выводя необходимость революции, как и установление нового общественного строя, из своего идеала безгосударственного (анархического) коммунизма, он показал, что основной антагонизм в историческом процессе разворачивался и продолжает идти между народом и начальниками. Кропоткин считал возможным изменение общественного развития в нужном (этическом) направлении благодаря усилиям людей, исповедующих альтруизм и обладающих справедливостью и готовностью к самопожертвованию.

Кропоткин выделял в истории 5 периодов, среди них: три исторических, уже прошедших, периода — первобытного племени, сельской общины и вольных городов, а также современный государственный период, «во время которого все замирало», и, наконец, будущий — безгосударственный. Исторические представления Кропоткина подпитывали его футурологическую концепцию. Хронологические рамки государственного периода он определил как XV—XVI вв. — начало XX в. Исходный рубеж Кропоткин выделил потому, что, с его точки зрения, в XV—XVI вв. возникает государство как искусственно созданный «начальниками» институт Для эксплуатации простого народа.

Вплоть до революционных событий 1917 г. Кропоткин возлагал надежды на пятый будущий период, который должен наступить благодаря революции. Ему предстояло разрушить государственные оковы, сковывающие народную творческую энергию. Однако, вернувшись в Россию 12 июня 1917г. (после Февральской революции), 74-летний ученый пережил трагическое крушение надежд. Ни о каком мирном и добровольном самопреобразовании общества на основах «безгосударственного коммунизма» не шло и речи. После Октябрьской революции Кропоткин предупреждал об опасности бюрократизации всех сторон жизни, неэффективности ставки только на крупное государственное машинное производство, необходимости минимизации нейтралистских функций государства. Он высоко ценил возможности местного самоуправления и местной инициативы.

Выдвижение на первый план целого, а не индивида; сознательное принесение в жертву обществу человека, усиление внимания к экономическим вопросам истории — все эти тенденции народнической историографии конца XIX— начала XX в. не меняли кардинально общей для народничества идеи ответственности за судьбу народа. Предлагавшиеся народниками «формулы прогресса» и определения «величины прогресса» в человечестве, будучи иллюзией времени, стимулировали развитие исторической мысли.

Н.К. Михайловский и его историческая концепция

Жизнь Михайловского внешне прошла спокойно, если не считать двух административных высылков, в том числе краткой высылки в 1891 г. в связи с инцидентом на похоронах его друга Н.В. Шелгунова. О возвращении Михайловского тогда хлопотал философ Владимир Соловьев. В литературе до недавнего времени Михайловскому предъявлялось обвинение в том, что он прожил «без суда и Сибири», а это в советской историографии было равносильно приговору в либерализме. Не учитывалось обстоятельство, что сам Михайловский никогда не претендовал на звание революционера.

В 1873 г. П.Л. Лавров пригласил Михайловского принять участие в диссидентском, как бы мы сейчас сказали, зарубежном журнале «Вперед», но Михайловский отказался. Для этого он слишком дорожил своей легальной журнальной трибуной и не считал себя «вправе променять 8000 читателей» на родине на сомнительное (по результатам деятельности) эмигрантское существование.

Михайловский посвятил свою жизнь поискам смысла истории. Он считал, что действие исторических законов ограничено во времени и пространстве, и нет таких законов, которые действовали бы со всей непреложностью и силой на протяжении всей истории человечества или распространялись на все страны. Михайловский утверждал, что развитие событий согласно исторической законосообразности не освобождает эти события от нравственного суда.

Творчество Михайловского было посвящено обоснованию теории прогресса. В его представлении прогресс должен постепенно приближать человечество к разностороннему развитию личности, которому в этом процессе суждено пройти три фазы, или этапа.

Первый — «объективно-антропоцентрический» — период первобытного общества, когда еще не существовало дифференциации, а господствовала простая кооперация. Второй период, названный им «эксцентрическим», он характеризовал как время сложной кооперации, разделения труда, превращения человека в придаток общественного организма;

господство наживы и денежного чистогана. И, наконец, третий период — «субъективно-антропоцентрический» — время простой кооперации, когда зарождается грядущее, ростки которого обнаруживаются еще в русской крестьянской общине. Постепенно раскрепощенная и многогранная в своей деятельности «гармоническая личность», как ей и положено быть по своему изначальному предназначению, обретает естественное для нее положение. Именно «гармоническая личность» должна, по мнению Михайловского, находиться в центре всех ценностей. При внешней схожести первого и третьего периодов кооперации их суть и уровень разные. Пройдя объективно-антропоцентрическую и эксцентрическую фазы своей истории, человечество достигает уровня, который совпадает с социализмом как обществом, в котором торжествует личное начало при посредстве начала общественного. В то же время человечество, по мнению Михайловского, войдя в субъективно-антропоцентрическую фазу, т. е. такую фазу, где человек и его этические искания ставятся в центр мира, может прервать органическое развитие.

Михайловскому претил тот факт, что общество в процессе дифференциации превращает человека в простой придаток машины. Свое отношение к данному антагонизму он выразил в работе «Борьба за индивидуальность» (1875—1876): «Общество самим процессом своего существования стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое-нибудь специальное отправление, а остальное раздать другим, превратить ее из индивида в орган. Личность, повинувшись тому же закону развития, борется или, по крайней мере, должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность и разносторонность своего "я"».

В русской истории Михайловского главным образом интересовал ее новый период — XVIII—XIX вв. Свое представление о важнейших процессах он сформулировал в работе 1876 г. «Вольница и подвижники». Основные линии русской истории XVIII в. Михайловский объяснял с помощью «теории вольницы и подвижников». Суть ее сводилась к тому, что пока в верхах при Екатерине II шла борьба за чины Орловых и мировичей, в массах кипела «напряженнейшая духовная работа». Ее «подкладкой» являлся «все тот же вопрос желудка, который всегда составляет основную истинную пружину истории». Подход был Михайловскому подсказан немецкой историографией. Эти вопросы получили развитие в трудах философа, естествоиспытателя и врача Л. Бюхнера (1824—1899) и физиолога, философа Я. Молешотта (1822—1893).

До поры до времени два основных процесса (борьба в верхах и «вопрос желудка») не пересекаются, они идут как бы параллельно. Однако приходят времена, когда с особенной остротой встает «вопрос желудка», и народ спрашивает себя, отчего это происходит. И тогда же он задается вопросом, что надо делать. Ответ, к которому приходят в подобных обстоятельствах взволнованные массы, по Михайловскому, имеет альтернативу: «Или надо расширить свой жизненный бюджет до возможных пределов, причем недостающее придется взять силой, или, напротив, надо этот жизненный бюджет сократить до последней возможности, бежать соблазнов мира». В зависимости от исторического выбора рождаются два типа массовых движений: «вольница» (пугачевщина) и «подвижники» (селивановщина — по имени Кондратия Селиванова — скопца, аскета, самобичевателя, лже-Христа).

Михайловский, испытав на себе влияние бурно развивавшегося во второй половине XIX в. психологического направления в буржуазной социологии, попытался подойти к выявлению исторических закономерностей с помощью социальной психологии, поставив во главу угла проблему взаимодействия героя и толпы. Этим проблемам он посвятил работы 1880-х — начала 1890-х гг.: «Герои и толпа» (1882), «Научные письма. К вопросу о героях и толпе» (1884), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893).

Основную задачу историка и социолога Михайловский видел «не в изыскании мерила величия» героя, за которым идет «толпа», а в «изучении механики отношений» между толпой и тем человеком, которого она признает великим. «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную

увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным, или низким, или нравственно-безразличным» — такое определение термину «герой» дал Михайловский.

Что заставляет толпу повиноваться заведомо злодею или ничтожеству? В поисках ответа на этот вопрос он развивал теорию французского социолога и криминалиста Г. Тарда (1843—1904) о законе подражания, отстаивая «подражательный характер всех массовых движений, всех, без различия их происхождения и причин». Среди факторов реализации личности Михайловский как наиболее значимые выделял своевременность или, наоборот, несвоевременность ее выхода на историческую арену.

Современники называли Михайловского западником в народничестве. Он свободно читал на французском и немецком языках; был тонким, остроумным критиком зарубежной литературы. В 1880—1890-х гг. ее в изобилии выпускало на русском языке издательство Ф.Ф. Павленкова. Михайловский особо выделял труды: Ламброзо «Гениальность и помешательство», Жоли «Психология великих людей», Т. Карлейля «Герои и героическое в истории», Г. Тарда «Законы подражания», Т.А. Рибо «Психология внимания», Кюллера «Современные психопаты», Мантеганца «Экстазы человека», которые оказали историографическое влияние на его взгляды. Даже неприятие конкретных позиций подталкивало Михайловского к развитию собственных представлений. Труды Михайловского полемичны и их историографический контекст являлся для него способом выражения авторской мысли.

Целый ряд размышлений Михайловского над закономерностями, которые находили свое проявление в социально-психологических аспектах истории вообще и российской в частности, продолжают оставаться актуальными и в наши дни. Так, он предупреждал об опасности забвения «демона национального самолюбия и национальной ненависти», о присущих ему свойствах «легко и страшно пробуждаться». Проанализировав «всенародный комплекс национальной неполноценности» и рассмотрев его исторические корни — презрение или недоверие ко всему родному только потому, что оно является своим, родным, русским, Михайловский писал: «Начиная монголами, инородцы не раз распорядились на Руси, причем, «смеясь, дерзко презирали земли чужой язык и нравы», и уже факт этого властного презрения не мог не отражаться печальнейшими последствиями. Одним из них является почти презрительное и недоверчивое отношение к самим себе, к своим силам: «Что уж! Где уж нам!» «Аттестация, выданная нам иностранцами», считал Михайловский, постоянно оказывала в истории накапливавшееся негативное психологическое воздействие. Поэтому он ценил Петра Великого как образец служения русскому народу, человека, внушавшего уважение величием дел и побед. Степень апологии Петру у Михайловского может быть сопоставима только с ранними работами В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского.

Михайловский любил исторические аналогии, выделяя сопоставимые, с его точки зрения, эпохи: Петра I и Александра II; Ивана Грозного Александра III. Опираясь на свою этико-социологическую теорию и привлекая оценки историков от М.М. Щербатова до В. О. Ключевского, Михайловский вершил нравственный суд над Иваном Грозным. Он не мог согласиться с положительной оценкой Ивана Грозного, которую ему дал С.М. Соловьев. Михайловскому казалось более близким к истине наблюдение Н.А. Полевого. Опираясь на западную литературу о римских императорах: Тиберии, Калигуле, Клавдии, Нероне, Михайловский поставил под сомнение психику царя. Он писал: «Слабость воли Грозного маскировалась теми взрывами бурного и жестокого негодования, которым он предавался, когда замечал, что на него хотят оказать влияние». Только из страха царь не держал советников умнее или вообще сильнее себя.

Неприятие цивилизации Запада Михайловский аргументировал тем, что движение человечества к разнородности капиталистического бытия уже восторжествовало на Западе и грозило укрепиться в России. Он считал, что эта историческая тенденция неизбежно разрушит целостную человеческую личность и ее индивидуальность; приведет к губительному обезличиванию человека. Альтернативу капиталистическому будущему в России

Михайловский видел в утверждении иного общественного строя — общинного социализма, условия которого позволили бы вырастить «гармоническую личность». Таким образом, он надеялся на наступление гармонии, возможное, с его точки зрения, только при социализме, построенном на основе общины.

Призывы Михайловского покончить с аристократизмом в науке оказали позитивное влияние на историческую мысль при выборе объектов исследования. Предметом устойчивого научного интереса становился народ, его жизнь и страдания. Под влиянием проповеди Михайловского сформировалась целая школа талантливых исследователей крестьянской жизни и быта, которую представляли В.И. Семевский, П.А. Соколовский, А.Я. Ефименко (Ставровская), В.А. Мякотин, Л.Э. Шишко и др.

Василий Иванович Семевский (1848-1916)

В.А. Мякотин считал, что «в жизни петербургской интеллигенции последних десятилетий XIX века не было, кажется, ни одного крупного события, ни одной видной организации, в которой бы не принял участия В.И. Семевский». В 1870-е гг. Семевский сблизился с кругами демократической интеллигенции. Он активно трудился в молодежном кружке «по рассылке хороших книг в провинцию», был участником политического клуба, на заседаниях которого обсуждался вопрос о создании политических партий. Среди участников этого клуба были К.К. Арсеньев, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, В.В. Лесевич, Н.К. Михайловский, Вл. Соловьев, С.Н. Южаков, И.И. Янжул. Осенью 1881—1882 гг. группа народнических публицистов объединилась в издательскую артель вокруг журнала «Устои». Ее участниками стали В.И. Семевский, С.Н. Кривенко, Я.В. Абрамов, С.А. Венгеров, М.Н. Альтов, В.М. Гаршин, Н.М. Минский, Н.И. Наумов, Н.Я. Николадзе, М.Н. Протопов (Н. Морозов), Л.З. Слонимский, Н.Н. Русанов, А.М. Скабичевский. В 1890-е гг. Семевский был близок к кружку М.А. Антоновича. На нечетных вторниках у Семевского можно было встретить Н.К. Михайловского, Н.Ф. Анненского, В.А. Мякотина. Сам Семевский часто бывал на литературных средах в гостинице «Метрополь», где по инициативе Н.К. Михайловского и С.Н. Кривенко собирались журналисты народнического направления, представлявшие в либерально-народнических кругах журналы «Отечественные записки», «Северный вестник» и «Русское богатство».

Будущий историк родился 24 декабря 1848 г. в небогатой дворянской семье в Полоцке Витебской губернии; рано остался без родителей. Его старший брат (разница составляла 11 лет) известный историк, издатель журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский поручил воспитание младшего брата педагогу и писателю В.И. Водовозову. На формирование нравственного облика В.И. Семевского Водовозов оказал глубокое влияние. Будущий историк получил хорошее образование. По окончании 5 классов второго кадетского корпуса в Петербурге в 1863 г. его перевели в первую петербургскую гимназию, которую он окончил в 1866 г. с золотой медалью. На выбор высшего учебного заведения оказало влияние увлечение позитивизмом, которое привело Семевского в Медико-хирургическую академию. Там он прослушал лекции физиолога И.М. Сеченова (Семевского тогда интересовали рефлексы головного мозга) и химика-органика Н.Н. Зинина. Вобрав приобретенные в академии естественно-научные методологические основания теории познания, в 1870 г. Семевский перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, где и собирался применить к истории полученные знания о психике человека.

Движущей силой исторического развития Семевский считал «общественное самосознание», которое только и способно обнажить внутренние социальные неустройства. Для улучшения социального устройства общество должно воздействовать на власть, входить в столкновение с ней. Мысль передовых общественных сил, по словам Семевского, «начинает работать над вопросом о необходимости создания нового общественного строя — и вот, рано или поздно старый порядок рушится под давлением общего неудовольствия». К политическим переворотам Семевский относился отрицательно, полагая, что они не ведут к

существенному изменению в положении народа, а именно благо народа было главным критерием общественного прогресса для историка. Он считал, что социальные изменения и усовершенствования принесут гораздо больше пользы народу, нежели борьба за создание нового общественного строя и политические победы. Видя в революции разрушительное начало, Семевский отрицал ее значение как эффективного метода социального преобразования.

Он полагал назначение исторической науки в том, чтобы, исходя из интересов народа, подготавливать социальные преобразования в обществе и с научными данными в руках указывать на необходимость тех или иных социальных реформ. Поэтому «ученые должны, прежде всего, внимательно изучить прошлое и настоящее положение народа». В 1881 г. в журнале «Русская мысль», Семевский опубликовал статью «Не пора ли написать историю крестьян в России?». Она положила начало общероссийской известности ученого. «История русских крестьян — есть долг нашей науки народу», — в этом историк был глубоко убежден. Но разработка истории крестьян должна была стать, по его мнению, первым этапом в изучении жизни русского народа, т. е. в решении задачи, поставленной еще Н.А. Полевым. Семевский посвятил научное творчество крестьянству и крестьянскому вопросу в России XVIII — первой половины XIX в.; исследовал историю общественной мысли.

Неукоснительно выполняя провозглашенную им программу, Семевский изучил не только положение крестьян в период позднего крепостничества, но и положение рабочих на золотых приисках Сибири. Он неизменно вводил в научный оборот широкие пласты ранее неизвестных материалов. Его магистерской диссертацией стал первый том монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (СПб., 1881), общим объемом 600 страниц, над которым Семевский трудился восемь лет. Однако диссертацию ему удалось защитить не в Петербургском, а в Московском университете, благодаря поддержке В.О. Ключевского, ставшего одним из оппонентов (другим был Н.А. Попов). Научный руководитель Семевского — К.Н. Бестужев-Рюмин изменил отношение к его работе после убийства Александра II народовольцами 1 марта 1881 г. В основе конфликта с Бестужевым-Рюминым были общественно-политические и мировоззренческие причины, по фактическому содержанию диссертации оснований для замечаний Семевский, тщательно работавший с источниками, не оставлял.

Состоявшийся в Москве 17 февраля 1882 г. диссертационный диспут превратился в общественно-политическое событие. В историографической литературе отмечена родственность концептуальных положений двух крупных национальных историков — В.И. Семевского и В.О. Ключевского. Сам факт защиты был болезненно воспринят в Петербурге. В течение последующих четырех лет пребывания Семевского в Петербургском университете у начальников вызвали беспокойство растущая популярность ученого у студентов и, главное, концептуальная направленность его мысли. В 1886 г. Семевскому запретили чтение лекций. В расцвете творческих сил, 38 лет, он был изгнан из Петербургского университета.

Семевский осознавал глубокую взаимосвязь историографических занятий с современностью. Он подчеркивал, что исторические исследования способны сыграть активную роль в деле улучшения положения народа, поэтому ученый и рассматривал историческое познание в качестве необходимого начального этапа социальных и политических преобразований в обществе. Интересы русского народа Семевский ставил во главу угла и при определении основных задач социальной функции и исследовательских тем исторической науки. Такая позиция находила понимание у современников. Так, двухтомная монография В.И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» была удостоена Российской Академией наук Уваровской премии, а в сентябре 1890 г. — большой золотой медали Вольного экономического общества (ВЭО). Благодаря помощи золотопромышленника и мецената И.М. Сибирякова (внимательного слушателя Семевского в Петербургском университете) в 1898 г. историку удалось опубликовать фундаментальный труд «Рабочие на сибирских золотых приисках». Для ее написания Семевскому пришлось проанализировать и систематизировать собранный им материал в 32

архивах, среди них архива Иркутского горного управления. Путешествие в Сибирь, занявшее полгода, с весны до поздней осени 1891 г. позволило историку наблюдать работу и быт рабочих золотых приисков. В 1901 г. Семевский издал второй том монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», с помощью новых источников он проанализировал те категории крестьян, которые он не рассматривал в первом томе. Общий объем труда составил 860 страниц. В 1903 г. он предпринял второе, исправленное и дополненное, издание первого тома своей магистерской диссертации.

Исследователи отмечали высокий авторитет Семевского у русской интеллигенции. Так, Б.П. Балугев начал посвященный им В.И. Семевскому очерк с описания прощания с историком на Литературных мостках Волкова кладбища в Петрограде. В сентябрьский день 1916 г. его пришли проводить представители разных общественно-политических направлений; было много историков: М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, М.Д. Приселков, А.А. Корнилов, П.Е. Щеголев, В.А. Мякотин, С.П. Мельгунов, П.Н. Милуков... Простое перечисление имен является очевидным свидетельством интеграционных процессов в отечественной исторической школе начала XX в.

Экономическая история России в трудах народников

Долгое время имена двух народников, внесших наиболее глубокий вклад в концептуальную разработку проблем экономического развития пореформенной России, — Н.Ф. Даниельсона и В.П. Воронцова — употреблялись негативно, в связи с ленинской критикой. В 1970-е гг. историографическая ситуация начала меняться. Ф.М. Сулова доказала, что народники-экономисты в целом правильно отразили временное сокращение рынка страны в 1870—1880-х гг., а постановка ими вопроса об искусственном насаждении капитализма в России стала результатом их «изучения политики самодержавия». Всплеск интереса к реформационному народничеству наблюдается и в наши дни. В 1990-е гг. эти сюжеты изучали: М.П. Рачков (Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993), Б.П. Балугев (Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995), В.В. Зверев (Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От 40-х к 90-м гг. XIX в. М., 1997).

За Даниельсоном и Воронцовым признается несомненная историографическая заслуга анализа особенностей процесса модернизации отечественного народного хозяйства, имевшего преимущественно аграрный характер, в условиях капиталистического развития; реальных трудностей становления рынка товаров и рабочей силы.

Даниельсон Николай Францевич (1844-1918)

Автору блестящего исследования, скромно названного «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (СПб., 1893), принадлежит заслуженное место в отечественной историографии. Гораздо меньше известны его статьи, в частности «Апология власти денег как признак времени», которая вышла в 1895 г. в журнале «Русское богатство».

В мировоззрении Даниельсона своеобразно преломились идеи нескольких философских направлений: позитивизма, марксизма, идей Чернышевского. Вслед за Чернышевским Даниельсон видел в экономике важнейшее звено, позволяющее соединить статику и динамику общества, добиться последовательного и широкого изучения «великого прогрессирующего» социального «тела». Общая тональность характеристик, данных Даниельсоном идеям экономистов прошлого (Оуэна, Фурье, Сен-Симона), свидетельствует о несомненном влиянии на него представлений Чернышевского. Будучи сознательным эволюционистом, Даниельсон размышлял о роли и значении экономического фактора в эволюционном процессе.

В позитивизме Даниельсону особенно импонировал контизм, прежде всего стремлением к строго научным, объективным выводам, а также скрупулезностью сбора эмпирического материала. Он высоко оценил зафиксированную О. Контом жесткую взаимосвязь между обобщениями социологии и законами природы. Ошибку Конта

Даниельсон видел в недооценке политэкономии как науки, подчеркивая, что ученики Конта совсем упустили ее из виду. Отказавшись от изучения такой категории, как класс, позитивисты неизбежно рассматривали общество как нечто статичное. Им не было подвластно исследование экономической и социальной динамики. Из той же ложной, по мнению Даниельсона, посылки позитивисты пытались выводить и некие «несомненные законы общества». Ему представлялось неприемлемым, характерное для позитивизма отсутствие понимания связи законов экономической жизни человека и социологии. Сам он настойчиво искал пути к научному постижению законов социальной эволюции, но не найдя ответов на возникавшие в этой связи вопросы в позитивизме, обратился к марксизму, надеясь с его помощью компенсировать пробелы и недочеты других теоретических систем. В 1867 г. Даниельсон познакомился с гамбургским изданием «Капитала» К. Маркса. Эта работа произвела на молодого бухгалтера сильное впечатление.

В теории Маркса Даниельсона привлекла идея изменчивости явлений и форм общественной жизни. Считая материальные потребности людей основой общественного развития, Даниельсон пытался опереться на марксизм в определении значимости объективного фактора в истории. Его также интересовали прогностические возможности марксизма.

Упорный интерес к экономическим проблемам и учениям объясняют в какой-то мере происхождение и специальность Даниельсона. Он был выходцем из бедной московской купеческой семьи шведского происхождения; блестяще окончил Петербургское Коммерческое училище; в 1862 г. получил звание кандидата коммерции. Полвека Даниельсон служил в Петербургском обществе взаимного кредита: сначала бухгалтером, потом старшим бухгалтером и главным контролером. Научную и общественную деятельность он мог осуществлять в свободное от работы время.

В 1876 г. вместе с Н.Н. Любавиным Даниельсон создал нелегальную Вспомогательную кассу для лиц, подвергшихся каре за государственные преступления. Вместе со своим другом Германом Лопатиным, который был старинным знакомым К. Маркса, Даниельсон в качестве вольнослушателя посещал лекции в Петербургском университете. В 1870 г. его арестовали по делу С.Г. Нечаева, но по недостатку улик вскоре отпустили. После ареста и ссылки в Сибирь Г.А. Лопатина Даниельсон решил завершить дело, начатое другом. Он закончил перевод первого тома «Капитала» Маркса, перевел второй и третий тома. С 1868 г. Даниельсон стал переписываться сначала с Энгельсом, а потом и с Марксом; консультировать их по экономическим и общественно-политическим вопросам русской действительности; рекомендовал важную, с его точки зрения, литературу. Даниельсону принадлежит заслуга первой публикации «Писем из далека» Чернышевского, посылки К. Марксу книги В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России».

Само по себе обращение Даниельсона к марксистской теории достаточно показательно для русской интеллигенции. В общественной мысли России бытовала своеобразная традиция осмысления и адаптации западноевропейских учений к русским условиям. Обращение русской интеллигенции к новому слову философских зарубежных школ, как правило, совпадает с ее разочарованием в ранее популярных теориях. Воспринимались основные постулаты концепции избирательно, в зависимости от общественного настроения конкретного исторического момента. При этом не обходилось без «дополнения» теоретических построений заимствованиями из других, нередко далеких по духу и букве концепций. В русских условиях западные идеи обретали иное звучание и даже смысл. Так воспринял марксистские идеи и Даниельсон. Он считал принципиально важным для понимания материальных условий существования человеческого общества сам факт включения Марксом политэкономии в область социологического исследования. По мысли Даниельсона, это могло помочь разработке справедливых общественных законов. Не случайно он дал определение политэкономии как науке, изучающей законы, по которым «развивается экономическое благосостояние общества (заметьте — не класса) при наименьшей трате сил». В 1870 — 1880-е гг. в понимании марксизма Даниельсоном

происходит эволюция. Он не принимает Марксов закон соответствия производительных сил производственным отношениям.

Даниельсон исходил в своем понимании экономических процессов пореформенной России из экономической обусловленности социальных процессов. Он связывал радикальное улучшение жизни с возрождением общины и артели, но на качественно иной основе. Ее должны были составить достижения науки и техники, а также новый строй, измененный под воздействием общества. Однако он считал допустимыми только законодательные общественные трансформации.

В своих исторических взглядах Даниельсон Н.Ф. не был самостоятелен. Основное влияние на него оказали А.П. Щапов, Н.И. Костомаров и В. И. Сергеевич. Даниельсон считал, что «русская история распадается на два очень резко отличающихся друг от друга периода: домонгольский и послемонгольский». Причину этого различия он связывал с ролью общины в жизни общества, в оценке которой был согласен со Щаповым. Материал по проблемам права и отношений с государством в истории России Даниельсон черпал в работе В.И. Сергеевича «Вече и князь».

Даниельсон в процессе познания стремился от внешних, непринципиальных признаков проникнуть в глубинную сущность предмета, определить главное и сконцентрировать внимание именно на нем. Этой цели служили методологические средства, примененные им в историко-экономической науке: опыт, сравнение, статистика и гипотеза. Центральное место в системе предложенных им методов занимал опыт, который в истории и экономике «производится не исследователем, а логикой событий». Сопоставляя экономические условия, типичные для рабовладельческого, феодального или капиталистического способа производства, ученый имеет, как считал Даниельсон, возможность «изучить элементы производства при самых разнообразных условиях». Мыслительный эксперимент ученого позволяет понять суть процесса и найти главное, отвлекаясь от всего случайного.

Полезность сравнения он видел в изучении с его помощью различных экономических эпох, позволяющем обнаружить связь между различными фазами их развития и вывести «законы, управляющие этим развитием». «Это действительно позволяет выявить тождественное, определить то устойчивое, что существует в различных системах, и вместе с тем сказать об особенном и частном». Сравнительный анализ помогал ему выделить историческую перспективу, открывающуюся при сравнительном анализе.

Гипотетический метод в исследовательской лаборатории Даниельсона выступал в роли «отвлеченного опыта». Его задачей было определение характера конкретного элемента во всей присущей ему полноте и простоте, для чего он должен быть поставлен в исключительные условия, которых «действительно никогда не бывает». К самим условиям исследователь предъявлял требования очевидности, неоспоримости и несомненности. С помощью гипотетического метода Даниельсон пытался выяснить сущность конкретного явления, рассматривая его сквозь призму общей теории.

Если методы сравнения и гипотетический были теснейшим образом связаны с обобщением фактов, то метод статистики предполагал сначала накопление фактов и уже потом выработку на их основе эмпирического закона. Несмотря на кажущуюся простоту, статистический метод таил для исследователя серьезную опасность. Даниельсон предупреждал, что «эмпирические законы следует употреблять с крайней осмотрительностью, исключая те немногие случаи, где известны законы причин», поэтому и настаивал на выделении наиболее существенных и закономерных фактов в их объективной взаимосвязи, подвергая теоретическому анализу.

Признавая фактор внеэкономического принуждения и экономической зависимости как определяющий в каждой из эпох, он объяснял своеобразие различных этапов эволюции человека в зависимости от способа соединения рабочей силы со средствами производства. Примечательно, что Даниельсон пытался связать экономические характеристики эпохи с деятельностью и влиянием господствующего сословия «на все без исключения

общественные явления», социальное устройство, литературу, религию, культуру. Само по себе это влияние считал явлением временным, преходящим на том основании, что с изменением социально-экономической структуры общества становится другой роль отдельных сословий и классов.

Основную историческую заслугу буржуазии он видит в том, что она «разрушила громадные богатства, накопленные в руках немногих, и распространила их равномернее». При капитализме на смену буржуазии как господствующему классу идет пролетариат. Основанием обществу, которое будет создано пролетариатом, послужит труд, в котором «не может быть речи о стоимости рабочей силы».

Даниельсон оценивал позитивную роль того или иного класса в развитии общества в зависимости от того, насколько его интересы соответствуют интересам всего населения («человечества»). Самую высокую социальную оценку он давал рабочему классу на том основании, что «тенденции и цели рабочего сословия совпадают с прогрессом всего человечества». Даниельсону представлялось принципиально важным благополучие не отдельной группы людей, а именно всего народа. Говоря об истинных, справедливых законах, он понимал под этим законы, «выработанные для всего общества без исключения. Основанием для их создания должна была, в его глазах, стать сама природа человека, учет ее материальных потребностей.

Поступательный характер развития Даниельсону, как и Чернышевскому, виделся в последовательном приближении к наиболее совершенному социальному устройству, замене устаревших общественных форм более прогрессивными, динамичными, отвечающими духу времени и потребностям людей. Рассматривая человеческую личность в качестве основной единицы общественной структуры и полагая, что в основе общественного прогресса одновременно лежит стремление к улучшению материального положения, Даниельсон старался примирить экономические и нравственные категории, что в целом было характерно для русских ученых конца XIX—начала XX в.

Даниельсон ставил улучшение благосостояния человека в зависимость от развития производительных способностей общества, которое он не делил на противоборствующие составляющие, будучи убежден, что общество должно объединять общие цели. Идеализм Даниельсона проявлялся также в стремлении перенести понятие нравственности отдельного человека на все общество.

Даниельсон называл непременным условием общественного преобразования изменение (качественное улучшение) экономического положения пролетариата. Однако он не видел веских причин рассчитывать на это в условиях капитализма. Ему казалось, что потребительская кооперация изменить суть положения рабочих при капитализме не сможет, поэтому и приходилось возлагать надежды на самопреобразующую силу пролетариата, при обязательном условии — наличии готового к действию по защите прав рабочих «просвещенного меньшинства». Такое целенаправленное стремление интеллигенции, позволяло, по мысли Даниельсона, со временем преодолеть пороки классового разобщения и улучшить условия существования для всей нации. Таким образом, система идей, выработанных родоначальниками народничества, претерпела творческую трансформацию в концепции Даниельсона.

Выводы

Н.К. Михайловский трактовал народническо-миросозерцание «кающихся дворян» и разночинцев, озабоченных жадной решимости вопросов социальной правды. Он наметил три этапа в истории народничества. Первый — генезис из славянофильства и западничества в 1840—1850-е гг. Второй период — 1860-е гг., когда народничество стало заметным общественным движением, оформилось в доктрину. И, наконец, в 1870-е гг. сложилось целостное миросозерцание, центральной идеей которого стала мысль о противоположности интересов народа интересам нации. «Богатство нации есть нищета народа», — писал он.

Многогранное воздействие народников на историческую науку и общественно-политическую, социокультурную и социально-экономическую жизнь России отмечено отечественной историографией. При этом обращает на себя внимание поляризованность оценок реформационного народничества от неприятия их взглядов (так, Д.Д. Жвания характеризовал взгляды Воронцова как реакционно-романтические, отнеся их к мелкобуржуазному социализму) до глубокого анализа их концептуальных основ и показа современного звучания высказанных ими идей (Н.К. Фигуровской, В. В. Зверевым).

Если критика взглядов Воронцова, которую дал Ленин, хорошо известна прежде всего по работе «Развитие капитализма в России», доказывавшей очевидность столбовой дороги капитализма, то критика его воззрений с либеральных позиций А.Н. Пыпиным (1833—1904) известна хуже. Проблема «отцов и детей» существует и в историографии. И Ленин, и Пыпин для народников, родившихся в 1840-х гг., были людьми других поколений, иного мироощущения, обладали другим социальным опытом. Если Ленин был моложе Воронцова на 23 года, а Даниельсона на 26 лет, то Пыпин, наоборот, был, старше Воронцова на 14 лет, а Даниельсона на 11. В ответ на «Попытки обоснования народничества» В.В. (Воронцова), напечатанные в «Русском богатстве», Пыпин поместил в «Вестнике Европы» статью «Теории народничества» (1892). Соглашаясь с этической, социальной устремленностью народничества и его практической деятельностью на благо народа, Пыпин не принял критики интеллигенции, данной народниками, настойчиво подчеркивая преемственность во взглядах славянофилов и народников.

Нельзя не заметить и еще одного обстоятельства: многое из отвергнутого Лениным у Воронцова в конце XIX в., позднее, в годы советской власти было взято на вооружение и вошло в арсенал понятий «марксизма-ленинизма».

Историк освободительного движения, либеральный народник В.Я. Богучарский-Яковлев (1861—1915) систематизировал данные по истории леворадикального народничества, собранные им из разных источников, включая подпольные и эмигрантские издания. Богучарский разделял мнение Пыпина об идейной неоднородности народнического движения, а также о преемственности во взглядах славянофилов и народников. Однако при этом Богучарский добавлял, что связующим звеном между ними были сначала А.И. Герцен, а затем Н.Г. Чернышевский.

Литература

- Балуев Б.П.* Искренний и правдивый друг народа: В.И. Семевский // Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996.
- Искра Л.М.* Василий Яковлевич Яковлев-Богучарский // Историки России XVIII— XX веков. Вып. 5. М., 1998.
- Казаков А. П.* Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. Л., 1969.
- Малинин В.А.* Философия революционного народничества. М., 1972.
- Новак С.Я.* Я.В. Абрамов — пионер «теории малых дел». Отечественная история. 1997. №4.
- Шахматов Б.М.* П.Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981.
- Жвания Д.Д.* Антиурбанизм концепции народника В.П. Воронцова // Общество и власть в истории России: Сб.ст. СПб., 1999.
- Хорос В.Г.* Народническая идеология и марксизм. М., 1972.

Лекция 4

3.8. В.О. Ключевский

Место В.О. Ключевского в историографии

Популярнейший ученик С.М. Соловьева — Василий Осипович Ключевский стал легендой русской историографии. Звездность имени проявилась далеко за пределами исторической науки. Его имя носит планета №4560. Фамилия Ключевских символична и

ассоциируется с истоком, источником, представлениями о родине. Она происходит от названия села Ключи Пензенской губернии. Слова «ключ» и «ключевой» для ученых имеют еще одно значение — метод. Обладая способностью аккумулировать в исторической мысли все лучшее, Ключевский хранил в своем сознании немало научных ключей.

Со временем менялись оценки, даваемые концепции Ключевского в отечественной историографии, в его творчестве высвечивались все новые стороны. В 1880-е гг. М.О. Коялович писал о системе научного изложения русской истории Ключевским, которая открывала перед историком возможности поиска смысла «наших» законов в народном строе жизни, в народных обычаях и воззрениях. Ему было важно показать «историю внутреннего развития русской жизни». Изучая исторические явления, Ключевский, по определению Кояловича, доискивался «их в русском складе жизни на большой глубине», благодаря чему ставил, как правило, верный исторический диагноз. Согласно такому подходу, государственные и общественные учреждения, а также само общество были лишь внешним выражением внутренней жизни народа. Ключевский не приписывал скоропостижной смерти старым государственным учреждениям в горниле преобразований и не преувеличивал творческих сил ни преобразователей, ни тех поколений, на чей век выпадали перемены. Ключевский обратил внимание на необходимость анализа переходного общественного состояния, когда уже произошло обновление (политическое, социально-экономическое), но привычные представления еще не успели измениться.

А.С. Лаппо-Данилевский обратил внимание на злободневность сомнений Ключевского. О «душевной сложности» Ключевского писал С.Ф. Платонов, считавший, что в ней сплелись самые разнородные элементы русской стихии и общечеловеческой мысли. А.Е. Пресняков отметил у Ключевского ярко выраженные особенности схемы Соловьева и Чичерина с присущим ей внутренним противоречием — «с одной стороны, утверждение преемственной связи исторической жизни севера с киевским югом, с другой — выяснение их резкой противоположности и самостоятельных корней северорусского исторического процесса».

Н.Г. Рубинштейн согласился с мнением П.П. Смирнова и отнес Ключевского к основателям экономического направления в русской историографии. М.В. Нечкина показала возможности психологического жизнеописания для раскрытия мировоззрения историка. Опыт системного анализа творчества Ключевского предложила Р.А. Киреева.

Исследователи писали об идейной эволюции Ключевского к позитивизму, восприятию им методологических принципов Кавелина и Бестужева-Рюмина, Щапова и Лаврова. Так, П.С. Шкуринов в книге «Позитивизм в России XIX века» (М., 1980) считал: «На взгляды Ключевского оказали заметное влияние философия Л. Фейербаха, Н. Чернышевского и Н. Добролюбова, историко-теоретические воззрения С. Ешевского и Ф. Буслаева. В миропонимании русского историка сложно переплетались либеральные и демократические убеждения, понятия, шедшие от эмпиризма, и конвенционалистские суждения о природе исторического процесса». Там же отмечалось, что в последние два десятилетия жизни Ключевский без особого уважения относился к идеям «субъективного метода» Лаврова и Михайловского, которые раньше влияли на его миропонимание. В литературе преувеличивалась степень зависимости Ключевского от позитивизма, особенно в тех случаях, когда авторы подчеркивали, что в своих поисках методологии истории он пытался опереться на крупнейшие естественно-научные достижения своего времени, труды Менделеева и Бутлерова, Сеченова и Павлова с целью сближения исторических явлений с явлениями физико-биологическими. В литературе отмечалось, что в начале XX в. Ключевский начал испытывать некоторое влияние неокантианства.

Ключевского отличало бережное отношение к научной традиции. Он был убежден, что «наличное богатство литературы по отечественной истории» не дает права историку на научную расточительность. Ключевский умел заставить эффективно работать историографический компонент в своем исследовании и учил этому других. Высоко ценя «напряжение мысли» в чужих трудах, он советовал не просто углубляться в связь и смысл

описываемых в них явлений, но всегда «принимать в расчет и то, как понимает эту связь и этот смысл» конкретный автор. Ключевский изучал механизмы, которые долгое время управляли мышлением ученых историков (изживание генетики летописного взгляда; переход к новому уровню познания). Научную задачу историка он видел в уяснении происхождения и развития человеческих обществ, в изучении генезиса и механизма *людского общежития*. Летописец же искал в событиях нравственный смысл и практические уроки для жизни, уделяя главное внимание *исторической телеологии и житейской морали*. Мысль летописца обращалась к жизни человека, к конечным причинам «существующего и бывающего». Историческая жизнь служила летописцу нравственно-религиозной школой.

Путь к профессиональному мастерству Ключевский видел только один: через научную добросовестность, умение поиска «следов» прошедших явлений и событий, привлечение надежных источников, выработку действенной методики. Мастерство говорит само за себя. Оно проявляется в красочности исторического полотна, образности характеристик и определений; открывающейся в ходе исследования научной перспективе; эффективном сочетании повествования и анализа. Ключевский в совершенстве владел мастерством анализа сквозь призму повествования. В случае недостатка источников и информации он умел анализировать историческое явление, изучая его следствия. Присущая Ключевскому спасительная ирония хранила его от идеализации и панегириков. В целом же Ключевский реалистично оценивал возможности историков: «Мы можем следить только за господствующими движениями нашей истории, плыть, так сказать, ее фарватером, не уклоняясь к береговым течениям».

В совершенстве владея, как бы мы сейчас сказали, межпредметными связями, историк использовал филологические средства, особенно, если речь шла о древней истории. Он изучал лингвистический и топонимический смысл слов, считал, что «...язык запомнил много старины, свеянной временем с людской памяти». Щедро рассеянные по всему курсу русской истории слова и пословицы не были сведены историком в единый словарь. Видимо, он полагал этот жанр уже освоенным В. Далем. Однако определения и разъяснения, данные Ключевским, казалось бы, обыденным словам, известным пословицам и выражениям, обрели под его пером свежий смысл и звучание, и при желании «Историко-лингвистический словарь Ключевского» нетрудно составить.

Ключевский черпал в историографии дополнительные средства для решения спорных проблем. Так, например, рассмотрение «варяжского вопроса» позволило ему подвести важный для своего времени историографический итог, хотя сам спор между норманнистами и антинорманнистами он считал «ученой патологией», не имеющей никакого отношения к науке.

Концепция Соловьева оказала важное влияние на общие взгляды Ключевского о русской истории. Она стала «точкой отправления и опоры для дальнейшего изучения русского прошедшего». Но, как отмечали уже младшие современники, в схему Соловьева Ключевский вложил «столько нового понимания и содержания, что в его интерпретации знакомые построения и факты приобретали совершенно новый смысл и как бы перерождались». С этими словами А.Е. Преснякова можно согласиться.

Ключевский прошел в науке свой путь. Он пересмотрел историко-философскую схему Соловьева, не высказывая прямых замечаний в адрес учителя. Только в статьях, посвященных анализу творческого пути Соловьева (1876 и 1880 гг.), Ключевский осторожно намекнул на односторонность методики источниковедческого анализа.

Мысль Соловьева о колонизации, как важном факторе исторического развития, у Ключевского получила углубленное толкование за счет рассмотрения таких ее аспектов как экономический, этнологический и психологический. Начав историческую часть опубликованного курса лекций разделом «Природа страны и история народа», он перешел к определению значения почвенных и ботанических полос, а также тех влияний, которые оказывали на историю «основные стихии русской природы»: речная сеть, равнина, лес и степь. Ключевский показал отношение к каждой из них русского народа, объясняя причины

устойчивости репутации (нелюбви к степи и лесу, двусмысленном отношении к реке и т. д.). Историк подвел читателя к мысли о необходимости бережного, как бы мы сейчас сказали, экологического подхода к природе: «Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия».

При свойственной России обширной территории, этнической пестроте и широкой миграции в ее истории, по мнению Ключевского, неизбежно действовал фактор так называемых «скреп», которые только и могли удерживать в единстве постоянно растущий конгломерат. В политике роль «скрепы» отводилась высокоцентрализованной власти, абсолютизму; в военной сфере — сильной армии, способной к выполнению как внешних, так и внутренних функций (например, подавление несогласных); в административном плане — рано развившейся сильной бюрократии; в идеологии — господству типа авторитарного мышления в народе, в том числе и среди интеллигенции, религии; и наконец, в экономике стойкости крепостного права и его последствий.

Ключевский разделял мысль Соловьева о возможности сравнения человеческих обществ с органическими телами природы, которые также рождаются, живут и умирают. Научное движение, в которое они с учителем внесли свою лепту, он охарактеризовал следующим образом: «Историческая мысль стала внимательно всматриваться в то, что можно назвать механизмом человеческого общежития». Неустраняемая потребность человеческого ума, по мнению Ключевского, заключалась в научном познании хода, условий и успехов «человеческого общежития», или жизни человечества в ее развитии и результатах. Задачу «воспроизвести последовательный рост политической и социальной жизни России» и проанализировать преемственность форм и явлений, поставленную Соловьевым, его ученик исполнил уже по-своему. Он подошел к изучению истории России с позиций взаимосвязи и взаимовлияния трех главных факторов — личности, природы и общества. Органический подход историка к истории требовал учета контекста эпохи и действующих сил истории, исследования многомерности исторического процесса и разнообразия существовавших и существующих связей. Ключевский сочетал исторический и социологический подходы, конкретный анализ с исследованием явления как феномена мировой истории.

Концептуальные представления

Ключевский родился 16 января 1841 г. в селе Воскресенское Пензенского уезда (существует версия о рождении историка в г. Пензе). В честь деда по отцовской линии был назван Василием. Отец и оба деда (по отцовской и материнской линиям), как и прадед, были священниками в приходах Пензенской губернии. Отец служил священником в селе Воскресенское Пензенского уезда, там прошли первые четыре года жизни будущего историка. Меняя не раз место службы, отец, видимо, как считала М.В. Нечкина, энергично искал чего-то лучшего в жизни. Это стремление отец передал сыну. Но сын пошел дальше: Ключевский не захотел пройти свой жизненный путь по колее, проложенной предыдущими поколениями.

На формирование мировоззрения, основ общественных воззрений и эстетических представлений особое влияние оказала пензенская юность, приобщившая Ключевского к корневой народной культуре. Еще ребенком он узнал цену борьбе человека с природой, увидел тяжесть земледельческого труда и крестьянский быт эпохи позднего крепостничества; приобрел привычку к подвижническому труду. Ключевский впитал любовь к сказкам и русским пословицам, которыми позднее обогатил свой курс русской истории. Богатство понятий, запечатленных в фольклоре о взаимосвязи природы и общества, обычаях общежития органично вошли в мировоззрение Ключевского.

Пробуждение интереса к истории было подготовлено отцом. Он научил сына читать «Жития святых» по старославянскому тексту Четых миней. Именно житиям, став историком, Ключевский посвятил свою первую диссертацию. Мальчик знал Священную историю и катехизис, умел писать. В 1850 г., когда в возрасте 34 лет отец трагически погиб,

потрясенный 9-летний ребенок стал заикаться. Позднее лектор Ключевский превратил свой недостаток в прием ораторского мастерства, тщательно отработывая совмещение вынужденных и смысловых пауз.

Несомненное влияние на будущее творчество оказало церковное образование. Ключевский учился: в 1851—1852 гг. в Пензенском духовном приходском училище, в 1852—1856 гг. - в Пензенском уездном училище, а в 1856—1860 гг. в Пензенской духовной семинарии. В возрасте 15—19 лет семинарист Ключевский целеустремленно осваивал гуманитарные науки небогословского характера — всеобщую и русскую историю, изучал латинский, древнегреческий и древнееврейский языки. Помимо истории «по Карамзину», в семинарии давались такие темы, как «Разин» и «Пугачев». Перед темой о Василии II преподаватели обычно знакомили учеников с проблемой «Связь с Европой». В семинарии у Ключевского сформировалась строгость логического мышления. По признанию самого историка, он оттачивал свое научное мышление о камень схоластики. В дальнейшем традиционно церковные источники Ключевский разрабатывал по разряду гражданской истории, как было, в частности, с русскими агиографическими сочинениями.

Когда указ 1869 г. избавил детей священно- и церковнослужителей от необходимости заниматься отцовским ремеслом, для Ключевского это было уже не актуально. К тому времени он уже вышел из своего сословия. Чтобы стать историком, ему пришлось выдержать борьбу: уйти из семинарии, не завершив курса и, избежав тем самым необходимости поступать в Духовную академию. Мечтой Ключевского был историко-филологический факультет Московского университета. И она осуществилась в 1861 г. В годы учебы в университете (1861—1865) были заложены основания для научного роста. Большое влияние оказал на историка Ф. Буслаев, который обратил его научный интерес на народную массу, научил сравнительной филологии. Ключевский слушал лекции С.В. Ешевского, П.М. Леонтьева, К.Н. Победоносцева, Н.А. Сергиевского, С.М. Соловьева, Н.С. Тихонравова, П.Д. Юркевича и др. По окончании курса он слушал Б.Н. Чичерина.

Как установила Нечкина, будучи студентом, Василий Осипович общался с деятелями ишутинской организации, основное ядро которой сложилось из его знакомых — пензенских земляков. Нити тянулись из семинарских лет, когда он был репетитором латинского языка у брата Д.В. Каракозова. Н.А. Ишутин — двоюродный брат Каракозова, учился в Пензенской гимназии (курса не кончил), по приезду в Москву стал вольнослушателем Московского университета и поселился в Москве вместе с Д.В. Каракозовым. Основанная в 1863 г. ишутинская организация усиленно вербовала новых участников в 1864—1865 гг. Рассказ о том, как Ишутин, возможно, «отпустил в науку» В.О. Ключевского весьма колоритен: «Ишутин, волосатый силач в красной рубахе, ходивший как истый студент-нигилист 60-х годов с огромной палкой-дубинкой, положил мощную длань на жиденькое плечо Василия Осиповича и твердо заявил: «Вы его оставьте. У него другая дорога. Он будет ученым», чем показал свою прозорливость».

Первая диссертация

По окончании университета (1865) в течение шести лет Ключевский работал над книгой «Древнерусские жития святых как исторический источник». В 1871 г. она была опубликована в Москве К.Т. Солдатенковым тиражом 3 тысячи экземпляров, а в 1872 г. книга была с блеском защищена Ключевским на магистерском диспуте. «Читая жития, — писал Ключевский, — мы присутствуем при двух основных процессах нашей древней истории: мы встречаемся лицом к лицу с древнерусским человеком, который вечно двигаясь с крестом, топором и сохой, в зипуне и в монашеской рясе, делал одно немалое дело — расчищал место для истории от берегов Днепра до берегов Северного океана и в то же время, несмотря на такую растяжимость, умел собрать силы на создание государства, сдержавшего и вторжения с Востока, и пропаганду с Запада».

Наблюдения над житиями укрепили Ключевского во мнении о вторичности монастырской колонизации, которой предшествовала колонизация крестьянская.

Ключевский видел в монастырской колонизации важный фактор освоения новых территорий, т. е. приписывал ей государственно созидательную роль. Тем самым труд Ключевского, заняв место в ряду традиционной синодальной и народной оценки монашеской аскезы, разошелся с новейшей историографией (А.С. Павлов, опираясь на замечания В.А. Милютина, писал о монастырском землевладении как о факторе, сокращающем поместный фонд и тем самым ослабляющем дворянство, основную опору государства). Вывод Ключевского о слиянии монастырской колонизации и колонизации крестьянской имел принципиальное значение для науки.

В книге упоминаются 670 списков агиографических памятников из 321 рукописного сборника. Проанализировав эволюцию русского житийного жанра, автор предложил их классификацию. Опубликованный текст «Житий святых» представляет собой исследование, не доведенное до конца. В.Л. Янин высказал предположение, что «Жития...» должны были стать книгой об истории «умственного развития», но выстрел Каракозова (1866) и общее изменение тона журнальных статей представили многие вещи в ином свете и, видимо, побудили ученого оставить свое намерение.

Фундаментальные понятия. Основные «слагающие» исторического процесса

Свои методологические и методические соображения Ключевский выразил в специальном курсе «Методология русской истории», а в сжатом виде в первых четырех лекциях «Курса русской истории».

«Итак, в истории наших древних учреждений остаются в тени общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали», — считал Ключевский. Между тем интересы и требования социальности проявлялись в исторических типах и особенностях личности, в обществе с его «союзами».

Ключевский старался показать значение различных факторов в историческом процессе и в отдельные периоды русской истории (днепровский, верхневолжский, великорусский, всероссийский). При характеристике этих периодов, помимо географических условий (Русь Днепровская, Русь Верхневолжская, Русь Великая, Московская), в которых жила основная масса населения, Ключевский одновременно выделял политический (удельно-княжеский, царско-боярский, императорско-дворянский), социальный и хозяйственно-экономический (городовая, торговая; вольно-земледельческая, военно-земледельческая, крепостная) критерии. Политический фактор усиливает свое влияние, начиная со второго периода. В течение всех четырех периодов происходит усложнение хозяйственной жизни. Роль городов, по Ключевскому, была наиболее влиятельной в днепровский и всероссийский периоды, но социально-экономическая основа этих периодов не была одинаковой (в первом случае — торговая, во втором — фабрично-заводская). Значение земледелия сохраняется и в Верхневолжский, и в Московский, и во Всероссийский периоды. Экономические последствия, как считал Ключевский, подготавливают последствия политические, которые становятся заметны несколько позднее: «Экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых вырастали политические союзы».

Ключевский был ярким представителем национальной психолого-экономической школы, формировавшейся в России в последней четверти XIX в. Он стал предшественником историков, разрабатывавших психологические методики исследования в первой четверти XX в., когда особую популярность получил психоанализ. Историк писал, что «человек далеко не все постигает логическим мышлением и, может быть, даже постигает им наименьшую долю постижимого». Всякий обряд и; текст с практическим, житейским действием, кроме специально богословского, по мнению Ключевского, также имеет общее психологическое значение и с этой стороны, как и всякое житейское, т. е. историческое, явление, может подлежать историческому изучению. С такой народно-психологической стороны историк подошел, например, к проблеме происхождения раскола. Он считал, что «можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннее тех, которые воспитали в нас религиозное чувство; но они не заменят нам наших худших». «Так религиозное мирозерцание и настроение

каждого общества неразрывно связаны с текстами и обрядами, их воспитавшими», — продолжал эту мысль Ключевский.

О процессе передачи исторического опыта он писал: «Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет; но отнимите у современного человека этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей, и он все забудет, всему разучится и должен будет начинать сызнова». Человечество ведет «великую жизненную борьбу», «стремясь к целям, им себе поставленным». Приемы и характер этой борьбы меняются, но от этой борьбы «отлагается нечто более твердое и устойчивое: это известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов».

«... Сменялись народы и поколения, перемещались сцены исторической жизни, изменялись порядки общежития, но нить исторического развития не прерывалась, народы и поколения звеньями смыкались в непрерывную цепь, цивилизации чередовались последовательно, как народы и поколения, рождаясь одна из другой и порождая третью, постепенно накапливался известный культурный запас и то, что отложилось и уцелело от этого многовекового запаса, — это дошло до нас и вошло в состав нашего существования, а через нас перейдет к тем, кто придет нам на смену», — писал он. Для Ключевского понятия: «культура» и «цивилизация»; «культурный запас» и «культурные завоевания» — были синонимами.

Ключевский признавал действие в истории закона психологической ассоциации. Он исследовал разнообразные мотивы поведения, которыми «служат как психологические и нравственные побуждения, так и практические цели, житейские расчеты»; выявлял умолчания и анализировал причины и следствия этого, одновременно показывая значение данного фактора.

Одним из методологических понятий, заявленных историком, были «исторические тела» или людские союзы. Они растут, размножаются, переходят один в другой, наконец, разрушаются. При этом подчеркивалась долговременность воздействия их жизни на исторический процесс.

Внутренне присущий историческому процессу драматизм, Ключевский характеризовал, как «непрерывное движение исторической драмы», время от времени меняющее сложившийся порядок, «которого держатся люди». Историю он рассматривал как поступательный процесс, и понятие развития ассоциировалось в сознании историка с накоплением опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой — устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми.

Ключевский видел задачей историка познание причинных связей явлений, т. е. свойств и действий сил, строящих общежитие. Он выделил два предмета изучения истории: историю культуры (или историю цивилизации), которая изучает «...выработку человека и человеческого общежития», и историческую социологию. Последняя, в свою очередь, изучает «...исторические силы, строящие человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных с помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века».

Историк размышлял над особенностями истории вообще и русской в частности. Он писал о разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторявшемся, «вечно изменяющемся подборе исторических сил и условий», о человеческой природе, которая как в отдельных лицах, так и в целых народах раскрывается «не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени». «По этим условиям отдельные народы, принимавшие наиболее видное участие в историческом процессе, особенно ярко проявили ту или другую силу человеческой природы» — к такому выводу пришел Ключевский. Размышления об исторических закономерностях и возможности их познания рождали у историка новые мысли и вопросы.

«На что может пригодиться изучение исторических сочетаний и положений, когда-то и для чего-то сложившихся в той или иной стране, нигде более неповторимых и непредвидимых?»

«Мы хотим знать по этим сочетаниям и положениям, как раскрывалась внутренняя природа человека... как в явлениях составляющих содержание исторического процесса, человечество развертывало свои скрытые силы...»

«Познать самих себя, свои внутренние свойства и силы, чтобы по ним устроить свою земную жизнь».

Каждому порядку было присуще внутреннее противоречие: следствия, вытекавшие из его же оснований и служившие средствами его поддержания, вместе с тем разрушали самые эти основания: «То значит, что очередной порядок разрушал сам себя, не выдерживал действия собственных последствий. Кроме того, эти условия разрушения, вытекавшие из самого порядка, вызывали к действию сторонние силы, также его расстраивавшие».

«... Действие очередного порядка было процессом его саморазрушения, состояло в его борьбе с собственными последствиями, его расстраивавшими».

«Гражданское общество складывается из очень сложных отношений юридических, экономических, семейных, нравственных. Эти отношения строятся и приводятся в движение личными интересами, чувствами и понятиями. Это по преимуществу область личности».

В основу выделения классов Ключевский положил критерии экономического различия (разновидности капитала, вносимого каждым классом в экономику) и юридического неравенства (разнообразие прав и обязанностей, характеризующих классы в области политической).

«Политические сословия создавались князем, княжеской властью; экономические классы творились капиталом, имущественным неравенством людей». Капитал наряду с княжеской властью являлся деятельной социальной силой, вводил в политический состав общества свое «особое общественное деление, которое должен был признать и княжеский закон».

С конца 1870-х гг. Ключевский целенаправленно занимался историей крестьянства, посвятив ей статьи 1879—1885 гг. Развитие крепостного права в России он считал процессом слияния крестьян и холопов в один разряд населения, перенесением на крестьян норм холопского права. До конца XV в. существовало два вида личной зависимости: полное холопство и долговое закладничество. Из их сочетания развилось холопство кабальное, которое было перенесено на крестьян. В результате сближения холопов с крестьянами в сфере хозяйственной жизни холопы стали привлекаться к исполнению государственных повинностей.

«Курс русской истории»

Преподавательская и научная деятельность была у Ключевского связана воедино. 5 февраля 1872 г. Совет Московского университета утвердил В.О. Ключевского в ученой степени магистра русской истории. С.М. Соловьев уступил Ключевскому кафедру в Александровском военном училище, где тот будет преподавать 16 лет. Летом 1872 г. Ключевский дал согласие своему другу В.И. Герье взять на себя чтение лекций на Московских Высших женских курсах (здесь Ключевский проработает 15 лет). Одновременно он читал лекции в Московской духовной академии. Началось накопление знаний и научных выводов, которые позже легли в основу знаменитого «Курса русской истории». В нем нашло свое завершённое выражение историческое зодчество Ключевского.

Ключевский предложил проблемное изложение русской истории. Подача материала студентам, выделение «главных моментов», в обучающем лекционном курсе, образность, доходчивость и конкретность изложения, «яркая драматизация исторической схемы» лишь оттеняли концептуальные основы труда.

Конструкцию «Курса» составили пять частей, в которые вошли 86 лекций, охватившие рассказ о русской истории с древнейших времен до реформ Александра II.

Основные линии истории России

Концепция русского исторического процесса у Ключевского развивалась и оттачивалась десятилетиями. Особенно серьезные изменения в понимании соотношения роли народа и государства произошли в процессе его работы над докторской диссертацией «Боярская дума».

Народу как понятию этническому и этическому Ключевский отводил в своей концепции роль основной силы в истории образования и развития государства. «...Мы заставляем Россию столько раз умирать, переживать столько метапсихозов только потому, что сосредотачиваем свое внимание исключительно на технике ее правительственной машины, надеемся разглядеть общество, смотря на него сквозь сеть правивших им учреждений, а не наоборот». Между государством и народом находится элита. Государственное строительство сопряжено с периодической сменой элит. Рассматривая обстоятельства успеха или, наоборот, неудачи, Ключевский считал обязательным учитывать наличие или отсутствие «вкуса к власти», осознания необходимости упрочения политических прав правящим классом. Он изучал средства и механизмы реализации элитой ее притязаний, умения влиять на общество, анализировать соответствие реальных интересов и деклараций. Счеты и ссоры внутри элиты и отсутствие внимания к проблеме взаимоотношений элиты с государством, с одной стороны, и народом — с другой, неумение тщательно выстраивать линию взаимоотношений по этим двум направлениям вели к потере элитой своего господствующего положения. «Правящая знать оказалась на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами — участь, обычно постигающая общественные сферы, высоко поднимающиеся над низменной действительностью». Государство, по мнению Ключевского, опирается на устойчивые общие интересы, на широкие общественные связи.

Для каждой эпохи, любого эпизода или действовавшего лица Ключевский умел находить красочный, запоминающийся образ или точное понятие, так или иначе обращенное к национальному и общественному самосознанию. Историк апеллировал к историческому чувству читателя: «Определяя задачи и направления своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином».

Исследование феномена народной памяти, по мнению Ключевского, открывало историку пути познания прошлого, особенно глубокого прошлого: «Начало истории народа... надобно искать, прежде всего, в памяти самого народа. Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории». Его интересовали механизмы сохранения народной памяти (народного отношения) «сквозь века» по отношению к конкретным людям, явлениям и событиям. Он искал и находил их «следы» (в народных обычаях, поверьях и пр.), давал им объяснение. И наоборот, в случае забвения, сам факт которого свидетельствует о незрелости конкретных народов, по Ключевскому, вступает в свои права исторический закон. В этом случае последний выступает в роли строгого, неумолимого дядьки и бывает даже их палачом, когда «глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к историческому самозабвению». Историк размышлял о механизмах поддержания исторической памяти. Для современников определяющим было личное впечатление. Они оставляли после себя историческое воспоминание, которое со временем тускнело. Церковная память превращала, по мнению Ключевского, впечатление в привычное, поднимающее дух, настроение, «этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок». При рассмотрении понятия о народе он придавал особое значение его этнической и ментальной составляющим, а также национальному самочувствию в конкретные исторические эпохи (религиозному и государственному).

Первый период русской истории

Ключевский определял его в хронологических рамках: с древнейших времен и до конца XII или до начала XIII в. В XI—XII вв. «Русь как племя слилась с туземными славянами, оба эти термина Русь и Русская земля, не теряя географического значения, являются со значением политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем христианским славяно-русским ее населением». Нашествие монголов не стало разделительным рубежом: «...монголы застали Русь на походе. Во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый склад жизни завязался до них». Для Ключевского было важно объяснить, как и какими условиями был создан склад политических и экономических отношений, а также, когда появилось славянское население и чем было вызвано к действию его появление. Экономическими последствиями, по мнению Ключевского, были подготовлены и последствия политические, которые становятся заметны с начала IX в.

«Варягу нас — преимущественно вооруженный купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию... Варяг — разносчик, мелочный торговец, варяжить — заниматься мелочным торгом». «Осаживаясь в больших торговых городах Руси, варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них, класс вооруженных купцов, и входили в его состав, вступая в торговое товарищество с туземцами или нанимаясь за хороший корм оберегать русские торговые пути и торговых людей, т. е. конвоировать русские торговые караваны». В XI в. варяги продолжали приходить на Русь наемниками, но уже не превращались здесь в завоевателей, и насильственный захват власти, перестав повторяться, казался маловероятным. Русское общество того времени видело в князьях установителей государственного порядка, носителей законной власти, под сенью которой оно жило, и возводило ее начало к призванию князей. Из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городских областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *великое княжество Киевское*.

«Так, не видно больших торговых городов у древлян, дреговичей, радимичей, вятичей; не было и особых областей этих племен. Значит, силой, которая стягивала все эти области, были именно торговые города, какие возникали по главным речным путям русской торговли и каких не было среди племен, от них удаленных». Большие вооруженные города, ставшие правителями областей, возникли именно среди племен, наиболее деятельно участвовавших во внешней торговле.

Исторический анализ политического сознания власти и его эволюцию историк осуществил поэтапно. Политическое сознание князя в XI в., с точки зрения ученого, исчерпывалось двумя идеями: убежденностью в том, что «корм был их политическим правом», а собственно источником этого права являлась их политическая обязанность обороны земли. Идеи чистой монархии еще не было, совместное владение со старшим во главе казалось проще и было доступнее пониманию. В XII в. князья не являлись полновластными государями земли, а только военно-полицейскими ее правителями. «Их признавали носителями верховной власти, насколько они обороняли землю извне и поддерживали в ней существовавший порядок; только в этих пределах они и могли законодательствовать. Но не их дело было созидать новый земский порядок: такого полномочия верховной власти еще не было ни в действовавшем праве, ни в правовом сознании земли». Теряя политическую цельность, Русская земля начала чувствовать себя цельным народным или земским составом.

Причины феодальной раздробленности, которые Ключевский рассматривал как «политическое раздробление», он увидел в изменении представления об «отчине», что нашло отражение в словах внука Мономаха Изяслава Мстиславича: «Не место идет к голове, а голова к месту», т. е. «не место ищет подходящей головы, а голова подходящего места». Личное значение князя было поставлено выше прав старшинства. Кроме того, династические симпатии городов, вызывавшие вмешательство главных городов, областей во взаимные счета князей, путали их очередь во владении. Ключевский привел высказывание

новгородцев о том, что «они для себя его не кормили». Таким образом, «...отстаивая свои местные интересы, волостные города иногда шли наперекор княжеским счетам, призывая на свои столы любимых князей помимо очередных. Это вмешательство городов, путавшее княжескую очередь старшинства, началось вскоре после смерти Ярослава».

И наконец, третьим обстоятельством было то, что «князья не установили на Руси своего порядка и не могли установить его. Их не для того и звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме. Земля жила своими местными порядками, впрочем, довольно однообразными. Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счета — не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за охранную службу».

Колонизация, по наблюдению Ключевского, нарушила равновесие социальных стихий, на котором держался общественный порядок. А дальше вступили в действие законы политической науки: одновременно с пренебрежением развивается местное самомнение, надменность, воспитанная политическими успехами. Притязание, проходя под знаменем права, становится прецедентом, получающим силу не только подменять, но и отменять право.

В анализе монархической формы государственности Ключевским отчетливо проявилось его понимание идеала и влияние этнических представлений на авторскую концепцию и историческую оценку. «Политическое значение государя определяется степенью, в какой он пользуется своими верховными правами для достижения целей общего блага». Как скоро в обществе исчезает понятие об общем благе, в умах гаснет и мысль о государе, как общеобязательной власти». Таким образом, проводилась мысль о государе, блюстителе общего блага как цели государства, определялся характер державных прав. Ключевский ввел понятие «ответственное самодержавие», которое отличал от непростительного самодурства. С последним русские люди столкнулись уже в древности. Ключевский считал, что Андрей Боголюбский «наделал немало дурных дел». Историк признавал, что князь был проводником новых государственных стремлений. Однако во введенной А. Боголюбским «новизне», «едва ли доброй», не было реальной пользы. Ключевский считал пороками А. Боголюбского пренебрежение к старине и обычаям, своеволие («во всем поступал по-своему»). Слабостью этого государственного деятеля была присущая ему Двойственность, смесь власти с капризом, силы со слабостью. «В лице князя Андрея великоросс впервые выступил на историческую сцену, и это вступление нельзя признать удачным» — такую общую оценку дал Ключевский. Популярности представителей власти, по глубокому убеждению историка, способствовали личные доблести и таланты.

Идею власти, возникшую в результате чтения книг и политических размышлений, Ключевский связывает с именем Ивана Грозного, «начитаннейшего москвича XVI в.»: «Ивана IV был первым из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника божия. Это было для него политическим откровением».

Почти двухвековая борьба Руси с половцами оказала серьезное влияние на европейскую историю. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток (на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров), Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Эта бесспорная историческая заслуга стоила Руси дорого: борьба сдвинула ее с насыщенных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни. С середины XII в. происходило запустение Киевской Руси под воздействием юридического и экономического принижения низших классов; княжеских усобиц и половецких нашествий. Произошел «разрыв» первоначальной народности. Население уходило в Ростовскую землю, край, который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем. Здесь в XI и XII вв. жили три финских племени — мурома, меря и весь. В результате смешения с ними русских переселенцев начинается формирование новой великорусской народности. Окончательно она складывается в середине

XV в., и это время знаменательно тем, что фамильные усилия московских князей, наконец, встречаются с народными нуждами и стремлениями.

Второй период русской истории (XIII-XV вв.)

Под влиянием новых географических и экономических условий в треугольнике между Окой и верхней Волгой шел рост северо-восточной Руси, вырабатывался ее тип, характер и строй быта, в результате чего возник иной, чем в Киеве, уклад социально-политических отношений. Политическим следствием колонизации стал установившийся в XIII—XIV вв. удельный порядок. Его устройтелем и руководителем стал князь — наследственный вотчинник своего удела. Так появилась новая историческая сцена, новая территория и другая господствующая политическая сила. Русь днепровскую сменила Русь верхневолжская, а волостной город уступил место князю, с которым прежде соперничал.

Важное историческое значение переходных времен Ключевский подчеркивал всегда именно потому, что такие времена «нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами». Эти эпохи «перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего». «Удельные века», по мнению Ключевского, и были такими «передаточными историческими стадиями». Их значение он видел не в них самих, а в том, что из них вышло.

О политике московских князей Ключевский рассказывал как о «фамильной», «скупидомной» и «расчетливой», а ее суть определял как усилия по собиранию чужих земель. Слабость власти была продолжением ее силы, применявшейся в ущерб праву. Невольно модернизируя механизмы исторического процесса в соответствии с собственными общественно-политическими убеждениями, Ключевский обращал внимание студентов на случаи безнравственных действий московских князей. Среди условий, определивших в конце концов торжество московских князей, Ключевский выделил неравенство средств борющихся сторон. Если тверские князья в начале XIV в. еще считали возможной борьбу с татарами, то московские князья «усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своих замыслов». «В награду за это Калита в 1328 г. получил великокняжеский стол...», — данному событию Ключевский придавал исключительное значение.

XIV век — заря политического и нравственного возрождения Русской земли. 1328—1368 гг. были спокойными. Русское население постепенно выходило из состояния уныния и оцепенения. За это время успели вырасти два поколения, не знавшие ужаса старших перед татарами, свободные «от нервной дрожи отцов при мысли о татарщине»: они и вышли на Куликово поле. Так была подготовлена почва для национальных успехов. Московское государство, по Ключевскому, «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты».

Цементирующей основой (непременным условием) политического возрождения является нравственное возрождение. Земное бытие короче духовного влияния сильной в нравственном отношении личности (такой, как Сергей Радонежский...). «Духовное влияние преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа». Духовное влияние перерастает рамки просто исторического воспоминания.

Московский период, по Ключевскому, является антитезой удельному. Из местных условий верхневолжской почвы выросли новые общественно-исторические формы жизни, типы, отношения. Источники московской силы и ее загадочных первых успехов крылись в географическом положении Москвы и генеалогическом положении ее князя. Колонизация, скопление населения давало московскому князю существенные экономические выгоды, увеличивало количество плательщиков прямых податей. Географическое положение благоприятствовало ранним промышленным успехам Москвы: «развитие торгового транспортного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами».

Экономические последствия географического положения Москвы давали великому князю обильные материальные средства, а его генеалогическое положение в ряду потомков Всеволода III «указывало» ему, как всего выгоднее пустить их в оборот. Это «новое дело» не опиралось, по представлению Ключевского, ни на какую историческую традицию, а потому могло лишь очень постепенно и поздно получить общее национально-политическое значение.

Смута

Ключевский рассматривал зверства Ивана Грозного как реакцию на народное возмущение, вызванное разорением. При малейшем затруднении царь склонялся в дурную сторону. «Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом». Ключевский отказал Грозному в «практическом такте», «политическом глазомере», «чутье действительности». Он писал: «...успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка». Поэтому то, что терпеливо переносили, когда был хозяин, оказалось невыносимым, когда хозяина не стало.

Ключевский разграничивал понятия «кризис» и «смута». Кризис — еще не смута, но уже сигнал обществу о неизбежности наступления новых отношений, «нормальная работа времени», переход общества «от возраста к возрасту». Выход из кризиса возможен либо путем реформ, либо путем революции. Если при расстройстве старых связей развитие новых заходит в тупик, запущенность болезни приводит к смуте. Собственно смута и является болезнью общественного организма, «исторической антиномией» (т. е. исключением из правил исторической жизни), которая возникает под воздействием факторов, мешающих обновлению. Ее внешними проявлениями становятся катаклизмы и войны «всех против всех».

Ключевский различал «коренные причины» смуты — природные, национально-исторические и текущие, конкретно-исторические. Он считал, что объяснение частых смут в России нужно искать, в особенностях ее развития — природы, причувшей идти великоросса окольными путями, «невозможности рассчитывать наперед», привычке руководствоваться знаменитым «авось», а также в условиях формирования личности и общественных отношениях.

Ключевский предложил многомерную характеристику смуты. Он увидел ее в политике как кризис абсолютизма, писал не только о кризисе политики властей, но и их влияния, ибо «власть... есть соединение силы с авторитетом». Смутой в экономике историк считал «глубокое опустошение в хозяйственном положении народа» — главным источнике социального дохода, расстройство производства. В социальной сфере смута проявляла себя в разрушении классов, резкой дифференциации доходов, быстром наращивании нищеты, вплоть до мора, и небывалом росте доходов верхушки; «расстройстве местничества» и росте центробежных тенденций. В международной сфере смута имела также драматические последствия: резкое ослабление позиций, угроза потери независимости. («Со всех сторон позор и в укоризну стали».) В идеологической и нравственной сферах происходит ослабление гражданского сознания; потеря ориентиров, конформизм, спячка или эмоциональный стресс, неуверенность в завтрашнем дне, утомление и разочарование от обманутых надежд; преобладание инстинкта над разумом; страх и агрессивность вместо серьезных раздумий; попытки заимствовать чужие образцы и усиление подражательства; паразитизм, выраженное стремление жить за чужой счет; стремление жить для себя.

Характерными, с точки зрения Ключевского, были следующие черты смуты: «Власть без ясного сознания своих задач и пределов и с поколебленным авторитетом, с оскудневшими... средствами без чувства личного и национального достоинства...»

«Старое получило значение не устарелого, а национального, самобытного, русского, а новое — значение иноземного, чужого... но не лучшего, усовершенствованного».

Конфликт центра и мест. Усиление сепаратистского сознания. Отсутствие общественных сил, способных оживить страну. Перерождение властных структур при авторитарных традициях в России.

Ключевский внимательно изучил характер смут XIII и XVII вв. и их ход. Он пришел к выводу, что смута развивается сверху вниз и является продолжительной по времени. Смута XVII в. длилась 14 лет, а ее последствия — весь «бунташный» XVII в. Смута последовательно захватывает все слои общества. Сначала в нее вступают правители (первый этап смуты). Если верхи не способны или не хотят решать коренные проблемы, которые и привели к смуте, то смута спускается «этажом ниже» (второй этап смуты). «Разврат высших классов. Пассивная храбрость народа». «Высшие классы усердно содействовали правительству в усилении общественного разлада». Они закрепляли старые обычаи в новой оболочке, оставляли нерешенными насущные задачи — главную пружину смуты, и тем предавали народ. А это, в свою очередь, усугубляло смуту. Такое разрушение «национальных союзов» чревато вмешательством иностранцев. Так, смута спускается на «нижний этаж» и недовольство становится всеобщим. Излечить смуту можно, только устранив причины, вызвавшие эту болезнь, решив проблемы, вставшие перед страной накануне смуты. Выход из смуты идет в обратном порядке — снизу вверх, особое значение приобретает местная инициатива.

Выход из Великой смуты XVII в. в условиях развития крепостного права и абсолютизма имел свои особенности (противоречивый, камуфляжный, антигуманный и потенциально взрывной характер). Так, в российскую традицию вошел априорный, кабинетный подход к реформам, когда народу предлагается готовая программа (или набор лозунгов), а желания и возможности народа при этом не учитываются.

Ключевский «как бы предупреждает будущих реформаторов России, задумавших ее европеизировать: опыт показывает, как важно учитывать в программах возрождения глубинные причины болезни — и общее, и особенное, иначе их реализация может дать противоположный результат», — считает исследователь данного сюжета Н.В. Щербень. Все дело в преодолении инерции авторитарного мышления и тенденций к монополизму.

Положительную работу смуты Ключевский видел в печальной выгоде тревожных времен: они отнимают у людей спокойствие и довольство и взамен того дают опыты и идеи. Главное — это шаг вперед в развитии общественного самосознания. «Подъем народного духа». Объединение происходит «не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и просто гражданской безопасности». Освободившись от «скреп» авторитарного государства, национальные и религиозные чувства начинают выполнять гражданскую функцию, содействуют возрождению гражданского сознания. Приходит понимание того, что можно заимствовать из чужого опыта, а что нельзя. Русский народ слишком велик, чтобы быть «чужездным растением». Ключевский размышлял над вопросом о том, как «пользоваться огнем мысли европейской, чтобы он светил, но не жегся». Лучшая, хотя и тяжелая школа политического размышления, по мнению Ключевского, — народные перевороты. Подвиг Смутной эпохи в «борьбе с самим собой, со своими привычками и предубеждениями». Общество приучалось действовать самостоятельно и сознательно. В переломные эпохи в муках рождаются новые прогрессивные идеи и силы.

Смута имела и негативные последствия для общественного сознания: «Разрушение старых идеалов и устоев жизни вследствие невозможности сформировать из наскоро схваченных понятий новое миросозерцание... А пока не закончится эта трудная работа, несколько поколений будут прозябать и метаться в том межеумочном, сумрачном состоянии, когда миросозерцание подменяется настроением, а нравственность размывается на приличие и эстетику». На заре «разделения властей» в России «вотчинность» власти одержала верх над избранным народом представительным органом. Восстания «черных людей» против «сильных» вызвали «приказную подделку под народную волю» — феномен, сопровождавший всю последующую историю России. Произошли социальные изменения в составе господствующего класса: «Смута разрешилась торжеством средних

общественных слоев за счет социальной верхушки и социального дна». За счет последних дворяне получили «больше прежнего почести, дары и имения». Горечь вывода Ключевского заключалась в том, что потенциальные возможности смуты в будущем сохранялись, т. е. никакого иммунитета на будущее смуты не дают.

Мнение об установлении крепостной неволи крестьян Борисом Годуновым, считал Ключевский, принадлежит к числу наших исторических сказок. Напротив, Борис готов был на меру, имевшую целью упрочить свободу и благосостояние крестьян: он, по-видимому, готовил указ, который бы точно определил повинности и оброки крестьян в пользу землевладельцев. Это — закон, на который не решалось русское правительство до самого освобождения крепостных крестьян. Характеризуя Бориса Годунова и анализируя его ошибки, Ключевский в своих суждениях руководствовался собственными политическими симпатиями: «Борису следовало взять на себя почин в деле, превратив при этом земский собор из случайного должностного собрания в постоянное народное представительство, идея которого уже бродила... в московских умах при Грозном и созыва которого требовал сам Борис, чтобы быть всенародно избранным. Это примирило бы с ним оппозиционное боярство и — кто знает— отвратило бы беды, постигшие его с семьей и Россию, сделав его родоначальником новой династии». Ключевский подчеркивал двойственность политики Годунова: за наущничество он начал поднимать на высокие степени худородных людей, непривычных к правительственному делу и безграмотных.

Россия и Запад

С XVII в. не раз повторялось однообразное явление. «Государство запутывалось в нарождавшихся затруднениях; правительство, обыкновенно их не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать в обществе идей и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовлявший и людей и идеи, спешно вызывало оттуда мастеров и ученых, которые завели бы нечто подобное и у нас, наскоро строило фабрики и учреждало школы, куда загоняло учеников».

«Новая европеизированная Россия в продолжении четырех-пяти поколений была Россией гвардейских казарм и барских усадеб». «Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить им свой ум». Ставя вопрос о западном влиянии в исторической перспективе Ключевский размышлял над современными проблемами.

Характер государства

Повышенную конфликтность русского общества Ключевский связывал с наследством, полученным от вечевых институтов, где спорные вопросы решались в кулачных боях. Из века в век шло накопление нерешенных проблем. Процесс изменений протекал мучительно, оставляя в сохранности прежние социальные силы и тенденции, возрождающие кризисные явления. Так, попытки создания в XVII в. представительных органов в политике вылились в камуфляж абсолютизма, а в экономике — в закрепощении крестьян.

Крепостное право имело развращающие и разлагающие для страны последствия. Уже после его отмены Ключевский дал достаточно грустный прогноз: «...пройдет, быть Может, еще целое столетие, пока наша жизнь и мысль освободится от следов этого гнета».

В условиях самодержавного правления и дворянского господства государство задавило народ, его труд и жизнь. «Государственные требования, донельзя напрягая народные силы, не поднимали их, а только истощали». «Государство пухло, а народ хирел». Историк подчеркивал, что прогресс шел на костях народа. «Привычка расправляться без суда и следствия была особенно наболевшим недугом государственного организма, от которого хотели излечить власть возможно радикальнее».

Антимонархические и антидворянские взгляды Ключевского проявились в характеристиках культурно-психологического облика дворянства, который в ряде случаев историк нарочито доводил до гротеска.

«Когда надломились политические скрепы общественного порядка, оставались еще крепкие связи национальные и религиозные: они и спасали общество» в период смуты. Московский народ выработал особую форму политического протеста: люди, которые не могли ужиться с существующим порядком, не восставали против него, а выходили из него, «брели розно», бежали из государства. В обществе проснулась (под влиянием произвола Грозного) смутная и робкая потребность в законном обеспечении лица и имущества от усмотрения и настроения власти.

Обращаясь к личности, Ключевский пытался подойти к характеристике народа, его духовности и этики. Инициатива исторического движения принадлежит личности. Индивидуальность ума и талант Ключевский относил к области исторического изучения. Но личность исторична и представляет первостепенную силу в «людском общежитии»; личность, имеющая несчастье стать вне союза, теряется для истории. Личности присущи все свойства социального. Она является носителем нравственности и культуры. Особое значение для чередующихся поколений имеет воспитание, которое создает историческое преемство материального и духовного достояния.

Петр Великий

Русских правителей XVIII в. Ключевский делил на две категории. К «необычным» он относил Петра Великого, а к «случайным» — всех остальных.

Познакомившись с Западной Европой, Петр навсегда остался под обаянием ее промышленных успехов. Осматривая фабрики в Париже, Петр особенно пленился шпалерной и гобеленовой и захотел основать такую же в Петербурге. «Ни за кем из своих Петр не ухаживал так, как за заграничными мастерами: по инструкции Мануфактур-коллегии в случае, если иноземный мастер захочет выехать за границу до контрактного срока, производилось строгое расследование, не было ли ему какого стеснения, не обидел ли его кто-нибудь, и хотя бы он не выразил прямо недовольства, а только показал вид недовольного, предписывалось жестоко наказывать виновных».

По мнению Ключевского, Петр руководствовался соображением необходимости разработки природных богатств, которые «должно вести само государство принудительными мерами». «Он сравнивал свой народ с детьми: без понуждения от учителя сами за азбуку не сядут и сперва досадуют, а как выучатся, благодарят». Но «от большой стройки всегда остается много сора, и в торопливой работе Петра пропадало много добра».

С именем Петра Ключевский связывал перелом во внешней политике: «С поворота на этот притязательный путь государство стало обходиться народу в несколько раз дороже прежнего». Сословная разверстка специальных повинностей стала еще тяжелее, чем была в XVII в. Ключевский считал, что «Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам». Предварительной никакой программы реформ или продуманной политики у него не было. Тем не менее Ключевский считал Петра «не должником, а кредитором будущего» на том основании, что он создал то, что получило развитие позднее: «Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева».

XVIII в. не стал предметом самостоятельного изучения Ключевского. И он позволил себе карикатурность в средствах изображения. «Русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц». «Наши цари были полезны, как грозные боги, бесполезны и как огородные чучела». Он считал недостойными преемников и преемниц Петра Великого, писал о вырождении правителей, начиная с сыновей Павла I.

Екатерина II

Екатерину II Ключевский называл «последней случайностью на русском престоле». Характеризуя эту эпоху, он практически проигнорировал явления «духовной культуры». Основным фактом эпохи Екатерины II Ключевский считал заявление в Манифесте от 6 июля 1762 г. о том, что самодержавное самовластие есть зло, пагубное для государства, требующее узды. Ею могут быть законы, которые бы указывали всем государственным учреждениям пределы их законности. Так, по Ключевскому, в государственной жизни России впервые было «возвещено» «начало законности».

Он подчеркивал «худое» происхождение Екатерины II — из Северо-Западной Германии, где «немецкий феодализм донашивал тогда сам себя», маленькие женихи искали больших невест, а бедные невесты тосковали по богатым женихам, наследники и наследницы дожидались вакантных престолов. Ключевский писал: «Такие вкусы воспитывали политических космополитов, которые думали не о родине, а о карьере и для которых родина была везде, где удавалась карьера». «Вот почему этот мелкокняжеский мирок получил в XVIII в. немаловажное международное значение». «Мир уже привыкал видеть в мелком князье головы, которых ждали чужие короны, оставшиеся без своих голов».

Не лучше обстояло дело и с воспитанием Екатерины II: «Родители не отягощали ее своими воспитательными заботами». За всякий промах она была приучена ждать материнских пощечин. Невеста по матери приходилась троюродной сестрой своему жениху. От приезда Екатерины II в Россию ничего хорошего ждать не приходилось: «Окутанные глубокой тайной, под чужим именем, точно собравшись на недоброе дело, мать с дочерью спешно пустились в Россию...» «Тотчас по приезду Екатерине приставили учителей Закона Божия, русского языка и танцев — это были три основных предмета высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы».

Ключевский дал нелестную оценку Екатерине II: «Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства, за то и ее при жизни ценили выше, чем стали ценить после смерти. Как она сама была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, чтобы ее самое помнили дольше, чем ее деяния».

В течение всей жизни Ключевский оставался человеком 60-х гг. XIX в., как бы мы сейчас сказали «шестидесятником». Он считал себя человеком XIX в. и говорил, что в XX в., который своим не считал, попал по ошибке. Знание русской истории не прибавляло историку оптимизма. У него были мрачные предчувствия относительно будущего. В январе 1905 г. Ключевский записал о Николае II: «Это последний царь, Алексей царствовать не будет». Историк понимал, что для России революция обернется катастрофой. Предсказав в 1901 г. то, что династия будет изгнана, «вымрет раньше, чем перестанет быть нужной», Ключевский писал: «В этом ее счастье и несчастье ее народа, России, притом повторное. Ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время».

Крах государственности не был единственной угрозой для России. Всему миру угрожал рост милитаризма: «Пролог XX века — пороховой завод. Эпилог — барак Красного Креста». «Впредь будут воевать не армии, а учебники химии и лаборатории, а армии будут нужны только для того, чтобы было, кого убивать по законам химии снарядами лабораторий».

Ключевский оставил глубокий след в истории отечественной науки и культуры. И дело не только в формальном признании научным сообществом его заслуг (в 1900 г. Ключевский стал академиком, в 1908 г. почетным членом по разряду изящной словесности), что самому Ключевскому было важно. Его учениками были А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, М.М. Богословский, П.Н. Милюков, М.Н. Покровский, А. Юшков. Ключевского читали Н.С. Лесков, А.П. Чехов, А. Блок. Он оказал глубокое влияние на современников и потомков.

Источники

- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.
Ключевский В.О. Соч. В 9 т. М., 1987—1990.
Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве. М., 1997.
Хрестоматия по «Курсу русской истории» В.О. Ключевского. Пенза, 1993.

Литература

- Иллерицкий В.Е.* В.О. Ключевский — выдающийся буржуазный историк пореформенного периода // Историография истории СССР. М., 1971.
Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1961. Т.69.
Карагодин А.И. Философия истории В.О. Ключевского. Саратов, 1976.
Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.
Киреева Р.А. Василий Осипович Ключевский // Историки России. XVIII—XX века. М., 1996.
Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.
Черепнин Л.В. В.О. Ключевский // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т.2.
Щербень Н.Н. В.О. Ключевский о Смуте // Отечественная история. 1997. №3—4.

3.9. Исторические взгляды П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова

Хорошо знавший Павла Николаевича Милюкова современник, историк Н.П. Павлов-Сильванский определил его воззрения как «теорию контрастов». И в самом деле, при всех «оговорках» Милюкова о существовании неких общих закономерностей, его восприятие истории России было основано на противопоставлении ее Западу. России, по его мнению, самой исторической судьбой была уготована подчиненная культурная роль: участь подражать и догонять «высшую культуру»: «Различия с Западом, объяснимые особой средой национального развития, особенно велики в начале русского исторического пути, а по мере приближения к современности эти различия сглаживаются и уступают место все более явственно выраженному параллелизму. Параллелизм этот, и в данном случае, сперва выражается в непосредственном подражании образцам, данным высшей культурой, а затем, после того как подражание принесло свой плод и вызвало самостоятельное национальное творчество, параллелизм становится результатом взаимодействия равноправных культур, или, в более глубоком смысле, однообразия законов развития коллективной психики культурных народов».

Становление историка

Гносеологические корни дисгармоничного восприятия истории следует искать в среде обитания ученого, прежде всего в детские годы. Они прошли в неблагополучной семейной обстановке. Бесконечное противостояние матери (помещицы Ярославской губернии М.А. Султановой, «кичившейся» «султановской породой») и отца-интеллигента болезненно отражалось на Милюкове и его брате. Деду Милюкова по отцу, надворному советнику, дворянство получить не удалось. Отец же нашел возможность самозащиты в увлеченности профессией архитектора. Однако для обеспечения материального благополучия семьи Н.П. Милюков оставил государственную службу в чине надворного советника и перешел служащим в частный банк.

Из детства будущий историк вынес важное впечатление, определившее его собственное отношение к труду. Примером стала творческая натура отца. От него Милюков почерпнул широкие знания об истории архитектурных форм в России, унаследовал свое главное качество — увлеченность, которую проявлял и в истории, и в политике.

Милюков обладал абсолютным музыкальным слухом, любил музыку, приобретенные музыкальные познания использовал в исторических трудах, в частности в «Очерках по истории русской культуры».

Призвание историка Милюков открыл в себе далеко не сразу. Глубокого интереса к истории у него не было ни в московской гимназии, ни на первых курсах историко-филологического факультета Московского университета. Отсутствие интереса Милюков объяснял формальным преподаванием в гимназии по учебнику Д.И. Иловайского. На уроках ему было скучно. В университете все изменилось только с началом лекций В.О. Ключевского и семинара П.Г. Виноградова. Студенты сразу оценили Виноградова за созданную им атмосферу творчества. Педагог никогда не проявлял высокомерной снисходительности к студентам: он учил работе с источниками и навыкам научного труда. В результате к Милюкову и другим участникам семинара пришло понимание истории, прежде всего как истории социальной и истории учреждений.

Ключевский поразил Милюкова талантом и научной проницательностью. Однокурсникам Милюкова (среди них были М.К. Любавский и В.В. Розанов) посчастливилось стать первыми слушателями Ключевского в университете. По свидетельству Милюкова, семинар Ключевского сводился к личному, яркому, но сугубо индивидуальному комментарию учителем источников, и это не удовлетворяло ученика. Основной упрек, брошенный Милюковым, заключался в том, что между окончательным выводом профессора и уровнем знаний слушателей зияла непроходимая пропасть. Милюкову так и не удалось преодолеть этой юношеской обиды на Ключевского впрочем, едва ли здесь следует искать истинную причину размолвки. Милюков не простил Ключевскому его педагогику. Профессор не поддержал в качестве диссертационной предложенную Милюковым тему о реформах Петра Великого, а рекомендовал разработать «грамоты какого-нибудь из северных монастырей», отложив петровскую тему для докторской диссертации. Во время защиты Ключевский воспротивился присуждению Милюкову докторской степени, минуя магистерскую (такие прецеденты были), за труд «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого».

Впрочем, для истории науки личные обиды не главное, хотя они и характеризуют событийность научной деятельности и повседневность научного процесса. Важно отметить другое — то, с какой настойчивостью Милюков сохранял и развивал свою природную самостоятельность. В этом он преуспел, имея столь влиятельного в научном отношении учителя, как Ключевский. Ему помогли не только характер и склад ума, но и разносторонняя подготовка.

Еще в гимназии и в первые университетские годы, т. е. в период, когда закладывались основы мировоззрения, формировались философские и исторические взгляды, вырабатывались политические пристрастия, Милюков проявлял способности к аналитическому мышлению, обобщениям, синтезу и умению мыслить ассоциативно. Теоретический склад ума служил ему спасительным кругом. Увлечение философией Древнего мира открывало метод познания от частного к целому, становясь незаменимой опорной точкой, откуда радиусы шли в разнообразных направлениях.

Милюкова интересовала проблема исключительности и подражательности. Позднее она получила развитие в его концепции. Исключительность рассматривалась им и как источник национальной оригинальности, и признак односторонности. Он считал подражательность неизбежной и оценивал ее как прогрессивное явление, даже отстаивал право на подражание. Гимназист Милюков читал труды О. Конта и Д. Милля.

Выработать самостоятельную позицию в годы научного становления по окончании университета Милюкову помогло углубленное изучение трудов С.М. Соловьева. Студентом ему довелось слушать лекции позднего Соловьева, но оказалось, что он не был готов оценить их по достоинству. Понимание значения концепции великого предшественника пришло

позднее, как, впрочем, и осознание серьезного влияния Соловьева на творчество Ключевского.

Соловьев оказался Милюкову ближе, чем Ключевский. В «Очерках по истории русской культуры» Милюков подчеркнуто опирался на выводы Соловьева, считая, безусловно, правильным его тезис о зависимости каждой национальной культуры от географического места, где совершается его развитие. Милюков принял концепцию колонизации С.М. Соловьева, тезис борьбы леса и степи, писал о задерживающей историческое развитие роли степи и ее разрушающих для культуры плодов. Он сосредоточил свое внимание на детализации колонизационных процессов, опираясь на новейшие археологические данные. И это позволило ему внести коррективы в концепцию колонизации Ключевского. Милюков, сам участник ряда археологических раскопок, чувствовал здесь свое превосходство. Он оспорил фактическую основу направленности ряда колонизационных потоков, которую Ключевский воссоздал главным образом на основе письменных источников. В целом Милюков продвинул изучение колонизации за счет анализа ее региональных ветвей. Переселения XIX в. он рассматривал как составную часть понятия колонизации, придерживаясь смешанного этногеографического принципа. Однако к Ключевскому Милюков часто был несправедлив. У Ключевского вызвала внутренний протест демонстративная амбициозность и честолюбие ученика. Учителя особенно обидела критика Милюковым за глаза его взглядов в студенческой аудитории, тем более что Милюков часто вел продолжительные беседы за чашкой чая в доме Ключевского, никак не обнаруживая своего несогласия в личной беседе. Скорее всего, именно за это Милюков и был подвергнут «порке» во время защиты магистерской диссертации. Поскольку научный руководитель тогда одновременно являлся и главным официальным оппонентом, Ключевский использовал свое право, и назревший конфликт получил общественный резонанс. Воспитательные усилия Ключевского вызвали у Милюкова, в свою очередь, глубокий протест, имевший долговременные последствия.

За внешними признаками взаимной неудовлетворенности Р.А. Киреева увидела концептуальные различия и отметила, что Ключевскому была присуща неудовлетворенность работами Милюкова. По ряду конкретных вопросов русской истории он был с ним не согласен.

Тем не менее Ключевский и Милюков прекрасно понимали научное значение друг друга. Ключевский считал Милюкова не худшим в своей рати: «В заблуждениях своих такие, как Милюков, все же хранят нечто культурное и благомыслящее, на что у меня есть данные бесспорные». В предисловии к диссертационному исследованию Милюков, предварительно заявив, что прямого участия Ключевский к данному исследованию не имеет, тем не менее отдал должное его университетским лекциям, которые в «весьма значительной степени определили самое содержание» воззрений Милюкова о реформаторской деятельности Петра и ее роли в русской истории. В трудные для своего ученика времена правительственных гонений Ключевский защищал его перед властью.

В целом университетский период преподавательской деятельности (с сентября 1886 по февраль 1895 г., с перерывами в весенних семестрах 1889 и 1892 гг.) был самым плодотворным в научной жизни Милюкова. Тогда созрели и воплотились замыслы его главных научных трудов. Он разработал и прочитал семь курсов: по русской историографии, истории русской колонизации, русской исторической географии, реформе Петра Великого, источникам по русской истории XVI—XVII вв., исторической статистике России, введению в русскую историю. В университете проявился бурный общественный темперамент Милюкова. Студентом второго курса в 1878 г., он от имени своих друзей (кн. Н. Долгорукова, К. Старынкевича, Д. Некрасова, К. Иова) написал письмо Ф.М. Достоевскому с просьбой к писателю изложить взгляды по вопросу о взаимоотношениях народа и интеллигенции. Позднее эта тема приобретет в концепции Милюкова важное значение.

Рассуждениям о взаимосвязи науки и политики в жизни историка он придавал серьезное значение задолго до того, как стал политиком. Милюков-политик заявил о себе в

творчестве Милюкова-историка уже во «Введении» в «Очерках по истории русской культуры». Здесь проявилась не только внутренняя предрасположенность Милюкова к политическим занятиям и его интерес к данной сфере, но и тенденции усиления политической ангажированности науки. Историческое творчество подготовило Милюкова к политической деятельности, но и будучи политиком, он применял подход историка к анализу современных международных отношений

Постоянный интерес у Милюкова-исследователя вызывали такие проблемы, как финансовый аспект Петровских реформ (и их предпосылок), русская культура (в ее всеобъемлющем значении), а также международные отношения современной России («Восточный вопрос», роль России на Балканах и др.). Сквозными для всех проблем были вопросы о роли государства в русской истории и история влияний «Россия — Запад». Милюков изучал документальные материалы с XVI в. до первой трети XX в. Если он писал о событиях и явлениях более раннего времени, то предпочитал ссылаться на литературу. Историографический компонент играет в его трудах важную роль и постоянно сопровождает рассуждения о событиях и явлениях XVI — начала XX в.

Вместе с тем историография имела для Милюкова и самостоятельное значение как средство ведения научной полемики и механизма развития науки, осознания ее первоочередных задач. В качестве таковых для исторической науки Милюков выделил: «изучение материальной стороны исторического процесса, изучение истории экономической и финансовой, истории социальной, истории учреждений».

Заметное влияние на жанр и стиль работ Милюкова-историка оказал его преподавательский опыт. Современники отмечали сильное впечатление, которое он производил на слушателей и читателей. Во многом успех достигался за счет особого внимания Милюкова к приемам, средствам и формам подачи материала. Не случайно и для рассказа о культурной истории нашей страны он избрал жанр очерков. Блестяще работая с аудиторией, активно воздействуя на восприятие (учителем был сам Ключевский!), он поражал богатством и разнообразием сообщаемых сведений. Милюков любил образные сравнения. Так, он называл Карла Брюллова Державиным русской живописи, Венецианова — Карамзиным русской живописи, а Левитана — родным братом Кольцова, Тургенева и Тютчева. Позднее, глубокая потребность общественного признания ускорила превращение историка в политического деятеля, лидера кадетской партии. Связь с современностью — характерная черта исторических работ Милюкова, которому удавалось заставить звучать актуально даже сюжеты глубокой древности.

Система доказательств, материал и наблюдения Милюкова обычно богаче и интереснее его выводов. Если конкретным наблюдениям и сравнениям присуща внутренняя сила, то выводы больше напоминают «кирпичики», обязательные для схемы, продиктованной концепцией органического характера отсталости России. Таким образом, Милюкову не удалось избежать тех же дефектов, в которых он обвинял православие, а именно: упрощения и стремления к оформлению в определенные, но тесные ему рамки. Сформулировав тезис о том, что православие не оставляет за художником свободы, а его уделом может быть только техника, Милюков повторил ту же судьбу, став заложником собственной концепции, при этом, подобно древнерусским иконописцам, продемонстрировав блестящую профессиональную технику. Но в обоих случаях «техника» имела столь глубокое содержание, что она не укладывалась в определенные ей Милюковым рамки.

Воздействие марксизма

«Капитал» К. Маркса Милюков читал на младших курсах университета и, по его признанию, «при написании первых своих работ в основу исторического изучения полагал то, что мы тогда называли «экономическим материализмом». Ленин считал Милюкова «одним из наиболее сведущих историков, кой чему научившихся у исторического

материализма, под явным влиянием которого был этот историк... в бытность свою историком».

Тезис о влиянии марксизма на Милюкова в бытность его историком имеет как бы два плана: собственно сам фактор идеологического влияния и формы его проявления; а также сознательное использование Милюковым составных частей марксистской концепции в своих целях. Поэтому в наступательной полемике Милюкова с марксизмом на страницах «Очерков» присутствует его неприятие марксизма, как истинное, так и мнимое.

Милюков полагал, что настало время изучать «культурную историю». Этот термин у него «обнимал» «все стороны внутренней истории — и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую». Критику марксизма (исторического материализма) Милюков проводил с позиций принципиального отрицания монистического понимания исторического процесса.

Излагая свою теорию исторического процесса и методологию изучения истории, Милюков начинал с признания исторической закономерности, но последняя понималась им не как объективно существующие законы исторического развития, а как сумма отдельных факторов, физических, химических, физиологических и психических, проявляющихся в общественной жизни. Историк, по Милюкову, должен «разложить» целостный исторический процесс на указанные факторы. Он называл дедукцией «... сочетание элементов при бесконечной сложности явлений, которые будут бесконечно разнообразны. Закономерности надо искать в действии отдельных элементов, а потом уже в их сочетаниях, таким образом, задача анализа сводится к тому, чтобы выделить из сложного социологического итога отдельные слагаемые и определить сферу их влияния». Но Милюков признавал для историка и другой путь: «Можно взять прямо готовый итог и попытаться выяснить роль создавших его причин путем известных приемов индуктивного исследования. Этим методом с блестящим успехом пользовались статистики; но употребление его зависит от того, имеется ли подходящий материал для наблюдений, а значение выводов ограничивается пределами исследованного материала».

В своих рассуждениях Милюков пытался «примирить» марксизм с либеральной теорией эволюционного пути развития России. Он утверждал, что «в России государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй». Этот тезис кажется Милюкову парадоксом только на первый взгляд. Он как будто резко противоречит той очень распространенной теории, что политический строй всякого государства должен быть «надстройкой» над экономическим «фундаментом» (так, не называя марксизм, Милюков полемизирует с ним). «Мы, однако, нисколько не отрицаем зависимости политической надстройки от экономического фундамента. Напротив, мы предполагаем лишний раз иллюстрировать эту зависимость на примере России. Именно элементарное состояние экономического фундамента вызвало у нас в России гипертрофию государственной надстройки и обусловило сильное обратное воздействие этой «надстройки» на самый «фундамент». Разрешение проблемы Милюков видел в получении конституции. Столь тесное соединение истории и политики также объясняло характер пристального интереса Милюкова к марксизму.

Национальное своеобразие и отсталость России

Роль религии в русской истории для Милюкова была актуальной. Характеризуя духовную атмосферу на рубеже XIX—XX вв., он выделил следующую черту: «Религия находила себе место в нормальной человеческой психологии и являлась высшим видом знания, совмещающим и эмпирический, и рациональный, и мистический источники знания».

На лик русской культуры наложили отпечаток условия восприятия Русью христианства в X в. и само состояние восточного христианства в это время. Милюков подчеркивал, что к моменту принятия христианской религиозной культуры «древнехристианское искусство успело окончательно сделаться византийским» и не проявило никакого внутреннего движения и развития.

Таким образом, на параметры важнейших характеристик православия оказали влияние факторы времени и пространства. Для истории России решающим было обстоятельство вступления в православный мир последней. Константинополь, отмечал Милюков, «вовсе не был единственным центром восточно-христианского искусства. Египет и Сирия, Малая Азия и Персия, Балканские страны вложили свою долю в его развитие». Также серьезным минусом для России было неорганичное происхождение православия — «веры пришло». Поэтому она и оказалась в России, как считал Милюков, не жизнеспособной: «Новая вера (христианство) с самого начала перешла на Русь с чертами аскетизма; христианский идеал выдвинут был специально иноческий, монашеский. Для мира, для жизни, для действительности этот аскетический идеал был слишком высок и чужд. Для аскетического идеала мир, в свою очередь, был слишком греховен и опасен».

Характеризуя восточную православную культуру и результаты восприятия византийского православия на Россию, Милюков пришел к выводу, что Россия — это тоже Европа, но Европа отсталая. Он выделил внутренние и внешние причины отсталости России. Среди внешних влияний Милюков отличал византийские (для раннего периода русской истории, вплоть до XVII в.) и западные (для Нового времени, начиная с XVII в.). В качестве внутренних («органических») причин отсталости России он назвал низкий уровень религиозности в Древней Руси и то обстоятельство, что «ни идея критики, ни идея терпимости, ни идея внутреннего, духовного христианства не были по плечу тогдашнему русскому обществу». Усугублял положение, по Милюкову, формализм старинного русского благочестия и, как неизбежное следствие слабости внутренней и духовной жизни, государственное покровительство. В этих условиях Иосиф Волоцкий заключил неизбежный союз с государством. Происходит национализация веры и церкви.

Россия «более или менее пассивно восприняла византийское искусство таким, каким она находила его в разные периоды его влияния». В устах Милюкова такое заявление прозвучало как комплимент. Подобно П.Я. Чаадаеву, Милюков отрицательно оценивал роль Византии по отношению к нашей стране. Отличие от Чаадаева было в том, что Милюков не считал правильным обвинять православную религию в русской отсталости: «Для этой отсталости были другие органические причины, действие которых распространялось и на религию». Русское искусство, по Милюкову, «пережило и отразило в себе разные византийские влияния и, таким образом, приняло участие в его эволюции». Причем, если византийское влияние оказывало отрицательное воздействие на отечественную культуру, то влияние национальных, самобытных форм было животворным. Их первые проникновения Милюков выявил в московской архитектуре конца XV в.: «Усвоив итальянскую технику, русские мастера взяли реванш — перенесли деревянные формы национальной архитектуры на камень. К середине XVI в. «полностью выработались элементы русского самобытного архитектурного стиля, в России процветали и выдвигались на первый план национальные особенности». А к XVII в., по наблюдению Милюкова, они были осуждены как измена византийской старине. Именно в XVII в., считал Милюков, произошел разрыв традиции, преемственности: «И без того бедная духовным содержанием национальная жизнь была еще более обессилена болезненной операцией — отсечением всего национального как ложного». Ответственность за разрыв он возложил на московские власти, которые в такой форме защищали византийское начало. Им противостояла провинция, защищавшая национальное начало. В XVII в. центром национального сопротивления, по Милюкову, было Поволжье и особенно Ярославль, богатый торговый город. «Ярославский стиль распространился на Ростов, Борисоглебск, Углич». Победу Москвы в этой борьбе Милюков оценил как поражение национального начала и победу византийского. «Разрывы» в русской истории Милюков полагал основной причиной отсталости и элементарности.

Милюков считал, что архаизм присущ восточной православной культуре как обязательная принадлежность стиля. Заметим, что чуждый пониманию внутренней сути православия и считающий его пережитком старины Милюков не случайно сосредоточил свое внимание на внешних, как бы стилевых, Узнаваемых читателем чертах православия. В

восточном православии «секуляризация» (т. е. развитие светских, реалистических тенденций) православного искусства происходила под воздействием внешнего фактора, т. е. поздних западных воздействий XVII в. Данное явление в области церкви и искусства, с его точки зрения, присуще истории России уже Нового времени, когда оно и стало представлять важную линию ее развития.

Истоки элементарности и отсталости России Милюков рассматривал в прямой связи с силой византийского влияния и тем поражением, которое русская церковь нанесла национальному развитию русского искусства в XVII в. «Собственно говоря, сама Византия подготовила ту тесную связь государства и церкви, которая составляет одну из самых характерных черт русской церковности». Милюков постоянно подчеркивал отсутствие творческого потенциала для Руси и России у византийских заимствований: «Таким образом, греческий устав оказался ярмом, неудобноносимым для лучшего из русских монастырей (Печерского) в цветущую пору его существования».

Оценка, данная Милюковым духовному состоянию «массы», была очень низкой: «Гораздо быстрее, чем поднимался уровень массы, падал ему навстречу уровень пастырей». «Отдаляясь постепенно от Византии и лишившись постоянного притока греческих духовных сил, Россия не имела еще достаточно образовательных средств, чтобы заменить греческих пастырей своими, так же хорошо подготовленными». «Только постепенно, хотя и очень рано, в заимствованный с Востока стиль начали проникать самостоятельные русские черты». Это влияние шло бессознательно на первых порах. «Иноземный продукт акклиматизировался в России за это время. В чем же состояли эти национальные отличия, приобретенные на Руси христианством?»

В дальнейшем, в течение XVI столетия, «перед учреждением патриаршества русская церковь нравственно и духовно эмансипировалась от Византии». Положительным фактором данное обстоятельство в глазах Милюкова не стало, так как «эмансипация была совершена при непосредственном содействии государственной власти, в прямых интересах великого князя московского». Политической доминанте русской церкви, по мнению Милюкова, противопоставить было нечего. Однако «национализация» русской церкви была внешней, обрядной: «считать русскую народность, без дальних справок, истинно христианской значило бы сильно преувеличивать степень усвоения русскими истинного христианства».

Подчеркивая внешние, «материальные» признаки воздействия православия на Россию, Милюков признавал за ними некоторую способность к самостоятельному развитию (например, в архитектуре, как наиболее тесно связанной с конкретной житейской обстановкой). Он как бы «выводил» из соприкосновения с материальной стороной — духовную, рассматривая ее параллельно (любимый прием Милюкова), обычно со знаком минус (как пережитка). Чтобы объяснить слабость и отсталость России духовным наследием православия, Милюков, как бы между прочим, упоминает о способности развития материальной сферы у нас в России, «как везде», наводя читателя на мысль о закономерности, уже знакомой ему в марксистском варианте. Для убеждения же читателей Милюков считал, что все средства хороши, в том числе и марксистские.

Милюков одновременно и отрицал, и признавал русское национальное своеобразие: «Русское благочестие действительно приобрело особый отпечаток, отличавший его не только от Запада, но и от Востока. Содержание русской веры стало образно и национально». Размышляя о судьбах национального своеобразия, он поставил вопрос о проникновении русских форм в старый византийский стиль, о содержании конкретных форм русского национального своеобразия, очертив для этого своеобразия строгие хронологические рамки (до XVII в.). Свой вывод о «болезненном и обильном последствием разрыве между интеллигенцией и народом, за который славянофилы упрекали Петра, совершился веком раньше... первой и главной причиной разрыва были вопросы совести» он считал серьезным вкладом в науку. «Русскому человеку в середине XVII в., — писал Милюков, — пришлось проклинать то, во что столетием раньше его учили свято веровать. Для только что пробужденной совести переход был слишком резок. Естественно, что масса отказалась на

этот раз следовать за своими руководителями. Предоставленная самой себе, она очутилась в совершенных потемках».

Милюков считал, что Россия потеряла собственное «национальное содержание» к XVIII в., т. е. еще до Петра I, при котором к нам устремился поток немецких, французских, итальянских и английских влияний. Всем им противостоять страна была не в состоянии. Именно с петровского времени Россия была обречена на отсталость. Милюков пишет о наличии лишь элементов национального стиля, которые сохранились в русском искусстве «исключительно для декоративных целей». «Самостоятельное» стало не внутренним существом, а лишь внешним атрибутом. Исключений немного. Так, русские древние рукописи, по мнению Милюкова, заключали в себе огромные богатства орнамента, нашедшие проявление в русской промышленности и ставшие национальным достоянием. Если допетровскую эпоху Милюков называет «национальной», то петровскую «подражательной». С XVIII в. борются перекрещивающиеся влияния «Восток — Запад».

Милюков предложил своеобразную концепцию соединения, разорванных исторических нитей. Однако это «соединение» (например, в создании национального стиля русской архитектуры) происходило на нездоровой подражательной основе. Историк не отрицает попыток создания «настоящего национального стиля» в отдельные эпохи. Самостоятельный путь развития он обнаружил в архитектуре середины XIX в., когда, по словам Милюкова, на короткое время русская архитектура все же «нашла себе путь самостоятельного развития», увидев его в возвращении к традициям XVII в.

Милюков полагал, что он выявил некую фатальную закономерность. Он считал, что в истории России можно говорить лишь об отдельных и непродолжительных попытках самостоятельного развития. К сожалению, они всегда уступают место -более грандиозным задачам, а те неизбежно обрекают на неудачу поиски национального стиля. Так, «догоняя современные европейские образцы, русское искусство (XVIII в.) порвало нить своего органического развития». «Оставив трудные и нерешительные попытки найти ощупью собственную дорогу, оно послушно отдалось в учение европейским мастерам», чему способствовала атмосфера, которую во многом определял «законодатель вкуса и главный заказчик» — государство. 1890-е гг. характеризовались новым разрывом традиций и бунтом молодежи, которая «спешила разорвать все связи с прошлым».

Ориентируя читателя «на пространстве нескольких веков», Милюков настойчиво проводит мысль об отставании России от Запада. Понятию национального своеобразия Милюков предпочитает термин «национализация», ограничивая его хронологическими рамками и подчиняя критерию, в качестве которого рассматривает итоги развития Западной Европы.

У Милюкова прозвучал вопрос и о влиянии русской культуры на западноевропейские страны и южных славян. Замечательна сноска Милюкова, где говорится о серьезности воздействия, которое оказала в начале XX в. русская икона на современного человека, в том числе и на западного. Он увидел здесь «соединение разорванных исторических концов».

Периодизация

Милюков выделил четыре судьбоносных рубежа, или ступени, в истории России. «Первая ступень — это быт племенной, в которой государства еще нет, и люди связаны между собой кровной связью — родством, либо настоящим, либо придуманным. На второй ступени является уже государственная связь, но она еще очень некрепка, и вместо целого большого государства, — общество раздроблено на множество маленьких, в которых господствуют крупные собственники, завладевшие общими и племенными землями и вооружившие своих слуг, чтобы вместе с ними защищать своих подданных и нападать на чужих. Эта вторая ступень называется феодальным бытом». Третий период Милюков связывал с московскими князьями и становлением самодержавия: «На третьей ступени один самый сильный или самый ловкий хищник уничтожает или покоряет остальных и подчиняет своей власти все население одного языка и одной веры, создавая, таким образом, единую

нацию и организуя постоянное войско для защиты государства. Эту третью ступень и можно называть военно-национальным государством». Миллюков предпочитает точно не датировать обозначенных им процессов. Однако упоминания о хронологических рамках третьего периода он дал и в работе 1905 г. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе». Данный период длился с XVI в. вплоть до 6 августа 1905 г., когда Россия, по Миллюкову, благодаря учреждению Думы сделала первый шаг в направлении превращения военно-национального государства в промышленно-правовое. «Мало-помалу, — писал Миллюков, — военная деятельность такого государства ослабевает, уступая место мирному развитию промышленности». Данная периодизация в большей степени характеризует теоретические основания положения Миллюкова в освободительном движении дореволюционной России. В «Очерках» Миллюков обозначил принципиальные рубежи в истории России. Он считал водоразделом XVII в. — время раскола. Понятие периодизации для творчества Миллюкова в конце XIX в. было противоестественным, так как он придерживался концепции «разорванных концов и начал исторического развития», которые затем «вновь связываются». Задача историка виделась в поиске неких устойчивых тенденций. Данное убеждение Миллюкова принадлежит к числу коренных, т. е. тех, которых он придерживался всю жизнь. Уже после революции историк писал: «Мы видим после первоначального, очень острого наскока на положение, существовавшее до революции, — постепенное возвращение к прежнему, но с новым запасом опыта и с новым импульсом к внутреннему развитию».

Роль государства и русской истории

Восприняв тезис о зависимости национальной культуры и ее развития от географического места, Миллюков сосредоточил свое внимание на причинном обосновании этой связи. Поскольку на территории России «соединяются, по крайней мере, три-четыре самостоятельные и законченные культуры разного характера, не говоря о культурах незаконченных, соединить их в целое могло только слияние государственное». Миллюков придерживался мнения, что роль государства в истории России определялась ее географическим положением. В сильной роли Российского государства он видел отличие нашей страны от западноевропейских стран. Миллюков писал о чересчур высоких государственных требованиях к чересчур неразвитому экономически населению, о том, что политический рост государства постоянно опережал его экономическое развитие, особенно в период реформации.

Свои соображения о роли государства и механизмах его роста он высказал в рецензии на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве» (СПб., 1892), возможность написать которую Миллюкову была предоставлена благодаря содействию С.Ф. Платонова. Потребность научного самоутверждения привела к появлению под вывеской рецензии монографии, общим объемом 183 страницы. Из-под пера Миллюкова родилось произведение невиданного жанра — рецензия-монография «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства».

Сомнительной, с точки зрения Миллюкова, была сама постановка вопроса о необходимости изучения «специфических явлений, свойственных национальному типу, а не черт, общих ему и другим народностям». Он не был согласен с идеей частно-хозяйственного происхождения государственных отношений Московского княжества: «... в наше время, кажется, роль этой идеи следует считать сыгранной».

Важнейшая функция государства — податная система. Миллюков строит свою критику на анализе характера ее отдельных исторических форм. Так, различая кормления (как род) и корм (как вид), он писал: «Будучи государственным налогом, с самого начала, корм никогда не был «частным доходом» (упрек А.С. Лаппо-Данилевскому), а составной частью казенного жалованья; кормление же, действительно, могло быть передачей государственного налога в частное пользование (если давалось частному лицу, а не чиновнику), но оно не создавало никакого нового налога».

Петр I

«Финансовые затруднения должны быть главной движущей пружиной реформационной деятельности Петра и... необходимо, следовательно, привести ход реформы в связь с историей государственного хозяйства России...» Цели заполнения этого пробела в науке была посвящена диссертация Милюкова.

Он выделил три периода, или три порядка, в государственном хозяйстве эпохи Петра:

1. до 1709 г. — время упадка приказного хозяйства, когда шло разрушение старого государственного порядка;
2. 1710—1718 гг. — время становления губернского хозяйства, когда нарастал кризис как государственного хозяйства, так и государственных учреждений; и, наконец,
3. с 1719 г. — период коллежского хозяйства, «систематической реорганизации государственного строя, едва успевшей закончиться к концу царствования Петра Великого, а в ближайшие годы после него потерпевшая существенные изменения».

Первых девяти лет Северной войны было достаточно, чтобы привести старые учреждения к окончательному кризису. Основной причиной этого кризиса Милюков считал быстрое возрастание военных расходов (на армию и флот), «превысившее как параллельный рост дохода, так и платежеспособность населения». Это заставило правительство коренным образом пересмотреть старый бюджет. «Не доведенная до конца в XVII столетии, — писал Милюков, — организация военно-феодальных округов быстро и незаметно осуществилась под влиянием военных потребностей первого десятилетия XVIII в.»

Реформа, с точки зрения Милюкова, «не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные военные нужды времени, и для их удовлетворения ограничился тем, что попало под руку».

В цепи многочисленных ошибок, допущенных Петром, Милюков подчеркивает отсутствие преемственности и согласования в проведении административной реформы 1718—1722 гг. и податной 1708—1712 гг.: «Административное и податное устройство не было приведено в одну общую связь, в цельную систему».

«Государственная реформа не вызвана личными планами или увлечениями законодателя, как его флот или немецкое платье; но она не произведена также одним историческим процессом. Воля Петра была, конечно, необходима для ее осуществления; но эта сторона реформы выходила из его кругозора и была осуществлена им поневоле. Факты исторического прошлого тоже подготавливали государственную организацию, но она не вытекала из них сама собою. Не личная инициатива и не исторические прецеденты вызвали эту реформу, хотя тот и другой элемент в ней соединились; ее вызвали текущие потребности минуты, в свою очередь, созданные и личной инициативой, и историческими прецедентами».

«Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». Петровские реформы (по своим целям) были своевременны «по отношению к внешнему положению I России», однако «по отношению к внутреннему положению ответ на вопрос о своевременности должен быть отрицательным».

После Октябрьской революции Милюков вынужден был эмигрировать. Об этом тяжело для него времени оставил свидетельство Г.М. Катков: «Понадобилось несколько лет, чтобы в историческом анализе Милюкова ослабло влияние революционной фразы. В «Истории русской революции», написанной весной—летом 1918 г., утверждалось, что монархию свергла Дума. С годами это утверждение получило некоторые коррективы, но совершенно освободить свое историческое мышление из-под власти того политического жаргона, который им владел в феврале 1917г., Милюкову не удалось. Может быть, для этого нужно было еще больше времени, а может быть — это вообще выше человеческих сил».

Он много и серьезно занимается историей русской культуры. Перерабатывает и переиздает «Очерки по истории русской культуры». К 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина Милюков написал историко-биографический очерк «Живой Пушкин 837—1937»). Милюкову было важно показать, как с годами Пушкин прошел определенный путь в сторону

консерватизма, религиозности и русской государственности. Созвучными настроениям историка были слова Пушкина: «Мы все должны умереть, не высказавшись. Какой язык человеческий может выразить все, что чувствует и думает сердце и мозг, все, что предвидит и отгадывает душа?» «Все, что я пишу, — ниже того, что я хотел бы сказать. Мои мысли бегут гораздо быстрее пера, на бумаге все выглядит холодно, в голове у меня все это иначе».

А.А. Кизеветтер (1866-1933)

В воспоминаниях «На рубеже двух столетий» Александр Александрович Кизеветтер описал события своей жизни 1881—1914 гг. В год рождения сына отец Кизеветтера (юрист по образованию) заведовал архивом Главного штаба. В том же здании была служебная квартира, где родился будущий историк.

Немецкую фамилию Кизеветтер унаследовал от предков из Тюрингии, но немецкий язык знал плохо. Поэтому, когда его выслали из России в 1922 г., он поехал в Прагу, а не в Германию, так как чтение лекций на немецком языке вызывало у него серьезные трудности. Человек русской культуры, А.А. Кизеветтер был похож на мать, Александру Николаевну. Она принадлежала к богатому талантами роду Турчаниновых (прадед историка был известным церковным композитором, дед преподавал историю в Духовной академии). Из этого родника Кизеветтер черпал свои литературные и ораторские способности. Мать, выпускница Смольного института, аккумулировала то ценное, что вырабатывалось не одним поколением и бережно передавалось детям.

Интерес к истории в семье был глубоким, и в воспитании большое значение придавалось истории.

Отец в чине тайного советника представлял военное министерство при Оренбургском генерал-губернаторе. В 1884 г. в Оренбурге Кизеветтер окончил гимназию. Позднее он вспоминал: «Ближайшим университетским городом к Оренбургу была Казань, и большинство воспитанников Оренбургской гимназии по окончании гимназического курса поступало в Казанский университет. Но меня неудержимо влекла к себе Москва. Уже в средних классах гимназии я принял твердое решение посвятить себя изучению русской истории, и к Москве меня притягивало, словно магнит, имя Ключевского, тогда только что прогремевшее в связи с его блестящим докторским диспутом, на котором он защищал диссертацию: "Боярская Дума Древней Руси"». Профессиональные исторические занятия в то время были интересны обществу, и защита докторской диссертации талантливым человеком превращалась в общественное событие.

В момент поступления Кизеветтера в Московский университет преподавание русской истории было всецело сосредоточено в руках Ключевского. Кизеветтер вспоминал: «Ключевский блистал ослепительным талантом первоклассного ученого и художника-лектора».

Кизеветтер оказался трудолюбивым учеником: «7 лет почти ежедневно просидел я в архиве (Министерства юстиции) от 9 часов утра до 3 часов и накопил такую гору выписок из архивных документов, что для их обработки потребовалось еще около 2 лет». Много времени занимала и преподавательская работа, в том числе на МВЖК, в Коммерческом институте. «Наконец, в 1903 г. была отпечатана моя магистерская диссертация под названием «Посадская община в России XVIII столетия». Книга получилась в 50 печатных листов. Она была насыщена совершенно новым архивным материалом и раскрывала полную картину жизненного строя русского города XVIII века». В свое время тема получила одобрение Ключевского. Кизеветтер вспоминал: «Ключевский сказал мне на диспуте: «Вашу книгу еще долго надо будет не столько критически разбирать, сколько изучать».

Кизеветтер показал, что магистратские учреждения, скопированные Петром I с иностранных образцов, составили всего только показной верхний слой городского самоуправления, под которым в течение всего XVIII в. вплоть до городской реформы Екатерины II продолжал существовать типичный посадский мир, унаследованный от Московской Руси, с его органом — мирским посадским сходом. «Состояние посадского

общинного хозяйства в XVIII столетии ярко отразило тяглый, закрепощенный характер посадских общин того времени» — к такому выводу пришел Кизеветтер. «Мечты Петра опережали русскую действительность». Личный состав посадской общины определялся двумя началами: наследственностью посадского состояния и профессиональным характером посадского тягла, который «выражался в том, что всем, не вложившимся в посадское тягло, запрещалось иметь торговлю и промыслы в пределах посада». Для вступления в посадскую общину со стороны требовалась наличность торгова и промысла установленного размера.

В качестве источников Кизеветтер пользовался многочисленными мирскими приговорами различных посадов, и на основании этого материала он смог начертить подробную картину того посадского самоуправления, которое существовало тогда не на бумаге, не в официальных регламентах, а в действительности, на практике. Он подробно изучил социальный состав посадского населения того времени (его основные разряды: посадское купечество, цеховые ремесленники, «подлые» люди — огородники и чернорабочие) и посадские службы, повинности и подати, т.е. посадское тягло. Любивший образно писать, Кизеветтер говорил о господствующих чертах социальной физиономии типичной посадской общины XVIII столетия.

Его общий вывод был неутешительным: «Разорение плательщика и недоимка в казне являлись естественным результатом... финансовой системы, представлявшей собой хроническое вытягивание жил из податного населения». Скорбная ситуация Петровского времени несколько облегчается к середине XVIII в., но уже в начале 1760-х гг. «последовал новый пароксизм нажимания податного пресси». В прямой зависимости от организации посадского общинного тягла мирское посадское самоуправление получало резко выраженную олигархическую окраску. «Земские по выборному составу, эти учреждения (магистраты) являлись органами бюрократической централизации в сфере управления по всему кругу присвоенных ими задач». Магистерская диссертация заканчивалась оптимистическим выводом Кизеветтера о смягчении крепостнического характера посадской общины (автор к тому времени изучил развитие русского муниципального строя до середины 1760-х гг.), который «шел на убыль», причем сам процесс готовил почву для коренной реформы муниципального строя в 1780-е гг.

Этот вывод был скорректирован в докторской диссертации, специально посвященной Кизеветтером анализу «Городового положения» Екатерины II 1785 г. Деятельность Екатерины II не оправдала возлагавшихся на нее Кизеветтером либеральных надежд.

Диспут по защите магистерской диссертации Кизеветтера состоялся в декабре 1903 г. Громадная актовая аудитория университета была «битком». Кизеветтера хорошо знали как лектора и автора статей («Иван Грозный и его оппоненты», опубликованной в журнале «Русская мысль», о Домострое, напечатанной в «Русском богатстве»). Его исторические очерки печатались в журналах «Образование» и «Журнале для всех». Однако сам Кизеветтер считал главной «приманкой» для публики присутствие на своей защите Ключевского, который должен был выступить официальным оппонентом. «Слушать, как диспутирует Ключевский, было величайшим наслаждением для тонких ценителей научных споров».

Впрочем, защита прошла гладко, у Кизеветтера сложились совсем иные отношения с Ключевским, чем у Милюкова. «Все заметили, что Ключевский на этот раз вел диспут совсем не в обычном тоне: совсем не было «игры кошки с мышкой», соединенной с легким экзаменом диспутанту; Ключевский вел диспут таким тоном, который ясно давал понять всем присутствующим, что он признает в своем ученике собрата по науке, и вот этот-то тон его был для меня лучшей наградой за мои долголетние труды», — вспоминал Кизеветтер.

При работе над докторской диссертацией Кизеветтера интересовали источники «Городового положения» 1785 г., его черновые проекты и применение в жизни. Историк показал, как в 1770—1780-х гг. Екатерина II проштудировала Блекстона. Проанализировав остзейские, шведские, прусские источники «Городового положения», особенно «Ремесленное положение», Кизеветтер определил и проанализировал характер заимствований. Екатерина II пользовалась работами Уложенной комиссии 1767 г. как

подготовительным материалом. Она «накладывала на них штемпель собственной политической идеи». «Идея сводилась к установлению общественных союзов и корпораций, по форме самоуправляющихся, по существу служащих подчиненными органами коронной администрации. Эта идея проходит красной чертой через все крупнейшие законодательные акты Екатерининского царствования». Основной тенденцией екатерининского законодательства было подчинение действию старых начал государственной жизни некоторых вводимых ею новых форм государственного устройства. «Подновлялся и перекрашивался фасад государственного здания, но все, прикрываемое этим фасадом, лишь в слабой степени затрагивалось вводимыми переменами».

«Россия Петра Великого знала лишь закрепощенные — служилые и тяглые — общественные группы. Вот почему попытки Петра подвести под государственное здание фундамент самоуправляющихся союзов потерпели неудачу». Усложнение и развитие экономических отношений, повышение уровня городской культуры — объективные процессы XVIII в. «Дворянство из служилых людей превратилось в земле — и душевладельцев». Подчеркнув это глубокую «социальную метаморфозу», Кизеветтер не провел анализа ее взаимосвязи с правительственной политикой.

Кизеветтер испытывал сильнейшее влияние Ключевского. Милюков писал по этому поводу: «Как историк он был подавлен готовой схемой русской истории в блестящем синтезе Ключевского». Это мнение Милюкова не совсем справедливо. Обращение Кизеветтера к «локальным» и «мало разработанным историческим проблемам» свидетельствовало еще и о другом. О том, что наука развивается по собственным законам. В конце XIX в. она вступала в период углубленной специализации.

Мировоззренческие приоритеты

Для Кизеветтера история — единый целостный процесс: «Если местные своеобразия западноевропейских стран не препятствуют им тем не менее принадлежать к единому миру европейской культуры, то и наличие в русской культуре местных своеобразий не упраздняет понятия единой европейской культуры». Он представлял себе историческую жизнь человечества в виде ряда параллельных культурных развитий, не вытягивающихся в единую линию, но совершающих круг своего развития друг от друга самостоятельно и отвергал идею линейного прогресса.

«Выделение» России из «общевропейского жизненного процесса» он считал недопустимым, что не мешало ему признавать национальное своеобразие отдельных местных историй. Кизеветтер отстаивал понятие общечеловеческой культуры и понимал под этим «совокупность некоторых начал и норм, значение которых выходит за пределы местных различий и нормативная сила которых сохраняет свою ценность при всех национальных своеобразиях, будучи связана с основными стихиями человеческой природы и в этих стихиях имея свой подлинный корень. Наличие таких начал в жизни человечества и придает некоторое единство культурным процессам самых различных стран, отнюдь не устраняя в то же время пестрого многообразия национальных развитий».

«... Каждая человеческая личность неповторяема: сколько лиц, столько и отдельных биографий. Но кто же в силу этого станет отрицать единство человеческой природы не только физической, но и духовной? Как ни своеобразны все индивидуальные биографии, все же все люди подчинены действию некоторых общих законов в жизни и своих телесных, и своих психических организмов...

Даже гораздо более своенравные, нежели человеческая мысль, человеческие страсти при всем многообразии их порывов подчиняются-таки некоторым общечеловеческим законам».

Из наличия «национальных своеобразий» Кизеветтер не считал возможным выводить отрицание общечеловеческих элементов в основе отдельных культур. Он подчеркивал связь экономики и политики: «Экономический прогресс в рамках элементарной политической формы — это все равно, что взрослый мужчина, втиснутый в детское платье».

Убежденный конституционалист и сторонник парламентаризма, он видел в нем возможность для населения участвовать в государственной жизни. Кизеветтер стремился выявить в прошлом институты, например городского самоуправления, способные в своем органическом развитии стать опорой конституционного строя.

Кизеветтер рассматривал русскую историю с точки зрения борьбы общественных интересов и правительственных репрессий, федерализма и централизации. Двигателем русского исторического процесса он считал реформаторство и либеральное законодательство.

К XVII в., по мнению Кизеветтера, «старина отживала». Концептуальное отношение к понятию «старины» выражало его отношение к проблеме Россия—Запад в целом. Его содержание проявляется сквозь описание исторических характеров действовавших лиц в русской истории. Историк считал, что «у каждой эпохи свой умственный кругозор, свой круг понятий». Он пытался определить его для достаточно продолжительного периода XVII — начала XIX в.

И хотя Кизеветтер пишет: «Было бы на лицо бескорыстное стремление к истине, способности отстаивать свои убеждения, и если человек проявил эти свойства, мы признаем в нем брата, как бы ни были далеки его мысли и стремления от наших собственных понятий», «старина» для него — синоним отсталости и рутины. Так, Д.М. Голицын, несмотря на знание европейской культуры и просвещенность (его библиотека насчитывала 6 тыс. томов), для Кизеветтера был ретроградом уже потому, что средствами западной науки и изучением западных государственных порядков пытался «подпереть и освежить на будущее время любезную его сердцу разрушающуюся родную старину».

Кизеветтер не разделял точки зрения, активно функционировавшей в современной ему исторической и экономической науке, согласно которой на исторический вектор влиял фактор древности, предопределявший и содержание генетического исторического кода.

Принятие западных идей и внутренний отказ от русской старины (признание ее чем-то менее развитым) являлись для Кизеветтера синонимом прогресса и тем неперменным критерием передового, который позволял ему выделять среди исторических деятелей самых лучших. На этом основании в число передовых людей был включен Федор Михайлович Ртищев.

«Западные влияния «воздействовали» все в одном и том же направлении, они расширяли свободу и непринужденность действий человека, разнообразили его интересы, сбрасывали с жизни цепи старинной рутины». «Жалостью сжимается сердце, когда подумаешь, сколько богатых, поистине богатых душевных сил целиком было растрчено на борьбу за пустые формы и обряды, в которых видели какой-то таинственный оплот национальной самостоятельности», — писал Кизеветтер о старообрядцах и протопопе Аввакуме.

Кизеветтер любил жанр публицистики, что не находило понимания у Ключевского: «Кизеветтер — изфразился (ученый-Петрушка)». «Фразы за него мыслят». «Слово подсказывает мысль». «Это такая отвлеченная схематизация, такая дистилляция спирта, в которой остается только запах спирта без вещества его». «Мысли вслух на Красном крыльце».

Кизеветтер одним из первых заметил, что в русской истории в качестве действенного фактора постоянно присутствует утопия, значимость которой не следует недооценивать. «Историк усматривает в продукте утопических мечтаний одно из средств изучения исторической действительности. Отдельные узоры, которыми украшаются утопические картины будущего, могут принадлежать к области чистой фантастики, но узоры предполагают канву, и на этой-то канве «социальных утопий» историк сосредоточивает свое внимание. Он расчленяет канву на ее составные мотивы, современные изучаемому памятнику утопической литературы». Идеальные воззрения, по Кизеветтеру, — это неотъемлемая часть «умственного и нравственного капитала, нажитого русским обществом» уже к XVI в. Блестящим источником для анализа исторических утопий Кизеветтер считал

«Домострой». Он рассматривал этот памятник в качестве дидактического источника о представлениях допетровской Руси, одновременно поучающего и обличающего порядок семейной жизни.

Сравнивая утопию М.М. Щербатова и утопию А.Н. Радищева, Кизеветтер не скрывал своих политических пристрастий: «История показала, кто из двух утопистов был ближе к исторической правде, что более радикальная утопия была наиболее дальновидной, а потому и наименее фантастичной».

В XVI в. Кизеветтер видел «время глубокого раздвоения и интересов, и воззрений». Россия переживала страшный кризис, сопровождавшийся во всех сферах жизни острыми, болезненными потрясениями. И все же эта эпоха была «временем творческих побегов деятельной мысли». Господствовавшее литературное течение в XVI в. не было механически-компилятивным, оно было, по существу, полемическое, боевое. «Оно не резюмировало продуктов старины, оно стремилось искусственно *придать вид старины новым веяниям*, порожденным событиями текущей политической жизни и партийной борьбы».

О народных движениях

Развивая поднятую Ключевским тему народных движений в смутные времена, Кизеветтер предлагал исследовать их цели. Подчеркивая здоровое начало в этих движениях, историк не считал, что они являются анархическими. Наоборот, крестьяне выступят за социальную справедливость государственного порядка и против процесса закрепощения. Поэтому, считал Кизеветтер, «самозванщину» следует рассматривать как изобретение общественных верхов, а не социальных низов. Под знамена Тушинского вора стекались бояре и дворяне, посадские и крестьяне, холопы и казаки, духовенство, т. е. все недовольные своим положением. Однако, убедившись в погромном, разрушительном характере тушинщины, крестьяне первыми покинули этот лагерь.

История либерализма

Кизеветтер воскрешал забытую память о многих замечательных людях. Это направление своей работы он рассматривал как гражданскую обязанность. В основном Кизеветтер восстанавливал историческую справедливость по отношению к представителям русской либеральной доктрины, к зародышам которой он относил творчество Радищева и его младших современников, вышедших из радищевского кружка, в частности, И.П. Панина.

«Мы можем начинать историю русского либерализма лишь с того момента, когда в составе русского общества впервые обозначились группы, сознательно противопоставившие свои самостоятельные интересы всемогуществу государственного начала, когда в рамках государственного союза начали слагаться другие союзы, смотревшие на себя не только как на подпору государственного здания, но и как на самодовлеющие соединения, которым государство обязано предоставить со своей стороны охрану и поддержку, то есть в конце первой четверти XVIII в. после смерти Петра Великого».

Специальные условия русской жизни сделали дворянство застрельщиком либерализма: «Сближение с европейским Западом сделало свое дело. Влияние западной культуры на умственную жизнь русского человека вскоре вышло далеко за пределы тех первоначальных задач, ради которых русский человек ехал за рубеж своей родины на выучку к иноземцам. Он ехал туда, чтобы научиться воевать и строить корабли. Он возвращался оттуда с ученьем рассуждать и строить политические системы».

Попытка русского дворянина XVIII в. превратиться из холопа в гражданина, по мнению Кизеветтера, была первым дебютом нарождавшегося русского либерализма: «Почва для появления такой попытки была дана местными условиями общественного развития, но самое осуществление ее не могло обойтись без услуг иноземной западноевропейской политической теории».

Концепция Кизеветтера не лишена противоречий. С одной стороны, он подчеркивал, что до первой половины XVIII в. «русская провинция еще не просыпалась от своего векового

исторического сна», а с другой — не разделял взгляды тех, кто считал, «что русская история скучна и однообразна. Как будто древнерусские люди не жили настоящей жизнью, а полусонно тянули какую-то никому не нужную канитель».

В конкретно-историческом анализе Кизеветтер стремился выявить субъективные и объективные, глубинные и внешние факторы, найти и проанализировать систему взаимосвязей между ними. Эпоху дворцовых переворотов он рассматривал как следствие петровских преобразований, определивших сословные интересы конкретных групп дворянства, которые вели бескомпромиссную борьбу за власть. На этом фоне Кизеветтер рассматривал конкретные жизненные катастрофы, составлявшие историческое полотно дворцовых переворотов. Он исследовал «наследственные правительственные привычки, навыки и стремления, характерные для XVII — начала XIX в., проанализировал сословную структуру дворянства и его основные категории.

Общая концепция истории и отношение к евразийству

В отличие от Милюкова, которому элементы теории евразийства представлялись интересными, Кизеветтер не принимал эту концепцию по принципиальным соображениям. В критике евразийства (в основном воззрений П.Н. Савицкого) Кизеветтер сформулировал общую концепцию истории. Он не считал европейскую культуру врагом русской культуры, которому надо объявлять войну во имя лучшего будущего России. Кизеветтер писал об общей судьбе человечества: «Неизбежность в наше время войны и те ужасы, которыми современные войны сопровождаются вследствие головокружительных успехов военной техники, указывают лишь на то, что культурное развитие современного человечества все еще не может перешагнуть за какой-то предел, обрекающий современные народы на службу звериным инстинктам. Ученый полагал, что современная ему научно-историческая мысль шла дальше евразийцев в расчленении исторического процесса.

Важнейшие приобретения русской исторической науки конца XIX — начала XX в. связаны с именем Сергея Федоровича Платонова, который, по словам П.Н. Милюкова, был одним «из наиболее выдающихся специалистов по русской истории, принадлежащих нашему поколению».

С.Ф. Платонов родился 16 июня 1860 г. в Чернигове. Он был единственным ребенком в семье заведующего губернской типографией Федора Платоновича Платонова и его жены Клеопатры Александровны (урожденной Хрисанфовой). Родители мальчика были коренными москвичами, и вся их родня проживала в Москве. Согласно семейным преданиям, предки Сергея Федоровича были крестьянами Перемышльского уезда Калужской губернии, а сам он считал себя «чистым представителем южной (московской) ветви великорусского племени».

Детство мальчик провел в Москве, в доме своего деда Александра Герасимовича Хрисанфова. В 1869 г., когда Сергею было 9 лет, отца перевели на службу в Петербург, куда вскоре переехала вся семья. Но связь с Москвой не прерывалась, и в доме деда юный гимназист проводил каникулы. «Не только происхождение, но и сознательная преданность Москве, с ее святынями, историей и бытом делали моих родителей, а за ними и меня именно великорусским патриотом», — писал впоследствии ученый.

В детстве Сергей находился под сильным влиянием отца, о котором до конца жизни сохранил благодарную память. «Это был умный, способный и гуманный человек, стоящий в умственном и моральном отношении выше своей среды, — вспоминал Сергей Федорович. — Он вложил в меня любовь к чтению и дал первые сведения по истории и литературе. Я начал читать Карамзина и Пушкина лет восьми и девяти и очень любил слушать рассказы отца о событиях его молодости, прошедшей в соприкосновении со студенческими кружками Москвы».

В результате успешного продвижения по службе Ф.П. Платонов стал управляющим типографией министерства внутренних дел и в 1878 г. получил дворянский титул.

В Петербурге Сергей учился в частной гимназии Ф.Ф. Бычкова (1870—1878). На семнадцатом году жизни он тяжело и долго болел тифом. Эта опасная болезнь стала для него рубежом между детством и юностью: «До нее я был мальчиком, после нее началась серьезная умственная работа. Я много читал и писал, познакомился с Тэном, Льюисом, Миллем».

Еще в гимназические годы Сергей обнаружил склонность к литературному творчеству: он писал стихотворения, рассказы, фельетоны, повести и др. По совету В.Ф. Киневича, преподававшего в гимназии словесность, он «для обработки своего дарования» в 1878 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Постепенно интересы Платонова смещаются от словесности к русской истории. Уровень преподавания литературоведческих дисциплин в Санкт-Петербургском университете был невысок, зато блестящие лекции профессоров исторического и юридического факультетов произвели сильное впечатление на молодого студента. На третьем курсе началась специализация, и Платонов уже «без сомнений и колебаний» выбрал в качестве предмета занятий русскую историю. «Все впечатления университета сводились к тому, что для меня история и история права не только больше похожи методом на науку, чем история словесности, но и больше питают любовь к народности и вводят в разумение прошлой жизни».

До конца своих дней Платонов сохранил глубокую признательность своим университетским преподавателям. В своих воспоминаниях он оставил яркие характеристики каждого из них. Огромное впечатление на него производили блестящие лекции К.Н. Бестужева-Рюмина по русской истории. «Перед нами был человек широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики», — вспоминал Платонов.

Близко сошелся Сергей Федорович и с профессором всеобщей истории В.Г. Васильевским — «великолепным ученым и очаровательным человеком». Его семинары по истории Средневековья помогли будущему историку приобрести навыки творческого отношения к анализу исторических первоисточников. По воспоминаниям Платонова, на этих занятиях Васильевский вел «простую беседу о каком-нибудь эпизоде византийско-русских, византийско-арабских или готских отношений, ставя учеников лицом к лицу с текстом первоисточника и извлекая из этого текста вывод, так сказать, на их глазах».

Привлекали Платонова и лекции профессоров юридического факультета — В.И. Сергеевича и А.Д. Градовского. «Теперь я думаю, — писал впоследствии ученый, — что Сергеевич мало знал и понимал старую русскую жизнь, потому что мало был знаком с современным народным бытом... У Сергеевича история превращалась в ряд схем, иногда картин, великолепно изображенных. В них поражало совершенство техники, красота метода и стиля. У Сергеевича хотелось учиться быть лектором, но в нем не было ничего воспитывающего и морально руководящего». По-иному оценивал Платонов лекции профессора А.Д. Градовского. «Впервые на лекциях Градовского, — писал он, — сложились мои представления о государстве и обществе, о целях государства, об отношении государства и личности и о благе личной свободы и независимости. «Либералу» Градовскому обязан я, между прочим, тем упрямством, с каким я всегда противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение. Сильное влияние чтений Градовского на мою душу заставляет меня признать его за одного из моих учителей в лучшем значении этого слова».

В своих преподавателях Платонов искал не только учителей в науке, но и в жизни. По его словам, Бестужев-Рюмин и Градовский «проникали в сердце и совесть, будили душу, заставляли искать идеала и моральных устоев. В их изложении история давала материал для

оценки настоящего и заставляла юношу продумать свое отношение к народности и государству».

В последний год своего обучения в университете Платонов знакомится с трудами В.О. Ключевского, только что опубликовавшего свою докторскую диссертацию «Боярская дума». Впоследствии он вспоминал: «Для меня лично в манере этого автора прельщала не склонность его к «экономической точке зрения», а разносторонность и широта исторического понимания и полная независимость (как мне казалось) от корифеев историко-юридической школы, не говоря уже об остроумии и красоте речи. Не скрою, что влияние на меня сочинений Ключевского было сильно и глубоко».

Многое дало Платонову и его активное участие в кружке студентов-историков и филологов, регулярно в течение нескольких лет собиравшегося у В.Г. Дружинина. Здесь слушались и обсуждались рефераты, велись исторические беседы, диспуты, отмечались юбилеи. Друзьями Платонова стали известные впоследствии ученые — В.Г. Дружинин, М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, И.А. Шляпкин, Е.Ф. Шмурло и др. Вспоминая эти годы, Сергей Федорович писал: «Мы жили в новой для нас области русской историографии, как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими научными интересами и жаждою народного самопознания. Работа на ученом поприще родной истории являлась пред нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшее духовное удовлетворение». Особенно подчеркивал он взаимную терпимость участников кружка: «Мои новые друзья были весьма различными людьми, но они умели взаимно признавать и щадить личные особенности каждого и не пытались гнуть друг друга непременно на свою статью».

Процесс политизации студенчества, начавшийся в «эпоху политических убийств и покушений», не затронул Платонова. Политические дебаты в студенческой среде, прокламации, действия агитаторов мало привлекали его. Студенческие сходки представлялись ему «беспорядочными сборищами, рассчитанными на обработку грубой массы». «Я не был способен на подчинение партии или кружку, — вспоминал он, — не был склонен даже на простую коллективную работу... веровал в то, что источником прогресса всего общества является личная самодеятельность. Этою чертою моего тогдашнего настроения объясняется то, что я уходил очень быстро из всех кружков (политических. — *Ред.*), куда случайно попадал». На всю жизнь Платонов сохранил убеждение о несовместимости науки и политики. В его сознании университет был храмом науки, островом «нормальной» жизни, и, как таковой, он противопоставлялся обществу, «помешавшемуся» на политике.

Начало научно-педагогической деятельности

Весной 1882 г. Платонов успешно окончил университет и представил дипломное сочинение на тему «Московские земские соборы XVI—XVII вв.». После успешной защиты диплома он, по представлению К.Н. Бестужева-Рюмина, был оставлен при факультете для подготовки к профессорскому званию. В 1883 г., в возрасте 23 лет, Платонов начал читать лекции по русской истории на Высших женских курсах, а позже стал вести здесь и семинары. В 1884—1889 гг. он также преподавал историю и русский язык в Петровском училище Санкт-Петербургского купеческого общества, с 1886 по 1891 г. читал лекции по русской истории XVIII—XIX вв. в университетском классе императорского Александровского лицея.

Первая научная публикация Платонова «Заметки по истории московских земских соборов» появилась в 1883 г. Это были извлечения из его дипломной работы. Основное внимание автор уделил организации земского представительства в Смутное время. «Мне хотелось, — вспоминал он впоследствии, — углубить изучение данной переходной эпохи, исследовать всесторонне начало и развитие того общественного движения, которое создало ополчение князя Д.М. Пожарского, и в нем образовало устойчивое временное правительство. Это мое желание подсказывало тему магистерской диссертации».

По окончании университета Платонов занялся выявлением рукописей, относящихся к истории Смуты. Со временем он внес коррективы в свои первоначальные исследовательские планы. Избранная им тема магистерской диссертации — «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» была одобрена Бестужевым-Рюминым. Он писал из Рима Платонову: «Я вообще того мнения, что исследование источников — лучшая тема магистерской и даже докторской...»

За шесть лет после окончания университета Платонов проделал колоссальную работу. В поисках рукописей он обследовал 21 архивохранилище, начиная с Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и Румянцевской в Москве и кончая частными собраниями. Он просмотрел 150 рукописей и выявил 60 сказаний о Смуте. Многие из них (например, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, мемуары князя Ивана Хворостинина) ранее не были известны и стали подлинными научными открытиями. Таким образом, молодой ученый обнаружил целый комплекс культурно-исторических памятников России XVII в., посвященных эпохе Смутного времени.

Платонов поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу «историко-критического изучения сказаний о Смуте во всей их совокупности». Из многочисленных и разнородных памятников он отобрал и исследовал около 30 наиболее интересных и значительных произведений. Анализ источников он производил в хронологическом порядке, показывая развитие идей о Смуте на протяжении всего XVII столетия. Ученый установил время и обстановку написания сказаний, выявил авторов, их цели, взгляды и литературные приемы, сделал выводы о репрезентативности источников (т. е. об их «достоверности и правдоподобию»).

11 сентября 1888 г. Платонов блестяще защитил магистерскую диссертацию. По своему уровню она резко выделялась среди других диссертаций и в 1890 г. на основе отзыва В.О. Ключевского была удостоена Уваровской премии Академии наук. Дважды этот труд Платонова выходил в виде монографии.

Большой заслугой ученого было то, что он не только исследовал, но в последующие годы и опубликовал выявленные источники. Изданные Платоновым «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени» («Русская историческая библиотека», т. XIII) и поныне широко используются историками и литературоведами.

Успешно развивалась и служебная карьера Сергея Федоровича. С 1888 г. он стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Через год после защиты магистерской диссертации ему было предложено возглавить в университете кафедру русской истории, которую оставил Е.Е. Замысловский в связи с болезнью. Осенью 1890 г., в возрасте 30 лет, Платонов был избран экстраординарным профессором кафедры русской истории. В этом же году он становится членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, а также помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения» В.Г. Васильевского. Наступил новый период моей жизни и деятельности, — вспоминал Платонов, — материально более обеспеченный, в научном отношении лучше обставленный».

С 1896 г. ученый приступил к работе над докторской диссертацией, посвященной истории Смутного времени конца XVI — начала XVII в. Казалось, исследование столь сложной и многоаспектной темы не под силу одному человеку. И все же прочный источниковедческий фундамент магистерской диссертации Платонова позволил ему создать монументальный труд «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». В 1899 г. работа вышла отдельной книгой, которую ученый защитил в качестве докторской диссертации. Защита состоялась 3 октября 1899 г. в Киевском университете, так как в Санкт-Петербургском университете не было докторов русской истории. Официальными оппонентами были профессора В.С. Иконников и П.В. Голубовский, отметившие высокий научный уровень представленного труда. «Эта книга, — писал Сергей Федорович, — была высшим научным достижением всей моей жизни, она не только дала мне степень доктора, но, можно сказать, определила мое место в среде деятелей русской историографии».

Концепция Смуты, созданная Платоновым, была принята современной ему историографией, а его докторская диссертация до 1917 г. выдержала три издания.

После защиты докторской диссертации Платонов избирается ординарным профессором Санкт-Петербургского университета, а с 1900 по 1905 г. — деканом историко-филологического факультета университета. Он читал общий курс русской истории, курсы по отдельным эпохам и проблемам, вел семинарские занятия. За годы своего преподавания он создал крупную научную школу, получившую название «Петербургской школы русских историков», или «школы Платонова». В разное время его учениками были такие видные историки, как Б.Д. Греков, М.А. Полиевктов, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, П.А. Садилов, С.М. Середонин, С.Н. Чернов, А.О. Заозерский, А.И. Лаппо, П.Г. Любомиров, Н.П. Павлов Сильванский и др. По словам А.Е. Преснякова, характерной чертой этой школы является «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном обращении к источнику и факту вне зависимости от исторической традиции». «Школа Платонова» ориентировала исследователей на конкретное изучение и объективный анализ источников, выяснение закономерностей исторического процесса.

Необходимость содержать большую семью (от брака с Надеждой Николаевной Шамониной Платонов имел девять детей, из которых трое — двое сыновей и дочь — скончались в детском возрасте) заставляла ученого помимо университета преподавать и в других учебных заведениях: Петровском коммерческом училище, Александровском лицее, Археологическом институте, на Высших женских курсах. В 1903 г. Платонов возглавил только что созданный женский Педагогический институт, директором которого он был до 1916 г. Он сам занимался постройкой здания, подбирал преподавателей, читал лекции. При институте с двумя факультетами был организован детский сад, приготовительный класс, гимназия. В 1912 г. Сергей Федорович учредил в институте именную Платоновскую стипендию.

В 1895—1902 гг. Платонов был приглашен преподавать русскую историю великим князьям Михаилу Александровичу, Дмитрию Павловичу, Андрею Владимировичу и великой княжне Ольге Николаевне. Сохранилась записка Николая II о профессорах русской истории, в которой о Платонове было сказано следующее: «Вполне приличен также и профессор Платонов, обладающий огромной эрудицией; но он сух и уже, несомненно, весьма мало сочувствует культу русских героев; конечно, изучение его произведений не может вызвать ни чувства любви к отечеству, ни народной гордости».

Как ученый Платонов по-прежнему оставался верен теме Смуты, посвятив ей по крайней мере половину из более чем ста созданных им работ. В начале 1900-х гг. в развитие этой темы он пишет серию статей об отдельных деятелях Смутного времени (патриархе Гермогене, Лжедмитрии I и др.), о первых Романовых, о Земском соборе 1648—1649 гг. и др. В то же время диапазон его научных интересов расширяется. Появляются его работы по истории царствования Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Петра I. Много внимания уделял Сергей Федорович и археографической деятельности: собирал, выявлял, издавал и комментировал различные типы источников. В их число входили не только нарративные источники, посвященные событиям Смуты, но и различные актовые документы (грамота, акты, кабальные книги), а также фольклорный материал. Историографические взгляды Платонова отражены в его работах о Н.М. Карамзине, В.О. Ключевском, В.Г. Васильевском, К.Н. Бестужева-Рюмине, а также в рецензиях на труды других ученых-историков.

Широкую известность принесли Платонову его «Лекции по русской истории» для высшей школы (с 1899 по 1917 г. переиздавались 10 раз), а также «Учебник русской истории» для средней школы (с 1909 по 1917 г. — 8 изданий). Сергей Федорович умел кратко, ясно и интересно выражать свои мысли, сочетать научность и доступность изложения. Его учебники отличались стройностью концепции, насыщенным, критически изложенным, фактическим материалом.

Признанием важных заслуг ученого стало его избрание в 1909 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 1912 г. в связи с 30-летием начала

преподавательской деятельности С.Ф. Платонов получил звание заслуженного профессора. В следующем году он вышел на пенсию, передав кафедру русской истории в университете своему ученику С.В. Рождественскому. Последний в 1916 г. сменил Платонова и на посту директора женского Педагогического института. Освободившись от начинавших тяготить его административных обязанностей и сохраняя минимум часов преподавания в университете, Сергей Федорович надеялся посвятить последующие годы жизни науке и путешествиям.

1917г. резко изменил жизнь ученого. Историк, описавший первые шаги династии Романовых, стал свидетелем ее трагического конца и «нового издания» Смуты. Для Платонова события февраля и октября 1917 г. означали, по свидетельству Ю.Г. Оксмана, «крушение России с ее культурой и вообще великорусской национальности». Программа большевиков казалась ему «искусственной и утопичной», а сам факт завоевания ими власти ученый объяснял «общей в то время русской действительностью, войной и различного рода кризисами». Но чувство патриотизма и опыт изучения Смуты подсказывали Сергею Федоровичу, что в обстановке Гражданской войны именно большевики олицетворяют теперь русскую государственную идею и способны навести хоть какой-нибудь порядок в измученной стране.

В этих условиях Платонов решил пойти на сотрудничество с новой властью. Пытаясь спасти русскую историческую науку и ее традиции от посягательств наиболее рьяных строителей «нового общества», он одновременно возглавил несколько научных центров. Он был председателем Археографической комиссии (1918—1929), заведующим Петроградским отделением Главархива (1918—1923), директором Археологического института (1918—1923), с 1923 г. — председателем археологического отделения факультета общественных наук (ФОН) Петроградского университета. В 1920-е гг. Сергей Федорович был также председателем Археологического общества, Союза российских архивных деятелей, заведующим ученой комиссией по истории труда в России, председателем Комитета по изучению древнерусской живописи, главным редактором «Русского исторического журнала».

В апреле 1920 г. Платонова избирают действительным членом Академии наук. В 1922 г. ему было поручено руководство работой Постоянной исторической комиссии Академии, в 1925 г. он становится директором Пушкинского дома, а также возглавляет Библиотеку Академии наук (БАН). При столь значительном объеме административной работы преподавательская деятельность Платонова (университет, Педагогический и Археологический институты) постепенно сокращалась.

В послеоктябрьские годы продолжалось и научно-исследовательское творчество Платонова. Среди его трудов — блестяще написанные исторические биографии «Борис Годунов» (1921), «Иван Грозный» (1923), «Петр Великий. Личность и деятельность» (1926). Свою концепцию Смуты ученый сжато изложил в небольшой научно-популярной книге «Смутное время» (1923). Новым в творчестве Платонова стало исследование истории Русского Севера. Ряд работ на эту тему он объединил в сборнике статей «Проблемы Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья» (1923). Проблеме европеизации Московской Руси была посвящена книга Платонова «Москва и Запад в XVI—XVII вв.». По некоторым данным, ученый задумывал и крупную работу о начальном этапе русского государства. В этой связи он опубликовал статьи «Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде» и «Русса». Историографический характер носят его статьи-некрологи о А.А. Шахматове, В.С. Иконникове, А.Е. Преснякове. Трижды Платонов выезжал за границу, общался с зарубежными коллегами. Его доклад «Проблемы Русского Севера в новейшей историографии», прочитанный им в 1926 г. на «Неделе русских историков» в Берлине, был высоко оценен известным немецким историком Отто Гетчем.

Смерть жены в 1928 г. тяжело отразилась на самочувствии Платонова. Постепенно он сокращает объем административной работы: отказывается от директорства в БАН, затем — от директорства в Пушкинском доме. Но авторитет его был по-прежнему высок, и в марте

1929 г. он избирается академиком-секретарем Гуманитарного отделения и членом Президиума Академии наук СССР. Это событие стало вершиной его научной карьеры и одновременно прологом последнего, самого трагического периода жизни.

С конца 1920-х гг. ситуация в стране резко меняется. С разгромом «уклонов» в партии, сворачиванием НЭПа и началом коллективизации открылась и эпоха террора, в том числе и главным образом против интеллигенции. Положение Платонова осложнялось тем, что в послеоктябрьский период он не перешел на позиции марксизма и по-прежнему исповедовал «научный реализм» и беспартийность науки. «... Определившаяся смолоду моя личность не изменилась ни от появившейся в нашей литературе теории марксизма, ни от политического торжества этой теории в коммунистическом государстве СССР», — писал ученый. Для историков-марксистов во главе с М.Н. Покровским он был не только «классовым врагом на историческом фронте», «антисоветчиком и антимарксистом», но и главой Археографической комиссии АН и БАН, вокруг которых сплотилась старая профессура. В конце 1920-х гг. из-за трудностей избрания коммунистов в состав Академии наук (до 1929 г. в ее стенах не было ни одного коммуниста) сторонники М.Н. Покровского начали открытую травлю историков дореволюционной школы под флагом борьбы с «буржуазной историографией».

19 октября 1929 г. правительственная комиссия по «чистке» Академии наук обнаружила в ее библиотеке подлинные экземпляры манифестов об отречении от престола Николая II и его брата Михаила и другие документы актуального общественно-политического содержания. Виновником «сокрытия» был объявлен академик-секретарь Отделения гуманитарных наук, академик С.Ф. Платонов. 8 ноября он подал в отставку со всех занимаемых постов.

Вскоре дело о «неправильном» хранении документов приобрело политическую окраску. В ночь с 12 на 13 января 1930 г. Платонов и его дочь Мария — сотрудница Публичной библиотеки — были арестованы. 70-летнему ученому было предъявлено обвинение «в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации». Были арестованы и многие видные московские и ленинградские историки, всего 115 человек, в том числе академики Н.П. Лихачев, М.К. Любавский и Е.В. Тарле. Все они были объявлены участниками «контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»», целью которой якобы было свержение советской власти и установление конституционной монархии во главе с великим князем Андреем Владимировичем (бывшим учеником Платонова). Самому Сергею Федоровичу отводилась роль премьер-министра будущего правительства.

Следствие длилось больше года. На Платонова оказывалось колоссальное давление со стороны следователей, раздавались угрозы в адрес его дочерей Марии и Нины. Платонов шел на некоторые уступки (например, признался в своем «монархизме»), но категорически отказывался давать какие-нибудь компрометирующие сведения о своих коллегах и учениках. Лишь когда у следствия накопилось большое количество «сознаний» от других обвиняемых и показания Платонова, как считал он сам, уже не могли никому «повредить», он стал делать «признания» (в частности, в получении «денежных сумм на контрреволюционную деятельность» от Ватикана и «немецких националистов»).

2 февраля 1931 г. на общем собрании Академии наук СССР было объявлено «об установлении факта участия» С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, П.Н. Лихачева и М.К. Любавского в «контрреволюционном заговоре», в связи с чем они были исключены из состава ее действительных членов.

Постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. 15 «главных преступников», в том числе и Платонов, получили по 5 лет ссылки. Местом ссылки Платонова и его дочерей стала Самара. Жизнь ссыльного ученого была недолгой. 10 января 1933 г. он скончался в самарской больнице от острой сердечной недостаточности и был похоронен на городском кладбище. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 июля 1967 г. С.Ф. Платонов и другие осужденные по делу «О контрреволюционном заговоре в Академии наук»

были полностью реабилитированы. 5 апреля 1968 г. постановлением Президиума АН СССР Платонов был восстановлен в звании академика.

Историческая концепция

Современники считали творчество С.Ф. Платонова глубоким олицетворением Санкт-Петербурга. Строгая, европейская красота города отразилась в его произведениях, безупречных с научной точки зрения и написанных изысканным литературным языком. В то же время беспристрастность, отсутствие эмоциональности в изложении материала, в свое время подмеченные Николаем II, объяснялись отнюдь не недостатком патриотизма ученого, а спецификой его взглядов на задачи исторической науки.

Определяя общественную роль исторической науки, Платонов писал, что «национальная история есть путь к национальному самосознанию», что «знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего». Долг исследователя, считал он, заключается в том, чтобы дать обществу объективное знание о его прошлом, свободное от каких-либо предвзятых точек зрения и субъективных идей, «а приложение этого знания зависит уже не от него».

Давая определение предмета истории, Платонов писал, что «история есть наука, изучающая конкретные факты в условиях... времени и места, и главной ее целью признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества». Исследователь должен собрать исторические материалы, определить их достоверность, восстановить точно отдельные исторические факты и, подвергнув их анализу, указать их причинную последовательность, «прагматическую связь». Лишь после этого открывается возможность «исторического синтеза», т. е. создания здания «схемы», «системы» процесса общественного развития. «Конечной целью русской историографии всегда остается построение системы местного исторического процесса», — писал ученый.

Попытки выработать «цельный взгляд на русское историческое прошлое», указывал Платонов, предпринимались в русской историографии с начала XIX в. (Н.М. Карамзин, западники и славянофилы). Но первая строго научная историческая схема была разработана создателями теории «родового быта» С.М. Соловьевым и К.Д. Кавелиным, которые впоследствии вместе с другими учеными их направления (Б.Н. Чичериным и др.) стали известны как представители историко-юридической школы. В основе взглядов Соловьева и Кавелина, отмечал Платонов, лежало представление об «органическом» характере развития человеческого общества, которое «совершается как развитие организма, по строгим законам, ниспровергнуть которые не может ни историческая случайность, ни личность, как бы гениальна она ни была... Всю русскую историю представляли они как последовательный органически стройный переход от кровных общественных союзов, от родового быта — к быту государственному. Между эпохой кровных союзов и государственною лежит промежуточный период, в котором происходила борьба начала кровного с началом государственным». Впоследствии ряд новых научных споров расшатал стройную систему взглядов Соловьева и Кавелина в их первоначальном виде. Но новая историческая схема создана не была, и русская историография, подчеркнул Платонов, до сих пор находится под влиянием теоретических воззрений историко-юридической школы. Оценивая перспективы развитая русской исторической науки, он отмечал: «Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни». Плодотворные поиски историков в области методов исторического исследования, пересмотр

старых проблем, разработка новых крупных тем давали Платонову надежду на возможность создания в недалеком будущем новой системы русского исторического процесса.

Признавая большое влияние концепции историко-юридической школы на формирование своего мировоззрения, Платонов тем не менее осознавал узость «юридического» взгляда на русскую историю. Преимущественное внимание деятелей этого направления к истории развития государственных форм в ущерб «экономическому и культурному быту» он связывал с влиянием на них немецкой историографии и философии, в частности с идеями Канта, который понимал историю «как путь человечества» к созданию государственных форм. Платонов же был позитивистом и предпочитал исходить в своих исследованиях не из отвлеченных идей, а из данных «опыта», т. е. анализа исторических источников. «Позитивизм, мною рано усвоенный, — писал он, — освободил меня от тех условностей и метафизики, которые владели умами историков — моих учителей (Соловьев, Чичерин, Кавелин и др.), привил мне методы исследовательской ученой работы, далекие от априорных умозрений». Этим, вероятно, можно объяснить то «сильное и глубокое» влияние, которое, по его словам, оказали на него работы В.О. Ключевского. Верный позитивистскому принципу разыскания индивидуальных конкретных причинно-следственных связей в истории и сочетания факторов (географического, экономического, социального и политического), определяющих собой ход событий, Ключевский привлекал Платонова «разносторонностью и широтой исторического понимания». Именно влиянием работ Ключевского можно объяснить большой интерес Платонова к социально-экономическим проблемам, который ярко проявился в его исследованиях о русской Смуте.

И все же определяющее влияние на творчество Платонова оказывали идеи историко-юридической школы. Это с особой силой проявилось в его «Лекциях по русской истории», в основу которых он положил взгляды своих учителей на «органическое» развитие русской истории, ведущую роль государства в этом процессе и знаменитую теорию Б.Н. Чичерина о закреплении и последующем раскреплении государством сословий в России.

Каждый народ в своем развитии, отмечал Платонов, движется от родового строя к высшей форме — государству, проходя на этом пути несколько этапов. В русской истории начальным этапом была Киевская Русь — слабое в политическом отношении государственное образование, во главе которого стоял многочисленный княжеский род. Для удельного периода XIII—XV вв. был характерен вотчинный тип власти, когда отдельный князь, владея определенной территорией, признавал в силу этого и всех людей, живущих на территории, подвластными себе. Создание объединенного государства при Иване III привело к появлению вотчинно-государственного типа власти: продолжая смотреть на Московское государство как на свою вотчину, русские государи уже ведут национальную политику и в глазах народа постепенно становятся выразителями «народного единства и символом национальной независимости». Окончание периода Смуты начала XVII в. открыло новую, государственно-национальную эпоху в истории России.

Вслед за историками государственной школы и В.О. Ключевским Платонов считал, что отличительные черты истории каждого народа во многом предопределяются природными и географическими условиями страны. Так, равнинная местность, открытость Руси внешней агрессии обусловила военный характер Московского государства. «Еще в XIII в., — писал Платонов, — создались те обстоятельства, которые направляли в течение многих веков и внешние стремления русского племени и государства, и их внутреннюю организацию». Немецкая и шведская угроза на Балтике, захват Литвою юго-западных русских земель, золотоордынское иго, тяготевшее над северо-восточной Русью, привели к тому, что «почти одновременно, с трех сторон, великорусское племя было окружено врагами, действовавшими наступательно». Борьба за «историческое существование, за целостность племени и религии» продолжалась сотни лет вплоть до Петра I и закончилась уже при Екатерине II достижением «полной безопасности и естественности границ».

Военный характер сформировавшегося во второй половине XV в. национального великорусского государства выразился в закреплении государством сословий, каждое из

которых должно было по-своему обеспечивать оборону страны. Служилые люди были прикреплены к военной службе, посадское население к «тяглу» (денежная повинность), крестьянство частично участвовало в тягле, а другая его часть своим трудом содержала дворян, давая им возможность нести военную службу. Такое положение, по мнению Платонова, продолжалось вплоть до эпохи Петра I, установившего особое крепостное право, в равной мере распространявшееся на жизнь и труд представителей всех сословий.

Постепенное «раскрепощение» сословий в послепетровскую эпоху сначала коснулось дворянства, занимавшего первенствующее положение в качестве высшего класса общества. Этот процесс получил окончательное оформление в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. «Расцвет дворянских привилегий, — отмечал в связи с этим Платонов, — необходимо соединялся с расцветом крепостного права». С этого момента Россия превращается в «односословную монархию», дворянскую империю, в которой дворянству принадлежит «исключительное господство в государстве». Следующим актом «раскрепощения» явилась отмена крепостного права в 1861 г., когда крестьянство получало личную и экономическую свободу. Но политического освобождения общества так и не произошло, что в конечном счете вылилось в революционные потрясения начала XX в.

Смута

Влияние идей историко-юридической школы сказалось и при разработке Платоновым своей главной исследовательской темы, связанной с эпохой Смутного времени. Объясняя мотивы своего обращения к этой теме, он писал: «Мне представлялось, что это время является историческим узлом, связующим старую Русь с новой Россией. Естественным казалось взяться, прежде всего, за этот узел и потом, держась за путеводные нити, расходящиеся из этого узла, или восходить в древнейшие эпохи, или спускаться в новейшие времена».

В основе такого взгляда Платонова лежала мысль С.М. Соловьева о том, что начало новой России следует искать в событиях начала XVII в., что реформы Петра I не были внезапным крутым поворотом в истории страны, а имели корни в событиях Смутного времени. Смута, считал Соловьев, представляла собой последний акт борьбы старых родовых «начал» с новыми государственными, после чего последние восторжествовали окончательно. Свою исследовательскую задачу Платонов видел в том, чтобы вложить в эту формулу «конкретное содержание и на фактах показать, как погибал в Смуте старый порядок и в каких формах возникал новый — тот порядок, в условиях которого создавалось наше современное государство».

В то же время в платоновских «Очерках по истории Смуты» появилась и другая линия исследования, которая отсутствовала у представителей историко-юридической школы и была связана с изучением общественного строя и сословных отношений. В этом сказалось влияние Ключевского, стимулировавшее Платонова искать в «древнерусской жизни движение и борьбу идей ... конкретных отношений общественного верха и низа, господ и управляемой массы, труда и капитала (т. е. отношений землевладельцев и зависимого от них крестьянства. — Н.Р.)». В своем исследовании Смуты он опирался на мысль Ключевского о том, что в основе Смуты лежала социальная рознь, порождаемая тягловым строем Московского государства, и что, начавшись с раздора в верхах после смерти Ивана Грозного, Смута в конце концов переросла в открытую социальную борьбу в период восстания И.И. Болотникова.

Платонов подошел к Смуте как к сложному социальному и политическому кризису в стране, истоки и последствия которого далеко выходили за рамки начала XVII в. В его работе тщательно проанализированы географические, демографические, экономические, социальные факторы и условия, в которых развивались события Смуты. Во вступительной части «Очерков по истории Смуты» ученый, опираясь на труды своих предшественников, впервые в русской историографии XIX в. дал всесторонний и обстоятельный обзор географических районов складывающегося государства (Московский центр, Новгородские и

Псковские земли, Поморье, Поволжье, города запада и «Дикое поле»). Он охарактеризовал территорию и управление, географические особенности каждого района, ход его заселения, сельское хозяйство и промыслы, размещение крупного привилегированного землевладения, возникновение поселений, городов, характер торговли и т. д. По словам академика М.Н. Тихомирова, это был «своего рода краткий очерк исторической географии России XVI в., написанный с большим знанием дела».

Характеристика местных отличий Московского государства позволила Платонову представить реальную обстановку, в которой развивались те или иные события Смуты, объяснить характер поведения населения различных областей.

Истоки русской Смуты Платонов видел в остром социально-политическом кризисе, который переживала страна во второй половине XVI в. С середины этого столетия Московское государство вступило в полосу внешних войн. Для ведения войны и обороны новых рубежей государства правительство в 1570—1580-е гг. резко увеличило численность служилого сословия, главным обеспечением которого была земля и «обязанный» труд крестьян, сидевших на этой земле. В связи с этим шла массовая и беспорядочная раздача в частные руки черносошных и дворцовых земель. Это ухудшило положение населения, сидевшего на этих землях, и вызвало массовое бегство его на южную окраину государства. Рассматривая меры правительства по «укреплению» крестьян, процессы экономического закабаления крестьян их владельцами, Платонов впервые в отечественной историографии поставил проблему формирования крепостного права и усиления феодального гнета как непосредственной предпосылки и движущей силы развития Смуты.

Рука об руку с кризисом социальным развивался и кризис политический, связанный с политикой опричнины Ивана Грозного. Платонов предложил новую трактовку опричнины. В отличие от своих предшественников он увидел в опричнине «определенный план и систему действий» и охарактеризовал ее как «государственный переворот». В опричнине, считал ученый, отразились противоречия между «боярами-княжатами» с их родовыми вотчинами и удельными традициями и стремящейся к единодержавию царской властью. В ней отразилась также борьба между мелкими землевладельцами (служилые люди) и крупными вотчинниками (бояре и монастыри) за землю и крестьянский труд. Трактую опричнину, историк перенес основное внимание с террора и сыска по делам о боярской измене на перетряску боярского землевладения, с которым он связывал политическую роль княжат и бояр в государстве, считая их, вслед за Ключевским, «правлящим классом» московского общества. Изучив территорию, взятую в опричнину, Платонов пришел к выводу, что Грозный почти сполна конфисковал и собрал в опричном управлении старые удельные земли. Опричнина «сокрушила землевладение знати в том его виде, как оно существовало из старины, — писал Платонов. Посредством принудительной и систематически произведенной мены земель она уничтожила старые связи удельных княжат с их родовыми вотчинами везде, где считала необходимым, и раскидала подозрительных в глазах Грозного княжат по разным местам государства, преимущественно по его окраинам, где они превратились в рядовых служилых землевладельцев». В опричнине, считал Платонов, «произошел полный разгром удельной аристократии... Политическое значение класса было бесповоротно уничтожено, и в этом заключался успех политики Грозного».

Сложные социальные процессы, вызванные опричниной и войной, привели к тому, что «в срединных и южных областях государства не было ни одной общественной группы, которая была бы довольна ходом дел. Здесь все потрясено внутренним кризисом и военными неудачами Грозного, все потеряло устойчивость и бродило пока скрытым внутренним брожением...».

Исследуя процесс развития Смуты, Платонов сумел увидеть многие внутренние причинно-следственные связи между событиями и явлениями, в которых сложно переплетались династические, социальные и международные конфликты, сделать много ценных конкретных наблюдений.

В развитии Смуты Платонов выделял три крупных периода. Первый период (династический), который фактически был подготовлен опричниной Грозного, начался со смертью в 1598 г. царя Федора Иоанновича. Его содержанием была борьба за московский престол между боярскими родами Годуновых, Романовых и князей Шуйских. Завершился этот период воцарением В.И. Шуйского, который соединил вокруг себя остатки княжеской московской аристократии, уцелевшие от опричнины Грозного и режима Годунова.

Второй период (социальный) характеризовался вовлечением в династическую борьбу воинских масс, пытавшихся реализовать свои социальные устремления. Движение И.И. Болотникова Платонов рассматривал как открытую борьбу «низших слоев населения против высших, неимущих и обездоленных против богатых и знатных», имеющую своей целью «произвести общественный переворот в смысле низвержения крепостного порядка». Этот период, осложненный вмешательством в московские дела польского короля Сигизмунда, закончился «полным распадом старого порядка».

Содержанием третьего периода (национального) были попытки восстановления разрушенного государственного порядка. Он завершился победой коалиционных сил дворянства и казачества, очистивших Москву от польско-литовских интервентов, созывом Земского собора 1613 г. и избранием на престол Михаила Романова.

В своем исследовании Смутного времени Платонов во многом опирался на Ключевского. Это нашло отражение в его стремлении рассматривать события Смуты сквозь призму социальной борьбы, в попытке выделить социальные и национально-освободительные аспекты ее истории, в принятой им периодизации. И все же выводы, к которым пришел ученый в результате анализа источников, оказались отличными от выводов его предшественника. Ключевский считал, что прекращение Смуты, питавшейся «рознью классов земского общества, стало возможным в результате их примирения и соединения». Иными были выводы Платонова. Важнейшим результатом Смуты он считал изменение «социального режима» в стране: «Верх и низ московского общества проиграли войну, а выиграли ее средние общественные слои». В ходе Смуты произошел окончательный разгром боярства, потерпело поражение казачество. Опорой новой династий стали консервативные слои населения в лице служилых людей и тяглых посадских общин. Именно в их интересах проводилась внутренняя политика правительства Романовых в первое время после Смуты. Более всего выиграли служилые люди. Смута ускорила подчинение им крестьянства, более прочным стало их положение в качестве владельцев поместий, а с разгромом боярства они получили возможность продвигаться по службе и принимать все большее участие в делах государственного управления.

Таким образом, по мнению современного историка В.С. Брачева, Платонов не просто развивал концепцию Смуты Ключевского, а на ее основе разработал самостоятельную концепцию Смутного времени. Творчество Платонова оказалось плодотворным для последующего развития отечественной историографии. Его труды так или иначе оказывали влияние на работы советских историков, исследующих различные аспекты социально-политической истории России XVI—XVII вв. Между тем долгое время после смерти Платонова его сочинения почти не издавались, а в историографических работах ему не уделялось должного внимания. В советской историографии ему давались различные, порой взаимоисключающие оценки. Большинство авторов считали его историком-монархистом, выразителем «идеологии реакционного дворянства», некоторые исследователи относили его к «либерально-буржуазному направлению» в русской историографии.

Серьезный интерес к Платонову появился в 80-е гг. XX в., когда стали интенсивно публиковаться труды ученого, архивные материалы, историографические исследования (работы В.А. Шарова, В.С. Брачева, А. А. Чернобаева, Е.В. Чистяковой, А.А. Цамутали и др.). Освоение сохранившегося колоссального архива Платонова позволит историографам подробнее и глубже исследовать жизнь и труды этого выдающегося русского историка.

Источники

- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.
- Платонов С.Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. М., 1999.
- Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995.
- Платонов С.Ф.* Русская история. М., 1996.
- Платонов С.Ф.* Сочинения по русской истории. СПб., 1993.
- Платонов С.Ф.* Учебник русской истории. М., 1993.
- Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. М., 1892.
- Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т.1.
- Кизеветтер А. А.* «Евразийство» (1925)//Антология «Мир России — Евразия». М., 1995.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. М., 1997.
- Корнилов А.А.* Воспоминания// Минувшее. М., СПб., 1992.—Вып.11.

Литература

- Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н.* Сергей Федорович Платонов//Академическое дело 1929— 1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.
- Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова// Вопросы истории. 1989. №5.
- Брачев В.С.* Сергей Федорович Платонов// Отечественная история. 1993. № 1.
- Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. 4. I—II. СПб., 1995. Рецензии на кн. См.: Отечественная история. 1998. № 3.
- Фукс А.Н.* Историчность наследия// Платонов С.Ф. Лекции по русской истории, М., 1993.
- Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992.
- Думова Н.Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993.
- Медушевский А.Н.* П.Н. Милюков: ученый и политик // История СССР. 1991. №4.
- Левандовский А.А.* Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А. Корнилов. М., 1982.
- Левандовский А.А.* Крестьянская реформа 1861 года в работах А.А. Корнилова//Проблемы истории СССР. М., 1976.—Вып.5.

Модуль 4. Особенности развития исторической науки в к. XIX — нач. XX вв.

Лекция 1

4.1. Марксистская концепция истории России

Историки востребовали раньше, чем философы, марксистскую концепцию, поскольку понимали ее как учение «экономического материализма». Так историки оказались в числе тех, кто заинтересованно поддержал социологические идеи Маркса. При этом самым актуальным для исторической науки был вопрос о степени универсальности и общеобязательности предложенной Марксом теории именно в контексте реального исторического процесса. Актуален был этот вопрос и для отечественной социологии. Так появилось знаменитое письмо Маркса в журнал «Отечественные записки»: «Моему критику угодно было мой очерк истории происхождения западноевропейского капитализма превратить в целую историко-философскую теорию исторического пути народов, роковым образом предначертанного для каждого из них, каковы бы ни были условия его исторического бытия. Но я прошу извинить меня: такое толкование для меня одновременно и слишком почетно и слишком постыдно».

Н.И. Бухарин в своей автобиографии так высказался о причинах приобщения к марксизму, о причинах выбора именно теории экономического материализма: «Случайно мне в это время подвернулась знаменитая «лекция об Антихристе» Владимира Соловьева, и одно время я колебался, не антихрист ли я», и далее: «Сперва занятия экономической теорией произвели на меня тяжелое впечатление: после «высокого и прекрасного» — «товар — деньги — товар». Но войдя *in medias res* (в самую суть. — Г.Н.) марксистской теоретики, я почувствовал ее необычайную, логическую стройность. Должен сказать, что, несомненно, именно эта черта повлияла на меня больше всего».

Это признание обнаруживает тот путь, который проходила молодежь вместе с отечественной мыслительной традицией, путь либо от идеализма к марксизму, либо от марксизма к идеализму. В сфере общественно — политической это был период бурной полемики между марксистами и народниками. Как известно, он завершился политическим антагонизмом. От экономического материализма отошли «легальные» марксисты. Но очевидно, марксизм привлекал молодые умы не только своей ярко выраженной логикой, но и устремленностью на соединение теории и практики. Социализм был понят как заложенный в самом бытии естественный результат исторического процесса, естественный предел социального развития.

Оценивая исторические концепции марксистов, в том числе и первых историков-марксистов, нельзя упускать из вида тот факт, что Октябрьская революция совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков. Это не могло не повлиять впоследствии на распространение ленинских исторических концепций. Победа на политическом поприще стала знаком, подтверждающим верность теории. Марксизм получил статус государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой. Поэтапно термин «экономический материализм» вытесняется понятием «исторический материализм», а затем и «диалектический материализм». Марксизм вышел за пределы социологии как положительной науки, ибо охватил собой не просто изучение явлений окружающего мира, но занялся решением общих гносеологических и онтологических вопросов в материалистическом ключе. Логика такова: основа бытия материальна, следовательно, экономика — основа общественного бытия. Диалектика материализма интерпретируется не только как метод мышления, но и как основной закон объективного развития.

Исторические воззрения Г.В. Плеханова

Выступление Георгия Валентиновича Плеханова в 1895 г. под псевдонимом Бельтова положило начало экономического материализма в России. Речь идет о его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Далее были работы «Несколько слов в защиту экономического материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), «Нечто об истории» (1899); в 1908 г. он очень кратко изложил основы своего социологического подхода в работе «Основные вопросы марксизма».

Стилю Плеханова (1856 — 1918) присущ резкий полемический тон. Потому, читая его работы, надо с осторожностью воспринимать изложение им взглядов оппонентов. Так, к примеру, по вопросу о роли личности в истории Плеханов полемизировал с якобы присущей субъективной социологии точкой зрения о противопоставлении деятельности критически мыслящей личности и законов общественного развития. В действительности такого противопоставления не было. Речь шла о противопоставлении сознательной целеустремленной деятельности стихийному ходу вещей.

Изучение же самих взглядов Плеханова на историю неизбежно должно сопровождаться пониманием пафоса защиты идей экономического материализма. Так и при анализе роли личности в истории Плеханов считает своим долгом подчеркнуть, что марксизм не отрицает сознательного целенаправленного действия людей: «... общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, то есть масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом, открывается простор для деятельности отдельных личностей».

Выходит, что личности благодаря данным своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительным, но как сама возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением в нем общественных сил.

Плеханов жестко и определенно формулирует свое кредо марксиста при оценке роли базисных явлений в истории, отводя должное место и географическому фактору: «Свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом, между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека». Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил. Таким образом... между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека». Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил», то «изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика». Так меняется способ производства. Такова схема накопления количественных признаков и перехода их в качественные. «Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему». Плеханов обнаруживает некоторую последовательность в действии выявленной закономерности: 1. состояние производительных сил, 2. обусловленные им экономические отношения, 3. социально-политический строй, выросший на данной экономической основе, 4. определяемая социально-политическим строем психика общественного человека, 5. различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики.

Плеханов — крупнейший теоретик марксизма. Он применял теорию экономического материализма к рассмотрению таких «идеологических надстроек» над «экономическим базисом», как религия, искусство, литература. Особый интерес с этой точки зрения представляет его фундаментальный исторический труд «История русской общественной мысли». Плеханов приступил к его написанию в 1909 г., завершить же так и не успел. Сама структура работы, в которой сначала дается очерк развития русских общественных отношений, а затем раскрывается движение общественной мысли, уже служит пониманию концепции автора.

Общеметодологические установки Плеханова сохраняются и в этом историческом труде. В качестве основного исследовательского метода он называет сравнительный, но подчеркивает, что применение этого метода в его понимании означает выявление не только черт сходства, но и черт отличия одного исторического явления от другого.

Отталкиваясь от традиционного в российской исторической литературе сравнения России и Запада Плеханов считает нужным подчеркнуть, что, «не будучи вполне своеобразным, русский исторический процесс все-таки отличается от французского некоторыми весьма важными чертами. И не только от французского. В нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития восточных деспотий». Так Плеханов выбирает вторую точку отсчета. Россия в ее историческом развитии размещается между Западом и Востоком. Колебание ее истории склоняется то в одну, то в другую сторону: «Чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, — и наоборот».

Исторические эпохи истории России по концепции Плеханова отличаются по их преимущественной родственности Востоку или Западу. Так, Московское царство ассоциируется с Востоком: «Надо думать, что если бы ожила мумия какого-нибудь «холопа» или дьяка, — scribe, как выражаются французские египтологи, — одного из египетских фараонов, скажем XII династии, и совершила путешествие в Московию, то, в противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения москвитян к верховной власти весьма близки к тому, что существовало на ее далекой родине, именно таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране».

Разумеется, что при таком подходе вся деятельность Петра и последующая история России — это борьба с азиатчиной, с Россией Востока: «В конце XVII, в XVIII и в XIX столетиях, — не до Р.Х., а после него, необходимо было усвоить культуру европейского Запада или пойти назад, склониться к упадку и разложению». Заимствования с Запада были окружены азиатской обстановкой. Это определяло и ход, и темпы преобразований. И в итоге: «Говорил или не говорил Петр, что Россия со временем должна будет повернуться «задом к Европе», — ясно, что в настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить так».

И все же Плеханов допускал и варианты общественного развития и в обозначенном контексте: «Вся последующая история нашей общественной мысли определится взаимными классовыми отношениями пролетариата и буржуазии. В ходе развития этих отношений на «восточной равнине». Европы опять будут, конечно, свои относительные особенности, которые вызовут относительные особенности духовного развития. Бесполезно гадать теперь как о тех, так и о других».

Что же определяет глубину и характер освоения Россией привносимых влияний? Все привносимые в Россию с Запада формы и идеи определяются в конечном итоге тем содержанием, которое дают им общественные классы России. Так просветительские идеи XVIII в. под влиянием состояния мещанского сословия, которое их восприняло, обернулись мистикой розенкрейцеров. Об Н.И. Новикове и его эволюции Плеханов высказался вполне определенно: «Он громко и восторженно пел замогильную песню, а более или менее

образованные разночинцы с удовольствием слушали ее и дружным хором подхватывали ее кладбищенский припев. Трагедия, которую мы видим здесь, была трагедией не отдельных лиц, а целого общественного слоя. Настроение, овладевшее Новиковым, оказалось соответствующим настроению весьма значительной части европеизованного «мещанства».

Размышляя об общественной мысли, выраженной в «изящной» литературе, Плеханов опять ставит проблему зависимости форм общественного выражения от состояния общественных классов: «Но надо помнить, что содержание отстаёт от формы не тогда, когда литература только еще начинает развиваться, а тогда, когда она уже склоняется к упадку — чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются».

Итоговый вывод, который находим в предисловии к труду, звучит парадоксально с учетом той системы приоритетов, к которым мы привыкли: «Мой анализ привел меня к тому выводу, что нелогичность, нередко проявляемая русскими идеологами, объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития. Как ни парадоксален на первый взгляд этот вывод, я считаю его совершенно неоспоримым». В конечном итоге в окончательном виде все зависит от состояния и особенностей социальных групп и классов, данных нам историческим развитием. Правда, есть еще и психология эпохи: «Но чтобы правильно судить о тогдашних явлениях, необходимо принимать во внимание психологию тех эпох, к которым они относятся».

Взгляды Плеханова на историю России дали ему основания для заключения о перспективах революционного преобразования, в принципе могущих изменить линию судьбы, намеченную Петром: «Если не будет объективных предпосылок для социалистической революции, то правительство вынуждено будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося лишь те изменения, что вместо «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста».

Исторические взгляды Плеханова, изложенные им в «Истории русской общественной мысли», были с большой долей скепсиса встречены его соратниками по политической борьбе. Из отзыва Троцкого: «Это труд в теоретическом отношении далеко не безупречный: соглашательские и патриотические тенденции плехановской политики... успели, по крайней мере частично, подкопать даже его теоретические устои. Запутавшись в безысходных противоречиях социал-патриотизма, Плеханов начал искать директивы вне теории классовой борьбы — то в национальном интересе, то в отвлеченных этических принципах. В последних своих писаниях он делает чудовищные уступки нормативной морали, пытаясь сделать ее критерием политики («оборонительная война — справедливая война»). Во введении к своей «истории русской общественной мысли» он ограничивает сферу действия классовой борьбы областью внутренних отношений, заменяя ее для международных отношений национальной солидарностью». Исторический материал окрасил социологические концепции Плеханова в цвета, чуждые классовой поэзии Троцкого. И это, скорее всего, неизбежное следствие реализации социологии на конкретно-историческом эмпирическом уровне.

В.И. Ленин и историческая наука

Не случайно Плеханов был назван и учителем Владимира Ильича Ульянова (Ленина) (1870-1924). Ленин как вождь и политический деятель достиг величайшего практического успеха. Ленин стал историей. Это предопределило интерес к его историческим концепциям. Этапы освоения ленинского теоретико-методологического наследия являются самостоятельной научной темой. Тема «В.И. Ленин советская историческая наука» может быть рассмотрена самостоятельно именно в силу того значения, которое имело его теоретико-методологическое наследие на разных этапах развития советской исторической науки, зачастую определяя тенденции этого развития.

Ленин был не только теоретиком, но и практиком общественной жизни, публицистом. Сами социологические и исторические вопросы ставились и решались Лениным в

постоянной связи с текущими событиями, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии, тактики и технологии. Потому и основные вехи в изложении его взглядов связаны с общественными реалиями. Так, впервые его взгляды были изложены в связи с полемикой с народниками. В основу его социологии изначально была положена не личность, а социальная группа. Уже на том этапе, выступая солидарно с «легальными» марксистами, он внутренне расходится с объективизмом П.Б. Струве. «Что есть идеал для марксиста?» — задает он вопрос. И отвечает: «Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с современной наукой и современными нравственными идеями, а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порожаемое такими-то общественными отношениями...»

Это был этап защиты социологии марксизма, затем был этап защиты философии марксизма. И в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин формулирует: «Материализм вообще признает объективно-реальное бытие (материю), независимо от сознания, ощущения, от опыта и т.д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение». Защита экономического, теперь исторического материализма приобрела еще одну важную сторону. Это признание старого партийного характера этого учения и вообще всей материалистической философии. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Третий этап теоретической деятельности Ленина связан с революцией. Здесь возникает тема революции и государства, а также многое другое. И все же в заключении к работе «Государство и революция» он напишет, выразив суть своего жизненного призвания: «Приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать».

В трудах Ленина учение об общественно-экономических формациях неразрывно органически соединено с классовым анализом исторического процесса и партийностью в его оценке. Он применил к истории России метод, выработанный основоположниками исторического материализма. Ленин видел задачу в том, чтобы, «пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию».

Ленин интегрально и ортодоксально воспринимал марксизм. Потому мы и можем говорить о ленинизме. Речь идет о таких сторонах учения, как материализм и диалектика, экономическое объяснение истории, сведение истории к борьбе классов, теория ценности, учение о социальной революции, о диктатуре пролетариата, коммунизм и интернационализм. Ленин, применив теорию исторического материализма, пришел к выводу, что русская история развивалась в соответствии с общими закономерностями всемирной истории. Именно потому, что Ленин был, прежде всего, политиком, его интерес к русской истории был достаточно избирателен и коррелировал с его политическими взглядами и методологическими установками.

Впервые в исторической науке Ленин с марксистской позиции проанализировал весь процесс формирования и развития капиталистических отношений в России. Классическим следует в этом отношении считать его труд «Развитие капитализма в России» (1895). Сама работа была рождена необходимостью ответить по марксистки на ряд вопросов, связанных с теоретической борьбой с народниками по вопросу о рынке и о развитии капитализма.

Ленин выдвигает свои критерии для определения форм товарного производства, показывает сложное переплетение крепостнических и капиталистических отношений в экономике пореформенной России и приходит к выводу, что Россия — страна капиталистическая. Применение марксистского метода при оценке социально-экономического развития России в конце XIX в. поставило задачу обращения и к более ранним этапам исторического развития для утверждения выявленной закономерности.

Так, занимаясь проблемами развития и функционирования государственного аппарата, он пытался проследить его становление как общественного института. Кроме того, среди исторических сюжетов его привлекала проблема вызревания внутри феодального строя капиталистических отношений. Ленин отмечал, что основной процесс социально-экономического развития «московского царства» представлял собой закрепощение крестьян — «помещики и монастыри принимали крестьян из разных мест». Однако, по его мнению, в целом степень государственного единства была в то время такова, что «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т.д.».

«Московскому царству» Ленин противопоставлял «новый период русской истории (примерно с XVII века)», который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных». Итак, в соответствии с ленинскими взглядами, действительное единство страны, которое возникло на основе роста общественного разделения труда, рыночных связей, возникает лишь в новый период истории, примерно с XVII в., когда наметился рост буржуазных элементов, который выразился, как это было характерно, по его мнению, для начальных этапов генезиса капитализма вообще, в росте торгового капитала.

Вообще представляется интересным, что именно Ленин понимал под «централизованным государством». В 1907 г. он писал о «капиталистическом государстве, которое централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреодолимых требований экономического развития». Таким образом, Ленин говорит о различных типах централизации: тех, которые держатся на силе и произволе бюрократии, феодальных, и основанных на экономическом развитии, капиталистических. Но и этот, последний, тип централизации тоже, по Ленину, еще не высший. В 1910 г. Ленин писал о том, что «в России дело идет только еще о создании современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом)... Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены». Подлинно централизованное государство возможно только в будущем.

Ленин считал, что при любых условиях централизованное крупное государство «есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству». Эта идея противопоставления самодержавного, чиновничьего, бюрократического государства и централизованного, буржуазного, которое возникает в эпоху падения абсолютизма, просматривается во многих ленинских работах. Вообще следует особо отметить, что Ленин не употреблял применительно к «московскому царству» термин «централизованное государство».

В центре внимания Ленина находились проблемы революционного движения в России. Особое внимание было уделено пролетарскому этапу движения. Ленин дал оценку предпосылок, характера, движущих сил российских революций. При этом революционные события и процессы в истории рассматривались как мощный творческий импульс. Именно в контексте анализа объективных возможностей революционного преобразования России была оформлена концепция империализма как монополистического капитализма, как высшей стадии капитализма.

Влияние идей марксизма на развитие исторической науки

Марксистские концепции университетских и академических ученых выглядят в дореволюционный период несомненно бледнее, чем концепции их последователей и теоретиков марксизма. Но сам факт создания этих концепций, сознательной их пропаганды в научной и учебной среде не может не вызывать интереса. Для исследования истории народного хозяйства России имели значение концепции экономиста Петра Петровича Маслова (1867—1946). Он был редактором известного в истории общественного движения издания «Самарский вестник». Внимание Маслова было сконцентрировано на учении о развитии производительных сил как основы роста народного хозяйства. Ученый размышлял о влиянии этого развития на разные формы и типы хозяйства и на перераспределение производительных сил между разными отраслями производства. Именно этому был посвящен его «Курс истории развития народного хозяйства от первобытных времен до XX столетия» (СПб., 1914).

Историки, занимавшиеся научной и педагогической деятельностью в конце XIX в., в массе своей неоднозначно относились к социологическим моделям и схемам. Сказывалась и логика развития научно-исторического знания и особенности теоретико-методологических исканий рубежа XIX—XX вв. Очевидно, что историки не стремились к какой-либо общей теории исторической эволюции. На историко-филологических факультетах и не было систематического преподавания общей философии истории, но зато существовала историческая методология в более узком смысле — теория исторического знания: учение об источниках, критика их подлинности, достоверности, вспомогательные дисциплины и пр.

С началом освоения частью историков идей экономического материализма разъединение в известном смысле прекратилось, и все историки были втянуты в изучение проблем философии истории. Мы имеем дело с прямым воздействием определенной социологической доктрины на историографию. Не надо думать, однако, что историки, подводя под общественный строй экономический базис, находились тогда под непосредственным влиянием Маркса. Речь шла о признании важности экономической теории вообще.

Во второй половине XIX в. нельзя уже было ограничивать применение политэкономических подходов только при изучении новейшей истории. Сама жизнь обнаруживала хозяйственную подпочву исторического бытия и развития. Но историки, так размышлявшие, не теоретизировали на этот счет, не обнаруживали свои принципы относительно экономического материализма. Хотя очевидно, что экономический материализм В.О. Ключевского, например, имеет ярко выраженную этико-психологическую подоплеку: «В ветхом и пыльном свитке самого сухого содержания, в купчей, закладной, заемной, меновой или духовной, под юридической формальностью иногда прозвучит нравственный мотив, из-под хозяйственной мелочи блеснет искра религиозного чувства, — и вы видите, как темная хозяйственная сделка озаряется изнутри теплым светом, мертвая норма права оживает и перерождается в доброе житейское отношение, не соответствующее ее первоначальной природе».

«Легальные марксисты» и их взгляды

Термином «легальный марксизм» в историографии принято называть идейно-политическое течение в среде революционной интеллигенции, сторонники которого активно выступали в легальной прессе России второй половины 1890-х — начале 1900-х гг. (отсюда их название). Кризис народничества и голод 1891—1892 гг., показавший необоснованность надежд на общину как основу нового строя, и неспособность самодержавия контролировать экономическую ситуацию в деревне, поставили революционную интеллигенцию перед необходимостью коренной идейной переориентации.

В русской общественной мысли благодаря трудам популяризаторов марксистской теории Н.И. Зибера, Г.В. Плеханова и деятелей группы «Освобождение труда» к началу 1890-х гг. уже был поставлен вопрос о закономерности капиталистического развития России

и сделаны выводы о революционной миссии пролетариата. Марксистские идеи изучались в рабочих и студенческих самообразовательных кружках. Влияние марксизма испытало народничество 1880-х гг., однако в 1893—1894 гг. народнические публицисты выступили с критикой «русских учеников Маркса».

В 1894 г. вышла из печати работа П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», ставшая одной из настольных книг русских марксистов, в которой впервые в русской легальной печати излагалась система марксистских взглядов в противопоставлении народническим, в ней показывалось, что развитие капитализма в России — объективная историческая тенденция. Капитализм представлялся Струве средством уничтожения общины как пережитка крепостничества, преодоления отсталости и «некультурности» России, выравнивании общественного неравенства.

В 1896—1897 гг. вокруг журналов «Новое Слово», «Мир Божий» и газеты «Самарский вестник» сложилась группа марксистских писателей и издателей, связанных с социал-демократическими организациями: П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков и др. С ними тесно сотрудничали Г.В. Плеханов и В.И. Ленин. Центральным событием в идейной борьбе между марксистами и народниками стала дискуссия в Вольном экономическом обществе (Петербург, март 1897 г.), в которой Струве и Туган-Барановский с марксистских позиций доказывали, что полукрепостнические отношения в российской деревне являются тормозом развития общества.

Главным вопросом в полемике стал так называемый «вопрос о рынках». Полемизируя с народниками, считавшими, что неконкурентоспособность русской промышленности на внешних рынках и ограниченность внутреннего рынка ведет к исчезновению ростков капитализма в России, марксисты доказывали, что капитализм создает рынок, прежде всего в кустарном производстве, и имеет в России такие же возможности для развития, как и в США («Критические заметки...» Струве, статьи Ленина «К вопросу о рынках» и др., работа Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве»). В полемике с народниками на конкретном историческом материале (Туган-Барановский, «Русская фабрика», 1898) была показана неизбежность капитализации вширь через окончательное отделение ремесла от земледелия.

Обосновывая значение пролетариата, «легальные» марксисты вслед за Плехановым противопоставляли город и деревню как начала цивилизации и косности, зачастую фаталистически трактовали ход истории и преувеличивали зрелость предпосылок социализма в России, доказывая общность путей ее развития с Западом. Они утверждали неисчерпанность резервов капитализма и необходимость эпохи буржуазной демократии для достижения социалистических целей. «Легальные» марксисты широко использовали выводы современной им науки.

По мере завершения борьбы с народничеством (1896—1898) их теоретическая деятельность была перенесена из области экономики в область философии. Признавая и пропагандируя экономическое учение Маркса, они не являлись последователями его учения в области философии, занявшись поиском этического фундамента социализма. Попытки «легальных» марксистов соединить марксизм с идеализмом стали предметом активной полемики между марксистами.

С 1899 г. началось формирование «критического направления» в марксизме (Струве, Туган-Барановский, Булгаков), выступившего с пересмотром марксистской политэкономии, теории социальной революции и классовой борьбы. Одновременно Струве заявил о необходимости широкого, в том числе идеалистического, обоснования социализма. На рубеже XIX и XX вв. к «легальным» марксистам примкнули Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, А.С. Изгоев и др.

Важной вехой становления движения было приобщение к теории экономического материализма и к идеям К. Маркса. Итогом стала оценка марксизма как религиозной доктрины. Теории Маркса были определены как вариант иудейского хилиазма, когда избранный народ заменяется избранным классом — пролетариатом. Именно из религиозной

сущности марксизма проистекает его нетерпимость к инакомыслию. Претензии марксизма на универсальность выводились отечественными мыслителями не из его субъективной стороны, а из объективно-религиозного характера его учения. С этим связывалась и необходимость следовать раз принятым принципам, и вера в социальный катаклизм как необходимость, и слитность цели и средства в самом учении.

Вместе с тем из анализа учения Маркса исходила и высокая оценка его роли в развитии общественного движения в России. Марксизм помог увидеть общественные явления в единстве, преодолеть субъективную социологию, поставить вопрос о развитии капитализма в России. Таким образом, марксизм обеспечил мощнейший рывок в общественной идеологии. Он помог пониманию зависимости социального развития от экономических феноменов, разъяснив значение социальной материи, экономических отношений, общественного хозяйства и социального способа производства. Столь высокая оценка социологии и теории марксизма стала основанием и для характеристики опасных сторон его системы. Опасность виделась в постановке вопроса о цене прогресса, в стремлении распространить закономерность на область идей, стремлений, идеалов, эмоций. В этом стремлении виделась духовная сущность марксизма.

П.Б. Струве считал, что в конечном итоге идеи Маркса о классовой психологии являлись «выражением вовсе не действительности, а лишь страстного желания остановить движение мысли на одной его ступени, своей обязательной стройностью и законченностью, производящей какое-то гипнотизирующее действие. Кроме того, в корне его лежит несостоятельная а priori и убийственная одинаково и для теории, и для практики мысль о какой-то единообразной зависимости между практическим и теоретическим мирозерцанием. Такой зависимости нет и быть не может. Связь между научно-философским пониманием, с одной стороны, и практическими воззрениями на общественно-должное, с другой стороны, представляет чрезвычайно важный предмет индивидуальной и социальной психологии».

Преодоление марксизма осуществлялось на базе традиционных философско-религиозных умозрений. Эти умозрения дают основания и для пророчеств относительно результатов принятия марксизма в качестве мировоззренческой основы исторического бытия России: «Очевидно, что на голом классовом интересе можно воспитать новую буржуазию, но нельзя основать великого исторического движения» (Булгаков). В этом же духе выскажется позже Бердяев: «Русский народ, ныне переживающий кровавый бред и неслыханную тиранию, может устроиться, приобрести твердую почву, получить внешние права и свободу, может отдать свои силы строительству и организации цивилизованной жизни и обмещаниться и обуржуазиться». Но вопрос в том, сохранит ли он свои духовные черты?

Социально-экономические взгляды

Содержание социальных категорий, к оценке которых прибегают христианские социалисты, не совпадает с социологически привычными. К примеру, мещанство есть в первую очередь, и главным образом отрицание яркой, творчески оригинальной личности. Такие определения социального связаны с тем, что русской этике не свойственны экономически продуктивные добродетели.

Поскольку в истории виделись именно идеальные цели, понятие прогресса заменялось в выработанной христианскими социалистами доктрине понятием «смысл истории». Христианство — спасение мира в смысле сохранения всех истинных ценностей, когда-либо созданных в этом мире. В этом и заключается подлинный эволюционизм, признающий подлинную значимость исторического в смысле истории.

Христианские социалисты отрицали вслед за предшественниками рационалистическое понимание хозяйства, говорили о политэкономии как прикладной этике и ставили вопрос о «христианской политэкономии». В этом явно проступала связь с этической или исторической школой в экономической науке. Вместе с тем было и

существенное различие. Материальное освобождение из-под власти природы воспринималось как условие для духовной жизни. Провозглашалась самоценность человеческой личности и делалось однозначное заключение о несовпадении ее интересов с органическими принципами капитализма. Хозяйственная необходимость соотносилась с правом человека на выбор форм хозяйственной деятельности. Осмысливали христианские социалисты и понятие «духовная атмосфера эпохи». В этом контексте они ставили вопрос о духовном состоянии, этических установках и поступках собственника.

Социально-экономическая доктрина, сформулированная христианскими социалистами, имеет определенную стройность и завершенность. Христианские социалисты были принципиально не согласны с постулатом о детерминированности сознания преобладающим способом материального производства. Они исходили из того, что корни экономического поведения находятся в сфере сознания и культуры, и доказательство тому видели в способности людей выносить самые крайние материальные невзгоды во имя идей, существующих исключительно в сфере духа. Христианские социалисты отрицали прогресс как движение по некоторой прямой к цели, мыслимой вполне материально. Такая постановка вопроса означала для них ограниченный позитивизм, утративший чувство трагизма жизни.

Носители идей христианского социализма не верили в возможность устранения зла и противоречий жизни через материальное, социальное развитие. С.Н. Булгаков видел в теории прогресса обусловленный преклонением перед эмпирическим человечеством идею «унавоживания прошлыми поколениями гармонии грядущих». Н.А. Бердяев скажет об этом же по-другому: кучка людей, счастливо устроившихся на груди наших трупов, не может быть нашей целью. Итак, они ставили проблему господства идеальных целей в истории, тему стоимости будущей гармонии, тему смысла истории. Прогресс — движение от сущего к должному, а в развитии человека — должное — это духовные ценности. О сохранении всех подлинных ценностей, когда-либо созданных в этом мире, и следует беспокоиться.

Пафос исторических концепций христианских социалистов направлен против тех рационалистических экономических теорий, которые пришли в Россию из Западной Европы. Истоки экономизма они видели в гуманистической культуре, поставившей человека в центр философии, что означало на низах культуры превращение гуманизма возрождения в мелкий наивный мещанский эгоизм. Этим маленьким человеком и занялась политэкономия со времен Давида Рикардо.

В центр политэкономии христианские социалисты ставят этические запросы современного человечества и, таким образом, превращают эту науку в прикладную этику. Философия хозяйства, которую создавал С.Н. Булгаков, фактически теряла какую-либо автономию в качестве научной дисциплины и связывала воедино научное, философское и религиозное познание. С этой точки зрения политэкономия призвана обнаруживать требования социальной морали. В концепциях христианских социалистов экономические факты получили религиозное освещение. В своих работах они исследовали этический элемент, присутствующий в труде, его отражение в сознании русского крестьянина, в хозяйственной жизни монастырей и др.

Одним из важнейших факторов хозяйства они считали религиозное самоопределение личности. Из чего следовало, что экономическая доктрина, наука должна брать в расчет не только объективно присутствующую в хозяйстве необходимость, но и свободу, заложенную в творчестве человека. Носители идей христианского социализма много говорили о необходимости исторического психологизма, позволяющего выделить духовную атмосферу эпохи, психологию хозяйственных эпох, уловить динамику в смене хозяйственных мировоззрений. Именно в этом историческом контексте предлагались классификации хозяйственных систем. Так, М.И. Туган-Барановский разделил все хозяйства на гармонические и антагонистические, исходя из того, в каком подчиненном или свободном положении находится в них непосредственный производитель, является ли человек целью или средством хозяйственной деятельности.

При оформлении концепций было отчетливо выражено понимание того, что движение к осуществлению идеальных целей может быть только эволюционным. В центре оказывались проблемы исторической эволюции традиционных российских социально-хозяйственных форм. Острейший интерес был проявлен к судьбам крестьянского хозяйства, целый ряд наблюдений касался самых разных форм организации труда. Христианскими социалистами была выработана идеалистическая критика капитализма. Главным противоречием этого строя, превращающим его в тормоз для раскрытия духовных, творческих сил человека, признавалось противоречие между производством как средством удовлетворения человеческих потребностей и как целью в себе ради создания капитала. Проявление личности в хозяйстве — вот стержень исторических концепций христианских социалистов. Изучение субъективно-психологических сторон, складывание спроса и предложения на рынке, рыночная стоимость как равновесие субъективных человеческих устремлений — центр теории ценностей М.И. Туган-Барановского. В социальной теории распределения особый вес был придан социальным факторам хозяйства. Было подвергнуто критике упрощенное понимание труда, обоснована равнозначность экономически непроизводительного и живого труда. Восприятие лишь физического труда как собственно труда оценивалось как следствие количественного миропонимания.

История русской промышленности

Из изложенных теоретических построений проистекали и подходы к изучению конкретно-исторических явлений. В первую очередь, это русская фабрика. Применяя сравнительно-исторический подход, Туган-Барановский указывал на особенности развития русской фабрики, предопределившие роль скупщика. В этом проступал географический фактор: низкая плотность населения, разбросанность городов, необходимость посредничества между производителем и потребителем.

Исследователи промышленности неизменно подчеркивали роль государства в образовании фабрики. Многие дали сопоставление с английским типом капитализма. Был сделан вывод, что русский капитализм — явление оригинальное, характеризующееся бюрократической опекой, стремлением управлять всей экономической жизнью страны из столиц, тенденцией покровительствовать промышленности средствами, выкачанными из хозяйства экономически закабаленного народа. С.Н. Булгаков негативно оценил тот факт, что индустриализация России проходила за счет сельского хозяйства.

Из всех форм промышленности неизменно особое внимание уделялось кустарной. Подчеркивалась крайняя устойчивость кустарной промышленности, проявлявшаяся вопреки теоретическим доводам о ее нецелесообразности. Туган-Барановский особое внимание обращал на воздействие крупной фабрики на рождение промыслов, зачастую уничтожавших и саму фабрику. Булгаков считал, что закономерно предположить оригинальное развитие русской кустарной промышленности. Из нее могла бы вырасти своеобразная форма народного труда на присущем России соединении промысла и земледелия. В контексте кустарной промышленности изучалась кооперация и такое народное психологическое явление, как артельное начало.

Апологетика кустарной промышленности звучит в словах П.Б. Струве: «Наша национальная промышленность олицетворяется не лаптем, не куском грубого полотна, не примитивным горшком, вымениваемым на просо, а кимрским сапогом, павловским замком, семеновской ложкой, тульской гармоникой — словом, предметами, имеющими совершенно неоспоримое право на звание товаров».

Вопрос о соотношении крупной и мелкой промышленности в сравнительно-историческом плане поднимался С.Н. Булгаковым. По итогам своих наблюдений он формулирует: «Для современной промышленности передовых европейских стран характерна не борьба крупного и мелкого производства с перевесом в ту или другую сторону, но постоянное увеличение числа таких отраслей производства, которые могут быть введены только в крупной (а иногда, хотя и редко, только в мелкой) форме производства. PS. Это

следовало бы принять во внимание тем, кто по данным статистики о росте крупных предприятий делает вывод в пользу «концентрации» мелких; последнее может совершенно отсутствовать и тем не менее число крупных предприятий расти».

Наряду с кустарной промышленностью активно анализировалась и аграрная проблематика. Мыслители пришли к выводу, что эволюция сельского хозяйства — это наиболее индивидуальный элемент в экономической динамике. Эволюция сельского хозяйства приобретает разные формы в разных типах хозяйств, не подчиняясь общим законам. Эти выводы были реакцией на утверждение, согласно которому промышленность и земледелие развиваются по тождественным законам и закон концентрации производства носит универсальный характер.

Так была создана теория трудового крестьянского хозяйства С.Н. Булгакова. Кооперация труда, характерная для промышленности, оказывалась, с его точки зрения, мало свойственна земледелию, где большинство отраслей одинаково доступны как малому, так и крупному хозяйству. Он приходит к выводу, что узкая специализация настолько же пагубна для сельского хозяйства, насколько успешна для фабрики. В особое положение аграриев ставили уже сезонность работ и длительный пустой цикл.

Носители идей христианского социализма отстаивали необходимость сохранения всех типов хозяйств, действующих в России, и потому, что видели в них выбор России, и потому, что полагали, что можно устранить значение производства как источника земледельческого продукта, но недопустимо устранение аграрного сектора производства как источника здорового духа и силы нации.

Культура и цивилизация

В соответствии с мировоззренческими подходами христианских социалистов принципы периодизации истории человечества должны базироваться на вычленении исторических эпох, представляющих собой шаг вперед в росте сознания человека, в его освобождении из-под деспотичного влияния внешней среды. Отсюда и специфический взгляд на эпохи в истории России и Запада. По-иному, чем западноевропейская историческая мысль, ставили наши мыслители вопрос о культуре и цивилизации. Произошло это еще и потому, что противоположность культуры и цивилизации была отечественной мыслительной традицией уловлена раньше. Цивилизация как буржуазная цивилизация Запада рассматривалась в контексте противоположности России и Запада многими, отчетливо была выражена еще у революционных демократов первой половины XIX в. В.Г. Белинский, как бы предвидя грядущие споры, скажет: «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до последней степени, пусть тюрьмы там пустые, трибуналы праздны, но если там, как уверяют нас, нет искусства, нет любви к изящному, я презираю это благоденствие, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна. Где нет владычества искусства, там люди не добродетельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со злом, а избегают его не по ненависти ко злу, а из расчета».

Оценка культуры в традициях христианских социалистов претендует на понимание культуры как выражение богочувствования. Отсюда и связанный с культурой расцвет высокого искусства, исполненного глубокой символики. Признаком культуры для них была деятельная государственная идея, объединяющая народы на основах общности жизненного стиля. Культура религиозна по своей природе и этим отличается от цивилизации, которая безрелигиозна. Культура национальна, цивилизация интернациональна. Таким образом, цивилизация заменяет вопросы религиозного и метафизического характера вопросами этики и жизненной практики. Цивилизация превращает народные организмы в практически заинтересованные массы, связанные с господством механизма и космополитизма, а это означает победу мировых городов над «деревенскими далями» и власть четвертого сословия.

Отмеченное европейской мыслью движение души каждой эпохи от жизни к смерти, «от культуры к цивилизации» не оспаривалось христианами-социалистами, но подвергалось жесткой критике за внутренний пессимизм, за отказ от романтизма, за жажду принять пафос цивилизации, стать гражданином мирового города. Прямо отмечалось, что европейская мысль не понимает религиозного смысла в культуре, не постигает его. Для теоретиков круговорота нет всемирной истории, нет человечества, нет смысла истории. Социологический прогноз на новое Средневековье имел в виду будущую цивилизацию, которая выглядела в этой концепции варварством среди машин, ибо для строительства цивилизации «необходима притупленность сознания, толстокожесть, необходима наивная вера в бесконечный прогресс цивилизации». Пессимизм человека цивилизации чужд христианским социалистам. Начало XX в. они квалифицируют как конец новой истории. «В глубинах жизни, еще совершенно бездейственно и уединенно, назревают истоки нового движения, которому, быть может, суждено сотворить новую культуру, искупив основное грехопадение ренессанса». Так рождался человек «нового Средневековья», связанный с возвращением онтологического мироощущения. Постановка традиционной для отечественной исторической науки вопроса о соотношении судеб России, Востока и Запада в представлении христианских социалистов существовала в контексте специфики религиозного опыта. Именно традиционная историческая тема о специфике исторического пути России и привела русскую мысль к необходимости выработать собственную православную философию, принципиально отличную от немецкой идеалистической философии, ставшей лишь одним из истоков русского религиозного ренессанса. Так по мысли русских философов в свое время греческие учителя церкви использовали для раскрытия сути христианства греческую философию. Как видим, взаимосвязь эпох рассматривается как духовная взаимосвязь.

Смысл истории

Мировоззрение христианских социалистов диктовало и взгляд на содержание, и смысл отдельных периодов истории России. XIX век воспринимался как век раскола национального сознания, век приготовления революции, хотя онтологичность русского сознания была нарушена по этой концепции задолго до этого века и даже до Петра. Русское барство XVIII в. заимствовало европейскую культуру, а творческая мысль русская не пробудилась. Эпоха Александра I оценивалась как время разрыхления почвы для душевного развития. Родилась оригинальная русская мысль, связанная в первую очередь с гением А. С. Пушкина. Сразу встал вопрос о месте России в мире. Это тема не только России и Запада, но и тема России, Востока и Запада.

Истории России были заданы вопросы: почему Петр I так расколол общество, почему столь беспочвен русский культурный слой? Почему нет органической связи между обществом и властью, между интеллигенцией и народом? Выдвигается идея характерности для русской истории расколов и прорывов (татарское иго, Смута, раскол, Петр I и пр.). Из конкретно-исторических концепций, обусловленных поиском духовного смысла явления, распознаванием специфики сознания, следует назвать темы революции, интеллигенции, народного характера, национальный вопрос.

Христианские социалисты стремились, таким образом, сохранить объективный характер идей экономического материализма, придав им духовно-нравственный смысл, углубив производственно-созидательный момент, присущий экономическому материализму. Для этого пришлось отказаться от субъективно-классовой стороны учения, которое они приветствовали на русской почве в момент борьбы с народничеством.

Мировоззренческие истоки и исторические концепции христианских социалистов дали основания для того метода исторического познания, который был оформлен в отечественной исторической науке в конечном итоге в философии истории Л.П. Карсавина. Первопосылка системы Карсавина звучит так: «Эмпирическое знание о развивающемся всеедином субъекте всегда есть знание одного из его моментов... При всей неполноте своей

выраженности, всякий момент выражает нечто, только ему присущее, его специфический аспект всеединой истины. Ущербленное, неполное выражение не есть еще ложное выражение». Этот подход к пониманию и постижению истории в системе Карсавина противопоставляется стремлению свести исторические явления на внешние, объективные факты, сделав историю наукой через установление причин и законов. Карсавин считает исторический материализм естественным последствием этих стремлений. Для себя же он раз и навсегда приходит к выводу, что «предмет истории может быть ближайшим образом определен как социально-психическое развитие всеединого человечества».

Литература

- Бердяев Н.А.* Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989.
Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип. Париж, 1989.
Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
Захарченко И.Н. Исторические взгляды М.И. Туган-Барановского// История СССР. 1985. №2.
Кувакин В.А. Религиозная философия в России. Начало XX в. М., 1980.
Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. Проблемы идеализма. М., 1902.
Смирнов И.П. От марксизма к идеализму: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995.
Соловьев Вл.С. Философские начала цельного знания// Соч. М., 1988. Т.2.
Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1893—1901.

4.2. Основные тенденции в развитии историографии 1860-1910 г.

Русская историческая наука в пореформенный период и в условиях нарастания революционного кризиса в начале XX в. развивалась в обстановке все более усложняющихся явлений общественно-политической, социально-экономической и культурной сфер жизни. Тенденция развития проявлялась со всей очевидностью в интенсивности роста научного знания, к числу безусловных свидетельств которого мы можем отнести: звездность имен; разнообразие и насыщенность проблематики; кристаллизацию историографии как специальной исторической дисциплины, ее отпочкование от источниковедения; новизну методологических предложений и методических решений. Обогащение науки шло за счет качественных изменений коренных понятий, дискуссионности их трактовки и понимания историками, принадлежащих к разным общественно-политическим направлениям. Все названные процессы происходили на фоне очевидных изменений в научном и шире — общественном — сознании, в самой системе восприятия явлений научной жизни и культуры.

Для переходного времени особенно характерны настойчивые поиски смысла истории и законов исторической группировки событий. В процессе попыток постижения учеными «национального самопознания», начиная с 1840 — 1850-х гг., традиционно учитывался «багаж», накопленный наукой, а именно осознание системных взаимосвязей между культурой и мыслью и их влиянием на историографию.

В целом к 1860-м гг. проходит увлечение общефилософскими концепциями и период их активного приложения к отечественной истории и праву. Историков гораздо меньше волнуют возможности привнесения «новообретенных» философских и социологических знаний в проблематику исследования. Особенно ярко это проявилось в творчестве В. О. Ключевского. Но данное обстоятельство отнюдь не снимало вопрос о силе воздействия выдающихся зарубежных мыслителей, прежде всего философов, на воззрения отечественных историков-профессионалов и русскую историческую мысль эпохи. Волны, инициированные западноевропейскими философскими течениями, периодически достигали русских берегов. Однако производимое ими впечатление, а тем более их восприятие зависело от многих обстоятельств: склада ума и темперамента историка, его возраста и общественно-исторических условий, духовной атмосферы времени.

Интерес к позитивизму

В XIX в. российских научных и общественных берегов достигли несколько позитивистских волн. Еще в 1840-е гг. в идейно-философской и исторической жизни России возник интерес к позитивизму, и появились первые позитивисты. Вторую, более сильную позитивистскую волну современники наблюдали в начале 1860-х гг. И, наконец, позитивизм становится предметом напряженного общественного внимания в 1880-е гг. С лета 1885 по лето 1886 г. мощный «позитивистский десант» «захлестнул» страницы русской печати. Современный исследователь Б.М. Шахматов назвал это время «годом Конта» в умственной жизни России, отметив, что тогда о Конте и позитивизме заговорили все, на русский язык стали переводить труды позитивистов, но по иронии судьбы, кроме произведений самого О. Конта. Позитивисты признавали важнейшей причиной постепенных изменений последовательное и все усиливающееся влияние прошлых поколений. Задачей историка они считали познание исторических явлений, являющихся необходимым результатом предыдущего и двигателем последующего.

«Мода» на марксизм

Основным увлечением молодых умов во второй половине 1890-х гг. становится марксизм. «После томительного удушья 80-х годов марксизм явился источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы ее «бродилом». Он усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действий, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению». Так записал ощущения молодого поколения С.Н. Булгаков, сам переживший искреннюю и глубокую увлеченность марксизмом. По его мнению, в 1890-е гг. «именно марксизм был первым горячим ручейком, растопляющим зимний лед и реально свидетельствующим самым фактом своего появления, что солнце поворачивает к весне». «Действенный оптимизм» русского марксизма «был совершенно чужд каких-либо слащавых иллюзий, напротив, со всей энергией он выставил принцип социально-политического реализма, трезвого и научного понимания русской экономической действительности», что собственно и привлекало к нему молодых интеллектуалов.

Наука и политика

Растущее напряжение общественно-политической жизни заставляло ученых определить свою позицию по отношению к науке и политике, значению каждой из них в своей жизни. Спустя много лет, глядя ретроспективно, П.Н. Милюков оценил 1890-е гг. как «безмятежный» период, когда можно было заниматься одной наукой. На рубеже веков он думал иначе и, оправдывая свое увлечение политикой, о тех же 1890-х гг. писал как о годах безвременья в исторической науке, времени «перехода от наших классиков, кончавших свою жизненную карьеру, к влияниям *fin de siècle* подросшего нового поколения». Отдавший предпочтение политике Милюков определил тенденцию политизации в жизни и науке как вектор времени.

Политика все больше захватывала тогда не одного Милюкова. Животрепещущий интерес к современности определил подходы к истории С.П. Мельгунова. Его тягу к наведению мостов между прошлым и современностью, неизбежную при этом публицистичность изложения осуждал в своем ученике М.К. Любавский. Что это было — конфликт поколений? Разногласия между учениками и учителями?

Между тем проблема раскола, которой занимался Мельгунов (в 1907 г. вышла его работа «Старообрядцы и вопросы совести», в 1910—1911 гг. была опубликована его магистерская диссертация «Религиозно-общественные движения XVII—XVIII вв.»), была важна самому историку, прежде всего как страница в истории оппозиции официальной самодержавной власти и православной церкви. Исследование проблемы свободы

исповедания приводит Мельгунова, по мнению специально изучавшего вопрос Ю.Н. Емельянова, «к более широкой постановке вопроса о свободе личности в обществе, о политической свободе».

Оценка Милюковым процессов, происходивших в русской исторической науке, была неприемлемой для «старого» классика Ключевского, считавшего, что на рубеже XIX—XX вв. работа русской историографии шла «ровным ходом и в довольно миролюбивом духе. Былые богатырские битвы западников со славянофилами затихли и вместе со своими богатырями отошли в область героической эпохи русской историографии... Новых направлений с принципиальными разногласиями не заметно: слышны только споры методологические или экзегетического характера». Такое видение историографической ситуации Ключевским органично вытекало из условий его научной жизни: сделав в 1860-е гг. жизненный выбор в пользу науки, с тех пор он ему не изменил. Но если для Ключевского наука являлась абсолютным и безусловным приоритетом, то у Милюкова была иная система ценностей и ориентиров. В итоге в его жизни политические страсти одержали верх над наукой и определили подходы к ней.

Потребность в субъективизме

Начиная с 1870-х гг., наступает время «субъективизма», отмеченного поразительным разнообразием разновидностей. Сторонники формулы «Идеи двигают мир. Интерес вырабатывает идеи» были среди как народников, так либералов и монархистов. Не только историки разных общественных направлений, но и историки, причислявшие себя к одному направлению, вкладывали разное содержание в такие понятия, как: идеалы, демократизм, прогресс. Последнее понятие отделялось от терминов развитие и эволюция, и противопоставлялось благу. Многообразие трактовок и теорий прогресса стало предметом историографического анализа С.Н. Булгакова.

Кризис или развитие?

В конце XIX — начале XX в. историков (П.Н. Милюкова, А.С. Лаппо-Данилевского) с новой силой влечет к себе философская мысль. Настойчивый поиск теории, способной обеспечить разумное общественное развитие, придает историческим трудам современность звучания и актуальность. Особо подчеркивается генетический момент: прошлое отражается в настоящем, настоящее в прошлом и в будущем. Характерной чертой русской исторической науки в последней трети XIX — начале XX в. являлось отсутствие единой господствующей или универсальной для всех методологии истории. Это обстоятельство отмечалось в советской историографии, где под универсальной и истинной подразумевалась марксистско-ленинская идеология. Данное обстоятельство (а отсутствие лидирующих позиций у марксистов для этого времени очевидно) рассматривалось как доказательство кризиса буржуазной исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Однако уже в 1970-е гг. И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло включали в обязательное для тех лет понятие «кризиса» буржуазной науки рассмотрение достижений корифеев русской исторической науки, подчеркивая созидательные тенденции в отечественной дореволюционной исторической науке и обосновывая мнение о том, что кризис в методологии не отменяет ее развития. Многообразие концептуальных решений на рубеже веков свидетельствовало об известной свободе развития русской дореволюционной исторической науки.

«Философия истории» и «методология истории»

Понимание содержания исторического процесса в сознании историков непременно опиралось на их общие системные методологические представления. Начиная с 1840-х гг., т.е. со времени увлечения отечественных интеллектуалов трудом Г. Гегеля «Философия истории», постепенно становится привычным одноименный термин. Данную тенденцию для XIX в. Бердяев оценивал как основополагающую: «Русская мысль в течение XIX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории

формировалось наше национальное сознание. Не случайно в центре наших духовных интересов стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе».

Интерес к философии у каждого историка был свой. Некоторые историки шли к социальной философии от исторической проблематики, которая непрерывно эволюционировала вглубь и вширь, от исследования конкретных явлений — к размышлениям над структурой и смыслом истории. Этот путь требовал научных впечатлений и их осмысленного выражения. Его рождение в монументальных формах относится к 1920-м гг., когда был высказан взгляд на историю, отразивший опыт Первой мировой войны, русской революции и первых лет советской власти. Так, в 1923 г. в Берлине была опубликована книга Л. П. Карсавина «Философия истории», написанная еще в первые годы советской власти в Петрограде, незадолго перед высылкой из страны в 1922 г. Она имела методологическое значение прежде всего для историков идеалистов, специализирующихся по отечественной истории. Вместе с тем в науке утверждается термин «методология», чему в немалой степени содействовал выход в 1910 г. знаменитой книги А.С. Лашто-Данилевского «Методология истории».

Социально-экономическая история

Характерной чертой национальной исторической мысли во второй половине XIX — начале XX в. становится ее ориентация не столько на прошлое, сколько на историческую перспективу. В условиях устремленности общественных сил в будущее в этом контексте все чаще рассматривается в научной литературе и прошлое. Магистральной темой становится вопрос о путях развития России и судьбах капитализма. Начиная с 1880-х гг. значение приоритетной обретает социально-экономическая проблематика. Ее разрабатывают как исследователи народники (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон так и церковные историки (А. Яхонтов, А.С. Архангельский, Г. Левицкий, С.И. Смирнов). Как показал В.Л. Янин, влияние гражданских историков на историко-церковную науку было весьма серьезным. Многие ее представители при освещении проблем хозяйственной истории продолжали незавершенное исследование В.О. Ключевского. Архиепископ Сергей и Е.Е. Голубинский вполне удовлетворились общим подходом, методами и результатом исследования Ключевского.

Экономические сюжеты в глазах историков имели свои преимущества. Они позволяли изучать и общество, и человека, находились на «перекрестье» обобщений социологии и законов человеческой природы. Политэкономические представления авторов оказывали заметное воздействие на современную историографию. Исследование народного быта стало ведущей темой творчества В.О. Ключевского, историков народнического направления.

Демократизация русской исторической науки

Важное место в мировоззрении историков и их исторических представлениях в связи с глубокой и всесторонней демократизацией науки занимали моральные и нравственные критерии. Именно они обрели значение структурообразующего компонента концепции не только у народников, но и у ряда либералов («чувство боли» за народ, «неоплатного долга» перед ним). Нервом размышлений становится идея одновременности спасения общества и человеческой личности, поиск путей к обществу народного благосостояния, называвшегося исследователями по-разному, например «гармоническим хозяйством». Очевидно, что русскую историческую школу характеризовали черты, в целом присущие национальной культуре. Среди них в историческом исследовании доминировали этические и психологические методы и подходы. Особо выделялся вопрос о роли человека в истории.

В самом тесном идейном взаимодействии шло развитие национальной исторической и экономической школ. Общим для них являлось уважительное отношение к производителю, выдвижение на первый план социальных вопросов, обостренное внимание не столько к идейной и идеологической проблематике, сколько к экономической, изучение которой рассматривалось в качестве ключа к решению важнейших проблем исторического познания.

Дальнейшее развитие получил принцип историзма. В полный голос прозвучал призыв к историзму мышления, высказывались соображения об историческом времени.

На рубеже XIX—XX вв. Россия переживала не только «культурный Ренессанс», но и могучую демократическую реформу. Всякое общественное и литературное течение подвергалось острому обсуждению, что считалось единственно возможным. Особенно активно теоретически и познавательно шел творческий поиск общих закономерностей, намечался комплексный подход к определению ведущих проблем в историческом процессе, первостепенное внимание к духовности личности и общества, разносторонность источниковедческого и историографического анализа. В то время как в науке возобладала тенденция все большей дифференциации и анализа, она стремилась к интеграции и синтезу.

Возросло значение полемики. Объяснения одних и тех же проблем озвучивались представителями разных направлений. В том случае, если в дискуссиях не брала верх политическая составляющая, они обогащали науку. Мир отечественной исторической науки был сложнее, чем иногда он представляется в учебниках и учебных пособиях по историографии. Неизбежная классификация историков по основным направлениям ставит вопрос о гранях и возможности сотрудничества историков, принадлежавших к разным, враждебным, нередко не пересекающимся между собой направлениям. Так, анализируя творчество Л. А. Тихомирова, нельзя не согласиться с мнением И.А. Бунина о том, что лучшие консерваторы получаются из бывших революционеров и наоборот. Видимо, не случайно в последнее время в специальной литературе все чаще рассматривается общение ученых разных школ, анализируются человеческие связи историков (в частности, московской и петербургской школ, общение их представителей и их влияние на развитие и состояние исторической науки). Заслужили внимание в историографической литературе темы: народники и П.Н. Милюков, В.И. Семевский и либералы и т.д.

Научному сотрудничеству способствовала нашедшая понимание идея кооперации, которую разделяли многие: Л. А. Тихомиров и Н.К. Михайловский, видевший в солидарности главный признак простой кооперации, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский И.Х. Озеров и др.

Каждое из четырех основных общественно-политических направлений: консервативного, либерального, демократического, радикального — было многосоставным. Развитие взглядов конкретной личности, переосмысление ценностей позволяли эти грани преодолевать и делали их подвижными. Классическим примером является личность Л.А. Тихомирова. Как историк, предложивший свое понимание законов исторического развития, он выступил, уже став монархистом. Но само понимание его концепции и пути историка к ней требуют изучения системы его убеждений, в том числе и в бытность Тихомирова народником. Не менее ярким примером может служить жизнь историка, чья теоретическая принадлежность к народничеству не оспаривается, — В.И. Семевского. Он объединял вокруг себя людей самого широкого общественно-политического спектра: историков А.С. Лаппо-Данилевского, А. А. Корнилова, П.Н. Милюкова, С.Ф. Ольденбурга, С.А. Венгерова, С.П. Мельгунова, публицистов с ярко выраженным общественным темпераментом В.А. Мякотина, А.В. Пошехонова, В.Л. Бурцева и др.

Современный исследователь Б. П. Балугев подчеркнул значение В. И. Семевского самим перечислением тех, кто пришел попрощаться с историком на Литературные мостки Волкова кладбища: В. Д. Набоков и В. Д. Бонч-Бруевич, М.А. Антонович и Г.А. Лопатин, А.А. Кауфман и М.Д. Приселков, М.А Дьяконов и П.Е Щеголев, М. Горький и многие другие.

Способы научной коммуникации и получения научного знания отличались разнообразием. Хорошо известен факт профессиональной помощи С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову. Уже после защиты последней диссертации ему было предложено написать и опубликовать рецензию на книгу А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве», которая выросла из-под пера Милюкова в монографическое исследование. Но если П.Н. Милюков и Лаппо-Данилевский,

принадлежавшие к одной генерации русских и европейских интеллектуалов, оказавшихся на гребне мучительных методологических поисков, являлись постоянными оппонентами, то С.Ф. Платонов и П.Н. Милюков (впрочем тоже почти ровесники), самоидентифицировавшие себя с конкретными школами (петербургской и московской), знаменовали движение этих школ навстречу друг другу.

Наряду со взаимообогащающими влияниями присутствовали «разрывы», прерывистость и даже возвраты к ранее завоеванным наукой позициям для последующего рывка вперед. П.Н. Милюкову, например, концептуально ближе оказался С.М. Соловьев (что не мешало ему не соглашаться с соловьевской оценкой, данной Петру Великому), чем его непосредственный учитель В.О. Ключевский.

Бурное развитие переживали формы организации науки. Реформы 1860-х гг. изменили общие условия ее развития. Университетский устав 1863 г. открыл более свободные возможности для развития научных концепций на университетских кафедрах и в целом для университетского образования. Либеральный устав содействовал оживлению научной работы не только в высших учебных заведениях, но и за их пределами.

Эпоха реформ способствовала повышению уровня образования, количественному росту научных исследований. Наступление нового этапа в развитии и организации исторических исследований в России позволило усовершенствовать инфраструктуру исторического образования и исторических исследований.

Плодотворной становится работа ученых в научных обществах, менее подверженных контролю со стороны государства. Перед учеными появляется возможность более свободного определения направлений научного поиска. Деятельность исторической периодики и научно-исторических обществ отражали динамичное состояние исторической науки. В 1866 г. по инициативе А.А. Половцова с одобрения великого князя Александра Александровича было создано Императорское Русское историческое общество (РИО) (закрыто 4 сентября 1920 г. по решению общего собрания Российской Академии наук с передачей ей всего имущества общества). В работе РИО участвовали С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, С.Ф. Платонов, В.С. Иконников, П.П. Пекарский, В.И. Герье и другие историки. Председателями РИО в разные годы были П.А. Вяземский, А.А. Половцов, почетными председателями члены царской фамилии Александр III, великие князья Владимир Александрович, Николай Михайлович.

«Сборник» РИО — насчитывал 148 томов документов, в том числе XVIII — начала XIX в. Среди них: «Материалы екатерининской законодательной комиссии» (отдельные тома редактировали Д.В. Поленов, В.И. Сергеевич и Н.Д. Чечулин), «Дипломатическая переписка иностранных послов и посланников при русском дворе», «Акты, документы и материалы по политической и бытовой истории 1812 года». Все это ранее недоступные исследователям источники. Историкам, как правило, приходилось довольствоваться тем, что появлялось на страницах исторических сборников и журналов, а также результатами частной разрозненной деятельности. В целом архивы были малодоступны. Под редакцией А.А. Половцова РИО выпустило 25 томов «Русского биографического словаря».

История — наука общественно значимая. Ее «многоголосье» и «многоцветье» создавало русским историкам возможность широкого плодотворного общения. Таким образом действовал фактор, стимулирующий научное творчество.

Любовь к исторической науке и преданное служение ей ломали сословные перегородки. В историческую науку приходили из разных сословий: К.И. Бестужев-Рюмин из дворян, В.О. Ключевский из сельского духовенства, Д.И. Иловайский из семьи разорившегося купца. У них была одна цель — стать историками, служить исторической науке. Получение историко-филологического образования русскими историками развивало любовь к исторической науке и давало знание русской литературы.

Г.В. Вернадский

Трагедию послереволюционного периода отечественной историографии определил ее разлом на советскую и эмигрантскую историческую науку, причем каждая ее ветвь пролагала свое «русло». В 1990-е гг. в нашей стране начинается активное изучение историографического наследия, оставленного русским зарубежьем. Происходит подключение этой ветви к отечественной историографии. В 2000 г. в Москве выходит труд «Русская историография. Очерки по истории науки в России в 1725—1920 гг.» — последняя большая работа, написанная Г.В. Вернадским (1887—1973), где прослежено развитие историографии в России от XVIII в. до «разгрома русской исторической науки» в 1920 г. В ней ученый дал оценку вклада более ста персоналий в отечественную историографию, найдя в своем лекционном курсе место не только историкам, но также писателям (А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому), ученым (Д.И. Менделееву) и искусствоведам (И.Э. Грабарю, В.Н. Лазареву). Г.В. Вернадский был убежден, что «в совокупности все они наметили дальнейший путь развития русской исторической науки». Достоинством пособия Г.В. Вернадского является выделение научных школ (в частности, разделов «Ученики В.О. Ключевского», «Ученики С.Ф. Платонова»).

В России Г.В. Вернадский прожил 33 года. В 1917 г. за несколько дней до Октябрьской революции он защитил в Петроградском университете магистерскую диссертацию о масонах XVIII в. В августе 1920 г. Г.В. Вернадский принял предложение П.Н. Врангеля и возглавил Отдел печати при Гражданском управлении в Крымском правительстве. Данное обстоятельство сделало неизбежной его эмиграцию два месяца спустя.

Ряд тем, разработка которых была начата Г.В. Вернадским в юности, затем проходит через всю его жизнь. Так, еще в дореволюционный период историк обратился к анализу «Исторических замечаний» А.С. Пушкина, набросанных поэтом в 1822 г. Тогда Г.В. Вернадского привлекли сами подходы великого поэта к истории, которые в его глазах имели методологический смысл. С одной стороны, Пушкин стремился проникнуть в «подпочвенную историческую жизнь», понять психологию «толпы» и с этой целью «разлагал» народ на отдельные группы и слои и стремился понять «взаимные их отношения» — между властью («аристократией») и народом («чернью»). А с другой — Пушкин умел «глубоко проникнуть» и в психологию «героя», «который стоит во главе общества; он вскрывает интимные тайны иных загадочных политических поступков». В начале XX в. и другие историки настойчиво стремились понять источники интереса Пушкина к истории (М.М. Покровский), анализировали интерес поэта к истории и теории монархии.

Опыт осмысления роли мировых войн в истории

На страницах «Голоса минувшего» в 1914 г. в статье «Во имя национальной культуры» Мельгунов поставил вопрос о взаимоотношении понятий «война» и «культура», на первый взгляд несовместимых. В данном случае очевидна преемственность позиции Мельгунова и Ключевского. Рассуждения первого о том, что «не могли же поглотить... все культурные ценности нации германский милитаризм и прусское юнкерство», переключается с понятием «культурного запаса» у Ключевского (подробнее см. главу 21). Мельгунов считал националистический задор явлением противокультурным, не принимал и осуждал позицию, в частности Н.А. Бердяева.

Трагедия русской исторической науки

В 1922 г. из нашей страны были высланы крупные историки: А.В. Флоровский (1884-1968), А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов (1879/80-1956), ученик В.И. Семевского — В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов. Еще раньше в 1919 г. в Прагу переехал И.И. Лаппо (1869—1944), автор труда «Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения» (М., 1894), а также работ по истории великого княжества Литовского. В сталинских тюрьмах и ссылках умирают искренне и подвижнически служившие русской исторической науке люди.

Так, последним пристанищем для М.К. Любавского (1860—1936) — автора трудов о Литовско-русском государстве (1893) литовско-русском сейме (1901, 1911), лекционного курса по древней русской истории до конца XVI в. (3-е изд. М., 1918), «Обзора истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века», завершено к началу 1930-х гг., — стала Уфа, куда он был сослан по «академическому делу 1929 — 1931 гг.».

Участь С.Ф. Платонова разделили его ученики: С.В. Рождественский (автор трудов «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века», 1897; и трудов о народном просвещении в XVIII—XIX вв.), П.Г. Васенко (главный труд «Книга степенная царского родословия», 1904), А.И. Заозерский («Царь Алексей Михайлович», 1917 — второе издание вышло в 1937 г. под другим названием «Царская вотчина XVII века»).

Непросто сложилась в советское время и научная судьба Б.А. Романова (1898—1957) — ученика С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова. В 1930 г. его научная работа была почти на десять лет прервана арестом. Уже находясь в заключении, Романов получил премию за книгу «Россия и Маньчжурия», присужденную ему Центральной комиссией по улучшению быта ученых и переведенную на адрес его жены. Он занимался изучением и древней русской истории и новой, прежде всего проблемами внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX — XX вв., выявлением подлинной роли С.Ю. Витте. В числе учеников Романова — Б.В. Ананьич, С.Н. Валк, Р.Ш. Ганелин, А.А. Фурсенко, В.М. Панях — автор монографии о творчестве и судьбе учителя.

Только после смерти С.Б. Веселовского (1876—1952) в 1963 г. вышел его труд «Исследования по истории опричнины». Сам сборник был готов в 1945 г. В 1913—1915 гг. после десятилетней подготовительной работы вышел в свет монументальный труд С.Г. Веселовского «Сошное письмо».

Научный потенциал

О потенциале русской исторической науки начала XX в. свидетельствует состав участников юбилейного сборника статей 1909 г., посвященных В.О. Ключевскому в связи с 30-летием его деятельности. В числе 42 участников ученики, друзья и коллеги — почитатели таланта великого историка: Я.Л. Барсков, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, В.Н. Бочкарев, С.Б. Веселовский, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, В.Е. Данилевич, М.А. Дьяконов, Д.Н. Егоров, А.А. Кизеветтер, М.В. Клочков, С.А. Котляревский, И.И. Лаппо, А.С. Лаппо-Данилевский, М.К. Любавский, А.С. Орлов, Д.М. Петрушевский, В.И. Пичета, С.Ф. Платонов, проф. М.М. Покровский, приват-доцент, священник Н.Г. Попов, В.К. Поржезинский, В.С. Протопопов, С.В. Рождественский, А.Н. Савин, С.И. Смирнов, М.Н. Сперанский, В.Н. Сторожев, П.Б. Струве, Б.И. Сыромятников, А.Н. Филиппов, А.С. Хаханов, М.М. Хвостов, С.К. Шамбинаго, Г.Н. Шмелев, Е.Ф. Шмурло, Е.Н. Щепкин, Е.О. Эйнгорн, А.И. Яковлев. Среди авторов мы видим не только историков, специализировавшихся по истории России, хотя последних подавляющее большинство. Сам факт участия специалистов по всемирной истории оттеняет методологическое значение трудов В.О. Ключевского, который, в свою очередь, впитал и творчески усвоил идеи и труды предшественников.

В этом списке корифеи дореволюционной науки, такие, как М.А. Дьяконов (1855—1919) и Е.Ф. Шмурло; а также авторы работ, которые в будущем составят золотой фонд советской исторической науки — С.В. Бахрушин (1882—1950), М.М. Богословский (1867-1929), В.И. Пичета (1878-1947), А.И. Яковлев (1873-1951).

До революции начинается творчество молодых историков М.Д. Приселкова (1881-1941), Б.Д. Грекова (1882-1953). «Культура и есть творимая, становящаяся национальная душа», в развитие которой, по мнению вынужденного писать в эмиграции историка и литературоведа П.М. Бицилли, русские историки внесли свою лепту. «В общеевропейских формах, в культурных явлениях мировой значимости находили свое воплощение самобытные начала русского духовного мира» — так оценивает Серебряный век уже современный исследователь С. С. Хоружий.

Неизбежность воссоединения и осознание нереализованных возможностей

Ю.Н. Емельянов, автор монографии о С.П. Мельгунове (историке, в частности инициировавшем создание журнала «Голос минувшего», выходившего в течение десяти лет, вплоть до 1923 г.), изданной в 1998 г., определил особенности современной историографической ситуации следующим образом: «Мы же только сейчас позволили себе уяснить ту истину, что культурное, историческое и нравственно-этическое повествование различных течений русской эмиграции, даже самых правых и консервативных, является неразрывной, составной частью нашего духовного идейного богатства — науки, культуры, литературы». Таким образом, постепенно судьба отечественной исторической науки, полная испытаний, наконец, обретает естественное единство.

«Что написано — то написано». Время показало ценность всего написанного по русской истории и о русских историках. Научная жизнь шла своим чередом. И в то же время этот путь корректировали постоянные внешние влияния. Судьбы многих историков стали своеобразным подтверждением правоты мнений, высказанных отнюдь не историками. Одно из них: «Искать, что верно, — принцип Станиславского, Бунина... наших историков». Многие историки мечтали написать историю страны, но так ее и не написали. Такой труд навсегда остался мечтой.

Источники и литература

- Бицилли П.М.* Кризис истории // Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М., 2000.
- Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 2000.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской 1919—1939. Раздел 7. Память о прошлом. История и историки в русском зарубежье. М., 1994. С. 198—234.
- Смирнов И.П.* «От марксизма к идеализму». М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995.
- Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980.
- Янин В.Л.* Послесловие // В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.

Лекция 2

4.3. Исторические взгляды Н.П. Павлова-Сильванского

Павлову-Сильванскому, помогли лекции К.Н. Бестужева-Рюмина в восприятии и усвоении историзма С.М. Соловьева. Гносеологические корни мировоззрения европоцентризма и, как следствие разработку методики сравнительного исторического анализа явлений русской и западноевропейской истории и Шмурло, и Павловым-Сильванским нельзя выявить без учета фактора воздействия на них идей С.М. Соловьева. Павлов-Сильванский не расходился с Соловьевым в вопросе о закономерностях развития России и Западной Европы. Но он не принимал подчеркнутых великим историком отличий. Оба историка, как Шмурло, так и Павлов-Сильванский, не просто были предельно внимательны к историографическому наследию, но подобно всем историкам петербургской школы имели склонность к историографическому освещению предмета, что давно уже отмечено в историографии как узнаваемая черта этой школы со времен К.Н. Бестужева-Рюмина.

В короткой жизни Павлова-Сильванского (он умер в 39 лет от холеры) было немного внешних событий. Одно из таких событий — первая русская революция. Она интенсифицировала творческую и общественную энергию Павлова-Сильванского, привела к переоценке системных основ мировоззрения. Историк стал развивать идеи о закономерности

русской революции, о ее сходстве с Великой французской революцией. Он деятельно участвовал в политической борьбе. На первых порах Павлов-Сильванский горячо защищал «партию -народной свободы», но в 1906 г. уже сравнивал кадетов с жирондистами и порицал за умеренность и «академичность». В феврале — апреле 1906 г. Павлов-Сильванский прочитал курс русской истории в Высшей вольной школе П.Ф. Лесгафта, в июне 1907 г. — специальный курс о русском феодализме для учителей средних учебных заведений, возвращавшихся с нелегального профессионального съезда в Финляндии.

Однако среди учреждений, слышавших Павлова-Сильванского — лектора, не было Петербургского университета. В 1895 г. контакт с ним оказался внезапно прерван. Это стало неожиданностью и для самого Павлова-Сильванского, и для его учителя С.Ф. Платонова. На магистерском экзамене по всеобщей истории произошло недоразумение, очевидность которого проявилась позднее. Экзаменовавшего Павлова-Сильванского профессора Н.И. Кареева не удовлетворили ответы соискателя на те вопросы, которые задавались по книге М.М. Ковалевского «Происхождение современной демократии». «Весь экзамен, — по словам Павлова-Сильванского, — вертелся вокруг одной книги». Злую шутку, скорее всего, сыграл состоявшийся накануне экзамена разговор между Кареевым и Павловым-Сильванским. Соискатель выявил свою осведомленность о только что изданной новой книге. Естественно, она еще не была включена в число трудов, рекомендованных для подготовки к экзамену. К сожалению, инициатива Павлова-Сильванского была истолкована экзаменатором для него неожиданно. Кареев воспринял содержание разговора как пожелание соискателя быть спрошенным на экзамене именно по данной книге. Позднее Павлов-Сильванский, стараясь понять Кареева, учитывал фактор недоверия: профессору могло показаться, что, хорошо подготовив только одну эту книгу, таким образом, экзаменатора наводили на мысль не выходить во время экзамена за рамки этой книги. Поэтому столь подробно, по главам, Кареев и повел с Павловым-Сильванским разговор об этой книге на экзамене. А когда выяснилось, что ответы не были детальны; то экзаменатор решил применить средства педагогического воздействия, захотел «повторным экзаменом заставить его хоть одну книгу приготовить в совершенстве». Однако Павлов-Сильванский не имел ничего общего с лодырями и подготовил к экзамену все рекомендованные ему книги. В сложившейся ситуации он чувствовал себя незаслуженно униженным и несправедливо обиженным. Роль испытуемого больше он играть не захотел. Так, не успев начаться, оборвалась университетская карьера Павлова-Сильванского.

Позднее Павлов-Сильванский был склонен считать виновника своей неудачи на магистерском экзамене единомышленником. Двух ученых сближала позитивистская методология. Их представления о западном феодализме во многом сходились. После смерти Павлова-Сильванского Николай Иванович Кареев издал работу «В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?: По поводу теории Павлова-Сильванского» (1910), собрав и рассмотрев в ней многочисленные отзывы на труды Павлова-Сильванского.

По окончании университета Павлов-Сильванский сначала работал чиновником МИДа, а затем в Государственном архиве, где фактически замещал директора. Чиновничья карьера складывалась благополучно. Он посетил Рим, Вену, Париж, Лондон, получал чины и награды. Но смысл жизненного существования историк видел в научной работе, возможности для которой Государственный архив предоставлял. В 1897 г. Павлов-Сильванский собрал и опубликовал работу «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» со своим исследовательским очерком. Историк считал, что нельзя отрицать «громадное значение личности Петра в процессе реформы». Характеризуя суть преобразований, он подчеркивал, что их результатом стало возникновение абсолютной монархии, однако основы социально-политического строя — сословный строй государства, крепостное право — остались прежними.

С работой в архиве связано изучение Павловым-Сильванским истории русского освободительного движения, прежде всего декабристов. Он сотрудничал с П.Е. Щеголевым,

которому родственники Павлова-Сильванского после его смерти доверили распорядиться изданием его научного наследия.

И тем не менее, по образному выражению Б.Д. Грекова, Павлов-Сильванский был историком одной темы, одной большой проблемы: истории феодализма в России. Труды Павлова-Сильванского о русском феодализме были новаторскими как по постановке основных вопросов, так и по предложенной исследователем методике. По словам близкого друга Павлова-Сильванского А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонов оценил «ясный и новый свет», который его сравнительный метод внес «в понимание строя тогдашней жизни». Сам же Пресняков задавал Павлову-Сильванскому вопрос: «Действительно, твоя теория не может ли сменить соловьевскую теорию «старых и новых городов», давно разрушенную, но замененную — чем?» Концепция Павлова-Сильванского вызвала сочувственное понимание у Форстена, Рожкова, Шумакова, Преснякова, т.е. «молодых исследователей».

Современники Павлова-Сильванского — Ключевский, Милюков, Дьяконов, Владимирский-Буданов не признавали феодализма в России. По оценке Н.И. Кареева, вопрос о существовании в России феодализма, как тогда казалось, был «решен отрицательно», даже говорить о нем в ученой среде считалось признаком дурного тона и «исторической невоспитанности».

«Общей концепции истории России, где бы отводилось определенное место феодализму, до Павлова-Сильванского не было», — с этим мнением Б.Д. Грекова, в силу его очевидности, сегодня никто спорить не будет.

«Феодализм в Древней Руси»

Первое издание книги вышло в 1907 г. в серии «История Европы по эпохам и странам», издаваемой издательством «Брокгауз-Ефрон». Книга сыграла важнейшую роль в историографической судьбе историка. Павлов-Сильванский ограничил исследование рамками так называемого удельного периода русской истории. В сжатом историографическом очерке Павлов-Сильванский рассмотрел взгляды господствующих исторических школ, начиная с Н.М. Карамзина и славянофилов и кончая В.О. Ключевским и П.Н. Милюковым, и пришел к выводу, что все они, будучи сторонниками «глубокого различия между историческим развитием России и Запада» именно тем самым «роковым образом терпели более всего неудач в стараниях выяснить отличительные своеобразные черты русского исторического развития».

Павлов-Сильванский выделил три периода русского исторического развития, положив в основу периодизации свое понимание роли крупного землевладения как основы феодализма. Первый период, с древнейших времен до середины XII в., Павлов-Сильванский характеризовал господством в общественном строе общинного устройства. Рассматривая институт общины он учитывал обе ее составляющих: мир, мирское самоуправление, которое существовало издревле, и более позднее явление — общинное землевладение, или землепользование с переделами земли. Системный подход позволил Павлову-Сильванскому оценить современную историографическую ситуацию и выявить источниковедческие причины споров между сторонниками древнего происхождения общины (И.Д. Беляевым, М.Ф. Владимирским-Будановым, В.И. Семевским, А.С. Лаппо-Данилевским) и авторами, которые ассоциировали появление общины с возникновением переделов (П.Н. Милюков). А поскольку «переделы — явление позднее» (XV—XVI вв.), то соответственно и общины в глубокой древности искать не приходится. По мнению Павлова-Сильванского, «общинные союзы, волости и марки, широко развитое самоуправление этих органически сложившихся территориальных союзов были главной основой древнейшего государственного строя. Государственная власть, власть князя с его наместниками или графами, была как бы надстройкою над самоуправляющимися общинами».

«В течение Средних веков древние общинные союзы, волости и марки, слабеют и разрушаются, подавляемые быстро усиливающимся крупным землевладением. Рост крупного землевладения, подавляющего общину, составляет главную движущую силу

развития Средних веков; он лежит в основе развития феодализма на Западе и нашего удельно-феодального порядка XIII—XVI столетий» — к такому заключению пришел Павлов-Сильванский.

Наступающее на общину боярское землевладение побеждает общину и создаёт новый, второй период русской истории. В борьбе с боярщиной, побеждая ее, рождается уже сословное государство с двумя его сменяющимися формами — «московской сословной монархией» и «петербургским абсолютизмом».

Павлов-Сильванский наметил «переходные эпохи» от одного устройства к другому. XII—XIII вв. стали эпохой перехода к удельному порядку, «Историческим событием, «знаменательным социологически», явилось взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 г. «А тот факт, что взяв Киев, Андрей отдал его младшему брату, а сам остался на севере, во Владимире-на-Клязьме», — по мнению историка, — «знаменует начало вотчинного порядка, появление князей-вотчинников, начало землевладельческой оседлости князей и дружин».

XVI век он считал «веком образования московского государства», особо выделяя опричнину, а в качестве знакового исторического события — 1565 г. — время «грандиозной» конфискации «наследственных княжеских земель, завершившей вместе с террором Ивана Грозного постепенный упадок политического значения княжат и знаменующей торжество нового государственного порядка». До XVI в. «мирское самоуправление сохраняется в ослабленном значении; оно живет и под рукою боярина на его земле».

Третий период — XVI—XVIII и частью XIX в. — это время сословного государства, прошедшего в своем развитии два этапа: московской сословной монархии и петербургского абсолютизма на основе того же сословного строя. Таким образом, была «сломана» привычная схема русского исторического процесса, согласно которой гранью между двумя основными периодами русской истории явились Петровские реформы. Павлов-Сильванский считал, что «петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад».

Подводя итоги своей периодизации, Павлов-Сильванский писал: «В течение этих трех периодов последовательно сменяют одно другое в качестве основных, преобладающих над другими элементов порядка три учреждения: 1) *мир*, 2) *боярщина*, 3) *государство*». С 1861 г. Россия вступила, по мнению историка, в очередную переходную эпоху «разрушения старого сословного строя и образования нового свободного гражданского порядка. Именно освобождение крестьян разрушило «главный устой старого сословного строя и тесно связанного с ним абсолютизма».

Таким образом, учение о феодализме Павлова-Сильванского не только продвинуло изучение отечественного Средневековья, но и поставило актуальные политические вопросы.

Павлов-Сильванский прошел свой путь ученого по непроторенной тропе. В отпущенное ему время историк успел главное — он предложил собственную теорию исторического развития России, основанную на принципе единства развития России и западноевропейских стран. Русский исторический процесс Павлов-Сильванский рассматривал как тождественный западноевропейскому, находя отечественным институтам тождественные институты на Западе (община — марка, боярщина — сеньория и др.), а также изучая «родственную близость» «символических обрядностей» европейских народов. Теория Павлова-Сильванского повернута лицом на Запад. Восток в контексте русской истории для Павлова-Сильванского никакого интереса не представлял. В книгах историка его как бы не существует.

Дед и прадед Павлова-Сильванского были священнослужителями Харьковской губернии. Дед Николай Гаврилович занимался литературной и просветительской деятельностью. За открытие женской народной школы он попал под суд. Отец историка прошел путь от врача до чиновника (действительного статского советника) Министерства финансов. Принципиальное отличие Н.П. Павлова-Сильванского от отца заключалось в том, что он был вынужден служить, всей душой стремясь к научной работе, вклад в которую увековечил его имя в истории русской культуры.

Николай Павлович Павлов-Сильванский родился 1 февраля 1869 г. в Кронштадте. В то время его отец служил врачом 2-го флотского экипажа. Будущий историк жил в Кронштадте недолго. В детские годы его географический кругозор стремительно расширялся. Мальчик жил у деда на Украине и у родителей в Омске. Весной 1884 г. его семья переехала в Петербург, и Павлов-Сильванский поступил в 6-й класс гимназии при Историко-филологическом институте, проявив особую заинтересованность в изучении русской словесности и истории. Именно в этой сфере лежали основные интересы юного Павлова-Сильванского.

В 1888 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Из лекций Бестужева-Рюмина Павлов-Сильванский воспринял историзм С.М. Соловьева, у В.И. Сергеевича он научился методу юридического исследования. Философские увлечения Павлова-Сильванского не были неизменными. В студенческие годы он увлекался позитивизмом, читал Бокля, Конта, Спенсера. Затем он перерос это учение. Социология оставалась постоянным увлечением историка в течение всего профессионального пути.

Павлов-Сильванский внимательно изучал опыт применения сравнительно-исторического метода в западноевропейской и отечественной историографии. Он знал творчество английского историка права Генри Д.С. Мэна (1822—1888), который доказал широкое географическое распространение общинных отношений и их исконное существование у всех индоевропейских народов. Специалисты увидели прообраз теории русского феодализма, выдвинутый Павловым-Сильванским, в наблюдениях русского историка, профессора Нежинского лицея М.Д. Затыркевича (1831 — 1894). Используя сравнительно-исторический метод, Затыркевич сопоставлял развитие социальных отношений в Киевской Руси и в средневековой Западной Европе. Особое внимание он уделял народным движениям, объясняя их природу серьезными противоречиями между сословиями.

Научная самостоятельность Павлова-Сильванского проявилась в том, что он не принял антитезу между историей России и историей Запада, определенную в творчестве Соловьева и затем повторяющуюся у Ключевского и Милюкова: «Мне она представляется в существе своем глубоко ошибочной». Речь идет о резком противопоставлении подвижной бродячей Руси оседлому Западу. «В антитезе Соловьева есть только некоторая доля истины. Природа страны оказала свое влияние на русское историческое развитие, но она не изменила его в корне, до полной противоположности, а только ослабила проявление тех начал средневекового порядка, которые ярче выразились в истории Запада.

Это одно из главных положений моего исследования и основной пункт моего разногласия с Соловьевым и с примыкающими к нему новыми историками».

Ученому потребовалось время, чтобы «увериться» «в своем умении последовательно и убедительно излагать свои идеи». Он признавался Преснякову: «...я себе весьма мало доверяю... А после университета был период полного скепсиса в своих силах».

У Н.П. Павлова-Сильванского нет и намека на моральный суд над историей. М.Н. Покровский считал: «Павлов-Сильванский, немарксист по убеждениям и кадет по своей партийной принадлежности, сделал из вопроса о русском феодализме один из аргументов в пользу марксистского объяснения истории». В этом Покровский видел «огромное методологическое значение работ Павлова-Сильванского». В отечественной историографии высказывалось и другое мнение, характеризующее иную последовательность идейных воздействий. Павлову-Сильванскому была прекрасно известна марксистская концепция. Это давало основание советским историографам утверждать в 1960—1970-е гг., что в появлении и развитии идеи о тождестве социальных порядков в России и на Западе на его мировоззрение оказали влияние произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Несомненным является одно: труды Н.П. Павлова-Сильванского подготовили почву для дальнейшего движения исторической мысли.

Источники

- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. (Феодализм в Древней Руси. Феодализм в удельной Руси). М., 1988.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. М., 2000.

Литература

- Горелова.* Шмурло//Историки России XVIII—XX веков. Вып.4. Архивно-информационный бюллетень. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1997.
- Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография»). Публ. В.А. Муравьева//История и историки. 1972. М., 1973.
- Демина Л. Т.* Евгений Францевич Шмурло//Евгений Шмурло. История России (IX—XX вв.). М., 1997.
- Чирков С.В.* Николай Павлович Павлов-Сильванский//Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996.
- Шмидт С.О.* Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры//Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в России. М., 1988.
- Чирков С.В.* Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме//Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в России. М., 1988.

4.4. А.С. Лаппо-Данилевский «Методология истории»

Спустя три года после смерти А.С. Лаппо-Данилевского в Петрограде о нем вышла небольшая книжка. Ее написал А.Е. Пресняков. Анализируя содержательные стороны жизни и творчества учителя, давая им оценки, не всегда согласные с позицией Лаппо-Данилевского, автор тем самым невольно характеризовал собственную систему представлений. Столкновение разных идеологических и историософских позиций, характерное для русских историков рубежа XIX— XX вв., полифоническое многоголосие, наличие нескольких независимых точек зрения являлись важным фактором, который содействовал развитию исторической науки. В работе Преснякова прозвучала мысль о типичности ученых при всей индивидуальности таких людей, как Лаппо-Данилевский. Типичность придавали условия научной деятельности и состояние науки.

Лаппо-Данилевский трудился в условиях, когда в умах ученых крепло сознание — один в поле не воин. Такое понимание, по словам Преснякова, вызывало попытки «соорганизовать» научное «воинство» «для коллективной научной работы», «столь слабой у нас на Руси в области общественных наук». Основным средством в этой работе виделось систематическое воспитание «молодых сил в методах исследовательского труда и выработка форм ученого академического сотрудничества на русской почве, а также шире — в международном на; ном общении и международной академической союзности» Отмеченная тенденция нашла разносторонние формы проявления, и в них самое непосредственное участие принимал Лаппо-Данилевский.

Историографическим событием в науке стал «Сборник статей, посвященный Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года)». 42 ученых сочли за честь представить свои статьи. Одну из них — «Служилые кабалы позднейшего типа» об истории малоизученной «крепости» — кабального холопства написал Лаппо-Данилевский. Выбор темы не был случайным: проблема основных разрядов крестьян являлась для историка принципиальной, о чем свидетельствует его «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» (1905).

Энергичное участие ученого в налаживании международных контактов проявилось в его инициативе сделать Петербург местом проведения 4-го съезда историков в 1918 г. С таким предложением Лаппо-Данилевский выступил на Лондонском 3-м конгрессе историков в 1913 г. и был назначен председателем оргкомитета. К сожалению, Первая мировая война и

революция не позволили осуществить задуманное. Лаппо-Данилевский считал непосредственное научное общение с зарубежными коллегами необходимым для современной науки. Сам он неоднократно представлял русскую историческую науку на международных исторических съездах, и в 1903 и в 1908 гг., а также на собраниях Международного союза Академий в 1910 и 1913 гг.

Научная роль А.С. Лаппо-Данилевского виделась в том, что в его научной жизни главными событиями были не только (как говорил В.О. Ключевский) «книги» и «мысли», но не менее важными событиями являлись «организационные достижения в служении научной культуре на путях университетского преподавания и академической деятельности». В этом отношении Пресняков продолжал линию научного поведения Лаппо-Данилевского.

До настоящего времени не опубликован основной труд Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики», без которого, по словам А.Е. Преснякова, нельзя правильно оценить вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку. Опубликованная в 1990 г. «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.» рассматривается специалистами как своеобразное введение к «главной книге» Лаппо-Данилевского. Его вдова сдала рукописи историка в архив Академии наук СССР в надежде, «что, может быть, это не смерть, а только временный плен его мысли». Творческое наследие академика Лаппо-Данилевского, а в 1899 г. в 36-летнем возрасте Александра Сергеевича избрали в действительные члены Императорской Академии наук, в течение полувека с середины 1920-х и до 1970-х гг. оказалось невостребованным. Именно Преснякову принадлежат слова о жизненной драме А.С. Лаппо-Данилевского как мыслителя и ученого.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919)

А.С. Лаппо-Данилевский родился 15 (27) января 1863 г. в селе Удачное Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии в дворянской семье. Мать — Наталья Федоровна, урожденная Чуйкевич, была из дворян той же губернии. Отец историка — Сергей Александрович несколько трехлетий служил уездным и губернским предводителем дворянства, в 1872—1886 гг. был губернатором в Симферополе. Блестящее домашнее образование было получено будущим историком в дворянской усадьбе. Там же был выработан «ряд типичных духовных и бытовых навыков» (воспитанность, благообразность, знание языков, блестящая игра на фортепиано), которые отмечали современники. В домашней усадьбе оформились и «основные стихии» личности Лаппо-Данилевского: постоянный научный интерес, любовь к природе и музыке. «Впечатление повышенной родовой и органической культурности, углубленной и утонченной в личном складе его духовной жизни и бытовой обстановки, давалось сразу при первых встречах с ним и только нарастало при дальнейшем общении» — так понимал внимательно наблюдавший личность Лаппо-Данилевского Пресняков, настойчиво подчеркивавший связь среды, традиций и мировоззрения историка. Именно Преснякову принадлежат слова об учителе: «Глубоко и неустранимо заложены были в его настроении начала религиозности, не внешней, поверхностной, основанной на привычке к формам традиционной церковности, а глубокой и личной, соединенной с неослабным стремлением озарить повседневность образом высшего, вечного, стать под покровительство абсолютного начала».

Область философского образования открыла Лаппо-Данилевскому «История философии» Льюиса, ставшая исходной точкой в знакомстве с философскими системами и проблемами для многих молодых сверстников. В гимназии и университете Лаппо-Данилевский вдумчиво изучал древнегреческую философию, труды Платона и Аристотеля, французских мыслителей XVIII в., И. Канта. Большое влияние на Лаппо-Данилевского оказал Н.К. Михайловский. Его настольными книгами были «История Греции» Дж. Грота, «Первобытная культура» Э. Тейлора. Он прекрасно знал труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского.

Лаппо-Данилевский, пережив увлечение позитивизмом (трудами Конта и Милля) и выйдя за его теоретические и идеологические рамки (большое влияние в 1890-е гг. оказали на него работы немецких философов-неокантианцев В. Виндельбанда (1848-1915) и Г. Риккерта (1863-1936), написал статью в сборник «Проблемы идеализма» «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» (1902). Лаппо-Данилевский становится признанным авторитетом в среде русских неокантианцев. В литературе можно встретить и иное мнение, о том, что историк придерживался позитивистских принципов теории исторического исследования вплоть до революции 1905 г., высказанное А.Н. Нечухриным и С. П. Рамазановым. Представляется все же, что к этому времени Лаппо-Данилевский перерос наследие позитивизма, вобрав в себя то созидательное, что он давал в понимании источника. Несомненно, что философские взгляды историка претерпевают серьезную эволюцию.

Внешне жизнь Лаппо-Данилевского шла спокойно. В 1882 г. он окончил Симферопольскую гимназию с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета (1882—1886), с которым была связана его дальнейшая судьба. Но среди наставников, а ими были: К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский, Е.Е. Замысловский, В.И. Сергеевич — он не нашел своего единственного Учителя.

А.С. Лаппо-Данилевского отличала «ученость», серьезность, трудолюбие. В совокупности с особенностями характера и присущей ему сдержанностью все это вело к тому, что Лаппо-Данилевский держался отдельно и занимал в Петербургском университете особое место. Тем не менее историки проследили принципиальные историографические влияния на формирование концепции Лаппо-Данилевского, выделили труды историко-юридической школы (А.Д. Градовского, Б.Н. Чичерина).

Трагичной и символичной была кончина Лаппо-Данилевского 7 февраля 1919г. Он умер от заражения, возникшего в результате огромного нарыва на ноге. Современники восприняли его смерть как трагедию, соответствующую историческому моменту. Сам Лаппо-Данилевский в течение последнего года жизни мучительно переживал распад культуры и беды, обрушившиеся на науку, которой и только для которой он и жил.

Философия истории и методология

Важнейшую часть научного наследия ученого составляли методологические поиски. Во второй половине 1890-х гг. Лаппо-Данилевский пытается найти ответы на методологические вопросы в работах ученых неокантианского направления, прежде всего Баденской школы, основатель которой В. Виндельбанд призвал «назад к Канту». Лаппо-Данилевский внимательно изучил работы Генриха Риккерта 1892—1899 гг.: «Предмет познания», «Границы естественно-научного образования понятий», «Науки о природе и науки о культуре». В 1904 г. вышла книга Риккерта «Философия истории». Немецкого философа в первую очередь интересовали взаимоотношения между действительностью и ценностями, составляющими так называемую мировую проблему, их специфика и поиски возможного единства с помощью посредника — смысла. По мнению Риккерта, ценность проявляет себя в мире как объективный смысл, который связан с реальным психическим актом — суждением. Но с ним он, в отличие от оценки, не совпадает. В оценке же смысл обязательно проявляется; кроме того, оценка представляет собой реальный психический акт. Цель гносеологии, а ей придавалось важнейшее значение, ученый видел в ответе на вопрос о возможности появления трансцендентных ценностей в имманентном мире и возможности перехода от имманентного к трансцендентному.

Русское неокантианство, появившись позднее немецкого, представляло особый этап в развитии этого течения в целом. Идеи немецких неокантианцев были творчески переработаны. В рамках неокантианского течения историзм получил дальнейшее развитие в форме логического учения о методах исторического познания и учения об историческом индивидуальном. Продолжая традиции немецкого неокантианства, а также идеи о коллективном индивидуальном (Горье) русские историки-неокантианцы понимали

индивидуальное как определенное неповторимое единство независимо от того, имеется в виду отдельное событие, личность или всемирная история. Изучение этой неповторимой целостности и необходимости исторического процесса и вменялось в обязанность исторической науке. Осуществление этой задачи, с точки зрения самих неокантианцев, не означало изучения законов общественного развития. В русскую историческую науку неокантианцы привнесли отрицание прогресса, рассматривая историю как «науку о духе».

В отличие от немецкого неокантианства, в котором под номотетической наукой, т. е. изучающей законы, в основном понималось естествознание, а под идиографической, чьим предметом считалось индивидуальное, история, — Лаппо-Данилевский понимал под номотетической наукой социологию. Речь шла не о признании или отрицании законов общественного развития, а о том, какая из общественных дисциплин эти законы изучает. Предметом социологии русским неокантианством признавалось общее, повторяющееся, законы общественного развития; предметом истории — индивидуальное.

Лаппо-Данилевский признавал правомерность применения в исторической науке как идиографического, так и номотетического метода познания. Он поставил вопрос об исторических законах (т. е. законах, изучаемых исторической наукой) и их отличии от законов социологии, заложив фундамент для их разработки в будущем.

По своему научному уровню источниковедческое учение Лаппо-Данилевского (изложенное в труде «Методология истории», 1910) явилось теоретической вершиной дореволюционной русской историографии. Все осмысление источников рассматривалось в аспекте движения историка к объективной истине, что придавало его учению целостный характер.

Не принимая стремления Лаппо-Данилевского понять и обосновать, как безусловные, «абсолютные», независящие в содержании и значимости от каких-либо частных и временных социальных и культурно-исторических обстоятельств истины, Пресняков упрекал ученого в идеализме. Сам Пресняков проделал духовно-философскую эволюцию в ином, чем Лаппо-Данилевский направлении: от неокантианства к позитивизму. В своей духовной работе Лаппо-Данилевский стремился к строго обоснованному рациональному мировоззрению. Поэтому Пресняков писал: «В борьбе с этими неизбежными противоречиями мысли и настроения протекала вся жизненная драма А.С. Лаппо-Данилевского, как мыслителя и ученого». Не принимавший идеализма Пресняков не мог согласиться с метафизикой и методологией Лаппо-Данилевского, осуждая, присущий, как ему казалось, «морально-догматический элемент», который считал неустранимым в работе мысли ученого.

При разработке теоретических проблем источниковедения Лаппо-Данилевский опирался на опыт, накопленный отечественными и зарубежными учеными. Исторический источник являлся для него средством достижения наукой объективно-истинных знаний о прошлом. Исторический источник выступал в двух ипостасях: как исторический факт и как свидетельство о факте. Лаппо-Данилевский использовал опыт конкретного исторического познания при решении методологических проблем. Опираясь на общую идею позитивистского источниковедения об историческом источнике как продукте деятельности прошлого, историк создал учение о связи исторического источника с эпохой, в которой он возник. В понятие современность он включал все ее сферы: социально-экономическую, политическую, духовную. Ученый писал об обусловленности одного источника другими или комплексом других источников, исторической эволюцией содержания или формы источника. Впервые в науке он сформулировал гносеологический подход к пониманию исторического источника, заложив основы теоретического источниковедения. Понятию закономерности историк противопоставил категорию ценности как критерий выбора исторических фактов. Но он прекрасно понимал, что ценностный подход не является единственным научным критерием отбора фактов. Лаппо-Данилевский считал необходимым учитывать также «историческое значение» факта, которое определяется его влиянием на историю человечества. Значение исторического факта в глазах историка получал лишь такой факт, который обладал качествами ценности, действительности и длительности его последствий.

Лаппо-Данилевский, не принимая понятия «прогресс», противопоставлял ему другое понятие — «развитие». Он считал, что формы общежития складываются исторически, причем их дальнейшее развитие не может остановить даже реакция, которой при определенных исторических обстоятельствах удавалось вернуть народные массы к подчинению этим формам.

Историческая концепция

Проблемно-хронологическая общность тематики двух крупнейших историков-оппонентов: А.С. Лаппо-Данилевского, представителя петербургской исторической школы, и П.Н. Милюкова, представителя московской научной школы, — по истории финансов, истории русской культуры, проблеме «Россия — Запад», т.е. магистральным линиям развития науки, — рождала разные подходы, питая тем самым дискуссии, а с ними и развитие самой науки.

Свою научную задачу Лаппо-Данилевский видел в изучении специфических черт истории русского народа как особого национального типа. В «Организации прямого обложения в Московском государстве» (СПб., 1890) историк сформулировал ее следующим образом: «Изучение национальной истории... должно иметь ценные результаты в том случае, когда обращено будет на периоды наиболее резкого развития специфических особенностей изучаемого типа». Если в XIV—XV вв. были видны только зародыши будущего Московского государства, то в XVI в. обрисовываются важнейшие черты государственного строя, «но лишь в XVII в. они достигают определенного, более или менее устойчивого взаимоотношения, которое дает возможность довольно ярко представить себе известный государственный тип». В XVIII в. национальные черты этого типа, по мнению Лаппо-Данилевского, «сильно бледнеют под влиянием западноевропейской цивилизации». Таким образом, историк придавал особое значение XVII в. Он имел для Лаппо-Данилевского глубокий теоретический интерес.

На первом этапе важным предметом его научного изучения с теоретической точки зрения стало государственное хозяйство XVII в. Лаппо-Данилевский полагал, что развитие великорусской национальности проявилось, прежде всего в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, «а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил». Эти характеристики он считал основными, доказывающими, что в XVII в. происходило «одностороннее развитие русской национальности». Изучение XVII в. сводится, писал Лаппо-Данилевский, к ознакомлению с его правительственной историей, среди важнейших вопросов, которой он выделял историю финансов и войска. Эти две темы исследователь определил как «главные центры, вокруг которых вращались все второстепенные интересы государственной жизни». «Все общественные силы привлекались к удовлетворению этих главных потребностей государства»; все население делилось на две группы: на людей тяглых и людей служилых.

Проблемы экономической истории

Финансовая политика московских царей в XVII в., прежде всего Алексея Михайловича, по мнению историка, «держалась не столько политико-экономических, сколько социально-политических воззрений; больше заботилась о казенных выгодах, чем о поощрении частной предприимчивости и развитии народного хозяйства». В XVII в. окончательно сложилась в результате длительного процесса сложная система податных обязанностей, которые тяжелым бременем легли на тяглое население Московского государства. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что этот процесс отнюдь не являлся результатом творческой деятельности теоретической мысли, историческим следствием «векового взаимодействия целого ряда сил, размеры и свойства которых определялись местными условиями и специфическими особенностями данного национального типа». К концу XVII в. выборные органы местного самоуправления были зачислены в ряды областных органов администрации и, таким образом, поставлены в узкие рамки

административного надзора. Монархизм в значительной мере, по убеждению Лаппо-Данилевского, был обязан своим происхождением милитаризму, который вызывал образование репарационной (распределительной) системы. В руках правительства, таким образом, оказывалось действенное средство для усиления централизации. Эта тенденция не давала возможности свободного развития «компанейских фабрик и торгов» как и «единоличным предприятиям этого рода» и в первой половине XVIII в. Все они «зависели в разное время от весьма различных органов управления». Данной проблеме Лаппо-Данилевский посвятил исторический очерк «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (1899). На самом деле хронологические рамки работы шире и содержат наблюдения автора о роли капиталистических компаний в экономическом развитии России на протяжении всего XVIII в.

В предложенной Лаппо-Данилевским периодизации истории «русских компаний капиталистов», или «капиталистических ассоциаций»: 1) до XVIII в., 2) I четверть XVIII в., 3) вторая половина XVIII в. — Петровскому времени принадлежит особое место. Отличие компаний более ранних ассоциаций, Лаппо-Данилевский употребил слово «древних», от появившихся при Петре I, он видел в том, что «древние», «вероятно, сложились сами собой в силу естественных выгод ими порождаемых» и были сложнее. «Зародыши более сложных коллективных предприятий, — считал историк, — можно разыскать в памятниках XVII в. (Архангельск, Нижний Новгород, русские купеческие компании)». В первой четверти XVIII в. в России создаются три вида ассоциаций (полные товарищества — фабричные компании; командитные общества и акционерные компании). Петр ознакомился с организацией лучших компаний в Голландии. Он считал не только своим правом, но и своей обязанностью вмешиваться в частную предприимчивость, «принуждал» строить компании, строго наблюдал за «порядочным содержанием их».

«В самом деле, — писал Лаппо-Данилевский, — развитие капитализма в России, а в частности, и торгово-промышленных компаний на первых порах не вызывало больших забот со стороны правительства, затем оно попало в очень благоприятные условия в течение 1-й половины XVIII в., когда пользовалось покровительством со стороны правительства; и снова лишилось его в позднейшее время». Однако третий период принципиально отличался от первого, поскольку учреждение фабрик тогда считалось «делом вольным», т. е. критерием выделения периодов для Лаппо-Данилевского являлись изменения принципов правительственной политики. Положительную тенденцию XVIII в. историк видел в увеличении доли вольнонаемного труда в капиталистическом предприятии, которая, по его мнению, после 1762 г. составляла 33%. В целом итог был печальный: общество и правительство «охладело к компанейской форме» предприятий, а по отношению к привилегированным компаниям и злоупотреблениям монополий испытывало негодование. «Хозяйственные выгоды частных лиц далеко не совпадают с интересами всего общества и фискальными целями», — придя к такому выводу, Лаппо-Данилевский прочертил последующую линию поведения правительства: отказавшись от прежнего покровительства компаниям, оно «породило новые условия для более нормального развития не только одних компанейских предприятий, но и русского народного хозяйства вообще».

Политическая история

XVII век начинается Смутой, «великой разрухой». Итогом этого тяжелого кризиса, по мнению историка, было всенародное избрание Михаила Романова в результате кровавой борьбы Москвы и Польши. Лаппо-Данилевский писал: «Это избрание было результатом окрепшего народного самосознания, государственной идеи. В таком избрании сказалась невозможность осуществить эту идею вне государственных форм, выработанных старою Русью, обнаружился взгляд на русского царя как на центр, к которому тяготеют все общественные силы и без которого эти силы рассеются и погибнут в борьбе с грозными соседями. Естественно, поэтому, что с избранием нового царя водворился прежний государственный порядок». Во время «великой разрухи» Россия «обнаружила религиозное и

национальное единство; но ей недоставало возможно более прочной формы политического существования, под условием которой она могла бы отстоять свою политическую независимость и воспользоваться ею для того, чтобы раскрыть свои культурные силы и занять свое место в среде европейских держав». «В тяжелой борьбе, — писал Лаппо-Данилевский в небольшой работе 1914 г. «Петр Великий, основатель императорской Академии наук в С. Петербурге», — за православную веру, за свою национальность и за Московское государство русские люди сознали его значение: хотя они, может быть и почувствовали, что государство и форма правления — не одно и то же, но пришли к заключению, что «без государя Московскому государству стоять не можно ...»

Итак, в XVI—XVII вв. Москва была главным носителем политических идей в государстве. «Но наряду с Москвой нельзя не поставить и Малороссию: она много содействовала тому, а не иному направлению развития наших политических идей». Лаппо-Данилевский считал, что «русское правительство и общество редко действовали вместе». Однако правота не всегда была на стороне общества: «Само русское правительство иногда боролось с косностью русского общества».

Лаппо-Данилевский обратил внимание на многосоставность процесса эволюции политических идей в России, на разногласия между их носителями.

Идея государства, по Лаппо-Данилевскому, осуществлялась в правительстве. Основным уроком Смуты стало осознание московским правительством того факта, «что разрешению восточного и балтийского вопросов в XVI в. помешала Польша, что на очереди стоит вопрос польский, а не балтийский или восточный, и нашло законный путь к его разрешению в войнах из-за Малороссии». Главная задача московской политики XVII в. отчасти была решена за три года до воцарения Петра I, когда был окончательно присоединен Киев, закреплены статьи Андрусовского договора.

В XVIII в., по мнению Лаппо-Данилевского, «завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время. От того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящем и будущем, а между тем это время и остается почти неизвестным».

Под влиянием «государственного интереса» «наша жизнь стала выливаться в форму полицейского государства». Давление «государственного интереса» вызвало соответствующую доктрину (полицейского государства) и отразилось в политике. Правительства принуждены были уже считаться с теми требованиями, которые общество предъявляло им во имя отвлеченной справедливости и собственных интересов, «не умеряя их, впрочем, уважением к культурной традиции прежних времен». Лаппо-Данилевский разрабатывал проблему развития личности, ее взаимоотношений с государством и сословно-общественными группами. В «Очерке о внутренней политике Екатерины II» (1898) историк оценил положительное значение реформ Петра Великого, которое увидел в том, что хотя она и не создала лица как самостоятельной единицы общественного строения, но во всяком случае расчистила ту почву, на которой свободно могла бы с течением времени развиваться человеческая личность. «Русский человек XVIII в. уже находил в новом образовании и более оживленной, а также усовершенствованной хозяйственной деятельности духовную и материальную опору для проявления своей личной инициативы и самостоятельности». Петр обладал верным чутьем, имел утилитарный интерес, свойством его характера было любопытство. Он ценил научные основы техники, а не только практические ее приложения, но в целом подчинил науку технике. Основное достоинство Петра Лаппо-Данилевский видел в его умении ценить культурно-политическое значение наук и искусств. Он насаждал в России просвещение, науки и искусство.

Культурные начала, выработанные в Европе в эпоху Реформации, стали проникать в Россию в эпоху петровских преобразований. Петр придерживался программы, соответствующей, как отметил Лаппо-Данилевский, пожеланиям Лейбница. Лейбниц же мечтал стать для России «своего рода Соломоном», давал советы царю. Последователь Лейбница — известный «профессор человечества» Х. Вольф также пользовался большим

уважением Петра Великого и еще резче подчеркивал мысли учителя (Лейбница). Однако Петр Великий, и это было важно подчеркнуть Лаппо-Данилевскому, «не считал нужным рабски подражать зарубежным образцам». Смерть не разрушила его дело — такова оценка, данная историком преобразователю.

«Россия — Запад»

Лаппо-Данилевский подошел к исследованию проблемы западноевропейских влияний на русское общество на качественно ином уровне. Со времен С.М. Соловьева и вплоть до П.Н. Милюкова заимствования из Европы рассматривались историками-государственниками как стимул, толчок к развитию в системе отношений «учитель — ученик». Лаппо-Данилевский не считал заимствования показателем культурной зрелости, а объяснял данное явление отсутствием образовательных средств, необходимых, чтобы «переработать» систему иноземной культуры, подчинить всю ее или ее светские элементы православной точке зрения, «отбросив сор». Историк соотнес явление заимствования с понятием эпигенеза (зародышевого развития), которое постепенно сменяется эволюцией.

Лаппо-Данилевский разработал методику изучения анатомии зарубежных влияний, их сущность, пределы влияний и источники заимствований, предложил структурный анализ «порога восприятия» и сформулировал систему вопросов, ответы на которые, в свою очередь, подводят к ответу на вопрос: «Почему в Россию проникали те, а не иные течения? Так, неспособность «греческой образованности» с течением времени противостоять влиянию латино-польской культуры историк объяснял следующим образом: «При возрастающем недоверии к грекам, малороссиянам приходилось обращаться к западной образованности, влияние ее чувствовалось даже в богословских трактатах, писанных православными». Естественно, что просветительское движение в пользу латино-польской образованности вызывало протест у строгих ревнителей православия. Таким образом, Лаппо-Данилевский рассматривал зарубежные влияния в связи с процессами внутреннего развития.

Он взялся за написание, истории заимствований, выявление их роли в истории политических идей в России, определение влиятельных факторов и соотношений между ними, например состоянием культуры и правосознанием, интенсивностью и экстенсивностью заимствований.

«Вероисповедная точка зрения», поскольку религия являлась системообразующим принципом средневековой культуры, господствуя над культурой и политикой, выполняла роль своеобразного вектора в истории русской культуры, определяла восприятие или отторжение ею западноевропейских влияний. Лаппо-Данилевский сосредоточил внимание на двух течениях зарубежного влияния на русское общество: католическом и протестантском. Он показал характер восприятия в России разных типов европейской культуры, настороженность православного сознания по отношению к католицизму вследствие сходной роли схоластики в обеих религиях.

Среди наблюдений А.С. Лаппо-Данилевского об основных линиях влияния западноевропейской культуры на Россию и механизмах восприятия (чаще избирательного), а также сопротивления обращает на себя внимание рассуждение историка о том, что в Россию проникали «конкретные продукты» западноевропейской мысли. Нередко это были второстепенные и далеко не лучшие образцы, часто малоизвестные, т. е. европейское влияние в Россию несли в своем большинстве такие носители ее культуры, которые имели посредственный, очень средний образовательный и интеллектуальный уровень. Западноевропейская культура стала оказывать заметное влияние на Московское государство, когда упал верховный авторитет западной церкви и когда там уже произошли перемены в религиозном настроении общества. Так, католические заимствования Лаппо-Данилевский обнаружил в русской истории XVII в. Отношение русских людей к новой западноевропейской культуре определялось с вероисповедальной православной точки зрения. Сила сопротивления русского сознания и национального чувства определялась тем, что православие гораздо дольше, чем католицизм и протестантизм, сохраняло полную силу

в качестве общепризнанного мерил ценности человеческого знания. Лаппо-Данилевский считал: «Строго православная точка зрения принципиально исключала возможность восприятия в России вероисповедных элементов католической или протестантской культур и, следовательно, могла бы способствовать выделению из них элементов собственно светской культуры и их переработке. Но для того, чтобы подчинить православной точке зрения светские элементы чужеземной культуры, выделенные из культур католической и протестантской... надо было отличаться такою самостоятельностью мысли и располагать такими образовательными средствами, каких православно-русские книжники не имели».

Лаппо-Данилевский иначе, чем С.М. Соловьев и П.Н. Милюков, ставил вопрос о подражании или заимствованиях. При известных условиях он рассматривал их как ущербность восприятия. Он увидел ее в заимствовании отдельных элементов (католических или протестантских) западной культуры, выхваченных случайно, без осознания того, что только в том целом, которому принадлежали эти элементы они и могут получить «присущее им значение». Лаппо-Данилевский затруднился назвать среди русских людей XVIII в. тех, кто усвоил определенную систему: «Даже выдающиеся представители нашей образованности XVIII в., например Татищев и Щербатов, были большей частью эклектиками и компиляторами». Однако в более широком контексте вопрос о защитных свойствах русского сознания, его потенциальной самостоятельности, которые, может быть, собственно и не оставляли такой возможности, Лаппо-Данилевским не поднимался.

Историографические характеристики

«В самом деле, произведения нашей литературы XVII—XVIII вв., касавшиеся правоправления и политики, были в большинстве случаев продуктами заимствований, иногда довольно сложных, а не результатами оригинального и непрерывного творчества собственно русской мысли или попытками последовательной и дальнейшей ее разработки. Такие произведения слишком мало влияли друг на друга, они большей частью не оказывались звеньями одного и того же эволюционного ряда».

Изучение влияния образованности данного типа на наше развитие, в том числе и историографическое, позволило Лаппо-Данилевскому исследовать заимствования в науке в широком контексте. Он пришел к выводу, что «важно не число заимствований, а абсолютная ценность заимствуемого»; «чем выше ценность заимствуемой идеи, тем менее возможна отрывочность заимствований». Выделение таких мест в источниках и литературе, «которые имели значение главным образом в той мере, в какой они могли привлечь внимание русского читателя», послужили ему основанием для анализа заимствований и выделения тех из них, которые вызывали на более самостоятельную работу мысли. Саму способность историка поставить вопрос Лаппо-Данилевский относил к категории владения инструментом из арсеналов методологии и методики, причем понимание и объяснение способности постановки ряда вопросов в науке, которая появляется со временем, он считал важной историографической задачей. Таким образом, исследовательский подход Лаппо-Данилевского подводит нас к мысли о необходимости изучения реальных условий русской исторической мысли.

Источники

Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. XVII-XVIII вв. М., 1990.

Литература

Артизов А.Н. Болезнь и кончина А.Е. Преснякова // Вопросы истории. 1996. №5-6.

Киреева Р.А. Неопубликованные труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской историографии //История и историки. 1978. М., 1981.

Корзун В.П. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского//Историки об истории. Омск, 1989.

- Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П.* Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский// Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996.
- Ракитин С.А* Оценка А.Е. Пресняковым политических программ декабристов// Из истории общественно-политической мысли России XIX века. Межвузовский сб. научных трудов. М., 1985.
- Сидельников Р.А* Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С. Лаппо-Данилевского// Российские университеты конца XIX — начала XX в. Сб. научных статей. Воронеж, 1993.
- Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной исторической науке конца XIX — начала XX в. Томск, 1978.
- Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской историографии периода империализма: историографические очерки. Л., 1986.
- Черепнин Л.В.* А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. Вопросы истории. 1949. №8.
- Чернобаев А.А.* А.С. Лаппо-Данилевский. Историки России XVIII—XX веков. Вып.4. М., 1997.
- Шмидт С.О.* А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996.
- Черепнин Л.В.* Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // Исторические записки. М., 1950. Т.33.
- Чирков С. В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков. Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996.

4.5. Историческая концепция М.Н. Покровского. Н.А. Рожков

М.Н. Покровский

Первым историком-марксистом традиционно называют Михаила Николаевича Покровского (1868—1932). Генетически он вышел из учебно-научной практики социально-экономических исследований в школах П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского в Московском университете. С середины 1890-х гг. Покровский эволюционировал в сторону экономического материализма. Характерны его очерки в «Книге для чтения по истории Средних веков» (1896—1898) под редакцией П.Г. Виноградова. В этой своей ранней работе Покровский развивает мысли о выдающейся роли обмена в Древней Руси и Московском царстве.

Как специалисту по русской истории ему принадлежит ряд общих работ и частных исследований, в том числе историко-теоретические работы и критический анализ немарксистских исторических и философских воззрений. Из числа методологических работ выделяются «Идеализм и законы истории. Риккерт Генрих. Границы естественнонаучного образования понятий» (1903), «Идеализм и мещанство» (1906), «Экономический материализм» (1906), «Строго научный метод» (1908). Все названные работы написаны задолго до революции. В статье «Идеализм и законы истории» проявился утилитаризм истории в отношении к исторической действительности, явленный через установление связи между исторически полезным и истинным.

Историческую концепцию Маркса Покровский изложил в брошюре «Экономический материализм». Под экономическим материализмом он понимал «объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека». Классовая борьба воспринималась им как «движущее начало истории», но в целом Покровский скорее поддержал теорию историческими примерами. «Экономическая обусловленность всех исторических фактов нисколько не мешает тому, что непосредственно та или другая переменная может быть результатом сознательного действия людей, т.е., вульгарно выражаясь, результатом влияния идей», только сами-то идеи суть «не что иное, как отражение экономики в человеческом мозгу». По вопросу о роли личности в истории

Покровский исходил из того, что индивидуальные особенности исторических деятелей были «безошибочно продиктованы экономикой их времени».

Центральная работа Покровского по истории — четырехтомная «Русская история с древнейших времен» (1909). По ней, а также по «Истории России в XIX веке» (1907—1911) можно судить о первом варианте исторической концепции Покровского. Проблемы, им рассматриваемые: история падения крепостного права, декабристы, внешнеполитическая история и др. Развитие аграрного и промышленного капитализма приходится, по его мнению, на XVIII—XIX вв. Движение декабристов выросло из монополии дворян на хлебном рынке. Боевой, разоблачительный по отношению к царизму характер носит в этих дореволюционных трудах изложение внешнеполитической истории.

Задачу «Русской истории» он видел в рассмотрении развития первобытно-общинного и феодального строя, а также капитализма с точки зрения экономического материализма. Если говорить о связи его воззрений с концепциями других историков, то следует отметить его близость концепции вотчинной теории в трудах П.Г. Виноградова. В оценке Киевской Руси Покровский повторяет взгляды Ключевского. Киевская Русь оценивается им как совокупность «городовых волостей». В социально-экономическом смысле социально-политический строй определяется как коалиция феодальной аристократии и купеческого капитала. В вопросе о феодализме первый русский историк-марксист последовал за концепцией Н.П. Павлова-Сильванского. Товарно-денежные отношения виделись ему несовместимыми с феодализмом. Преобразования Петра в соответствии с историографической традицией воспринимались как закономерный результат развития России во второй половине XVII в.

Феодальный период, по мнению Покровского, охватывал X—XIX вв. (до 1861 г.). Отчетливо проступала и теория «торгового капитала». Торговый капитал являлся значимой социально-экономической величиной. При всем преувеличении его роли в ранних работах Покровского торговый капитал выступал как сила, подчиненная феодально-крепостническому порядку. Он получает часть совокупной феодальной ренты и принимает участие в политической жизни через союз с феодальной аристократией.

Дореволюционный этап развития исторических взглядов Покровского обнаруживает объективный характер его интереса к экономическому материализму. Этот подход был присущ нашей исторической школе в целом. Вопрос стоял о преимущественной тенденции в рассмотрении экономического фактора либо с позиции нравственно-этической, либо с позиции сугубо материалистической.

Николай Александрович Рожков (1868—1927)

Еще в 1889 г. Рожков не был марксистом. Он не усматривал в марксизме законченной системы и полагал, что исторические работы не оправдывают марксизм. И все же он возлагал надежды на развитие этой теории в будущем. Причем надежда связывалась с потенциалом, заложенным в коллективной психологии. Постепенно эти сомнения ушли, и Рожков становится историком-марксистом.

В 1898 г. Рожков писал в статье «Успехи современной социологии в их отношении с историей» для журнала «Образование»: «Для разрешения вопроса о современных направлениях в истории и их вероятной будущности важны не столько социальные приобретения исторической науки, сколько те социологические принципы, которые принимаются в основу исторических исследований». В 1907 г. Рожков формулирует «Основные законы развития общественных явлений» с подзаголовком «Краткий очерк социологии». Его основная идея в том, что есть общий закономерный порядок прохождения народами одних и тех же стадий развития. Это дает возможность определить «тот период, какой переживает данная страна». И он же допускает возможность нахождения конкретных приемов и средств «к облегчению появления на свет новых форм». Появление же новых форм связано в том числе и с существованием групп с одинаковыми хозяйственными интересами и их общей социальной психологией, вырастающей на этой основе.

Так, Рожков вводил в историю психологический момент, ставя его рядом с экономическим. Создается впечатление, что психологический подход он считал даже более перспективным. Именно психологический подход даст, по его мнению, возможность конкретного изучения истории. После того как будут научно классифицированы человеческие характеры, их типы, будет изучена их историческая эволюция и причинная связь психологии с другими эволюционными моментами. В истории очередная задача — «изучение экономических процессов».

Первый труд Рожкова, содержащий попытку применить марксизм, — «Русская история с социологической точки зрения» (1910). Самый крупный его труд 12-томная «Русская история в сравнительно-историческом освещении». Первый том вышел в 1919 г. Подходы здесь были уже иные, чем в ранних работах: «...история постоянно повторяется не в меньшей степени, чем явления жизни в природе». Существует некая обязательная для всех народов схема развития. Рожков установил девять стадий развития: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодальное, 4) феодальная революция, 5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция, 9) капитализм. Работа Рожкова призвана была подтвердить эту схему параллельным изложением истории России и других стран. Историческая наука делалась материалом для построений социолога. Произвольность схемы и истории Рожкова была отмечена его единомышленниками. Его марксизм называют вульгарным, расценивая его как отход от диалектического материализма. Покровский пустил термин «рожковщина».

Марксизму предстоял долгий путь в отечественной исторической науке. С учетом этого и следует оценивать то, что было сделано практиками—политиками и учеными, осуществившими первый шаг.

Литература

- Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р. У истоков марксистской исторической мысли России. М., 1986. В.И. Ленин и историческая наука. М., 1986. В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. Проблемы истории в трудах В.И. Ленина. М., 1973.
- Пашуто В.Т., Салов В.И., Черепнин Л.В. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики// Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
- Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. СПб., 1918—1919. Т.1—4.
- Соколов О.Д. Об исторических взглядах Н. Покровского//Коммунист. 1963. №8.
- Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм. Конец XIX века. М., 1972.
- Черепнин Л.В. История и современность в работах В.И. Ленина послеоктябрьского периода//История СССР: 1963. №2.
- Черепнин Л.В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России//Коммунист. 1975. №1.
- Черепнин Л.В., Курмачева М.Д. Основные направления изучения феодальной эпохи//История СССР. 1976. №3.
- Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
- Черных А.Г. В.И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969.
- Чистякова Е.В., Мальцева И.Ф. Ленинская концепция истории России периода феодализма. М., 1985.
- Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

Литература

Дорогие друзья!

Для того чтобы более полно освоить необходимый материал по историографии отечественной истории, мы рекомендуем наиболее доступную, прежде всего, учебную литературу по этому предмету.

1. Вернадский Г.В. Русская историография. М., 2000.
2. Историки России. Биографии. М., 2001.
3. Историография истории России до 1917 г.: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 Т./под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003.
4. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
5. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. М., 1993.

Глоссарий

АГНОСТИЦИЗМ (от греч. — недоступный познанию), филос. учение, согласно к-рому не может быть окончательно решён вопрос об истинности познания окружающей человека действительности. Диалектич. материализм, признавая объективность мира, признаёт и его познаваемость, способность человечества достигать объективной истины (см. *Основной вопрос философии*). Термин «А.» введён англ. естествоиспытателем Т. Гексли в 1869, однако выражение позиции А. можно обнаружить уже в антич. философии, в частности у *Протагора, софистов*, в антич. *скептицизме*. Первонач. формы А. возникли в связи с обнаружением несовершенства, изменчивости знания.

Наиболее последовательно в истории философии А. проведён в системе Юма, к-рый полагал, что всё познание имеет дело лишь с опытом и принципиально не может выйти за его пределы, а потому не может судить о том, каково отношение между опытом и реальностью. Положив в основание своей теоретико-познават. концепции резкое разграничение «*вещи в себе*» (к-рая недоступна познанию как таковая) и «*вещи для нас*», т. е. фактически приняв позицию А., Кант использовал это разграничение как отправную точку для анализа внутр. активности познающего мышления. Показав, что чисто логич. путём невозможно установить соответствие между объективным миром и системой знания и что природа познания не может быть раскрыта без спец. анализа познават. возможностей субъекта, Кант — и именно в силу свойственного ему А.— фактически остановился на полпути. Настаивая на существовании принципиальной границы между познанием и действительностью, он не смог объяснить, каким образом познание увеличивает мощь человечества в овладении им природой.

АНТРОПОЛОГИЗМ (от греч. — человек и — слово, понятие, учение), филос. концепция, представители к-рой усматривают в понятии «человек» осн. мировоззренч. категорию и утверждают, что только исходя из неё и можно разработать систему представлений о природе, обществе и мышлении. Сторонники А. отстаивают либо материалистич., либо идеалистич. взгляды. Наиболее значит. представителями материалистич. А. были Гельвеции, Фейербах и Чернышевский. Ввёл и обосновал антропологич. принцип в философии Фейербах. Категория «человек» была выдвинута им как антитеза «идеи» и «духа» — понятий, в к-рых резюмировался господствовавший в тот период объективный идеализм. Начиная со 2-й пол. 19 в. развиваются идеалистич. варианты А. (Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель). Наиболее полное обоснование совр. идеалистич. филос. антропологии было дано М. Шелером. Её приверженцы (А. Гелен и др.), а также близкие им по духу философы-экзистенциалисты выдвигают категорию «человек» в качестве антитезы понятий «общество» и «природа».

БОКЛЬ (Buckle) Генри Томас (24.11.1821, Ли, графство Кент,— 29.5.1862, Дамаск), англ. историк, представитель *географической школы* в социологии. Под влиянием позитивизма *Конта* взялся за создание многотомной естеств.-науч. истории человечества, из к-рой успел завершить лишь первые два тома — «Историю цивилизации в Англии» (1857—61, рус. пер. 1863—64). С позиций механистич. детерминизма и эволюционизма, господствовавших в естествознании его эпохи, Б. выступил против традиционных идеалистич. объяснений истории предопределением, сверхъестеств. вмешательством или случайным стечением обстоятельств. Согласно Б., развитие общества — столь же закономерный процесс, как и развитие, природы, но лишь более сложный и многообразный.

БЭКОН (Bacon) Фрэнсис (22.1.1561, Лондон,— 9.4.1626, Хайгет), англ. философ, родоначальник англ. материализма и методологии опытной науки. В 1618—21 лорд-канцлер Англии.

Философия Б., идейно подготовленная натурфилософией Возрождения и традицией англ. номинализма, соединила в себе натуралистич. мирозерцание с началами аналитич. метода, эмпиризм — с элементами теологич. воззрений.

ВИКО (Vico) Джамбаттиста (23.6.1668, Неаполь,— 23.1.1744, там же), итал. философ. С 1699 доф. риторики ун-та в Неаполе. С 1734 придворный историограф.

В полемике с Декартом В., противопоставляя общий разум индивидуальному, выдвинул идею объективного характера историч. процесса. Исходя из того, что познать мы можем только то, что мы делаем, В. считал историч. науку сознанием человечества о собств. деяниях. Он выдвинул теорию историч. круговорота — развития всех наций по циклам, состоящим из трёх эпох: божественной (безгосударственность, подчинение жрецам), героической (аристократич. гос-во) и человеческой (демократич. республика или представительная монархия).

ВОЛЬТЕР (Voltaire) [псевд.; наст. имя и фамилия — Франсуа Мари А р у э (Arouet)] (21.11.1694, Париж,— 30.5.1778, там же), франц. философ, писатель и публицист. Один из представителей Просвещения 18 в. В филос., художеств., публицистич. произв. подверг всесторонней и талантливой критике феод. отношения, деспотич. форму правления, феод.-клерикальное мировоззрение.

ВОЛЬФ (Wolff) Христиан (24.1.1679, Бреслау, — 9.4.1754, Галле), нем. философ-рационалист. Идеолог раннего Просвещения. Проф. в ун-тах Галле и Марбурга (где в число его учеников был Ломоносов). Сформировался под влиянием идей Декарта, Э. Вейгеля, Э. В. Чирнхауза и особенно Лейбница, от к-рого унаследовал интерес к построению всеобъемлющей системы филос. знания (Weltweisheit), приверженность рационалистич. и априористич. методологии, а также ряд осн. идей метафизики, логики, теории познания и психологии.

ГЕГЕЛЬ (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (27. 8. 1770, Штутгарт,— 14. И. 1831, Берлин), нем. философ, представитель нем. классич. философии, создатель систематич. теории диалектики на основе объективного идеализма.

ГОББС (Hobbes) Томас (5. 4. 1588, Малмсбери,— 4.12.1679, Хардуик), англ. философ-материалист. Род. в семье приходского священника. Окончив Оксфордский ун-т (1608), поступил губернёром в аристократич. семью У. Кавендиша (впоследствии герцог Девонширский), с к-рой был связан до конца жизни. Мировоззрение Г. сложилось под влиянием англ. бурж. революции 17 в.

Продолжая линию Бэкона, Г. рассматривал знание как силу и конечной задачей философии признавал её практич. пользу, содействие «увеличению количества жизненных благ». Однако, в отличие от Бэкона, на первый план Г. выдвигал науч. понимание общества как средства познания причин гражд. войн и их преодоления. Г. создал первую в истории философии законченную систему механистич. материализма. В философии.

ГРОЦИЙ (Grotius), Гуго де Гроот (Hugo de Groot) (10.4.1583, Делфт,—28.8.1645, Росток), голл. юрист, социолог и гос. деятель. Один из основателей учения о *естественном праве*.

ГУМАНИЗМ (от лат. *humanus* — человеческий, человечный), в широком смысле — исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми; в узком смысле — культурное движение эпохи Возрождения.

ДАНИЛЕВСКИЙ Николай Яковлевич [28.11(10.12). 1822, с. Оберце Орловской губ.,— 7(19).11.1885, Тбилиси], рус. публицист, социолог и естествоиспытатель, идеолог панславизма. В кон. 40-х гг. участвовал в кружке *петрашевцев*, по делу к-рых был в 1850 выслан из Петербурга.

Социологич. взгляды Д., примыкающие к теориям историч. круговорота, сформировались под воздействием виталистских идей и позитивистского культа естеств. наук; наиболее полно они изложены в кн.: «Россия и Европа» (1869). В основе социологич. доктрины Д. лежала идея обособленных, локальных «культурно-историч. типов» (цивилизаций), взаимоотношения к-рых описываются Д. при помощи биологизаторских построений: подобно живому организму, культурно-историч. типы находятся в непрерывной борьбе друг с другом и с внеш. средой; так же как и биологич. виды, они проходят естественно предопределённые стадии возмужания, дряхления и неизбежной гибели. Д. выделяет 4 разряда их историч. самопроявления: религиозный, культурный, политический и социально-экономический. Культурно-историч. тип, по Д., эволюционирует от этнографич. состояния к государственному и от него — к цивилизации. Ход истории выражается в смене вытесняющих друг друга культурно-историч. типов. Д. выделяет 10 таких типов, целиком или частично исчерпавших возможности своего развития. Качественно новым, перспективным с т. зр. истории типом Д. считает «славянский тип», наиболее полно выраженный в рус. народе. Славянофильскую идею противостояния «мессианской» культуры России культурам Запада Д. вульгаризирует, облекая её в проповедь борьбы росс. государственности с др. народами. Тем самым Д. санкционирует политич. устремления царизма, оправдывает его великодержавный шовинизм и политику нац. вражды. Учение Д. о враждебном противостоянии культурно-историч. типов всему окружающему миру было воспринято либеральной критикой (Вл. С. Соловьёв, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев) как отход от гуманистич. традиций рус. культуры. В последние годы жизни Д. в полемике с дарвинизмом привносит в свою мировоззренч. схему телеологически-эволюционистскую идею.

Идеи Д. оказали сильное воздействие на культурологию Леонтьева и в большой мере предвосхитили аналогичные построения Шпенглера.

ДЕИЗМ (от лат. *deus* — бог), религ.-филос. воззрение, получившее распространение в эпоху просвещения, согласно к-рому бог, сотворив мир, не принимает в нём к.-л. участия и не вмешивается в закономерное течение его событий.

ДЕТЕРМИНИЗМ (от лат. *determino* — определяю), филос. учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром Д. служит положение о существовании *причинности*, т. е. такой связи явлений, в к-рой одно явление (причина) при вполне определ. условиях с необходимостью порождает, производит другое явление (следствие).

ДИАЛЕКТИКА [греч. — искусство вести беседу, спор, от — веду беседу, спор], учение о наиболее общих закономерных связях и становлении, развитии бытия и познания и основанный на этом учении метод творчески познающего мышления. Д. есть филос. теория, метод и методология науч. познания и творчества вообще. Теоретич. принципы Д. составляют существ. содержание мировоззрения. Т. о., Д. выполняет теоретич.,

мировоззренч. и методо-логич. функции. Осн. принципы Д., составляющие её стержень,— всеобщая связь, становление и развитие, к-рые осмысливаются с помощью всей исторически сложившейся системы категорий и законов.

ДИДРО (Diderot) Дени (5.10.1713, Лангр, — 31.7. 1784, Париж), франц. философ-материалист, представитель Просвещения 18 в., писатель, теоретик иск-ва, организатор и редактор франц. «Энциклопедии» 18 в. Д. Был убеждённым врагом феод. Строя, абсолютизма, церкви, феод.-клерикального мировоззрения.

ДОБРО И ЗЛО, нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщённой форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, благо, а с другой — нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности.

ДОГМАТИЗМ, антиисторич. недиалектич. схематически-окостеневший тип мышления, при к-ром анализ и оценка теоретич. и практич. проблем и положений производится без учёта конкретной реальности.

ДУАЛИЗМ (от лат. dualis — двойственный), филос. учение, исходящее из признания равноправными, не сводимыми друг к другу двух начал — духа и материи, идеального и материального.

ЗАКОН, необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. З. выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также между свойствами внутри вещи.

ЗАПАДНИКИ, направление рус. антифеод. обществ. мысли 40-х гг. 19 в., противостоявшее т. н. славянофилам. В моск. кружок З. входили А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарёв, В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков, К. Д. Кавелин и др. Тесную связь с кружком имел В. Г. Белинский. К З. относились также И. С. Тургенев, П. В. Анненков, И. И. Панаев и др.

ИДЕАЛ (франц. idéal, от греч.— идея, первообраз), идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека или обществ. класса.

ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД (от греч. — особенный, своеобразный и — пишу), гл. обр. в неокантианстве баденской школы метод историч. наук о культуре, сущность к-рого состоит в описании индивидуальных особенностей историч. фактов, формируемых наукой на основе «отнесения к ценности» (Wertbeziehung). Под последним понимается способ выделения среди индивидуальных событий и явлений действительности «существенных». Представления о «ценности» помогают отличать культурные феномены от природных. Введено Виндельбандом, подробно развито Риккертом.

ИНДИВИДУАЛИЗМ (франц. individualisme), тип мировоззрения, сутью к-рого является в конечном счёте абсолютизация позиции отд. индивида в его противопоставленности обществу, причём не какому-то определ. социальному строю, а обществу вообще.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ (от пат. irrationalis — неразумный, бессознательный), обозначение идеалистич. течений в философии, к-рые, в противоположность рационализму, ограничивают или отрицают возможности разума в процессе познания и делают основой миропонимания нечто недоступное разуму или иноприродное ему, утверждая алогичный и иррациональный характер самого бытия.

ИСТИНА, адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, составная часть марксистско-ленинской философии и одновременно общая социологическая теория, наука об общих и специфич. законах функционирования и развития обществ.-экономич. формаций.

КАНТ (Kant) Иммануил (22.4.1724, Кенигсберг, ныне Калининград,—12.2.1804, там же), нем. философ и учёный, родоначальник нем. классич. философии. Прожил всю жизнь в Кенигсберге, где окончил ун-т (1745) и был в 1755—70 доцентом, а в 1770—96 проф. ун-та. В филос. развитии К. различают два периода — «до-критический» (до 1770) и «критический». В т. н. докритич. период К. признаёт возможность умозрительного познания вещей, как они существуют сами по себе («метафизики», согласно принятой тогда терминологии); в т. н. критич. период — отрицает возможность такого познания на основании предварительного исследования форм познания.

КОМТ (Comte) Огюст (19.1.1798, Монпелье,—5.9.1857, Париж), франц. философ, один из основоположников позитивизма и бурж. социологии. В 1817—22 был секретарём Сен-Симона, затем — экзаменатором и репетитором Политехнической школы в Париже. Главные соч. К., излагающие основы философии позитивизма, относятся к первому периоду творчества К. (до сер. 40-х гг.). Наибольшую известность К. принёс «Курс позитивной философии».

«ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ», идейно-политич. течение, представители которого (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и др.) выступили в легальной печати (отсюда назв.) в 90-х гг. 19 в. против народничества, используя отдалённые марксистские идеи.

ЛЕЙБНИЦ (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1.7.1646, Лейпциг,— 14.11.1716, Ганновер), нем. философ-идеалист, математик, физик и изобретатель, юрист, историк, языковед. Л. стремился синтезировать всё рациональное в предшествующей философии с новейшим науч. знанием на основе предложенной им методологии, важнейшими требованиями которой были универсальность и строгость филос. рассуждений.

ЛЕОНТЬЕВ Константин Николаевич [13(25). 1.1831, Кудиново, ныне Малоярославецкого р-на Калужской обл.,—12(24).11.1891, Троице-Сергиев посад, ныне Загорск Моск. обл.], рус. писатель, публицист и лит. критик. Известность приобрёл статьями о практич. политике и на культурно-историч. темы (сб. статей «Восток, Россия и славянство», т. 1—2, 1885—86), а также лит.-критич. этюдами (о романах Л. Толстого, об И. С. Тургеневе и др.). Культурно-историч. взгляды Л., сложившиеся под влиянием Данилевского, характеризуются выделением трёх стадий циклич. развития — первичной «простоты», «цветущей сложности» и вторичного «упрощения» и «смешения», что служит у Л. дополнением, обоснованием идеала «красочной и многообразной» российской действительности, противопоставленной зап. «всесмешению» и «всеблаженству».

ЛИЧНОСТЬ, общежитейский и науч. термин, обозначающий: 1) человек. индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо, в широком смысле слова) или 2) устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности.

ЛОГИКА греч. — построенный на рассуждении, от — слово, понятие, рассуждение, разум) формальная, наука об общезначимых формах и средствах мысли, необходимых для рационального познания в любой области знания.

МАКСИМ ГРЕК (наст. имя и фам. — Михаил Триволис) (ок. 1475, Арта, Греция, — 1556, Троице-Сергиев монастырь, ныне Загорск Моск. обл.), писатель, переводчик, просветитель. Начальное классич. образование получил на родине в Греции, в 1492—1505 учился в итал. ун-тах, переводил греч. авторов для Пико делла Мирандолы, продолжил изучение классич. греч. лит-ры в монастыре на Афоне. В Россию был призван в 1518 Василием III для перевода греч. книг. Из-за расхождений с офиц. церковью после осуждения на соборах 1525 и 1531 26 лет провёл в заточении. В духе раннего Ренессанса М. Г. стремился соединить классич. наследие и светскую образованность с принципами христ. учения.

МАЛИНОВСКИЙ Василий Фёдорович [1765, Москва, — 23.3 (4.4).1814, Петербург], рус. дипломат и обществ. деятель, просветитель-демократ, предшественник утопич. социализма в России.

МЕТОД (от греч. — путь исследования или познания, теория, учение), способ построения и обоснования системы знания; совокупность приёмов и операций практич. и теоретич. освоения действительности.

МЕТОДОЛОГИЯ (от метод и греч. — слово, понятие, учение), система принципов и способов организации и построения теоретич. и прак-рич. деятельности, а также учение об этой системе.

МОНИЗМ (от греч. — один, единственный), способ рассмотрения многообразия явлений мира в свете одного начала, единой основы (субстанции) всего существующего и построения теории в форме логически последоват. развития исходного положения. Противоположность М.— *дуализм*, признающий два независимых начала, и *плюрализм*, исходящий из множественности начал.

МОНТЕСКЬЕ (Montesquieu) Шарль Луи (18.1.1689, Лабред, близ Бордо,—10.2.1755, Париж), франц. философ, писатель и историк, представитель философии *Просвещения* 18 в. Филос. позиция М., изложенная в его осн. соч. «О духе законов», была выражением деистич. онтологии, рассматривающей бога в качестве I создателя, действовавшего, однако, по объективным законам материального мира.

НАРОДНИЧЕСТВО, идеология и движение разночинной интеллигенции, господствовавшие на бурж.-демократич. этапе освободит. движения в России и объективно отражавшие антифеод. интересы крестьянства.

НАТУРФИЛОСОФИЯ (от лат. natura - природа) философия природы, умозрит. истолкование природы рассматриваемой в её целостности.

«**ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР**»; филос. и юридич. доктрина, объясняющая возникновение гос. власти соглашением между людьми, вынужденными перейти от необеспеченного защитой естеств. состояния к состоянию гражданскому.

ОНТОЛОГИЯ (от греч. — сущее и — слово, понятие, учение), учение о бытии как таковом; раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего.

ПАРТИЙНОСТЬ, 1) принадлежность человека к политич. партии. 2) Идеиная направленность мировоззрения, философии, обществ. наук, лит-ры и иск-ва, выражающая интересы определ. классов, социальных групп и проявляющаяся как в социальных тенденциях науч. и художеств. творчества, так и в личных позициях учёного, философа, писателя, художника. В широком смысле П.— принцип поведения людей, деятельности орг-ций и учреждений, орудие политич. и идеологич. борьбы.

ПОЗИТИВИЗМ (франц. positivisme, от лат. positivus — положительный), филос. направление, основанное на принципе, что всё подлинное, «положит.» (позитивное) знание может быть получено лишь как результат отдельных спец. наук и их синтетич. объединения и что философия как особая наука, претендующая на самостоят. исследование реальности, не имеет права на существование.

ПОЧВЕННИЧЕСТВО, рус. лит.-обществ. направление 60-х гг. 19 в. Генетически восходило к направлению «молодой редакции» журн. «Москвитянин» (1850—56), осн. принципы сформулированы в журн. «Время» (1861—63) и «Эпоха» (1864—65). В филос. построениях представителей П. (А. А. Григорьев, братья М. М. и Ф. М.; Достоевские, Н. Н. Страхов) главной была идея о «нац. почве» как основе социального и духовного развития России. В филос. плане П.— консервативная форма филос. романтизма. Григорьев называл себя «последним романтиком», влияние франц. романтизма (В. Гюго) испытал Ф. М. Достоевский.

ПРОВИДЕНЦИАЛИЗМ (от лат. providentia — провидение), религ. понимание истории как проявления воли бога, осуществления заранее предусмотренного божеств. плана «спасения» человека.

ПРОГРЕСС (от пат. progressus — движение вперёд, успех), тип, направление развития, характеризующееся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному.

РАЦИОНАЛИЗМ (франц. rationalisme, от лат. rationalis — разумный, ratio — разум), филос. направление, признающее разум основой познания и поведения людей.

СЕНСУАЛИЗМ (франц. sensualisme, от лат. sensus — восприятие, чувство, ощущение), направление в теории познания, согласно к-рому чувственность является гл. формой достоверного познания. В противоположность рационализму С. стремится вывести всё содержание познания из деятельности органов чувств. С. близок эмпиризму, признающему чувств. опыт единств. источником достоверного знания.

СЛАВЯНОФИЛЫ, представители одного из направлений рус. обществ. и филос. мысли 40—50-х гг. 19 в., выступившие с обоснованием самобытного пути историч. развития России, принципиально отличного от пути западноевропейского.

СПЕНСЕР (Spencer) Герберт (27.4.1820, Дерби, — 8.12. 1903, Брайтон), англ. философ и социолог, один из родоначальников *позитивизма*.

СУБЪЕКТИВИЗМ, мировоззренч. позиция, игнорирующая объективный подход к действительности, отрицающая объективные законы природы и общества. С.— один из осн. гносеологич. источников идеализма. Сущность С. состоит в абсолютизации активной роли субъекта в различных областях деятельности, и прежде всего в процессе познания.

СУБЪЕКТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ (этико-социологи-ческая школа), теоретич. воззрения на обществ.-историч. процесс ряда представителей *народничества*. С. с. сформировалась в кон. 60-х — нач. 70-х гг. 19 в. и изложена в трудах П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ, гносеология, эпистемология, раздел философии, в к-ром изучаются проблемы природы познания и его возможностей, отношения знания к реальности, исследуются всеобщие предпосылки познания, выявляются условия его достоверности и истинности. Т. п. как филос. дисциплина анализирует всеобщие основания, дающие возможность рассматривать познават. результат как знание, выражающее реальное, истинное положение вещей. Два осн. направления в Т. п.— материализм и идеализм.).

ФАТАЛИЗМ (от лат. *fatalis* — роковой, *fatum* — рок, судьба), мировоззрение, рассматривающее каждое событие и каждый человек. поступок как неотвратимую реализацию изначального предопределения, исключая свободу и случайность.

ФЕЙЕРБАХ (Feuerbach) Людвиг Андреас (28.7.1804, Ландсхут, Бавария,— 13.9.1872, Рехенберг, близ Нюрнберга), нем. философ-материалист и атеист.

ЧААДАЕВ Пётр Яковлевич [27.5(7.6). 1794, Москва,— 14(26).4.1856, там же], рус. мыслитель и публицист. Друг А. С. Пушкина. В 1819 был принят в «Союз благоденствия», в 1821 в Сев. об-во декабристов, но деятельным членом тайных об-в не был и относился к ним сдержанно-скептически. Во время путешествия за границей в 1823—26 познакомился с Шеллингом и Ламенне, ре-лиг.-филос. идеи к-рых оказали на него глубокое воздействие. В 1829—31 создал своё гл. произв.— «Письма о философии истории» (на франц. яз.), за к-рым утвердилось назв. «Философических писем». Обнародование первого из них в журн. «Телескоп» (1836) вызвало резкое недовольство властей ввиду выраженного в нём горького негодования по поводу отлучённости России от «всемирного воспитания человек. рода», нац. самодовольства и духовного застоя, препятствующих осознанию и исполнению предначертанной свыше историч. миссии. «Высочайшим повелением» Ч. был объявлен сумасшедшим. Написанная Ч. в ответ на обвинения в недостатке патриотизма «Апология сумасшедшего» (1837), где Ч., говоря о России, утверждал, что «...мы призваны решить большую часть проблем социального порядка... ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество» (Соч. и письма, т. 2, М., 1914, с. 227), при жизни Ч. напечатана не была. Лишённый к.-л. возможности объясниться в печати, Ч. тем не менее оставался влият. мыслителем, оказавшим значит. воздействие (особенно постановкой проблемы историч. судеб России) на представителей различных направлений — как на западников, так и на славянофилов.

ШЕЛЛИНГ (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (27.1.1775, Леонберг, —20.8.1854, Рагац, Швейцария) нем. философ, представитель нем. классич. идеализма.

ЭКЛЕКТИКА, эклектизм, эклектицизм (от греч. — способный выбирать, выбирающий), соединение разнородных взглядов, идей, принципов или теорий.

ЭМПИРИЗМ (от греч. — опыт), направление в теории познания, признающее чувств. опыт источником знания и считающее, что содержание знания может быть представлено либо как описание этого опыта, либо сведено к нему.

ЮМ (Hume) Дэйвид (26. 4. 1711, Эдинбург, Шотландия, — 25. 8. 1776, там же), англ. философ, историк, экономист и публицист. Сформулировал осн. принципы новоевроп. агностицизма; предшественник позитивизма.